

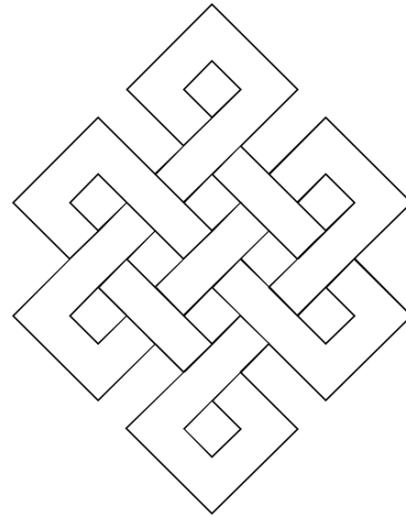

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2020

№ 4

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

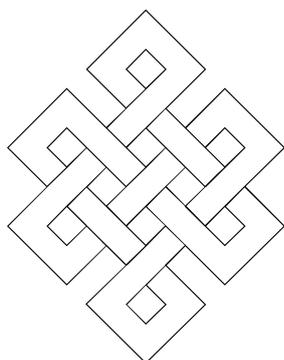

№4
2020

nit.tuva.asia

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2020

№ 4

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова
 МОН РК, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии Академии наук
 Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения
 природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Москва, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., Правительство Республики Тыва, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Широбоква Н. Н. Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection. Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное
 учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Institute of Oriental Studies (Almaty), Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National
 Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology,
 Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuvini Institute for Exploration of Natural
 Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of
 Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian
 Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvini Institute for Exploration of Natural Resour-
 ces, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, The Government of the Republic of Tuva, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social
 and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva,
 Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Natalya N. Shirobokova Institute of Philology,
 SB RAS, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
 Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions
 in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in
 ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index,
 Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Purzycki B., Bendixen T. (Denmark) Examining Values, Virtues, and Tradition in the Republic of Tuva with Free-List and Demographic Data6

Hooper P. L. (USA) Quantitative description of the pastoral economy of western Tuvan nomads19

Ивлев Ю. В., Кадыг-оол Х. К. (Россия) Логика в истории образования Тувы28

Товуу С. С., Кара-Сал Н. М., Санчаа Т. О. (Россия) Математическое образование в условиях развития системы образования в Республике Тыва45

Ооржак В. О. (Россия) Тувинские традиционные методы точных расчетов при изготовлении каркаса юрт64

Танзы М. В., Саая С. К., Шершнева В. А., Вайнштейн Ю. В., Ондар Ч. М. (Россия) Юрта как геометрическая модель в обучении математике в Туве80

Майничева А. Ю., Мыглан В. С., Филатова М. О. (Россия) Перспективы применения дендрохронологического метода для этноэкологических исследований историко-культурного наследия Тувы ...92

Маурер А. М., Бацевич В. А., Пермякова Е. Ю., Ясина О. В. (Россия) Сравнительные исследования возрастной и временной динамики кефалометрических признаков и антропологическая фотография у современных тувинских школьников при экологических изменениях в популяциях104

Бадмацыренов Т. Б., Хандаров Ф. В., Бадараев Д. Д. (Россия) Российский буддизм и социальные медиа: тувинские буддийские онлайн-сообщества ВКонтакте120

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. (Россия) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере135

ФИЛОЛОГИЯ

Сувандии Н. Д., Уламсурэн Ц. (Россия) Собственные имена у этнических тувинцев Монголии156

Кара-оол Л. С. (Россия) Лексика традиционных послесвадебных обрядов в тувинском языке169

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Пригарин А. А. (Украина), Стороженко А. А., Татаринцева М. П. (Россия) Актуальное профессиональное письмо: между историографией и биографией (предварительные замечания к рукописи «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев»)180

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Ламажаа Ч. К. (Россия) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля201

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. (Россия) Тува в диалоге культур: компаративистский контекст217

Валикова О. А., Шагимгереева Б. Е., Кулиева Ш. А. (Россия) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова230

Борисов Ю. П. (Россия) Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе: сравнительный аспект250

Рахимжанов К. Х., Акишева М. К., Темиргазина З. К. (Казахстан) Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры261

Содномпилова М. М. (Россия) Одежда замужней женщины тюрко-монгольских народов Внутренней Азии: образы, функции, значение (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)272

Бакаева Э. П., Баянова А. Т., Куканова В. В. (Россия) Традиции собирательства в фольклоре калмыков и тувинцев289

C O N T E N T S

ASPECTS OF CULTURE

Purzycki B., Bendixen T. (Denmark) Examining Values, Virtues, and Tradition in the Republic of Tuva with Free-List and Demographic Data6

Hooper P. L. (USA) Quantitative description of the pastoral economy of western Tuvan nomads19

Ivlev Yu. V., Kadyg-ool Kh. K. (Russia) Logic in the educational history of Tuva28

Tovuu S. S., Kara-Sal N. M., Sanchaa T. O. (Russia) Mathematical education in the development of the educational system in the Republic of Tuva45

Oorzhak V. O. (Russia) Tuvan traditional methods of precise computation in the making of yurt frame64

Tanzy M. V., Saaya S. K., Shershneva V. A., Vainshtein Yu. V., Ondar Ch. M. (Russia) The yurt as a geometric model in teaching mathematics80

Mainicheva A. Yu., Myglan V. S., Filatova M. O. (Russia) Prospects for applying the dendrochronological method to ethno-ecological studies of Tuvan historical and cultural heritage92

Maurer A. M., Batsevich V. A., Permiakova E. Yu., Yasina O. V. (Russia) A comparative study of age and temporal dynamics of cephalometric characteristics and anthropological photography in modern Tuvan schoolchildren under environmental changes in populations104

Badmatsyrenov T. B., Khandarov F. V., Badaraev D. D. (Russia) Russian Buddhism and social media: Tuvan Buddhist online-communities on Vkontakte120

RELIGION AND MODERNITY

Lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V. (Russia) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith135

PHILOLOGY

Suvandii N. D., Ulamsuren Ts. (Russia) Personal names of ethnic Tuvans in Mongolia156

Kara-ool L. S. (Russia) Traditional post-wedding ceremonial vocabulary in Tuvan language169

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Prigarin A. A. (Ukraine), Storozhenko A. A., Tatarintseva M. P. (Russia) Contemporary confessional writing between historiography and biography (preliminary notes on the manuscript “*Sacred faith. The book of life and sufferings of the Old Believers of Sym*”)180

DIALOGUE OF CULTURES

Lamazhaa Ch. K. (Russia) Unity and uniqueness of contemporary ethnic cultures of Central Asia: three research problem fields201

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. (Russia) Tuva in the cultural dialogue: a comparative context217

Valikova O. A., Shagimgereeva B. E., Kulieva Sh. A. (Russia) Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov230

Borisov Yu. P. (Russia) Parallels of epic formulas in the Yakut olonkho and Tuvan epic: a comparative aspect250

Rakhimzhanov K. Kh., Akosheva M. K., Temirgazina Z. K. (Kazakhstan) Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture261

Sodnompilova M. M. (Russia) Married women’s clothing in the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia: images, functions, meaning (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)272

Bakaeva E. P., Bayanova A. T., Kukanova V. V. (Russia) The tradition of foraging in Kalmyk and Tuvan folklore289

Тема выпуска
«Методы точных наук
и культура тувинцев»

Ответственные редакторы:
Хулербен Кок-оолович Кадыг-оол,
кандидат философских наук
(Тувинский государственный университет;
Национальный музей
им. Алдан-Маадыр Республики Тыва,
Российская Федерация),
Менги Васильевна Танзы,
кандидат педагогических наук, доцент
(Тувинский государственный университет,
Российская Федерация)

Special Issue:
“Mathematical methods and
the culture of Tuvans”

Guest-edited by
Khulerben Kok-oolovich Kadyg-ool,
Candidate of Philosophy,
Tuvan State University,
Aldan-Maadyr National Museum
of the Republic of Tuva,
Russian Federation,
Mengi Vasilyevna Tanzy,
Candidate of Pedagogy,
Tuvan State University,
Russian Federation

Examining Values, Virtues, and Tradition in the Republic of Tuva with Free-List and Demographic Data

Benjamin G. Purzycki, Theiss Bendixen

Aarhus University, Denmark

This article illustrates how using qualitative and quantitative social scientific methods together can help us examine sociocultural phenomena in precise, informative, and potentially useful ways. Using freely listed ethnographic data about what qualities Tuvans associate with “good” and “bad” Tuvan people, we examine general cultural patterns of Tuvan virtues. The data was collected in Tuva in 2009–2010 by interviewing nearly 100 Tuvans in Kyzyl and Western Tuva.

We also explore within-group contrasts by applying standard modeling techniques to this ethnographic data, finding demographic associations with listing specific items and those items’ salience.

We conclude with a discussion of the promise and limitations of these methods.

Keywords: *ethnography; Tuva; Tyva; Republic of Tuva; Tuvans; qualitative methods; quantitative methods; morality; virtues*

For citation:

Purzycki B. G. and Bendixen T. Examining Values, Virtues, and Tradition in the Republic of Tuva with Free-List and Demographic Data. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 6-18. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.1>

PURZYCKI, Benjamin Grant, Ph.D., Associate Professor, Department of the Study of Religion, Aarhus University. Postal address: Jens Chr. Skous Vej 3, Building 1451, Room 525, 8000 Aarhus C, Denmark. Email: bgpurzycki@cas.au.dk

BENDIXEN, Theiss, PhD Candidate, Department of the Study of Religion, Aarhus University. Postal address: Jens Chr. Skous Vej 3, Building 1451, Room 519, 8000 Aarhus C, Denmark. Email: tb@cas.au.dk

Пуржицки Бенджамин Грант — доктор наук (Ph.D.), доцент кафедры религиоведения Орхусского университета (Дания). Адрес: Jens Chr. Skous Vej 3, Building 1451, Room 525, 8000 Aarhus C, Denmark. Эл. адрес: bgpurzycki@cas.au.dk

Бендиксен Теисс — докторант кафедры религиоведения Орхусского университета (Дания). Адрес: Jens Chr. Skous Vej 3, Building 1451, Room 525, 8000 Aarhus C, Denmark. Эл. адрес: tb@cas.au.dk

Изучение ценностей, добродетелей и традиций в Республике Тыва с помощью свободного списка и демографических данных

Бенджамин Г. Пуржицки, Теисс Бендиксен

Орхусский Университет, Дания

Эта статья показывает на примерах, как качественные и количественные методы социологии, используемые в совокупности, помогают точно, информативно и продуктивно исследовать социокультурные явления.

Данные собраны в Тыве в 2009–2010 гг. Были опрошены почти 100 человек — тувинцев — по Кызылу и в Западной Тыве. Респонденты составляли свободный список качеств, которые они ассоциировали с тем, что значит быть «хорошим» и «плохим». Используя эти данные, авторы исследовали общие культурные образцы тувинских добродетелей.

Также в статье рассмотрены внутригрупповые контрасты. Для этого к этнографическим данным применялись стандартные методы моделирования, отмечались демографические ассоциации с перечислением конкретных предметов и их значимости.

В заключение авторы обсуждают перспективы и ограничения этих методов.

Ключевые слова: этнография; Тыва; Тыва; Республика Тыва; тувинцы; качественные методы; количественные методы; нравственность; добродетель

Для цитирования:

Purzycki B. G., Bendixen T. Examining Values, Virtues, and Tradition in the Republic of Tuva with Free-List and Demographic Data // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 6-18. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.1>

Introduction

In addition to offering relatively clear if narrow glimpses of social life, methods that embrace the systematic collection of both qualitative and quantitative data have the potential to inform strategies to address pressing social issues that communities face. Relying on only a few key informants, anecdotes, or limiting studies exclusively to qualitative or quantitative data collection runs the risk of creating false generalizations or over-simplifying our sense of social reality (Bernard, 2017; Handwerker, 2001). To the extent that it can be a catalyst of change, identifying particular patterns in this fashion can also contribute to cultural revitalization. In the context of applied social science, relying on anecdotes or cherry-picked examples may only stifle progress.

In the Republic of Tuva, a region that is currently enjoying a sociocultural renaissance with an increasing ethnic majority (Tarbastaeva, 2019), such techniques might be not only valuable for learning about traditions and how they are changing, but also important for addressing areas that need attention, such as health and welfare.

In this article, we: 1) introduce a package of methods that facilitate the analysis of cultural data; 2) provide an application of this package that Tuvan readers might find intuitive; 3) point to ways researchers can use such methods to use in their own studies; and 4) provide data and code for free, open-source analysis for reproduction and further use. The structure of the article is as follows. First, we introduce the method of free-listing, followed by a brief description of the study context and data. Then, we focus on incorporating this free-list interview data into a predictive statistical framework to examine relationships between the content of individuals' values and features of their demographic status. We conclude with a discussion of limitations and the promise such methods hold for future researchers.

The data we assess here comes from projects carried out by Purzycki and his field assistants over multiple trips between the summer of 2009 and autumn of 2010. This team interviewed nearly 100 individuals around Kyzyl and western Tuva using a variety of survey-based interview instruments. In addition to demographics, the data we analyze here are free-list tasks asking residents to list what it means to be good and bad.

Free-Listing and Cultural Salience

The free-list method (Smith, Borgatti, 1997) is a simple technique that asks individuals to list items related to some domain (i. e., a class of related representations, ideas, and postulates). The method typically takes the following form: “Please list every X you can think of” but researchers can also cap the number of items people list (e. g., “Please list up to 10 things you think of when you think of Y”). As discussed below, it is important that the researcher records listed items in the exact order in which participants listed them. Once the researcher has conducted free-lists among a targeted sample size, he or she can then analyze the data and examine group-level properties of the listed items. If we operationalize “culture” to mean socially transmitted information that is stored in human minds (see Boyd, Richerson, 1985; D’Andrade, 1981; Sperber, 1996), the technique is maximally useful for getting a better understanding of any cultural domain of interest inasmuch as it is socially transmitted knowledge stored in human memory systems.

Researchers have used free-list methods in a wide variety of contexts and projects. Recent examples range from detailing knowledge of wild mushrooms in Yunnan, China (Brown, 2019) and mapping cultural models of food webs on coastal British Columbia (Levine et al., 2015) to assess the knowledge of ritual postures in Mauritius (Kundtová Klocová, 2017) and examining salient types of meat in Nigeria (Friant et al., 2019).

In Tuva specifically, Purzycki has used the free-list method to measure what spirit-masters (чер ээлери; *cher eeleri*) care about¹, what Tuvans think constitutes a “good” and “bad” person (Purzycki, 2011; Purzycki et al., 2018), what *Buddha Burgan* cares about, and what gods and spirits Tuvans think are locally important (Purzycki, Holland, 2019; Purzycki, Kulundary, 2018).

Again, this method requires that participants freely list items they associated with the target domain. As noted above, keeping track of the order in which people list items is crucial; based on its listed order, each item gets its own salience score. To calculate this, simply subtract an item’s order number, k_i , from 1 plus the total number of items a participant listed, n , then divide this by the total number of items the participant lists:

$$s_i = \frac{n + 1 - k_i}{n} \tag{1}$$

To illustrate, let’s say that we ask some Tuvan participants to list the first ten animals that came to mind. After we collect our data, we enter it into a spreadsheet like the one illustrated in Table 1.

If someone, for example, lists *sarlyk* (yak) as the third item in a list of 10, *sarlyk* gets an item salience score of 0.8: $s_i = \frac{10+1-3}{10} = 0.8$

This way, all items listed first get an item salience of 1: $s_i = \frac{n+1-1}{n} = 1$.

The method assumes that items’ listed order corresponds to their accessibility, and thus constitute a form of *cognitive* salience. As we demonstrate below, these salience scores are useful *item-* or *individual-level* data; whether or not an individual lists specific items and how salient those items are both tell us something about how and what an individual thinks about specific topic. But what about populations? That is, how can we use this method to examine what *communities* think?

¹ Notably, Purzycki’s earliest work in Tuva (Purzycki, 2010) relied on a very narrow set of informants’ views, elicited exclusively in open-ended qualitative interviews. One of his interviewees claimed that *cher eeleri* “don’t care about litter, they don’t care about how you behave other than paying attention to them by ‘feeding’ them. Otherwise they get angry” (32) and this contributed to Purzycki’s tentative generalization about Tuvan beliefs. However, a subsequent analysis of free-list data from a broader sample shows that the most salient item listed of what angers *cher eeleri* is pollution and destruction of the natural environment (Purzycki, 2011). This illustrates just how risky relying on a small number of informants can be.

Table 1. Example spreadsheet of two individuals in hypothetical Tuvan sample free-listing animals.

Табл.1. Пример таблицы со свободным списком животных, гипотетически названных двумя тувинцами.

ID	Order	Item	s_i
TVA001	1	хой (xoi; sheep)	1.00
TVA001	2	өшкү (öshkü; goat)	0.67
TVA001	3	сарлык (sarlyk; yak)	0.33
TVA002	1	өшкү (öshkü; goat)	1.00
TVA002	2	хой (xoi; sheep)	0.83
TVA002	3	инек (inek; cow)	0.67
TVA002	4	теве (teve; camel)	0.50
TVA002	5	дуруяа (duruyaa; crane)	0.33
TVA002	6	сарлык (sarlyk; yak)	0.17

ID refers to unique participant number, s_i refers to value from equation 1.

Calculating the cultural salience of a concept, S , requires taking the sum of all specific items' salience scores and dividing that by the total number of participants who completed the task, N :

$$S = \frac{\sum \frac{(n+1-k_i)}{n}}{N} = \frac{\sum s_i}{N} \tag{2}$$

So, if 100 people listed ten animals each and we wanted to examine the cultural salience of *sarlyk*, we would first calculate the item salience, s_i , of *sarlyk* from equation 1. Then, in accordance with equation 2, we add up all of the s_i scores for *sarlyk*, then divide this sum by 100. So, if all of the *sarlyk* s_i scores summed to 73.16, S of *sarlyk* = 0.7316. If the sum of item salience, $\sum \frac{(n+1-k)}{n}$, for *inek* (cow) was 20.52 in a sample of 100, S_{inek} = 0.21.

If the two people in Table 1 were the only two people out of a sample of 100 who listed *xoi* (sheep), then S_{xoi} = 0.0183.

This simple metric encapsulates cognitive salience by capturing a facet of salience within minds, but also cultural salience insofar as it incorporates the salience of items across minds. Indeed, S increases as a function of item ubiquity and placement; the earlier individuals list specific items, the more prevalent they typically are in the sample. As such, S is a group-level trait that retains its individual-level components. We can compare such pools of shared information — cultural models — across groups to examine cultural variation (see, for example, Purzycki et al., 2018), but as we show below, since we retain individual-level components of cultural models, we can also assess within-group variation as well. We use this method to take a closer look at Tuvans' conceptions of what makes a "good" or "bad" Tuvan person.

Study

Methods

The data we analyze here was collected as part of a larger set of studies conducted between 2009 and 2010 (Purzycki, 2012). These studies were primarily about traditional Tuvan beliefs and practices, with particular emphasis on *ovaа* (оваалар; ritual cairns), *cher eeleri*, the spirit-masters of various places, and cooperation. In addition to basic demographic information and various questions about beliefs and practices, the following free-list questions were also included:

Кандыг шынарлар мөзүлүг, эки Тыва кижини тургузуп турар? Мөзүлүг, эки Тыва кижини тургузуп турар 5–10 шынардан адап көрүңер. Тодаргай болурун кызыдыңар.	[What things make a good Tuvan? Please list 5–10 things that you think makes a good Tuvan person. Please be specific.]
Кандыг шынарлар мөзү-шынары багай Тыва кижини тургузуп турарыл? Мөзү-шынары багай Тыва кижини тургузуп турар 5–10 шынарданадаңар. Тодаргай болурун кызыдыңар.	[What things make a bad Tuvan? Please list 5–10 things that you think makes a bad Tuvan person. Please be specific.]

Purzycki compiled this data, translated items into English with the help of assistants, and entered the data into a spreadsheet. Then, he cleaned and recoded the data so that similar items were analyzed together (e. g., “drunk” and “too much alcohol” were turned into “alcohol”). Purzycki and Bendixen subsequently worked together to further clean and code the data. Note, however, that we coded the data at a relatively high resolution, so, for example, “drugs” and “smoking” are coded as different item types.

We analyzed all data in R¹ with the AnthroTools package (Purzycki, Jamieson-Lane, 2017) for the free-list data and we conducted our focal regression with the rethinking package². The R code and all originally translated data and subsequent codings used herein can be obtained here: <https://github.com/bgpurzycki/Tyvan-Values>

Participants

Purzycki and his local research team interviewed nearly 100 participants in Kyzyl and the rural areas of western Tuva. In Kyzyl, they recruited participants in schools and homes during the winter and summer months, and in clinics and on the street during the summer months to maximize the regional variation of participants. In the rural areas, they used chain sampling and interviewed families neighboring Purzycki’s hosts. We recruited only ethnic Tuvans who could understand the Tuvan language well. All interviews were conducted in Tuvan.

Table 2 details the general descriptive demographic statistics of participants. Out of 95 individuals sampled in total, 56 were women (59%). If we define the proportion of one’s life lived in the city as an index of urbanity, we can see that the sample is split roughly between urban and rural individuals (Fig. 1)³. For the analyses below, we centered participant age at the mean (age – M_{age}) and urbanity (urbanity – $M_{urbanity}$) for ease of interpretation⁴.

Table 2. Descriptive statistics of demographic sample.

Табл. 2. Демографические характеристики респондентов.

	<i>M</i>	<i>SD</i>	med	min	max	<i>n</i>
Age	38.68	13.47	37	22	73	92
Number of children	1.95	1.32	2	0	7	88
Years of formal education	13.85	4.67	15	1	22	91
Years lived in a city*	20.48	12.56	22	0	48	88

The value of *n* reflects how many individuals answered the question.

*Chadaan was not counted as “urban” in this calculation.

Results

Tuvan models of virtue

General cultural models of virtue

Participants listed an average of 5.29 items (*SD* = 2.02, min = 1, max = 14, *n* = 86) for the “good” list, and 5.21 items (*SD* = 2.22, min = 1, max = 13, *n* = 84) for the “bad” list. Figure 2 illustrates the most salient components in Tuvan models of virtue across both tasks. The most salient thing listed for what constitutes a

¹ R Core Team, 2020. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria. URL: <https://www.R-project.org/>

² McElreath, R. (2020) Rethinking: Statistical Rethinking Book Package. R package version 2.01.

³ This variation nicely corresponds to the official Russian statistics of residency: in the 2017 census, Tuva had a total population of 318,000 people with 172,000 (54%) urban residents and 146,500 rural residents. The official Russian statistics can be obtained here: <http://www.gks.ru>

⁴ This way, we ensure that the intercept (α)—the coefficient indicating the likelihood of a positive value of the dependent variable when all predictors are held at zero—reflects the chances a woman of average age, average urbanity, and average years of education of the sample lists alcohol in her “bad” list. In other words, if we did not do this, our intercept would indicate the chances a zero-year-old female with no urbanity or education lists “alcohol” in her free-lists.

“good” Tuvan is hard-working ($S = 0.31$) followed by kind ($S = 0.29$) and helpful ($S = 0.28$), while “bad” Tuvans are associated primarily with alcohol use and abuse ($S = 0.53$), untrustworthiness ($S = 0.44$), and laziness ($S = 0.28$). Recall that the values of salience are greater the more people list them and the earlier they appear in lists; the sooner people list them the more likely other people will list them as well. As such, these represent Tuvans’ cultural models of good and bad people.

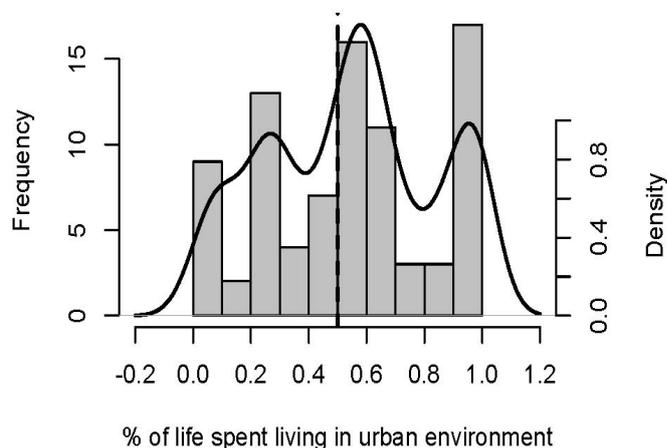

Figure 1. Histogram and density plot of sample’s urbanity.
 Рис. 1. Гистограмма и плотность распределения степени урбанизации респондентов.
 Dotted line is at the 50% mark. Y-axis on left represents the frequency of values in the histogram, y-axis on right indicates the density values of the line. Out of the individuals considered in this graph ($n = 84$), 50 (60%) spent more than half of their lives in an urban environment.

Men’s and women’s cultural models of virtue

Of course, the cultural models illustrated in Figure 2 mask any differences between groups of individuals in the sample. For example, as distinct traditional roles between men and women are explicit in many aphorisms and proverbs (Egorova, Kondakova, Kuzhuget, 2020), Tuvan men and women might have different conceptions of the good and bad. We can examine this question using the same methods but with one simple adjustment, namely, we use participant sex as a grouping variable. Here, then, we calculate two S scores for each concept. We do this by summing the total s_i scores of a concept for men and doing the same for women. Instead of dividing by the entire sample size, N , we divide the males’ s_i summations by the number of men and then perform the same for women. Figure 3 illustrates cultural models between men and women.

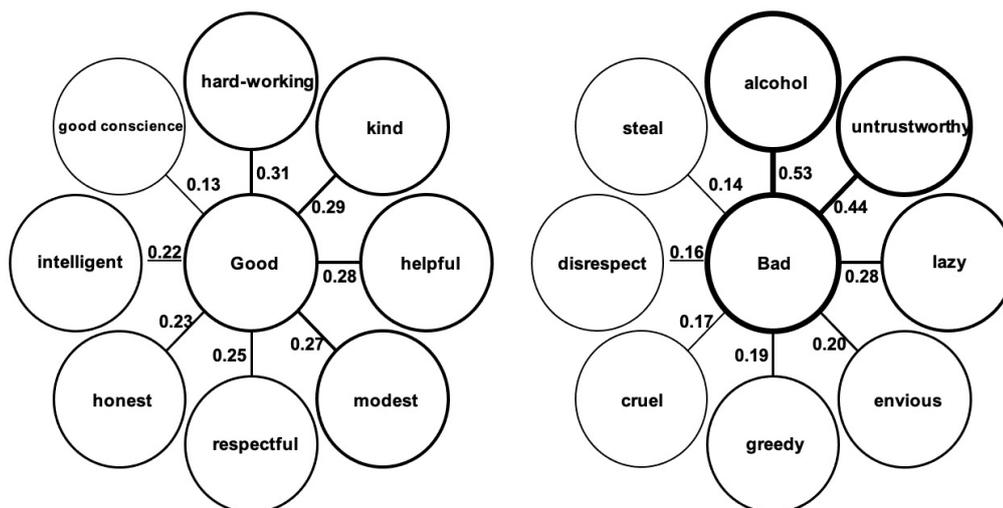

Figure 2. Flower plots of eight most salient concepts in Tuvans’ models of good (left; $N = 86$) and bad (right; $N = 84$) Tuvans.

Рис. 2 Цветочная диаграмма восьми наиболее значимых концептов в моделях «хорошего тувинца» (слева, $N = 86$) и «плохого тувинца» (справа, $N = 84$).

Values indicate Smith’s S . Topmost circles are most salient items, with decreasingly salient items presented in the clockwise fashion.

Some noticeable differences exist between the sexes. One immediate contrast reflects “kindness” being the mark of a good person: while being kind was the most salient thing women listed ($S = 0.39$), it was much lower for men ($S = 0.14$). On the other hand, the most salient item for men was “honesty” ($S = 0.32$) while this virtue has a salience score of only 0.18 for women. Recall from Figure 2 that among the general sample, hard work, kindness, and helpfulness were among the chief values. These common elements *among* the sexes appear different; when we look *between* the sexes, these items place lower on the models; when we look at between-group differences, we can see certain group-specific items increase or decrease in relative salience.

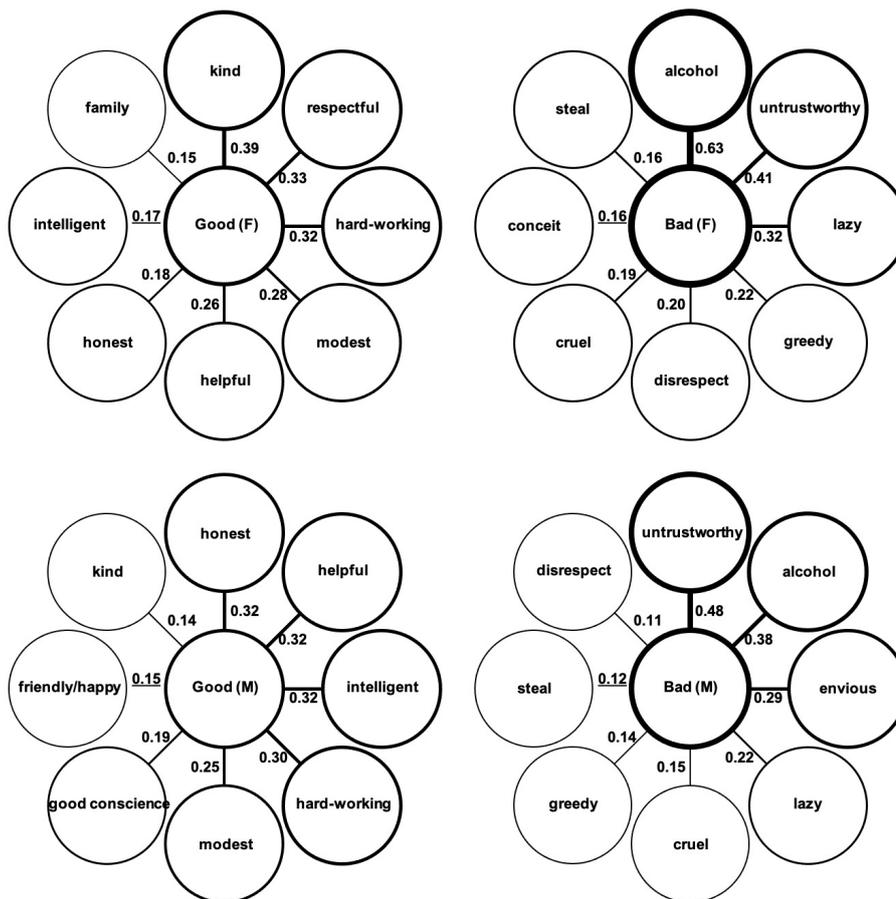

Figure 3. Flower plots of eight most salient concepts in Tuvans' models of good (left) and bad (right) across women (top) and men (bottom).

Рис. 3 Цветочная диаграмма восьми наиболее значимых концептов в моделях «хорошего человека» (левая колонка) и «плохого человека» (правая) среди тувинских женщин (верхний ряд) и мужчин (нижний ряд).

Values indicate Smith's S. Topmost circles are most salient items, with decreasingly salient items in a clockwise fashion.

At a glance, there appears to be more consistency between the sexes in terms of what constitutes a bad Tuvan (see corresponding salience scores in Fig. 2). Alcohol use and abuse was the most salient item for women's conception of bad people ($S = 0.63$), followed by untrustworthiness ($S = 0.41$). Among males, these two items were also the top two listed: untrustworthiness had an S of 0.48 while alcohol use was 0.38. While these differences appear to be subtle, we can take a closer look and examine these between-group differences to determine if they are *systematic* differences.

Predicting associating alcohol with the “bad”

While salience might vary cross-culturally, many of the top free-listed items among Tuvans are consistent with data from a wider sample of populations from around the world (Purzycki et al., 2018). One especially

devastating social problem common to indigenous communities is alcohol use and abuse. Correspondingly, many societies also view alcohol and other drugs as indicative of immoral behavior (Ibid.). As it has struggled with many problems associated with alcohol use, Tuva is no exception. Here, we examine this particular issue a little closer and ask the following questions: *Who is more likely to list alcohol use as indicative of a «bad Tuvan»? Is urbanity associated with moralizing alcohol use? Are people with children more likely to list alcohol as “bad”? Are younger people less likely to? Are women more likely to moralize alcohol consumption?*

To explore these questions, we merged the free-list data with participants’ demographic data to assess the likelihood of listing “alcohol” using regression.

We formally defined our statistical model as follows:

$$\begin{aligned}
 y_i &\sim \text{Binomial}(1, p_i) \\
 \text{logit}(p_i) &= \alpha + \beta * \text{sex}_i + \omega * \text{age}_i + \psi * \text{urbanity}_i + \theta * \text{children}_i \\
 \alpha &\sim \text{Normal}(0, 10) \\
 \beta, \omega, \psi, \theta &\sim \text{Normal}(0, 1)
 \end{aligned}$$

Here, we model the presence of alcohol in individuals’ free-lists, y_i as probability p_i on a binomial distribution (i.e., a logistic regression). We use a logit link function to fit a linear model with parameters for individual sex (β), age (ω), urbanity (ψ), and number of children (θ) as predictors, where individuals’ ages and urban levels are centered at the sample mean. As we have no prior ideas or precedent studies about these relationships, we set our normally distributed parameter priors as weakly informative.

Table 3 reports the results.

Table 3. Regression results and 95% credible intervals.

Табл. 3 Показатели регрессии и 95% доверительные интервалы.

	Estimate	Lower	Upper
β (sex; male = 1)	-1.09	-1.99	-0.19
ω (age*)	0.02	-0.02	0.06
ψ (urbanity*)	0.01	-0.01	0.03
θ (children)	-0.05	-0.46	0.35
α (Intercept)	0.80	-0.15	1.75

*Values centered at sample mean.

Figure 4 presents the odds ratios of these estimates (exponentiated values) and their corresponding 95% credible intervals. It shows that holding all other factors constant, the chances of listing alcohol are positive. The intercept (α ; see footnote 4)–representing the likelihood that an average-aged female who has spent the average amount of time in an urban environment with no children lists “alcohol”–indicates a 69% chance of listing alcohol (the logistic transform of 0.80).

There is virtually no change in the likelihood of listing alcohol as urbanity, age, and number of children increase. In other words, older or urban participants are not any more or less likely to claim alcohol use is the mark of a bad Tuvan. As indicated by the relatively narrow width of their corresponding intervals, this lack of effect is precisely estimated whereas there is more uncertainty around the association with having children.

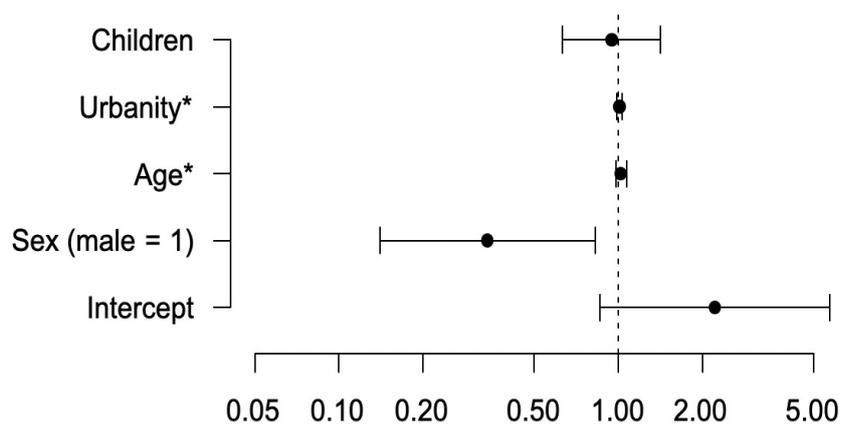

Figure 4. Odds ratio plot (exponentiated estimates from Table 3) of regression estimates and 95% credible intervals predicting listing alcohol in “bad” free-list task.

Рис. 4. График отношения шансов (потенцированные данные из табл. 3) показателей регрессии и 95% доверительных интервалов, прогнозирующих, будет ли указан алкоголь среди «плохих» черт в свободном списке. X-axis is on logarithmic scale. Dotted line is threshold of no effect; estimates to the right of line indicate positive association and those to the left indicate negative association.

*Centered at sample mean.

However, being male dramatically *decreases* the chances of listing alcohol. A male of average age and urbanity with no children has a 43% chance of listing alcohol (the logistic transform of the intercept 0.80 plus the estimate for sex, -1.09). In other words, male Tuvans of average age and urbanity with no children are 26% less likely than women of similar status to list alcohol among the things that constitute bad Tuvans.

Age, tradition, and values

We also explored various items’ salience and their relationship with participant age. As the republic has been undergoing a cultural revitalization of its traditions since the Soviet era, we reasoned that elder Tuvans might be more or less inclined to list – and list sooner or later – various concepts. Any substantive findings along these lines might be indicative of general age-specific values or genuine changes in values through time. As this is purely exploratory for the purposes of illustration, we cannot rule out one interpretation over the other. As such, these results should be treated with this caution in mind.

We first examined indicators of tradition maintenance; while recognizing the relationship is a complicated one, we wondered if such values might be less salient to younger Tuvans because of the rapidly changing cultural milieu in the republic (see, for example, Argue et al., 1999; Hayward, Krause, 2015; Shaver, Sosis, 2014, for investigations of commitment to religious traditions across age). Then again, because of the inculcation of Soviet values of “progress”, older Tuvans might be *less* inclined to list values associated with traditions. Other plausible scenarios and interpretations undoubtedly abound.

To investigate these questions, we recoded some of the data to reflect corresponding values of national tradition. One version of our recoding lumps together “traditions” (e. g., “love for Tuvan people”, “passing traditions on to children”, “love of homeland”) in a single code while leaving all other codes untouched. Another version combines these into a category that also includes indices of family (e. g., “love for family and parents”, “listening to parents”, “being faithful to one’s spouse”). We then examined if there was any relationship between the item salience, s_i , of these codes and age.

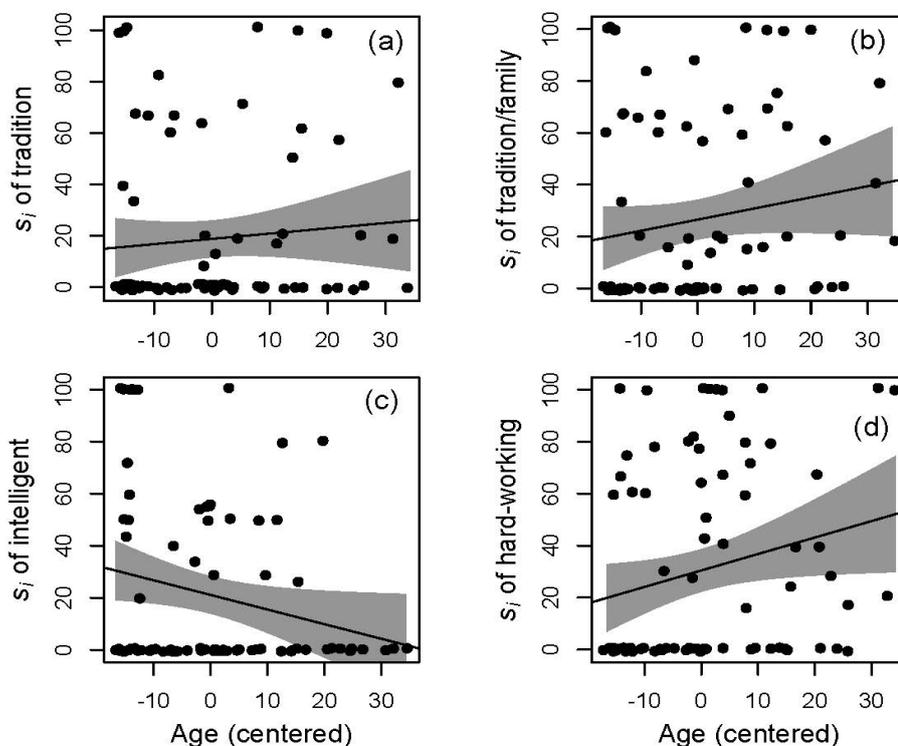

Figure 5. Correlation plots of mean-centered age and item salience (s_i) of: (a) “tradition”, (b) “tradition/family”, (c) “intelligent”, and (d) “hard-working”.

Рис. 5. Поле корреляций среднего возраста и значимости концептов (а) “традиция”, (b) “традиция/семья”, (c) “интеллигентность” и (d) “трудолюбие”

All s_i scores were multiplied by 100 for ease of interpretation. Points were jittered on both axes (see code). Regression lines are from simple linear models, and shading is 95% confidence intervals of the coefficients for centered age.

Figure 5 illustrates the correlations between age and item salience of “tradition” (a) and the combined tradition-family coding (b). The first thing to notice about these plots is that many participants simply did not list items that we coded as “tradition” or “tradition/family”. Given all of these zeroes, simple linear regressions predict that someone at the sample average age is likely to have relatively low item salience scores of 0.19 (95% CI = [0.12, 0.26]) for tradition and 0.27 (95% = [0.19, 0.34]) for tradition/family. Age has a positive—but very slight—relationship with listing “tradition” items ($\beta = 0.21$, 95% CI = [-0.33, 0.74]). It has a more obvious—but also unreliable – positive relationship with tradition/family, however ($\beta = 0.43$, 95% CI = [-0.14, 1.00]); it predicts that someone who is 30 years older than the sample average to have an s_i of 0.39, 0.12 more than an average-aged person. In sum, then, while there are hints of a positive relationship between age and salience of traditional and family values, further inquiry is required to have more confidence in such patterns.

We also explored two other listed items that were salient enough between both sexes (Figure 3) to see if they had any association with age. Figure 5 illustrates the two we chose: “intelligent” (c) and “hard-working” (d). These plots show a general, but very slight negative trend for the item salience of “intelligence” ($\alpha = 21.10$ [13.95, 28.25], $\beta_{age} = -0.56$ [-1.09, -0.03]) while “hardworking” shows a steady, positive relationship ($\alpha = 30.44$ [22.30, 38.59], $\beta_{age} = 0.63$ [0.03, 1.24]). Could it be that younger Tuvans think of intelligence because of general shifts in values? Are younger Tuvans simply more likely to be closer to their studies and their values therefore reflect qualities that facilitate student success? Another curious age-related value is that older Tuvans appear to have considerably higher salience for “hard-working”. There are few elderly outliers and a high concentration of younger individuals who simply did not list this value. Again, are these broad shifts in Tuvan values or the reflections of the value differences between the young and old? While further studies and data collection would rule out competing possibilities, we raise these questions simply to illustrate that these methods together point to value differences among Tuvans and identifying these differences raises more questions.

Discussion

In this report, we assessed individual and group-level values of Tuvans both descriptively – in the form of free-list data analysis – and predictively using regression. The free-list data shows that, among other things, central to the Tuvan conception of the “bad” is alcohol use and being untrustworthy while the mark of a “good” Tuvan is a good work ethic, being helpful, kind, and modest. By selecting one salient problem – alcohol use – we examined how some aspects of Tuvan demography predict listing it; we demonstrated that even though alcohol use and abuse is the most salient notion in Tuvans’ models, women are far more likely than men to list alcohol in their free-list data. However, age, urbanity, and number of children show no relationship.

Tuvans know the problems associated with alcohol use and abuse all too well. According to one source (Semyonova et al., 2014), in 2009, Tuvan males had the highest rates of fatal accidental alcohol poisoning for all Russian regions (74.6 per 100,000). The same source reports that Tuvan women were among the ten highest groups in Russia for alcohol-related mortality (82.5 per 100,000). While alcohol-related problems deeply affect both men and women, women are significantly more likely to associate alcohol use with being a “bad” Tuvan. Why would this be the case? Are men more inclined to downplay the effects of alcohol because they are risk-prone? Various sources suggest that around the world, males typically start drinking at an earlier age, more often, and in greater quantities than females (e.g., see Hughes et al., 2016; May, Gossage, 2001; Rehm et al., 2003). On the other hand, the lack of a clear correlation between age and the likelihood of listing alcohol suggests that – at the time of data collection – there was little in the way of a generational shift in values; younger people showed no indication of associating alcohol as “bad” any more than their elders did.

As with any method and study, there are limitations to the present inquiry. For one, this method will not include every important cultural value. In Purzycki’s experience, Tuvans justifiably pride themselves on their sense of hospitality; if you enter one’s home, you are treated immediately to an abundance of food, comfort, and conversation. Note that while “kindness” and “respectful” were both at the top of the lists and are undoubtedly a part of Tuvan hospitality, the virtue itself was not explicitly listed as particularly salient. This, then, points to a discrepancy between the values that individuals might hold that characterize good and bad people, and the virtues they live by with respect to particular situations.

A similar issue with these methods is that free-lists are clearly not exhaustive. For example, most Tuvans undoubtedly think of violence and murder as “bad”, but participants did not list these items that often. In one sense, this is surprising in light of the fact that between 1991 and 2005, Tuva had the highest homicide rate per capita of all Russian regions (Treyger, 2011). However, as drinking and violence are closely linked in

Tuvan society, they might also be closely linked in Tuvans' minds; listing "alcohol" might indicate all manner of social ills caused by the excesses of drinking.

To address these and other issues, researchers could easily modify our approach—linking qualitative free-lists and demographic data to focus on other questions or more targeted iterations of the ones we asked. For instance, instead of using demographics to predict free-list data, one could use free-list data to ask other things such as questions about behavior. For example, does framing alcohol as an immoral behavior reduce the chances that one drinks (for evidence suggesting that the perception of drinking norms is associated with drinking behavior, see Larimer et al., 2020)? Does listing "honesty" predict acting honestly (e. g., see Purzycki et al., 2018)? How does knowledge of traditional Tuvan practices vary across ages? Systematically asking such questions with precise methods can contribute to understanding how values evolve, but also has the potential to assess how we might go about contributing to their evolution in constructive, targeted ways.

Acknowledgments

We thank Xülerben Kadyg-ool for the invitation and encouragement to write this piece and all those who participated in the study. Purzycki would like to thank Xülerben Kadyg-ool, Brian and Chaizu Donahoe, Nadia Oorzhak, Sean and Sveta Quirk, Anai-Khaak and Zhenya Saryglar, Valentina Süzükei, Aldar Tamdyn, the students and staff at TIGI, and the Tuvan National Orchestra for their help and friendship. Grants awarded to Purzycki in 2009 by Oxford University's Cognition, Religion, and Theology Project and the University of Connecticut's Department of Anthropology financially supported this research. We also thank the Aarhus University Research Foundation for generous support and the editors of *The New Research of Tuva* for their feedback and management.

REFERENCES

- Argue, A., Johnson, D. R. and White, L. K. (1999) Age and religiosity: Evidence from a three-wave panel analysis. *Journal for the Scientific Study of Religion*, no. 38, pp. 423–435. DOI: <https://doi.org/10.2307/1387762>
- Bernard, H. R. (2017) *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. 6th ed. Lanham, Rowman & Littlefield. 732 p.
- Boyd, R. and Richerson, P. J. (1985) *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago, University of Chicago Press. 331 p.
- Brown, M. (2019) Yi ethnomycology: Wild mushroom knowledge and use in Yunnan, China. *Journal of Ethnobiology*, no. 39, pp. 131–157. DOI: <https://doi.org/10.2993/0278-0771-39.1.131>
- D'Andrade, R. G. (1981) The cultural part of cognition. *Cognitive Science*, no. 5, pp. 179–195. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0503_1
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tyvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Friant, S., Ayambem, W. A., Alobi, A. O., Ifebueme, N. M., Otukpa, O. M., Ogar, D. A., Alawa, C. B. I., Goldberg, T. L., Jacka, J. K. and Rothman, J. M. (2019) Life on the rainforest edge: Food security in the agricultural-forest frontier of Cross River State, Nigeria. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, no. 3, p. 113. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsufs.2019.00113>
- Handwerker, P. W. (2001) *Quick Ethnography: A Guide to Rapid Multi-Method Research*. Lanham, Rowman Altamira. 312 p.
- Hayward, R. D. and Krause, N. (2015) Aging, social developmental, and cultural factors in changing patterns of religious involvement over a 32-year period: An age-period-cohort analysis of 80 countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 46, pp. 979–995. DOI: <https://doi.org/10.117759/chp.2015110109>
- Hughes, T. L., Wilsnack, S. C. and Kantor, L. W. (2016) The influence of gender and sexual orientation on alcohol use and alcohol-related problems: Toward a global perspective. *Alcohol Research: Current Reviews*, vol. 38, pp. 121–132.
- Kundtová Klocová, E. (2017) *Body in Ritual Space: Communication through Embodied Practices in Religious Ritual*. Brno, Masaryk University. Doctoral dissertation. 186 p.
- Larimer, M. E., Parker, M., Lostutter, T., Rhew, I., Eakins, D., Lynch, A., Walter, T., Egashira, L., Kipp, B. J. and Duran, B. (2020) Perceived descriptive norms for alcohol use among tribal college students: Relation to self-reported alcohol use, consequences, and risk for alcohol use disorder. *Addictive Behaviors*, no. 102, pp. 106–158. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.106158>

Levine, J., Muthukrishna, M., Chan, K. M. and Satterfield, T. (2015) Theories of the deep: Combining salience and network analyses to produce mental model visualizations of a coastal British Columbia food web. *Ecology and Society*, no. 20, pp. 42–72. DOI: <http://doi.org/10.5751/ES-08094-200442>

May, P. A. and Gossage, J. P. (2001) New data on the epidemiology of adult drinking and substance use among American Indians of the northern states: male and female data on prevalence, patterns, and consequences. *American Indian and Alaska Native Mental Health Research: The Journal of the National Center*, no. 10, pp. 1–26. DOI: <http://doi.org/10.5820/aian.1002.2001.1>

Purzycki, B. G. (2010) Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva. *Sibirica*, no. 9, pp. 21–47. DOI: <http://doi.org/10.3167/sib.2010.090202>

Purzycki, B. G. (2011) Tyvan *cher eezi* and the socioecological constraints of supernatural agents' minds. *Religion, Brain & Behavior*, no. 1, pp. 31–45. DOI: <http://doi.org/10.1080/2153599X.2010.550723>

Purzycki, B. G. (2012) *Finding Minds in the Natural World: Dynamics of the Religious System in the Tyva Republic*. Storrs, University of Connecticut. Doctoral dissertation. 505 p.

Purzycki, B. G. and Holland, E. C. (2019) Buddha as a god: An empirical assessment. *Method & Theory in the Study of Religion*, no. 31, pp. 347–375. DOI: <http://doi.org/10.1163/15700682-12341453>

Purzycki, B. G. and Jamieson-Lane, A. (2017) AnthroTools: An R package for cross-cultural ethnographic data analysis. *Cross-Cultural Research*, no. 51, pp. 51–74. DOI: <http://doi.org/10.1177/1069397116680352>

Purzycki, B. G. and Kulundary, V. (2018) Buddhism, identity, and class: Fairness and favoritism in the Tyva Republic. *Religion, Brain & Behavior*, no. 8, pp. 205–226. DOI: <http://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>

Purzycki, B. G., Pisor, A. C., Apicella, C., Atkinson, Q., Cohen, E., Henrich, J., McElreath, R., McNamara, R. A., Norenzayan, A., Willard, A. K. et al. (2018) The cognitive and cultural foundations of moral behavior. *Evolution and Human Behavior*, no. 39, pp. 490–501. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2018.04.004>

Rehm, J., Rehn, N., Room, R., Monteiro, M., Gmel, G., Jernigan, D. and Frick, U. (2003) The global distribution of average volume of alcohol consumption and patterns of drinking. *European Addiction Research*, no. 9, pp. 147–156. DOI: <http://doi.org/10.1159/000072221>

Semyonova, V. G., Gavrilova, N. S., Sabgayda, T. P., Antonova, O. M., Nikitina, S. Y. and Evdokushkina, G. N. (2014) Approaches to the Assessment of Alcohol-Related Losses in the Russian Population. In: Anson, J., Luy, M. (Eds.) *Mortality in an International Perspective*. New York, Springer International Publishing. 359 p. Pp. 137–168.

Shaver, J. H. and Sosis, R. (2014) How does male ritual behavior vary across the lifespan? *Human Nature*, no. 25, pp. 136–160. DOI: <http://doi.org/10.1007/s12110-014-9191-6>

Smith, J. J. and Borgatti, S. P. (1997) Salience counts-and so does accuracy: Correcting and updating a measure for free-list-item salience. *Journal of Linguistic Anthropology*, no. 7, pp. 208–209. DOI: <http://doi.org/10.1525/jlin.1997.7.2.208>

Sperber, D. (1996) *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Malden, Blackwell. 176 p.

Tarbastaeva, I. S. (2019) Tuva's transformation into a monoethnic region: Risks and possibilities. *Problems of Economic Transition*, no. 61, pp. 54–68. DOI: <http://doi.org/10.1080/10611991.2019.1691879>

Treyger, E. A. (2011) *The Soviet Roots of Post-Soviet Order*. Cambridge, Harvard University. Doctoral dissertation.

Submission date: 20.06.2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Argue, A., Johnson, D. R. and White, L. K. (1999) Age and religiosity: Evidence from a three-wave panel analysis // *Journal for the Scientific Study of Religion*. № 38. P. 423–435. DOI: <https://doi.org/10.2307/1387762>

Bernard, H. R. (2017) *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. 6th ed. Lanham : Rowman & Littlefield. 732 p.

Boyd, R., Richerson, P. J. (1985) *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago : University of Chicago Press. 331 p.

Brown, M. (2019) Yi ethnomycology: Wild mushroom knowledge and use in Yunnan, China // *Journal of Ethnobiology*. № 39. P. 131–157. DOI: <https://doi.org/10.2993/0278-0771-39.1.131>

D'Andrade, R. G. (1981) The cultural part of cognition // *Cognitive Science*. № 5. P. 179–195. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0503_1

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Friant, S., Ayambem, W. A., Alobi, A. O., Ifebueme, N. M., Otukpa, O. M., Ogar, D. A., Alawa, C. B. I., Goldberg, T. L., Jacka, J. K., Rothman, J. M. (2019) Life on the rainforest edge: Food security in the agricultural-forest frontier of Cross River State, Nigeria // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. № 3. P. 113. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsufs.2019.00113>

Handwerker, P. W. (2001) *Quick Ethnography: A Guide to Rapid Multi-Method Research*. Lanham : Rowman Altamira. 312 p.

Hayward, R. D., Krause, N. (2015) Aging, social developmental, and cultural factors in changing patterns of religious involvement over a 32-year period: An age-period-cohort analysis of 80 countries // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. № 46. P. 979–995. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022115110109>

Hughes, T. L., Wilsnack, S. C., Kantor, L. W. (2016) The influence of gender and sexual orientation on alcohol use and alcohol-related problems: Toward a global perspective // *Alcohol Research: Current Reviews*. Vol. 38. P. 121–132.

Kundtová Klocová, E. (2017) *Body in Ritual Space: Communication through Embodied Practices in Religious Ritual*. Brno, Masaryk University. Doctoral dissertation. 186 p.

Larimer, M. E., Parker, M., Lostutter, T., Rhew, I., Eakins, D., Lynch, A., Walter, T., Egashira, L., Kipp, B. J., Duran, B. (2020) Perceived descriptive norms for alcohol use among tribal college students: Relation to self-reported alcohol use, consequences, and risk for alcohol use disorder // *Addictive Behaviors*. № 102. P. 106–158. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.106158>

Levine, J., Muthukrishna, M., Chan, K. M., Satterfield, T. (2015) Theories of the deep: Combining salience and network analyses to produce mental model visualizations of a coastal British Columbia food web // *Ecology and Society*. № 20. P. 42–72. DOI: <http://doi.org/10.5751/ES-08094-200442>

May, P. A., Gossage, J. P. (2001) New data on the epidemiology of adult drinking and substance use among American Indians of the northern states: male and female data on prevalence, patterns, and consequences // *American Indian and Alaska Native Mental Health Research: The Journal of the National Center*. № 10. P. 1–26. DOI: <http://doi.org/10.5820/aian.1002.2001.1>

Purzycki, B. G. (2010) Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva // *Sibirica*. № 9. P. 21–47. DOI: <http://doi.org/10.3167/sib.2010.090202>

Purzycki, B. G. (2011) Tyvan cher eezi and the socioecological constraints of supernatural agents' minds // *Religion, Brain & Behavior*. № 1. P. 31–45. DOI: <http://doi.org/10.1080/2153599X.2010.550723>

Purzycki, B. G. (2012) *Finding Minds in the Natural World: Dynamics of the Religious System in the Tyva Republic*. Storrs, University of Connecticut. Doctoral dissertation. 505 p.

Purzycki, B. G. and Holland, E. C. (2019) Buddha as a god: An empirical assessment // *Method & Theory in the Study of Religion*. № 31. P. 347–375. DOI: <http://doi.org/10.1163/15700682-12341453>

Purzycki, B. G., Jamieson-Lane, A. (2017) AnthroTools: An R package for cross-cultural ethnographic data analysis // *Cross-Cultural Research*. № 51. P. 51–74. DOI: <http://doi.org/10.1177/1069397116680352>

Purzycki, B. G., Kulundary, V. (2018) Buddhism, identity, and class: Fairness and favoritism in the Tyva Republic // *Religion, Brain & Behavior*. № 8. P. 205–226. DOI: <http://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>

Purzycki, B. G., Pisor, A. C., Apicella, C., Atkinson, Q., Cohen, E., Henrich, J., McElreath, R., McNamara, R. A., Norenzayan, A., Willard, A. K. et al. (2018) The cognitive and cultural foundations of moral behavior // *Evolution and Human Behavior*. № 39. P. 490–501. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2018.04.004>

Rehm, J., Rehn, N., Room, R., Monteiro, M., Gmel, G., Jernigan, D., Frick, U. (2003) The global distribution of average volume of alcohol consumption and patterns of drinking // *European Addiction Research*. № 9. P. 147–156. DOI: <http://doi.org/10.1159/000072221>

Semyonova, V. G., Gavrilova, N. S., Sabgayda, T. P., Antonova, O. M., Nikitina, S. Y., Evdokushkina, G. N. (2014) Approaches to the Assessment of Alcohol-Related Losses in the Russian Population // Anson, J., Luy, M. (Eds.), *Mortality in an International Perspective*. New York : Springer International Publishing. 359 p. P. 137–168.

Shaver, J. H. and Sosis, R. (2014) How does male ritual behavior vary across the lifespan? // *Human Nature*. № 25. P. 136–160. DOI: <http://doi.org/10.1007/s12110-014-9191-6>

Smith, J. J., Borgatti, S. P. (1997) Salience counts-and so does accuracy: Correcting and updating a measure for free-list-item salience // *Journal of Linguistic Anthropology*. № 7. P. 208–209. DOI: <http://doi.org/10.1525/jlin.1997.7.2.208>

Sperber, D. (1996) *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Malden : Blackwell. 176 p.

Tarbastaeva, I. S. (2019) Tuva's transformation into a monoethnic region: Risks and possibilities // *Problems of Economic Transition*. № 61. P. 54–68. DOI: <http://doi.org/10.1080/10611991.2019.1691879>

Treyger, E. A. (2011) *The Soviet Roots of Post-Soviet Order*. Cambridge : Harvard University. Doctoral dissertation.

Дата поступления: 20.06.2020

DOI: 10.25178/nit.2020.4.2

Article

Quantitative description of the pastoral economy of western Tuvan nomads

Paul L. Hooper

Chapman University; University of New Mexico, USA

Nomadic pastoralism persists at a substantial scale in Tuva and neighboring regions of Inner Asia. Tuvan pastoral lifeways reflect adaptations to both local environments and current economic realities. Much of our quantitative understanding of the economics of Tuvan nomads is derived from data collected in the first half of the 20th century. Accordingly, this paper provides an updated picture of the inner workings of nomadic households using data collected in Barun-Khemchik and Bai-Taiga provinces in 2013–2015. It analyzes herd composition and size, and compares the frequency of different animals kept today with values recorded in Tuva in 1916 and 1931. It then quantifies rates of provisioning hay and grain, and the production of meat and dairy products for consumption and sale. Finally, it characterizes typical costs of food, petrol, medicine, clothing, and school supplies faced by present-day herders. We advocate the collection of quantitative ethnographic data that can shed further light on the future of the Tuvan pastoralist niche.

Keywords: *Tuva; Tuvans; nomads; animal husbandry; pastoralism; pastoralists; livestock farming; Inner Asia; economy of Tuva*

For citation:

Hooper P. L. Quantitative description of the pastoral economy of western Tuvan nomads. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 19-27. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.2>

HOOPER, Paul Lovell, Doctor of Philosophy, Researcher, Economic Science Institute, Chapman University; Adjunct Assistant Professor, Department of Anthropology, University of New Mexico. Postal address: One University Drive, Orange, California 92866, USA; MSC01-1040, Albuquerque, New Mexico 87131, USA. Tel.: +001 (714) 516-4513; +001 (505) 277-4524. Email: p@systemscience.co

Хупер Пол Лоуэлл — доктор наук, научный сотрудник Института экономических наук Университета Чепмена; адъюнкт-ассистент кафедры антропологии Университета Нью-Мексико (США). Адрес: One University Drive, Orange, California 92866, USA; MSC01-1040, Albuquerque, New Mexico 87131, USA. Тел.: +001 (714) 516-4513; +001 (505) 277-4524. Эл. адрес: p@systemscience.co

Количественная характеристика скотоводческого хозяйства западных тувинцев-кочевников

Пол Л. Хупер

Университет Чепмена; Университет Нью-Мексико, США

Кочевое скотоводство сохраняется в значительных масштабах в Туве и соседних регионах Внутренней Азии. Тувинский пастушеский образ жизни отражает адаптацию как к местным условиям, так и к современным экономическим реалиям. То, как мы понимаем экономику тувинских кочевников, в количественном отношении главным образом основано на данных, собранных в первой половине XX века. Соответственно, в данной работе представлена обновленная информация о жизни кочевых хозяйств на основе данных, собранных в Барун-Хемчикском и Бай-Тайгинском районах Тувы в 2013–2015 гг. В статье автор анализирует состав и размер стад, а также сравнивается частота содержания различных животных сегодня со значениями, зарегистрированными в Туве в 1916 и 1931 гг. Также количественно оцениваются нормы заготовки сена и зерна, а также производство мясных и молочных продуктов для потребления и продажи. Наконец, автор анализирует средние расходы на продовольствие, бензин, медикаменты, одежду и школьные принадлежности, с которыми сталкиваются современные пастухи. Автор выступает за сбор количественных этнографических данных, которые могут пролить новый свет на будущее скотоводческой ниши тувинской экономики.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; кочевники; животноводство; скотоводческое хозяйство; скотоводство; внутренняя Азия; экономика Тувы

Для цитирования:

Hooper P. L. Quantitative description of the pastoral economy of western Tuvan nomads // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 19-27. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.2>

Introduction

The economics of nomadic Tuvan households were particularly well documented in the early 20th century (Ermolaev, 1919ab; *Tuvinskaya sel'skokhozyaistvennaya ...*, 1933; Vainshtein, 1980). While Tuva has changed substantially since that time, ethnographic understanding of Tuvan pastoralists has lagged. We are prompted to ask: What dimensions of Tuvan pastoralism have changed in the last century? How do the size and composition of herds compare with those of the past? What contributions do present-day herds make to diet and to generation of income? Are pastoral incomes sufficient to cover modern-day expenses?

To begin to answer these questions, this paper provides a quantitative description of data collected through interviews at three study sites in western Tuva in 2013 and 2015 (*Table 1*). Interviews were conducted in collaboration with the senior members of each *aal* — a cluster of one or more households that camp together and pool livestock. Interviews recorded the number of animals owned; provision of hay and grain; meat and dairy products produced and sold; and major household expenses. This paper considers each of these dimensions of the herding economy in light of the long-term trajectory of Tuvan pastoralism using historical and contemporary data documented in Ermolaev (Ermolaev, 1919ab), the Tuvan Census of 1931 (*Tuvinskaya sel'skokhozyaistvennaya ...*, 1933); Vainshtein (Vainshtein, 1980); Sambuu and Titlyanova (Sambuu, Titlyanova 2014); Chysyma and Kuzmina (Chysyma, Kuzmina, 2019); and Taibyl et al. (Taibyl et al., 2019).

Table 1. Study sites in western Tuva

Табл.1 Статистические данные о локациях, где проводилось исследование

Site	Khozhuun	Year	N Aals	N Households	N Individuals
Site 1	Barun-Khemchik	2013	10	21	53
Site 2	Barun-Khemchik	2015	15	38	83
Site 3	Bai-Taiga	2015	13	25	62

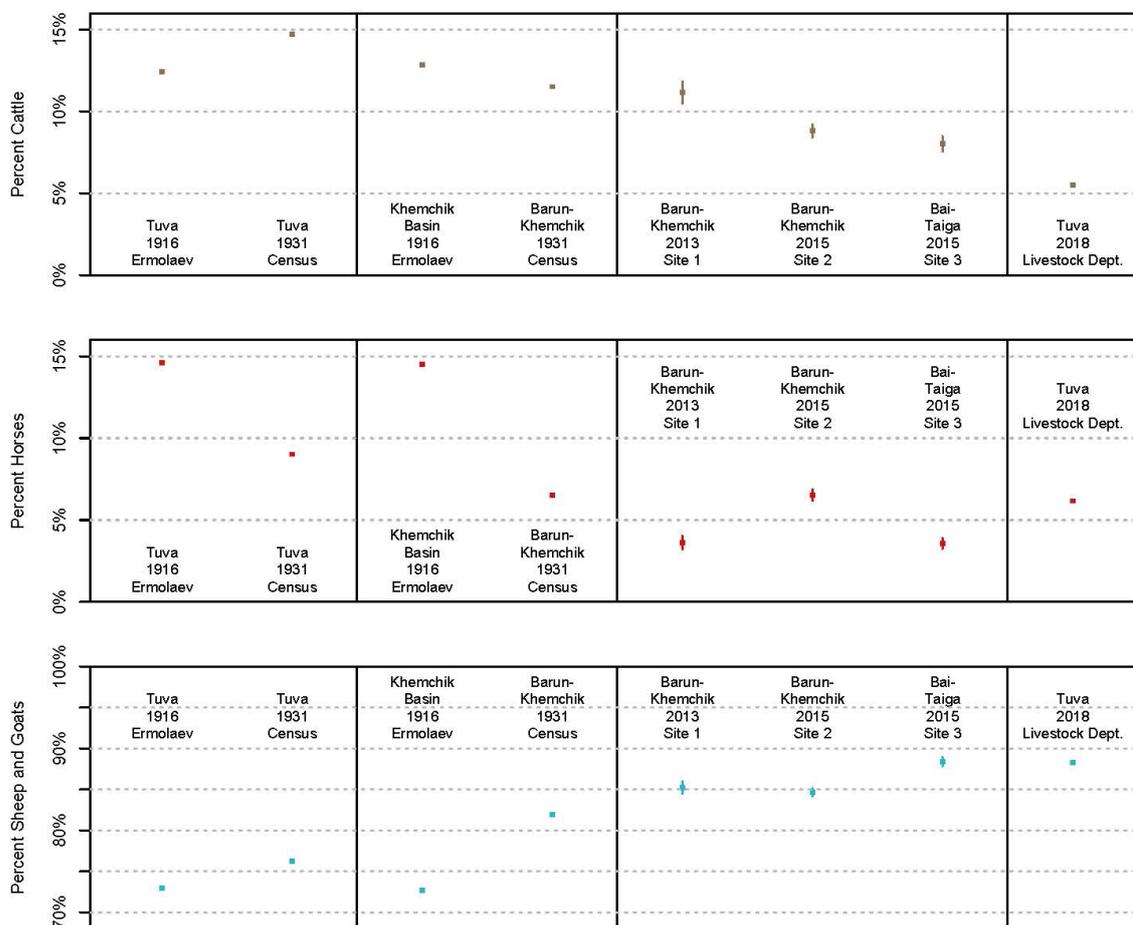

Figure 1. Historical herd compositions in comparison with the present sample.

Рис. 1. Состав стад в исторической перспективе и сравнении с современным состоянием.

The y-axis shows the number of adult animals as a percentage of the total number of cattle, horses, sheep and goats. For Sites 1, 2 and 3, error bars show ± 1 standard error estimated from logistic regression using the `glm()` function in R¹.

¹ R Core Team (2020) R: A Language and Environment for Statistical Computing. v. 4.0.2. Vienna: R Foundation for Statistical Computing.

Composition and Size of Herds

The top panel of Figure 1 shows the proportion of adult cattle as a percentage of total adult animals (excluding yaks and camels¹) in 1916, 1931, the current sample, and 2018. Ermolaev's estimates from 1916 indicate an average of 12.4% cattle for Tuva as a whole (Ermolaev, 1919ab). The 1931 Census showed a higher value of 14.7% cattle (Tuvinskaya sel'skokhozyaistvennaya ... , 1933). Vainshtein attributed this increase to state-sponsored encouragement of cattle herding in the early Soviet era. With respect to western Tuva in particular, the 1931 Census reported a value for Barun-Khemchik *khozhuun* (11.5%) that was substantially lower than the 1931 whole-country mean (14.7%; Vainshtein, 1980: 54–56).

In contrast to early 20th-century estimates, the 21st-century sample shows significantly lower proportions of cattle. Site 1 in Barun-Khemchik in 2013 shows a value of 11.1% (± 0.7 SE), slightly below the 11.5% reported for Barun-Khemchik in 1931. Sites 2 and 3 in Barun-Khemchik and Bai-Taiga in 2015 show even lower values of 8.8% (± 0.4 SE) and 8.0% (± 0.5 SE). This de-emphasis on cattle appears to mirror a wider trend: figures from the Livestock department of the Ministry of agriculture and food of the Republic of Tuva in 2018 indicate that cattle represent just 5.5% of cattle, horses, sheep and goats in Tuva as a whole (Taibyl et al., 2019: 2).

With respect to horses, the middle panel of Figure 1 shows that the greatest number of horses was observed prior to the Soviet era. Ermolaev's 1916 estimates suggest that horses accounted for around 14.5% of livestock (excluding yaks and camels) in Tuva as a whole and in the Khemchik Valley (Ermolaev, 1919ab). By the 1931 Census, these values were dramatically lower: 9% for Tuva and 6.5% for Barun-Khemchik (Tuvinskaya sel'skokhozyaistvennaya ... , 1933; Vainshtein, 1980: 54–56).

The representation of horses in the present sample is as low or lower than in 1931, with values between 3.6% and 6.5% at the three sites. The mean for Tuva as a whole in 2018 was 6.1% (Taibyl et al., 2019: 2). These low values are understandable in terms of greater reliance on motor vehicles in lieu of horses. They are, however, likely to be atypical of present-day herders that specialize in horses — such as those near the Tannu-Ola mountains of southern Tuva — who are not represented in the current sample.

The bottom panel of Figure 1 describes the relative proportion of adult sheep and goats over time. While sheep and goats make up the lion's share of Tuvan herds, their numbers fluctuate based on time and place. It is notable that while the values were relatively low (around 75%) for Tuva as a whole in the 1900s, in Barun-Khemchik *khozhuun* specifically, sheep and goats made up 82% of stock in 1931 (Vainshtein, 1980: 54–56). This emphasis on small stock (*sher mal*) in western Tuva is even greater in the 2013–2015 samples, with values of 85.2% (± 0.8 SE) at Site 1, 84.7% (± 0.5 SE) at Site 2, and 88.4% (± 0.6 SE) at Site 3.

The movement toward a greater proportion of small stock has occurred across Tuva more generally, shifting from 76% in 1931 to 88% in 2018 (Vainshtein, 1980: 54–56; Taibyl et al., 2019: 2; Chysyma, Kuzmina, 2019: 61–62). These values, while significantly higher than the early 20th century average, are still within the range of sub-regional variation observed in the pre-Soviet era: on the Boyan-Tugai River in Chadana in 1916, for example, Ermolaev documented herds comprised of 89.4% small stock, 4.0% cattle and 6.6% horses, a mix remarkably close to that of present western Tuvans (Ermolaev, 1919ab; Vainshtein, 1980: 55).

The average size of herds in the present study was 318.3 adult animals per *aal*, ranging from a minimum of 4 to a maximum of 1,012 animals. This equates to 76.5 *bodo* (a unit of livestock equivalent to one head of cattle: Vainshtein, 1980: 250) or 530 standard sheep units (defined in: Humphry, Sneath, 1999: 309). Vainshtein hypothesized that there were consistent relationships between herd size and composition: “[T]he richer herdsmen commonly had large numbers of sheep and goats, especially sheep; in the comparatively poor households the balance weighed noticeably in favour of cattle” (Vainshtein, 1980: 58). This pattern was borne out in the 1931 Census data, and can be understood in terms of the importance of maintaining a minimum number of cows to meet household demand for dairy products. In the past, oxen were also required as draft animals, a requirement that has been obviated by motorization and the collapse of traditional Tuvan agriculture (Ibid.: 57–59).

How do the size and composition of herds relate to each other in the present sample? The relationship between total number of animals and the subtotal for a given type of animal can be estimated using a regression model of the form $\log(\text{subtotal}) \sim \log(\alpha) + \beta \times \log(\text{total})$. Because this function is equivalent to a scaling relationship of the form $\text{subtotal} \sim \alpha \times \text{total}^\beta$, the variable β is interpretable as an exponent in a

¹ One *aal* at Site 1 kept a herd of several hundred yaks as part of a government-sponsored program, while another *aal* at Site 3 kept two yaks. There were no camels at any of the sites.

monotonic but potentially non-linear relationship between total and subtotal (Hooper et al., 2015). In the R programming language, this model can be estimated using the `lm()` function, with 95% confidence intervals (CIs) estimated using the `confint()` function¹.

Table 2. Scaling relationships between total herd size and the number of cattle, horses, sheep and goats.
Табл.2 Масштабное соотношение между общим числом голов в стаде и числом голов КРС, лошадей, овец и коз

A. Log-log Regression: $Cattle \sim \alpha \times Total^\beta$ (N=69)

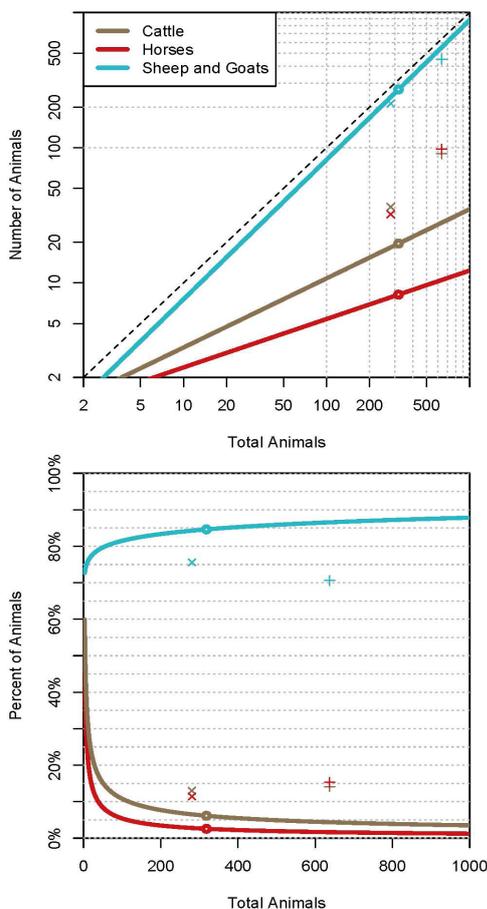
	Lower 95%	Estimate	Upper 95%
Constant α	-0.934	0.024	0.983
Exponent β	0.322	0.511	0.701

B. Log-log Regression: $Horses \sim \alpha \times Total^\beta$ (N=60)

	Lower 95%	Estimate	Upper 95%
Constant α	-1.599	0.037	1.674
Exponent β	0.037	0.358	0.680

C. Log-log Regression: $Sheep \& Goats \sim \alpha \times Total^\beta$ (N=70)

	Lower 95%	Estimate	Upper 95%
Constant α	-0.597	-0.355	-0.223
Exponent β	0.985	1.033	1.080

The scaling relationships estimated for cattle, horses, sheep and goats are given in Table 2 and plotted in Figure 2. The 21st-century data support Vainshtein’s hypothesis: Table 2A indicates that the number of cattle increases with approximately the square root of the total number of animals: $Cattle \sim 0.02 \times Total^{0.51}$. The range of confidence intervals for the exponent in this model, 0.32–0.70, indicates that this scaling relationship is significantly sub-linear (<1).

To visualize this relationship, the brown line in the upper panel of Figure 2 plots cattle as a function of total animals in log-log space; the sub-linear scaling relationship for cattle appears as a shallow straight line with a slope less than one. The brown curve in the lower panel of Figure 2 shows how the proportion of cattle changes with herd size on a linear scale, confirming that the percent of cattle decreases in larger herds. Similar results are obtained for horses (Table 2B), but with an even lower exponent of 0.36 (0.04–0.68 CIs).

Figure 2. Relationships between herd size and number of cattle, horses, sheep and goats in 2013 and 2015.

Илл.2. Соотношение между числом голов стаде и числом голов КРС, лошадей, овец и коз в 2013 и 2015.

The colored lines show the relationships estimated in Table 2. Open circles mark the mean herd size of aals in the present sample. The points marked \times show the mean of households in the highest wealth category in 1931; the points marked $+$ show the values for the aal of Kh. Mongush on the Ulatai River in the early 1900s (Vainshtein, 1980: 58, 89).

¹ R Core Team (2020) R: A Language and Environment for Statistical Computing. v. 4.0.2. Vienna: R Foundation for Statistical Computing.

Concomitant with these patterns for large stock, Table 2C and the turquoise lines in Figure 2 show that the number of small stock scales approximately linearly with total herd size. (While the confidence intervals for the exponent, 0.99–1.08, overlap with 1, the central estimate 1.03 is faintly super-linear, as implied by the sub-linear scaling of cattle and horses.) In other words, in both the 1930s and 2010s, wealthier Tuvan herders tended to have more sheep and goats—and proportionally fewer cattle and horses—compared to less wealthy herders. Consistent with this pattern, when total Tuvan livestock numbers fell around World War Two and again after 1991, the ratio of small stock to cattle also decreased. Conversely, periods of overall greater herd wealth—such as observed prior to World War Two, the 1960s through the 1980s, and in recent years—show relatively higher proportions of small stock (Sambuu, Titlyanova, 2014: 552).

Could larger herds alone account for the remarkably high proportion of sheep and goats today compared to the 1930s? In Figure 2 the points marked with × and + indicate the herd composition of notably wealthy families in the early 1900s (Vainshtein, 1980: 58, 89). Despite their large size, these historical herds still contain a greater proportion of cattle and horses (and fewer small stock) than expected from the current sample. This suggests that the shift from large to small stock over time is unlikely to be fully explained by changes in total livestock wealth.

Provision of Hay and Feed

Western Tuvan nomads regularly prepare hay to provision animals during winter. Hay fields are commonly located near winter or fall camps and irrigated with water from ditches, streams or rivers. The harvest and use of hay in Tuva is attested from at least the early 19th century. Increases in hay production and investments in fixed winter camps were further encouraged by the state during the Soviet period (Vainshtein, 1980: 79–82). Data on the use of hay and feed were collected at Sites 2 and 3 in 2015. 96% of *aals* in this sample utilized hay, in contrast to only 47% of households in 1931 (Ibid.: 80). Among *aals* that used hay, 81% harvested hay from their own fields, 12% purchased hay from the market, and 7% used both harvested and purchased hay.

The mean amount of hay provisioned per *aal* was 14.2 (±8.3 SD) metric tons. This number far outstrips the observation that prosperous herdsman provisioned 100–200 kg of hay in the early 20th century (Ibid.: 79). With a mean herd size of 72.7 *bodo* (or 520.6 sheep units) at Sites 2 and 3, this yields 195 kg of hay per *bodo* (or 27.2 kg per sheep unit). This is somewhat lower than the value of 40 kg per sheep unit documented in Solchur, southern Tuva, in 1993, and appears near the center of the distribution for other Inner Asian pastoralists (Humphry and Sneath, 1998: 266). In addition to hay, *aals* in this sample provisioned an average of 3.7 tons of grain and 720 kg of salt to their herds each year.

Production of Dairy and Meat

During the warm months in western Tuva, cattle provide a steady stream of milk that can be directly consumed or converted to an array of dairy products including cream, butter, curd, cheese, yogurt, milk tea, and fermented milk alcohol (*araga*). Biproducts from the preparation of one product are re-used in the production of others. Goats and yaks are also occasionally milked, but rarely in comparison with cattle. The data at Sites 2 and 3 show a mean of 1.98 L of milk produced per day per cow during the summer. With an average of 18.5 milk cows, each *aal* is expected to produce 36.6 L of milk per day, or roughly 25,000 dietary calories rich in fat, protein, probiotics, and micronutrients (Casimir, 1991; Shiby, Mishra, 2013).

These values are roughly consistent with Vainshtein's figure of 500 L produced per cow per year (Vainshtein, 1980: 104), and Osipova's assessment that a household of four would require 4 or 5 cows producing 8 to 10 L of milk per day (Osipova, 1961). The *aals* in this sample produced an average of 23.5 L of *araga* per week during the summer months, and a total of 45.7 L of butter for the year. Despite a smaller proportion of cattle in present-day herds, dairy production rates in western Tuva remain substantial.

Cattle, sheep, and goats are the principal sources of meat for western Tuvan nomads. Due to their size, cattle are typically slaughtered in winter when meat can be frozen and easily stored. Sheep and goats are typically slaughtered in the warmer seasons and consumed within a few days. Blood, offal, and meat are collected and prepared in ways that maximize food value and minimize waste. The *aals* at Sites 2 and 3 consumed an average of 2.5 out of 27 cattle, and 24 out of 279 small stock per year. Investments in social relationships with kin and other community members are made in the form of gifts of livestock and meat for ceremonies and special occasions. *Aals* in this sample gifted an average of 1.7 cattle and 13.2 small stock per year.

Nomadic families generate income by sale of livestock to businesses, kin, and other buyers. *Aals* in this sample sold an average 3.5 head of cattle and 40.3 small stock per year. This generated an income of approximately ₮ 65,000 from cattle and ₮ 205,000 from small stock. 31% of *aals* also sold milk products — principally butter and *araga*—and generated an additional ₮ 5,900 per year. All told, the mean yearly income from sale of meat and dairy was approximately ₮ 272,000.

Major Expenses

While potentially self-sufficient in terms of diet and subsistence, present-day Tuvan families have preferences for goods and services — e. g. store-bought foods, consumer goods, education, medical care — that require currency and motivate the production of cash income. The abandonment, first, of traditional Tuvan agriculture, and second, of Soviet-era mechanized communal agriculture (with no subsequent recovery of traditional agriculture) has made nomads reliant on bread, flour, and other carbohydrates produced by commercial agriculture. Medical costs also weigh heavily on Tuvan families. Demand for these novel goods require levels of income that are difficult to generate through pastoralist activities alone.

Aals in the 2015 sample reported the following mean yearly costs:

Food	₮ 82,000
Petrol	₮ 77,000
Medicine	₮ 66,000
Clothing	₮ 62,000
School supplies	₮ 28,000
Total	₮ 315,000

We see that the sum of these expenses already exceeds the income from sales of meat and dairy calculated above; additional costs of purchased hay, grain, salt, veterinary medicine, equipment, vehicle repair, and other every-day expenses increase this total further.

Tuvan herders today clearly face a difficult financial reality. Interviewees lamented the low prices and high transaction costs that frustrate the conversion of pastoral wealth to money. Income generated in towns and cities is an important economic underpinning for many, if not most, nomadic Tuvan families. Consistent with this pattern, herders in this sample with the strongest links to towns also exhibited the largest herds and greatest overall wealth.

Conclusions

In response to the questions posed at the outset, the western Tuvan data suggest the following answers. Western Tuva has exhibited a trend toward proportionally more small stock (and fewer large stock) since the early 20th century. In the last hundred years, this trend has become more pronounced in both western Tuva and Tuva as a whole. In both the early 1900s and today, wealthier herders keep relatively more sheep and goats and relatively fewer cattle and horses. Greater livestock wealth, however, does not fully explain the remarkably high proportion of sheep and goats observed in Tuvan herds today.

The analysis identifies a fragility in present-day Tuvan pastoralism. The inability to efficiently convert livestock into currency means that nomadic families struggle to cover the costs of education and consumer goods. As a result, measures that increase the profitability of pastoral products, lower barriers to affordable education, and improve access to quality health care are likely to be of particular benefit to the financial security of nomadic households.

High-resolution ethnographic data should continue to be collected to shed light on the long-term sustainability of nomadic lifeways in Tuva. Researchers can take advantage of new methods in statistics, mathematical modeling, and simulation using free programming languages such as R (R Core Team 2020). Quantitative studies of this kind can ultimately help identify factors that promote or harm the health and well-being of nomadic families. They will also play an important role in documenting the continued evolution of Tuvan culture and society in the 21st century.

Acknowledgements

Sincere thanks to the Tuvan families who helped collect these data; to Drs. Ilia Peiros, Anna Dybo, John Ziker, the Russian Academy of Sciences, and Tuvan State University for providing the opportunity for research; and to Adam Reynolds for organizing the data.

REFERENCES

- Casimir, M. J. (1991) *Flocks and Food: A Biocultural Approach to the Study of Pastoral Foodways*. Köln, Böhlau Verlag. 327 p.
- Chysyma, R. B. and Kuzmina, E. E. (2019) Innovatsionnoe razvitiye zhivotnovodstva Respubliki Tyva [Innovative development of Animal Breeding in the Republic of Tuva]. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 1, pp. 59–65. (In Russ.).
- Ermolaev, A. P. (1919a) Kratkii otchet ob issledovaniyakh v Uryankhaiskom krae v 1915–1918 [Brief report on research in the Uriankhai territory in 1915–1918]. *Sibirskie zapiski*, no. 4–5, pp. 35–39. (In Russ.).
- Ermolaev, A. P. (1919b) *Uryankhaiskii kraï (materialy dlya kharakteristiki Uryankhaiskogo kraïa v torgovom otnoshenii) [Uriankhai territory: materials for the characteristics of the Uriankhai region in terms of trade]*. Minusinsk, Minusinsk Union of cooperatives. 27 p. (In Russ.).
- Hooper, P. L., Demps, K., Gurven, M., Gerkey, D. and Kaplan, H. S. (2015) Skills, division of labour and economies of scale among Amazonian hunters and South Indian honey collectors. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 370. DOI: <https://www.doi.org/10.1098/rstb.2015.0008>
- Humphrey, C. and Sneath, D. (1999) *The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia*. Durham, Duke University Press. 355 p.
- Osipova, V. (1961) Sel'skokhozyaistvennaya i demograficheskaya perepis' 1931 g. kak vazhneishii istochnik kharakteristiki ekonomicheskogo stroya sel'skogo khozyaistva Tuvy [Agricultural and demographic census of 1931 as the most important source of characteristics of the economic structure of Tuva's agriculture]. *Uchenyye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, i istorii*. Vol. 9, Kyzyl. Pp. 99–124. (In Russ.).
- Sambuu, A. D., and Titlyanova, A. A. (2014) Vliianie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Respubliki Tyva na ee rastitel'nyi pokrov [The impact of socio-economic development of the Republic of Tuva on its plant cover]. *Fundamental Research*, no. 11 (3), pp. 550–555. (In Russ.).
- Shiby, V. K. and Mishra, H. N. (2013) Fermented milks and milk products as functional foods – a review. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*, no. 53 (5), pp. 482–496.
- Taibyl, R. S., Sevek, V. K., Sevek, R. M. and Darzhaa, Ch. B. (2019) Analysis of economic efficiency of livestock in the Republic of Tuva. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 320 (1) [online] Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/320/1/012006>
- Tuvinskaya sel'skokhozyaistvennaya i demograficheskaya perepis' 1931 goda* [Tuva agricultural and demographic census of 1931] (1933). Moscow, Published by the research Association for the study of national and colonial issues. 168 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1980) *Nomads of South Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. C. Humphrey, ed. Cambridge: Cambridge University Press. 289 p.

Submission date: 03.08.2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ермолаев, А. П. (1919а) Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915–1918 гг. // Сибирские записки. № 4–5. С. 35–39.
- Ермолаев, А. П. (1919б) Урянхайский край : (Материалы для характеристики Урянхайского края в торговом отношении). Минусинск : Минусинский союз кооперативов. 27 с.
- Осипова, В. (1961) Сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. как важнейший источник характеристики экономического строя сельского хозяйства Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. IX. С. 99–124.
- Самбуу, А. Д., Титлянова, А. А. (2014) Влияние социально-экономического развития Республики Тыва на ее растительный покров // Фундаментальные исследования. № 11 (3). С. 550–555.
- Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года (1933). М. : Издано Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем. 168 с.

Чысыма, Р. Б., Кузьмина, Е. Е. (2019) Инновационное развитие животноводства Республики Тыва // Природные ресурсы, среда и общество. № 1. С. 59–65.

Casimir, M. J. (1991) *Flocks and Food: A Biocultural Approach to the Study of Pastoral Foodways*. Köln : Böhlau Verlag. 327 p.

Hooper, P. L., Demps, K., Gurven, M., Gerkey, D., Kaplan, H. S. (2015) Skills, division of labour and economies of scale among Amazonian hunters and South Indian honey collectors // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 370. DOI: <https://www.doi.org/10.1098/rstb.2015.0008>

Humphrey, C., Sneath, D. (1999) *The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia*. Durham : Duke University Press. 355 p.

Shiby, V. K. and Mishra, H. N. (2013) Fermented milks and milk products as functional foods — a review. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. 53 (5), 482–496.

Taibyl, R. S., Sevek, V. K., Sevek, R. M., Darzhaa, Ch. B. (2019) Analysis of economic efficiency of livestock in the Republic of Tuva. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 320 (1) [online] Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/320/1/012006>

Vainshtein, S. I. (1980) *Nomads of South Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. C. Humphrey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 289 p.

Дата поступления: 03.08.2020 г.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.3

Статья

Логика в истории образования Тувы

Юрий В. Ивлев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация,

Хулербен К. Кадыг-оол

Тувинский государственный университет; Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматриваются веки развития логики как важного элемента светского и религиозного образования в Туве. Раскрывается значение логики как учебной дисциплины на разных уровнях образования, а также для обучающихся разных профилей — гуманитарного и технического.

Логика входит в число буддийских дисциплин, поэтому появляется в системе образования в регионе с проникновением буддизма. Однако понимание логики, ее правил всегда присутствовало в народных знаниях тувинцев и отражено в фольклоре. В образовании современных лам логика играет важную роль, именно с изучения ее основ начинается обучение.

В светском образовании Тувы логика включена в образовательные программы на разных уровнях: общее среднее образование, высшее, а также делится на два направления — для гуманитариев и математиков. Большой вклад в развитие математической логики внесли А. М. Борзенко, Г. А. Троякова и др. На примере продолжительной, успешной педагогической практики Г. О. Лицкевич, педагога Гослицея РТ, прослеживается, как изучение логики облегчает усвоение материалов по многим смежным предметам гуманитарного профиля.

В Тувинском государственном университете логика изучается на разных факультетах. Выделяется этнокультурная специфика при обучении. Отмечаются термины тувинского языка, связанные с логикой.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; история Тувы; история образования Тувы; история педагогики; история логики; история буддизма; буддийский диспут; математическая логика; Тувинский государственный университет; Государственный лицей Республики Тыва

Для цитирования:

Ивлев Ю. В., Кадыг-оол Х. К. Логика в истории образования Тувы // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 28–44. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.3

Ивлев Юрий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры логики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Российской академии естественных наук. Адрес: 119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», ауд. Г-251, Г-251А. Тел.: +7 (495) 939-18-46. Эл. адрес: ivlev.logic@yandex.ru

Кадыг-оол Хулербен Кок-оолович — кандидат философских наук, магистр математики, доцент кафедры философии, доцент кафедры математики и методики преподавания математики Тувинского государственного университета; заместитель директора по научной работе Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: hoolerben@yandex.ru

IVLEV, Yuri Vasilyevich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Logict, Lomonosov Moscow State University. Postal address: Room G-251, G-251A, Shuvalovsky Bldg., Moscow State University, Leninskie Gory, 119234 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 939-18-46. E-mail: ivlev.logic@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0001-6540-1292**

KADYGOOL, Khulrben Kok-ooolovich, Candidate of Philosophy, Master of Mathematics, Assistant Professor, Department of Philosophy, Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, Tuvan State University; Deputy Director for Research, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: hoolerben@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0002-9162-4470**

Logic in the educational history of Tuva

Yuri V. Ivlev

Moscow State University, Russian Federation,

Khulerben K. Kadyg-ool

Tuvan State University; Aldan Maadyr National Museum of Tuva, Russian Federation

The article looks at the milestones of the development of logic as an important discipline in secular and religious education in Tuva. It also reveals the crucial role of this academic subject at different levels of education, as well as for students of humanities and technical profiles.

Logic has often been featured among Buddhist subjects, and thus it appeared in the system of education with Buddhism entering the region. However, the basic understanding of logic has always existed in traditional knowledge of Tuvan people and was reflected in folklore. Logic plays an important role in the current education of lamas, and it is with mastering logic that its basics started.

Tuva's secular education includes logic in educational programs at different levels (general secondary education and higher education) and two profiles (humanitarian and mathematical). A. M. Borzenko, G. A. Troiakova and others made a great contribution to the development of mathematical logic. An example of G. O. Litskevich's long and successful teaching practice at the State Lyceum of the Republic of Tuva shows that the study of logic helps get a command of other related subjects in the humanities.

Logic is studied at a number of faculties of Tuvan State University. As ethnic and cultural peculiarities do exist in educational process, some Tuvan terms associated with logic must be mentioned as well.

Keywords: Tuva; Tuvans; Tuvan history; Tuvan history of education; history of education; history of logic; history of Buddhism; Buddhist dispute; mathematical logic; Tuvan State University; State Lyceum of the Republic of Tuva

For citation:

Ivlev Yu. V. and Kadyg-ool Kh. K. Logika v istorii obrazovaniia Tuvy [Logic in the educational history of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 28–44. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.3](https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.3)

Введение

История логики в развитии мирового научного знания раскрыта во множестве работ (см. напр.: [Стяжкин, 1967](#)). Имеется фундаментальная серия *Handbook of the history of logic* (Справочник по истории логики), в которой были впервые объединены крупнейшие англоязычные специалисты по истории логики под общей редакцией Д. М. Габбая и Дж. Вудса. Всего в рамках серии было выпущено 11 частей, в некоторых привлекались дополнительные редакторы¹. Общей истории науки посвящен 11-й выпуск серии «Логика: история ее основных концепций» ([Gabbay, Pelletier, Woods, 2012](#)). Но история логики также рассматривается в истории научного знания и отдельных стран, отдельных регионов. Свою историю логики можно усматривать и в Туве. Тувинский народный фольклор содержит много единиц, в которых присутствуют логические загадки, отношения, связи; логика выступала как дисциплина буддийского образования в крае с XVIII в. С первой половины XX в. элементы логики становятся частью светского среднего и высшего образования Тувы. С конца XX века логика как учебная дисциплина и область научных изысканий прочно занимает свое место в системе высшего образования и науки Тувы.

Современная логика как университетская дисциплина является частью многих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, например, по направлению 47.03.01

¹ Описание всей серии доступно на сайте издательства Elsevier: <https://www.elsevier.com/catalog/mathematics/logic/all/handbook-of-the-history-of-logic>

«Философия» (уровень бакалавриата)¹ и др. Созданы учебники, рекомендованные Министерством образования Российской Федерации, Учебно-методическим объединением Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по классическому университетскому образованию для студентов высших учебных заведений (Ивлев, 2004; Бочаров, Маркин, 2008; Зайцев, 2007). Имеются и просто удачные учебные материалы без министерских грифов (Логика : учебник ... , 2016). Сама наука подразумевает некоторый высший уровень объективности, в котором умозаключения осуществляются на основе логических законов, не зависящих от субъекта. Тем не менее, некоторые аспекты этнокультурного характера в функционировании логики как науки в территориальном аспекте имеются и представляют определенный интерес.

Цель статьи — реконструировать историю и раскрыть значение логики в образовательном процессе Тувы на разных уровнях и в разных контекстах: в средней и высшей школы светского образования, в основах религиозных диспутов в буддийской традиции. Актуальность исследования связана с серьезным вниманием, которое государство уделяет развитию математического образования, важной частью которого выступает логика. Например, в общеобразовательных школах России делаются попытки внедрения обучения детей игре в шахматы с расчетом на повышение логического мышления у школьников².

В работе применяются исторические и социологические методы. Исторический анализ позволяет выделить условные этапы развития логики в Туве, в том числе в буддийской культуре. В качестве социологических применяются опросы-интервью с респондентами, выпускниками буддийских монастырей.

Несмотря на многочисленные исследования истории образования Тувы, которые производили ученые (Сердобов, 1953; Педагогическое образование ... , 2003; Монгуш, 2015; Монгуш, 2014, 2016; Министерство образования ... , 2016; Ооржак, Кара-оол, 2012; Оюн, 2013 и др.), история логики в ней практически еще не рассматривалась. Этим обусловлена новизна данной работы.

Источниковой базой исследования стали: монографические работы, сборники конференций и научные статьи Г. Н. Волкова, К. Б. Салчака, А. С. Шаалы (Волков, Салчак, Шаалы, 2009), М. В. Монгуш (Монгуш, 2001), Н. Д. Ондар (Ондар, 2011), Х. Д.-Н. Ооржак, Л. С. Кара-оол (Ооржак, Кара-оол, 2012); архивные документы из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва; материалы личных бесед с педагогами и исследователями Тувы, проведенные одним из соавторов статьи Х. К. Кадыг-оолом в 2011 и 2020 гг.; материалы анкетного опроса (проведен в 2020 г.) двух выпускников монастыря Дрепунг Гоманг (10 и 13 лет обучения)³. Еще одним источником стал личный педагогический опыт одного из соавторов статьи (Х. К. Кадыг-оола).

Элементы логических знаний в народном творчестве

Элементы логического мышления рассматриваются исследователями истории педагогики Тувы Г. Н. Волковым, К. Б. Салчаком и А. С. Шаалы (Волков, Салчак, Шаалы, 2009). Например, по мнению авторов, необходимо обладать более гибким, чем формальная логика⁴, инструментом для понимания смысла поговорок, которые представляются как своеобразный шифр (там же: 16).

Так, тувинцы для развития интеллектуальных способностей у детей формулировали логические задачи. Приведем два примера из упомянутого труда:

¹ Приказ Минобрнауки России от 06.03.2015 N 167 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 47.03.01 Философия (уровень бакалавриата)» [Электронный ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/470301.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

² Стоит отметить, что внедрение шахмат в школьную программу связано не только с логическим мышлением, но и с повышением уровня общей успеваемости (см. материал по теме: Уроки шахмат для начальной школы станут обязательными // Портал «ActivityEdu», 29.01.2019. URL: <https://activityedu.ru/Blogs/analytics/shkolnyu-gambit-shah-i-mat-ili-nichya/> (дата обращения: 10.06.2020).

³ Анкетирование (полный текст анкеты см.: https://mirtuvintsev.ru/?page_id=407) состоялось по электронной почте.

⁴ Вероятно, имеется в виду классическая, двузначная логика, т. е. те системы, которые оценивают высказывания только как истинные или ложные. Вероятностные логики, о которых говорят авторы монографии, также являются формализованными (см. напр.: Кайберг, 1979).

1) «По горной тропе перемещается 20 человек. Среди них имеются верховые и пешие. Подсчитали, сколько ног у лошадей, оказалось 48. Сколько же было верховых и пеших?» (там же: 57);

2) «На двух деревьях сидели 16 рябчиков. С первого дерева улетели четыре рябчика, но прилетели туда два рябчика. Тогда количество рябчиков на первом дереве стало в три раза больше, чем во втором. Сколько же рябчиков сидели в начале на каждом из двух деревьев?» (там же: 57).

Первая задача является образцом, когда можно опровергать полученный результат путем приведения контрпримеров. Очевидно, что лошадей 12, таким образом, можно сделать вывод, что пеших 8 человек, остальные 12 — верховые. При этом данный результат можно опровергнуть. Приводится контрпример: например, часть лошадей могут быть навьюченными, поэтому на них нет наездников. Таким образом, четкое число пеших и верховых определить невозможно. Возможно, задача и подразумевала изначально «нечеткий» ответ, который зависит от интерпретации ее условий.

Вторая задача является примером именно на сообразительность, «первичные» навыки логического мышления. Задача весьма простая при внимательном чтении и понимании условий. Допустим, 4 птицы, которые улетели с первого дерева, улетели на второе дерево, затем через какое-то время две из них вернулись на первое (это не противоречит условиям задачи, там не сказано, что они улетели совсем). Таким образом, получается, 12 и 4 птиц на первом и втором деревьях, соответственно (12, т. е. в 3 раза больше, чем 4). А изначально на деревьях сидело 14 и 2 птицы соответственно¹.

Еще один интересный пример, приведенный авторами, связан, скорее, ст. н. содержательной логикой, теорией аргументации. Идет спор между мальчиком (Чечен-оол²) и ламой. Один из фрагментов:

Чечен-оол:

— Почему утки хорошо плавают в воде?

Лама:

— Потому что пух их ножек очень гладкий.

Чечен-оол:

— У лодки нет ножек, а почему она хорошо плавает? (там же: 57).

В данном фрагменте наглядно проиллюстрировано использование т. н. уловок в аргументации, запрещенных правилами аргументации. Чечен-оол использует некорректную аналогию, перенося некоторые свойства с утки на лодку, т. е. свойство лодки «быть плавучей» не зависит от тех же свойств, что и у утки. Об этом же говорят и авторы монографии, комментируя данный фрагмент (там же).

Таким образом, в народной культуре тувинцев и их народных знаниях зафиксировано многообразие задач, предлагаемых для развития интеллекта у детей, связанных с логико-математическим мышлением, а также с более содержательными разделами логики. Как пишет С. М. Халин, «поговорки и поговорки любого народа, взятые в их конкретно исторических, реальных социокультурных обстоятельствах развития, не достигают того чисто теоретического уровня, который характеризует науку, в частности, науку логику»... Тем не менее «они представляют собой своеобразную форму обобщения, обобщения в виде типизации повседневных ситуаций на уровне представлений, в очевидно наглядной форме» (Халин, 2017: 35).

Логика в системе буддийского образования в Туве

С активным проникновением буддизма на территорию Тувы в середине XVIII в. (Монгуш, 2001: 40–41) здесь начинает формироваться система религиозного образования. Важными центрами об-

¹ Интересно, что если понимать условие в том смысле, что 4 птицы с первого дерева улетели совсем, то задача становится нерешаемой. Математически описать условие такого варианта задачи можно следующим образом: $\begin{cases} (x-4+2)+y=14 \\ y=\frac{x}{3} \end{cases}$. Решение (сокращенное): $\begin{cases} x=16-y \\ y=\frac{x}{3} \end{cases}$, таким образом, $x=12$, $y=4$, но тогда нарушается условие, что 4 птицы с первого дерева улетели совсем (т. е. в итоге их осталось 14). Правильное понимание условия математически можно выразить следующим образом: $\begin{cases} (x-4+2)+(y+2)=16 \\ y=\frac{x}{3} \end{cases}$. Опустим решение. Тогда снова получаем $x=12$, $y=4$, что, как было показано, является правильным решением. Таким образом, фактически, при решении данной задачи ребенок выстраивает в голове пусть и несложную, но систему уравнений с двумя неизвестными.

² Буквально имя переводится как «мудрый мальчик».

разования стали монастыри (там же: 63). Первый монастырь был построен в 1772 г. — Эрзинский (Кыргызский). В следующем 1773 г. году был построен Самагалтайский монастырь (там же: 55).

Есть легенда о том, как в Туву проникла эта религия. О ней нам рассказал в феврале 2020 г. Камбы-Лама Тувы Джампел Лодой (1975–2020). Эту легенду в свою очередь он услышал от бывшего настоятеля монастыря около села Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района Когела Мижиттеевича Саая (фото 1):

Представители буддизма прибыли в Туву для начала своей деятельности. Но им оказали не самый радужный прием представители традиционной религии кочевников Центра Азии — шаманы. Тогда ламы предложили организовать диспут, в ходе которого учителя планировали доказать, что буддизм имеет право на распространение в Туву. В ходе дебатов они были так убедительны, что шаманы признали их право проповедовать новую религию.

Фото 1. Когел Мижиттеевич Саая. Фото Х. К. Кадыг-оола, 2014 г.

Photo 1. Kogel Mijatovic Saaya. Photo by Kh. K. Kadyg-ool, 2014.

На наш взгляд, сама идея легенды весьма показательна. Она раскрывает буддизм не только как религиозное воззрение, но и как источник знания, искусства о выстраивании диспута, основанном на логических приемах.

Вопросам соотношения формальной логики и буддийской посвящены разные работы. Например, в статье Р. Лэнса Фактора (R. Lance Factor) рассматриваются формы рассуждения в буддийской традиции, которые весьма близки к тем, что рассматриваются в современной логике (Lance Factor, 1983). В работе Р. С. И. Чи (R. S. Y. Chi) рассматривается, в частности, соотношение аристотелевской логики и буддийской, а также анализ последней с точки зрения некоторых техник современной логики (Chi, 1984). В целом, очевидно, что обе дисциплины имеют общие черты (Кадыг-оол, 2017b). Иногда буддийские мыслители, рассуждая о логике, начинают пользоваться методами формальной логики, возможно, сами того не осознавая. Например, в работе геше¹ Д. Тинлея «Буддийская логика» некоторые высказывания заменяются символами — фактически используется искусственный язык, что является первым и важным этапом в формализации рассуждения (Тинлей, 2011: 61).

В храмах Тувы логика также стала важной частью образования. В фондах Национального музея Тувы хранятся книги (сутры или трактаты), по которым преподавали логику в монастыре Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района Республики Тыва (КП №№ 3-37, 3-43, 3-65, 3-73, дата поступления 21 июля 1960 г.). Все книги на тибетском языке, их тексты пока не переведены²:

— Сутра по логике под № 3-37 *tshad ma rnam 'grel gyi bsdus gzhung shes bya'i sgo 'byed rgol ngan glang po 'joms pa gdong lnga'i gad rgyangs rgyu rig lde mig bzhugs so* — «Ключ от сокровищницы учения пятиликого, который открывает врата понимания сборника Праманавартика» (перевод названия: Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006: 112);

¹ Геше — буддийская монашеская ученая степень, своеобразный аналог степени доктора философии в западной научной системе.

² Названия второй и четвертой книг даются в переводе Р. П. Сумба.

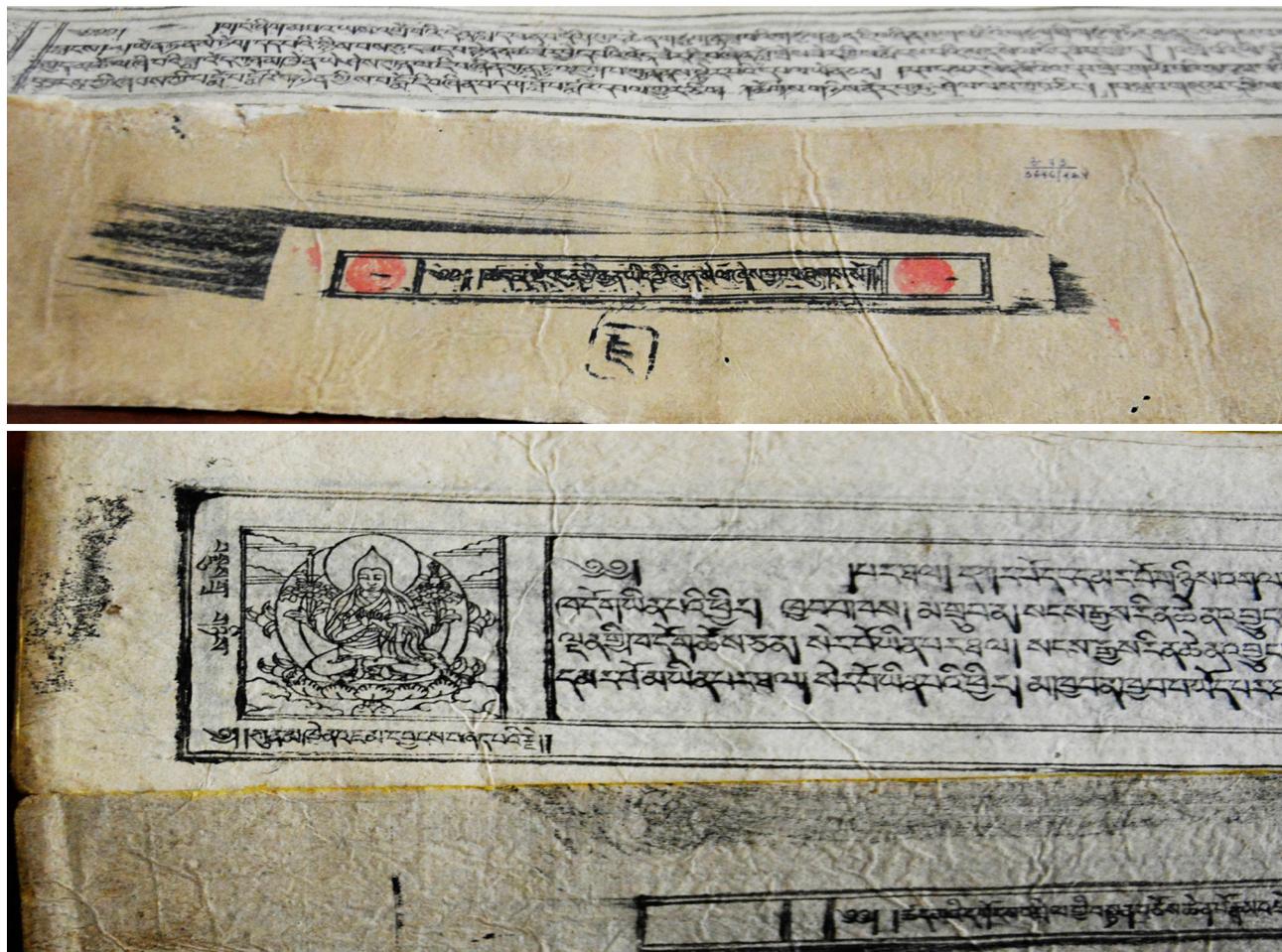

Фото 2 и 3. Страницы из трактатов по логике из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото Х. К. Кадыг-оола, 2020 г.

Photos 2 and 3. Pages from treatises on logic from the collections of the Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Photo by Kh. K. Kadyg-ool, 2020.

— Сутра по логике под № 3-43 *byang rtse grva tshang gi brtsi bzhag tu gnang ba'i blo rigs kyi rnam bzhag legs bshad kun 'dus lung rigs kyi bang mdzod ces bya ba bzhugs so* — «Элементарные труды по логическому диспуту»;

— Сутра по логике под № 3-65 *Tshad ma'i dgongs 'grel gyi bstan bcos chen po mam 'grel gyi don gcig tu dril ba bio rab 'bring tha ma gsum du ston pa legs bshad chen po mkhas pa'i mgul rgyan skal bzang re ba kun skong bzhugs so* — «Осуществляющее везде надежду на счастье, ожерелье мудрости великого наставления наставляет в трех (разделах учения о) сознании: начальном, промежуточном и конечном свернутого в единое значение комментария на великую шаштру комментария на праману» (перевод названия: Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006: 93);

— Сутра по логике под № 3-73 *tshad ma sde bdun rgyan yid kyi min sel zhes bya ba bzhugs so* — «Комментарий на работу Дхармакирти «Семь разделов логики и сиддханты»¹.

По сведениям Кыргызса Тадааевича Аракчаа², который был хуураком (послушником) в Кыргызском хурээ (храме)³, самым сложным предметом в программе была именно логика. Немногие учащиеся успешно осваивали его.

Таким образом, с проникновением буддизма на территорию Тувы, который стал основой образования населения, пусть и незначительной его части, одной из важных учебных дисциплин стала

¹ По мнению Р. П. Сумба, возможно, издание было осуществлено в Тибете, провинции Цанг (Gtsang).

² По сообщению Р. П. Сумба.

³ Храм располагался на территории нынешнего Эрзинского района Республики Тыва.

логика. Это позволяет говорить о том, что логика была частью образовательного процесса в регионе задолго до появления и развития светского образования.

Буддийская логика в современной Туве

Процесс возрождения буддизма в Туве в 1990-е гг. сопровождался возобновлением обучения молодых людей из Тувы в известных монастырях России и Индии (Тензин, 2018). Логика в буддийской системе образования продолжает играть важную роль. Например, в одном из самых больших монастырей Индии Дрепунг Гоманге обучение состоит из 16 курсов. На первых двух курсах монахи знакомятся с основами философии и ведения диспута¹.

Ч. М.-Х. Тензин упоминает «отличившегося» успехами в учебе в монастыре Дрепунг Гоманг тувинского ученика Игоря Монгуша (там же: 90). Он стал одним из двух наших респондентов — лам, ответившим на вопросы о логическом образовании во время учебы. Игорь Иванович Монгуш (имя, данное при посвящении, — Лобсаң Чөпел) имеет высшее светское образование, тем не менее обучался в монастыре в течение 10 лет, изучал следующие разделы буддийской логики: «1, 2 курс — *Дүй-ра*² (основы логики), 3 курс — *Тагрик* (изучение приведения достоверных доводов), 4 курс — *Лориг* (изучение разновидностей ума). Монастырское образование состоит из изучения 5 главных разделов учения Будды, при этом первый раздел — *Прамана* (1–4 курсы) — переводят как «Буддийская Логика» или «Буддийская Психология».

Своеобразной практикой применения логических знаний являются дебаты, в которых, как сообщил нам респондент, обязаны принимать участие все обучающиеся монахи. Они являются ежедневными и занимают 6 часов (2 часа — утром, 4 — вечером). Дебаты, по мнению И. Монгуша, являются прекрасным инструментом для выработки аналитического, критического мышления. Он пояснил нам, что они должны быть организованы по строгим правилам:

«Задающий вопрос делает это по определенной формуле (согласно многовековой традиции), а отвечающий должен дать только один из четырех предложенных ответов. На этих принципах построена система диспута. Отклонения не приемлемы. Если не следовать данным формулам, то любой спор превратится в словесную перепалку» (Полевые материалы автора Х. К. Кадыг-оола, далее — ПМА, 2020).

Еще одним нашим респондентом стал Шой-Маадыр Сергеевич Ондар (имя, данное при посвящении, — Тсултим Тендар). Он проучился в монастыре Дрепунг Гоманг, Индия в течение 13 лет, кроме того, имеет неоконченное высшее светское образование. По его мнению, логика — «это изучение, познание, постижение всего сущего, видимого, слышимого, осязаемого» (ПМА, 2020). Таким образом, в его понимании, это еще и общая эпистемология. Также наш респондент указывает на одну важную проблему:

«В первые годы изучения философии по тибетским учебникам было довольно трудно... Необходимо выучить иностранный язык для того чтобы было полное понимание преподавателя. В те времена (2003–2005 гг.) тибетско-русские словари были редкостью, а на ксерокопии тех же словарей не хватало финансовых средств <...> Так как мой родной язык — тувинский, желательнее изучать тибетские учебники с помощью тибетско-тувинского словаря. Это решило бы (проблему) наставлений и буддийских учений в Туве на родном языке. К сожалению, разработать тематический или терминологический словарь до нашего времени не получилось, и эта мысль осталась так и не решенной» (ПМА, 2020).

Проблема тувинско-тибетского словаря так и не решена. Есть только «Русско-тибетский словарь» (Горячев, Тарасов, 2000), доступный для наших лам. Отсутствие словаря с терминологией на тувинском языке продолжает оставаться большим препятствием на пути успешного получения тувинцами-послушниками образования в буддийских монастырях.

Досточтимый Джампел Лодой делился с нами в начале 2020 г. планами по организации образовательной работы на базе его резиденции — храма Цеченлинг. Он предполагал, что начнется она именно с практики буддийских дебатов на тувинском языке³. На сегодняшний день в республике

¹ История Палден Таши Гоманг Дацана [Электронный ресурс] // Сайт Монастыря Дрепунг Гоманг. URL: <https://dreppungomang.ru/o-monastyire-drepung-gomang/istoriya-monastyrya/> (дата обращения: 01.05.2020).

² Настоящий термин и следующие термины, обозначающие разделы логики, являются тибетскими.

³ Но будут ли реализованы эти планы, сейчас зависит уже от нового Камбы-ламы Тувы Сарыглара Сергека Олеговича, избранного 4 октября 2020 г. Нового верховного ламу избрали в Республике Тыва [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/sibir-news/9624229> (дата обращения: 04.10.2020).

имеются подготовленные интеллектуалы-буддисты высокого уровня, перед которыми стоит целый ряд задач, в том числе организационных, исследовательских, переводческих.

Буддийская логика, как уже было сказано, стала частью религиозного образования в буддийских храмах. Ее изучение возродилось в конце XX в. с возобновлением традиции обучения тувинцев в крупных монастырях. В настоящее время в Республике Тыва она имеет значение для развития той части буддийской философии, которая может быть обозначена как область знания, требующая определенных логических знаний и умения их применять на практике (в ходе дебатов).

Логика в системе светского образования Тувы (среднее и высшее образование)

Логика как часть светского образования появляется с момента организации народного просвещения в Тувинской Народной Республике — с 1926 г. (Оюн, 2013: 149), фактически — с 1930 г., когда строительство новых школ позволило сделать общее среднее образование более массовым (Сердобов, 1953: 24). Начальный всеобщий был введен в 1949 г. (Педагогическое образование ..., 2003: 9).

Возможно, некоторые элементы логики давались на уроках математики, поскольку у двух дисциплин имеются общие разделы: теория множеств, элементы алгебры и др. Например, в учебнике по алгебре А. Киселева для учеников 6–8 классов средней школы, который использовался в Тувинской Народной Республике, приводятся свойства некоторых алгебраических операций (Kiselef, 1939: 3–22), фактически, речь идет об аналогичных свойствах операторов в логических системах, которые также могут быть сформулированы как алгебры.

В Советском Союзе попытку внедрить логику как отдельный предмет в школьное образование успешно реализовали с подачи самого И. В. Сталина. В мае 1941 г. в Кремль был вызван директор Института философии АН СССР П. Ф. Юдин. В беседе с ученым глава государства посетовал на низкий уровень логической культуры даже у членов правительства, которые не могли четко и лаконично докладывать состояние дел по разным вопросам. В результате этой встречи, а также ряда других мероприятий были написаны учебники по формальной логике для вузов и школ (Корсаков, 2015: 147). С. А. Простаков высказывает мнение, что массовое внедрение предмета в образовательные программы позволило в краткие сроки повысить уровень как математического, так и гуманитарного образования¹.

Для средней школы были созданы учебники по логике и психологии. Например, учебник по логике С. Н. Виноградова и А. Ф. Кузьмина (Виноградов, Кузьмин, 1947). Он и сегодня вполне актуален и может использоваться для обучения школьников, если убрать из него все идеологические фрагменты (которые имеются там в большом количестве). Отметим внушительный тираж учебника — 200 тыс. экз.

Практика преподавания логики в школах СССР была постепенно свернута с приходом к власти в 1953 г. Н. С. Хрущева².

Логика также стала развиваться как дисциплина в системе высшего образования Тувы с момента появления последней. Далее для удобства будем иметь в виду и каждый раз оговаривать тот факт, что логика как учебная дисциплина может иметь, как минимум, два условных направления изучения: математическое и гуманитарное³. 1 сентября 1952 г. начался первый учебный год в первом учреждении высшего образования — Кызылском учительском институте (КУИ), впоследствии ставшем Кызылским государственным педагогическим институтом (КГПИ) (Ооржак, Кара-оол, 2012: 100). Физико-математическое отделение появилось со дня основания КУИ⁴. Следовательно, студенты могли приобщаться к некоторым логическим знаниям в рамках соответствующих математических дисциплин, т. е., скорее всего, возникла примерно та же ситуация, как и в случае с учебником по алгебре Киселева.

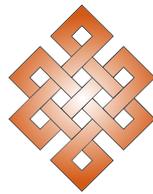
В 1985 г. в КГПИ открылась кафедра философии. В числе первых педагогов кафедры числилась Галина Орланмаевна Лицкевич, выпускница кафедры логики философского факультета Московского

¹ Простаков С. А. Школьная логика Сталина [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Мел». 2015. URL: https://mel.fm/istoriya_obrazovaniya/2359786-logic (дата обращения: 01.06.2020).

² Там же.

³ При этом они не являются взаимоисключающими. Более математическая интерпретация логики в рамках настоящей работы будет подразумевать использование математических методов (в частности, алгебраических) в качестве основных, в то время как гуманитарная основывается на более содержательных разделах.

⁴ О нас [Электронный ресурс] // Сайт физико-математического факультета Тувинского государственного университета. URL: http://fmf.tuvsu.ru/about_us/ (дата обращения: 10.06.2020).

государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ондар, 2011: 97). По нашей оценке, она внесла большой вклад в развитие логики в системе образования Тувы¹. Помимо преподавания в университете, она сумела внедрить логику в систему общего среднего образования (в Государственном лицее Республики Тыва, ГЛРТ), создав элективные курсы. Практика преподавания логики, а также теории аргументации в ГЛРТ началась в 1992 г.² Один из соавторов статьи (Х. К. Кадыг-оол) прослушал курс по логике в ГЛРТ (в 2001-2002 учебном году). В основе курса Г. О. Лицкевич лежат такие темы, как «Язык логики высказываний», «Табличное построение логики высказываний», «Силлогистика», «Понятие». Многие выпускники лицея, прослушавшие курс Галины Орланмаевны, отмечают, что им было заметно проще учиться в университете, особенно если среди предметов была логика. Х. К. Кадыг-оол впоследствии выбрал в рамках специализации кафедру логики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В 2013 г. защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы развития и формирования модальной алетической логики» на этой же кафедре (Кадыг-оол, 2013).

Еще одним новатором по внедрению логики в программу общего среднего образования был Александр Михайлович Борзенко (1950–2014). Х. К. Кадыг-оол общался с ним в 2011 г., посещал занятие по логике для учеников 7 класса в Тувинском республиканском лицее-интернате (ТРЛ-И). Темой занятия была «Операции над множествами». Дети успешно справлялись над специально подобранными примерами. Также после занятия Александр Михайлович сообщил, что вместе с ребятами они осваивают такие темы, как «Основы логики высказываний», «Основы теории вывода». Следует отметить, что по методике подачи материала и тому факту, что Борзенко был кандидатом физико-математических наук, основа его программы преподавания логики была более математической. Педагогическую деятельность в ТРЛ-И вел с 1997 г. (тогда это был Тыва-Турецкий, потом — Тувинско-Турецкий лицей) до конца своей жизни. К сожалению, уточнить содержание программ А. М. Борзенко не представляется возможным (администрация ТРЛ-И пояснила, что классные журналы были уничтожены в связи с истечением срока хранения — 5 лет).

Как видно из примеров практики А. М. Борзенко и Г. О. Лицкевич, логика в школьной программе Тувы может быть чрезвычайно плодотворной. Оба лицея, в которых работали указанные педагоги, принадлежат к привилегированным учебным заведениям, отбор в которые идет из числа самых талантливых ребят. Отметим, что такой подход отчасти был и в СССР, когда логику преподавали талантливым школьникам-участникам математических олимпиад. Например, одно из изданий знаменитой серии «Популярные лекции по математике» посвящено математической логике и представляет собой курс, который выдающийся математик и педагог И. М. Яглом прочитал учащимся 8 классов московских школ — участникам XXIX Московской математической олимпиады в 1966 г.³ (Яглом, 1968).

В математическом направлении развития логики в высшей школе Тувы следует отметить усилия и труды Галины Александровны Трояковой. Ее авторству принадлежат учебные пособия (Троякова, 1995, 2002; Троякова, Монгуш, 2018).

С 2015 г. на физмате Тувинского государственного университета курс по математической логике начал вести один из соавторов данной статьи — Х. К. Кадыг-оол. Было отмечено, что в Тувинском государственном университете отсутствует учебное пособие по такому разделу математической логики, как «неклассическая логика»⁴. Оно было создано в 2018 г. (Троякова, Кадыг-оол, 2018). В ТувГУ в рамках данного курса ставится задача познакомиться с основными направлениями неклассической логики: многозначная, модальная, нечеткая. Учебные пособия, которые содержат данные разделы, как правило, больше ориентированы на студентов-философов, также имеются учебные пособия на английском языке (см. напр. Бочаров, Маркин, 2008; Priest, 2008), т. е. не совсем подходят для указанной группы студентов. Этим и была продиктована необходимость создания отдельного учебного пособия по курсу неклассической логики.

Полный курс по математической логике в Тувинском государственном университете подразумевает изучение сначала классического фрагмента в первом семестре, затем некоторых направлений неклассической логики во втором. В первом семестре изучаются следующие темы: «Повторение теории множеств», «Логика и язык», «Дедуктивные рассуждения», «Логика высказываний как исчис-

¹ Лицкевич Галина Орланмаевна [Электр. ресурс] // Сайт Государственного лицея Республики Тыва. URL: <https://www.licejtuva.ru/index.php/2020-01-01-11-53-39/21-2019-12-28-09-04-55/84-litskevich-galina-orlanmaevna> (дата обращения: 01.06.2020).

² В «гуманитарном» понимании логики.

³ Напомним, что к тому времени массовое преподавание логики в средней школе было уже свернуто.

⁴ Один из вариантов разделения современной логики: классическая и неклассическая. См. напр.: Бочаров, Маркин, 2008.

ления: натуральное и гильбертовского типа», «Логика предикатов как исчисления: натуральное и гильбертовского типа», «Основы теории алгоритмов», «Идея доказательства ограничительных теорем К. Геделя». В рамках неклассической логики изучаются такие темы, как «Многозначная логика», «Модальная логика», «Нечеткая логика». Самостоятельно студентам предлагается освоить такие темы, как «Интуиционистская логика» и «Релевантная логика».

Наш опыт преподавания логики в Тувинском государственном университете свидетельствует о высоком уровне способностей у студентов (Кадыг-оол, 2018). Также отметим, что некоторые студенты демонстрировали очень высокий уровень понимания материала и творческого подхода к решению задач.

С момента возникновения системы светского образования в Туве логика постепенно становится неотъемлемой частью процесса обучения на разных уровнях: среднее школьное образование, высшая школа. Имеются интересные и важные примеры успешного включения логики как отдельного предмета в ГЛРТ и ТРЛ-И. Тенденции развития современной логики учитываются в педагогической деятельности преподавателей ТувГУ.

Некоторые этнокультурные аспекты

Х. К. Кадыг-оол также с 2019 г. ведет занятия по логике и на гуманитарных факультетах ТувГУ, что привело к подготовке в 2020 г. рукописи учебного пособия по логике для студентов гуманитарных факультетов¹. В работе над этим пособием автор также учитывал обсуждавшуюся в 2008 г. идею Ю. В. Ивлева о создании учебника по логике на тувинском языке (Кадыг-оол, 2010).

Надо сказать, что тувинский язык достаточно «логичен». В нем присутствует существенный пласт математических и логических терминов, например, таких как *бөлүг* — ‘множество’, *барымдаа* — ‘доказательство’, *билишикин* — ‘понятие’. Термин «соподчинение» можно достаточно легко перевести как *хары угда чагыртыыры* и т. д. Некоторые другие термины, которые вошли в большинство языков мира без перевода с древнегреческого, латыни, арабского и т. д., давно адаптированы при переводе учебников по математике на тувинский язык еще в первой половине XX в. Так, термин «алгебраический» на тувинский переводится как *алгебралыг* (там же: 223). Такую же ситуацию можно наблюдать в русском языке, английском (*algebraic*) и т. д. Само же слово «алгебра» является арабским. Интересно, что в учебнике 1939 г. термин «алгебра» на тувинский язык передан в написании как *algebr²* (Kiselef, 1939).

В целом, опыты полных переводных изданий уже есть. Например, в переводе М. С. Хомушку был издан учебник С. А. Пономарева и Н. И. Сырнева «Сборник задач и упражнений по арифметике» — «Арифметика бодалгаларының болгаш мергежилгелериниң чыындызы» (Пономарев, Сырнев, 1967).

Для нас интересен вопрос: можно ли перевести термин «логика» на тувинский язык? Особой необходимости в этом нет, поскольку, как и термин «алгебра», например, «логика» давно вошла во многие языки мира. Тем не менее, мы предлагаем вариант *билиглел*, от тувинского слова *билиг*, имеющего следующие значения: ‘знание’, ‘наука’, ‘образование’, ‘обучение’, ‘понятие’ (Толковый словарь..., 2003: 256). Для апробации идеи в общественном дискурсе Х. К. Кадыг-оол подготовил статью о логике для тувиноязычной Википедии³. При написании материала автор руководствовался изложенными выше принципами. В логике языки делятся на две больших категории: естественные и искусственные (Бочаров, Маркин, 2008: 40). Первые возникают спонтанно, развиваются стихийно и т. д., т. е. это те языки, на которых общаются представители разных народов мира: тувинский, английский, русский, японский и т. д. Искусственные создаются человеком для каких-то конкретных целей (языки математики, нотной записи, программирования и т. д. и т. п.). Учебник по логике пишется, как минимум, на нескольких языках: одном естественном (например, русском или тувинском) с использованием нескольких искусственных (формальных языков разных логических систем, состоящих из специальных символов). Очевидно, что искусственные языки не нуждаются в переводе, а выразительные средства тувинского языка представляются нам достаточными для «естественной» части учебника по логике.

¹ На момент написания данной статьи учебник сдан на рассмотрение Научно-методическим советом ТувГУ.

² До 1941 г. в Туве использовали письменность на основе латиницы (Бичелдей, 2010). Соответственно, читается как «алгебыр».

³ Билиглел // Свободная интернет-энциклопедия «Википедия». URL: <https://tyv.wikipedia.org/wiki/Билиглел> (дата обращения: 01.06.2020). Текст статей «Википедии», как известно, может быть изменен любым автором энциклопедии. Обращаем внимание читателей, что ссылка идет на статью в варианте от 1 июня 2020 г. Сам текст статьи был выложен на портале в марте 2018 года. На момент обращения к материалу статьи изменений в нем не было.

Учебник логики на тувинском языке также может содержать примеры из национальной литературы, тувинских традиций. Часть из них уже приведены в упомянутой выше рукописи. Например, при рассмотрении основных понятий аргументации в качестве демонстрации используется фрагмент из произведения Народного писателя Тувинской АССР С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» (1961–1966 гг., перевод на русский язык — в 1966 г.). В нем чиновник убеждает главного героя согласиться на службу в администрации района. Фрагмент является прекрасным образцом, в том числе потому, что в качестве аргументов используются не только рациональные доводы, но и определенные психологические аспекты (в следующем далее тексте они специально выделены нами курсивом):

— Слушай, Ангыр. У нас есть хорошее предложение. Но сначала я бы хотел знать, теперь, когда ты чист и свободен, что думаешь делать?

Я, не задумываясь, отвечал:

— Помчусь в родной Амырак! К дяде. На зиму наймусь к кому-нибудь пастухом или ночным табунщиком.

— Трудная у тебя жизнь, Ангыр, — сказал, вздохнув, Байыр-оол. И улыбнулся. — Ты молодец! Наши таргалары¹ так тебя расхвалили за вкусную еду и чистоплотность. А теперь, когда ты полностью оправдан, поручили мне сделать тебе предложение: остаться у нас работать. Работа знакомая: убирать, готовить пищу, разносить бумаги...

— Ни за что! — закричал я.

— Да ты не горячись! — остановил меня Байыр-оол. — Где ты найдешь такую работу? Еда бесплатная, ешь сколько душе угодно. А главное — жалованье, целых пятнадцать лан²! Тебе хоть раз в жизни платили? *Обглоданные кости да опивки чая.* Так?

Я смущенно кивнул, а Байыр-оол продолжал:

— Пойдешь зимой пасти табун, хозяин тебе за это пообещает дать весной жеребенка. Однако ты забыл, как волчьи стаи режут скот? Ты уверен, что тебя минует эта беда? Тогда и за три зимы не расплатишься с хозяином! — Байыр-оол помолчал и добавил: — *Не в этой ли теплой шубе ты собираешься пасти? Птицы на лету застывают...*

Я невольно оглядел свою вытертую до вылыса шубенку.

— Не знаю... — сказал я, пожав плечами. — Смогу ли я угодить?..

— Таргалары наши довольны твоими обедами вот так! — Байыр-оол *показал ладонью выше головы.* — Больше того: Сонам-Баир собирался тебя в чизан³ на службу взять. Но там тебе труднее будет: людей больше, обязанностей больше. А еще... — Байыр-оол улыбнулся. — Как ты начнешь у нас работать, так я тебя монгольской грамоте начну учить. Хорошо?

Эти его последние слова точно громом меня поразили.

— О-ой, тарга!.. Неужто правда ты думаешь, такие, как я, могут грамоту узнать?

— *Па!* — Байыр-оол *сделал нарочито испуганное лицо.* — *Ужас!* Недоступное простому смертному дело!.. Эх ты! Я ведь, как и ты, был неграмотный. Но вот поехал в Хем-Бельдир⁴, учился там всего два года — пишу, читаю по-монгольски, по-русски тоже немного умею. Теперь эти два языка знать обязательно.

— Неужели это возможно? Неужели я могу научиться? — словно в бреду громко повторял я, всплескивая руками.

Байыр-оол *поднялся:*

— Ладно, я пойду, им скажу, что ты согласен.

Я бросился за ним с криком:

— О, подождите, тарга, подождите! Мне надо съездить к дяде, домой. Там ведь дела есть. Да и с дядей надо посоветоваться, даст ли он согласие.

Байыр-оол остановился, *удивленно глядя на меня:*

— Съезди, дядя твой неглупый человек, поймет, что для тебя это хорошо. Ну а если будет возражать, скажи, что район хочет тебя вызвать на трудовую повинность. Если же согласишься добровольно, еще и деньги будут платить. Поезжай. Ча! Через пять дней будь тут⁵.

¹ Тарга, дарга (тув.) — начальник, чиновник, руководитель.

² Лан — денежная единица, ходившая на территории Тувы в начале XX в.

³ Чизан (тув.) — администрация района.

⁴ Хем-Бельдир — одно из первых названий столицы Тувы, впоследствии Кызыла.

⁵ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. Подарок : перевод с тув. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1982. 312 с. С. 196–197. Выделено в тексте нами. — *Авт.*

В рукописи приводится анализ приведенного фрагмента. Рассматриваются рациональные аргументы чиновника: а) на жизненном опыте самого Ангыра мужчина демонстрирует юноше, что план последнего стать ночным табунщиком несостоятелен; б) Байыр-оол будет учить Ангыра грамоте; в) за работу Ангыру впервые в жизни будут платить жалование; г) Ангыр уже показал, что с работой успешно справляется. В ходе аргументации чиновнику параллельно приходится обосновывать вспомогательный тезис: «любой может научиться грамоте», который он демонстрирует личным примером.

Помимо рациональных аргументов Байыр-оол использует элементы манипуляции, когда советует «припугнуть» тетю, что якобы Ангыра могут вызвать работать бесплатно в качестве трудовой повинности. Очевидно, что это не корректный способ аргументации. Также чиновник использует разные психологические приемы, призванные усилить аргументацию в целом (удивление; жесты и мимика; разные обороты речи; стремление вызвать сильные эмоции, жалость к себе у Ангыра; встает со стула, не дожидаясь ответа Ангыра).

На этом примере можно продемонстрировать суть понятия «аргументация» согласно его определению в рукописи учебного пособия¹.

Также фрагменты из этой повести используются в таких темах, как «сложное высказывание». Например, для перевода на язык логики высказываний студентам предлагается следующее высказывание: «Я перекинул сумы за седло, крепко привязал их, и мы тронулись». Это пример конъюнктивного высказывания с тремя простыми высказываниями. А предложение «И не сдобровать бы охотнику, если б верный и ловкий Эзирек точас не вцепился в сохатиную ляжку» (из другого произведения С. А. Сарыг-оола «Подарок», 1943) является замечательным примером имплицативного высказывания, при том, что antecedent и консеквент поменялись местами², что делает задание особенно интересным. С его помощью можно легко определить, понимает ли студент тему.

Далее, в теме «Силлогистика» примеры также основаны на местном материале. Дается задание проанализировать силлогизм³:

Все тувинцы – потомки кочевников.

Некоторые тувинцы живут в городах.

Некоторые жители городов являются потомками кочевников.

Также формулируются «тувинские» энтимемы⁴:

1) Кедры – хвойные деревья.

Кедры не являются кустарником.

2) Начын – студент-гуманитарий ТувГУ.

Начын не интересуется квантовой механикой.

Таким образом через использование терминов на родном языке, знакомых образов, фрагментов хорошо известной литературы и т. д. логика может быть более понятной для студентов — тувинцев, а значит будет лучше усваиваться.

¹ «Аргументация» в рассматриваемой рукописи учебного пособия определяется как рациональная, речевая деятельность людей в рамках конкретного общества, целью которой является формирование определенного убеждения или мотивации к действию у совокупности (множества) других людей. Процесс аргументации подразумевает не только исключительно логические основы, но и основанные, например, на традициях, обычаях и т. д.

² Antecedent и консеквент являются частями имплицативного высказывания, при этом antecedent понимается как причина, а консеквент — как следствие. Пример из произведения С. А. Сарыг-оола как бы запутывает студента, в нем консеквент приведен перед antecedentом. За более подробными сведениями о логике высказываний отсылаем читателей к (Бочаров, Маркин, 2008; Ивлев, 2004).

³ Силлогизм — вид умозаключения, в котором отношения между двумя понятиями выявляются через их отношение к третьему.

⁴ Энтимема — силлогизм, в котором пропущена одна из посылок или заключение.

Заклучение

Как мы показали, логика в Туве имеет своеобразную предысторию в различных формах народного творчества. В качестве учебной дисциплины впервые она появилась как часть многовековой интеллектуальной традиции в буддизме. Актуальная она и сегодня в рамках буддийского образования. Более того — сегодня имеется потенциал для развития традиции буддийских дебатов на основе храмов республики.

Несмотря на то, что изучение логики в Туве не является обязательной в общеобразовательных школах и на всех факультетах главного вуза республики, где обучается значительное число студентов из числа местных жителей — тувинцев, тем не менее она представлена в самых разных сферах образования. Мы убеждены, что логика может быть прекрасным подспорьем для интеллектуального развития детей и в любой другой школе, а не только в лицеях и гимназиях. Для этого, по нашему мнению, нужно предпринять несколько шагов.

Необходимо:

- создание двух полноценных учебных курсов (для будущих «технарей» и «гуманитариев», соответственно) с практическими занятиями (например, организация на базе каждой школы клуба парламентских дебатов), возможно, интегрированного с курсом информатики;

- повышение квалификации педагогов, которые будут вести логику в школе;

- повышение престижа предмета через проведение олимпиад на уровне муниципалитетов, республики, проведение чемпионата по парламентским дебатам среди школьников Тувы.

Условно более математический вариант логики уместно внедрять в физико-математических школах и лицеях, соответственно, гуманитарный — во всех остальных. Параллельно встает вопрос о переводе будущего учебного пособия на тувинский язык.

Одной из задач дальнейших исследований является выявление и развитие логических идей, сохраняющихся в источниках из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Возможно, еще одной задачей для будущих исследований станет анализ упомянутых источников с точки зрения рассуждений с неполной определенностью, учение о которых развивается авторами статьи (Ивлев, 2018; Кадыг-оол, 2017а).

Благодарности

Авторы благодарят Риту Петровну Сумба за подбор материалов из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, а также в их переводе. Отдельные слова благодарности адресованы двум респондентам — Игорю Ивановичу Монгушу и Шой-Маадыру Сергеевичу Ондару. Без всех вас выход в свет настоящей работы стал бы практически невыполнимой задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичелдей, К. А. (2010) 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/480/856> (дата обращения: 01.06.2020).

Бочаров, В. А., Маркин, В. И. (2008) Введение в логику. М. : ИД «Форум» ; Инфра-М. 560 с.

Виноградов, С. Н., Кузьмин, А. В. (1947) Учебник логики. М. : ОГИЗ ; Госполитиздат. 112 с.

Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Билиг. 211 с.

Горячев, А. В., Тарасов, И. Ю. (2000) Русско-тибетский словарь. М. : Намчак. 480 с.

Зайцев, Д. В. (2007) Теория и практика аргументации. М. : ИД «Форум» ; Инфра-М. 224 с.

Ивлев, Ю. В. (2004) Логика: учебник. М. : Проспект. 288 с.

Ивлев, Ю. В. (2018) Квазиматричная (квазифункциональная) логика. М. : Изд. Московского университета. 128 с.

Кадыг-оол, Х. К. (2010) Логика на тувинском языке // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона: материалы межд. науч. конф., посв. 80-летию тувинской письменности (1–4 июля 2010 г.) : в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хакасское книжное издательство. Ч. II. 280 с. С. 222–225.

Кадыг-оол, Х. К. (2013) Основные этапы развития и формирования современной модальной алетической логики : дисс. ... канд. филос. н. М. 111 с.

Кадыг-оол, Х. К. (2017а) Матричные и квазиматричные системы алетической модальной логики. Кызыл : Аныяк. 100 с.

Кадыг-оол, Х. К. (2017b) Философия буддизма и формальная логика — точки соприкосновения // Чойрын таван ботиор мэргэшсэн их ухаантан. Илтгэлтийн эмхтгэл. Монголын Буддын гүн ухаантан З. Агваанбалдангийн мэндэлсний 220 жилийн ойд зориулав [Верховный философ — создатель пяти томов. Сборник докладов. К 220-летию великого буддийского философа Монголии З. Агваанбалдангийн] / отв. ред. М. Гантуяа. Улан-Батор : МУИС-ийн хэвлэлийн үйлдвэр. 130 с. С. 53–59.

Кадыг-оол, Х. К. (2018) О структуре курса «Неклассическая логика» для студентов физико-математического факультета Тувинского государственного университета // Вестник Тувинского государственного университета. Технические и физико-математические науки. Вып. № 3 (38). С. 103–108.

Кайберг, Г. (1979) Вероятность и индуктивная логика / пер. с англ. Б. Л. Лихтенфельда. М. : Прогресс. 375 с.

Корсаков, С. Н. (2015) Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть I // Логические исследования. Т. 21. № 2. С. 145–169.

Логика (2016) : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М. : Проспект. 680 с.

Министерство образования и науки Республики Тыва (2016) / авт.-сост. Ч. Б. Булытова, А. С. Шаалы. Красноярск : Абрис. 152 с.

Монгуш, В. Ч. (2014) Народное образование в Туве первой половины XX века: к историографии вопроса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 4(84). С. 114–121.

Монгуш, В. Ч. (2016) Государственная политика тувинского правительства в сфере школьного образования Тувы в тридцатые-сороковые годы XX века // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной 65-летию высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской народной республики. Кызыл : Изд. ТувГУ. 228 с. С. 67–69.

Монгуш, И. И. (2015) История становления тувинской начальной школы [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. № 1 (32). Ч. 3. С. 95–97. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/istoriya-stanovleniya-tuvinskoj-nachalnoj-shkoly/> (дата обращения: 01.06.2020).

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Ондар, Н. Д. (2011) История становления и развития кафедры философии ТувГУ // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. Социальные и гуманитарные науки. С. 97–101.

Ооржак, Х. Д.-Н., Кара-оол, Л. С. (2012) Становление и развитие высшего педагогического образования в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. № 1 (12). Педагогические науки. С. 100–106.

Оюн, М. М. (2013) Зарождение системы педагогического образования Тывы: историко-педагогический взгляд // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 9. С. 146–155.

Пономарев, С. А., Сырнев, Н. И. (1967) Арифметика бодалгаларының болгаш мергезжилгелериниң чыындызы [Сборник задач и упражнений по арифметике] / пер. М. С. Хомушку. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 240 с. (На тув. яз.).

Педагогическое образование в Туве: Научная мысль. История. Люди (2013) / авт.-сост. Л. П. Салчак, К. Б. Салчак. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.

Сердобов, Н. А. (1953) Народное образование в Туве. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 136 с.

Стяжкин, Н. И. (1967) Формирование математической логики. М. : Наука. 508 с.

Сыртыпова, С. Д., Гармаева, Х. Ж., Базаров, А. А. (2006) Буддийское книгопечатание Бурятии XIX — начала XX в. Улаанбаатар : Адмон. 222 с.

Тензин, Ч. М.-Х. (2018) Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. № 3–1. С. 87–93.

Тинлей, Д. (2011) Буддийская логика. Улан-Удэ : Изд. Дзе Цонкапа. 359 с.

Толковый словарь тувинского языка (2003) / под. ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск : Наука. Т. 1599 с.

Троякова, Г. А. (1995) Элементы теории множеств и математической логики. Для углубленного изучения математики : учебное пособие. Кызыл : Изд. КГПИ. 48 с.

Троякова, Г. А. (2002) Конспект лекций по математической логике : учебное пособие для студентов. Кызыл: Изд. ТувГУ. 76 с.

- Троякова, Г. А., Кадыг-оол, Х. К. (2018) Основы неклассической логики. Кызыл : Издательство ТувГУ. 79 с.
- Троякова, Г. А., Монгуш, А. С. (2018) Математическая логика. Кызыл : Изд. ТувГУ. 101 с.
- Халин, С. М. (2017) Народная мудрость о правильном мышлении: (на примере русских пословиц и поговорок) // Социально-гуманитарные знания. № 10. С. 35–44.
- Этнокультурное содержание образования. Материалы первых салчаковских этнопедагогических чтений (2016) / сост. Г. Д. Сундуй, А.-Ч. В. Куулар. Кызыл : ИПО «Билиг». 220 с.
- Яглом, И. М. (1968) Необыкновенная алгебра / Серия «Популярные лекции по математике». Вып. 45. М. : Наука. 72 с.
- Chi, R. S. Y. (1984) Buddhist Formal Logic. Delhi : Motilal Banarsidass. Part I. A Study of Dignāga's Hetucakra and K'uei-chi's Great Commentary on the Nyāyapraveśa. 222 p.
- Gabbay, D. M., Pelletier, F., Woods, J. (2012) Logic: A History of its Central Concepts / Handbook of the history of logic. Vol. 11. Amsterdam : North Holland. 708 p.
- Kiseleff, A. (1939) Алгебра. Pir dugaar tepter [Алгебра. Первая тетрадь]. Кызыл : Cogaal komitedi. 211 ар. (На тув. яз.).
- Lance Factor, R. (1983) What Is the “logic” in Buddhist Logic? // Philosophy East and West. Vol. 33, No. 2. P. 183–188. DOI: <https://www.doi.org/10.2307/1399101>
- Priest, G. (2008) An introduction to non-classical logic. Second edition. Cambridge : Cambridge University Press. 320 p.

Дата поступления: 01.10.2020 г.

REFERENCES

- Bicheldei, K. A. (2010) 80 let tuvinskoi pis'mennosti: stanovlenie, razvitie, perspektivy [The 80th anniversary of the Tuvan written language: formation, development, perspectives]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 210–229 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/480> (access date: 01.06.2020). (In Russ.).
- Bocharov, V. A. and Markin, V. I. (2008) *Vvedenie v logiku [Introduction to logic]*. Moscow, ID «Forum», Infra-M. 560 p. (In Russ.).
- Vinogradov, S. N. and Kuz'min, A. V. (1947) *Uchebnik logiki [Logic: a Textbook]*. Moscow, OGIZ; Gospolitizdat. 112 p. (In Russ.).
- Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Etnopedagogika tuvinskogo naroda [The ethnopedagogy of the Tuvan people]*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 212 p. (In Russ.).
- Goriachev, A. V. and Tarasov, I. Yu. (2000) *Russko-tibetskii slovar' [A Russian-Tibetan dictionary]*. Moscow, Namchak. 480 p. (In Russ.).
- Zaitsev, D. V. (2007) *Teoriia i praktika argumentatsii [Theory and practice of argumentation]*. Moscow, ID «Forum»; Infra-M. 224 p. (In Russ.).
- Ivlev, Yu. V. (2004) *Logika [Logic]: a textbook*. Moscow, Prospekt. 288 p. (In Russ.).
- Ivlev, Yu. V. (2018) *Kvazimatrichnaia (kvazifunktsional'naia) logika [Quasi-Matrix (quasi-functional) logic]*. Moscow, Moscow State University Publ. 128 p. (In Russ.).
- Kadyg-ool, Kh. K. (2010) Logika na tuvinskom iazyke [The logic in the Tuvan language]. In: *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennosti i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona [Tuvan writing and research issues of writing and written monuments in Russia and the Central Asia]*. Materials of the international research conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan writing] : in 2 parts. Ed. by K. A. Bicheldei. Abakan, Khakass publishing house. Part II. 280 p. Pp. 222–225. (In Russ.).
- Kadyg-ool, Kh. K. (2013) *Osnovnye etapy razvitiia i formirovaniia sovremennoi modal'noi aleticheskoi logiki [The main stages of development and formation of modern modal alethic logic]* : Diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow. 111 p. (In Russ.).
- Kadyg-ool, Kh. K. (2017a) *Matrichnye i kvazimatrichnye sistemy aleticheskoi modal'noi logiki [Matrix and quasi-matrix systems of alethic modal logic]*. Kyzyl, Anyiak. 100 p. (In Russ.).
- Kadyg-ool, Kh. K. (2017b) *Filosofiia buddizma i formal'naia logika — tochki soprikosnoveniia [Philosophy of Buddhism and formal logic — common ground]*. In: *Choiryn tavan botior mergeshen ikh ukhaantan [The Supreme philosopher, Author of the five volumes]*. A collection of articles for the 220th anniversary of the great Buddhist philosopher of Mongolia Z. Agvaanbaldangiin / ed. by M. Gantuiaa. Ulan-Bator, MUIS-iin khevleliin üildlver. 130 p. Pp. 53–59. (In Russ.).
- Kadyg-ool, Kh. K. (2018) *O strukture kursa «Neklassicheskaia logika» dlia studentov fiziko-matematicheskogo fakul'teta Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [On the structure of the course in “Non-Classical logic” for students*

of the Faculty of Physics and Mathematics of Tuvan State University]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie i fiziko-matematicheskie nauki*, vol. 3 (38), pp. 103–108. (In Russ.).

Kyburg, G. (1979) *Veroiatnost' i induktivnaia logika [Probability and inductive logic]* / transl. from Engl. by B. L. Likhtenfel'd. Moscow, Progress. 375 p. (In Russ.).

Korsakov, S. N. (2015) Iz istorii vrozhdeniia logiki v SSSR v 1941–1946 gg. Chast' I [From the history of the revival of logic in the USSR in 1941–1946, Part I]. *Logicheskie issledovaniia*, vol. 21, no. 2, pp. 145–169. (In Russ.).

Logika [Logic] (2016): a textbook for undergraduates / ed. by A. I. Migunov, I. B. Mikirtumov and B. I. Fedorov. Moscow, Prospekt. 680 p. (In Russ.).

Ministerstvo obrazovaniia i nauki Respubliki Tyva [The Ministry of education and science of the Republic of Tuva] (2016) / author-comp. Ch. B. Bulytova and A. S. Shaaly. Krasnoiarsk, Abris. 152 p. (In Russ.).

Mongush, V. Ch. (2014) Narodnoe obrazovanie v Tuve pervoi poloviny KhKh veka: k istoriografii voprosa [Public education in Tuva in the first half of the twentieth century: on the historiography of the issue]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Iakovleva*, no. 4(84), pp. 114–121. (In Russ.).

Mongush, V. Ch. (2016) Gosudarstvennaia politika tuvinskogo pravitel'stva v sfere shkol'nogo obrazovaniia Tuvy v tridsatye-sorokovye gody XX veka [The policy of the Tuvan government in the field of school education in Tuva in the 1930s and 1940s]. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific works of Tuva state University]*. Materials of the annual conference of teachers, staff and postgraduates of TuvGU dedicated to the 65th anniversary of higher pedagogical education in Tuva and the 95th anniversary of the formation of the Tuvan People's Republic. Kyzyl, TuvGU Publ. 228 p. Pp. 67–69. (In Russ.).

Mongush, I. I. (2015) Istoriia stanovleniia tuvinskoii nachal'noi shkoly [History of the formation of Tuvan primary school]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1 (32), part 3, pp. 95–97 [online] Available at: <https://research-journal.org/pedagogy/istoriya-stanovleniia-tuvinskoii-nachal'noi-shkoly/> (access date: 01.06.2020). (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Ondar, N. D. (2011) Istoriia stanovleniia i razvitiia kafedry filosofii TyvGU [History of the establishment and development of the Department of Philosophy of TuvSU]. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, pp. 97–101. (In Russ.).

Oorzhak, Kh. D.-N. and Kara-ool, L. S. (2012) Stanovlenie i razvitie vysshogo pedagogicheskogo obrazovaniia v Tuve [The rise and development of higher pedagogical education in Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (12), Pedagogicheskie nauki, pp. 100–106. (In Russ.).

Oyun, M. M. (2013) Zarozhdenie sistemy pedagogicheskogo obrazovaniia Tyvy: istoriko-pedagogicheskii vzgliad [The origin of the system of pedagogical education in Tuva: a historical and pedagogical study]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9, pp. 146–155. (In Russ.).

Ponomarev, S. A. and Syrnev N. I. (1967) *Arifmetika bodalgalarynyng bolgash mergezhilgelerining chyindyzy [A collection of problems and exercises in arithmetic]* / transl. by M. S. Khomushku. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri. 240 p. (In Tuv.).

Pedagogicheskoe obrazovanie v Tuve: Nauchnaia mysl'. Istoriia. Liudi [Pedagogical education in Tuva: Scientific thought. History. People] (2013) / author-comp. L. P. Salchak and K. B. Salchak. Kyzyl, Tuvan book publisher. 256 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1953) *Narodnoe obrazovanie v Tuve [Public education in Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 136 p. (In Russ.).

Stiazhkin, N. I. (1967) *Formirovanie matematicheskoi logiki [The rise of mathematical logic]*. Moscow, Nauka. 508 p. (In Russ.).

Syrtypova, S. D., Garmaeva, Kh. Zh. and Bazarov, A. A. (2006) *Buddiiskoe knigopechatanie Buriatii XIX — nachala XX v. [Buddhist book printing in Buryatia of the XIX — early XX century]*. Ulaanbaatar, Admon. 222 p. (In Russ.).

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2018) Buddizm v dukhovnoi zhizni tuvinskogo obshchestva [Buddhism in the spiritual life of Tuvan society]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3–1, pp. 87–93. (In Russ.).

Tinlei, D. (2011) *Buddiiskaia logika [Buddhist logic]*. Ulan-Ude, Dzhe Tsonkapa Publ. 359 p. (In Russ.).

Tolkovy slovar' tuvinskogo yazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 597 p. (In Russ. and Tuv.).

Troiakova, G. A. (1995) *Elementy teorii mnozhestv i matematicheskoi logiki. Dlia uglublennogo izucheniia matematiki [Elements of set theory and mathematical logic. For advanced study of mathematics]*: textbook. Kyzyl, KGPI Publ. 48 p. (In Russ.).

Troiakova, G. A. (2002) *Konspekt leksii po matematicheskoi logike [Lecture Notes on mathematical logic]: a textbook for university students*. Kyzyl, TyvGU Publ. 76 p. (In Russ.).

Troiakova, G. A. and Kadyg-ool, Kh. K. (2018) *Osnovy neklassicheskoi logiki [Fundamentals of non-classical logic]*. Kyzyl, TuvGU Publ. 79 p. (In Russ.).

Troiakova, G. A. and Mongush A. S. (2018) *Matematicheskaiia logika [Mathematical logic]*. Kyzyl, TuvGU Publ. 101 p. (In Russ.).

Khalin, S. M. (2017) *Narodnaia mudrost' o pravil'nom myshlenii: (na primere russkikh poslovits i pogovorok) [Folk wisdom on the right way of thinking: Russian proverbs and sayings]*. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 10, pp. 35–44. (In Russ.).

Etnokul'turnoe sodержanie obrazovaniia. Materialy pervykh salchakovskikh etnopedagogicheskikh chtenii [Ethno-cultural educational content. Proceedings of the 1st Salchak ethnopedagogical readings] (2016) / comp. by G. D. Sundui and A.-Ch. V. Kuular. Kyzyl, IPO «Bilig». 220 p. (In Russ.).

Yaglom, I. M. (1968) *Neobyknovennaia algebra [Incredible algebra]* / Seriiia «Populiarnye leksii po matematike». Vol. 45. Moscow, Nauka. 72 p. (In Russ.).

Chi, R. S. Y. (1984) *Buddhist Formal Logic*. Delhi, Motilal Banarsidass. Part I. A Study of Dignāga's Hetucakra and K'uei-chi's Great Commentary on the Nyāyapraveśa. 222 p.

Gabbay, D. M., Pelletier, F. and Woods, J. (2012) *Logic: A History of its Central Concepts* / Handbook of the history of logic. Vol. 11. Amsterdam, North Holland. 708 p.

Kiselef, A. (1939) *Algeb'r. Pir dugaar tepter [Algebra. Pervaia tetrad']*. Kyzyl, Cogaal komitedi. 211 p. (In Tuv.).

Lance Factor, R. (1983) What Is the “logic” in Buddhist Logic? *Philosophy East and West*, vol. 33, no. 2, pp. 183–188. DOI: <https://www.doi.org/10.2307/1399101>

Priest, G. (2008) *An introduction to non-classical logic*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press. 320 p.

Submission date: 01.10.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.4

Статья

Математическое образование в условиях развития системы образования Тувы

Сайзана С. Товуу*Институт развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва, Российская Федерация,***Надежда М. Кара-Сал***Тувинский государственный университет, Российская Федерация,***Татьяна О. Санчаа***Независимый исследователь, Российская Федерация*

В статье представлен обзор школьного математического образования в Туве в исторической ретроспективе, показаны условия развития образовательной среды обучения математике. Выделены и проанализированы исторические периоды. Источниковой базой исследования выступили труды ученых по истории образования в Туве и нормативно-правовые акты, регулирующие государственную политику в области образования.

Период до 1944 г. Основы математических знаний были заложены в традиционной тувинской семье, а также математические навыки и умения в системе народных мер измерения объема, длины, летоисчисления были связаны с традиционным укладом тувинского народа. С началом школьного строительства в период Тувинской Народной Республики (1921-1944 гг.) началось изучение элементарной арифметики; с созданием тувинской письменности — с базовыми математическими навыками на тувинском языке в образовательном процессе.

Период народного образования, советский период (1944–1990 гг.) — период преобразований и развития в системе образования, основанный на принципах всеобщего просвещения. Началось масштабное строительство школ, внедрение учебных программ и учебников советской системы образования. Появляются первые тувинские ученые-математики — педагоги, которые подготовили учителей математики для республики в стенах созданного Учительского института с 1952 г. Существенный пласт в методике преподавания математики того периода составляют труды по переводам математических терминов на тувинский язык и учебников.

Период реформирования образования с учетом национальных приоритетов с 1990-х годов по настоящее время.

Содержание математического образования существенно менялось с изменением образовательной среды и школьного образования под влиянием государственной политики в области образования, социально-экономического положения страны и региона. Исследования отдельных аспектов развития математического образования в самой Туве предопределили условно появление трех научных школ, сформированных по направлениям: теоретические проблемы науки математики, прикладной математики и методики преподавания математики в школе и вузе.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; история Тувы; математические знания; история педагогики; история образования; история математического образования

Для цитирования:

Товуу С. С., Кара-Сал Н. М., Санчаа Т. О. Математическое образование в условиях развития системы образования Тувы // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 45-63. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.4

Товуу Сайзана Сергеевна — кандидат философских наук, директор Института развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Рабочая д. 2. Тел.: +7 (923) 381-00-36. Эл. адрес: stovuu@monrt.ru

Кара-Сал Надежда Маасовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и методики преподавания математики Тувинского государственного университета. Адрес: 667001, Россия, г. Кызыл, ул. Колхозная, д. 125. Тел.: +7 (913) 340-60-35. Эл. адрес: karasalnm@mail.ru

Санчаа Татьяна Оюновна — кандидат педагогических наук, независимый исследователь; Заслуженный учитель Российской Федерации, Народный учитель Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова д. 59/2. Тел.: +7 (963) 202-16-16. Эл. адрес: sanchaato@yandex.ru

Mathematical education in the development of the educational system in the Republic of Tuva

Saizana S. Tovuu

Institute of National School Development of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Nadezhda M. Kara-Sal

Tuvan State University, Russian Federation,

Tatiana O. Sanchaa

Independent researcher, Russian Federation

The article presents a historical overview of mathematical education in Tuvan schools, shows the conditions of developing an educational environment for teaching mathematics, and finally, highlights and analyses its historical periods. For our sources, we rely on academic works on the history of education in Tuva, as well as on regulations in the field of education in the recent years.

During the pre-1944 period, the basics of mathematics were taught in the traditional Tuvan family. Mathematical skills were relevant for the traditional measures of volume, length, and time, and were associated with Tuvan traditional lifestyle. With the beginning of school construction in the period of the Tuvan People's Republic (1921–1944), the study of elementary arithmetic began; and with the creation of the Tuvan script, basic mathematical skills in the Tuvan language were made part of the educational process.

The Soviet period of national education (1944–1990) was that of transformations and development in the educational system, based on the principles of general education. The introduction of curricula and Soviet educational books started along with a massive school construction. The first Tuvan mathematicians were also instructors who had been training school teachers for the republic at Teacher Training Institute since 1952. A significant layer in the teaching method of that time included work on translating mathematical terms and textbooks into Tuvan language.

The period of educational reforms, also focusing on national priorities, has started in the 1990s and is still ongoing.

The content of mathematical educational has changed significantly with the shift in the education environment driven by the state educational policy and socio-economic situation in Russia and the region. The studies of certain aspects of how mathematical education is to develop in Tuva have set the agenda of three schools of research: mathematical theory, applied mathematics and teaching of mathematics at school and university.

Keywords: Tuva; Tuvans; Tuvan history; mathematical knowledge; teaching history; educational history; history of mathematical education

For citation:

Tovuu S. S., Kara-Sal N. M. and Sanchaa T. O. Matematicheskoe obrazovanie v usloviakh razvitiia sistemy obrazovaniia v Respublike Tyva [Mathematical education in the development of the educational system in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 45–63. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.4

TOVUU, Sayzana Sergeevna, Candidate of Philosophy, Director, The National School Development Institute, Ministry of Education and Science of Republic of Tuva. Postal address: 2 Rabochaya Str., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 381-00-36. E-mail: stovuu@monrt.ru **ORCID ID: 0000-0002-0231-5140**

KARA-SAL, Nadezhda Maasovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, Tuvan State University. Postal address: 125 Kolhoznaya Str., 667001 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 340-60-35. E-mail: karasalm@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-9719-1581**

SANCHAA, Tatyana Oyumovna, Candidate of Pedagogy, Independent Researcher, Honored Teacher of the Russian Federation, People's teacher of the Republic of Tuva. Postal address: 59/2 Kochetova Str., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (963) 202-16-16. E-mail: sanchaato@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0002-4970-213X**

Введение

История математического образования Тувы неразрывно связана с общим развитием образования в регионе. Вопросы истории становления и развития образования в Туве присутствуют в работах ученых Н. А. Сердобова, В. И. Дулова, Г. С. Сабирзянова, Ю. Л. Аранчына, К. Б. Салчака, Л. П. Салчак, В. Ч. Монгуш, А. К. Сат, Г. Н. Волкова, А. С. Шаалы, З. Ю. Доржу, Н. М. Очур и др. (Сердобов, 1953; Дулов, 1956; Сабирзянов, 1967; Аранчин, 1982; Салчак Л., Салчак К., 2003; Монгуш, 2006, 2020; Сат, 2006; Волков, Салчак, Шаалы, 2009; Доржу, Очур, 2017).

Особенности исторического развития школьного математического образования до сих пор не попали в фокус научных исследований. Отдельные аспекты темы рассматриваются в диссертациях, монографиях и статьях С. С. Салчак, Л. А. Сат, А. М. Борзенко, Н. Г. Поповой, А. Д. Сандрай, А. С. Монгуш, Ч. М. Ондар, Л. М. Мироновой, З. Л. Монгуш, Н. М. Кара-Сал, М. К. Тюлюш, Г. А. Трояковой, О. М. Тановой и др. (Салчак, 1973; Сат, Борзенко, 1990; Попова, 1998; Сандрай, 1998; Монгуш, 2002; Ондар, 2009; Миронова, Монгуш, 2005; Кара-Сал, 1989; Кара-Сал, Танова, 2018; Тюлюш, 2002; Троякова, 1993, 2015, 2016; Танова, Кара-Сал, 2012, 2019).

В данной статье впервые будет представлен обзор школьного математического образования в исторической ретроспективе, показаны условия развития образовательной среды обучения математике.

На наш взгляд, в развитии математического образования в Туве можно выделить следующие исторические периоды:

1) Исторический период до 1944 г. Основы математических знаний были заложены в традиционной тувинской семье, а также математические навыки и умения в системе народных мер измерения объема, длины, летоисчисления были связаны с традиционным укладом тувинского народа. С началом школьного строительства в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) началось изучение элементарной арифметики; с созданием тувинской письменности — с базовыми математическими навыками на тувинском языке в образовательном процессе;

2) Период народного образования, советский период (1944–1990 гг.) — период преобразований и развития в системе образования, основанный на принципах всеобщего просвещения. Началось масштабное строительство школ, внедрение учебных программ и учебников советской системы образования. Появляются первые тувинские ученые-математики — педагоги, которые подготовили учителей математики для республики в стенах созданного Учительского института с 1952 г. Существенный пласт в методике преподавания математики того периода составляют труды по переводам математических терминов на тувинский язык и учебников;

3) Период реформирования образования с учетом национальных приоритетов с 1990-х годов по настоящее время, который содержит свои особенности по этапам (1990–1994 гг., 1995–1999 гг., с 2000 г. по настоящее время).

Источниковой базой исследования выступили труды ученых по истории образования в Туве; нормативно-правовые акты, регулирующие государственную политику в области образования в последние годы.

История исследования темы

Истории математического образования в России посвящены труды И. К. Андропова, Г. И. Глейзера, Б. В. Гнеденко, Ю. М. Колягина, Т. С. Поляковой, И. З. Штокало (Андронов, 1967; Глейзер, 1983; Гнеденко, 2009; Колягин, 2001; Полякова, 2002; Штокало, 1975). Изучение процесса реформирования структурно-содержательного компонента математического образования в средней общей и специальной школе России в конце XIX — начала XX в. широко представлено в исследованиях В. Д. Павлидис (Павлидис, 2006, 2017).

Этнокультурная направленность математического образования акцентирована в регионах: Бурятии — в работах В. Б. Цыреновой, Л. В. Антоновой, Л. Х. Цыбиковой, А. А. Мункоевой (Цыренова, 2006; Антонова, Цыбикова, 2015; Мункоева, 2019); Хакасии — в работах А. Г. Томашова, А. К. Канзычаковой, Э. М. Асочаковой (Толмашов, Канзычакова, 2013; Асочакова, 2018); Якутии — в исследованиях М. Д. Дьячковской, Е. С. Никитиной, Т. К. Неустроевой (Дьячковская, 2017; Никитина, Неустроева, 2018) и др.

Вопросы развития математического образования в контексте перспектив физико-математического и инженерного образования рассматриваются в работах С. В. Акмановой, М. А. Вилькоцкого, В. Н. При-

годича, С. А. Павленко (Акманова, 2016; Вилькоцкий, Пригодич, 2019; Павленко, 2015). Важным стало изучение вопросов содержания математического образования в контексте реализации Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования в работах П. М. Горева, Л. Н. Крымовой, И. Г. Липатниковой, Л. О. Рословой (Горев, 2015; Крымова, 2015; Липатникова, 2015; Рослова, 2019). С разработкой и принятием Концепции развития математического образования в Российской Федерации (далее — Концепция), утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2506-р¹ начато новое научное осмысление состояния математического образования.

Исследования отдельных аспектов развития математического образования в самой Туве развиваются в трех направлениях: теоретические проблемы науки математики, прикладной математики и методики преподавания математики в школе и вузе. По первому направлению — исследованиям в различных областях математики (теории вероятностей, теории групп и т. д.) посвящены работы С. М. Далаа, Г. А. Трояковой, Х. О. Ондара, Н. М. Тыртыг-оола, Р. Т. Самданчапа, А. И. Сотникова, А. И. Жданка, А. И. Очура, А. К. Хурума и др. (Далаа, 1987; Троякова, 1993; Ондар, Тыртыг-оол, 1999; Самданчап, 2000; Мамаш, 2004; Сотников, 2004; Жданок, 2006). По второму направлению — работают О. Э. Лешаков, Е. А. Мамаш, М. Д. Мышлявцева, Ч. М. Монгуш и др. (Лешаков, 2002; Мамаш, 2004; Мышлявцева, 2013; Монгуш Ч., 2020). Особого внимания заслуживает исследование О. Б. Бузур-оола, посвященное модельным задачам управления движением робототехнических устройств (Бузур-оол, 1982).

Исследованиям по методике преподавания математики в школе посвящены работы Л. А. Сат, А. М. Борзенко, Н. Г. Поповой, А. С. Монгуш, Л. М. Мироновой, З. Л. Монгуш, Л. М. Ондар, и др. (Сат, Борзенко, 1990; Попова, 1998; Монгуш, 2002; Миронова, Монгуш, 2005; Ондар, 2009). Вопросы методики преподавания математики в вузе отражены в исследованиях Н. М. Кара-Сал, М. В. Танзы, О. М. Тановой, А. С. Монгуш, Г. А. Трояковой, С. К. Саая и др. (Кара-Сал, 1989; Танзы и др., 2017, 2019).

Методике преподавания математики в тувинской национальной школе посвящены публикации О. М. Тановой, Н. М. Кара-Сал, М. В. Танзы, А. С. Монгуш (Танова, Кара-Сал, 2019; Танзы и др., 2017; Кара-Сал, Танова, 2018). Анализ результатов ЕГЭ до 2015 года, выявление проблемных вопросов в знаниях выпускников по математике по итогам итоговых государственных аттестаций за несколько лет нашли свое отражение в работах Г. А. Трояковой (Троякова, 2015).

По результатам проведенных Н. М. Кара-Сал, О. М. Тановой, М. В. Танзы, А. С. Монгуш исследований по использованию электронного русско-тувинского словаря математических терминов в обучении для детей с ограниченными возможностями здоровья разработана база данных «Тувинские народные единицы измерения», которая широко используется в учебном процессе в школе и в подготовке будущих учителей математики в Тувинском государственном университете².

Особо следует отметить совместную монографию З. Ю. Доржу и Н. М. Очур «История школьного образования в Туве в последней четверти XX — начале XIX вв.» (Доржу, Очур, 2017), в которой представлен достаточно полный анализ развития школьного образования в Туве в контексте формирования и реализации государственной образовательной политики в стране в последней четверти XX — начале XXI в.

Обзор литературы в Туве показывает, что вопросы исторического развития школьного математического образования в Туве до сих пор не были предметом отдельного исследования. Проведенные исследования в Туве теоретических проблем науки математики, прикладной математики и методики преподавания математики в школе и вузе, как отдельные аспекты развития математического образования не раскрывают структурно-содержательную целостность математического образования в системе школьного образования. Глубокое изучение истории вопроса особенно актуально в условиях обновления содержания образования, в котором отражаются новые тенденции развития математического образования, что предопределяет его дальнейшее развитие.

¹ Концепция развития математического образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b18bcc453a2a1f7e855416b198e5e276> (дата обращения: 26.07.2020)

² Ондар, Ч. М., Танова, О. М. Тувинские народные единицы измерения. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622154, 22.11.2019. Заявка № 2019620680 от 30.04.2019.

Исторический период до 1944 г.

Как мы уже упоминали, история математического образования рассматривается нами в четырех качественно различных периодах. Рассмотрим первый из них. Он связан с историей развития образования в Тувинской Народной Республике (1921–1944), однако это не значит, что тувинцам не были знакомы математические знания ранее.

Тувинцы, как и другие народы, имели математические представления и знания, которые были необходимы для ведения хозяйства (Потапов, 1969: 280–315). Например, при изготовлении деревянных частей юрты или ее войлочного покрытия использовались меры длины, площади и объема.

В основу мер длины (*хемчеглер*) были положены различные части тела человека: например, *кулаш* означает длину между вытянутыми горизонтально руками человека; *кары* означает длину между вытянутыми большим и средним пальцами руки человека. Единицами измерения служили локоть — *дугай*, ширина одного пальца руки человека — *илиг* и др. (см. рис. 1) (там же: 280; 306–309; Кара-Сал, Танова, 2018). Жидкость измерялась различными видами самодельной посуды: деревянными чашками, ведерками (*сыгыртаа*, *хумун*), кожаными флягами (*когээржик*) и др. Кроме того, чашками измеряли не только жидкость, но и сыпучие продукты (Потапов, 1969: 309–310).

Летосчисление определялось двенадцатилетним животным циклом, счет месяцев велся по сезонам года. По народному календарю сутки делились на полночь (*дүн ортузу*), время от полуночи до рассвета (*дүн ортузундан даң хаязынга чедир*), от рассвета до восхода солнца (*даң аткыже*), полдень (*дал дуби*), закат солнца (*кежээки хаяа*) и сумерки (*имиртинде*). Время определяли по освещению предметов утвари внутри юрты (там же: 302–303).

Традиционные математические знания широко присутствуют в народном фольклоре: в загадках, пословицах, поговорках, считалках, скороговорках. В них есть отношения и зависимости: пространственные, количественные и временные (Кара-Сал, Танова, 2018: 132–133).

Буддийское монастырское образование Тувы, которое развернулось в регионе с XVIII в., также содержало в себе дисциплины, основанные на математических знаниях. Так, буддийская астрология *чурагай* была довольно точной наукой, построенной на законах математики, физики, астрофизики и астрономии (Монгуш, 2001: 63). Однако, образование с изучением специальных дисциплин оставалось недоступным для основной части населения.

Историю всеобщего образования в Туве историки отсчитывают с открытия первых школ, в первую очередь, для русского населения: в Туране в 1908 г., Уюке в 1909 г., в 1910–1917 гг. в Чаа-Холе, Бай-Хааке, Атамановке, Бояровка, Тоора-Хеме и Белоцарске (История Тувы, 2001: 327), в которых было введено одноклассное обучение (со сроком обучения 3–4 года). Дети изучали Закон Божий, чтение, письмо, элементарную арифметику (Монгуш В., 2020: 197).

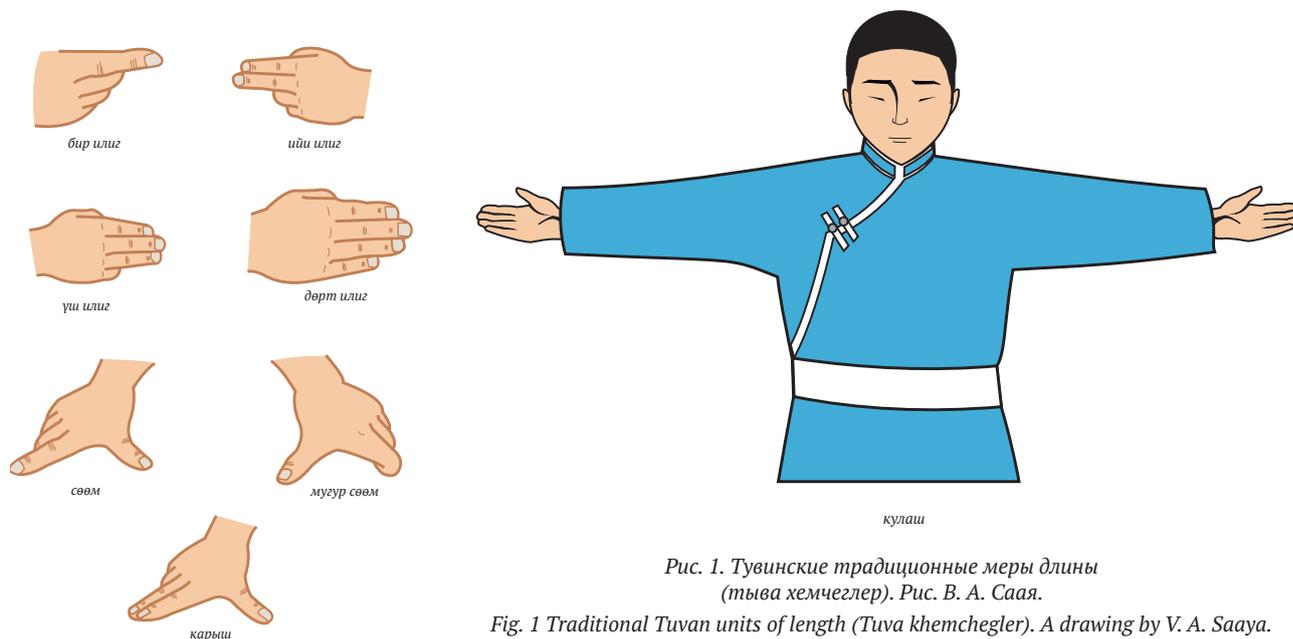

Рис. 1. Тувинские традиционные меры длины (тыва хемчеглер). Рис. В. А. Саая.

Fig. 1 Traditional Tuvan units of length (Tuva khemchegler). A drawing by V. A. Saaya.

В Тувинской Народной Республике система образования получила поддержку с созданием тувинской письменности на основе латинизированного новоюжского алфавита (*яналиф*). К концу 1920-х гг. старописьменным монгольским языком владела лишь 1,5% тувинского населения. Тувинская письменность была введена декретом правительства ТНР от 28 июня 1930 г. и положила начало массовому распространению грамотности, в первую очередь, при помощи учебников на родном языке для 1–4 классов начальной школы. В созданных за этот период в трех типах школ (школы-интернаты, школы приходящего ученичества и летние школы) в качестве обязательных предметов преподавались родной язык, арифметика, естествознание и физкультура (*История Тувы, 2007: 277*).

В этот период на территории республики стали строиться семилетние образовательные учреждения. В 1940 г. были открыты первые школы-семилетки в городах Кызыле, Шагонаре, Чадане, пос. Кызыл-Мажалык (там же: 276).

Для данного исторического периода характерным является открытие первых школ в Туве. Благодаря введению тувинской письменности были образованы школы с тувинским языком обучения, основанные на этнокультурных традициях тувинского народа. При обучении детей использовались математические знания и представления тувинцев, применяемые в хозяйственной жизнедеятельности народа. Этот период положил начало распространению грамотности при помощи учебников на родном языке, в том числе учебников математики.

Советский период 1944–1990 гг.

Выделение этого периода условно, поскольку все сферы общественной и культурной жизни ТНР испытывали влияние советского государства еще с 1930-х г. (*История Тувы, 2007: 183–313*). Тем не менее, вхождение Тувы в состав СССР в 1944 г. способствовало дальнейшим преобразованиям в области образования.

С этого периода система народного просвещения усиленно строилась по советскому образцу и базировалась на принципах всеобщего обучения. В образовательный процесс стали внедряться учебные программы и учебники при всесторонней поддержке Советского Союза. В 1944 г. закончился перевод тувинской письменности на русский алфавит, что привело к интенсивному развитию печати, издательского дела и переводов изданий. Огромный вклад в методику преподавания математики на тувинском языке в школе и переводам на тувинский язык многих математических терминов внес один из первых тувинцев-математиков с высшим образованием О. С. Хойлакаа (1913–1963). Про О. Хойлакаа впервые упоминает С. С. Салчак в своем исследовании «Тувинская математическая терминология и ее роль в преподавании математики на современном этапе» (*Салчак, 1971*).

К заслугам О. С. Хойлакаа следует отнести переводы некоторых математических терминов на тувинский язык. При переводе сюжетов математических задач он использовал примеры из жизни и быта тувинского народа, что способствовало лучшему усвоению детьми сути задачи. Он считается одним из первых переводчиков учебников математики с русского на тувинский язык. В 1939 г. О. С. Хойлакаа перевел учебник «Арифметика» для первоклассников семилетней школы¹, вместе с О. Саган-оолом перевел первый учебник математики на тувинском языке «Алгебра» для 6–7 классов².

В этот период основное внимание акцентировалось не только на строительстве и открытии новых школ, но и на кадровую политику в образовании. Одним из путей реализации поставленных задач стало обеспечение школ педагогическими кадрами. В 1951 г. Указом № 22644 от 27 ноября Совет Министров СССР в ответ на просьбу Тувинского Обкома КПСС издал распоряжение об открытии в городе Кызыле с начала 1952–1953 учебного года Учительского института, на базе которого был открыт в 1956 г. Кызылский государственный педагогический институт. Решением Правительства РФ в 1995 г. на базе Кызылского государственного педагогического института, Кызылского филиала Красноярского государственного технического университета, Кызылского филиала Красноярского государственного аграрного университета и Кызылского педагогического училища был создан Тувинский государственный университет (с 1995 г. — Тувинский государственный университет).

¹ Арифметик: Сан ному. Эге чада школазынын бир дугаар клазынга ооренир ном [Арифметика: учебник по математике. Для 1 класса начальной школы] / Бо номну Н.С. Попованын орус дыл кырында номундан тыва дыл кырынче таарыштырып чогаадып кылган болгаш харысалгалыг ред. О. Хойлакаа. Кызыл: Чогаал Комитеди, 1939. 92 с. (На тув. яз.).

² Киселев А. П. Алгебыр. Бир дугаар дептер [Алгебра. Часть первая] / ред. О. Саган-оол. Кызыл: Чогаал комитеди, 1939. 213 с. (На тув. яз.).

Фото 1. Хеймер-оол Опанович Ондар. Фото Национального архива Республики Тыва (НА РТ, ф.п-2, оп. 2, д. 2214).
Photo 1. Kheymer-ool Opanovich Ondar. Photo by the National archives of the Republic of Tuva (NA RT, f. p-2, op. 2, d. 2214).

В КГПИ было открыто два факультета — физико-математический и филологический. Первый выпуск учителей математики и физики состоялся в 1961 г. Тогда их было 48 специалистов (История Тувы, 2016: 96–97). В стенах физико-математического факультета трудились первые преподаватели математических и физических дисциплин: Е. П. Веденева, А. С. Иванов, Х. О. Ондар, С. С. Салчак, М. И. Сундуков, К. С. Цоголов, В. И. Целыбеев, Д. П. Попов, С. А. Хорошавин и др. Многие из них после окончания российских высших учебных заведений были отправлены по распределению в Туву как молодые специалисты.

Неоценим вклад в математическое образование первого ученого-математика, кандидата физико-математических наук, доцента, ректора Кызылского государственного педагогического института Хеймер-оола Опановича Ондара (1936–2002) (Салчак Л., Салчак К., 2003; Ооржак, Кара-оол, 2012).

Хеймер-оол Опанович Ондар — выпускник Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, защитивший диссертацию по теме «Некоторые вопросы истории теории вероятностей в дореволюционной России» на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. Он стал первым ученым-математиком среди тувинцев и в течение нескольких лет работал на руководящих должностях КГПИ: с 1968 по 1973 гг. — заведующим кафедрой математики КГПИ, с 1973 по 1979 г. — деканом физико-математического факультета КГПИ, а с 1980 по 1987 гг. — ректором КГПИ. Хеймер-оол Ондар внес весомый вклад в развитие физико-математического факультета и Кызылского педагогического ин-

ститута, благодаря которому укрепилась материально-техническая база КГПИ, расширились связи с другими вузами страны, особенно с Московским и Ленинградским государственными университетами, с вузами Сибири и Дальнего Востока. Х. О. Ондар, будучи заведующим кафедрой математики и деканом физико-математического факультета, стал уделять особое внимание научно-исследовательской деятельности в области математики, привлекая к чтению лекции известных математиков указанных вузов.

Научные интересы Х. О. Ондара были связаны с исследованием вопросов в области теории вероятностей и теории функций комплексной переменной. Он автор свыше 30 научных работ, посвященных проблемам математики, в том числе теории вероятностей и математической статистике, теории функций комплексной переменной (напр.: Ондар, 1967).

В методику преподавания математики в тувинской национальной школе огромный вклад внес ученый Серот Седенович Салчак (1930–2002). С 1973 г. кафедрой математики КГПИ стал руководить кандидат педагогических наук Серот Седенович Салчак, выпускник Ленинградского госуниверситета им. А. А. Жданова, очень уравновешенный и спокойный руководитель, который поставил кадровую политику кафедры на первое место. Именно в годы его руководства кафедрой поступило в аспирантуру значительное количество молодых преподавателей: О. Б. Бузур-оол, А. И. Очур, А. М. Борзенко, Т. А. Арапчор, Н. М. Кара-Сал, Г. А. Троякова, С. А. Монгуш, С. М. Далаа, большинство из которых успешно защитили кандидатские диссертации. Благодаря Сероту Седеновичу была возобновлена работа по развитию методики преподавания математики в тувинской национальной школе.

Серот Седенович — автор уникального русско-тувинского словаря математических терминов (Салчак, 1971). Будучи автором уникального «Русско-тувинского словаря математических терминов» он был одним из ведущих специалистов по переводу и редактированию учебников математики на тувинский язык. Под его руководством преподаватели кафедры математики Х. О. Ондар, З. Л. Монгуш, А. И. Очур, Н. М. Кара-Сал стали авторами перевода учебников математики на тувинский язык.

Он исследовал тувинскую математическую терминологию, составил методические рекомендации введения математических терминов на двух языках на уроках математики в 5–7 классах, определил пути реализации преемственности в обучении математике при переходе с родного на русский язык (Салчак, 1973).

Существенный вклад в подготовку кадров — учителей математики и информатики внес ученый — математик, кандидат физико-математических наук, доцент, первый ректор (1995–1999) Тувинского государственного университета Орлан Базырович Бузур-оол (1946–1999) (Сат, 2015; Доржу, 2016).

О. Б. Бузур-оол проработал и заведующим кафедрой математики, заведующим кафедрой информатики, деканом физико-математического факультета, проректором по учебной работе, первым ректором ТывГУ. Орлан Базырович был очень целеустремленным, работоспособным прекрасным стратегом. Свою кандидатскую диссертацию «Модельные задачи управления антропоморфными робототехническими устройствами» (Бузур-оол, 1982) сумел завершить практически за два года и блестяще защитить в МГУ им. М. В. Ломоносова. Кроме основных научных интересов по математике он начал внедрять в учебный процесс различные методики преподавания геометрии, математического анализа и оригинальные методики по вычислительной технике и информатике в вузе. Под его руководством был организован первый физико-математический класс при кафедре математики, который функционировал с 1992 по 2010 г. Благодаря усилиям Орлана Базыровича на физико-математическом факультете были открыты новые специальности: «Математика» с дополнительной специальностью «Информатика» (1989); «Физика» с дополнительной специальностью «Информатика» (1989); «Математика» с дополнительной специальностью «Экономика» (1994). О. Б. Бузур-оол впервые разработал комплексную программу информатизации ТывГУ, результаты которой отразились на эффективной организации всех подразделений университета и в настоящее время.

Фото 2. Орлан Базырович Бузур-оол.
 Фото из архива семьи
 О. Б. Бузур-оола.
 Photo 2. Orlan Bazyrovich Busur-ool.
 Photo from the archive of the family
 of O. B. Buzur-ool.

Весомый вклад в деле подготовки учителей математики для республики внесли преподаватели физико-математического факультета:

- кандидат физико-математических наук, доцент Х. О. Ондар, Заслуженный деятель науки Республики Тыва, Отличник народного образования, Отличник физической культуры и спорта РТ;
- кандидат педагогических наук, доцент С. С. Салчак, Отличник народного просвещения;
- Л. А. Сат, Заслуженный учитель школ Тувинской АССР, Отличник народного просвещения СССР;
- кандидат физико-математических наук, доцент О. Б. Бузур-оол, Заслуженный учитель РФ, Почетный профессор ТывГУ;
- кандидат физико-математических наук, доцент А. М. Борзенко, Почетный работник общего профессионального образования РФ, мастер спорта по шахматам РФ;
- ветеран труда З. Л. Монгуш, Почетный работник общего профессионального образования РФ, Заслуженный работник образования РТ;
- ветеран труда А. И. Очур, Почетный работник общего профессионального образования РФ, Заслуженный работник образования РТ;
- доктор физико-математических наук, профессор А. И. Жданок, Заслуженный деятель науки РТ, Почетный работник высшей школы РФ;
- кандидат педагогических наук, доцент Н. М. Кара-Сал, Почетный работник высшей школы РФ;
- кандидат педагогических наук Т. О. Санчаа, Народный учитель РТ, Почетный работник общего профессионального образования РФ, Заслуженный работник образования РТ;
- кандидат физико-математических наук, доцент Г. А. Троякова, Почетный работник общего профессионального образования РФ, Заслуженный работник образования РТ;
- кандидат физико-математических наук, доцент С. М. Далаа, Почетный работник высшей школы РФ и др.

В советский период были подготовлены первые специалисты с высшим математическим образованием в ведущих вузах страны как ЛГУ им. А. А. Жданова, МГУ им. М. В. Ломоносова и др. Они составили основу профессорско-преподавательского состава открывшегося первого высшего учебного заведения в Туве, в котором стали выпускать специалистов с высшим педагогическим образованием — учителей математики для школ республики. Именно в этот период стали четко выделяться основные направления научно-исследовательской деятельности в области математики и методики преподавания математики в школе и вузе. Для этого периода характерно увеличение численности ученых, защитивших кандидатские диссертации.

Период реформирования с 1990-х годов

В 1990-е годы с началом экономических и политических преобразований в стране изменились и содержательные цели в образовании. Был декларирован переход к личностно-ориентированному образованию, вариативность обучения; появилось разнообразие программ, учебников, типов образовательных организаций; усилена этнокультурная направленность. Основные положения реформ были отражены в Законе Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. Эти новшества способствовали формированию региональной образовательной политики в том числе в Туве.

З. Ю. Доржу и Н. М. Очур выделили три этапа региональной образовательной политики с 1990-х годов по настоящее время: первый этап (1990–1994 годы), второй этап (1995–1999 годы), третий этап (с 2000 годов по настоящее время) (Доржу, Очур, 2017). Соответственно этим общим тенденциям также развивалось и математическое образование в республике.

В период реформирования с 1990 года создавалась нормативно-правовая база функционирования системы образования. Так, был принят в 1990 г. Закон «О языках в Тувинской АССР», а в 1991 г. вышло Постановление Правительства Тувинской АССР «Основные направления развития народного образования Тувинской АССР на 1991–2000 годы» (Национальный архив Республики Тыва. — НАРТ, ф. 270, оп. 1, д. 1448, лл. 25–38). Его положения провозглашали такие принципы, как развитие национальной школы на основе родной языковой среды, приобщение к национальной культуре, традициям и обычаям своего народа.

Признание в этот период ведущей и возрастающей роли национальной школы по передаче культурно-исторических и духовных ценностей народа нашло также отражение в Законе Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР, Законе Республики Тыва «Об образовании»¹, что существенно предопределило развитие математического образования в Туве.

С возрождением национальных традиций в обучении математике стали использовать новые формы и методы с применением национальных обычаев и традиций тувинского народа. Они стали объектом исследования таких ученых, как А. С. Монгуш, Ч. М. Ондар, О. М. Танова, М. В. Танзы, Н. М. Кара-Сал, А. С. Монгуш (Ондар, ТЫРТЫЙ-ООЛ, 1999; Монгуш, 2002; Ондар, Танова, 2009; Танзы и др., 2017) и методистов А. Д. Сандрай, Н. М., Кара-Сал, О. М. Танова, У. С. Куулар, Р. Э. Хурбе и др. (Сандрай, 1998; Кара-Сал, Танова, Куулар, 2018; Хурбе, 2020).

Учебники математики и методические рекомендации переводились на тувинский язык учеными и методистами Х. О. Ондар, С. С. Салчак, М. С. Хомушку, З. Л. Монгуш, О. М. Баир, Н. М. Кара-Сал, А. И. Очур, М. С. Сат.

В Институте развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва (созданном в 2006 г.) с 2011 по 2014 гг. переведены и изданы на тувинском языке учебно-методические комплекты «Математика» в 2-х частях с 1 по 4 классы авторов М. И. Моро и др. предметной линии «Школа России». Учебники перевела Заслуженный работник образования Республики Тыва Баир Опуштай Михайловна (рис. 2).

Особенностью системы школьного образования в рассматриваемый период является развитие вариативности содержания образования, экспериментальная деятельность школ.

Создаются первые лица с углубленным изучением предмета математики. В 1991 г. в Кызыле создано первое инновационное образовательное учреждение для обучения и воспитания одаренных детей —

¹ Закон Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР» // Тувинская правда. 1991. 22 января. С. 2; Закон Республики Тыва «Об образовании» // Тувинская правда. 1995. 10 августа. С. 1–4.

Рис. 2. Коллаж обложек учебников М. И. Моро и др., переведенных на тувинский язык.

Fig. 2. Textbooks by M. I. Moro and other authors in Tuvan translations: a collage.

Государственный лицей Республики Тыва. Учреждение открыто как физико-математический лицей на основании приказа Министерства общего и профессионального образования Туvinской АССР № 198/д от 10 сентября 1991 г.

В 1993 г. создан Тувинско-турецкий лицей (в 2002 г. — он был преобразован в Тувинский республиканский лицей), в котором началась углубленная подготовка по предметам естественно-научного и технического направлений с дифференциацией в старших классах на физико-математический, социально-экономический и биолого-химический профили.

Региональная образовательная политика, начатая с 2000-х годов, характеризуется реализацией «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года в Республике Тыва» (НА РТ, ф. 784, оп. 1, д. 382, л. 79), Приоритетного национального проекта «Образование», который был объявлен в сентябре 2005 г. Президентом Российской Федерации. Этими важнейшими документами декларировались доступность качественного образования, принятие государственных образовательных стандартов предметов регионального компонента, переход на нормативное финансирование образовательных организаций, повышение статуса педагогических работников.

В школьном математическом образовании вводится Базисная программа по математике, которая фиксирует содержание математического образования и требования к подготовке учащихся. При этом учитель имеет право самостоятельно выбирать учебник из альтернативных. Вводится Государственный образовательный стандарт общего образования первого поколения, согласно которому для каждого предмета фиксируется основное содержание и требования к подготовке учащихся. Одной из основных идей стандарта является индивидуализация процесса обучения, которая выражается во введении системы профильного обучения. Реализуются три типа математических курсов: базовых, профильных и элективных. На этапе предпрофильной подготовки в 9 классе учащиеся могут выбирать элективные курсы. Стали вводиться обязательная итоговая аттестация по математике для учащихся 9–11 классов в форме ОГЭ и ЕГЭ.

Математическую подготовку в образовательных организациях обеспечивают 418 учителей математики (на 2017 г.)¹.

¹ Концепция развития математического образования в действии! [Электронный ресурс] // Тувинский институт развития образования и повышения квалификации. URL: <http://ipktuva.ru/?q=node/1536> (дата обращения: 09.08.2020).

В 2017 г. Министерство образования и науки Республики Тыва создало Региональное учебно-методическое объединение учителей математики¹, деятельность которого направлена на методическое обеспечение преподавания математики: разработка кейсов для учителей математики, диагностика профессиональных компетенций учителей, разработка рекомендаций, индивидуальных программ обучения математике, проведение консультаций по подготовке к ОГЭ и ЕГЭ, конкурсов и олимпиад среди учителей математики и обучающихся.

В настоящее время современная школа развивается согласно новым ФГОС второго поколения, в соответствии с которым учащимся дается возможность выбора уровня обучения математике на старшей ступени обучения — базового или углубленного. Определены 36 общеобразовательных организаций — пилотных площадок Республики Тыва по введению федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования², таким образом, внесены изменения в учебные планы образовательных организаций по включению в базовый и углубленный уровни дисциплины «Математика» (включая алгебру, начала математического анализа и геометрию)³.

Математическая подготовка обучающихся Тувы проводится в 177 общеобразовательных организациях, из них в:

- одном федеральном образовательном учреждении — федеральном государственном казенном общеобразовательном учреждении «Кызылское президентское кадетское училище» (открытом в 2014 г.);
- 11 государственных образовательных учреждениях, находящихся в ведении Министерства образования и науки Республики Тыва;
- одном государственном образовательном учреждении Министерства культуры Республики Тыва — Государственном бюджетном нетиповом образовательном учреждении «Республиканская основная общеобразовательная музыкально-художественная школа-интернат им. Р. Д. Кенденбиля»;
- 164 муниципальных образовательных учреждениях.

В городской местности расположено 42 образовательное учреждение (23,7%), в сельской местности — 135 (76,2%).

За последние 10 лет региональная образовательная политика определяется национальными приоритетами в области образования. В части развития математического образования в стране ставились две приоритетные задачи: обеспечение прорыва в емких стратегических направлениях страны в XXI веке с целью выхода российского образования на лидирующее положение в мире и создания инновационной экономики для реализации долгосрочных целей социально-экономического развития государства⁴; вхождение Российской Федерации до 2024 года в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования⁵.

¹ Приказ Министерства образования и науки Республики Тыва № 78-д от 07 ноября 2017 года «О создании региональных учебно-методических объединений в системе общего образования Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Тувинский институт развития образования и повышения квалификации. URL: https://www.ipktuva.ru/sites/default/files/news_photo/nov2017/14/prikaz_moin_o_regtonalnoy_umo.pdf (дата обращения: 09.08.2020).

² Приказ Министерства образования и науки Республики Тыва от 11 ноября 2019 г. №1412-д «Об утверждении перечней общеобразовательных организаций — пилотных площадок Республики Тыва по введению федеральных государственных образовательных стандартов среднего общего образования» [Электронный ресурс] // Тувинский институт развития образования и повышения квалификации. URL: https://www.ipktuva.ru/sites/default/files/doc/FGOS/SPOO/REG/prikaz_o_pilotnom_rezhime_fgos_soo_11.11.2019g.pdf (дата обращения: 09.08.2020).

³ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 613 от 29 июня 2017 года «О внесении изменений в Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации №413 от 17 мая 2012 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901895864> (дата обращения: 09.08.2020).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07052012-n-599/> (дата обращения: 26.07.2020).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. №444) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 26.07.2020).

Для выполнения первой приоритетной задачи одной из мер реализации государственной политики в области образования стало принятие Концепции развития математического образования в Российской Федерации в 2013 г.¹, разработанная Минобрнауки России совместно с Российской академией наук и Российской академией образования. В плане мероприятий по реализации Концепции включены мероприятия разного уровня. В соответствии с этим планом с 2014 г. в каждом регионе были приняты региональные планы реализации концепции. В Республике Тыва в 2015 г. также был утвержден свой план на 2015–2016 учебный год.

Важными итогами реализации Концепции стало проведение 18 декабря 2015 г. первого Съезда учителей математики Республики Тыва и создание регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Ассоциация учителей математики» в Республике Тыва². В 2020 г. завершаются сроки реализации концепции, однако далеко не все реализовано.

Для выполнения второй приоритетной задачи в области образования — вхождения России в число ведущих стран мира по качеству общего образования, в 2019 г. в целях улучшения позиций в международных исследованиях была разработана и утверждена методология и критерии оценки качества общего образования в общеобразовательных организациях на основе практики международных исследований качества подготовки обучающихся TIMSS (исследование качества математического и естественнонаучного образования), PISA (оценка образовательных достижений учащихся), PIRLS (оценка качества чтения и понимания текста учащимися начальной школы), как важнейшие критерии оценки качества образования на международном уровне³. В 2020 г. Тыва впервые примет участие в этих международных исследованиях по модели PISA.

Рассматриваемый период характеризуется тем, что произошедшие реформы в образовании России оказали существенное влияние на развитие математического образования в Тыве. В первую очередь, это связано с изменениями в содержании математического образования, что привело к необходимости открытия образовательных учреждений нового типа (лицеев, гимназий). Благодаря признанию ведущей роли национальной школы стало заметно усиление этнокультурной направленности в обучении математике, содержание которого обогащается ценностями национальной культуры тувинского народа. В этот период защищаются диссертации, посвященные методике преподавания математики с учетом национальных и региональных особенностей, продолжаются исследования по этой теме молодыми учеными. В образовательной политике республики сделаны значительные шаги по реализации «Концепции модернизации российского образования», ФГОС второго поколения. Впервые созывается Съезд учителей математики и создается «Ассоциация учителей математики», которая функционирует по настоящее время.

В соответствии с поставленными задачами государства в области математического образования в Тыве началась оценка качества математического образования по уровням образования по итогам участия республики в мониторинговых исследованиях с 2004 года и реализация Концепции математического образования 2015 года.

Заключение

Историческая периодизация, представленная в данном обзоре, показывает, что со времен школьного строительства в Тыве на более, чем вековую историю содержание математического образования существенно менялось с изменением образовательной среды и школьного образования под влиянием государственной политики в области образования, социально-экономического положения страны и региона.

¹ Концепция развития математического образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b18bcc453a2a1f7e855416b198e5e276> (дата обращения: 26.07.2020).

² 18 декабря 2015 года прошел I-й съезд учителей математики Тывы [Электронный ресурс] // Институт развития национальной школы Республики Тыва. URL: <http://irnsh.ru/2015/12/21/18-dekabrya-2015-goda-proshel-i-jj-sezd-uchitelej/> (дата обращения: 26.07.2020).

³ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), Министерства просвещения Российской Федерации (Минпросвещения РФ) от 6 мая 2019 г. № 590/219 «Об утверждении Методологии и критериев оценки качества общего образования в общеобразовательных организациях на основе практики международных исследований качества подготовки обучающихся» [Электронный ресурс] // Федеральный институт оценки качества образования. URL: <https://fioco.ru/metod> (дата обращения: 26.07.2020).

В развитии школьного образования существенное влияние оказало и математическое образование благодаря внедрению в образовательный процесс учебников, переведенных на тувинский язык учеными и методистами: О. С. Хойлакаа, Х. О. Ондара, С. С. Салчака, М. С. Хомушку, З. Л. Монгуш, О. М. Баир, Н. М. Кара-Сал, А. И. Очур, М. С. Сат.

Именно первые ученые-математики Х. О. Ондар, первый ректор Кызылского государственного педагогического института, О. Б. Бузур-оол, первый ректор Тувинского государственного университета, стали руководителями первых учебных заведений высшего образования, в стенах которых подготовлена целая плеяда учителей математики для республики.

Исследования отдельных аспектов развития математического образования в самой Туве предопределили появление трех научных школ, сформированных по направлениям: теоретические проблемы науки математики, прикладной математики и методики преподавания математики в школе и вузе.

Предварительный обзор ставит новые исследовательские перспективы, как для ученых, так и учителей математики региона — углубленного изучения истории математического образования, вклада ученых-математиков, осмысления национальных приоритетов в образовании в современный период в контексте отечественного и международного математического образования.

Благодарности

Авторы статьи благодарят семью Орлана Базыровича Бузур-оола, семью Кунзенмаа Баазановны Артына, коллектив кафедры математики и методики преподавания математики ТувГУ, отдел научной библиотеки Тувинского государственного университета и Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва, Национальный архив Республики Тыва — за предоставленные материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акманова, С. В. (2016) Современное математическое образование в России // Новая наука: опыт, традиции, инновации. № 9. С. 9–12.
- Андронов, И. К. (1967) Полвека развития школьного математического образования в СССР. М. : Просвещение. 180 с.
- Антонова, Л. В., Цыбикова, Л. Х. (2015) Проблема повышения качества математического образования в Республике Бурятия // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Бурятского государственного университета / отв. ред. В. В. Башкеева. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 270 с. С. 262–264.
- Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.
- Асочакова, Э. М. (2018) Использование задач с этнокультурным содержанием при обучении математике младших школьников // Этнопедагогика в системе образования: опыт, проблемы и перспективы (XIV Волковские чтения) : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Э. В. Екеева. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет. 258 с. С. 154–157.
- Бузур-оол, О. Б. (1982) Модельные задачи управления движением антропоморфных робототехнических устройств : дисс. ... канд. физ.-мат. н. М. 129 с.
- Вилькоцкий, М. А., Пригодич, В. Н. (2019) Stem образование — инновационная стратегия модернизации физико-математического и развития инженерного образования в школе // Физико-математическое образование: цели, достижения и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. С. И. Василец. Минск : Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». 200 с. С. 169–170.
- Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Издательско-полиграфический отдел «Билиг». 212 с.
- Глейзер, Г. И. (1983) История математики в школе. М. : Просвещение. 351 с.
- Гнеденко, Б. В. (2009) Очерки по истории математики в России. М. : Либроком. 296 с.
- Горев, П. М. (2015) Направления совершенствования школьного математического образования // Математический вестник педагогических вузов и университетов Волго-Вятского региона. № 17. С. 224–236.
- Далаа, С. М. (1987) Некоторые неравенства для многочленов в многомерном случае : автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. н. Ленинград. 18 с.
- Доржу, З. Ю. (2016) Организатор университетского образования в Туве Орлан Базырович Бузур-оол // Информатизация образования: история, проблемы и перспективы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения первого ректора Тувинского государственного

ного университета О. Б. Бузур-оола / отв. ред. А. И. Жданок. Кызыл : Тувинский государственный университет. 127 с. С. 90–92.

Доржу, З. Ю., Очур, Н. М. (2017) История школьного образования в Туве в последней четверти XX — начале XXI в. Кызыл : Тувинский государственный университет. 169 с.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). М. : Академии наук СССР. 607 с.

Дьячковская, М. Д. (2017) Этнокультурный компонент в обучении математике: проектирование, разработка и внедрение (на примере Республики Саха (Якутия). Ульяновск : Издательство «Зебра». 151 с.

Жданок, А. И. (2006) Конечно аддитивное расширение марковских операторов и эргодические теоремы : дисс. ... докт. физ.-мат. н. Новосибирск. 217 с.

История Тувы (2001) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.

История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

История Тувы (2016) : в 3 т. Новосибирск : Наука. Т. 3. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. 455 с.

Кара-Сал, Н. М. (1989) Формирование у студентов умений систематизировать знания в курсе практикума по решению математических задач : автореф. дис. ... канд. пед. н. Ленинград. 18 с.

Кара-Сал, Н. М., Танова, О. М. (2018) Роль семьи в развитии интереса детей к математике // Мир науки, культуры и образования. № 2(69). С. 131–134.

Кара-Сал, Н. М., Танова, О. М., Куулар, У. С. (2018) Орнаменты как средство обучения математике детей с ограниченными возможностями здоровья // Мир науки, культуры, образования. № 4 (71). С. 53–55.

Колягин, Ю. М. (2001) Русская школа и математическое образование. М. : Просвещение. 318 с.

Крымова, Л. Н. (2015) Состояние, проблемы повышения качества математического образования в условиях реализации Концепции развития математического образования // Актуальные проблемы математического образования в школе и вузе: Материалы VIII международной научно-практической конференции / ред. коллегия: Э. К. Брейтигам, И. В. Кисельников, Л. А. Одинцова. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет. 230 с. С. 152–157.

Лешаков, О. Э. (2002) Моделирование коагуляции и диффузии в слоисто-неоднородных стохастических средах : дисс. ... канд. физ.-мат. н. Красноярск. 101 с.

Липатникова, И. Г. (2015) Содержание математического образования в контексте реализации Концепции математического образования и федерального государственного стандарта общего образования // Актуальные вопросы преподавания математики, информатики и информационных технологий. № 1. С. 15–13.

Мамаш, Е. А. (2004) Математическое моделирование критических явлений каталитических процессов с учетом неидеальности : дисс. ... канд. физ.-мат. н. Кызыл. 189 с.

Миринова, Л. М., Монгуш, З. Л. (2005) Математика : учебное пособие по геометрии для поступающих в вузы. Кызыл : РИО ТывГУ. 64 с.

Монгуш, А. С. (2002) Использование прикладных задач с национально-региональным содержанием как фактор повышения качества математических знаний учащихся 5–9 классов: на примере Республики Тыва : дисс. ... канд. пед. н. Новосибирск. 151 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Монгуш, В. Ч. (2006) История образования в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.

Монгуш, В. Ч. (2020) Новые архивные данные по истории школьного строительства в Туве начала XX века // Новые исследования Тувы. № 2. С. 187–200. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.13

Монгуш, Ч. М. (2020) Разработка метода и средств фрагментации и дефрагментации формальных контекстов: автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. н. Красноярск. 19 с.

Мункоева, А. А. (2019) Организационно-педагогические условия формирования исследовательских умений учащихся средних классов сельской школы при обучении математике // Вопросы педагогики. № 12 (1). С. 161–165.

Мышлявцева, М. Д. (2013) Математическое моделирование сложных адсорбционных систем на поверхности твердых тел : метод трансфер-матрицы: автореф. дисс. ... д-ра физ.-мат. н. Пермь. 24 с.

Никитина, Е. С., Неустроева, Т. К. (2018) Вопросы реализации Концепции математического образования в Республике Саха (Якутия) // Геометрия многообразия и ее приложения: Материалы V-ой научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию профессора Р. Н. Щербакова / отв. ред. В. Б. Цыренова. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. 334 с. С. 255–261.

Ондар, Ч. М. (2009) Формирование элементарных математических представлений у детей старшего дошкольного возраста на основе этнокультурных традиций тувинского народа : автореф. дисс. ... канд. пед. н. Екатеринбург. 22 с.

- Ондар, Ч. М., Танова, О. М. (2009) Обогащение содержания математического образования детей этнокультурными традициями тувинского народа // Сибирский педагогический журнал. № 13. С. 331–338.
- Ондар, Х. О. (1967) Некоторые вопросы истории теории вероятностей в дореволюционной России : автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. н. М. 14 с.
- Ондар, Х. О., Тьртый-оол, Н. М. (1999) Задачник-практикум по теории функций комплексного переменного. Красноярск : Луна-Река. 152 с.
- Ооржак, Х. Д.-Н., Кара-оол, Л. С. (2012) Становление и развитие высшего педагогического образования в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. Вып. 4. С. 100–106.
- Павленко, С. А. (2015) Современное состояние и перспективы развития математического инженерного образования в России // Мир науки, культуры, образования. № 2 (51). С. 76–78.
- Павлидис, В. Д. (2006) Математическое образование в реальных гимназиях и реальных училищах России в XIX — начале XX века. М. : Логос. 253 с.
- Павлидис, В. Д. (2017) Среднее математическое образование в России в конце XIX — начала XX вв. // Наука и школа. № 1. С. 109–115.
- Полякова, Т. С. (2002) История математического образования в России. М. : МГУ. 624 с.
- Попова, Н. Г. (1998) Текстовые задачи. Кызыл : ТывГУ. 48 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Рослова, Л. О. (2019) О предоставлении содержания математического образования в Федеральных государственных образовательных стандартах общего среднего образования // Отечественная и зарубежная педагогика. Т. 1. № 6 (63). С. 121–132. DOI: www.doi.org/10.24411/2224-0772-2019-10048
- Сабирзянов, Г. С. (1967) Партийное руководство народным образованием в Советской Туве (1944–1967 гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 71 с.
- Салчак, Л. П., Салчак, К. Б. (2003) Педагогическое образование в Туве: Научная мысль. История. Люди. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.
- Салчак, С. С. (1971) Русско-тувинский словарь математических терминов : 5000 слов / под ред. М. С. Хомушку. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 187 с.
- Салчак, С. С. (1973) Тувинская математическая терминология и ее роль в преподавании математики на современном этапе : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М. 15 с.
- Самданчап, Р. Т. (2000) Моделирование поверхностных фазовых переходов и их влияние на кинетику простейших гетерогенно-каталитических процессов: автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. н. Красноярск. 18 с.
- Сандрай, А. Д. (1998) Тыва хемчеглер [Тувинские единицы измерения] // Башкы. № 5. С. 15–18.
- Сат, А. К. (2006) Формирование и развитие кадрового потенциала Тувы (1921–2004 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан. 26 с.
- Сат, А. К. (2015) Открытие Тувинского государственного университета — важный этап в становлении высшего образования в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. Вып. 1. С. 34–36.
- Сат, Л. А., Борзенко, А. М. (1990) Введение в математику : методическое пособие для студентов физико-математического факультета. Кызыл : РИО КГПИ. 93 с.
- Сердобов, Н. А. (1953) Народное образование в Туве. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 136 с.
- Сотников, А. И. (2004) Порядковые свойства пространства переходных функций: автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. н. Новосибирск. 13 с.
- Танзы, М. В., Танова, О. М., Кара-Сал, Н. М., Монгуш, А. С. (2017) Электронный словарь математических терминов как средство результативного обучения математике детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях двуязычия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 4 (42). С. 12–21. DOI: www.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-42-4-17
- Танзы, М. В., Куулар, Л. Л., Троякова, Г. А., Саая, С. К. (2019) Технология дистанционного обучения математике студентов в электронной среде Moodle // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 1 (47). С. 35–41. DOI: www.doi.org/10.25146/1995-0861-2019-47-1-101
- Танова, О. М., Кара-Сал, Н. М. (2012) Использование задач на местном материале при изучении математики в 5–6 классах тувинской национальной школы // Вестник Тувинского государственного университета. Серия Педагогические науки. № 4. С. 18–21.
- Танова, О. М., Кара-Сал, Н. М. (2019) Формирование этнокультурной компетентности будущего учителя математики в процессе изучения дисциплины по выбору // Мир науки, культуры, образования. № 15 (78). С. 346–347.
- Толмашов, А. Г., Канзычакова, А. К. (2013) Двуязычный задачник как средство этнокультурного обогащения содержания начального математического образования // Герценовские чтения. Начальное образование. № 4 (1). С. 190–193.

Тюлюш, М. К. (2002) Комплексная технология обучения аналитической геометрии плоскости студентов педвузов (на примере ТывГУ) : автореф. дисс. ... канд. пед. н. Новосибирск. 19 с.

Троякова, Г. А. (1993) Бесконечные периодические сопряженно-примитивно конечные группы : автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. н. Омск. 18 с.

Троякова, Г. А. (2015) Результаты и проблемы единого государственного экзамена по математике профильного уровня в Республике Тыва // Вестник Туvinского государственного университета. Серия Педагогические науки. № 4. С. 71–78.

Троякова, Г. А. (2016) Анализ ЕГЭ по математике по тувинскому региону. Выпуск 9. Учебное пособие для учителей и школьников. Кызыл : РИО ТувГУ. 131 с.

Штокало, И. З. (1975) История математического образования в СССР. Киев: Наукова думка. 383 с.

Хурбе, Р. Э. (2020) Методика обучения решению простых задач с этнокультурным содержанием: учебно-методическое пособие для студентов Кызылского педагогического колледжа. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 104 с.

Цыренова, В. Б. (2006) Развитие высшего математического образования в регионе России : автореф. дисс. ... д-ра пед. н. Улан-Удэ. 40 с.

Дата поступления: 01.10.2020 г.

REFERENCES

Akmanova, S. V. (2016) *Sovremennoe matematicheskoe obrazovanie v Rossii* [Contemporary education in mathematics in Russia]. *Novaia nauka: opyt, traditsii, innovatsii*, no. 9, pp. 9–12. (In Russ.).

Andronov, I. K. (1967) *Polveka razvitiia shkol'nogo matematicheskogo obrazovaniia v SSSR* [Half a century of development of school education in mathematics in the USSR]. Moscow, Prosveshchenie. 180 p. (In Russ.).

Antonova, L. V. and Tsybikova, L. Kh. (2015) Problema povysheniia kachestva matematicheskogo obrazovaniia v Respublike Buriatiia [The problem of improving the quality of mathematical education in the Republic of Buryatia]. In: *Evraziiskaia paradigma Rossii: tsennosti, idei, praktika* [Russia's Eurasian paradigm: values, ideas, and practices]: Proceedings of the international research conference dedicated to the 20th anniversary of Buryat State University / ed. by V. V. Bashkeeva. Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet. 270 p. Pp. 262–264. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu* [The historical path of the Tuvan people to socialism]. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Asochakova, E. M. (2018) Ispol'zovanie zadach s etnokul'turnym sodержaniem pri obuchenii matematike mladshikh shkol'nikov [Using problems with ethno-cultural content in teaching mathematics to primary school children]. In: *Etnopedagogika v sisteme obrazovaniia : opyt, problemy i perspektivy (XIV Volkovskie chteniia)* [Ethnopedagogics in the education system: experience, problems and prospects (14th Volkov readings)]: proceedings of the International research and practical conference / ed. by E. V. Ekeeva. Gorno-Altai, Gorno-Altai, Gosudarstvennyi universitet. 258 p. Pp. 154–157. (In Russ.).

Buzur-ool, O. B. (1982) *Model'nye zadachi upravleniia dvizheniem antropomorfnykh robototekhnicheskikh ustroystv* [Model problems of controlling the movement of anthropomorphic robotic devices]: Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Moscow. 129 p. (In Russ.).

Vil'kotskii, M. A. and Prigodich, V. N. (2019) Stem obrazovanie — innovatsionnaia strategiiia modernizatsii fiziko-matematicheskogo i razvitiia inzhener'nogo obrazovaniia v shkole [STEM education — an innovative strategy for the modernization of physics and mathematics and the development of engineering education in schools]. In: *Fiziko-matematicheskoe obrazovanie: tseli, dostizheniia i perspektivy* [Physical and mathematical education: goals, achievements and prospects]: Materials of the International scientific and practical conference / ed. by S. I. Vasilets. Minsk, Uchrezhdenie obrazovaniia «Belorusskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Maksima Tanki». 200 p. Pp. 169–170. (In Russ.).

Volkov G. N., Salchak K. B. and Shaaly A. S. (2009) *Etnopedagogika tuvinskogo naroda* [The ethnopedagogy of the Tuvan people]. Kyzyl, Tyvapoligraf. 212 p. (In Russ.).

Gleizer, G. I. (1983) *Istoriia matematiki v shkole* [History of mathematics at school]. Moscow, Prosveshchenie. 351 p. (In Russ.).

Gnedenko, B. V. (2009) *Ocherki po istorii matematiki v Rossii* [Essays on the history of mathematics in Russia]. Moscow, Librokom. 296 p. (In Russ.).

Gorev, P. M. (2015) Napravleniia sovershenstvovaniia shkol'nogo matematicheskogo obrazovaniia [Directions for improving school mathematics education]. *Matematicheskii vestnik pedagogicheskikh vuzov i universitetov Volgo-Viatskogo regiona*, no. 17, pp. 224–236. (In Russ.).

Dalaa, S. M. (1987) *Nekotorye neravenstva dlia mnogochlenov v mnogomernom sluchae* [Some inequalities for polynomials in the multidimensional case]: Abstract of Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad. 18 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2016) Organizator universitetskogo obrazovaniia v Tuve Orlan Bazyrovich Buzur-ool [Orlan Bazyrovich Buzur-ool is an organizer of University education in Tuva]. In: *Informatizatsiia obrazovaniia: istoriia, problemy i perspektivy*

tivy [Informatization of education: history, problems and prospects]: Proceedings of the all-Russian research and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of the first rector of Tuvan State University O. B. Buzur-ool / ed. by A. I. Zhdanok. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 127 p. Pp. 90–92. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Ochur, N. M. (2017) *Istoriia shkol'nogo obrazovaniia v Tuve v poslednei chetverti XX — nachale XXI v. [History of school education in Tuva in the last quarter of the XX — beginning of the XXI century]*. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 169 p. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v. [The socio-economic history of Tuva. 19th — early 20th centuries]*. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 608 p. (In Russ.).

D'iachkovskaia, M. D. (2017) *Etnokul'turnyi komponent v obuchenii matematike: proektirovanie, razrabotka i vnedrenie (na primere Respubliki Sakha (Iakutiia) [Ethno-cultural component in teaching mathematics: design, development and implementation. The case of the Republic of Sakha (Yakutia)]*. Ul'ianovsk, Zebra Publ. 151 p. (In Russ.).

Zhdanok, A. I. (2006) *Konechno additivnoe rasshirenie markovskikh operatorov i ergodicheskie teoremy [Finite additive extension of Markov operators and ergodic theorems]*: Diss. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Novosibirsk. 217 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kara-Sal, N. M. (1989) *Formirovanie u studentov umenii sistematizirovat' znaniia v kurse praktikuma po resheniiu matematicheskikh zadach [Development of students' skills in systematizing knowledge in a practical course on solving mathematical problems]*: Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Leningrad. 18 p. (In Russ.).

Kara-Sal, N. M. and Tanova, O. M. (2018) Rol' sem'i v razvitii interesa detei k matematike [The role of the family in the development of the interest of children to mathematics]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 2(69), pp. 131–134. (In Russ.).

Kara-Sal, N. M., Tanova, O. M. and Kuular, U. S. (2018) Ornamenty kak sredstvo obucheniia matematike detei s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Ornaments as a means of teaching mathematics for disabled children]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4 (71), pp. 53–55. (In Russ.).

Koliagin, Iu. M. (2001) *Russkaia shkola i matematicheskoe obrazovanie [Russian school and mathematical education]*. Moscow, Prosveshchenie. 318 p. (In Russ.).

Krymova, L. N. (2015) Sostoianie, problemy povysheniia kachestva matematicheskogo obrazovaniia v usloviakh realizatsii Kontseptsii razvitiia matematicheskogo obrazovaniia [Current state and problems of improving the quality of mathematical education in the context of the implementing the Concept of development of mathematical education]. In: *Aktual'nye problemy matematicheskogo obrazovaniia v shkole i vuze [Urgent issues of mathematical education at school and university]*: Materials of the 8th international research and practical conference / editorial board E. K. Breitigam, I. V. Kisel'nikov and L. A. Odintsova. Barnaul, Altai State Pedagogical University. 230 p. Pp. 152–157. (In Russ.).

Leshakov, O. E. (2002) *Modelirovanie koagulyatsii i diffuzii v sloisto-neodnorodnykh stokhasticheskikh sredakh [Modeling of coagulation and diffusion in layered-inhomogeneous stochastic media]*: Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Krasnoiar'sk. 101 p. (In Russ.).

Lipatnikova, I. G. (2015) Soderzhanie matematicheskogo obrazovaniia v kontekste realizatsii Kontseptsii matematicheskogo obrazovaniia i federal'nogo gosudarstvennogo standarta obshchego obrazovaniia [Content of mathematical education in the context of implementing the Concept of mathematical education and the Federal State Standard of General Secondary Education]. *Aktual'nye voprosy prepodavaniia matematiki, informatiki i informatsionnykh tekhnologii*, no. 1, pp. 15–13. (In Russ.).

Mamash, E. A. (2004) *Matematicheskoe modelirovanie kriticheskikh iavlenii kataliticheskikh protsessov s uchetom neideal'nosti [Mathematical modeling of critical phenomena of catalytic processes taking into account non-ideality]*: Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Kyzyl. 189 p. (In Russ.).

Mironova, L. M. and Mongush, Z. L. (2005) *Matematika [Mathematics]: a textbook on geometry for university applicants*. Kyzyl, RIO TyvGU. 64 p. (In Russ.).

Mongush, A. S. (2002) *Ispol'zovanie prikladnykh zadach s natsional'no-regional'nym sodержaniem kak faktor povysheniia kachestva matematicheskikh znaniy uchashchikhsia 5–9 klassov: na primere Respubliki Tyva [The use of applied problems with national and regional content as a factor in improving the quality of mathematical knowledge in grade 5–9 students: the case of the Republic of Tuva]*: Diss. ... Candidate of Pedagogy. Novosibirsk. 151 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, V. Ch. (2006) *Istoriia obrazovaniia v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921–1944 gg.) [History of education in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]*: Abstract of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 26 p. (In Russ.).

Mongush, V. Ch. (2020) Novye arkhivnye dannye po istorii shkol'nogo stroitel'stva v Tuve nachala XX veka [New archival data on the history of school construction in Tuva at the beginning of the twentieth century]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 187–200. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.13

Mongush, Ch. M. (2020) *Razrabotka metoda i sredstv fragmentatsii i defragmentatsii formal'nykh kontekstov [Development of methods and tools for fragmentation and defragmentation of formal contexts]: Abstract of Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Krasnoyarsk. 19 p. (In Russ.)*.

Munkoeva, A. A. (2019) *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviia formirovaniia issledovatel'skikh umenii uchashchikhsia srednikh klassov sel'skoi shkoly pri obuchenii matematike [Organizational and pedagogical conditions for the development of research skills of secondary school students in rural schools when teaching mathematics]. Voprosy pedagogiki, no. 12 (1), pp. 161–165. (In Russ.)*.

Myshliavtseva, M. D. (2013) *Matematicheskoe modelirovanie slozhnykh adsorbnykh sistem na poverkhnosti tverdykh tel : metod transfer-matritsy [Mathematical modeling of complex adsorbent systems on the surface of solids]: Abstract of Diss. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Perm'. 24 p. (In Russ.)*.

Nikitina, E. S., Neustroeva, T. K. (2018) *Voprosy realizatsii Kontseptsii matematicheskogo obrazovaniia v Respublike Sakha (Yakutiia) [Issues of implementing the Concept of mathematical education in the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: Geometriia mnogobrazii i ee prilozheniia [Geometry of manifolds and its applications]: Proceedings of the 5th research conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of Professor R. N. Shcherbakov / ed. by V. B. Tsyrenova. Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet imeni Dorzhi Banzarova. 334 p. Pp. 255–261. (In Russ.)*.

Ondar, Ch. M. (2009) *Formirovanie elementarnykh matematicheskikh predstavlenii u detei starshego doshkol'nogo vozrasta na osnove etnokul'turnykh traditsii tuvinskogo naroda [Building elementary mathematical concepts in older preschool children based on the ethnic and cultural traditions of the Tuvan people]: Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Ekaterinburg. 22 p. (In Russ.)*.

Ondar, Ch. M. and Tanova, O. M. (2009) *Obogashchenie soderzhaniia matematicheskogo obrazovaniia detei etnokul'turnymi traditsiiami tuvinskogo naroda [Enriching the content of mathematical education of children with ethno-cultural traditions of the Tuvan people]. Sibirskii pedagogicheskii zhurnal, no. 13, pp. 331–338. (In Russ.)*.

Ondar, Kh. O. (1967) *Nekotorye voprosy istorii teorii veroiatnosteni v dorevoliutsionnoi Rossii [Some issues of the history of probability theory in pre-revolutionary Russia] : Abstract of Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Moscow. 14 p. (In Russ.)*.

Ondar, Kh. O. and Tyrti-ool, N. M. (1999) *Zadachnik-praktikum po teorii funktsii kompleksnogo peremennogo [Problem book and workshop on the theory of functions of a complex variable]. Krasnoyarsk, Luna-Reka. 152 p. (In Russ.)*.

Oorzhak, Kh. D.-N. and Kara-ool, L. S. (2012) *Stanovlenie i razvitie vysshego pedagogicheskogo obrazovaniia v Tuve [The rise and development of higher pedagogical education in the Republic of Tuva]. Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki, vol. 4, pp. 100–106. (In Russ.)*.

Pavlenko, S. A. (2015) *Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia matematicheskogo inzhenernogo obrazovaniia v Rossii [Current state and prospects of development of mathematical engineering education in Russia]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia, no. 2 (51), pp. 76–78. (In Russ.)*.

Pavlidis, V. D. (2006) *Matematicheskoe obrazovanie v real'nykh gimnaziakh i real'nykh uchilishchakh Rossii v XIX — nachale XX veka [Mathematical education in real gymnasiums and real schools in Russia in the XIX — early XX century]. Moscow, Logos, 253 p. (In Russ.)*.

Pavlidis, V. D. (2017) *Srednee matematicheskoe obrazovanie v Rossii v kontse XIX — nachala XX vv. [Secondary education in mathematics in Russia, 19th – early 20th century]. Nauka i shkola, no. 1, pp. 109–115. (In Russ.)*.

Poliakova, T. S. (2002) *Istoriia matematicheskogo obrazovaniia v Rossii [History of mathematical education in Russia]. Moscow, MGU. 624 p. (In Russ.)*.

Popova, N. G. (1998) *Tekstovye zadachi [Text-based problems]. Kyzyl, TuvSU. 48 s. (In Russ.)*.

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.)*.

Roslova, L. O. (2019) *O predstavlenii soderzhaniia matematicheskogo obrazovaniia v Federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartakh obshchego srednego obrazovaniia [On the presentation of the content of mathematical education in Federal state educational standards of general secondary education in the Russian Federation]. Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika, vol. 1, no. 6 (63), pp. 121–132. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.24411/2224-0772-2019-10048*

Sabirzianov, G. S. (1967) *Partiinoe rukovodstvo narodnym obrazovaniem v Sovetskoi Tuve (1944–1967 gg.) [Party leadership of public education in Soviet Tuva (1944–1967)]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 71 p. (In Russ.)*.

Salchak, L. P. and Salchak, K. B. (2003) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Tuve: Nauchnaia mysl'. Istoriia. Liudi [Teacher education in Tuva: Scholarly thought. History. People]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 256 p. (In Russ.)*.

Salchak, S. S. (1971) *Russko-tuvinskii slovar' matematicheskikh terminov : 5000 slov [Russian-Tuvan dictionary of mathematical terms: 5000 words] / ed. by M. S. Khomushku. Kyzyl, Tuvan book publisher. 187 p. (In Russ.)*.

Salchak, S. S. (1973) *Tuvinskaia matematicheskaia terminologiya i ee rol' v prepodavanii matematiki na sovremennom etape [Tuvan mathematical terminology and its role in teaching mathematics at the present stage]: Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Moscow. 15 p. (In Russ.)*.

Samdanchap, R. T. (2000) *Modelirovanie poverkhnostnykh fazovykh perekhodov i ikh vliianie na kinetiku prosteishikh geterogenno-kataditicheskikh protsessov [The modeling of surface phase transitions and their influence on the kinetics the elementary heterogeneous processes kataliticheskikh]:* Abstract of Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Krasnoyarsk. 18 p. (In Russ.).

Sandrai, A. D. (1998) Tyva khemchegler [Tuvan units of measurement]. *Bashky*, no. 5, pp. 15–18. (In Russ.).

Sat, A. K. (2006) *Formirovanie i razvitie kadrovogo potentsiala Tuvy (1921–2004 gg.) [The rise and development of workforce capacity in Tuva (1921–2004)]:* Abstract of Diss. ... Candidate of History. Abakan. 26 p. (In Russ.).

Sat, A. K. (2015) Otkrytie Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta — vazhnyi etap v stanovlenii vysshego obrazovaniia v Tuve [The opening of Tuvan State University as an important stage in the development of higher education in Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, vol. 1, pp. 34–36. (In Russ.).

Sat, L. A. and Borzenko, A. M. (1990) *Vvedenie v matematiku [Introduction to mathematics]:* a methodological guide for students of the faculty of physics and mathematics. Kyzyl, RIO KGPI. 93 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1953) *Narodnoe obrazovanie v Tuve [Public education in Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 136 p. (In Russ.).

Sotnikov, A. I. (2004) *Poriadkovye svoystva prostranstva perekhodnykh funktsii [Ordinal properties of the space of transition functions]:* Abstract of Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Novosibirsk. 13 p. (In Russ.).

Tanzy, M. V., Tanova, O. M., Kara-Sal, N. M. and Mongush, A. S. (2017) Elektronnyi slovar' matematicheskikh terminov kak sredstvo rezul'tativnogo obucheniia matematike detei s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia v usloviakh dvuiazychiia [Electronic dictionary of mathematical terms as a means of successful mathematics training of children with disabilities in bilingual conditions]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 4 (42), pp. 12–21. DOI: www.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-42-4-17

Tanzy, M. V., Kuular, L. L., Troiakova, G. A. and Saaya, S. K. (2019) Tekhnologiya distantsionnogo obucheniia matematike studentov v elektronnoi srede Moodle [Technology of distance teaching of mathematics for students using “Moodle” system]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 1 (47), pp. 35–41. DOI: www.doi.org/10.25146/1995-0861-2019-47-1-101

Tanova, O. M. and Kara-Sal, N. M. (2012) Ispol'zovanie zadach na mestnom materiale pri izuchenii matematiki v 5–6 klassakh tuvinskoj natsional'noi shkoly [Using problems based on local material in the study of mathematics in grades 5–6 of the Tuva national school]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogicheskie nauki*, no. 4, pp. 18–21. (In Russ.).

Tanova, O. M. and Kara-Sal, N. M. (2019) Formirovanie etnokul'turnoi kompetentnosti budushchego uchitelia matematiki v protsesse izuchenii distsipliny po vyboru [Formation of ethnocultural competence of the future mathematics teacher in the process of studying elective disciplines]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 15 (78), pp. 346–347. (In Russ.).

Tolmashov, A. G. and Kanzychakova, A. K. (2013) Dvuiazychnyi zadachnik kak sredstvo etnokul'turnogo obogashcheniia sodержaniia nachal'nogo matematicheskogo obrazovaniia [A bilingual problem book as a means of ethnocultural enrichment of the content of primary mathematics education]. *Gertsenovskie chteniia. Nachal'noe obrazovanie*, no. 4 (1), pp. 190–193. (In Russ.).

Tiuliush, M. K. (2002) *Kompleksnaia tekhnologiya obucheniia analiticheskoi geometrii ploskosti studentov pedvuzov (na primere TyvGU) [Integrated technology of teaching analytic geometry of the plane to students of pedagogical institutes: the case of TuvSU]:* Abstract of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Novosibirsk. 19 p.

Troiakova, G. A. (1993) *Beskonechnye periodicheskie sopriazhenno-primitivno konechnye grupy [Infinite periodic conjugate-primitive finite groups]:* Abstract of Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Omsk. 18 p. (In Russ.).

Troiakova, G. A. (2015) Rezul'taty i problemy edinogo gosudarstvennogo ekzamina po matematike profil'nogo urovniia v Respublike Tyva [Results and problems of the Unified state exam in mathematics of the profile level in the Republic of Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogicheskie nauki*, no. 4, pp. 71–78. (In Russ.).

Troiakova, G. A. (2016) *Analiz EGE po matematike po tuvinskomu regionu [Analysis of the unified state exam in mathematics in the Tuva region]*. Issue 9. Textbook for teachers and students. Kyzyl, RIO TuvGU. 131 p. (In Russ.).

Shtokalo, I. Z. (1975) *Istoriia matematicheskogo obrazovaniia v SSSR [History of mathematical education in the USSR]*. Kiev, Naukova dumka. 383 p. (In Russ.).

Khurbe, R. E. (2020) *Metodika obucheniia resheniiu prostykh zadach s etnokul'turnym sodержaniem [Methods of teaching the solution of simple problems of ethnic and cultural content]:* educational and methodological guide for students of the Kyzyl pedagogical College. Kyzyl, TuvGU Publ. 104 p. (In Russ.).

Tsyrenova, V. B. (2006) Razvitie vysshego matematicheskogo obrazovaniia v regione Rossii [Development of higher mathematical education in a region of Russia]: Abstract of Diss. ... Doctor of Pedagogy. Ulan-Ude. 40 p. (In Russ.).

Submission date: 01.10.2020.

Тувинские традиционные методы точных расчетов при изготовлении каркаса юрт

Валерий О. Ооржак

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
Российская Федерация

В статье представлены методы расчетов, которые использовались тувинскими мастерами при изготовлении каркаса тувинской юрты, в частности, верхнего круга — хараача.

Эти методы обеспечивали надёжность, долговечность конструкций и их оригинальные возможности изменения размеров и конфигурации юрты в соответствии с сезонами года, приспособляемость традиционного жилища к различным природным, климатическим условиям и явлениям. Особенно важно было соблюдать заранее рассчитанные параметры при выполнении отверстий-пазов в хараача — верхнем круге, в которые вставляются верхние концы улун (ынаа) — жерди-стропила юрты.

Подробно описаны методы и способы расчетов, замеров и сам процесс подготовки, сверления и совершенствования конфигурации пазов хараача при их изготовлении. Разработаны и показаны чертежи-схемы (проекты) традиционных методов проведения расчетов, замеров, способов и приспособлений.

Ключевые слова: юрта; строительство юрты; изготовление юрты; жилище кочевника; тувинцы; традиционная технология; хараача; тувинская юрта; тувинская культура

Для цитирования:

Ооржак В. О. Тувинские традиционные методы точных расчетов при изготовлении каркаса юрт // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 64–79. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.5

Ооржак Валерий Окпан-оолович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Тел.: +7 (394-22) 662-77 доп. 13. Эл. адрес: v.oorgak@yandex.ru

OORZHAK, Valeriy Okpan-oolovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 662-77 extension number 13 E-mail: v.oorgak@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2985-0722

Tuvan traditional methods of precise computation in the making of yurt frame

Valeriy O. Oorzhak

*Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article examines methods of computation used by Tuvan craftsmen in making the Tuvan yurt frame, in particular its upper circle known as "kharaacha".

These methods provided reliability and durability of the structures and the yurt's unusual feature of changing size and configuration according to a specific season. Traditional Tuvan house is thus adaptable to various natural and climatic conditions and phenomena. It was especially important to maintain the precalculated parameters in making grooves in kharaacha (upper circle), into which the upper ends of ulun (yuaa, rafters of the yurt) were inserted.

The article gives details of computation methods, measurements, and the process of preparing, drilling, and improving the configuration of kharaacha grooves during their making. It also shows plans and drafts of traditional calculation methods, measurements, and devices.

Keywords: yurt; yurt building; yurt making; nomadic house; Tuvans; traditional technology; kharaacha; Tuvan yurt; Tuvan culture

For citation:

Oorzhak V. O. Tuvinskie traditsionnye metody tochnykh raschetov pri izgotovlenii karkasa iurt [Tuvan traditional methods of precise computation in the making of yurt frame]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.5

Введение

В современных условиях динамичных преобразований и модернизации, процесс взаимодействия традиционной культуры с индустриальной цивилизацией является одной из актуальных проблем социально-экономического развития регионов. Происходящие при этом прогрессивные процессы нельзя оценить однозначно. В то же время такое взаимодействие, как правило, ведет к кризису культур, называемых традиционными, а зачастую и к их исчезновению. В частности, если речь идет о малых народах, в особенности об их традиционных, выработанных многовековым опытом методах производства, приспособленных к местным природно-климатическим условиям и особенностям образа жизни и деятельности. В каждом регионе такие процессы отличаются определенной спецификой. В Туве к таковым, наряду с другими, можно отнести некоторые традиционные методы и способы проведения точных расчетов использовавшихся для изготовления каркаса юрты. А они были бы бесценны при условии их восстановления и принятия за основу при разработке новых, современных технологий.

Тематике юрты, в том числе тувинской, уделено определенное внимание ученых, исследователей (см.: Майдар, Пюрвеев, 1980; Вайнштейн, 1991; Байыр-оол, 2013; Бохоева, Балданов, 2013; Ултургашева, Тиникова, 2013; Кан-оол, Ондар, 2014; Кокова, Толмашов, 2014; Никифоров, Михайлов, Никифоров,

2014 и др.). В то же время, по нашему мнению, малоизученными остаются особенности традиционных технологий производства юрт, а именно — методов и способов изготовления оригинальных конструкций и элементов каркаса юрты в соответствии с требованиями и правилами, выработанными вековыми практиками и мастерством изготовителей.

Особую актуальность данное направление исследований приобретает и в связи с поиском путей решения проблем, возникающих при адаптации этнокультурных практик к задачам их усовершенствования и модернизации, в том числе и при реализации Индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 года № 972-р.¹

Целью данной работы является выявление особенностей тувинской традиционной технологии изготовления каркаса юрты, методов и способов проведения точных расчетов, которые могут быть использованы для усовершенствования традиционного быта кочевников — модернизации производства юрт. Они необходимы также и для возрождения, сохранения и развития традиционных видов хозяйствования и туризма, в том числе при реализации социально значимых программ, ориентированных на развитие животноводческих ферм.

Данное исследование требует применения междисциплинарного подхода, причем учитывающего методы и результаты как социальных, так и естественных наук. Источниковой базой для нас выступили авторские полевые материалы, собранные во время учебы, работы, выездов в районы республики и в Монголию:

— в 1965–1972 гг. в Бай-Тайгинском районе, при (во время) участия в изготовлении юрт (в качестве ученика) у дедушки М. Д. Саая, у народных мастеров; Б. Ш. Саая, М.-Д. С. Хертек, К. М. Саая (в том числе при изготовлении юрты для национального музея республики), рассказы-воспоминания старых народных умельцев, собственные воспоминания от наблюдений и услышанных рассказов-наставлений старших мастеров по изготовлению юрт;

— в 1984–1991 гг. во время выездов в целях сбора материалов для проектирования и организации цеха по производству юрт в Чаданском Райпромкомбинате, совместно со специалистами райпромкомбината, проектного бюро Минместпрома Тув АССР, и встречи с народными мастерами в Дзун-Хемчикском, Сүт-Хөлском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Тес-Хемском, Эрзинском районах и в Монголии.

Также источниками нашего исследования стали материалы из фондов и архивов Национального музея Республики Тыва, рассказы-воспоминания научных сотрудников музея; авторские наблюдения за производством и эксплуатацией юрт в настоящее время, за методами и способами работы современных мастеров по изготовлению каркасов юрт, за проблемами, возникающими при изготовлении и использовании каркасов юрт, и сами юрты, произведённые различными способами, в различных условиях (в цехах и кустарных), в том числе выставляемые администрациями кожуунов и городов на торжествах и праздниках, например, на таких, как День живодноводов Наадым.

Автор опирался так же и на работы ученых Тувинского института гуманитарных прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Тувинского государственного университета, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН по проблемам адаптации коренных жителей Тувы к рынку труда в современных условиях, определения потенциала этно-экономической культуры населения региона, разработки концепций и стратегий развития республики и др.

Традиционные требования и правила изготовления юрты тувинцев

Многовековая практика изготовления и использования кочевой юрты позволила выработать правила ее изготовления с точными пропорциями, условиями сбора и демонтажа, а также формами и способами украшения, мебелировки. Каждый элемент юрты и вся её конструкция изготавливались как наиболее оптимальные для того, чтобы соответствовать образу жизни кочевников, резко-континентальным, суровым природно-климатическими условиям мест их проживания, кочевок в различные времена года. Все правила вырабатывались во время практического использования юрт

¹ Правительством Российской Федерации утверждена Индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Тыва, 16.04.2020 [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Тыва. URL: <http://mert.tuva.ru/directions/fcp/news/366.html> (дата обращения: 05.05.2020).

и опирались на расчеты и анализ качества и свойств материалов. В том числе и были разработаны оригинальные (специфические), ныне во многом утраченные методы и способы определения размеров, расчетов углов наклона конструкций, величины гнущья элементов стен, замеров, заготовки и сушки материалов и другие особенности технологии производства, использовавшиеся мастерами при изготовлении каркаса юрты.

В то же время необходимо отметить, что технологии производства юрт у разных культур, в разных регионах, где её использовали и используют, отличаются и по используемым материалам, и по методам, и способам изготовления. Так же и в разных районах Тувы технологии производства некоторых частей (конструкций) юрты у разных мастеров имели свои особенности, отличающиеся друг от друга, но с соблюдением общих правил, требований и принципов. В том числе это касалось используемых материалов, ряда методов и способов производства отдельных элементов. При заготовке материалов для каркаса юрты, некоторые мастера, в частности братья Сенди Сегбеевич Хертек (1913–1974) и Догбал Сегбеевич Хертек (1911–1971), иногда использовали тополь, осину и даже ель, хотя основными материалами всегда считались тальник и берёза. Раньше почерк известных народных умельцев был легко узнаваемым — по методам и способам работы, по качеству их изделий, по сырью и материалам, используемым при изготовлении и отделке (украшении) отдельных элементов каркаса юрты.

Некоторые из изделий, благодаря мастерству их создателей, считались шедеврами. К таковым можно отнести специально или по заказу изготовленные самыми опытными и знаменитыми мастерами оригинальные штучные изделия, такие как верхний круг — *хараача* — полусферическая конструкция; или входной дверь юрты и другие элементы каркаса и покрытия. *Хараача* изготавливались разных размеров, в разных конфигурациях, в том числе были двухъярусные, из разных материалов и разными способами: способом гнущья из ствола молодой берёзы, тополя или осины, способом соединения (склеивания) специально заготовленных и высушенных особыми способами кривых частей из корня берёзы, который считался самым крепким, долговечным и назывался *дугай хараача*. Такие *хараача* высокого качества, изготовленные из самых крепких материалов, и отделывали в соответствии с пожеланиями заказчика качественными влагоотталкивающими покрытиями с последующей покраской и красивой орнаментацией. Некоторые мастера оформляли *хараача* красивой резьбой по дереву, причём не только основной корпус *хараача*, но и *могеже* — выгнутые, прямоугольные в сечении, деревянные рейки, крестообразно располагаемые и крепко закрепляемые на основной корпус *хараача* по 3–5 штук. Всего устанавливают от 6-ти до 10-ти штук *могеже*, за счет которых и формируют полусферическую несущую верхнюю часть *хараача*.

Конечно такие специально штучно сделанные по заказу изделия стоили дорого. Со слов народного мастера, лауреата Государственной премии им. Репина К. М. Саая (1931 г. рожд.), хорошо сделанная знаменитыми прославленными *шеверами* (мастерами) один *дугай хараача* стоил от *молдурга* (телёнок годовалый, молодняк — бычок, телка или як на втором году), до коровы с телёнком или коня в зависимости от размеров, качества и отделки. При этом у обычных мастеров целый комплект каркаса небольшой юрты весь мог стоить корову с телёнком, а простые, гнутые со ствола молодой берёзы *хараача* оценивались в одного барана или овцу с ягнёнком. Примерно также отличались по цене и другие части конструкции каркаса юрты, в зависимости от размеров и качества изготовления. Мастер говорил мне, что были случаи когда за качественно изготовленную по заказу большую юрту с 8-ми или 10-ти звеньевыми *хана* (стенами), богатые люди отдавали целый табун лошадей *Бир аскыр өөр чылгы*, т. е. около 30–40 лошадей во главе с вожак-жеребцом.

Были мастера, которые в ходе многолетнего оттачивания своего искусства вырабатывали новые, теперь бы сказали авторские, виды конструкций или их отдельных частей и узлов, новые способы и методы их проектирования и изготовления, в частности, при изготовлении *хараача*, его своеобразных отверстий — пазов. Одними из таких мастеров, с которыми мне посчастливилось встречаться в период 1969–1973 гг., наблюдать за тем как они работают, помогать в качестве ученика, был младший брат моего дедушки Быдаакай Шойдайович Саая (или как его звали в народе — *Өг чазаар Быдаакай*, мастер (столяр) по изготовлению каркасов юрт) (1905–1975) и самый младший брат бабушки, знаменитый камнерез Мижит-Доржу Сегбеевич Хертек (1913–1974).

Б. Д. Саая был из числа тех редких мастеров, которые сумели сохранить старинные секреты изготовления каркасов, так называемых *эдэ тиктинер* — изменяющих форму или *үрелбес* (*быжыг*) *өг* — не ломающихся, долговечных, или универсальных юрт. Его современники, в том числе и знаменитый камнерез, член Союза художников СССР, лауреат Государственной премии РФ им. И. Е. Репина М.-Д. С. Хертек, говорили что искусник умел особенно хорошо изготавливать верхние круги юрты

хараача по традиционной технологии, по так называемой методике *дугай хараача* — цельного круга из корней берёзы. Он делал каркасы юрт разных размеров, от 5-ти до 8-ми метров в диаметре.

Улуг-даай (уважаемый дядя) Быдаакай Шойдайович был ещё очень общительным, доброжелательным человеком. Он с удовольствием рассказывал, какие были и есть народные правила и требования к качеству элементов каркаса юрты, и какие бывают способы и методы их изготовления. Отвечал даже на мои вопросы относительно способов изготовления любого элемента каркаса юрты. Много из того, что я часто слышал из его рассказов, смыслы его наставлений, осталось в памяти. В частности, он давал наставления следующего содержания:

«*Өгбелеривистиң үндезилеп тургузуп каан негелделерин, дүрүмнерин, өөредиглерин, чурумнарын, санаашкыннарын, катап тургузуп, сагыыр болза, чүлө ынчан ёзулуг эки шынарлыг Тыва өглерни кылып болур*».

Дословный перевод:

«Настоящую тувинскую юрту хорошего качества можно будет изготавливать только тогда, когда будут полностью восстановлены традиционные требования к качеству, те правила, методы расчетов, и способы изготовления, которые были выработаны нашими предками за многовековую практику».

Вот некоторые из этих требований, правил и учений (опять же восстановленные по памяти из его рассказов):

«*Өгнүң дээвириңиң чайгы эң улуг ийленчээн — кадырын (чъаскыр чайын) дөрбелчинниң чартымы чедир улгаттырып болур кылдыр кылыр болза эки, а кыжын ооң үштүң биринге чавызадып турар кылдыр*».

Перевод:

«Каркас юрты надо изготавливать таким образом, чтобы были возможности увеличить максимальный уклон покрытия-потолка (в дождливое лето) до половины прямого угла (квадрата), то есть до 45°, а зимой снизить на одну треть».

Автор статьи попытался воссоздать схему-чертёж конфигураций сезонных вариантов установки одной и той же юрты, изготовленной в соответствии с этими традиционными народными требованиями (рис. 1–3).

«*Улуннарның, дээвириңиң ийленчээн, хараачаның үттериниң хевирин, хемчээлдерин, ийленчээн шын санап, шыйып, белеткеп, тургаш тодарадып кылып хандырап*» («Изменение углов наклона всех улун (стропил), соответственно потолка юрты в целом, должно быть обеспечено за счёт точных расчётов, замеров по определению размеров, конфигурации и наклона отверстий — пазов *хараача* и их правильного, в соответствии с расчетами, изготовления» (рис. 4).

На рисунках 1–3 показаны схемы-чертежи возможных вариантов установки (конфигурации) тувинской кочевой юрты в разные времена года. Представленные возможности изменения физических показателей (параметров) юрты (высоты, общей площади, объёма) обеспечивались народными мастерами при изготовлении каркаса юрты посредством соблюдения традиционных требований и применением так называемого правила *эде тиктинер өг* (универсальная, или изменяющая конфигурацию, юрта) и использования метода *ийи катап улгаттырап* (двукратного увеличения) при изготовлении отверстия-пазов *хараача* — *дугай хараача* (верхнего круга) и концов улун.

В рассматриваемом варианте взяты размеры *бичи өг* (маленькой юрты) или *чиик өг* (лёгкой юрты) — одной наиболее мобильной видов юрт облегченной конструкции. Длина улун подобной юрты равна $l_u = 225$ см, диаметр *хараача* $\varnothing x = 120$ см.

Под обозначением «В-1» (на рис. 1) нарисован общий вид (схема) юрты в среднем варианте установки в весенний и осенний сезоны года, с частичным показом каркаса, покрытия, двери и ряда других элементов укрепления, утепления и вентилирования. При среднем варианте установки (угол наклона улун, значит и потолка-покрытия — 35°), диаметр юрты составляет 5,0 метра, общая высота $H_1 = 3,15$ м, высота хана (стенки) $h_1 = 1,65$ м. Общая площадь юрты $S_{ю}$ будет равна $S_{ю} = \pi r^2 = 3,14 \times (2,50 \times 2,50) = 3,14 \times 6,25 = 19,625$ м².

Под обозначением «В-2» (на рис. 2) составлена схема-конфигурация варианта установки той же юрты в зимний период. Здесь, как видно из схемы-рисунка, диаметр юрты увеличен до 5,30 м, при тех же конструктивных элементах, за счет снижения угла наклона улун (*ынаа*) — стропил на одну треть с первоначального, то есть до 25°, соответственно и снижения высоты хана до $h_2 = 1,50$ м. Таким способом,

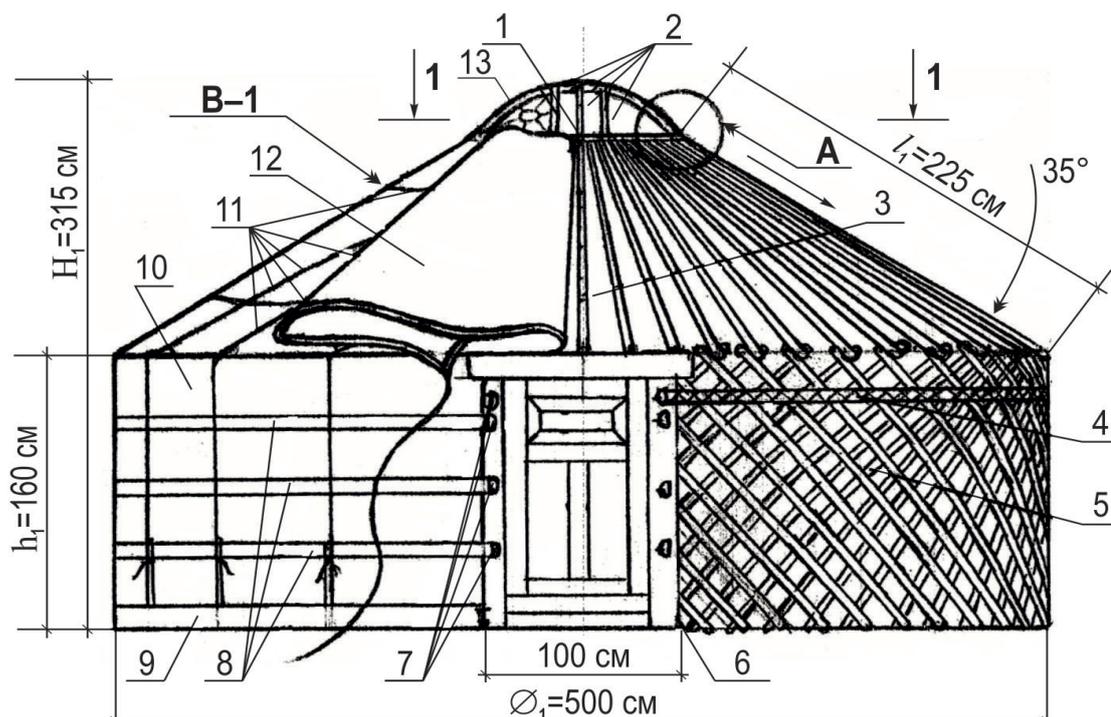

Рис. 1. Общая схема-чертёж основного варианта 1 (В-1 конфигурации) установки тувинской юрты весенний и осенний сезоны года.

Fig. 1 A general view and plan of variant 1 (configuration B-1) of setting up a Tuvan yurt in the spring and fall seasons.

Условные обозначения: 1 – хараача (верхний круг – полусферическая конструкция, состоящая из основного круглого корпуса и закреплённых на ней реек – мөгежелер); 2 – мөгеже (ровно выгнутые деревянные рейки, крестообразно располагаемые и крепко закрепляемые на основной корпус хараача по 3–5 штук в каждом направлении креста, всего устанавливают от 6-ти до 10-ти шт.); 3 – улун (деревянные балки, жерди; они служат несущими конструкциями для всего покрытия юрты); 4 – иштики (башки) кур, (внутренний (первый) “пояс”, который располагают и стягивают первым по верхней части снаружи стен, но внутри покрытий юрты); 5 – хана (решётчатые стены каркаса юты, состоящая из 6–8-ми звеньев); 6 – эжик (дверь); 7 – дээрбек (дээрбектер) – (кольца с двух сторон двери, устанавливают по 4–5 шт., для привязывания внутреннего и наружных “поясов”); 8 – даштыкы курлар (наружные “пояса”, располагают снаружи покрытий стен, по 3–5 штук, на равномерные (одинаковые) расстояния между ними, на всю высоту хана); 9 – хаяапча (полоска из специального войлока шириной 20–30 см., укладывают снаружи покрытий, для утепления, вокруг нижней части стен юрты); 10 – адакы (покрытия нижней вертикальной части стен из слоёв войлока и ткани); 11 – базырыктар (верёвки для стягивания и укрепления покрытий юрты); 12 – дэвшир (покрытия верхней конусообразной части юрты из слоёв войлока и ткани); 13 – өреге (самая верхняя прямоугольная (квадратная) часть покрытия юрты, которой закрывают полностью полусферическую верхнюю часть хараача, и открывают в дневное время до половины хараача); А – узел примыкания улун к хараача; l – размер длины улун; H – высота юрты при разных вариантах установки; h – высота хана (стен) юрты при разных вариантах установки; Ø – диаметр юрты.

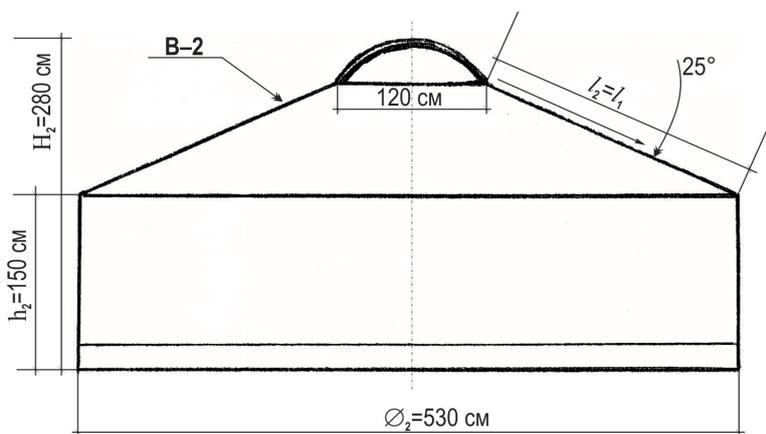

Рис. 2. Общая схема-чертёж установки варианта 2 (В-2 конфигурации) одной той же тувинской юрты в зимний период года.

Fig. 2. A general view and plan of variant 2 (configuration B-2) of setting up the same Tuvan yurt in the winter season.

Условные обозначения:
l – размер длины улун; H – высота юрты при разных вариантах установки; h – высота хана (стен) юрты при разных вариантах установки;
Ø – диаметр юрты.

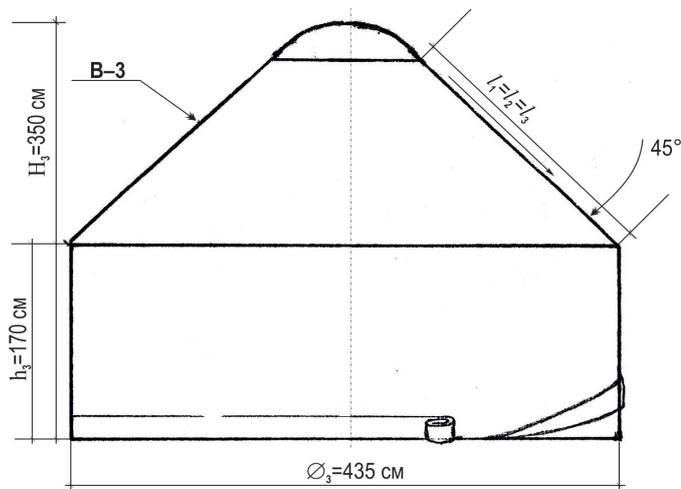

Рис. 3. Общая схема-чертёж установки варианта 3 (B-3 конфигурации) одной той же тувинской юрты в летний период (сезон) года.

Fig. 3. A general view and plan of variant 3 (configuration B-3) of setting up the same Tuvan yurt in the summer season.

Условные обозначения:

l — размер длины улун; H — высота юрты при разных вариантах установки; h — высота хана (стен) юрты при разных вариантах установки; \varnothing — диаметр юрты.

изменением конфигурации юрты обеспечивалось увеличение её общей площади до $S_2=22,05 \text{ м}^2$ и улучшение теплосохранимости в зимний период за счет снижения высоты юрты до $H_2=2,80 \text{ м}$ и высоты хана до $h_2=1,50 \text{ м}$.

Под обозначением «B-3» (на рис. 3) показана конфигурация установки юрты в летний (дождливый) период года. Здесь, наоборот, изменения достигнуты путём увеличения угла наклона улун (ынаа) — стропил до 45° , соответственно общей высоты юрты до $H_3=3,50 \text{ м}$, хана до $h_3=1,70 \text{ м}$ и общей площади $S_3=14,85 \text{ м}^2$. При таком крутом наклоне обеспечивалась быстрая стекаемость природных осадков с покрытия юрты в дождливый период и повышенная вентилируемость помещения в жаркие дни за счет увеличения высоты и придания трубообразности общей конфигурации юрты. Для обеспечения притока свежего или прохладного воздуха достаточно было открыть подпороговую доску в двери и (или) часть хаяапча с нужной стороны юрты. В крайних случаях при длительном приготовлении пищи в юрте на очаге или в очень жаркие, солнечные дни приоткрывали и нижнюю часть войлока бокового покрытия — адакы. Названия частей каркаса и покрытия юрты описаны в работе М. С. Байыр-оола (см.: Байыр-оол, 2013).

Если взять в варианте B-3 её площадь $14,85 \text{ м}^2$ как равной 100%, то при варианте B-1 площадь $S_1=19,625 \text{ м}^2 = x\%$

$$x\% = \frac{S_1 \times 100}{S_3} = \frac{19,625 \times 100}{14,85} = 132,15\%$$

То есть увеличение общей площади юрты составляет 132,15%.

При варианте B-2 показано, что площадь $S_2=22,05 \text{ м}^2 = x\% = 148,48\%$. То есть требуемое увеличение площади юрты до 148,48% при тех же конструктивных элементах каркаса должно обеспечиваться за счёт изменения углов наклона улун (стропил) и покрытия — потолка юрты.

Требуемые возможные изменения углов наклона покрытия-потолка юрты от 45° до 25° .

Требуемые возможные изменения высоты юрты от $2,80 \text{ м}$ до $3,50 \text{ м}$, то есть на 125%.

Исходя из таких требований и правил рассчитывались и разрабатывались методы и способы определения точных размеров, конфигураций и изготовления каждого элемента тувинской юрты, в том числе элементов её каркаса.

Конечно, оперирование современными формулами, единицами измерения, цифрами и инструментами, законами физики — это наши средства. Тувинские же мастера, чтобы соблюдать все эти выработанные веками народные требования, правила, чтобы обеспечить все эти пропорции, размеры и конфигурации, пользовались своими методами и способами определения размеров, углов наклона, проведения замеров и производства работ по изготовлению каждого элемента каркаса юрты.

Традиционные методы и способы определения размеров, расчетов углов наклона конструкций

В данном разделе мы рассмотрим некоторые традиционные методы и способы определения конфигурации, размеров, углов наклона, замера, отметки для изготовления отверстий-пазов в хараача —

верхнем круге каркаса юрты, в которые вставляются верхние концы улун (ынаа) — жердей-стропил юрты, при соблюдении так называемых правил *эде тиктинер өг*. Это одно из самых ответственных соединений в конструкции каркаса, за счет которого обеспечивалось увеличение или уменьшение наклона жердей стропил, потолка юрты, общих объёмных показаледей и теплофизических характеристик жилища.

Основной базой для нашего исследования послужили традиционные правила, методы расчетов, замеров и способы изготовления, соединения данного узла, которыми пользовался народный мастер Быдаакай Шойдайович Саая. Суть метода заключалась в строгом соблюдении правил так называемого метода «два на два» при изготовлении пазов *хараача* (верхнего круга) — *дугай хараача* и верхнего четырехгранного конусообразного конца улун — стропил покрытия юрты. Общий вид (схема-чертёж) *хараача* и конусообразного конца улун показаны на рис. 4–5.

В частности, со слов мастеров по изготовлению каркаса юрты Б. Ш. Саая и М.-Д. С. Хертек, должны соблюдаться следующие требования: *хараача* должен быть изготовлен совершенно круглым (рис. 6); толщина и ширина основного корпуса *хараача* (из берёзы, желательнее из корневой части) должен быть не менее ширины 4-х пальцев, то есть 8 см (рис. 7); нельзя просверлить или продолбить пазы насквозь *хараача*; для *бичии* (*чиик*) *өгнун* кочевой (наиболее мобильной) юрты, пазы должны быть просверлены в основной корпус *хараача* на глубину не более чем в две трети его ширины (толщины), но не менее ширины 2-х, и не более 3-х пальцев, то есть около 4–5 см. Глубина, размеры, конфигурация и углы наклона всех пазов должны быть совершенно одинаковыми и оптимально приемлемы относительно толщины и ширины основного корпуса *хараача*; дно паза, располагаемое внутри (в теле) основного корпуса *хараача*, должно быть наименее меньшего (приемно-меньшего) размера и равносторонним (квадратным) прямоугольником, так же как и конец вставляемого в него улун; наклонные стенки паза *хараача* и концы балок — улун, вставляемые в пазы, должны быть прямоугольными, конусообразными и соответствовать по своим размерам и конфигурации требованиям сохранения целостности основного корпуса *хараача*; наружные размеры ширины паза должны быть в два раза больше, чем размеры дна (за

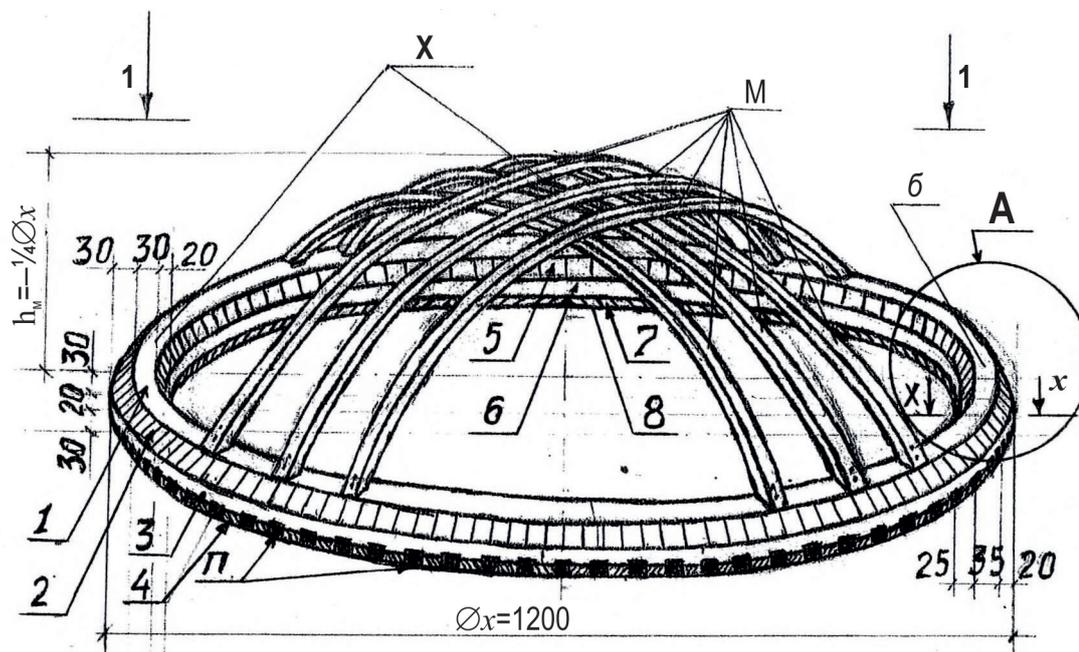

Рис. 4. Общий вид (схема-чертёж) дугай хараача.

Fig. 4. A general view and plan of the dugai haraacha.

Условные обозначения: X — общий вид (схема) хараача; M — мөггелер; б — основной корпус хараача, где: 1 — верхняя горизонтальная плоскость основного корпуса хараача; 2 — верхняя наружная наклонная на 45° плоскость основного корпуса хараача; 3 — наружная вертикальная плоскость основного корпуса хараача; 4 — наружная нижняя наклонная на 35° плоскость; 5 — верхняя внутренняя наклонная плоскость; 6 — внутренняя вертикальная плоскость; 7 — внутренняя нижняя, наклонная на 45° плоскость основного корпуса хараача; 8 — нижняя горизонтальная плоскость основного корпуса хараача; П — пазы хараача; h_m — высота мөгге.

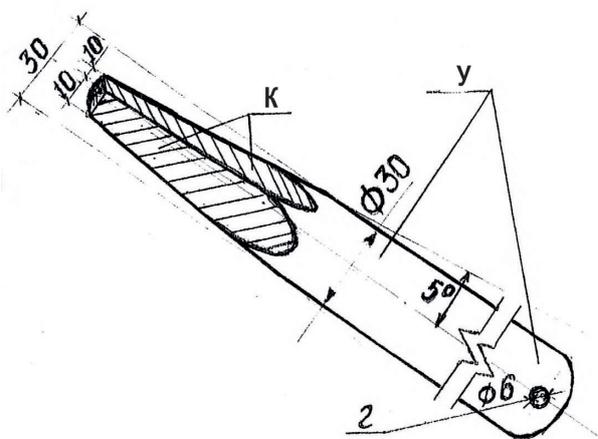

Рис. 5. Общий вид (схема-чертёж) верхнего и нижнего конца улун.

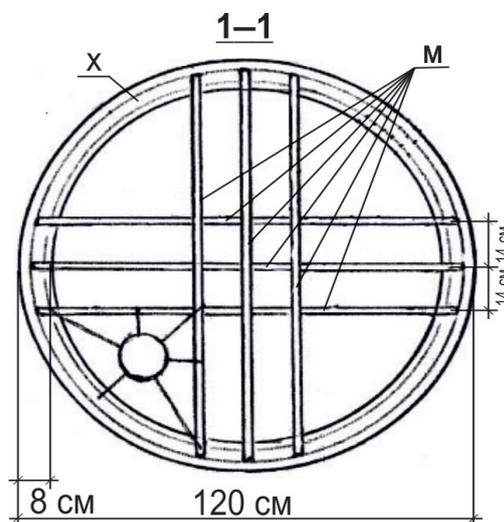
Fig. 5. A general view and plan of upper and low endings of the ulun.

Условные обозначения: У — улун (на данном рисунке показаны верхний и нижний концы улун); К — конусообразные наклонные плоскости верхнего четырёхгранного конца улун; z — отверстие для илбэк (петли в нижнем конце улун).

Рис. 6. Общий вид сверху дугай хараача(схема-чертёж).

Fig. 6. A view from above and plan of the dugai kharaacha.

Условные обозначения:
1-1 — вид сверху; X — общий вид сверху (схема-чертёж) основного корпуса хараача (верхнего круга — полусферической конструкции);
M — мөгеже (мөгежелер).

счёт конусообразности стен паза), а высота — в два раза больше ширины; наружные размеры высоты прямоугольного паза должны быть в два раза больше, чем размеры прямоугольного сечения улун на этом же месте их соединения, а по ширине одинаковыми, подходящими для вставления в паз и т. д.

Соблюдение всех правил при изготовлении пазов хараача исключало появление повышенного поперечно-раскалывающего и продольного напряжения и как следствие — продольного разлома вдоль отверстий-пазов хараача и поперечного излома верхних четырёхгранных конусообразно заточенных концов улун — жердей-стропил потолка юрты, что и было особенно необходимо при изменении угла наклона улун при разных (сезонных) вариантах установки юрт (см. рис. 8). Поэтому необходимо было строго придерживаться традиционных стандартов.

На рис. 8 показаны схемы-чертежи некоторых традиционных методов и способов определения размеров, конфигурации, углов наклона граней-плоскостей при изготовлении основного корпуса хараача — верхнего круга каркаса юрты, при использовании метода сэс кырлыг (восьмигранника) и наклонных отверстий-пазов в нём. При данной методике сначала изготавливают в соответствии с ранее рассчитанными размерами основной корпус хараача в виде совершенно правильного четырёхгранного круга (рис. 7). В рассматриваемом варианте его размеры составляют: диаметр по наружной вертикальной грани-плоскости круга составляет 1200 мм, по внутренней вертикальной грани-плоскости = 1040 мм; размеры поперечного прямоугольного сечения заготовки составляют 80×80 мм. Чтобы изготовить из него восьмигранную заготовку в соответствии с заранее рассчитанными углами наклона новых граней-плоскостей, наносят отметки в виде продольных линий вдоль плоскостей корпуса с использованием (с помощью) инструмента дорт-кортук (традиционного измерительного инструмента, состоящего из корпуса и параллельно вставленных в него и выдвигающихся двух круглых реек с металлическими острыми шипами, аналог современного штангенциркуля), на все четыре, чисто обработанные поверхности, опять же в соответствии с заранее рассчитанными по ширине размерами.

Рис. 7. Общий вид (схема-чертёж) 4-хгранной заготовки подготовленной для изготовления 8-мигранного основного корпуса хараача.

Fig. 7. A general view of a tetrahedral stock prepared for making an octahedral frame of the haraacha.

Условные обозначения: 3 — четырёхгранная заготовка для основного корпуса хараача; У — отмеченные участки-углы (части) 4-хгранного заготовки, которые необходимо удалить для получения 8-гранного сечения основного корпуса хараача с определёнными размерами и углами наклона граней-плоскостей; А — узел (вид поперечного сечения-разреза заготовки X-X с указанием рассчитанных размеров, конфигурации и углов наклона граней-плоскостей основного корпуса хараача и предполагаемого места расположения трапецеобразного отверстия-паза хараача.

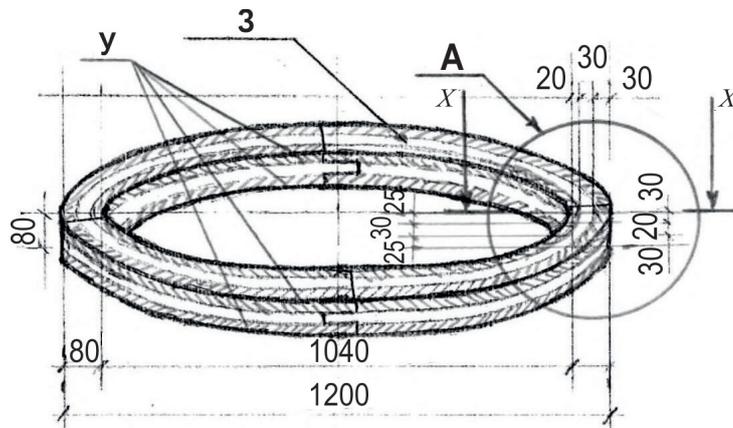
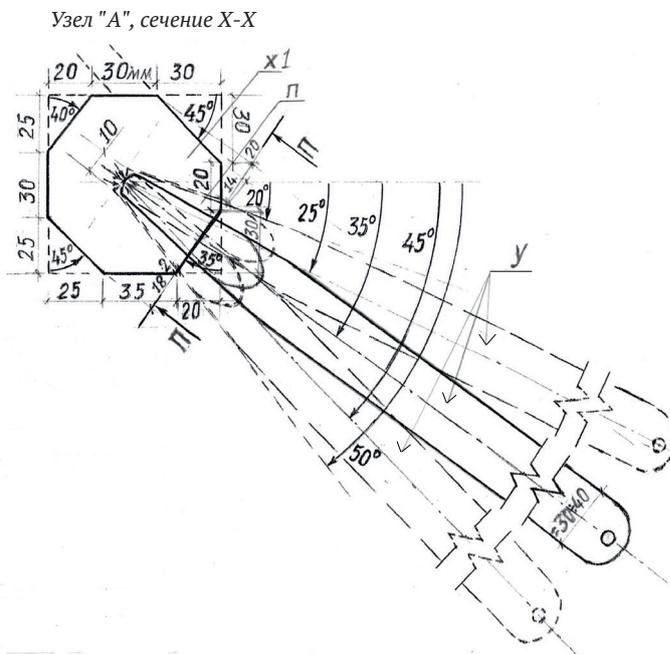

Рис. 8. Чертежи-схемы некоторых традиционных методов и способов определения размеров, конфигурации, углов наклона плоскостей основного корпуса хараача (верхнего круга юрты) и отверстий-пазов в нём и их изготовления.

Fig. 8. Drafts and plans of some traditional methods of measuring the size, configuration and slope angles of the planes of the main frame of the kharaacha (the upper circle of the yurt), its grooves and the process of making them.

Условные обозначения:
Узел "А", сечение X-X — вид поперечного сечения (разреза) заготовки основного корпуса хараача, с указанием рассчитанных размеров, конфигурации и углов наклона её граней-плоскостей и предполагаемого места расположения трапецеобразного отверстия-паза и их конфигурации внутри заготовки основного корпуса хараача; П — общий вид (чертёж-схема) поперечного разреза пазов хараача; У — общий вид (чертёж-схема) возможных вариантов установки (расположения) углов наклона улун (балки — стропилы, которые служат несущими конструкциями для всего покрытия юрты (на данном рисунке показаны три варианта уклонов улун при сезонных установках юрты, и соответствующее двукратное расширение высоты наружных размеров отверстий пазов хараача); П-П — вид на пазов хараача со стороны нижних концов улун.

На рис. 8 чертеже-схеме разреза X-X узла «А» показаны методы определения углов наклона всех четырех новых (дополнительных) наклонных поверхностей основного корпуса хараача и требуемые углы наклона улун – У, в 3-х вариантах установки юрты. В частности, в правом верхнем углу поперечного разреза X-X (x1), 4-хгранной заготовки основного корпуса хараача – 3, (X₁) (рис. 7, рис. 8) показаны методы отмера, отметки и создания (формирования) верхней наружной наклонной плоскости основного корпуса хараача с углом наклона в 45°, которое осуществляется способом обмера и отметки одинаковых расстояний по 30 мм, от верхнего наружного угла (края), заранее заготовленного пока еще 4-хгранного основного корпуса хараача – 3, по верхнему и наружному его плоскостям-поверхностям и через эти отметки, вдоль по верхнему и наружному поверхностям заготовки, с использованием (с помощью) инструмента дорт-кортук (традиционного измерительного инструмента, состоящего из корпуса и параллельно вставленных в него и выдвигающихся двух круглых реек с металлическими острыми шипами, аналог современного штангенциркуля), проводятся линии, до которых и удаляются, оттесываются и обстругиваются намеченные части с применением инструмента кержек (тувинского традиционного плотничьего инструмента, аналога современного тесла), и обработкой (строганием) поверхности до этих отмеченных линий (см. рис. 7), 3 — общий вид заготовки основного корпуса хараача. Таким образом, после удаления угловой части заготовки получается верхняя наружная наклонная поверхность — 2 (рис. 4) основного корпуса хараача — X, с уклоном в 45°, на которую во время

эксплуатации укладываются верхний край войлочных покрытий, а над ними нижняя часть *өреге* — самого верхнего прямоугольного (квадратного) покрытия юрты, которым закрывают полностью полусферическую верхнюю часть хараача, и открывают в дневное время до половины хараача. *Өреге* изготавливают из войлока и тканей (в настоящее время еще и из брезента), используя специальные традиционные методы раскроя и шитья. Подобным же методом, замерив расстояния от нижнего наружного края заготовки основного корпуса *хараача* по нижней площадке в 20 мм и по наружной площадке 30 мм, отмечается продольной линией граница удаления вдоль заготовки, по нижней и наружной его поверхностям. После удаления отмеченных частей заготовки основного корпуса *хараача* и их окончательной чистой обработки получается нижняя наружная продольная площадка 4 (рис. 4), с углом наклона в 35°.

На этой продольной наклонной площадке и производятся замеры, пометки и впоследствии изготовление пазов *хараача*. Для этого прежде всего определяли расстояние P между пазами (по их осям), методом замера длины наружной плоскости *хараача* и её делением на количество *улун*. Получается, что данное расстояние определяли по формуле $P = \frac{L}{K_y}$, где L — длина наружной окружности *хараача*, K_y — количество *улун* в изготавливаемом варианте каркаса юрты. В нашем варианте стены юрт состоит из 6-ти звеньев 12-главых *хана* и двери с шириной верха 110 см, на котором должен располагаться 6 *улун*. Значит, количество *улун* будет $K_y = (6 \times 12) + 6 = 78$ шт. Длина наружной окружности *хараача* $L = \pi R = 3,14 \times 1200 \text{ мм} = 3768 \text{ мм}$. Расстояние между пазов по осям получается $P = 3768 / 78 = 48,3 = 48 \text{ мм}$. Исходя из данного рассчитанного расстояния, определяется ширина и высота наружных (наибольших) размеров пазов, для нанесения линий-отметок на места предполагаемого их расположения.

В соответствии с требованиями максимального сохранения целостности основного корпуса *хараача* и принятых правил, расстояния между её пазами должны быть больше, чем ширина самих пазов. Для данного варианта, то есть при расстоянии между осями пазов в 48 мм, при условии соблюдения требований, наиболее приемлемым является определение размеров ширины паза в 20 мм, а расстояние между ними в 28 мм. Соответственно, по методике «два на два», размер дна пазов определяется $20 \times 2 = 10 \text{ мм}$, а высота наружных размеров пазов $20 \times 2 = 40 \text{ мм}$ (рис. 12). Наклон стен пазов по высоте: нижняя сторона-стенки пазов — $45 + 5 = 50^\circ$, верхняя сторона-стенки пазов — $25 - 5 = 20^\circ$.

Традиционные методы и способы изготовления пазов хараача

При производстве работ по изготовлению пазов *хараача* в соответствии с традиционными требованиями обязательным условием являлось соблюдение заранее рассчитанных размеров, углов наклона, и конфигураций трапециевидных конусообразных 4-хгранных стен пазов и их расположения. Для выполнения работ в безусловном соблюдении соответствия с расчетами, использовались метод *хепке кылыр* (делать в форме). Для этого заготавливали крестообразную форму-основание с наклонными направляющими установками и с передвижными стойками регулирования и закрепления на форме-основания заготовки основного корпуса *хараача* (рис. 9). Наклонные направляющие установки предназначались для проведения работ точного сверления встречно-наклонных боковых (верхнего и нижнего) отверстий стен пазов в заготовке основного корпуса *хараача* (рис. 10 и 11).

Для удобства при определении мест расположения пазов на основном корпусе *хараача* и нанесения чертежей (отметок-линий) определённых размеров пазов на нижнюю наружную наклонную плоскость заготовки основного корпуса *хараача* — 3, и для эффективного проведения дальнейших работ по сверлению и изготовлению самих пазов, подготовленная для сверления пазов 8-гранная заготовка основного корпуса *хараача* укладывается, верхом вниз, на основу — Φ , между опорными регулирующими стойками — P и направляющими устройствами — H и B , и надёжно закрепляется.

Далее на наружной наклонной плоскости заготовки основного корпуса *хараача* отмеряется ранее полученное расчетным путём расстояние — 48 мм и ставятся поперечные линии-отметки на плоскости, по всей длине круга, то есть 78 поперечных отметок-линий которые будут являться ориентирами — осями предполагаемых пазов хараача.

На рис. 12 «Вид П–П» — показано, что далее от осей пазов отмеряются и отмечают размеры дна пазов 10×10 мм, которые будут изготовлены (сформированы) и находиться внутри основного корпуса *хараача*, в глубине 45 мм. Потом отмеряются и отмечают наружные размеры пазов *хараача*, по ширине и высоте предполагаемых трапециевидных стен пазов. То есть сперва отмеряется от ранее отмеченных осей предполагаемых пазов хараача в обе стороны по 5 мм (итого 10 мм) — это будет

ширина равностороннего (квадратного) дна паза. Отмеряя еще по 5 мм, получают и отмечают ширину наружных размеров паза *хараача*, равную $10+10=20$ мм (в два раза больше ширины дна паза).

Размеры наружных краев стен пазов *хараача* по высоте замеряются и отмечаются от нижнего края нижней наружной наклонной плоскости заготовки основного корпуса *хараача*. Сперва отмеряются всего лишь по 2 мм и отмечаются как нижние наружные границы стен пазов. Затем, уже от этой отметки отмеряют 40 мм — высоту наружного размера (краёв) пазов (в соответствии с правилом — в два раза больше, чем ширина) и отмечают прямой линией (рис. 12). При правильном определении размеров данная линия (верхний край) высоты стен пазов должна заходить на 5 мм в наружную вертикальную плоскость основного корпуса *хараача*, образуя своеобразную щель на краю плоскости. Впоследствии она будет (служить) использована как направляющая щель-желоб для вставления улун в пазы *хараача*, при монтаже каркаса юрты. Некоторые самые опытные мастера делали как продолжение этой щели еще желоб-углубление на всю ширину наружной плоскости основного корпуса *хараача*, по которой и подводили улун к пазам *хараача* при монтаже каркаса юрт.

Затем по отмеченным точкам вычерчиваются прямоугольники размерами 20×40 мм — наружные размеры предполагаемых трапециевидных пазов *хараача*, по которым и будут высверлены и вырезаны (изготовлены) пазы *хараача* (рис. 12).

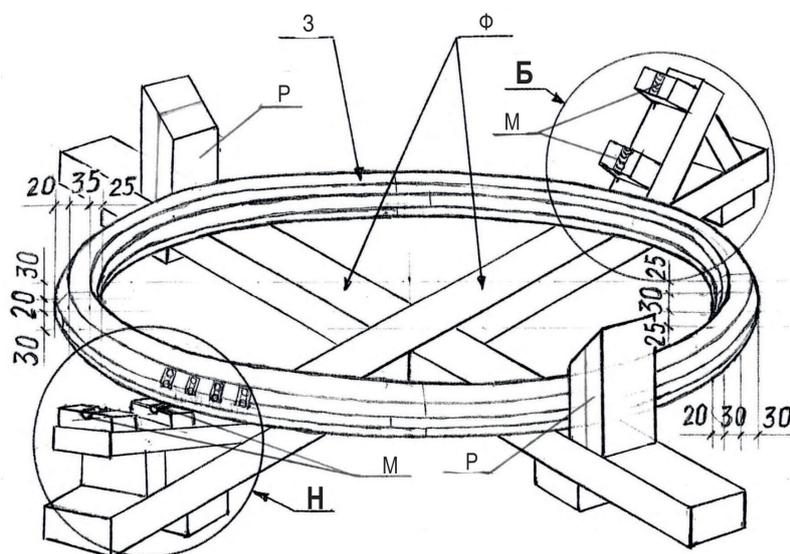

Рис. 9. Общий вид (чертежи-схемы) формы-основания с наклонными направляющими установками, и с передвижными стойками регулирования и закрепления на нём заготовки основного корпуса *хараача*.

Fig. 9. A general view and plan of the foundation block with slanted runner slides and movable adjustable posts to hold the stock of the *kharaacha*.

Условные обозначения:

- З — восьмигранная заготовка основного корпуса *хараача* с отмеченными (в соответствии с ранее рассчитанными параметрами) местами расположения пазов *хараача*; Ф — форма-основания, на котором укладывается заготовка *хараача* и закрепляются угловые направляющие для сверл;
- Р — стойки регулируемыми; узел Б — направляющая установка обеспечения углов наклона сверления отверстий под 50° ;
- узел Н — направляющая установка углов наклона под 20° ;
- М — места (полукруглые пазы) установки сверла;
- О — основы направляющих досок установки.

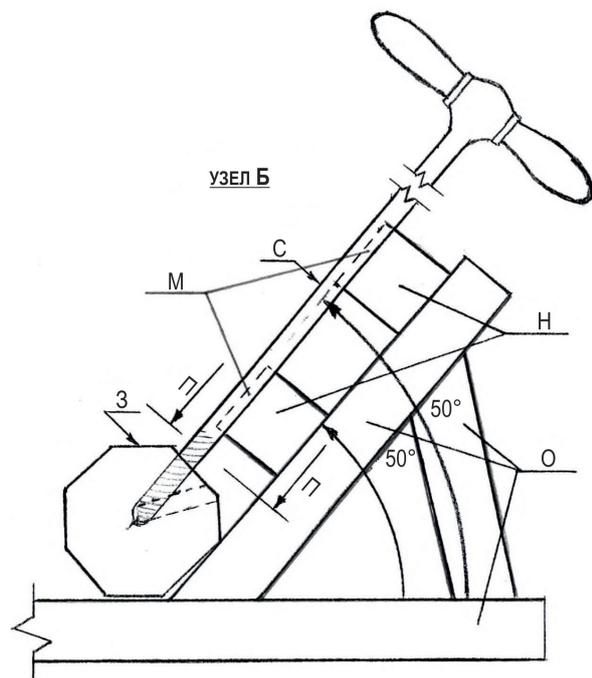

Рис. 10. Общий вид (чертежи-схемы) узел Б — направляющая установка обеспечения углов наклона сверления отверстий под 50° .

Fig. 10. A general view and plan, unit B — the runner slide to control slant angles for drilling holes at 50° .

Условные обозначения:

- С — сверла установленные для сверления по краю нижних наклонных в 50° стен пазов *хараача*;
- М — места (полукруглые пазы) установки сверла под 50° ;
- Н — направляющие установки обеспечения углов наклона сверления отверстий под 50° ;
- О — основы направляющих досок установки;
- вид П-П — вид на отмеченные места устройства пазов на наружной наклонной плоскости заготовки *хараача* со стороны сверления;
- З — вид поперечного сечения 8-мигранной заготовки основного корпуса *хараача*.

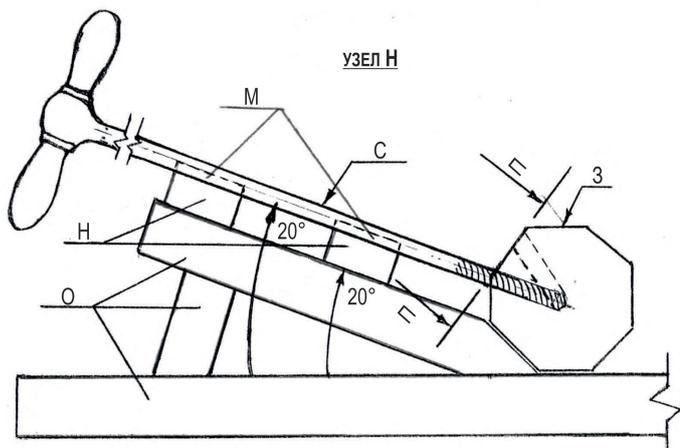

Рис. 11. Общий вид (чертежи-схемы) узел Н — направляющей установки обеспечения углов наклона сверления отверстий под 20°.

Fig. 11. A general view and plan, unit H — the runner slide to control slant angles for drilling holes at 20°.

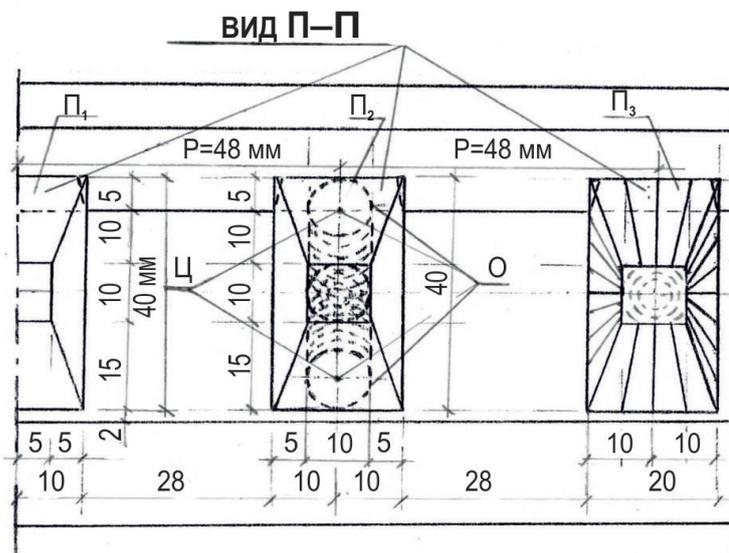
Условные обозначения: М — места (полукруглые пазы) установки сверла под 20°; С — сверла установленные для сверления по краю верхних наклонных в 20° стен пазов хараача; Н — направляющие установки обеспечения углов наклона сверления отверстий под 20°; О — основы направляющих досок установки; вид П-П — вид на отмеченные места устройства пазов на наружной наклонной плоскости заготовки хараача со стороны сверления; 3 — вид поперечного сечения 8-мигранной заготовки основного корпуса хараача.

Рис. 12. Общий вид (чертежи-схемы) вид П-П — вид, со стороны сверления, на отмеченные и вычерченные места устройства пазов на наружной наклонной плоскости заготовки основного корпуса хараача.

Fig. 12. A general view (along the П-П line) from the drilling direction of areas marked for grooves on the external sloped plane of the stock of the kharaacha.

Условные обозначения:

П₁, П₂, П₃ и т. д. (всего, по периметру д/б 78 прямоугольников) — места расположения пазов хараача, с вычерченными отметками размеров и конфигураций предполагаемых пазов хараача; Р — расстояния между осями пазов хараача, отмечаемые на наружной поверхности заготовки основного корпуса хараача; Ц — центры встречных сверлений по наклонным плоскостям стен пазов; О — окружности (круги), внутри которых должен сверлиться верхний и нижний наклонные стенки пазов хараача.

Для точности сверления отверстий и в последствии дальнейшего изготовления по ним пазов хараача на нижнем и верхнем краю прямоугольников, на осях предполагаемых пазов отмечаются круги — О, с диаметром 10 мм, и определяется точки центров сверления — Ц, по которым и будет производиться сверление заготовки основного корпуса хараача, для изготовления (формирования) нижнего и верхнего наклонных стен пазов хараача (рис. 12).

Далее на наклонных направляющих установках — Н, «Узел Б» (рис. 10), в специально подготовленные углубления-места (щели) — М, с углом наклона на 50° устанавливаются сверла соответствующего диаметра (в нашем варианте — 10 мм) и закрепляются с применением кожаных или плетёных ремешков. Относительно плоскости и горизонтальной оси заготовки корпуса хараача сверление каждого паза должно производиться строго под прямым углом (90°). Путём прокручивания заготовки корпуса хараача — 3 на основе формы — Ф к острому концу подготовленного сверла подводится центр — Ц, ранее отмеченного на заготовке корпуса хараача круга — О, и начинается сверление нижнего края паза под углом 50°. Сверление производится до заранее определенной и отмеченной (в том числе и на сверле) глубины паза (в нашем варианте 45 мм). Затем сверло отводится. Следующим прокручиванием заготовки корпуса хараача к сверлу подводится следующий центр — Ц отмеченного круга О стенки следующего паза и просверливается подобным же образом, до отмеченной глубины. Таким образом просверливаются все нижние 78 стенки пазов с 50-градусным уклоном.

Таковыми же способом просверливаются все 78 верхних встречных наклонных стенок пазов, только с применением другой (второй) направляющей установки — н «Узел Н» (рис. 11), подготовленной для сверления с углом наклона в 20°, на ту же отмеченную глубину 45 мм. При правильном выполнении

наклонно-встречных сверлений с применением двух направляющих установок с различными углами наклонов, концы просверлённых отверстий должны сходиться в одном месте, образуя дно заготавливаемого трапециевидного паза с диаметром 10 мм, на глубине 45 мм заготовки корпуса *хараача*, которая в последствии переделывается, при оттёсывании стен пазов, в квадрат с размерами 10×10 мм.

Верхний край верхнего просверлённого отверстия будет являться границей верхней наклонной трапециевидной стенки пазов, одновременно являясь ориентиром для доработки — оттесания и формирования стенки соответствующих параметров с использованием инструмента *шүүчэ* (традиционного плотничного инструмента тувинцев, аналог современной стамески) (в нашем варианте размер ширины резца *шүүчэ* должен быть не более 10 мм). Параллельно производится оттесание, доработка и боковых наклонных конусообразных трапециевидных стен пазов. При этом необходимо ориентироваться на те же концы просверленных отверстий, внутри заранее начерченного прямоугольника наружных размеров пазов — P_1, P_2, P_3 (рис. 12) и т. д. (всего 78 прямоугольников с отметками).

Таким же образом производится формирование нижних наклонных и боковых стен всех 78 пазов. При правильном выполнении всех работ получаются совершенно одинаковые трапециевидные пазы с соответствующими заранее рассчитанными размерами, уклонами и конфигурацией.

Заключение

В результате строгого соблюдения традиционных требований, правил и методов определения размеров, углов наклона и проведения всех подготовительных и основных работ по изготовлению пазов *хараача*, получаются совершенно одинаковые пазы, способные обеспечить расположение *улун* под разным углом наклона. Их трапециевидные конфигурации и расчетно-определённые точные размеры, углы наклонов стен пазов обеспечивают исключение поперечного излома верхних концов *улун* и продольного разлома основного корпуса *хараача* вдоль линии расположения пазов даже при таком значительном изменении углов наклона *улун*, которые составляют от 25° до 45°.

В рассматриваемом варианте каркаса юрты глубина пазов = 45 мм, что соответствует требованиям соотношения к размерам ширины поперечного сечения основного корпуса *хараача* — 80 мм; наименьшие размеры дна пазов = 10×10 мм, что соответствует требованиям обеспечения целостности основного корпуса *хараача* и размерам верхних заострённых конусообразных концов *улун*, вставляемых в пазы; размеры ширины наружных краёв пазов = 20 мм, что соответствует размерам ширины *улун* на месте их примыкания и требованиям метода «два на два» относительно размеров дна, так же как наружные размеры высоты пазов 40 мм.

Эти размеры являются оптимальными при среднем размере диаметра юрты 5 метров и диаметре *хараача* 1,2 м и ширины (толщины) основного корпуса *хараача* — 8 см. При данных размерах юрты и *хараача*, размеры пазов могут быть увеличены, но не более чем на $\frac{1}{4}$ (то есть не более чем на 25% от показанных). При изготовлении каркаса юрт большего размера, соответственно, увеличиваются размеры пазов, но без изменения её рассчитанной и сформированной конфигурации, углов наклона стен пазов и соотношений их размеров. Это дает возможность устанавливать одну и ту же юрту в различных вариантах, с различными геометрическими, объёмными и тепло-физическими показателями.

В данной работе мы рассмотрели традиционные методы и способы определения размеров, углов наклона и изготовления только одного из многочисленных узлов (в том числе соединений (примыканий) различных частей конструкций), элементов каркаса юрты — пазов основного корпуса *хараача*. А подобных элементов, узлов соединения, примыкания и крепления в каркасе юрты очень много. В связи с чем и возникают вопросы и проблемы при изготовлении и эксплуатации каркасов юрт в современных условиях.

Подобные исследования необходимы для возрождения, сохранения и развития традиционных видов хозяйствования и туризма, в том числе при реализации таких социально значимых программ, ориентированных на этнос, как губернаторский проект «Кыштаг для молодой семьи»¹, цель которого — помочь молодым селянам организовать семейные животноводческие фермы.

¹ В Туве стартует губернаторский проект «Кыштаг для молодой семьи» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/agriculture/22114/ (дата обращения: 05.05.2020).

Благодарности

Выражаю признательность всем организациям, коллегам, учёным, специалистам и народным мастерам, которые мне помогали (оказывали содействие) в разные годы при проведении данных исследований: Национальному музею имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, в том числе научному сотруднику отдела краеведения и туризма Б. С. Майны, народному мастеру-камнерезу, лауреату Государственной премии РФ им. И. Е. Репина К. М. Саая (1931 г. р.), народному мастеру-камнерезу М.-Д. С. Хертек (1915–1973), народному мастеру Б. Ш. Саая (1905–1975), учёным и специалистам ТувИКОПР СО РАН: Л. А. Непомнящей, И. П. Принцевой, Ю. Ю. Самбыла и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 67–79. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (дата обращения: 01.07.2020).

Бохоева, Л. А., Балданов, А. Б. (2013) Компьютерное моделирование каркаса юрты с применением композиционных материалов // Вестник ВСГУТУ. № 4 (43). С. 35–38.

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.

Кан-оол, М. А., Ондар, А. Б. (2014) Юрта: предметы быта тувинцев // Актуальные проблемы исследования этно-экологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов, посвящ. 100-летию единения России и Тувы и в рамках реализации мероприятий Программы развития деятельности студенческих объединений / отв. ред. О. М. Хомушку. Кызыл : ТувГУ ; ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 155 с. С. 73–74.

Кокова, Е. А., Толмашов, А. Г. (2014) Хакасская юрта в контексте этноматематических идей // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов, посвящ. 100-летию единения России и Тувы и в рамках реализации мероприятий Программы развития деятельности студенческих объединений / отв. ред. О. М. Хомушку. Кызыл : ТувГУ ; ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 155 с. С. 20.

Майдар, Д., Пюрвеев, Д. Б. (1980) От кочевой до мобильной архитектуры. М. : Стройиздат. 215 с.

Никифоров, С. О., Михайлов, В. Н., Никифоров, Б. С. (2014) Особенности дизайна монгольских юрт (ГЭР)О: генезис, типология, каркасно-модульные технологии и их трансформация // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 1 (13). С. 99–116.

Ултургашева, О. Г., Тиникова, Ю. К. (2013) Юрта — хранительница традиционных обрядов кочевых народов Азии (на примере хакасской юрты) // Вестник КемГУКИ. № 22. С. 52–59.

Дата поступления: 12.07.2020 г.

REFERENCES

Baiyr-ool, M. S. (2013) Iurta v tuvinskoi traditsionnoi kul'ture [The yurt in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 67–79 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (access date: 01.07.2020). (In Russ.).

Bokhoeva, L. A. and Baldanov, A. B. (2013) Komp'uternoe modelirovanie karkasa iurty s primeneniem kompozitsionnykh materialov [Computer modeling of the yurt's frame using composite materials]. *Vestnik VSGUTU*, no. 4 (43), pp. 35–38. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Kan-ool, M. A. and Ondar, A. B. (2014) Iurta: predmety byta tuvintsev [The yurt: everyday objects of Tuvans]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altaiia [Urgent issues of researching ethnoecological and ethno-cultural traditions of the Sayano-Altai peoples]*: Proceedings of the 2nd International conference of young scientists, postgraduates and students. 100th anniversary of the unity of Russia and Tuva and in the framework of the implementing the program for the development of student associations / ed. by O. M. Khomushku. Kyzyl, TuvGU; KhGU im. N. F. Katanova. 155 p. Pp. 73–74. (In Russ.).

Kokova, E. A. and Tolmashov, A. G. (2014) Khakasskaia iurta v kontekste etnomatematicheskikh idei [Khakass yurt in the context of ethnomathematical ideas]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altaiia [Urgent issues of researching ethnoecological and ethno-cultural traditions of the Sayano-Altai peoples]*: Proceedings of the 2nd International conference of young scientists, postgraduates and students. 100th

anniversary of the unity of Russia and Tuva and in the framework of the implementing the program for the development of student associations / ed. by O. M. Khomushku. Kyzyl, TuvGU; KhGU im. N. F. Katanova. 155 p. P. 20. (In Russ.).

Maidar, D. and Piurveev, D. B. (1980) *Ot kochevoi do mobil'noi arkhitektury [From nomadic to mobile architecture]*. Moscow, Stroizdat. 215 p. (In Russ.).

Nikiforov, S. O., Mikhailov, V. N. and Nikiforov, B. S. (2014) Osobennosti dizaina mongol'skikh iurt (GER)O: genezis, tipologiya, karkasno-modul'nye tekhnologii i ikh transformatsiya [Design features of Mongolian yurts (GER)O: Genesis, typology, frame-modular technologies and their transformation]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 1 (13), pp. 99–116. (In Russ.).

Ulturgasheva, O. G. and Tinikova, Yu. K. (2013) Iurta — khranitel'nitsa traditsionnykh obriadov kochevykh narodov Azii (na primere khakasskoi iurty) [The yurt as a keeper of traditional rites of nomadic peoples of Asia: the case of the Khakass yurt]. *Vestnik KemGUKI*, no. 22, pp. 52–59. (In Russ.).

Submission date: 12.07.2020.

Юрта как геометрическая модель в обучении математике в Туве

Менги В. Танзы, Сылдыс К. Саая

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

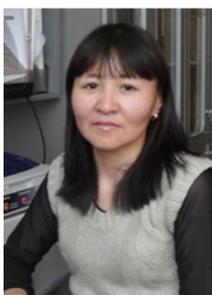
Виктория А. Шершнева, Юлия В. Вайнштейн

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Чодураа М. Ондар

Средняя общеобразовательная школа № 1 имени М. А. Бухтуева

г. Кызыла, Российская Федерация

Статья посвящена пониманию юрты как модели при изучении аналитической геометрии в образовании Тувы (высшего и среднего уровней). В элементах юрты можно увидеть ряд геометрических фигур, поэтому она рассматривается как наиболее подходящая учебно-познавательная модель. Это имеет особый педагогический смысл, когда геометрические знания усваиваются в процессе исследования хорошо известного учащимся объекта.

Рассмотрены основные элементы юрты, в которых представлены формы всех трех геометрических тел вращения: цилиндра, усеченного конуса и части сферы, а также параллельные прямые, окружности, прямоугольники и другие.

Представлена авторская разработка — электронный обучающий модуль «Юрта как геометрическая модель при изучении математики». В него входят электронные интерактивные лекции, тесты-тренажеры и индивидуальные задания, позволяющие повысить качество математической подготовки и на практике продемонстрировать возможности электронного обучения.

Ключевые слова: юрта; тувинская юрта; тувинцы; Тува; математика; обучение математике; аналитическая геометрия; тело вращения; геометрическое понятие; геометрическая модель; электронная информационно-обучающая среда

Для цитирования:

Танзы М. В., Саая С. К., Шершнева В. А., Вайнштейн Ю. В., Ондар Ч. М. Юрта как геометрическая модель в обучении математике в Туве // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 80–91. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.6

Танзы Менги Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и методики преподавания математики Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Колхозная, 125. Тел.: +7 (999) 124-83-51. Эл. адрес: tmengi78@mail.ru

Саая Сылдыс Казаракновна — старший преподаватель кафедры математики и методики преподавания математики Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Колхозная, д. 125. Эл. адрес: saaya@list.ru

Шершнева Виктория Анатольевна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и компьютерной безопасности Сибирского федерального университета. Адрес: 660074, Россия, г. Красноярск, ул. Киренского, д. 26. Тел.: +7 (391) 291-27-90. Эл. адрес: vshershneva@sfu-kras.ru

Вайнштейн Юлия Владимировна — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры прикладной математики и компьютерной безопасности Сибирского федерального университета. Адрес: 660074, Россия, г. Красноярск, ул. Киренского, д. 26. Тел.: +7 (391) 291-27-90. Эл. адрес: uweinstein@sfu-kras.ru

Ондар Чодураа Мергеновна — учитель математики муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 1 имени М. А. Бухтуева» г. Кызыла. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 59/3. Эл. адрес: onndarr@mail.ru

The yurt as a geometric model in teaching mathematics

Mengi V. Tanzy, Syldys K. Saaya

Tuvan State University, Russian Federation,

Victoria A. Shershneva, Yulia V. Vainshtein

Siberian Federal University, Russian Federation,

Choduraa M. Ondar

Secondary school N 1 named After M. A. Bukhtuev, Kyzyl, Russian Federation

The article deals with the yurt as a model for the study of analytical geometry in the system of education of the Republic of Tuva. The elements of the yurt come as a number of geometrical shapes, such as a cylinder, a truncated cone and part of a sphere (the three main rotation bodies), as well as parallel lines, circles, rectangles, and other figures. Thus the yurt can be seen as the best study model for mastering geometrical knowledge by focusing on the object well-known to students.

The authors have developed an electronic training module titled "The yurt as a geometric model in the study of mathematics", working within a virtual learning environment. It includes interactive lectures, simulator tests and individual tasks, and aims to improve command of mathematics and demonstrate the potential of e-learning in practice.

Keywords: yurt; Tuvan yurt; Tuvans; Tuva; mathematics; teaching mathematics; analytical geometry; rotation body; geometrical concept; geometrical model; virtual learning environment

For citation:

Tanzy M. V., Shershneva V. A., Vainshtein Yu. V., Saaya S. K. and Ondar Ch. M. Iurta kak geometricheskaya model' v obuchenii matematike v Tuve [The yurt as a geometric model in teaching mathematics]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 80–91. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.6

TANZY, Mengi Vasilevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of the Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, Tuvan State University. Postal address: 125 Kolkhoznaya St., 667004 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (999) 124-83-51. E-mail: tmengi78@mail.ru **ORCID ID:** 0000-0001-5710-0676

SAAYA, Syldys Kazaracovna, Lecturer, Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, Tuvan State University. Postal address: 125 Kolkhoznaya St., 667004 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: saaya@list.ru **ORCID ID:** 0000-0003-3734-4424

SHERSHNEVA, Victoria Anatolyevna, Doctor of Pedagogy, Professor, Department of Applied Mathematics and Computer Security, Siberian Federal University. Postal address: 26 Kirensky St., 660074 Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (391) 291-27-90. E-mail: vshershneva@yandex.ru **ORCID ID:** 0000-0002-9386-2018

VAINSHTEIN, Yulia Vladimirovna, Candidate of Technics, Associate Professor, Department of Applied Mathematics and Computer Security, Siberian Federal University. Postal address: 26 Kirensky St., 660074 Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (391) 291-27-90. E-mail: julia_ww@mail.ru **ORCID ID:** 0000-0002-8370-7970

ONDAR, Choduraa Mergenova, teacher of mathematics, Municipal Budgetary Educational Institution "Secondary school No. 1 named after M. A. Bukhtuev". Postal address: 59/3 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: onndarr@mail.ru **ORCID ID:** 0000-0002-8852-9093

Введение

Одним из важных принципов российской государственной политики в области образования является защита и развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО 3++) для педагогических направлений подготовки¹ определяет новые требования к обучению студентов — будущих учителей математики, которые должны овладеть системой математических знаний и умений и быть готовы к обучению школьников. При этом в процессе обучения в условиях Республики Тыва целесообразно не только повысить качество математической подготовки студентов за счет использования математических объектов, имеющих прикладной смысл и обладающих национальным, этническим колоритом, но и дать выпускникам — молодым специалистам возможность использовать опыт исследования таких объектов в дальнейшем при работе в различных школах республики, а также в других регионах для расширения кругозора школьников. Одним из важных разделов математики в вузе, который может опираться на этнический колорит, является аналитическая геометрия. При ее изучении у студентов развивается логическое мышление, воображение, пространственное представление, формируются профессиональные компетенции, которые необходимы будущим выпускникам педагогических направлений подготовки для обучения школьников геометрии.

Однако опыт авторов статьи при обучении студентов математике в Тувинском государственном университете показывает, что образовательные результаты студентов по аналитической геометрии остаются невысокими. Мы считаем, что это связано со сложностью курса «Аналитическая геометрия», в котором требуется иметь некоторые навыки пространственного представления. На изучение курса в вузе отводится 2–4 академических часа в неделю в течение первого семестра, всего от 36 до 72 часов. Очень мало рассматривается прикладных задач и наглядных объектов с этническим контекстом, поэтому весьма полезно включать в обучение студентов такие задачи и объекты, которые стимулируют познавательный интерес обучающихся (Монгуш, Танова, 2016).

Роль наглядности в обучении известна очень давно. Об этом писали многие педагоги-исследователи (Коменский, 1955; Леонтьев, 1959; Гильберт, Кон-Фоссен, 1936). Наглядность как один из основных принципов обучения развивает такие качества личности, как культуру мышления, творческое начало, интерес к изучаемому предмету. При изучении математики (в том числе и геометрии), в силу ее высокого уровня абстракции, требуется подкрепление реальными примерами, геометрическими объектами, в этом случае усвоение материала происходит быстрее и легче.

Как известно, школьный курс геометрии включает планиметрию и стереометрию. Планиметрия посвящена изучению свойств фигур на плоскости, а стереометрия — свойств пространственных фигур, таких, как параллелепипед, шар, цилиндр, пирамида, конус и др. К основным задачам обучения геометрии в школе относятся изучение формы тела, изображение геометрических фигур и тел на плоскости, развитие пространственного мышления, формирование способности анализировать, рассуждать, доказывать. Объективно существующие предметы, хорошо воспринимаются, так как позволяют создать в голове наглядный образ (Волович, 1995). Поэтому, чтобы научить школьников понимать и любить геометрию, необходимо, чтобы студенты — будущие учителя математики владели не только предметом, но и могли показывать примеры на объектах, реально существующих в жизни и, возможно, имеющих значение для конкретной культуры (Аргунова, Аргунова, Попова, 2020; Солпубашова, Син, Мурзаibraимова, 2017; Кудрявцева, Удлер, 2015).

Целью данной работы является изучение учебно-познавательной математической модели в курсе аналитической геометрии традиционного жилища кочевников — юрты, объединяющей все три тела вращения: цилиндр, усеченный конус и части сферы. Изучение юрты как средство приобщения к народной культуре активно представлено в исследованиях (Какаева, Султанбаева, 2019; Вайнштейн, 1991, 2016; Байыр-оол, 2013; Донгак, 2012; Ондар, Танзы, 2016; Шойдук, 2019 и др.²). Тем не менее,

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 44.03.01 — Педагогическое образование [Электронный ресурс] // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_16032018.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

² См. также: Дашеева, С. С. Математические задачи на основе фольклорного и краеведческого материала [Электронный ресурс] // Курсы для учителей. URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/matematicheskie-zadachi-na-osnove-folklornogo-i-kr.html> (дата обращения: 01.09.2020).

рассмотрение юрты как модели, которая может использоваться при изучении аналитической геометрии, в том числе с применением электронной среды — еще не осуществлялось. Эта цель решается в данной статье с применением электронной информационно-образовательной среды будущими учителями в вузе для обучения геометрии школьников.

Для достижения цели авторами ставятся следующие задачи: дать характеристику юрты как традиционного жилища в условиях кочевого быта, представить ее как математическую модель в обучении школьников и студентов геометрии и разработать элементы электронной информационно-образовательной среды для изучения геометрии юрты.

В настоящее время имеются новые возможности исследования геометрических объектов, которые связаны с электронным обучением: визуализация, анимация, электронные тренажеры и т. п. (Zykova et al., 2018; Танзы и др., 2019; Тарыма, Шершнева, Вайнштейн, 2019). По этой причине в электронных курсах по аналитической геометрии в вузе, а также геометрии в школе рассмотрение формы юрты имеет значительный дидактический потенциал.

В качестве источниковой базы исследования выступают опубликованные работы, которые рассматривают юрту как объект исторического наследия (Донгак, 2012; Какаева, Султанбаева, 2019; Ондар, Танзы, 2016; Потапов, 1969; Шойдук, 2019 и др.). Особую значимость имели материалы С. И. Вайнштейна, посвященные изучению культуры Тувы, открытию памятников различных периодов ее истории, где прошлое народа перекликается с его современностью (Вайнштейн, 1974, 1991, 2016). В работе также использована научно-учебная литература по обучению геометрии в школе и аналитической геометрии в вузе (Аргунова и др. 2020; Волович, 1995; Гильберт, Кон-Фоссен, 1936; Кудрявцева, Удлер, 2015; Монгуш, Танова, 2016). Привлечены научные статьи в области электронного обучения (Vainshtein et al., 2019; Zykova et al., 2018; Танзы и др., 2019; Тарыма и др. 2019), позволившие разработать электронный обучающий модуль «Юрта как геометрическая модель при изучении математики».

В процессе работы авторами проводился теоретический анализ обобщенного и собственного педагогического опыта обучения будущих учителей информатики и математики в Тувинском государственном университете, работы с абитуриентами на подготовительных курсах в рамках губернаторского проекта Республики Тыва «В каждой семье — не менее одного ребенка с высшим образованием», а также выездных работ в летнее время на чабанских стоянках при обучении школьников математике.

В качестве реального источника исследования выступают музейные экспозиции, хранящиеся в Национальном музее Республики Тыва (в т. ч. тувинская юрта).

Юрта в условиях кочевого быта

Юрта является важнейшим созданием культуры кочевников: казахов, киргизов, хакасов, алтайцев, бурят, монголов и многих других народов, занимающихся скотоводством, а также — тувинцев (Байыр-оол, 2013).

С. И. Вайнштейн называл юрту «замечательным изобретением», которое широко распространилось не только у кочевых народов степей, но вскоре проникло и к оседлым народам Китая и Японии (Вайнштейн, 2016: 221). Распространению ее у кочевых народов способствовала простота ее транспортировки, благодаря скорости ее сбора за 1,5–2 часа и разбора в течение часа, а также возможности ее перевозки на лошадях и верблюдах в малодоступные ранее места, включая горные пастбища без применения громоздких повозок.

Тувинский народ сумел сохранить юрту в первоначальном виде и до сих пор использует этот тип жилища для проживания на пастбищах в летнее и осеннее время года. Как писал С. И. Вайнштейн, «еще рано заносить юрту в «красную книгу» (там же: 223).

Юрты сегодня стали также и частью этнокультурного туризма. Примечательными туристическими объектами выступают юрты, стоящие перед Национальным музеем им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, в этнокультурном комплексе «Алдын-Булак» и в других туристических местах республики. В Туве и сегодня производят юрты, а также мебель для юрт. Например, изготовлением юрт занимаются Чаданский райпромкомбинат, ОАО «Юрта» города Чадан и другие организации и предприниматели.

У тувинцев юрта носит название *өг* — 'юрта' или *кидис өг* — 'войлочная юрта'. Решетка юрты называется *хана*. Это слово проникло к тувинцам из монгольского языка, где *хана* означает решетку юрты. Обруч светодымового отверстия юрты известен у тувинцев как *хараача* и может быть сопоставлено с

карак, означающим в ряде тюркских языков зрачок. К монгольскому языку восходят названия реек конического остова юрты — *уна*, *ынаа* (ср. монг. *уни*), войлок на куполе юрты — *дээвишр* (ср. монг. *дээвэр*).

Размер хана зависел от числа планок и от величины ячеек (*хана карак*, букв. — глаз хана). Так, самую маленькую ячейку, расстояние между углами которой было равно *мугур сөөм* ('малая пядь'), называли *хураган карак* — 'глаз ягненка', ячейку с размером узун *сөөм* — *хой карак* ('глаз овцы'), а ячейку, равную *карыш* — *аьт карак* ('глаз лошади'). Количество хана определяло размер юрты, а степень их растяжки — ее высоту.

Рассматривая числовые параметры некоторых элементов юрты, начнем с обруча светодымового отверстия диаметром 80–100 см, состоящего из толстой палки, согнутой в круг и четырех или шести согнутых в дугу, крестообразно перекрещивающихся тальниковых планок, образующих купол — *мөгеже*.

Для цилиндрического остова юрты в зависимости от ее размеров предназначались три–четыре, реже пять полстей — *адаккы*, привязывавшихся к остову юрты с помощью пришитых к углам волосяных веревок. Полсти дополнительно закрепляли на остове 2–4 сплетенными из волоса поясами — *кожалан* — шириной от 2 до 10 см и длиной от 6,7 до 20 м, черного, желто-серого, белого цвета, которые охватывали полсти и, опоясывая юрту, закреплялись концами к дверным косякам. Верхние полсти дополнительно фиксировались волосяными лентами (*базырыг*, или *баглааш*). Эти ленты (от 4 до 16 штук) крестообразно охватывали верхние полости и обычно закреплялись на нижних концах решетки (*хана*), реже их привязывали к лентам, опоясывающим решетку (Вайнштейн, 1991: 28).

Традиционная тувинская юрта имеет высоту 2,5 м, площадь около 19 м², вес около 350 кг.

С. И. Вайнштейн отмечал, что «все было в ней ориентировано по сторонам света, каждая вещь имела свою строго определенное место по отношению к входной двери, которая обычно была направлена на восток, реже — на юго-восток. Все детали юрты, выражаясь современным языком, унифицированы и могут быть легко заменены» (Вайнштейн, 2016: 230).

Внутреннее жилое пространство юрты условно разделялось на левую- мужскую и правую женскую половины. Напротив входа, в центре юрты находился очаг — *одаг*, который представлял собой семейный, хозяйственный и сакральный центр жилища. Он помещался в небольшой ямке на круглой, овальной или квадратной площадке, огороженной жердочками или камнями. Если вместо очага использовали печь, то круглую очажную площадку в юрте заменяли четырехугольной и располагали ее не в центре, а ближе к входу. Место вокруг очага носило название «край огня» — *от кыдыы*.

Небольшая площадь, прилегающая к двери, носила название *эжик аксы* — 'устье двери'. Далее стояли деревянные ведерки цилиндрической формы — *хуун*, служившие подойниками, а также предназначавшимися для хранения воды. Березовые цилиндрические метровые долбленные бочки (*доскаар*) служили для кисломолочного напитка (*хойтпак*) или кумыса.

Напротив входа находилась почетная часть жилища *дөр*, где стояли парные деревянные ящики — сундуки (*антара*), с открывающейся верхней крышкой и украшенные узорной росписью. Количество их могло доходить до шести и даже восьми, что свидетельствовало о состоятельности их владельцев. Рядом с ними располагались низенькие комоды (*шургуулда*), а поверх — шкатулки (*хааржак*). Средняя часть дор была наиболее почетной — *дөр бажы* (*бажы* — букв. 'голова') между средними *антара* стояли невысокие квадратные или овальные столики — алтари (*ширээ*) высотой 20–25 см, с четырьмя или восемью ножками. На *ширээ* устанавливали буддийские культовые предметы, возлагали жертвоприношения.

На некотором расстоянии от *дөр* на левой стороне стояла кровать (*орун*), весила она всего несколько килограммов. На нее стелили большое количество матрацев (6–8) в зависимости от благосостояния семьи. В изголовье лежала валиковая подушка (*сыртык*), лицевая сторона которой изготавливалась из прямоугольной дощечки и декорировалась кожей или тканью. В этой же части юрты висела деревянная колыбель (*кавай*), украшенная резными узорами. Далее шло место хозяйки у передней части матраца, лежащего на кровати, *дөжек баары* (*дөжек* — войлочный матрац), за ним *дөжек адаа*, что означало 'нижняя часть матраца'. Далее у кровати обычно располагали сундук для продуктов (*бут антара*), а рядом с ним полусферический чугунный котел (*паиш*). За ним стояла этажерка *үлгүүр* с полками для посуды (Ондар, Танзы, 2016; Донгак, 2012 и др.).

Свободное пространство вокруг очага застилали войлочными стегаными ковриками — *ширтек*. Они декорировались различными стегаными узорами и имели трапециевидную форму, редко сег-

ментовидную или квадратную, с дугообразной стороной относительно стены жилища (Шойдук, 2019: 312). Их величина зависела от размеров юрты.

Так, юрту можно рассматривать как образец формирования пространственного мышления, который демонстрирует объекты геометрии в традиционном жилом помещении.

Юрта как геометрическая модель

Юрта является уникальным архитектурным сооружением, и как отмечалось выше, объединяет в себе формы всех трех геометрических тел вращения: цилиндра, усеченного конуса и части сферы.

Вместе с понятием «тела вращения» рассматриваются такие понятия как высота юрты (өгнүң бедии), ее основание (өг орну), радиус основания, образующие цилиндра, в качестве которых выступает высота стены юрты, образующие конуса — палки (ынаалар), а также ось и осевое сечение.

При обучении школьников и студентов этим понятиям целесообразно использовать иллюстративный материал, представленный в виде рисунков и моделей. Это позволяет формировать пространственные образы, распознавать геометрические тела по их элементам, определять в них различные плоские фигуры (отрезок, луч, параллельные прямые, треугольник, ромб, трапеция, особенно окружность и круг, вписанные многоугольники). Все эти фигуры можно продемонстрировать на схематической модели юрты (см. рис. 1).

Мы измерили деревянный каркас 6-стенной стандартной юрты из экспозиции Национального музея Республики Тыва. На одну стену (хана) приходится 34 планки разной длины, самая короткая имеет длину 27 см, а самая длинная — 186,5 см. Размер хана зависит от числа планок и величины ячеек (хана карак). Расстояние между углами равно 19 см. Высота хана равна 140 см, ширина 250 см. (см. рис. 2).

Для конусовидной крыши юрты необходимы палки (ынаа), от количества стен юрты зависит и количество палок. На одну стену приходится 12 ынаа с длиной 200 см, на дверь стандартно приходится 5 ынаа.

Завершает конструкцию юрты светодымовое отверстие хараача, напоминающее окружность. Его размер определяют палки ынаа, увеличивается число палок и увеличивается диаметр окружности.

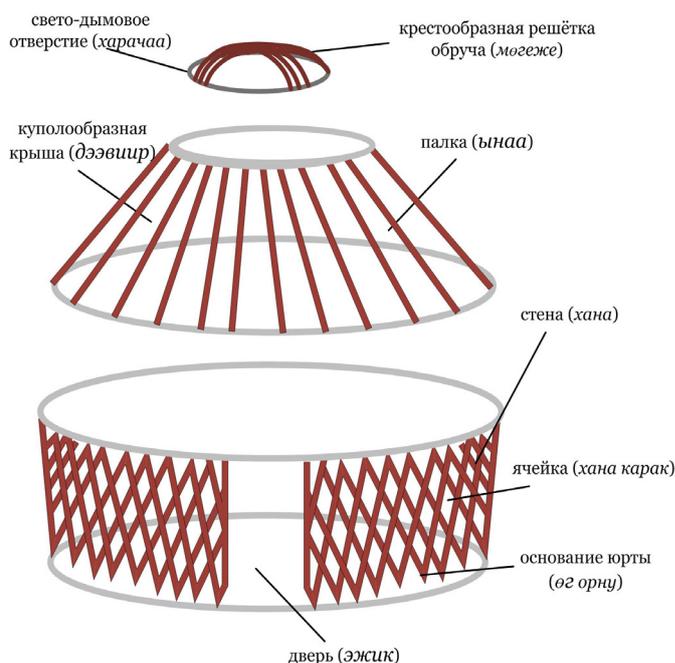

Рисунок 1. Модель юрты. Рисунок Ю. В. Вайнштейн.
Fig. 1. A mode of the yurt. Drawing by Yu. V. Vainshtein.

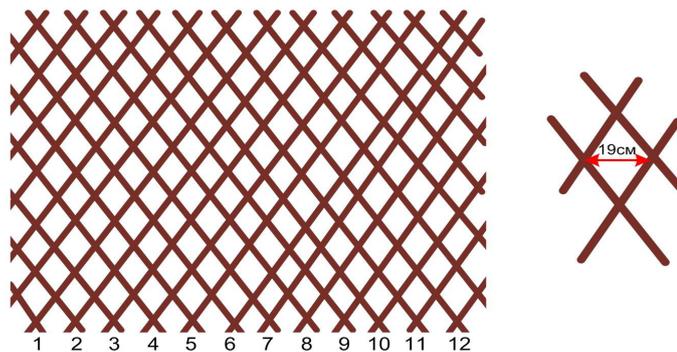

Рисунок 2. Одна из стен (хана) юрты. Рисунок Ю. В. Вайнштейн.
Fig. 2. One of the khana (walls) of the yurt. Drawing by Yu. V. Vainshtein.

Внутренний диаметр равен 97 см и внешний диаметр равен 114 см (см. рис. 3).

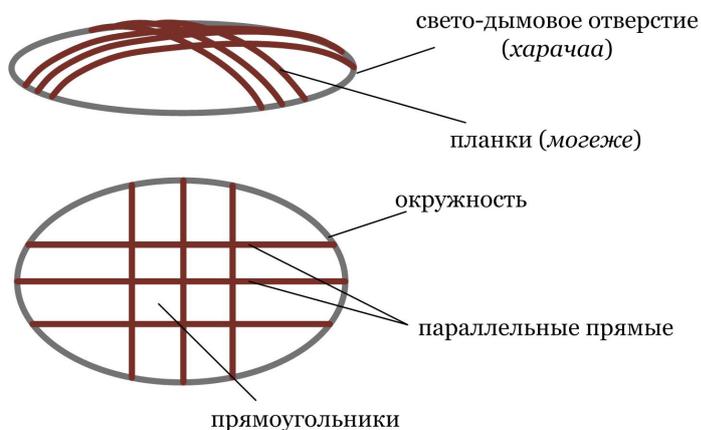

Рисунок 3. Хараача с мөгеже — полусфера. Рисунок Ю. В. Вайнштейн.
Fig. 3. Kharaacha and mögazhe — a hemisphere. Drawing by Yu. V. Vainshtein.

Диаметр юрты — 500 см, радиус — 250 см. Дверь эжик играет немаловажную роль в конструкции юрты, размер двери: высота — 140 см, ширина — 93 см.

С числовыми характеристиками юрты можно связать различные математические задачи. Например, задачи нахождения площади боковой поверхности юрты, длины окружности ее основания, объема цилиндрической части юрты, вычисления площади и объема юрт, имеющих различное количество стен: 4, 5 или 6. Повышение мотивации к изучению аналитической геометрии также вызывает задача нахождения количества войлока для покрытия нижней цилиндрической поверхности юрты (адакы) в зависимости от количества стен или задача нахождения количества палок (ынаа) для юрты с 5, 6 или 9 стенами. Задачи с региональным контекстом стимулируют познавательный интерес обучающихся.

Особо следует отметить, что исторически первые меры длины у тувинцев, как у многих кочевых народов, выражали расстояние приблизительно в сравнении с частями человеческого тела. Например, при определении длины решеток и палок для юрты они использовали единицу измерения кулаш — длину между вытянутыми горизонтально (на уровне плеч) руками взрослого человека, составляющую около 150 см; измерении окружности дымового круга — кулаш чарты (половина кулаш) или төш чарты, равному расстоянию от грудной клетки до конца горизонтально вытянутой руки, примерно 75 см.

История развития единиц измерения у каждого народа имеет свои особенности. На занятиях со студентами — будущими учителями математики — можно провести исторический экскурс: все параметры юрты пересчитать в народных единицах, показать их связь с современными единицами измерения, тем самым вызвать интерес, повысить их мотивацию к изучению предмета, и конечно, в дальнейшем применить полученные знания в своей профессиональной деятельности.

Применение электронной информационно-обучающей среды в изучении геометрии юрты

Для повышения привлекательности решения представленных выше задач, а также для формирования у будущих учителей навыков создания элементов электронной информационно-обучающей среды в процессе их подготовки авторами статьи под руководством М. В. Танзы в электронной информационно-обучающей среде разработан в 2020 г. электронный модуль «Юрта как геометрическая модель при изучении математики» (см. рис. 4). Он включает в себя электронные интерактивные лекции, тесты-тренажеры и индивидуальные задания, позволяющие повысить качество математической подготовки и на практике продемонстрировать возможности электронного обучения. Данный модуль планируется внедрить в учебный процесс в весеннем семестре 2020–2021 года в Тувинском государственном университете при обучении аналитической геометрии будущих учителей математики.

В качестве среды реализации электронного модуля была выбрана система управления электронного обучения LMS Moodle, которая широко распространена в образовательных учреждениях высшего образования и начинает активно использоваться и в школе. LMS MOODLE представляет собой систему

дистанционного обучения с высокой степенью интерактивности и гибкости при создании цифрового обучающего контента.

Рисунок 4. Фрагмент электронного-обучающего курса.
Fig. 4. Fragment of an electronic training course.

Интерактивная лекция разработана с применением элемента Moodle «Лекция». Учебный контент представлен в виде последовательно изложенного материала, разбитого на микропорции, контроль освоения которых осуществляется с применением тестовых заданий различных типов. В зависимости от результатов усвоения каждой микропорции студент переходит к следующему материалу (микропорции) или возвращается к предыдущему, а также может получить ссылки на дополнительный материал.

Цель интерактивной лекции данного модуля состоит в изучении юрты как геометрической модели. Студентам наряду с теорией предлагаются иллюстрации, рисунки и модели, формирующие пространственные образы и развивающие способности распознавать геометрические тела по их элементам. Они знакомятся с понятиями геометрических тел, поверхностей вращения, их характеристиками, изучают язык математики для записи и обработки результатов наблюдений и экспериментов.

Тесты-тренажеры направлены на закрепление визуального представления геометрических фигур, их понятий за счет установления соответствия с элементами каркаса юрты и ее внутреннего убранства. Рассмотрим пример тестового задания (см. рис. 5).

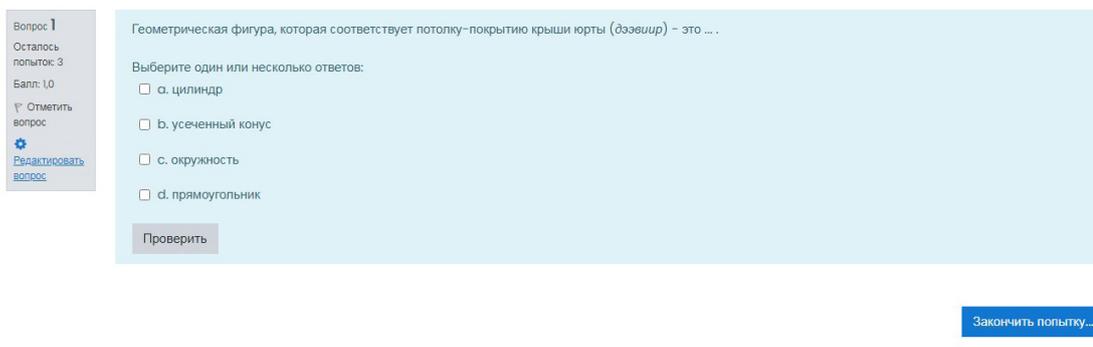

Рисунок 5. Пример тестового задания.
Fig. 5 A sample test question..

Для каждого вопроса предусмотрено несколько попыток. Если студент дает неправильный ответ, то ему дается первая подсказка — определения геометрических фигур (см. рис. 6). Повторив определения, можно ответить повторно, но с каждой попыткой количество баллов, получаемых за выполнение задания, уменьшается.

Вопрос 1

Осталось попыток: 2

Балл: 1,0

Отметить вопрос

[Редактировать вопрос](#)

Геометрическая фигура, которая соответствует потолку-покрытию крыши юрты (дээвилр) – это ...

Выберите один или несколько ответов:

a. цилиндр

b. усеченный конус

c. окружность

d. прямоугольник

Ваш ответ неправильный.

Повторите определения:

Цилиндр представляет собой геометрическое тело, полученное в результате вращения прямоугольника вокруг одной из его сторон (оси цилиндра).

Усеченный конус – тело вращения, которое получается при вращении прямоугольной трапеции вокруг меньшей боковой стороны.

Прямоугольник – четырехугольник, у которого все углы прямые.

Окружность – замкнутая плоская кривая, которая состоит из всех точек на плоскости, равноудаленных от заданной точки: эта точка называется центром окружности.

[Попробовать еще раз](#)

Рисунок 6. Первая подсказка.

Fig. 6 The first hint.

Если студент вновь дает неправильный ответ ему предлагается вторая подсказка (см. рис. 7).

Вопрос 1

Осталось попыток: 1

Балл: 1,0

Отметить вопрос

[Редактировать вопрос](#)

Геометрическая фигура, которая соответствует потолку-покрытию крыши юрты (дээвилр) – это ...

Выберите один или несколько ответов:

a. цилиндр

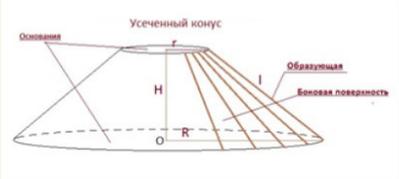
b. усеченный конус

c. окружность

d. прямоугольник

Ваш ответ неправильный.

Куполообразное покрытие-потолка крыши юрты представляет собой усеченный конус.

[Попробовать еще раз](#)

[Закончить попытку...](#)

Рисунок 7. Вторая подсказка.

Fig. 7 The second tip.

После второй подсказки студент не получает баллов за правильный ответ на данный вопрос и переходит к следующему тестовому заданию, следующему элементу каркаса юрты или внутреннего ее убранства и закреплению соответствующего геометрического понятия. Таким образом, обучение

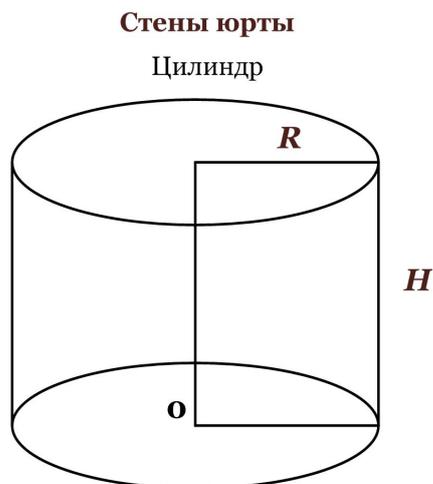

Рисунок 8. Схематическое изображение стен юрты.

Рисунок Ю. В. Вайнштейн.

Fig. 8. A schematic representation of the walls of the yurt. Drawing by Yu. V. Vainshtein.

усвоению геометрических понятий осуществляется многошагово при необходимости с возможностью использования нескольких попыток для каждого вопроса. Обучаемому всегда предоставляется возможность начать работу с тестом-тренажером для улучшения своего образовательного результата.

Индивидуальные задания сформулированы по вариантам и направлены на проектирование будущими учителями математики собственных элементов электронной информационно-образовательной среды. Например, один из вариантов направлен на создание элемента электронной среды для решения школьниками следующей задачи и автоматизированной проверки полученного решения.

Задача: Найти площадь боковой поверхности юрты $S_{бок}$. Построим геометрическую модель юрты (см. рис. 8), стены, которой, образуют цилиндр, радиус основания $R = 260$ см, $H = 170$ см.

Погружение задач с подобными примерами в электронную информационно-образовательную среду способствует формированию правильного понимания природы математики, повышения мотивации к изучению дисциплины, благодаря наглядной демонстрации ценности математического образования на практических примерах.

лины, благодаря наглядной демонстрации ценности математического образования на практических примерах.

Заключение

Итак, юрту можно рассматривать как математическую модель в обучении аналитической геометрии будущих учителей. В ней множество геометрических объектов: цилиндр, усеченный конус, часть сферы, параллельные прямые, окружности, прямоугольники, ромбы, параллелепипеды, параллелограммы, трапеции.

Будущие учителя математики, сами изучая аналитическую геометрию на примере юрты и ее элементов, одновременно готовятся к тому, чтобы обучать школьников геометрии на знакомых предметах. Тем самым достигается особый эффект, если геометрические знания усваиваются в процессе исследования хорошо известного учащимся объекта, имеющего прикладной смысл и этнический колорит.

Результаты данного исследования могут быть распространены для обучения студентов инженерных направлений подготовки. Особенно это важно для обучающихся архитектурно-строительных направлений, которые могут использовать достоинства юрты в современных технологиях строительства, это касается ее конструкции, сохранения теплового баланса внутри юрты и другие. Юрту можно использовать как геометрический объект для знакомства дошкольников с азами геометрии, показать взаимосвязь природы с математикой, воспитывать у них наблюдательность, развивать любознательность, творчество. Юрта выступает как уникальный объект инженерной мысли и будет еще долго интересна исследователям для изучения ее с различных сторон, с точки зрения виртуального моделирования, антисейсмической устойчивости и другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аргунова, Н. В., Аргунова, А. П., Попова, А. М. (2020) Развитие пространственного мышления обучающихся при решении геометрических задач с элементами якутского быта и зодчества // Педагогика. Вопросы теории и практики. Т. 5. № 1. С. 17–21. DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2020.1.3>

Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2 (18). С. 67–79. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (дата обращения: 20.09.2020).

Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.

- Вайнштейн, С. И. (2016) Загадочная Тува. Абакан : ООО «ИПП «Журналист». 416 с.
- Волович, М. Б. (1995) Наука обучать: технология преподавания математики. М. : LINKA-PRESS. 280 с.
- Гильберт, Д., Кон-Фоссен, С. (1936) Наглядная геометрия. М. ; Л. : ОНТИ. 304 с.
- Донгак, С. Ч. (2012) Некоторые представления тувинцев, связанные с юртой. Древняя история и традиционная культура // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (13). С. 63–67.
- Какаева, И. В., Султанбаева, К. И. (2019) Ознакомление с юртой как средство приобщения детей старшего дошкольного возраста к народной культуре хакасов [Электронный ресурс] // Интернаука. № 21–1 (103). С. 71–72. URL: <http://internauka.org/journal/science/internauka/103> (дата обращения: 20.09.2020).
- Коменский, Я. А. (1955) Избранные педагогические сочинения. М. : Рипол Классик. 651 с.
- Кудрявцева, В. И., Удлер, Е. М. (2015) Вывод уравнения меридиана кругового тентового шатра // Фундаментальные исследования. № 7–2. С. 318–322.
- Леонтьев, А. Н. (1959) О механизме чувственного отражения // Вопросы психологии. № 2. С. 19–41.
- Монгуш, А. С., Танова, О. М. (2016) Математические задачи с региональным контекстом как средство мотивации обучения математике (на примере республики Тыва) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 2 (36). С. 22–27.
- Ондар, Ч. М., Танзы, М. В. (2016) Юрта как один из элементов при изучении основных геометрических понятий // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная Году гостеприимства в Республике Тыва. Тувинский государственный университет / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Тувинский государственный университет. 227 с. С. 127–129.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 303 с.
- Солпубашова, А. Р., Син, Е. Е., Мурзаibraимова, Б. Б. (2017) Развитие познавательного интереса учащихся при изучении физики и математики // Известия Кыргызской Академии образования. № 1 (41). С. 66–72.
- Танзы, М. В., Куулар, Л. Л., Троякова, Г. А., Саая, С. К. (2019) Технология дистанционного обучения математике студентов в электронной среде MOODLE // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 1 (47). С. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-47-1-101>
- Тарыма, А. К., Шершнева, В. А., Вайнштейн, Ю. В. (2019) Формирование информационно-коммуникационной компетентности будущего учителя республики Тыва в условиях двуязычия // Перспективы науки и образования. № 4 (40). С. 77–90. DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.7>
- Шойдук, Л. Ш. (2019) Юрта — древнее жилище тувинцев // Искусство Евразии. № 3 (14). С. 302–316.
- Vainshtein, I. V., Shershneva, V. A., Esin, R. V., Noskov, M. V. (2019) Individualisation of Education in Terms of E learning: Experience and Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 9 (12). P. 1753–1770. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17516/1997-1370-0481>
- Zykova, T. V., Shershneva, V. A., Vainshtein, Yu. V., Danilenko, A. S., Kytmanov, A. A. (2018) E-learning courses in mathematics in higher education // Perspectives of Science and Education. Vol. 4 (34). P. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.7>

Дата поступления: 20.09.2020 г.

REFERENCES

- Argunova, N. V., Argunova, A. P. and Popova, A. M. (2020) Razvitie prostranstvennogo myshleniia obuchaiushchikh-sia pri reshenii geometricheskikh zadach s elementami iakutskogo byta i zodchestva [Development of students' spatial thinking in solving geometric problems containing elements of Yakut life and architecture]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 5, no. 1, pp. 17–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2020.1.3>
- Baiyr-ool, M. S. (2013) Iurta v tuvinskoi traditsionnoi kul'ture [The yurt in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 67–79 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (access date: 01.07.2020).
- Vainshtein, S. I. (1974) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [History of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 223 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta 416 p. (In Russ.).

Volovich, M. B. (1995) *Nauka obuchat': tekhnologiya prepodavaniia matematiki [The science of teaching: the technique of teaching mathematics]*. Moscow, LINKA-PRESS. 280 p. (In Russ.).

Hilbert, D. and Cohn-Fossen, S. (1936) *Nagliadnaia geometriia [Visual geometry]*. Moscow, Leningrad, ONTI. 304 p. (In Russ.).

Dongak, S. Ch. (2012) Nekotorye predstavleniia tuvintsev, svyazannye s iurtoi. Drevniaia istoriia i traditsionnaia kul'tura [Some Tuvan concepts associated with the yurt: Ancient history and traditional culture]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 1 (13), pp. 63–67. (In Russ.).

Kakaeva, I. V. and Sultanbaeva, K. I. (2019) Oznakomlenie s iurtoi kak sredstvo priobshcheniia detei starshego doskol'nogo vozrasta k narodnoi kul'ture khakasov [Getting familiar with the yurt as a means of introducing children of senior preschool age to the Khakass folk culture]. *Internauka*, no. 21–1 (103), pp. 71–72 [online] Available at: <http://internauka.org/journal/science/internauka/103> (access date: 20.09.2020). (In Russ.).

Komenský, J. A. (1955) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniia [Selected pedagogical works]*. Moscow, Ripol Klassik. 651 p. (In Russ.).

Kudriavtseva, V. I. and Udler, E. M. (2015) Vyvod uravneniia meridiana krugovogo tentovogo shatra [Derivation of the eridian equation of a circular tent]. *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 7–2, pp. 318–322. (In Russ.).

Leont'ev, A. N. (1959) O mekhanizme chuvstvennogo otrazheniia [On the mechanism of sensory reflection]. *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 19–41. (In Russ.).

Mongush, A. S. and Tanova, O. M. (2016) Matematicheskie zadachi s regional'nym kontekstom kak sredstvo motivatsii obucheniia matematike (na primere respubliki Tyva) [Mathematical problems with a regional context as a means of motivating teaching mathematics: the case of the Republic of Tuva]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 2 (36), pp. 22–27. (In Russ.).

Ondar, Ch. M. and Tanzy, M. V. (2016) Iurta kak odin iz elementov pri izuchenii osnovnykh geometricheskikh poniatii [The yurt as an element in the study of basic geometric concepts]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altai [Urgent issues of researching ethnoecological and ethno-cultural traditions of the Sayano-Altai peoples]* : Proceedings of the 4th international research and practical conference of young scientists, postgraduates and students dedicated to The year of hospitality in the Republic of Tuva / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvinskii gosudarstvennyi universitet. 227 p. Pp.127–129. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Solpubashova A. R., Sin E. E. and Murzaibraimova B. B. (2017) Razvitie poznavatel'nogo interesa uchaschchikhsia pri izuchenii fiziki i matematiki [Development of students' cognitive interest in studying physics and mathematics]. *Izvestiia Kyrgyzskoi Akademii obrazovaniia*, no. 1 (41), pp. 66–72. (In Russ.).

Tanzy M. V., Kuular L. L., Troiakova G. A. and Saia S. K. (2019) Tekhnologiya distantsionnogo obucheniia matematike studentov v elektronnoi srede MOODLE [Technology of distance learning in mathematics for students in the MOODLE virtual environment]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 1 (47), pp. 35–41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-47-1-101>

Taryma, A. K., Shershneva, V. A. and Vainshtein, Yu. V. (2019) Formirovanie informatsionno-kommunikatsionnoi kompetentnosti budushchego uchitelia respubliki Tyva v usloviakh dviiazychiia [Building information and communication competence of teachers in the Republic of Tuva under conditions of bilingualism]. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 4 (40), pp. 77–90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.7>

Shoiduk, L. Sh. (2019) Iurta — drevnee zhilishche tuvintsev [The yurt as an ancient dwelling of Tuvans]. *Iskusstvo Evrazii*, no. 3 (14), pp. 302–316. (In Russ.).

Vainshtein, I. V., Shershneva, V. A., Esin, R. V. and Noskov, M. V. (2019) Individualisation of Education in Terms of E learning: Experience and Prospects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 9 (12), pp. 1753–1770. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17516/1997-1370-0481>

Zykova, T. V., Shershneva, V. A., Vainshtein, Yu. V. and Danilenko, A. S., Kytmanov, A. A. (2018) E-learning courses in mathematics in higher education. *Perspectives of Science and Education*, vol. 4 (34), pp. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.7>

Submission date: 20.09.2020.

Перспективы применения дендрохронологического метода для этноэкологических исследований историко-культурного наследия Тувы

Анна Ю. Майничева,

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Российская Федерация,

Владимир С. Мыглан,

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Майя О. Филатова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Российская Федерация

Метод дендрохронологии является неотъемлемой частью исследований по реконструкции условий внешней среды в прошлом, и календарной (относительной) датировки памятников истории и культуры. В Республике Тыва дендрохронологические исследования ведутся давно — с 1974 года. По этой причине назрела необходимость в систематизации данных о существующих древесно-кольцевых хронологиях и коллекциях археологической древесины для выявления перспектив применения дендрохронологического метода применительно к историко-культурному наследию Тувы.

Предметом исследования стали итоги и перспективы дендрохронологических исследований историко-культурного наследия Тувы методами дендрохронологии, объектом исследования — результаты уже выполненных и перспективных исследований. Источниковую базу составляет собранный авторами банк данных по дендрохронологическим исследованиям историко-культурного наследия Тувы.

Проведенный нами анализ источниковой базы показал, что дендрохронологические исследования в основном связаны с исследованием высокогорных районов республики (Монгун-Тайга, нагорье Сангилен), по которым удалось построить тысячелетние древесно-кольцевые хронологии. Степная часть республики изучена гораздо слабее, хотя, именно на этой территории расположены всемирно известные археологические памятники и архитектурное наследие. Коллекции образцов археологической древесины из курганов достаточно разрознены и дендрохронологическим исследованиям не подвергались. Как правило, они были календарно датированы при помощи радиоуглеродного метода. Однако, это не всегда позволяет точно установить их календарный возраст (даты приходятся на «плато» на калибровочной радиоуглеродной кривой или при датировке не учитывается собственный возраст дерева относительно участка, взятого на радиоуглеродный анализ).

Выполненная систематизация дендрохронологических данных выявила два принципиальных момента: 1) в настоящее время для степной зоны Тувы имеется потенциал для построения древесно-кольцевой хронологии, охватывающей первое тысячелетие до н. э.; 2) существующая сеть древесно-кольцевых хронологий, охватывающая последние 778 лет, позволяет выполнять полномасштабные работы по исследованию архитектурного наследия Республики Тыва.

Ключевые слова: дендрохронология; этноэкология; архитектура; археология; Тува; Сибирь; культурное наследие

Экологическая часть исследования выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 19-14-00028 «Экстремальные (катастрофические) засухи на юге Сибири за последнее тысячелетие», архитектурно-этнографическая часть исследования выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований проект № 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры». Археологическая часть — М. О. Филатова работала в рамках темы НИР № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде» лаборатории «PaleoData» ИАЭТ СО РАН.

Для цитирования:

Майничева А. Ю., Мыглан В. С., Филатова М. О. Перспективы применения дендрохронологического метода для этноэкологических исследований историко-культурного наследия Тувы // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 92-103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.7>

Майничева Анна Юрьевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств. Адрес: 630099, Россия, г. Новосибирск, Красный пр., д. 38. Тел.: +7 (383) 330-16-70. Эл. адрес: annmaini@gmail.com

Мыглан Владимир Станиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник «Сибирской дендрохронологической лаборатории» Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Тел.: +7 (391) 206-26-77. Эл. адрес: v.myglan@gmail.com

Филатова Майя Олеговна — младший научный сотрудник лаборатории «PaleoData» отдела геохронологии и кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, д. 17. Тел.: +7 (383) 332-08-63. Эл. адрес: mayasidorova12@gmail.com

Prospects for applying the dendrochronological method to ethno-ecological studies of Tuvan historical and cultural heritage

Anna Yu. Mainicheva

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, Russian Federation,

Vladimir S. Myglan

Siberian Federal University, Russian Federation,

Maya O. Filatova

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Russian Federation

The dendrochronology method is an integral part of researching the reconstruction of environmental conditions in the past, and the calendar-based (relative) dating of historical and cultural monuments. In the Republic of Tuva dendrochronological studies have been ongoing since 1974. This explains the need for data classification in existing tree-ring timelines and collections of archaeological wood.

The article examines the results and prospects of dendrochronological studies of historical and cultural Tuvan heritage. Sources for the study are drawn from the databank of dendrochronological studies of Tuvan heritage, set up by the authors.

The analysis has shown that dendrochronological research is largely associated with the study of the high-mountainous regions of the republic (Mongun taiga, the Sangilen highlands) where it was possible to build some thousand-year tree-ring timelines. The steppe part of the republic is rather understudied, although it is there that world-famous archaeological sites and architectural heritage are located. The sample collections of archaeological wood from the barrows are rather fragmented and have not so far been studied using the dendrochronological method. Usually they were carbon-dated, however, this does not always make it possible to accurately determine their calendar age. The reason is that the dates fall on a "plateau" on the carbon calibration curve, or dating ignores the tree's own age relative to the site.

The classification of dendrochronological data revealed two aspects of utter importance: 1) it is currently possible to create a tree-ring timeline of the first millennium BC; 2) the existing network of tree-ring timelines makes it possible to conduct large-scale research on the architectural heritage of the Republic of Tuva.

Keywords: dendrochronology; ethnoecology; architecture; archaeology; Tuva; Siberia; cultural heritage

For citation:

Mainicheva A. Yu., Myglan V. S. and Filatova M. O. Perspektivy primeneniia dendrokronologicheskogo metoda dlia etnoekologicheskikh issledovaniy istoriko-kul'turnogo naslediya Tuvy [Prospects for applying the dendrochronological method to ethno-ecological studies of Tuvan historical and cultural heritage]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 92-103. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.7>

Financing

The ecological section of the study was supported by the Russian Science Foundation project No. 19-14-00028 "Extreme (catastrophic) droughts in the south of Siberia over the last millennium". The architectural and ethnographic sections of the study was supported by Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00469 "New methods in ethnography in information age: assessment of the results and prospects of use for the study of material culture". The archaeological section, worked on by M. O. Filatova, was covered by research topic No. 0264-2019-0010 "Reconstruction of natural conditions and ways of adapting the Eurasian population to them in the Quaternary period" of the PaleoData laboratory of the IAET SB RAS.

MAINICHEVA, Anna Yurievna, Doctor of History, Chief Research Fellow, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts. Postal address: 38 Krasny Pr., 630099 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-16-70. E-mail: annmaini@gmail.com **ORCID ID: 0000-0002-0784-4252**

MYGLAN, Vladimir Stanislavovich, Doctor of History, Leading Research Fellow, Siberian Dendrochronological Laboratory, Humanitarian Institute, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Pr., 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (391) 206-26-77. E-mail: v.myglan@gmail.com **ORCID ID: 0000-0002-5268-653X**

FILATOVA, Maya Olegovna, Junior Research Fellow, PaleoData Laboratory of the Geochronology and Cenozoic Department, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 17 Lavrentiev Pr., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 332-08-63. E-mail: mayasidorova12@gmail.com **ORCID ID: 0000-0001-5828-4809**

Введение

Метод дендрохронологии базируется на изучении уникальной последовательности годовичных колец у древесных растений. В настоящее время он стал неотъемлемой частью исследований по реконструкции условий внешней среды, экстремальных природных явлений в прошлом, календарной и относительной датировки памятников истории и культуры. В гуманитарных исследованиях метод хорошо зарекомендовал себя и представлен значительным количеством научных работ на международной арене и в России (Шиятов и др., 2005; Мыглан и др., 2010; Быков, Малышева, 2012; Слюсаренко, Мыглан, 2015; Жарников, Гевель, Мыглан, 2017).

В Республике Тыва дендрохронологические исследования ведутся давно. За последнее десятилетие в этом направлении были достигнуты значительные успехи. Так, для высокогорных районов Республики Тыва была построена сеть длительных древесно-кольцевых хронологий протяженностью почти 3000 лет (Taynik et al., 2016, 2017), выполнена реконструкция экстремальных климатических событий за последние 1500 лет (Баринов, 2019) и изменчивости летних температур за последние 2000 лет (Buntgen et al., 2016). В то же время степная часть региона охвачена дендрохронологическими исследованиями намного слабее. В настоящий момент существуют разрозненные упоминания о древесно-кольцевых хронологиях (Myglan et al., 2016). Хотя с точки зрения этноэкологических исследований, именно степная зона представляет особый интерес, т. к. в ней расположена основная масса всемирно известных памятников археологического и архитектурного наследия.

Таким образом, в рамках статьи будет проведен обзор и подведение итогов дендрохронологических исследований степной части региона и существующих источников об историко-культурном наследии Тувы. Реализация этой задачи позволит очертить перспективы работ по календарному датированию археологических и архитектурных памятников малоизученной степной зоны Тувы.

Систематизация дендрохронологических данных

Древесно-кольцевые хронологии по живым деревьям

Обозначенная выше диспропорция в дендрохронологических исследованиях не случайна. В степной зоне построение дендрохронологической шкалы значительно затруднено из-за отсутствия старовозрастных деревьев, плохой сохранности отмершей древесины на дневной поверхности (сгорает в весенних палах или собирается на хозяйственные нужды населением). Несмотря на это, в последние годы достигнут существенный прогресс для степной части Тувы (фото 1). По участкам, расположенным в межгорных котловинах построена сеть из семи древесно-кольцевых хронологий (Sogly, Vora, Nan, Ula, Hol, Tes, Nar), протяженностью 320 км (Myglan et al., 2016). Длина хронологий варьируется от 264 до 513 лет (рис. 1). Все хронологии хорошо коррелируют между собой (коэффициент корреляции между ними изменяется от 0.40 до 0.62) и пролеживается значимая связь (от 0.3 до 0.4) с хронологиями, построенными для схожих условий произрастания на Алтае и Монголии (там же). В настоящее время сотрудниками «Сибирской дендрохронологической лаборатории» проводится активная работа по построению тысячелетней древесно-кольцевой хронологии для степной зоны Сибири. Уже сейчас это позволило продлить хронологию Ula до 778 лет. Однако, несмотря на достигнутые успехи, длина древесно-кольцевых хронологий для степной зоны Республики Тыва не выходит за рамки последнего тысячелетия.

Археологические памятники

Более 50 лет идет накопление коллекций археологической древесины из памятников Тувы, но исследований, посвященных ее календарному датированию с помощью дендрохронологии, опубликовано немного.

Первая попытка датировать знаменитые археологические памятники скифской эпохи на территории Алтае-Саянского региона была сделана в конце 1950-х гг. И. М. Замоториным (Замоторин, 1959). Он изучил древесину из Больших Пазырыкских курганов Алтая, построил по ним «плавающую» хронологию и выявил, что курганы были сооружены всего за 48 лет. Исследователь установил, что курганы № 1 и № 2 были возведены в одно время, а не раньше, чем через 7 лет был сооружен курган № 4, затем через 30 лет курган № 3, а еще через 11 лет — курган № 5. При этом, достоверными результатами И. М. Замоторин предложил считать только данные по курганам № 1, № 2, № 5 (там же). Позже И. М. Замоторин исследовал курганы Туэкта-1 и Башадар-2. Он установил, что разница между курганом № 2 и Туэкта-1 составляет 130 лет, а Башадар-2 датировать не удалось (Замоторин, 1963). Установить

Фото 1. Пример степного участка в Республике Тыва.

Фото из архива «Сибирской дендрохронологической лаборатории»¹, лесостепной участок у с. Саглы.

Photo. 1. An example of a steppe plot in the Republic of Tuva. Photo from the archive of the Siberian Dendrochronological Laboratory, the forest-steppe area next to Sagly village.

календарные даты курганов в то время не представлялось возможным из-за отсутствия абсолютной древесно-кольцевой хронологии.

Первые исследования тувинского археологического наследия были сделаны Е. И. Захариевой в 1970-е гг. (Захариева, 1976). Она изучила образцы дерева из царского кургана Аржан и сопоставила их с данными курганов Алтая — Пазырык, Башадар и Туэкта (там же). Итогом ее работ стало определение последовательности сооружения курганов и пересмотр концепции И. М. Замоторина. Самым старым был признан Аржан, затем на 136 лет моложе Туэкта-1, еще на 21 год — Башадар-2, и еще на 84 года — Пазырык-5, а через 16 лет были возведены остальные Пазырыкские курганы, согласно предыдущей последовательности. Таким образом, исследовательница сузила время сооружения Пазырыкских курганов до 43 лет. Для тувинской дендроархеологии она впервые ввела в научный оборот 42 образца из царского кургана Аржан, по которым построила обобщенную 252-летнюю «плавающую» хронологию (там же: 100, 103). К сожалению, дальнейшая судьба коллекции спилов неизвестна, и она считается утерянной.

Работу по датировке Алтае-Саянских курганов продолжил Л. С. Марсаолов (Марсаолов, 1988). Поводом послужило расхождение в датах в работах И. М. Замоторина и Е. И. Захариевой. Он изучил 41 древесный спил курганов Пазырык № 1, 2, 5, Туэкта-1, Шибе, Аржан и подтвердил выводы И. М. Замоторина. Последовательность сооружения курганов в итоге его работ выглядела следующим образом: первым был сооружен Аржан в Туве, затем через 200 +/- 5 лет Туэкта-1 на Алтае, а через 130 лет были возведены Пазырыкские курганы. Однако, в отношении Аржана небольшое количество образцов и использование данных Е. И. Захариевой не позволило выйти за уже достигнутые рамки для дендроархеологии Тувы.

Дальнейшие исследования были продолжены лишь в 2006 г., когда коллективом авторов В. С. Мыглан (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск), И. Ю. Слюсаренко (Институт археологии и этно-

¹ Лаборатория работает при Сибирском федеральном университете. Миссия лаборатории — изучение древесных колец с целью оценки климатических изменений, датирования событий прошлого, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, <https://www.sibdendro.com/>

графии — далее ИАЭТ) СО РАН, г. Новосибирск), О. Ч. Ойдупаа (Тувинский государственный университет, г. Кызыл), Ю. Н. Гаркуша (ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск) были опубликованы данные анализа древесины из трех могильных сооружений царского кургана Аржан-2. В результате проведенной работы был введен в научный оборот 61 образец древесины и построена «плавающая» древесно-кольцевая хронология длиной 200 лет (Myglan et al., 2006: 132–138). К сожалению, календарно датировать курган не удалось по той же причине — отсутствие длительной календарно-привязанной древесно-кольцевой хронологии.

Кроме того, исследователи предприняли попытку сопоставить свои данные с хронологиями, полученными ранее Л. С. Марсадоловым и Е. И. Захариевой, но результаты привели лишь к новым вопросам методического характера и точности проведенной датировки. Авторы подвергли критике работу Л. С. Марсадолова, который писал, что: «перекрестным датированием установлено, что курган Аржан на 200 ± 5 лет древнее Туэкты-1» (Марсадолов, 1988: 75). Авторы отмечали, что это утверждение не совсем корректно, т. к., исходя из особенностей метода дендрохронологии, образцы могут датироваться только с точностью до года, в остальных случаях, считается, что образцы не датируются вообще (Мыглан, Слюсаренко, 2008: 380). Затем, с помощью перекрестной датировки с шестью образцами из кургана Аржан (которые были у них в наличии), исследователями была проверена обобщенная хронология Е. И. Захариевой. В результате было установлено, что «измеренные серии индивидуального прироста не датируются перекрестно с хронологией Zah (хронология Е. И. Захариевой. — прим. авторов). Это возможно только в том случае, если хронология Е. И. Захариевой не является «обобщенной схемой прироста годичных колец» древесины с кургана Аржан, что ставит под сомнение корректность ее использования для проведения перекрестной датировки других памятников» (там же: 381).

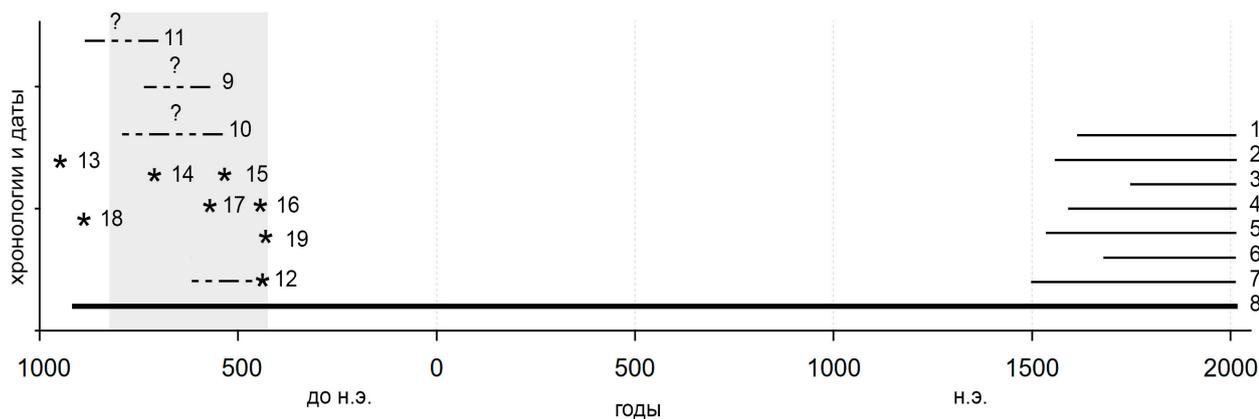

Рисунок 1. Существующие древесно-кольцевые хронологии и радиоуглеродные датировки древесины на территории Республики Тыва.

Прим.: Серым выделено «галльштатское плато» (Алексеев и др., 2005: 65); 1 — Календарно-привязанная древесно-кольцевая хронология (далее — ДКХ) Nar (Myglan et al., 2016); 2 — ДКХ Tes (там же); 3 — ДКХ Hol (там же); 4 — ДКХ Ula (согласно данным Сибирской дендрохронологической лаборатории); 5 — ДКХ Han (там же); 6 — ДКХ Bora (там же); 7 — ДКХ Sogl (там же); 8 — ДКХ Mongun (Taynik et al., 2017); 9 — «Плавающая» ДКХ для кургана Аржан (Марсадолов, 1988: 74); 10 — «Плавающая» ДКХ для кургана Аржан (Захариева, 1976: 100, 103); 11 — «Плавающая» ДКХ для курганов Аржан-2 (Myglan et al., 2006: 132–138); 12 — Календарно-привязанная ДКХ с помощью радиоуглеродного анализа для курганов Догээ-Баары-2 (Алексеев и др., 2005: 54, 248–249); 13 — Радиоуглеродные датировки для кургана Аржан (там же: 237); 14 — Радиоуглеродные датировки для курганов Аржан-2 (там же: 243); 15 — Радиоуглеродные датировки для курганов Аржан-4 (там же: 243); 16 — Радиоуглеродные датировки для кургана Аржан-Тарлаг (там же: 243); 17 — Радиоуглеродные датировки для курганов Сулуг-Хем-1 (там же: 237); 18 — Радиоуглеродные датировки для курганов Усть-Хадынныг-1 (там же: 237); 19 — Радиоуглеродные датировки для курганов Копто (там же: 248).

Fig. 1. Existing tree-ring chronologies and radiocarbon dating of wood in the Republic of Tuva.

Note: “Hallstatt plateau” is highlighted in gray (Alekseev et al., 2005: 65); 1 — Calendar-linked tree-ring chronology (hereinafter — TRW) Nar (Myglan et al., 2016); 2 — TRW Tes (Ibid.); 3 — TRW Hol (Ibid.); 4 — TRW Ula (according to the Siberian Dendrochronological Laboratory); 5 — TRW Han (Myglan et al., 2016); 6 — BoH Bora (Ibid.); 7 — TRW Sogl (Ibid.); 8 — DKH Mongun (Taynik et al., 2017); 9 — “Floating” TRW for the Arzhan barrow (Marsadolov, 1988: 74); 10 — “Floating” TRW for Arzhan barrow (Zakhariyeva, 1976: 100, 103); 11 — “Floating” TRW for Arzhan-2 mounds (Myglan et al., 2006: 132–138); 12 — Calendar-linked TRW using radiocarbon analysis for Doge-Baary-2 mounds (Alekseev et al., 2005: 54, 248–249); 13 — Radiocarbon dating for the Arzhan mound (Ibid.: 237); 14 — Radiocarbon dating for Arzhan-2 mounds (Ibid.: 243); 15 — Radiocarbon dating for Arzhan-4 mounds (Ibid.: 243); 16 — Radiocarbon dating for the Arzhan-Tarlag mound (Ibid.: 243); 17 — Radiocarbon dating for Sulug-Khem-1 mounds (Ibid.: 237); 18 — Radiocarbon dating for Ust-Khadynnyg-1 mounds (Ibid.: 237); 19 — Radiocarbon dating for the Kopto mounds (Ibid.: 248).

Дальнейших попыток календарного датирования археологической древесины в Республике Тыва с помощью дендрохронологического метода пока не производилось.

Несмотря на отсутствие абсолютной древесно-кольцевой хронологии, календарные датировки для большой группы курганов Тувы были выполнены путем радиоуглеродного датирования фрагментов древесины из памятников Аржан, Аржан-2, Аржан-4, Аржан-Тарлаг, Суглуг-Хем-1, Усть-Хадынныг-1, Копто, Догээ-Баары-2 (*рис. 1*). Данные масштабные исследования проводились на основе многолетних работ ряда российских и зарубежных археологов на территории Тувы: А. В. Адрианова, С. А. Теплоухова, Д. Г. Савинова, Ю. И. Трифонова, С. Н. Астахова, И. У. Самбу, Г. В. Длужневской (*История Тувы, 2014*), Д. Б. Данзын-оола (*Дыртык-оол, 2006*), М. Х. Маннай-оола (*Маннай-оол, 1970*), А. Д. Грача (*Грач, 1980*), М. П. Грязнова (*Грязнов, 1980*), А. М. Мандельштама (*Мандельштам, 1983*), К. В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера (*Чугунов, 1999; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002, 2017* и др.), В. А. Семенова (*Семенов, 2003*), М. Е. Килуновской (*Килуновская и др., 2015; Семенов, Килуновская, 1990*), Н. А. Боковенко (*Bokovenko, 1994*) и др.

Результаты радиоуглеродного датирования были опубликованы в ряде отдельных работ, а затем сведены в монографию «Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология» (*Алексеев и др., 2005*). В ней собраны датировки 62 образцов древесины и разделены на три периода: XIII — сер. VII в. до н.э., VII–VI вв. до н.э., вторая половина VI–III в. до н.э. (там же: 236–249). С одной стороны, исследователям удалось датировать большой массив древесины уникальных археологических памятников, с другой стороны — вопрос о календарном времени все еще остается не решенным из-за так называемого «гальштатского плато» на калибровочной кривой протяженности около 400 лет — с 800 г. до н.э. до 400 г. до н.э., когда конвенциональный радиоуглеродный возраст практически не изменяется с увеличением календарного возраста и погрешность датирования возрастает до нескольких столетий. Именно на этот временной интервал попадают все скифские культуры Евразии (там же: 42–67). В этом случае, подтвердить или опровергнуть полученные датировки может помочь только дендрохронологический анализ, датирующий с точностью до года, но, как уже упоминалось выше, из-за отсутствия длительной древесно-кольцевой хронологии его проведение пока невозможно.

В настоящее время продолжается накопление древесного материала из археологических памятников Тувы. Уже сейчас, благодаря археологам К. В. Чугунову (*Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017*), В. А. Семенову (*Семенов, 2003*), М. Е. Килуновской (*Килуновская, Семенов, 2018*), Т. Р. Садыкову, Н. А. Лазаревской, В. О. Глухову, В. А. Завьялову, Н. Ю. Смирнову (*Семенов и др., 2014; Килуновская и др., 2015; Садыков, Каспари, Блохин, 2019*), и дендрохронологам И. Ю. Слюсаренко и О. Ч. Ойдупаа собрана внушительная коллекция — более 670 образцов древесины с памятников Аржан, Аржан-2, Аржан-Тарлаг, Белое озеро-3, Эчки-Оттуг-1, Саускен-1-3, 5, Догээ-Баары-1, 2, Сулуг-Хем-2, Кош-Пей-1, Чинге-Тей-1, Чкаловка, Огру-Хову-2, Чолтух, Бай-Даг-8, Аtpак и Красная горка-2, 3. Надеемся, что датирование методом дендрохронологии древесины из вышеперечисленных курганов — дело ближайшего будущего.

Подводя итоги, можно сказать, что древесина археологических памятников в Тыве пригодна для дендрохронологических исследований (уже есть опыт ее относительного и радиоуглеродного датирования). В то же время существует явная необходимость в построении длительной древесно-кольцевой шкалы для степной зоны, охватывающей два последних тысячелетия.

Архитектурное наследие

Появление и существование некоторых архитектурных объектов Тувы тесно связаны с историей региона, в том числе с появлением в конце XIX в. первых русских торговых факторий (в Шагонаре, Чаа-Холе) и образованием земледельческих поселений (Туран, Уюк, Тарлык), а также с преобразованием советского периода. В настоящее время некоторые сооружения советского периода имеют статус объектов культурного наследия, но необходимо проведение архитектурно-этнографических исследований по выявлению исторически и архитектурно значимых зданий более раннего периода для решения вопроса поставки их на учет как памятников культурного наследия.

Уже поставленные на учет сооружения также требуют пристального внимания исследователей. Прежде всего, это здания, в которых проходили важные исторические события, размещались правительственные, партийные и советские органы, жили политические и общественные деятели, деятели культуры. Многие из построек обладают интересными стилевыми особенностями, список их насчитывает более 50 наименований. Так, например, в г. Кызыле к ним относится здание музея политических репрессий, здание школы № 2, переданное правительством в дар тувинскому народу в 1940 г., православная церковь, здание первой русской школы в столице ТНР, дом, где в июле 1921 г.

Фото 2 и 3. г. Кызыл, ул. Ленина, д. 20. Фото из архива «Сибирской дендрохронологической лаборатории».
Photo 2 and 3. 20 Lenin St., Kyzyl. Photo from the archive of the Siberian Dendrochronological Laboratory.

проходила первая тувинская конференция членов РКП (б), здание, где размещались ЦК ТНРП и ЦК ТРСМ (1925–1929 гг.), дом, в котором проживали писатели С. А. Сарыг-оол, С. Б. Пюрбю, О. К. Саган-оол, Б. Д. Ховенмей, А. А. Пальмбаха, в г. Туране — церковь св. Иннокентия, здание ЦК ТНРП и правительства ТНР в 1932–1940 гг. и мн. др. Здания обладают существенными архитектурными достоинствами, которые требуют всестороннего архитектурно-этнографического анализа. Так, например, в доме, где в начале 1920-х гг. проходила первая тувинская конференция большевиков г. Кызыл, ул. Ленина, д. 20, стоит обратить внимание на объемно-планировочное решение: композицию и декоративное оформление фасадов, решение мезонина с колоннами и фронтоном, расположение балкона южного фасада и строительные конструкции в целом (фото 2–3).

Здание, где размещались ЦК ТНРП и ЦК ТРСМ (г. Кызыл, ул. Ленина, д. 17), отличается тем, что имеет крышу со слуховым окном, направленным на восток. Окна с деревянными наличниками с пропиленной резьбой украшены объемными накладными элементами — пирамидками и узорами на лентах. Венцы сруба соединены в обло. В здании имеется деревянная лестница с фигурным ограждением, в коридоре — проемы, вырубленные в виде трехгранных арок (фото 4).

Кроме зданий, которые можно было бы включить в перечень памятников истории и культуры, существуют и так называемые этнографические объекты, представляющие интерес с точки зрения изучения традиций строительного дела. Несомненно, что работы по архитектурно-этнографическому обследованию зданий и сооружений Тувы должны выполняться с использованием современных информационных технологий, включающих лазерное сканирование, фотограмметрию, использование BIM (информационное моделирование зданий), виртуальные реконструкции, которые включены в методику полевых исследований (см. напр., Майничева, 2016, 2019ab; Mainicheva, Talapov, Zhang, 2017; Майничева, Талапов, Куликова, 2018), а также дендрохронологического анализа (Sidorova et al., 2017). До сих пор на территории Тувы не было датировано методом дендрохронологии ни одного памятника архитектуры, хотя их количество не уступает другим регионам России. Стоит отметить, что проведение такой работы помимо уточнения (верификации) дат сооружения построек, позволяет существенно продлить существующие хронологии по степной зоне Тувы и улучшить их качество (репликацию).

Обсуждение

Таким образом, несмотря на достигнутые успехи, в настоящее время на территории Тувы относительно календарного датирования памятников истории и культуры сохраняется ряд дискуссионных моментов.

Фото 4. г. Кызыл, ул. Ленина, д. 17. Фото из архива «Сибирской дендрохронологической лаборатории».

Photo 4. 17 Lenin St., Kyzyl. Photo from the archive of the Siberian Dendrochronological Laboratory.

Опыт применения метода радиоуглеродного датирования (из-за «гальштатского плато» на калибровочной кривой) наглядно продемонстрировал, что в настоящее время существует необходимость построения длительной древесно-кольцевой хронологии для степных районов Тувы, которая могла бы стать универсальным инструментом для датирования памятников. Существующей сети хронологий по живым деревьям явно недостаточно для того, чтобы датировать памятники скифской эпохи, которые являются визитной карточкой Тувы (т. к. сохраняется временной зазор для условного периода с 1000 н. э. по 500 до н. э.). Решением данной проблемы могли бы стать систематический поиск и сбор палеодревесины, а также привлечение археологической древесины с памятников эпохи железа-средневековья. Это позволило бы связать воедино все ныне существующие разрозненные относительные хронологии по древесине археологических памятников и проверить точность радиоуглеродных датировок.

При этом, следует подчеркнуть, что несмотря на значительный потенциал имеющихся коллекций археологической древесины (которую еще предстоит обработать) существуют определенные сложности. Они связаны с тем, что далеко не все образцы принадлежат к одной древесной породе, имеют плотную структуру, достаточное количество колец для датирования и синхронные колебания годичного прироста. Именно эти факторы сильно влияют на успешность проведения работы по построению длительных древесно-кольцевых хронологий. Еще И. М. Замоторин отмечал, что при исследовании Алтае-Саянских памятников ограниченная выборка, отсутствие подкорковых колец затрудняет определение порубочной даты и датирование древесины курганов (Замоторин, 1963).

В настоящее время только памятники архитектурного наследия могли бы быть датированы по существующей древесно-кольцевой хронологии, но коллекции древесины со зданий еще никем не формировались. С выявленных архитектурных памятников еще предстоит отобрать образцы для дендрохронологического анализа, однако и в этой области имеются свои ограничения.

Таким образом, с одной стороны, исследование в данном регионе открывает широкие перспективы для будущего, с другой — вышеперечисленные проблемы сильно влияют на возможность сбора материала и построения длительной абсолютной древесно-кольцевой хронологии.

Заключение

Систематизация дендрохронологических данных показала, что в настоящее для степной зоны Тувы построена сеть хронологий по живым деревьям, охватывающая последние 778 лет. Собрана значительная коллекция археологической древесины из курганов, относящихся к первому тысячелетию

до н. э., которая открывает широкие перспективы по календарному датированию археологических памятников и построению непрерывной древесно-кольцевой хронологии для первого тысячелетия до н. э. Наличие сети степных хронологий по произрастающим деревьям позволяет уже в настоящее время выполнить полномасштабные работы по исследованию архитектурного наследия Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, А. Ю., Боковенко, Н. А., Васильев, С. С., Дергачев, В. А., Зайцева, Г. И., Ковалюх, Н. Н., Кук, Г., Плихт, Й., Поснерт, Г., Семенцов, А. А., Скотт, Е. М., Чугунов, К. В. (2005) Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб. : Thesa. 290 с.

Баринов, В. В. (2019) Экстремальные климатические события в Алтае-Саянском регионе за последние 1500 лет по дендрохронологическим данным: дисс. ... канд. биол. наук. Красноярск. 156 с.

Быков, Н. И., Малышева, Н. В. (2012) Дендрохронологический анализ исторического объекта горно-добывающего производства на Алтае // Журнал Сибирского Федерального университета. Серия: Биология. № 1. С. 89–96.

Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 256 с.

Грязнов, М. П. (1980) Аржан. Л. : Наука. 62 с.

Дыртык-оол, А. О. (2006) Музейное дело Тувы. Кызыл : ТывГУ. 85 с.

Жарников, З. Ю., Гевель, Е. В., Мыглан, В. С. (2017) Бревенчатое наследие Сибири – старейшие сооружения деревянного зодчества Енисейска // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 5. С. 24–36.

Замоторин, И. М. (1959) Относительная хронология Пазырыкских курганов // Советская археология. № 1. С. 21–30.

Замоторин, И. М. (1963) О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая // Советская археология. № 2. С. 131–138.

Захариева, Е. И. (1976) Дендрохронологические исследования кургана Аржан // Советская археология. № 1. С. 100–107.

История Тувы (2014) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Кызыл: ОАО Тываполиграф. Т. I. 368 с.

Килуновская, М. Е., Лазаревская, Н. А., Садыков, Т. Р., Семенов, Вл. А. (2015) Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Эрбек в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. № 5. С. 193–224.

Килуновская, М. Е., Семенов, В. А. (2018) Исследования Тувинской археологической экспедиции // Археологические открытия. 2016 год / отв. ред. Н. В. Лопатин. М. : ИА РАН. 520 с. С. 439–441.

Майничева, А. Ю. (2016) Методика полевого этнографического исследования жилища русских в Сибири: проблемы выявления традиций и новаций // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина / отв. ред. Д. Д. Гаркуша. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. архитектуры, дизайна и искусств. Т. XI. 340 с. С. 52–55.

Майничева, А. Ю. (2019а) Виртуальные реконструкции сибирских острогов и городов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 3 (35). С. 166–171.

Майничева, А. Ю. (2019б) Методика фиксации, документирования и информационного моделирования объектов материальной культуры: принципы и подходы // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина / отв. ред. Д. Д. Гаркуша. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. архитектуры, дизайна и искусств. Т. XIV. 540 с. С. 57–60.

Майничева, А. Ю., Талапов, В. В., Куликова, С. О. (2018) Возможности применения BIM в этнографическом исследовании зданий и сооружений // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина / отв. ред. Д. Д. Гаркуша. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. архитектуры, дизайна и искусств. Т. XIII. 620 с. С. 67–70.

Мандельштам, А. М. (1983) Исследование на могильном поле Аймырлыг: некоторые итоги и перспективы // Древние культуры евразийских степей / отв. ред. В. М. Массон. Л. : Наука. 111 с. С. 25–33.

Маннай-оол, М. Х. (1970) Тува в скифское время (Уюкская культура). М. : Наука. 117 с.

Марсадолов, Л. С. (1988) Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. С. 65–81.

Мыглан, В. С., Ведмидь, Г. П., Майничева, А. Ю. (2010) Березово: историко-архитектурные очерки. Красноярск : Сиб. федерал. ун-т. 152 с.

Мыглан, В. С., Слюсаренко, И. Ю. (2008) Дендрохронологическое исследование курганов Аржан и Аржан-2 в Туве: подходы, проблемы, перспективы // Труды II (XVIII) археологического съезда в Суздале. Т. 3. С. 380–382.

Садыков Т., Каспари Д., Блохин Е. (2019) Раннескифский курган Туннуг-1: результаты первых работ на южной периферии памятника // Теория и практика археологических исследований. Т. 25. № 1. С. 29–38.

Семенов, В. А. (2003) Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб. : Петербургское Востоковедение. 240 с.

Семенов, В. А., Килуновская, М. Е. (1990) Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 17. С. 36–47.

Семенов, В. А., Килуновская, М. Е., Глухов, В. О., Завьялов, В. А., Садыков, Т. Р., Смирнов, Н. Ю. (2014) Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. № 4. С. 327–366.

Слюсаренко, И. Ю., Мыглан, В. С. (2015) Дендрохронологический анализ погребальных конструкций из курганов хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы / отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск : Издательство ИАЭТ СО РАН. 448 с. С. 70–71.

Чугунов, К. В. (1999) Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II // Круг знания. Научно-информационный сборник. Вып. 2. С. 33–46.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. (2002) Элитное захоронение кочевников раннего скифского времени в Туве // Археология, этнология и антропология Евразии. Вып. 2. С. 115–124.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. (2017) Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 500 с.

Шиятов, С. Г., Хантемиров, Р. М., Горячев, В. М., Агафонов, Л. И., Гурская, М. А. (2005) Дендрохронологические датировки археологических, исторических и этнографических памятников Западной Сибири // Археология и естественнонаучные методы / отв. ред. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М. : Языки славянской культуры. 216 с. С. 43–57.

Bokovenko, N. A. (1994) Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia / A. G. Kozintsev, V. M. Masson. St-Petersburg: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. 95 p. P. 48–53.

Buntgen, U., Myglan, V. S., Ljungqvist, F. C., McCormick, M., Di Cosmo, N., Sigl, M., Jungclaus, J., Wagner, S., Krusic, P. J., Esper, J., Kaplan, J. O., de Vaan, M. A. C., Luterbacher, J., Wacker, L., Tegel, W., Kirilyanov, A. V. (2016) Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature geoscience. Vol. 9. Issue 3. Pp. 231–236.

Mainicheva, A. Y., Talapov, V. V., Zhang, G. (2017) Principles of the information modeling of cultural heritage objects: the case of wooden buddhist temples // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 45. Issue 2. Pp. 142–148.

Myglan, V. O., Oidupaa, O. C., Sliusarenko, I. Y., Garkusha Y. N. (2006) The royal tomb of Arjan-2, Tuva: A dendrochronological study // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. № 4. Pp. 130–138.

Myglan, V. S., Barinov, V. V., Taynik, A. V., Oidupaa, O. Ch. (2016) The constructing of a stepper tree-ring chronology network in the Tuva Republic in Russia // TRACE 2016, Tree Rings in Archaeology, Climatology and Ecology. Ed. by I. Malik, P. Kojs, A. Brauning. Bialowieza, Poland : University of Silesia. 122 p. P. 93.

Sidorova, M. O., Zharnikov, Z. Y., Dorzhu, Z. Y., Mainicheva, A. Y., Myglan, V. S. (2017) Dendrochronological Methods in the Architectural and Ethnographic Study of Russian Towns in Siberia: The Case of Tara, Omsk Region // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 45. Issue 4. Pp. 122–131.

Taynik, A. V., Barinov, V. V., Oidupaa, O. Ch., Myglan, V. S., Reinig, F., Buntgen, U. (2016) Growth coherency and climate sensitivity of *Larix sibirica* at the upper treeline in the Russian Altai Sayan Mountains // Dendrochronologia. Vol. 39. P. 10–16.

Taynik, A. V., Barinov, V. V., Oidupaa, O. Ch., Myglan, V. S. (2017) Constructing of super long 3290-year tree-ring chronology for the Altai-Sayan region // TRACE 2017, Tree Rings in Archaeology, Climatology and Ecology. Ed. by I. Sviderskaya. Svetlogorsk : Siberian Federal University. 95 p. P. 34.

Дата поступления: 22.03.2020 г.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu., Bokovenko, N. A., Vasil'ev, S. S., Dergachev, V. A., Zaitseva, G. I., Kovalyukh, N. N., Kuk, G., Plikht, I., Possnert, G., Sementsov, A. A., Skott, E. M. and Chugunov, K. V. (2005) *Evrasiia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkheologicheskaia khronologiya [Eurasia in Scythian times: radiocarbon and archaeological chronology]*. St.-Petersburg, Thesa. 290 p. (In Russ.)

Barinov, V. V. (2019) *Ekstremal'nye klimaticheskie sobytiia v Altae-Saianskom regione za poslednie 1500 let po dendrokronologicheskim dannym [Extreme climatic events in the Altai-Sayan region over the past 1500 years according to dendrochronological data]*: Diss. ... Candidate of Biology. Krasnoyarsk. 156 p. (In Russ.)

Bykov, N. I. and Malysheva, N. V. (2012) Dendrokronologicheskii analiz istoricheskogo ob'ekta gorno-dobyvaiushchego proizvodstva na Altae [Dendrochronological studies of a historical mining site in the Altai]. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Biology*, no. 1, pp. 89–96. (In Russ.)

Grach, A. D. (1980) *Drevnie kochevniki v centre Azii [Ancient nomads in the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 256 p. (In Russ.)

Grjaznov, M. P. (1980) *Arzhan [Arzhan]*. Lenongrad, Nauka. 62 p. (In Russ.)

Dyrtyk-ool, A. O. (2006) *Muzeynoe delo Tuvy [Museum work in Tuva]*. Kyzyl, TyvGU. 85 p. (In Russ.)

Zharnikov, Z. Yu., Gevel', E. V. and Myglan, V. S. (2017) Brevenchatoe nasledie Sibiri — stareishie sooruzheniia dereviannogo zodchestva Eniseiska [The wooden heritage of Siberia: old log houses of Yeniseysk]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 5, pp. 24–36. (In Russ.)

Zakharieva, E. I. (1976) Dendrokronologicheskije issledovaniia kurgana Arzhan [Dendrochronological studies of mound Arzhan]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 1. pp. 100–107. (In Russ.)

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2014) : in 2 vol. 2nd ed / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.)

Kilunovskaia, M. E., Lazarevskaja, N. A., Sadykov, T. R., Semenov, V. A. (2015) Issledovaniia Tuvinskoj arheologicheskoi ekspeditsii IIMK RAN v doline r. Eerbek v 2014 g. [Research by the Tuva archaeological expedition of the IIMK RAS in the valley of the Eerbek river in 2014]. *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*, no. 5, pp. 193–224. (In Russ.)

Kilunovskaia, M. E. and Semenov, V. A. (2018) Issledovaniia Tuvinskoj arheologicheskoi ekspeditsii [Studies by the Tuva archaeological expedition]. *Arheologicheskie otkrytiia. 2016 god [Archaeological discoveries. 2016]*. Ed. by N. V. Lopatin. Moscow, IA RAN. 520 p. Pp. 439–441. (In Russ.)

Mainicheva, A. Yu. (2016) Metodika polevogo etnograficheskogo issledovaniia zhilishcha russkikh v Sibiri: problemy vyivleniia traditsii i novatsii [Methods of field ethnographic research of Russian dwellings in Siberia: Problems of determining traditions and innovations]. In: *Balandinskie chteniia: sbornik statei nauchnykh chtenii pamiati S. N. Balandina [Balandin Readings: a collection of articles in the memory of S.N. Balandin]*. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. arkhitektury, dizaina i iskusstv. Vol. XI. 340 p. Pp. 52–55. (In Russ.)

Mainicheva, A. Yu. (2019a) Virtual'nye rekonstruktsii sibirskikh ostrogov i gorodov [Virtual reconstructions of Siberian forts and towns]. *Vestnik Buriatskogo nauchn. tsentra SO RAN*, no. 3(35), pp. 166–171. (In Russ.)

Mainicheva, A. Yu. (2019b) Metodika fiksatsii, dokumentirovaniia i informatsionnogo modelirovaniia ob'ektov material'noi kul'tury: printsipy i podkhody [Methods of fixing, documenting and information modeling of objects of material culture: principles and approaches]. In: *Balandinskie chteniia: sbornik statei nauchnykh chtenii pamiati S. N. Balandina [Balandin Readings: A collection of articles in the memory of S.N. Balandin]*. Ed. by D. D. Garkusha. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. arkhitektury, dizaina i iskusstv. Vol. XIV. 540 p. Pp. 57–60. (In Russ.)

Mainicheva, A. Yu., Talapov, V. V. and Kulikova, S. O. (2018) Vozmozhnosti primeneniia BIM v etnograficheskom issledovanii zdaniia i sooruzhenii [The potential of using BIM in ethnographic studies of buildings and structures]. In: *Balandinskie chteniia: sbornik statei nauchnykh chtenii pamiati S.N. Balandina [Balandin Readings: A collection of articles in the memory of S.N. Balandin]*. Ed. by D. D. Garkusha. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. arkhitektury, dizaina i iskusstv. Vol. XIII. Pp. 67–70. (In Russ.)

Mandel'shtam A. M. (1983) Issledovanie na mogil'nom pole Ajmyrlyg: nekotorye itogi i perspektivy [A study of the Ajmyrlyg grave field: some results and prospects]. In: *Drevnie kul'tury evrazijskikh stepej [Ancient cultures of the Eurasian steppes]*. Ed. by V. M. Masson. Leningrad, Nauka. 111 p. Pp. 25–33. (In Russ.)

Mannaj-ool, M. H. (1970) *Tuva v skifskoe vremia (Ujukskaja kul'tura) [Tuva in Scythian time: the Ujuk culture]*. Moscow, Nauka. 117 p. (In Russ.)

Marsadolov, L. S. (1988) Dendrokronologiya bol'shikh kurganov Saiano-Altaja I tys. do n. e. [Dendrochronology of the large mounds of the Sayano-Altai of the 1st millennium BC]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum]*, vol. 29, pp. 65–81. (In Russ.)

Myglan, V. S., Vedmid', G. P. and Mainicheva, A. Yu. (2010) *Berezovo: istoriko-arkhitekturnye ocherki [Berezovo: historical and architectural essays]*. Krasnoyarsk, Sib. federal. un-t. 152 p. (In Russ.)

Myglan, V. S. and Sliusarenko, I. Yu. (2008) Dendrokronologicheskoe issledovanie kurganov Arzhan i Arzhan-2 v Tuve: podkhody, problemy, perspektivy [Dendrochronological study of mounds Arzhan and Arzhan-2 in Tuva: approaches, problems, prospects]. *Trudy II (XVIII) arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale*, vol. 3, pp. 380–382. (In Russ.)

Sadykov, T., Kaspari, D. and Blohin, E. (2019) Ranneskifskij kurgan Tunnug-1: rezul'taty pervyh rabot na juzhnoj periferii pamjatnika [Early Scythian mound Tunnug-1: results of the first works on the southern periphery of the monument]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*, vol. 25, no. 1, pp. 29–38. (In Russ.)

Semenov V.I.A. (2003) *Suglug-Hem i Hayyrakan — mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoj kotlovine* [Suglug-Khem and Khayyrakan: burial grounds of the Scythian time in the Central Tuva basin]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 240 p. (In Russ.)

Semenov, V.I. A. and Kilunovskaja, M. E. (1990) Novye pamjatniki rannego zheleznogo veka v Tuve [New monuments of the Early Iron Age in Tuva]. *Informacionnyi biulleten' MAIKCA*, vol. 17, pp. 36–47. (In Russ.)

Semenov, V.I. A., Kilunovskaia, M. E., Gluhov, V. O., Zav'ialov, V. A., Sadykov, T. R. and Smirnov, N. Yu. (2014) Preliminary results of studies of the Tuva archaeological expedition in 2013. *ijulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*, no. 4, pp. 327–366. (In Russ.)

Sliusarenko, I. Yu. and Myglan, V. S. (2015) Dendrokronologicheskii analiz pogrebal'nykh konstruksii iz kurganov khunnu v gorakh Noin-Ula (Severnaia Mongoliia) [A dendrochronological study of burial structures from the Xiongnu kurgans in the Noin Ula mountains, Northern Mongolia]. In: *Mul'tidistsiplinarnye metody v arheologii: noveishie itogi i perspektivy* [Multidisciplinary methods in archeology: the latest results and prospects]. Ed. by V. I. Molodin and S. Khansen. Novosibirsk, Izdatel'stvo IAET SO RAN. 448 p. Pp. 70–71. (In Russ.)

Chugunov, K. V. (1999) Nekotorye itogi issledovanij mogil'nika Dogeje-Baary II [Some outcomes of studies at the Dogee-Baara II burial ground]. *Krug znaniia. Nauchno-informacionnyj sbornik*, vol. 2, pp. 33–46. (In Russ.)

Chugunov, K. V., Partsinger, G. and Nagler, A. (2002) Elitnoe zakhronenie kochevnikov rannego skifskogo vremeni v Tuve [Elite burial of nomads of the early Scythian time in Tuva]. *Arheologia, etnologii i antropologii Evrazii*, vol. 2, pp. 115–124. (In Russ.)

Chugunov, K. V., Partsinger, G. and Nagler, A. (2017) *Tsarskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [Royal Scythian mound Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk, IAET SO RAN. 500 p. (In Russ.)

Shiitov, S. G., Khantemirov, R. M., Goriachev, V. M., Agafonov, L. I. and Gurskaia, M. A. (2005) Dendrokronologicheskie datirovki arheologicheskikh, istoricheskikh i etnograficheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri [Dendrochronological dating of archaeological, historical and ethnographic monuments of Western Siberia]. In: *Arheologii i estestvennonauchnye metody* [Archaeology and methodologies of natural science] / ed. by E. N. Chernykh and V. I. Zav'ialov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 216 p. Pp. 43–57. (In Russ.)

Bokovenko, N. A. (1994) Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia. In: *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia* / A. G. Kozintsev, V. M. Masson. St-Petersburg: Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. 95 p. P. 48–53.

Buntgen, U., Myglan, V. S., Ljungqvist, F. C., McCormick, M., Di Cosmo, N., Sigl, M., Jungclauss, J., Wagner, S., Krusic, P. J., Esper, J., Kaplan, J.O., de Vaan, M.A.C., Luterbacher, J., Wacker, L., Tegel, W., Kirilyanov, A.V. (2016) Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. *Nature geoscience*, vol. 9, issue 3, pp. 231–236.

Mainicheva, A. Y., Talapov, V. V. and Zhang, G. (2017) Principles of the information modeling of cultural heritage objects: the case of wooden buddhist temples. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 45, issue 2, pp. 142–148.

Myglan, V. S., Barinov, V. V., Taynik, A. V. and Oidupaa, O. Ch. (2016) The constructing of a stepper tree-ring chronology network in the Tuva Republic in Russia. In: *TRACE 2016, Tree Rings in Archaeology, Climatology and Ecology*. Ed. by I. Malik, P. Kojs, A. Brauning, Bialowieza, Poland, University of Silesia. 122 p. P. 93.

Sidorova, M. O., Zharnikov, Z. Y., Dorzhu, Z. Y., Mainicheva, A. Y. and Myglan, V. S. (2017) Dendrochronological Methods in the Architectural and Ethnographic Study of Russian Towns in Siberia: The Case of Tara, Omsk Region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 45, issue 4, pp. 122–131.

Taynik, A. V., Barinov, V. V., Oidupaa, O. Ch., Myglan, V. S., Reinig, F. and Buntgen, U. (2016) Growth coherency and climate sensitivity of *Larix sibirica* at the upper treeline in the Russian Altai Sayan Mountains. *Dendrochronologia*, vol. 39, pp. 10–16.

Taynik, A. V., Barinov, V. V., Oidupaa, O. Ch. and Myglan, V. S. (2017) Constructing of super long 3290-year tree-ring chronology for the Altai-Sayan region. In: *TRACE 2017, Tree Rings in Archaeology, Climatology and Ecology*. Ed. by I. Sviderskaya. Svetlogorsk, Siberian Federal University. 95 p. P. 34.

Submission date: 22.03.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.8

Статья

Сравнительные исследования возрастной и временной динамики кефалометрических признаков и антропологическая фотография у современных тувинских школьников при экологических изменениях в популяциях

Андрей М. Маурер, Валерий А. Бацевич, Екатерина Ю. Пермякова, Оксана В. Ясина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация

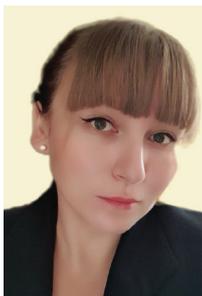

В статье представлены результаты сравнительного изучения возрастной и временной динамики кефалометрических признаков у тувинцев школьного возраста — населения Тувы в 1978 и 2018–2019 гг. Главная задача заключалась в оценке возрастной и временной изменчивости краниометрических признаков в тувинских популяциях в современных условиях.

Сбор антропологических данных детей 6–17 лет был осуществлен по стандартной методике и проходил в одной из национальных школ г. Кызыла (414 человек) и п. Тоора-Хем (341 человек). Все обследованные также были сфотографированы согласно принятой в НИИ и Музее антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова методике И. В. Перевозчикова (1987). К полученным фотографиям был применен метод обобщенного портрета, упростивший визуализацию половой, возрастной и этно-территориальной изменчивости обследованного контингента.

Результаты показали, что динамика изменений размеров головы и лица городских и сельских детей и подростков обоего пола соответствует общепризнанным закономерностям: относительно небольшая интенсивность изменчивости большинства показателей демонстрирует увеличение на протяжении возрастного ряда (за исключением головного указателя). Сравнение этих данных с более ранними (1978 г.) позволяет сделать вывод об отсутствии значимых межпоколенных различий. Отсюда можно заключить, что основные параметры головы и лица, присущие тувинскому этносу, сохраняются на протяжении прошедших со времени последнего обследования десятилетий (только продольный диаметр головы дает незначительный вклад в трансформацию расового и этнического облика населения). Сохранение классических характеристик центрально-азиатского типа подтверждают и результаты фотообобщений, что также свидетельствует о значительной гомогенности обследованных тувинских групп в настоящее время.

Ключевые слова: антропоэкология; детское население; кефалометрические признаки; обобщенный фотопортрет; Тува; тувинцы

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-09-00417 «Новые антропоэкологические исследования в Республике Тыва. Мониторинг адаптивных процессов через 40 лет», а также в рамках НИР № АААА-А19-119013090163-2 «Антропология евразийских популяций».

Для цитирования:

Маурер А. М., Бацевич В. А., Пермякова Е. Ю., Ясина О. В. Сравнительные исследования возрастной и временной динамики кефалометрических признаков и антропологическая фотография у современных тувинских школьников при экологических изменениях в популяциях // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 104–119. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.8

Маурер Андрей Маркович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Тел.: +7 (917) 383-11-11. Эл. адрес: foto-rer@yandex.ru

Бацевич Валерий Анатольевич — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Тел.: +7 (977) 494-36-32. Эл. адрес: batsevich53@mail.ru

Пермякова Екатерина Юрьевна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Тел.: +7 (906) 736-31-20. Эл. адрес: ekaterinarpermyakova@gmail.com

Ясина Оксана Валерьевна — эколог Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Тел.: +7 (903) 688-16-02. Эл. адрес: okyasina@yandex.ru

A comparative study of age and temporal dynamics of cephalometric characteristics and anthropological photography in modern Tuvan schoolchildren under environmental changes in populations

Andrey M. Maurer, Valery A. Batsevich, Ekaterina Yu. Permiakova, Oksana V. Yasina
Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

The article aims to compare the age and temporal dynamics of cephalometric characteristics in the Tuvan school population in 1978 and 2018-2019. Our main objective was to assess the age and temporal variability of craniometric characteristics in Tuvan populations under contemporary conditions.

Anthropological data was collected from Tuvan children aged 6-17, according to the standard method, in one of the ethnic schools in Kyzyl (414 people) and Toora-Khem (341 Tozhu Tuvans). All those examined were also photographed according to the method of anthropological photography adopted at the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University. The generalized portrait method was applied to the photographs obtained, which simplified the visualization of the sex, age and ethno-territorial variability of the surveyed contingent.

The results obtained showed that the dynamics of changes in the size of the head and face of urban and rural children and adolescents of both genders corresponds to general biological patterns: the relatively low intensity of variability of most indicators demonstrates an increase throughout the age series (except for the cephalic index). Comparison of these data with earlier ones (1978) allows us to conclude that there are no significant intergenerational differences. This is the reason that the main characteristics of the head and face inherent in the Tuvan ethnic group have been preserved over the decades since the last survey (the longitudinal diameter of the head alone does not make a significant contribution to the transformation of the racial and ethnic appearance of the population). The retention of the classical characteristics of the Central Asian type is also confirmed by the results of generalizations of the photographs, which also indicates a significant homogeneity of the studied Tuvan groups at the present time.

Keywords: anthropoecology; child population; cephalometric characteristics; composite portraits; Tuva; Tuvans

Financing

This work was supported by the RFBR grant No. 18-09-00417 «New anthropoecological studies in the Tuva Republic. Monitoring of the adaptive processes in 40 years» and partly by the research project № AAAA-A19-119013090163-2 «Anthropology of Eurasian populations».

For citation:

Maurer A. M., Batsevich V. A., Permiakova E. Yu. and Yasina O. V. Sravnitel'nye issledovaniia vozrastnoi i vremennoi dinamiki kefalometricheskikh priznakov i antropologicheskoi fotografii u sovremennykh tuvinskiikh shkol'nikov pri ekologicheskikh izmeneniiakh v populiatsiakh [A comparative study of age and temporal dynamics of cephalometric characteristics and anthropological photography in modern Tuvan schoolchildren under environmental changes in populations]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 104-119. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.8

MAURER, Andrey Markovich, Candidate of Biology, Senior Research Fellow, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (917) 383-11-11. E-mail: foto-rer@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2607-1558

BATSEVICH, Valery Anatol'evich, Candidate of Biology, Leading Research Fellow, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (977) 494-36-32. E-mail: batsevich53@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3833-1588

PERMIAKOVA, Ekaterina Yurievna, Candidate of Biology, Research Fellow, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (906) 736-31-20. E-mail: ekaterinapermyakova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6490-4004

YASINA, Oksana Valer'evna, Ecologist, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (903) 688-16-02. E-mail: okyasina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9133-0440

Введение

Антропологическое изучение современного населения Тувы было начато в 1926 г. экспедицией под руководством В. В. Бунака, когда сотрудники Тувинской этнографо-антропологической экспедиции работали как в степных районах, так и в таёжной Тодже (Bunak, 1928). Некоторые итоги этих начальных исследований представлены в работах А. И. Ярхо (Ярхо, 1929, 1936, 1947). Сбор материалов в Туве был продолжен в 1950–1980 гг. несколькими коллективами ученых под руководством М. Г. Левина, Ю. Г. Рычкова, В. И. Богдановой. Подробные сведения о руководителях и местах работы экспедиций, целях, задачах и итогах, выполненных за этот период антропологических исследований можно найти в обзорной статье Г. А. Аксяновой, посвящённой, главным образом, истории поездок и основным выводам, полученным при изучении этногенеза тувинцев (Аксянова, 2009). До 60-х годов XX века все обследования проводились по классической расоведческой программе для решения задач происхождения и внутриэтнической дифференциации тувинского населения. Позднее программа была расширена благодаря дополнительному сбору данных по дерматоглифике, одонтологии и группам крови (Богданова, Халдеева, 1980; Богданова, 1986).

В 1976–1979 гг. сотрудниками Научно-исследовательского института и музея антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (НИИ антропологии МГУ) под руководством Т. И. Алексеевой было проведено комплексное экспедиционное антропозоологическое обследование коренного населения в четырех районах (теперь — кожуунах) Тувы: Дзун-Хемчикском, Тоджинском, Монгун-Тайгинском и Эрзинском. Впервые были собраны обширные данные о морфофизиологическом статусе сельского коренного тувинского населения в 4 географических и климатических зонах. В программу исследований входили: антропологические измерения тела (около 40 признаков), кефалометрия и кефалоскопия (измерения и описания признаков головы и черепа), антропологическая фотография, рентгенография костей скелета кисти, дерматоглифика, сбор одонтологических данных, общий анамнез, физиологические показатели (определялся уровень окислительных процессов методом оксигемометрии, кровяное давление, минерализация скелета и др.), элементы демографии (по данным ЗАГСа). Кроме того, был осуществлен сбор образцов крови и волос для получения биохимических и генетических данных, а также для оценки пигментации и микроэлементного состава. Обследовалось, в основном, взрослое население. В двух районах, Монгун-Тайгинском и Тоджинском, по сокращенной программе было проведено морфологическое обследование детского населения школьного возраста.

Этот регион Центральной Азии был выбран для определения биологических характеристик в популяциях, сформировавшихся в условиях резко выраженного континентального климата. В результате сравнительного анализа полученных данных было установлено, что ведущими факторами среды на этой территории являются холодовой стресс, высота над уровнем моря и количество осадков. В ходе проведенных исследований был выявлен и описан соответствующий морфофизиологический комплекс, присущий коренному населению разных географических районов Тувы, по сравнению с хакасскими, алтайскими и монгольскими группами (Антропозоологические исследования ..., 1984: 75–114; Антропозоология Центральной ..., 2005: 35–67). Биологическая и культурная адаптация в рассматриваемых тувинских популяциях складывалась в течение длительного времени. Об этом свидетельствуют закономерные географические вариации черт строения тела и функциональных признаков, структура генофонда, тип хозяйства (Алексеева, 1984, 1986; Антропозоология Центральной ..., 2005: 35–67).

В современных условиях, при относительной стабильности природных факторов, на протяжении примерно полувека, в тувинских группах происходит ускоряющаяся трансформация образа жизни в результате таких инициированных социальными процессами явлений, как урбанизация, миграции, смена традиционного рода занятий и, соответственно, привычной физической нагрузки, типа питания и др. (Анайбан, 2009, 2010).

Переход в указанную новую экологическую нишу требует новой адаптации. Темпы изменений могут быть разными на разных территориях в Туве в зависимости от степени и скорости нарушений гомеостатических связей, а стрессовые биологические реакции могут проявляться уже на протяжении жизни одного поколения. При слишком быстрых изменениях приспособительный процесс вызывает большое напряжение. В результате в популяциях меняются: морфологические и физиологические особенности (изменение тотальных размеров тела, излишнее накопление жировой ткани в одной части популяции и одновременно астенизация в другой); демографические показатели; эпидемиологические

характеристики (уровень заболеваемости, вклад различных классов болезней). Наиболее важным признаком нарушения баланса со средой обитания, по данным наших исследований, является изменение темпов онтогенеза на всем его протяжении (ускорение созревания и физического развития у детей, старения у взрослых) и связанные с этими процессами модификации морфологических характеристик в популяциях (Бацевич, Бутовская, Кобылянский, 2018).

В связи с наблюдаемыми экологическими изменениями на территории Республики Тыва, особую актуальность приобрело проведение повторных антропоэкологических исследований в тех же самых районах республики, где ранее проводилось обследование населения и дополнительно в г. Кызыле для оценки степени и направления адаптивных изменений в современных тувинских популяциях при модификации социально-экономических условий жизни. Практическая оценка степени адаптации в различных популяциях и динамика её изменений позволит прогнозировать также и общее состояние здоровья коренного населения Тувы в обследуемых районах на всех этапах онтогенеза.

Изучению изменчивости размеров тела в связи с экологическими преобразованиями на различных территориях Ойкумены посвящено большое количество работ (Волкова, 1988; Козлов и др., 2009; Година, 2010; Бацевич, 2016; Shepard, Rode, 1996; Katzmarzyk, Leonard, 1998; Malina, 2004; Barker, Thornburg, 2013; Brüne, Hochberg, 2013; Eriksson et al., 2013; Hermanussen, 2013 и др.). В то же время относительно мало известно об обусловленной экологическими факторами изменчивости антропометрических признаков головы, возрастные и временные изменения которых существенно отличаются от изменений размеров тела, что связано с известным фактом более раннего формирования черепа в онтогенезе человека. Другим важным фактом являются эволюционные особенности формирования черепной коробки и лицевого отдела скелета черепа (Бунак, 1960; Ауль, 1964; Miklashevskaya, 1966, 1969 и др.). Так, было показано, что процесс акселерации захватывает и кефалометрические признаки (Миклашевская, 1973). Сопоставление данных по изменению краниологических размеров у русских детей за 25 лет, начиная с 1940 г., показало увеличение всех диаметров головы, но эти данные требуют проверки и уточнения в других расовых и этнических группах и экологических условиях.

Настоящая работа посвящена сравнительному изучению возрастной и временной динамики кефалометрических признаков у школьного населения Тувы в 1978 и 2018–2019 гг.

Основная гипотеза исследований: стабильность темпов онтогенеза и морфогенеза, а также скорость их изменения являются индикатором степени адаптивности современных популяций или маркируют уровень нарушения антропоэкологических связей.

Главная задача работы: оценить возрастную и временную изменчивость краниометрических признаков в тувинских популяциях в современных условиях.

Материал и методы

В 2018 г. при поддержке гранта РФФИ ««Новые антропоэкологические исследования в Республике Тыва. Мониторинг адаптивных процессов через 40 лет»» коллективом под руководством В. А. Бацевича проведены антропоэкологические исследования взрослого и детского тувинского населения школьного возраста в г. Кызыле.

Программа обследования, по сути, повторяла ту, по которой были собраны данные в 1976–1979 гг. Из нее были исключены исследования, мало связанные с временной и социально-экологической изменчивостью населения или требующие особых условий сбора и обработки данных, в том числе этнических и организационных (дерматоглифика, сбор образцов крови и волос и др.). Дополнительно в программу был включен биоимпедансный анализ для расширенного изучения состава тела человека, организован сбор данных по кистевой динамометрии, измерению дистальных отделов кисти руки, возрасту наступления менархе. Все исследования выполнялись только с добровольного согласия участников (имеющих паспорт) или их родителей, которые заполняли и подписывали форму «Согласие добровольца». Впоследствии данные были деперсонифицированы.

Сбор антропологических данных у тувинских детей 6–17 лет проходил в средней общеобразовательной школе № 2 имени Народного учителя СССР А. А. Алдын-оол г. Кызыла, которая является первой тувинской школой города (1927). Численность обследованных по разным программам немного варьировала. Минимум по морфологической программе составил 414 человек. Обследованное детское население не является в полной мере городским. Предварительный анализ анкет показал, что подавляющее большинство детей родились в сельской местности или в городе после миграции роди-

телей из сельской местности. Таким образом, основной контингент школьников представляет собой первичное мигрантное население г. Кызыла. Этнический состав учащихся практически однороден, это тувинцы степных районов. Представители других этносов (русские, монголы, киргизы и метисы) составили менее 10 человек и не вошли в выборку.

Детский материал по тувинцам–тоджинцам впервые был собран в сентябре 1978 г. в школе п. Тоора-Хем Тоджинского р-на Тувы. Некоторые данные (возрастная динамика размеров тела, изучение вкусовой и обонятельной чувствительности) были опубликованы как сравнительные с другими этническими группами (*Антропозэкология Центральной ...*, 2005), но данные по размерам головы и лица до настоящего момента не анализировались и не публиковались.

В сентябре 2019 г., спустя 41 год, в той же школе п. Тоора-Хем были обследованы около 400 человек, из них 341 тувинец-тоджинец (162 мальчика и 179 девочек). В разработку по кефалометрической программе вошли только уроженцы Тоджинского р-на. Тувинцы-тоджинцы — особая этническая группа тувинцев, говорящая на тоджинском диалекте тувинского языка. В отличие от других скотоводческих тувинских групп, тоджинцы занимаются оленеводством, а также таёжным промыслом (охота, рыболовство, сбор дикоросов) (*Вайнштейн, 1961*). В недавнем прошлом, в конце XX века, оленеводство у тоджинцев практически сошло на нет, но в настоящее время этот промысел понемногу возрождается. Антропологически тоджинцы имеют ряд отличий по строению тела, лица и пигментации кожи и волос от степного тувинского населения, а по строению тела ближе к другим таёжным группам (тофаларам, амурским эвенкам) (*Антропозэкологические исследования ...*, 1984: 200).

При измерении признаков на голове для оценки возрастной изменчивости признаков уже в период раннего детства (4–7 лет) приходится иметь дело с величинами значительно меньшего масштаба по сравнению с телом человека и с размерами, иногда не превышающими нескольких сантиметров или миллиметров. Многие точки не имеют точной скелетной привязки. При фиксации инструмента на них требуется соблюсти ряд условий, связанных с усилием нажима и правильным расположением ножек измерительного циркуля. Толщина кожных, мускульных и жировых покровов на голове имеет абсолютно меньшие размеры по сравнению с телом человека, что облегчает задачу измерений, но все же требует выработки стандартной степени нажима на инструмент для достижения требуемых повторяемых результатов.

Все обследованные в двух экспедициях 2018 и 2019 гг. были сфотографированы согласно принятой в НИИ и Музее антропологии МГУ методике антропологической фотографии (*Перевозчиков, 1987*).

Метод обобщенного портрета, который широко используется в антропологии как научно-иллюстративный и познавательный инструмент (*Galton, 1878*), применён и в настоящем исследовании. Метод упрощает решение таких задач, как визуализация половой, возрастной и этно-территориальной изменчивости популяций (*Перевозчиков, Маурер, 2009*).

Создавая обобщённый портрет, антрополог работает с полученными в полевых условиях индивидуальными фотографиями. В результате применения специальных методик происходит преобразование персональных фотоизображений в качественно новый информационный объект. Этот процесс подобен вариационно-статистической обработке первичных измерительных данных.

Прошедшая тестирование в лаборатории расоведения и внедренная в практику компьютерная программа «faceONface» (*Савинецкий и др., 2015*) позволяет получать цифровые фотообобщения повышенной чёткости путем наложения и сопоставления изображений в норме анфас по трем — 2 зрачковым (*purillion*) и ротовой (*stomion*) — реперным точкам (*Маурер, Сыроежкин, 2015*).

Результаты

В таблицах 1–3 представлены возрастные кефалометрические данные, собранные у детей школьного возраста в п. Тоора-Хем Тоджинского р-на в 1978 и 2019 гг.

В таблицах представлены все основные признаки, используемые в расогенетических работах, в том числе дополнительные размеры в окологлазничной области, используемые как реперные точки при антропологической фотографии (всего 18 показателей). В данном исследовании, после предварительного изучения материала, мы выбрали для иллюстрации 2 признака и 1 индекс (*графики 1–6*). Они характеризуют продольные, широтные и высотные размеры головы и соотношение возрастной и временной изменчивости признаков и с достаточной точностью измеряются.

Таблица 1. Возрастная динамика размеров головы у тувинцев-тоджинцев школьного возраста из пос. Тоора-Хем. Обследование 1978 г.
 TTable 1. Age-related dynamics of head sizes in Tozhu Tuvans of school age from the village of Toora-Khem. 1978 survey

Хрон. возраст (лет)	N	Продольный диаметр		Поперечный диаметр		Наименьшая ширина лба		Скуловой диаметр		Нижнечелюстной диаметр		Физиономическая высота лица	
		M	S	M	S	M	S	M	S	M	S	M	S
Мальчики													
7	6	174,8	4,12	145,2	4,07	101,3	3,20	121,7	3,08	93,7	3,39	167,8	2,74
8	5	173,0	6,60	147,6	4,16	102,8	2,86	126,2	4,60	94,8	4,97	167,8	9,47
9	5	176,6	5,83	148,6	8,99	102,2	5,12	127,6	5,59	96,4	5,08	169,0	9,30
10	4	176,5	3,00	145,5	4,43	103,0	4,69	125,7	1,71	96,2	2,63	167,5	6,24
11	28	177,7	6,05	149,9	4,68	104,1	3,87	131,1	5,38	104,6	5,94	174,9	7,97
12	14	178,6	6,51	151,0	3,84	104,8	3,27	133,6	4,11	105,6	7,63	187,5	7,92
13	4	176,5	5,32	153,2	1,71	107,5	1,29	134,0	3,16	104,7	3,62	184,7	9,07
14	7	181,3	3,59	155,6	5,16	108,8	2,61	139,3	3,09	113,3	4,57	186,7	3,04
15	14	180,9	5,97	154,8	7,31	110,3	6,02	138,6	6,51	112,1	5,38	187,6	8,07
16	12	182,0	5,77	152,7	6,73	107,1	6,13	137,7	5,69	110,7	7,63	191,7	9,16
17	13	186,1	5,53	154,8	5,51	108,4	4,48	141,3	5,81	113,4	7,13	194,4	6,56
Девочки													
7	8	171,5	4,90	142,5	5,48	99,5	2,63	121,4	4,03	89,7	2,96	166,7	6,58
8	3	169,0	4,36	147,3	6,81	100,7	4,16	124,0	4,58	96,0	2,65	160,0	4,58
9	3	172,3	4,04	144,3	4,51	105,7	2,08	125,0	1,00	94,7	4,04	165,0	7,21
10	6	173,0	4,00	148,0	5,02	103,7	4,03	128,7	5,09	96,8	4,26	169,2	14,82
11	13	171,9	5,03	147,5	6,06	103,4	4,55	130,3	8,45	101,5	6,60	174,3	10,53
12	14	172,4	6,42	144,6	4,75	102,7	4,95	128,1	5,06	103,9	5,47	174,9	6,17
13	8	175,9	8,11	146,6	4,34	105,1	4,29	130,7	3,73	104,0	4,93	183,2	6,80
14	25	178,9	6,53	149,7	5,26	106,1	3,12	136,4	5,49	107,8	6,20	184,3	6,27
15	14	177,7	6,01	148,8	4,20	108,0	3,35	136,0	5,28	105,7	5,93	183,6	7,16
16	23	176,9	4,50	150,3	4,47	106,6	4,54	136,6	6,03	110,6	5,80	184,2	8,41
17	15	178,6	6,68	152,3	5,62	108,1	5,15	138,9	5,42	110,8	6,27	188,9	5,32

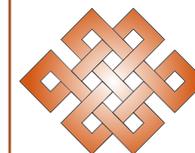

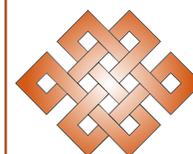
Таблица 2. Возрастная динамика размеров головы у тувинцев-тоджинцев школьного возраста из пос. Тоора-Хем. Обследование 2019 г.
Table 2. Age-related dynamics of head sizes in Toozhu Tuvansof school age from the village of Toora-Khem. 2019 survey

Возраст (лет)	N	Продольный диаметр		Поперечный диаметр		Наименьшая ширина лба		Скуловой диаметр		Нижнечелюстной диаметр		Физиономическая высота лица	
		M	S	M	S	M	S	M	S	M	S	M	S
Мальчики													
7	8	179,6	5,45	145,7	3,92	99,9	3,91	124,7	3,65	95,1	1,73	169,4	6,76
8	22	178,3	7,57	145,8	4,41	103,3	2,88	126,8	4,03	97,5	4,34	167,0	8,98
9	6	183,7	7,92	144,0	3,41	103,3	3,01	128,7	2,80	101,3	3,08	172,8	5,84
10	17	183,8	8,73	149,3	3,75	107,3	4,15	133,6	5,02	103,0	4,95	174,5	7,29
11	14	185,7	5,70	149,9	6,04	105,8	3,84	133,2	3,47	103,3	3,72	178,3	11,20
12	17	185,2	6,33	149,5	5,18	106,5	4,54	133,6	4,23	103,9	4,15	180,0	6,89
13	18	185,8	5,72	153,1	5,63	107,4	3,99	138,5	4,49	105,8	3,61	183,8	8,87
14	18	185,3	7,21	152,9	6,25	108,2	4,02	137,9	5,58	105,0	4,92	183,3	7,53
15	26	189,8	7,22	153,6	6,96	105,9	4,17	139,8	4,19	106,2	4,55	190,3	8,70
16	16	192,0	8,37	152,9	4,15	106,2	3,64	142,1	4,27	105,7	3,89	191,2	7,75
17	10	193,6	5,70	153,2	4,34	107,7	2,63	143,3	3,80	107,7	4,45	193,0	9,88
Девочки													
7	12	177,1	7,28	144,6	4,29	102,8	5,56	126,5	3,90	96,8	5,49	167,9	7,86
8	6	175,5	5,89	141,3	7,66	102,2	2,57	123,8	5,91	94,8	6,34	160,3	4,03
9	18	180,0	5,02	145,9	5,38	105,3	3,97	128,4	4,26	100,5	4,42	170,4	5,96
10	28	180,2	7,74	143,7	4,19	103,8	4,74	129,4	3,91	99,4	3,97	171,5	5,71
11	18	183,4	4,08	146,9	6,19	106,0	4,34	132,4	5,10	101,3	5,19	181,4	6,54
12	22	179,1	7,32	144,7	5,52	103,0	4,60	131,7	4,37	99,9	3,94	179,5	9,47
13	13	184,4	4,21	150,2	5,70	107,3	5,98	137,1	6,16	103,9	4,05	183,1	7,89
14	24	181,2	6,94	146,5	5,22	103,9	4,93	135,4	4,62	104,6	5,53	183,9	8,23
15	24	181,5	4,96	147,4	4,77	103,5	4,15	134,7	3,97	102,8	2,28	187,3	7,32
16	18	186,5	6,07	148,0	5,07	103,8	4,85	137,5	4,17	103,5	4,44	188,9	6,36
17	11	183,6	6,61	149,6	3,91	105,2	3,37	137,5	4,01	104,7	4,80	187,7	6,86

Таблица 3. Возрастная динамика размеров головы у тувинцев школьного возраста из г. Кызыл. Обследование 2018 г.
Table 3. Age dynamics of head sizes in school-age Tuvans from Kyzyl. 2018 Survey

Возраст (лет)	N	Продольный диаметр		Поперечный диаметр		Наименьшая ширина лба		Скуловой диаметр		Нижнечелюстной диаметр		Физиономическая высота лица	
		M	S	M	S	M	S	M	S	M	S	M	S
Мальчики													
7	2	169,5	-	143,5	-	104,0		126,0	-	91,0	-	159,0	-
8	18	180,7	5,31	147,9	5,72	108,2	3,85	130,8	4,47	101,2	3,76	170,4	5,48
9	25	180,2	4,34	150,3	3,69	107,0	3,80	131,8	3,19	101,2	3,29	173,7	6,21
10	21	184,9	6,59	148,5	4,03	106,4	4,46	133,3	4,77	103,8	4,75	176,6	8,01
11	24	188,2	6,47	151,1	5,13	109,7	4,82	136,9	4,87	106,1	5,24	178,6	8,70
12	22	184,2	6,94	152,1	5,82	108,6	3,23	137,1	4,32	104,3	4,24	178,8	6,66
13	18	185,9	9,81	151,0	4,98	108,3	5,32	137,2	4,67	106,9	4,73	182,6	8,44
14	21	187,7	6,34	154,0	7,11	109,7	5,25	141,7	7,02	108,1	5,27	188,1	6,80
15	28	189,8	7,28	153,8	4,11	109,5	4,43	141,6	4,76	108,5	5,60	190,1	5,84
16	8	194,1	4,45	157,0	4,21	112,2	3,54	147,1	6,38	113,1	3,44	197,2	5,12
17	7	194,3	6,10	157,1	6,01	111,3	4,64	146,4	6,08	110,8	6,20	193,3	8,98
18	11	195,8	6,71	157,6	5,82	110,8	3,49	148,2	4,87	113,9	3,05	196,5	9,85
Девочки													
7	14	174,5	6,59	144,1	6,19	103,1	4,92	126,3	4,50	98,3	4,34	167,2	6,20
8	19	179,2	6,03	145,8	7,04	104,8	4,17	128,4	6,00	99,8	4,02	171,2	7,32
9	21	178,7	5,98	144,6	4,98	103,7	3,40	128,4	4,50	99,4	3,81	171,5	6,39
10	20	181,2	5,79	146,5	4,84	106,2	4,89	132,0	5,49	100,8	4,29	177,7	8,42
11	24	178,6	5,16	148,3	4,55	105,9	3,26	132,3	5,02	102,4	3,70	175,0	5,00
12	28	181,5	4,97	148,1	5,38	107,4	6,30	135,4	4,80	103,4	4,54	181,6	7,46
13	20	180,1	7,31	149,6	5,90	106,4	4,52	136,4	5,45	104,0	4,88	179,5	8,38
14	20	182,0	6,88	149,6	4,99	106,5	4,26	137,3	4,72	104,9	3,91	184,2	8,44
15	22	184,5	4,66	149,9	4,70	108,4	4,28	138,2	5,85	106,3	4,44	187,4	6,82
16	19	182,7	7,48	149,7	6,68	108,2	4,43	138,6	5,22	105,7	6,04	184,3	6,20
17	10	186,3	6,95	151,3	4,37	109,1	3,63	139,4	4,88	108,2	6,21	186,2	9,15
18	7	182,0	4,43	150,8	7,82	106,6	4,24	139,4	4,79	107,1	3,44	185,1	4,18

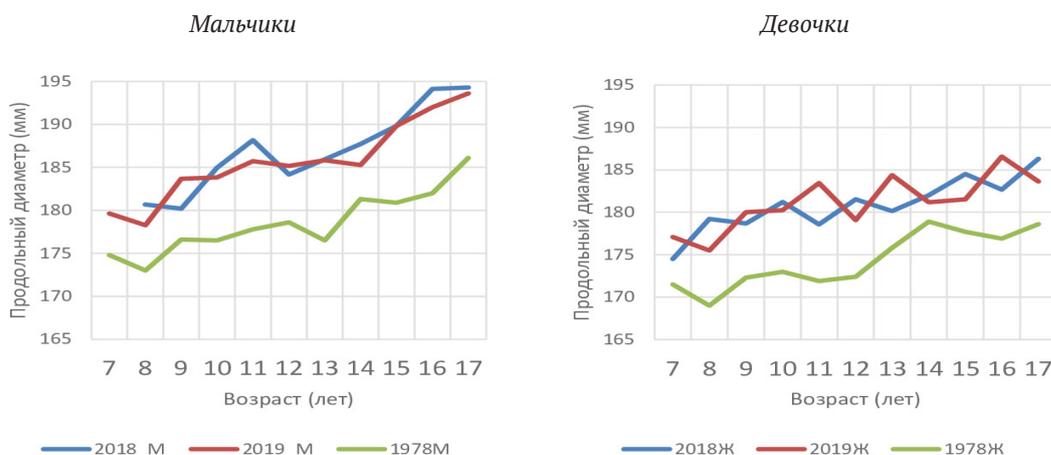

На основании данных, полученных из представленных таблиц и продублированных на графиках, мы можем с большой долей вероятности, сделать следующие заключения:

По величине продольного диаметра головы в рассматриваемом возрастном интервале не обнаружена дифференциация между двумя тувинскими детскими группами, обследованными в 2018 г. в г. Кызыле и в 2019 г. в Тоджинском р-не. Возрастные изменения продольного диаметра в этих группах составили приблизительно 15 мм у мальчиков и около 10 мм у девочек (табл. 1–3; графики 3–4);

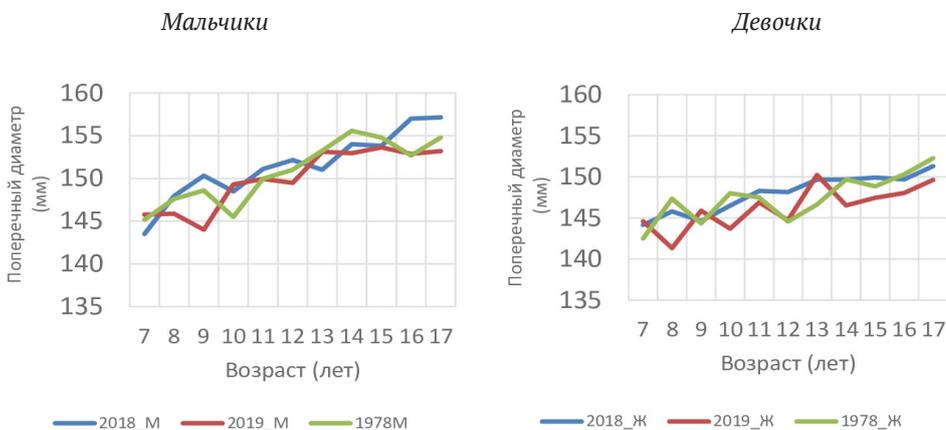
При межгрупповом сравнении наблюдаются статистически достоверные отличия между двумя, обследованными в 2018 и 2019 гг. группами и третьей, изученной в 1978 г. в Тоджинском р-не ($p < 0,005$). Тувинцы-тоджинцы 1978 г. измерения имели значения продольного диаметра головы, в среднем, на 11–13 мм меньше на протяжении всего изучаемого возрастного интервала у обоих полов (табл. 1–3; графики 3–4);

Графики 1 и 2. Динамика возрастных изменений продольного диаметра головы в трех обследованных группах.

Graphs 1 and 2. Dynamics of age-related changes in head longitudinal diameters in the three surveyed groups.

По общим величинам и возрастной динамике поперечного диаметра головы все три сравниваемые группы (обследованные в 1978, 2018 и 2019 гг.), не показали достоверных различий (табл. 1–3; графики 5–6). Из этого наблюдения можно сделать вывод, что в изученных тувинских детских группах не происходило заметных временных изменений поперечного диаметра головы. Возрастное увеличение этого показателя составляет, в среднем, около 8–9 мм у мальчиков и примерно 5–7 мм, у девочек;

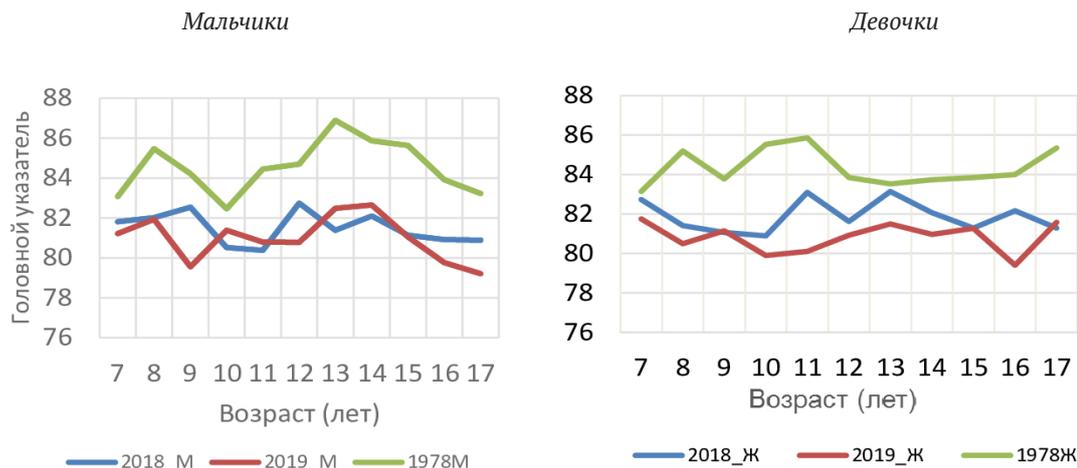

Графики 3 и 4. Динамика возрастных изменений поперечного диаметра головы в трех обследованных группах.

Graphs 3 and 4. Dynamics of age-related changes in head transverse diameters in the three surveyed groups.

Головной указатель, который вычисляется как отношение поперечного диаметра головы к продольному, сохранил свое значение в районе 85 единиц в группе тувинцев-тоджинцев 1978 года обследования, что соответствует значениям во взрослой группе, обследованной в 1977 г. в Тоджинском районе (табл. 1–3; графики 5–6). В детских группах тувинцев — тоджинцев 2019 г. и у тувинцев, обследованных в г. Кызыле, головной указатель составил приблизительно 81, что примерно на 2 единицы ниже, чем в 4 взрослых группах тувинцев, обследованных в 1976–1978 гг. (Алексеева, 1984: 85). По полу и возрасту в детских группах головной указатель, по нашим данным, направленно не изменяется;

Графики 5–6. Динамика возрастных изменений головного указателя в трех обследованных группах.
 Graphs 5 and 6. Dynamics of age-related changes in cephalic index in the three surveyed groups.

Такие широтные признаки, как скуловой и нижнечелюстной диаметры, близки по своим значениям во всех трех группах (табл. 1–3);

Морфологическая высота лица показывает незначительные временные изменения и схожую возрастную динамику в группах с акселерацией развития (2018 и 2019 гг. обследования) и без таковой (группа 1978 г. обследования). Эта разница наблюдается в виде тенденции у обоих полов и статистически не подтверждается. Вероятно, это связано со слабой возрастной изменчивостью высотных размеров лица и черепа у детей после 4 лет, в том числе в популяциях с акселерацией развития (табл. 1–3).

Для наглядной иллюстрации возрастной динамики изменений пропорций лица (по измерительным признакам), а также для подтверждения однородности тувинских выборок по расовому (описательному, качественному) комплексу признаков в настоящем исследовании использованы серии обобщённых фотопортретов в 25–30 изображений. Авторами были использованы достаточные выборки по произвольно выбранным возрастным интервалам с целью сокращения объёма статьи (7–9, 10–12 и 15–17 лет), представленные на фотографиях 1–6.

Обсуждение результатов

Согласно литературным данным, наблюдаемые популяционно-демографические сдвиги в Республике Тыва в последние десятилетия указывают на динамику практически всех показателей образа жизни и здоровья населения. Так, подтверждены смена рода занятий и высокая безработица среди сельского населения, миграция представителей молодого поколения в города (Анайбан, 2009). Найден низкий общий индекс популяционного здоровья, являющийся причиной высокой детской смертности в регионе (Будилова, Лагутин, Мигранова, 2015). Продолжительность жизни в Тыве остается одной из самых низких в стране. По данным министерства здравоохранения Республики Тыва, болезни сердечно-сосудистой системы находятся на первом месте по распространенности и смертности среди населения¹.

¹ Социально-экономическое положение Республики Тыва в январе-феврале 2019 года [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.ru/doklad/Tuva/4/dok.htm> (дата обращения: 10.11.2019).

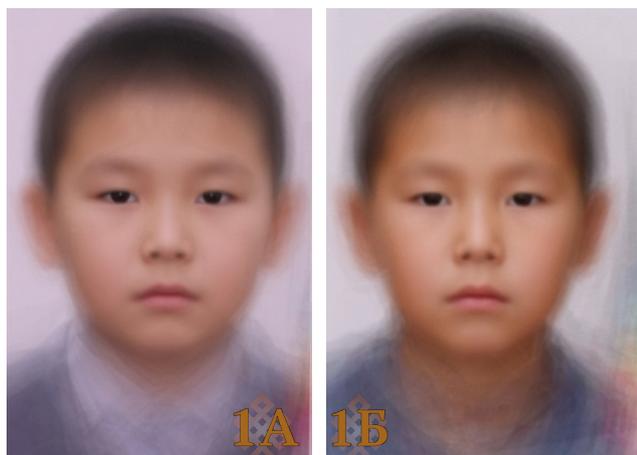

Фото 1. Обобщенный фотопортрет 7–9-летних мальчиков г. Кызыла (А) и п. Тоора-Хем (Б). Фото А. М. Маурера, 2018–2019 гг.
Photo 1. A composite portrait of 7–9-year-old boys from Kyzyl (A) and Toora-Khem (B). Photo by A. M. Maurer, 2018–2019.

Фото 2. Обобщенный фотопортрет 7–9-летних девочек г. Кызыла (А) и п. Тоора-Хем (Б). Фото А. М. Маурера, 2018–2019 гг.
Photo 2. A composite portrait of 7–9-year-old girls from Kyzyl (A) and Toora-Khem (B). Photo by A. M. Maurer, 2018–2019.

Фото 3. Обобщенный фотопортрет 10–12-летних мальчиков г. Кызыла (А) и п. Тоора-Хем (Б). Фото А. М. Маурера, 2018–2019 гг.
Photo 3. A composite portrait of 10–12-year-old boys from Kyzyl (A) and Toora-Khem (B). Photo by A. M. Maurer, 2018–2019.

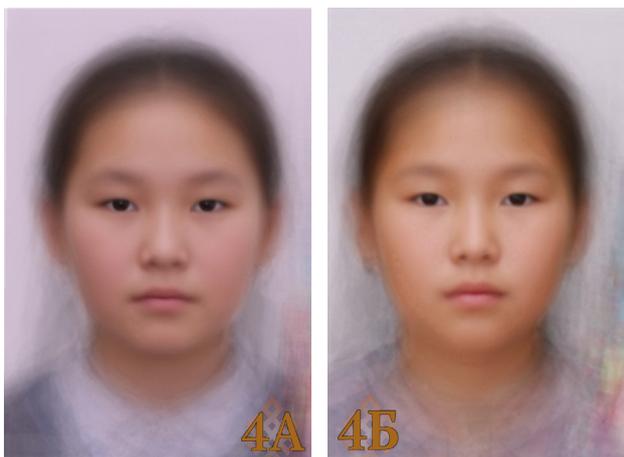

Фото 4. Обобщенный фотопортрет 10–12-летних девочек г. Кызыла (А) и п. Тоора-Хем (Б). Фото А. М. Маурера, 2018–2019 гг.
Photo 4. A composite portrait of 10–12-year-old girls from Kyzyl (A) and Toora-Khem (B). Photo by A. M. Maurer, 2018–2019.

Фото 5. Обобщенный фотопортрет 16–17-летних мальчиков г. Кызыла (А) и п. Тоора-Хем (Б). Фото А. М. Маурера, 2018–2019 гг.
Photo 5. A composite portrait of 16–17-year-old boys from Kyzyl (A) and Toora-Khem (B). Photo by A. M. Maurer, 2018–2019.

Фото 6. Обобщенный фотопортрет 16–17-летних девочек г. Кызыла (А) и п. Тоора-Хем (Б). Фото А. М. Маурера, 2018–2019 гг.
Photo 6. A composite portrait of 16–17-year-old girls from Kyzyl (A) and Toora-Khem (B). Photo by A. M. Maurer, 2018–2019.

Как было показано в нашей предыдущей работе (Бацевич, Машина, Пермякова, 2020), социально-экономические преобразования на территории Тувы явились причиной изменения привычного образа жизни, физических нагрузок, питания, социальных функций и, соответственно, адаптивных биологических характеристик у коренного населения, которые в течение длительного времени до этого сохранялись стабильными. В частности, у детского населения Тоджинского р-на за 41 год (1978–2019 гг.) увеличились продольные и поперечные размеры тела и ускорились темпы развития морфологических признаков. Об ускорении темпов онтогенеза свидетельствует и средний возраст менархе у тоджинских девочек школьного возраста. По материалам 2019 г. он составил 13,0 лет и снизился на 0,9 года по сравнению с данными 1978 г. Адаптивные морфофизиологические изменения происходят на всей территории Тувы и не ограничиваются только Тоджинским р-ном (Бацевич, Красильникова, Пермякова 2020).

Таким образом, такие явления, как акселерация развития и секулярный тренд, до 1980-х годов практически не отмечавшиеся в этом регионе, сейчас обнаруживаются на всей территории Республики Тыва. Некоторые тенденции ускорения онтогенеза до этого можно было наблюдать только в одном из 4 обследованных в 1976–1978 гг. районах — Дзун-Хемчикском. Этот район выделялся по ускоренным темпам накопления возрастных изменений на костях скелета кисти (Бацевич, Ясина, 2000).

Что касается размеров головы, то, как известно из литературных источников, к 4 годам эти показатели у детей достигают примерно от 80 до 90% величины в 18 лет. Степень созревания значительно отличается у продольных, широтных и высотных размеров лица и черепа. Например, прирост длины головы от рождения до года соответствует приросту от года до 18 лет. Еще быстрее растет за этот период широтный диаметр (Миклашевская, 1973). Данные наблюдения означают, что в изучаемом нами возрастном диапазоне 7–17 лет интенсивность возрастной изменчивости признаков будет различна и достаточно мала, как это видно из табл. 1–3. Особенно это касается признаков носовой и глазной области. Но как минимум до 17 лет, конечной возрастной точки наших наблюдений, увеличение размерных признаков головы постепенно, хотя и очень медленно, продолжается (графики 1–6, табл. 1–3). Это не касается головного указателя, который, с возрастом немного уменьшается (графики 5–6), что согласуется с наблюдениями, выполненными на обширных материалах по детям разных рас, опубликованными ранее. Продольный диаметр черепа продолжает расти после прекращения роста поперечного диаметра (Миклашевская, 1973).

Именно по причине выраженной возрастной неравномерности роста размеров лица и черепа, головные признаки менее удобны для наблюдения и фиксации возрастных процессов при изучении роста и развития человека по сравнению с размерами тела. Размеры и форма головы практически не изменяются и при акселерации развития. Из полученных данных можно сделать вывод, что только продольный диаметр головы может дать незначительный вклад в трансформацию расового и этнического облика населения. Очевидно, что благодаря этим свойствам сохраняются основные черты, присущие каждому этносу.

Что касается серии обобщенных фотопортретов, то при значительном индивидуальном физиологическом разнообразии детей смешанной городской и сельской тоджинской групп, при применении данного метода визуализации, фиксируется очень рано проявляющийся комплекс расовых признаков (Рогинский, 1960), который отчетливо читается именно на цифровых портретных фотообобщениях. Наблюдаемый феномен иллюстрирует переход от индивидуально-типологического уровня к популяционному видению реальности. Именно на этом уровне срабатывает метод обобщенного фотопортрета, выявляя на любом произвольно выбранном возрастном интервале онтогенеза четко распознаваемые морфологические комплексы элементов внешности.

Полученные нами фотообобщения тоджинцев и сборной группы из других районов Тувы и обследованных в Кызыле, как у мальчиков, так и у девочек соответствующих возрастных когорт, практически неразличимы между собой. Данный результат позволяет делать заключение о значительной гомогенности обследованных тувинских групп в настоящее время. Антропологический вариант, представленный полученной серией обобщенных фотопортретов, узнаваем и соответствует классической характеристике центрально-азиатского расового типа (Левин, 1958: 306).

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что динамика изменений размеров головы и лица тувинских детей и подростков обоего пола, проживающих в столице Республики Тыва и в Тоджин-

ском районе, соответствует общебиологическим закономерностям. Это проявляется в относительно небольшой интенсивности изменчивости большинства показателей, демонстрирующих увеличение на протяжении возрастного ряда (за исключением головного указателя). Что касается межпоколенных различий, то они также не так велики, поэтому основные параметры головы и лица, присущие тувинскому этносу, сохраняются на протяжении прошедших со времени последнего обследования десятилетий. Полученные результаты позволяют заключить, что только продольный диаметр головы дает незначительный вклад в трансформацию расового и этнического облика населения. Сохранение классических характеристик центрально-азиатского типа подтверждают результаты фотообобщений, что также свидетельствует о значительной гомогенности обследованных тувинских групп в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксянова, Г. А. (2009) Основные результаты расогенетических исследований в Туве в XX столетии (обзор литературных источников) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (40). С. 137–145.

Алексеева, Т. И. (1984) Антропологические особенности современных тувинцев. Кефалометрия и кефалоскопия // Антропоэкологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М. : Наука. 224 с. С. 75–114.

Алексеева, Т. И. (1986) Адаптивные процессы в популяциях человека. М. : МГУ. 215 с.

Антропоэкологические исследования в Туве (1984) / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М. : Наука. 224 с.

Антропоэкология Центральной Азии (2005) / под ред. Т. И. Алексеевой, В. А. Бацевича, Р. М. Мунчаева, О. П. Павловского, В. В. Прохорова, В. А. Спицына. М. : Научный мир. 326 с.

Анайбан, З. В. (2009) Социально-экономические процессы в регионах Южной Сибири и условия адаптации населения к новым условиям жизни [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 65–90. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/654> (дата обращения: 25.09.2020).

Анайбан, З. В. (2010) Социальная адаптация населения Тувы к современным экономическим преобразованиям // Управление ресурсным потенциалом регионов на базе геоинформационных технологий / отв. ред. В. И. Лебедев, Е. А. Мамаш. Кызыл : ТувИКОП. 138 с. С. 45–52.

Ауль, Ю. М. (1964) О некоторых закономерностях роста головы у детей школьного возраста // Современная антропология. Московское общество испытателей природы. Секция антропологии. Труды МОИП. Т. XIV. М. : Изд-во МГУ. 304 с. С. 19–25.

Бацевич, В. А. (2016) Секулярная и возрастная динамика биологических характеристик в двух группах современного населения в разных экологических условиях // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. № 4. С. 110–117.

Бацевич, В. А., Бутовская, М. Л., Кобылянский, Е. (2018) Адаптивный статус, темпы онтогенеза и динамика морфологических признаков в трех скотоводческих популяциях, сохранивших традиционный образ жизни // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.005-020>

Бацевич, В. А., Машина, Д. А., Пермьякова, Е. Ю. (2020) Социально-экономические преобразования на территории Тувы и изменения адаптивных биологических характеристик у коренного населения // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 4. В печати.

Бацевич, В. А., Красильникова, В. А., Пермьякова, Е. Ю. (2020) Адаптационные возможности студентов из разных районов Республики Тыва // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 19–31. DOI: [10.32521/2074-8132.2020.3.019-031](https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.019-031)

Бацевич, В. А., Ясина, О. В. (2000) Темпы онтогенеза у населения Монголии // Вопросы антропологии. Вып. 90. С. 104–114.

Богданова, В. И. (1986) Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии / отв. ред. В. П. Алексеев. Новосибирск : Наука. 191 с. С. 108–162.

Богданова, В. И., Халдеева, Н. И. (1980) Однотологические признаки у тувинцев // Современные проблемы и новые методы в антропологии / отв. ред. И. И. Гохман. Л. : Наука. 200 с. С. 184–195.

Будилова, Е. В., Лагутин, М. Б., Мигранова Л. А. (2015) Динамика популяционного здоровья населения России (2005–2013 гг.) // Народонаселение. № 3. С. 99–110.

Бунак, В. В. (1960) Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения // Антропологический сборник II (ТИЭ. Новая серия. Т. L) / отв. ред. Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин. М. : Изд-во АН СССР. 232 с. С. 84–152.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Издательство Восточной литературы. 218 с.

- Волкова, Т. В. (1988) Акселерация населения СССР. М. : Изд-во МГУ. 70 с.
- Година, Е. З. (2010) Некоторые проблемы современной ауксологии человека и пути их решения (по материалам исследований НИИ и Музея антропологии МГУ) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 4–15.
- Козлов, А. И., Вершубская, Г. Г., Лисицин, Д. В., Санина, Е. Д., Атеева, Ю. А. (2009) Пермские и волжские финны: медицинская антропология в экологической перспективе. Пермь : АрктАн-С. 160 с.
- Левин, М. Г. (1958) Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М. : Наука. 360 с.
- Маурер, А. М., Сыроежкин, Г. В. (2015) Расширенные возможности метода обобщенного фотопортрета (три евразийские выборки) // Антропология в Московском университете: к юбилею МГУ : сборник научных статей / отв. ред. А. П. Бужилова. М. : НИИ и Музей антропологии МГУ Москва. С. 81–93.
- Миклашевская, Н. Н. (1973) Рост головы и лица у детей и подростков // Рост и развитие ребенка / отв. ред. Н. Н. Миклашевская. М. : Издательство Московского университета. 220 с. С. 55–88.
- Негашева, М. А. (2017) Основы антропометрии: учебное пособие. М. : Экон-Информ. 216 с.
- Перевозчиков, И. В. (1987) Основы антропологической фотографии. М. : МГУ. 60 с.
- Перевозчиков, И. В., Маурер, А. М. (2009) Обобщенный фотопортрет: история, методы, результаты // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 1. С. 35–44.
- Рогинский, Я. Я. (1960) К вопросу о возрастных изменениях расовых признаков у человека (в утробном периоде и в детстве) // Труды Института этнографии имени Н. И. Миклухо-Маклая. Новая серия. М. ; Ленинград : Академия наук СССР. Т. 50. С. 3–28.
- Савинецкий, А. Б., Низаметдинов, Ш. У., Сыроежкин, Г. В., Сафиуллин А. Э. (2015) Разработка методов создания и обработки обобщенных компьютерных изображений и их приложение в антропологии // Научная визуализация. Т. 7. № 5. С. 53–67.
- Ярхо, А. И. (1929) Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев // Северная Азия. Кн. 5/6. С. 127–132.
- Ярхо, А. И. (1936) Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей за 10 лет (1924–1934) // Антропологический журнал. № 1. С. 47–64.
- Ярхо, А. И. (1947) Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан : Хакоблнациздат. 148 с.
- Barker, D. J., Thornburg, K. L. (2013) Placental programming of chronic diseases, cancer and lifespan: a review // Placenta. Vol. 34 (10). Pp. 841–845. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.placenta.2013.07.063>
- Brüne, M., Hochberg, Z. (2013) Secular trends in new childhood epidemics: insights from evolutionary medicine // BMC Med. Vol. 11. P. 226. DOI: <https://doi.org/10.1186/1741-7015-11-226>
- Bunak, V. V. (1928) Le Tannou-Touva // Internationales Archiv fur Ethnographie. 29. P. 1–16.
- Eriksson, S., Graf, E. H., Dahl, V., Strain, M. C., Yuki, S. A., Lysenko, E. S., Bosch, R. J., Lai, J., Chioma, S., Emad, F., Abdel-Mohsen, M., Hoh, R., Hecht, F., Hunt, P., Somsouk, M., Wong, J., Johnston, R., Siliciano, R. F., Richman, D. D., O'Doherty, U., Palmer, S., Deeks, S. G., Siliciano, J. D. (2013) Comparative analysis of measures of viral reservoirs in HIV-1 eradication studies // PLoS Pathog. Vol. 9 (2). e1003174. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.ppat.1003174>
- Galton, Fr. (1878) Composite portraits // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 8. P. 132–142.
- Hermanussen, M. (2013) Auxology. Studying human growth and development. Schweizerbart : Stuttgart. 324 p.
- Katzmarzyk, P. T., Leonard, W. R. (1998) Climatic influences on human body size and proportions: Ecological adaptations and secular trends // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 106. № 4. P. 483–503.
- Malina, R. M. (2004) Secular trends in growth, maturation and physical performance: A review // Przegląd Antropologiczny — Anthropological Review. Vol. 67. P. 3–31.
- Miklashevskaya, N. N. (1966) Growth of the head and face in boys of various ethnic groups in the USSR // Human Biology. Vol. 38. Pp. 231–250.
- Miklashevskaya, N. N. (1969) Sex differences in growth of the head and face in children and adolescents // Human Biology. Vol. 41. Pp. 250–262.
- Shephard, R. J., Rode, A. (1996) The Health Consequences of 'Modernization': Evidence from Circumpolar Peoples. Cambridge University Press. 306 p.

Дата поступления: 28.09.2020 г.

REFERENCES

- Aksianova, G. A. (2009) Osnovnye rezul'taty rasogeneticheskikh issledovaniy v Tuve v KhKh stoletii (obzor literaturnykh istochnikov) [Principal findings of the 20th century population studies in Tuva: a survey of sources]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4 (40), pp. 137–145. (In Russ.).
- Alekseeva, T. I. (1984) Antropologicheskie osobennosti sovremennykh tuvintsev. Kefalometriia i kefaloskopiia [Anthropological features of modern Tuvans. Cephalometry and cephaloscopy]. In: *Antropo-ekologicheskie issledovaniia*

v *Tuve* [Anthropoecological research in Tuva]. Ed. by T. I. Alekseeva and M. I. Uryson. Moscow, Nauka. 224 p. Pp. 75–114. (In Russ.).

Alekseeva, T. I. (1986) *Adaptivnye protsessy v populiatsiiakh cheloveka* [Adaptive processes in human populations]. Moscow, MGU. 215 p. (In Russ.).

Antropoekologicheskie issledovaniia v Tuve [Anthropoecological research in Tuva] (1984) / ed. by T. I. Alekseeva and M. I. Uryson. Moscow, Nauka. 224 p. (In Russ.).

Antropoekologiya Tsentral'noi Azii [Anthropoecology of Central Asia] (2005) ed. by T. I. Alekseeva, V. A. Batsevich, R. M. Munchaev, O. P. Pavlovsky, V. V. Prokhorov and V. A. Spitsyn. Moscow, Nauchnyi mir. 326 p. Pp. 6–126. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy v regionakh Iuzhnoi Sibiri i usloviia adaptatsii naseleniia k novym usloviyam zhizni* [Social and economic processes in South Siberian regions and conditions of adapting to the new conditions of life]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 65–90 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/654> (access date: 25.09.2020) (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2010) *Sotsial'naia adaptatsiia naseleniia Tuvy k sovremennym ekonomicheskim preobrazovaniiam* [Social adaptation of the population of Tuva to modern economic transformations]. In: *Upravlenie resursnym potentsialom regionov na baze geoinformatsionnykh tekhnologii* [Management of the resource potential of regions based on geoinformation technologies] / ed. by V. I. Lebedev and E. A. Mamash. Kyzyl, TuvIKOPR. 138 p. Pp. 45–52. (In Russ.).

Aul', Yu. M. (1964) *O nekotorykh zakonomernostiakh rosta golovy u detei shkol'nogo vozrasta* [Some patterns of head growth in schoolchildren]. In: *Sovremennaiia antropologiya. Moskovskoe obshchestvo ispytatelei prirody. Sektsiia antropologii. Trudy MOIP* [Modern anthropology. Moscow Society of Naturalists. Section of Anthropology. Proceedings of MOIP]. Moscow, Izd-vo MGU. Vol. IV. 304 p. Pp. 19–25. (In Russ.).

Batsevich, V. A. (2016) *Sekuliarnaia i vozrastnaia dinamika biologicheskikh kharakteristik v dvukh gruppakh sovremenogo naseleniia v raznykh ekologicheskikh usloviakh* [Secular and age changes of biological characteristics in two groups of modern population in different ecological environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*, no. 4, pp. 110–117. (In Russ.).

Batsevich, V. A., Butovskaia, M. L. and Kobylanski, E. (2018) *Adaptivnyi status, tempy ontogeneza i dinamika morfologicheskikh priznakov v trekh skotovodcheskikh populiatsiiakh, sokhranivshikh traditsionnyi obraz zhizni* [Rates of ontogenesis, dynamics of morphological changes and adaptive status in three present-day pastoral populations, retaining traditional way of living]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 3, pp. 5–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.005-020>

Batsevich, V. A., Mashina, D. A. and Permiakova, E. Yu. (2020) *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniia na territorii Tyvy i izmeneniia adaptivnykh biologicheskikh kharakteristik u korennoogo naseleniia* [Socio-economic transformations on the territory of Tuva and changes in adaptive biological characteristics of the indigenous population]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 4. In press (In Russ.).

Batsevich, V. A., Krasil'nikova, V. A. and Permiakova, E. Yu. (2020) *Adaptatsionnye vozmozhnosti studentov iz raznykh raionov Respubliki Tyva* [Adaptation capabilities of students from different regions of The Republic of Tuva]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 3, pp. 19–31. (In Russ.). DOI: 10.32521/2074-8132.2020.3.019-031

Batsevich, V. A. and Iasina, O. V. (2000) *Tempy ontogeneza u naseleniia Mongolii* [Rates of ontogenesis in the population of Mongolia]. *Voprosy antropologii*, vol. 90, pp. 104–114. (In Russ.).

Bogdanova, V. I. (1986) *Antropologicheskii sostav i voprosy proiskhozhdeniia tuvintsev* [Anthropological composition and questions of the origin of Tuvans]. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennoogo naseleniia Sovetskoi Azii* [Problems of anthropology of the ancient and modern population of Soviet Asia] / ed. by V. P. Alekseev. Novosibirsk, Nauka. 191 p. Pp. 108–162. (In Russ.).

Bogdanova, V. I. and Khaldeeva, N. I. (1980) *Odnologicheskie priznaki u tuvintsev* [Monotological signs among Tuvans]. In: *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern problems and new methods in anthropology] / ed. by I. I. Gokhman. Leningrad, Nauka. 200 p. Pp. 184–195. (In Russ.).

Budilova, E. V., Lagutin, M. B. and Migranova L. A. (2015) *Dinamika populiatsionnogo zdorov'ia naseleniia Rossii (2005–2013 gg.)* [Dynamics of population health in Russia in 2005–2013]. *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 99–110. (In Russ.).

Bunak, V. V. (1960) *Litsevoi skelet i faktory, opredeliaiushchie variatsii ego stroeniia* [Facial skeleton and factors determining variations in its structure]. *Antropologicheskii sbornik II* [Anthropological collection II] / TIE. Novaia seriya. T. L / ed. by G. F. Debets and M. G. Levin. Moscow, AN SSSR Publ. 232 p. Pp. 84–152. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Volkova, T. V. (1988) *Akceleratsiia naseleniia SSSR* [Developmental acceleration of the population of the USSR]. Moscow, MGU Publ. 70 p. (In Russ.).

Godina, E. Z. (2010) *Nekotorye problemy sovremennoi auksologii cheloveka i puti ikh resheniia (po materialam issledovaniia NII i Muzeia antropologii MGU)* [Some problems of modern auxology and related studies at the Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University: a review]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 3, pp. 4–15. (In Russ.).

Kozlov, A. I., Vershubskaia, G. G., Lisitsin, D. V., Sanina, E. D. and Ateeva, Yu. A. (2009) *Permskie i volzhskie finny: meditsinskaia antropologiia v ekologicheskoi perspective [Perm and Volga Finns: Medical anthropology from an ecological perspective]*. Perm', ArktAn-S. 160 p. (In Russ.).

Levin, M. G. (1958) *Etnicheskaia antropologiia i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples of the Far East]*. Moscow, Nauka. 360 p. (In Russ.).

Maurer, A. M. and Syroezhkin, G. V. (2015) Rasshirennye vozmozhnosti metoda obobshchennogo fotoportreta (tri evraziiskie vyborki) [Enhancing the potential of composite photo portrait: A case study of three Eurasian samples]. In: *Antropologiia v Moskovskom universitete: k iubileiu MGU [Anthropology at Moscow University: to the anniversary of Moscow State University]* : collection of scientific articles / ed. by A. P. Buzhilova. Moscow, Research Institute and Museum of Anthropology Moscow State University Moscow]. Pp. 81–93. (In Russ.).

Miklashevskaya, N. N. (1973) Rost golovy i litsa u detei i podrostkov [Head and face growth in children and adolescents]. In: *Rost i razvitie rebenka [Growth and development of children]* / ed. by N. N. Miklashevskaya. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 220 p. Pp. 55–88. (In Russ.).

Negasheva, M.A. (2017) *Osnovy antropometrii [Foundations of anthropometry]*. Moscow, Ekon-Inform. 216 p. (In Russ.).

Perevozchikov, I. V. (1987) *Osnovy antropologicheskoi fotografii [Fundamentals of anthropological photography]*. Moscow, MGU. 60 p. (In Russ.).

Perevozchikov, I. V. and Maurer, A. M. (2009) Obobshchennyi fotoportret: istoriia, metody, rezul'taty [Composite photo portraits: history, methods, results]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiia*, no. 1, pp. 35–44. (In Russ.).

Roginskii, Ya. Ya. (1960) K voprosu o vozrastnykh izmeneniiakh rasovykh priznakov u cheloveka (v utrobnom periode i v detstve) [On the issue of age-related changes in human racial characteristics in uterine period and in childhood]. *Trudy Instituta etnografii imeni N. I. Miklukho-Maklaia. Novaia seriya*. Moscow, Leningrad, akad. Nauk SSSR. Vol. 50. Pp. 3–28. (In Russ.).

Savinetskii, A. B., Nizametdinov, Sh. U., Syroezhkin, G. V. and Safullin A. E. (2015) Razrabotka metodov sozdaniia i obrabotki obobshchennykh komp'yuternykh izobrazhenii i ikh prilozhenie v antropologii [Developing methods for creating and analyzing of generalized digital images and their application in anthropology]. *Nauchnaia vizualizatsiia*, vol. 7, no. 5, pp. 53–67. (In Russ.).

Yarkho, A. I. (1929) Antropologicheskii tip kemchikskikh tannu-tuvintsev [Anthropological type of the Kemchik Tannu-Tuvans]. *Severnaia Aziia [Northern Asia]*, book 5/6, pp. 127–132. (In Russ.).

Yarkho, A.I. (1936) Kratkii obzor antropologicheskogo izucheniia turetskikh narodnostei za 10 let (1924–1934) [A brief overview of the anthropological study of Turkish peoples in 10 years (1924–1934)]. *Antropologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 47–64. (In Russ.).

Yarkho, A. I. (1947) *Altai-saianskii tiurki. Antropologicheskii ocherk [Altai-Sayan Turks: An anthropological essay]*. Abakan, Khakoblnatsizdat. 148 p. (In Russ.).

Barker, D. J. and Thornburg, K. L. (2013) Placental programming of chronic diseases, cancer and lifespan: a review. *Placenta*, vol. 34 (10), pp. 841–845. DOI: doi.org/10.1016/j.placenta.2013.07.063

Brüne, M. and Hochberg, Z. (2013) Secular trends in new childhood epidemics: insights from evolutionary medicine. *BMC Med.*, vol. 11, p. 226. DOI: doi.org/10.1186/1741-7015-11-226

Bunak, V. V. (1928) Le Tannou-Touva. In: *Internationales Archiv fur Ethnographie*. Bd. 29. Pp. 1–16. (In Deuch).

Eriksson, S., Graf, E.H., Dahl, V., Strain, M. C., Yukl, S. A., Lysenko, E. S., Bosch, R. J., Lai, J., Chioma, S., Emad, F., Abdel-Mohsen, M., Hoh, R., Hecht, F., Hunt, P., Somsouk, M., Wong, J., Johnston, R., Siliciano, R. F., Richman, D. D., O'Doherty, U., Palmer, S., Deeks, S. G. and Siliciano, J. D. (2013) Comparative analysis of measures of viral reservoirs in HIV-1 eradication studies. *PLoS Pathog*, vol. 9 (2). DOI: doi.org/10.1371/journal.ppat.1003174

Galton, Fr. (1878) Composite portraits. *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, vol. 8, pp. 132–142.

Hermanussen, M. (2013) *Auxology. Studying human growth and development*. Schweizerbart, Stuttgart. 324 p.

Katzmarzyk, P. T. and Leonard, W. R. (1998) Climatic influences on human body size and proportions: Ecological adaptations and secular trends. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 106, no. 4, pp. 483–503.

Malina, R. M. (2004) Secular trends in growth, maturation and physical performance: A review. *Przegląd Antropologiczny – Anthropological Review*, vol. 67, pp. 3–31.

Miklashevskaya, N. N. (1966) Growth of the head and face in boys of various ethnic groups in the USSR. *Human Biology*, vol. 38, pp. 231–250.

Miklashevskaya, N. N. (1969) Sex differences in growth of the head and face in children and adolescents. *Human Biology*, vol. 41, pp. 250–262.

Shephard, R. J. and Rode, A. (1996) *The Health Consequences of 'Modernization': Evidence from Circumpolar Peoples*. Cambridge University Press. 306 p.

Submission date: 28.09.2020.

Российский буддизм и социальные медиа: тувинские буддийские онлайн-сообщества ВКонтакте

Тимур Б. Бадмацыренов, Федор В. Хандаров,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Российская Федерация

Дамдин Д. Бадараев,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Российская Федерация

Развитие социальных медиа в последние годы демонстрирует новое измерение соотношения традиции и инновации в религиозной жизни. Социальные медиа стали особым пространством трансформации буддийских сообществ. Оно не ограничивается простым использованием новых информационных технологий, а ставит перед ними сложные вопросы сохранения традиции и адаптации к изменениям, приспособления к глобальной культуре и защиты этнических ценностей.

В статье выявляются особенности использования социальных медиа тувинскими буддийскими онлайн-сообществами в социальной сети ВКонтакте. Одним из самых больших по числу пользователей является сообщество «Сарыг Шажын Тывада» с более 36 тысячами подписчиков, которое входит в число крупнейших буддийских групп в ВКонтакте. Он демонстрирует устойчивый рост пользователей. С использованием специально разработанного программного обеспечения был произведен автоматизированный сбор данных, что позволило построить социальный граф. Его анализ проводился с помощью методов математического моделирования, а именно кластерного анализа и расчета его топологических свойств, коэффициента ассортативности, соответствия степенному закону распределения степеней вершин и степени посредничества.

Тувинские буддийские онлайн-сообщества обладают выраженными этнорелигиозными отличиями, отличаются ориентацией на воспроизводство этнической традиции, использование тувинского языка, сравнительно высокой плотностью социальной коммуникации. Можно предположить, что для многих пользователей участие в таких онлайн-группах выступает одним из механизмов трансляции этничности и приверженности традициям.

Ключевые слова: онлайн-сообщество; буддизм; Интернет; религиозное сообщество; Тува; тувинцы; тувинский буддизм

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-00531 «Российский буддизм и социальные медиа: цифровая трансформация буддийских сообществ».

Для цитирования:

Бадмацыренов Т. Б., Хандаров Ф. В., Бадараев Д. Д. Российский буддизм и социальные медиа: тувинские буддийские онлайн-сообщества ВКонтакте // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 120-134. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.9>

Бадмацыренов Тимур Баторович — доктор социологических наук, доцент, директор Центра социально-политических исследований «Альтернатива», доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а. Тел.: +7 (924) 395-95-42. Эл. адрес: batorovitch@mail.ru

Хандаров Федор Владимирович — кандидат технических наук, заведующий лабораторией цифровой экономики Научно-исследовательского центра Института экономики и управления Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а. Тел.: +7 (924) 456-31-12. Эл. адрес: fedor.khandarov@gmail.com

Бадараев Дамдин Доржиевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Тел.: +7 (924) 651-35-36. Эл. адрес: damdin80@mail.ru

Russian Buddhism and social media: Tuvan Buddhist online-communities on Vkontakte

Timur B. Badmatsyrenov, Fedor V. Khandarov

Buryat State University, Russian Federation,

Damdin D. Badaraev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, RAS, Russian Federation

The evolution of social media in recent years has demonstrated a new dimension of the correlation between tradition and innovation in religious life. Social media have become a special transformative space for Buddhist communities, a space which does not limit itself to using new information technologies. It also challenges these communities to preserve tradition and adapt to changes, get involved into global culture, and protect ethnic values.

The article examines the usage of media by Buddhist communities, taking Tuvan online communities on the social network VKontakte as our case study. We will specifically focus on the largest online Tuvan Buddhist VK community "Saryg Shazhyn Tyvada" (36000 users), which shows a steady growth in users. It is also among the largest Buddhism-related communities on this social network. With specially developed software, an automated data collection was carried out, which made possible to build a social graph. The analysis of the graph made use of mathematical modeling, namely, cluster analysis and calculation of its topological properties, assortativeness coefficient, degree distribution of nodes and betweenness degree.

Tuvan Buddhist online communities have pronounced ethno-religious peculiarities, an orientation towards reproducing ethnic tradition, the use of the Tuvan language, and a relatively high density of social communication. It can be assumed that for many users, participation in such online groups is one of the mechanisms for broadcasting ethnicity and adherence to traditions.

Keywords: online community; Buddhism; the Internet; religious community; Tuva; Tuvans; Tuvan Buddhism

Financing

The article was prepared with support from the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 20-011-00531 "Buddhism of Russia and Social Media: Digital transformation of Buddhist Communities".

For citation:

Badmatsyrenov T. B., Khandarov F. V. and Badaraev D. D. Rossiiskii buddizm i sotsial'nye media: tuvinskie buddiiskie onlain-soobshchestva VKontakte [Russian Buddhism and social media: Tuvan Buddhist online-communities on Vkontakte]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 120-134. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.9>

BADMATSYRENOV, Timur Batorovich, Doctor of Sociology, Associate Professor, Chair of Political Science and Sociology; Head, Center for Social and Political Studies, Buryat State University. Postal address: 24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (924) 395-95-42. E-mail: batrovitch@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-6363-9464**

KHANDAROV, Fedor Vladimirovich, Candidate of Technical Sciences, Head, Laboratory of Digital Economics, Institute of Economics and Management, Buryat State University. Postal address: 24a Smolina st., 67000 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (924) 456-31-12. E-mail: fedor.khandarov@gmail.com **ORCID ID: 0000-0002-1506-5697**

BADARAEV, Damdin Dorzhievich, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6 Sakhianova st., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (924) 651-35-36. E-mail: damdin80@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-8173-7175**

Введение

Развитие социальных медиа в последние годы демонстрирует новое измерение соотношения традиции и инновации в религиозной жизни. Социальные медиа стали особым пространством трансформации буддийских сообществ, которая не ограничивается простым использованием новых информационных технологий. Перед ними встают сложные вопросы сохранения традиции, адаптации к изменениям, а также приспособления к глобальной культуре и защиты этнических ценностей. Вследствие этого возникает большое число разнообразных буддийских онлайн-сообществ. В онлайн-пространстве такая множественность цифрового буддизма является продолжением существования «двух буддизмов», как Ч. Пребиш еще в 1979 г. обозначил «параллельное» сосуществование в США традиционных азиатских буддийских общин и сообществ конвертитов¹ (Prebish, 1979).

В современной России буддийские сообщества представлены во многих формах, от ориентированных на традиции монашества и монастырской организации до инновационных кибербуддийских сообществ. Как отмечает Б. В. Базаров, «буддизм с самого начала был поставлен в сложную ситуацию необходимости отстаивания традиционных ценностей в сочетании с признанием инноваций в области технологий, образования, сферы услуг» (Базаров, 2014: 9). Это особо актуально в свете того, что «буддизм все активнее выходит за рамки своих прежних локально-исторических и национально-географических границ, он охватывает все новые культурные ареалы, т. е. происходит де-территориализация религии, ее транснационализация» (Уланов, 2008: 68).

Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении особенностей использования социальных медиа буддийскими сообществами — на примере тувинских онлайн-сообществ в социальной сети ВКонтакте. Для достижения поставленной цели планируется привлечение методов математического моделирования. Данная статья является частью проекта «Российский буддизм и социальные медиа: цифровая трансформация буддийских сообществ», поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований, в котором исследуются то, какое влияние оказывает на буддийские идеи и практики использование социальных медиа буддийскими сообществами. В предшествующих статьях нами были описаны различные аспекты развития буддийских онлайн-сообществ, но вопросы развития тувинских онлайн-сообществ нами прежде отдельно не рассматривались (Актамов, Бадмацыренов, Цыремпилов, 2015; Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров, 2018ab; Актамов, Бадмацыренов, Хандаров, 2018).

Теоретико-методологическая база работы включает теорию медиатизации религии и новый подход в изучении взаимодействия религии, Интернета и новых медиа с центральным концептом «цифровая религия». В своей работе мы используем концепцию социорелигиозного форматирования технологий Х. Кэмпбелл (Campbell, 2013).

Развитие подходов в исследовании буддийских онлайн-сообществ

Теоретические рамки исследования религии в Интернете развивались от изучения «кибер-религии», как религиозных практик, появившихся в компьютерных сетях (O'Leary, 1996), к «виртуальной религии», в призму которой попадали различия между «реальными» и новыми «виртуальными» религиозными структурами (Religion and cyberspace, 2005). В настоящее время активно развиваются исследования смещения онлайн и офлайн религиозных практик и сообществ и возникновения на этой основе гибридных форм «цифровой религии» (Campbell, 2013). В таком видении в интернет-пространстве и связанной с ним офлайн-деятельности происходит развитие новых форм религии, на которые оказывают воздействие и офлайн, и онлайн, а религиозные сообщества не только оказываются перед вызовами цифровой среды, но и активно ее трансформируют.

Х. Кэмпбелл и Дж. Эволви выделяют четыре волны в развитии междисциплинарного исследовательского направления «цифровая религия» (Campbell, Evolvi, 2020). В 90-е годы XX века появились первые исследования «киберрелигии» как результата влияния информационных технологий и компьютерных сетей на религиозное поведение (O'Leary, 1996). В работах второй волны внимание было обращено на противоречия между реальным и виртуальным «пространствами», следствием которых виделось возникновение «виртуальной религии» и виртуальных религиозных сообществ и практик, существовавших только в «киберпространстве» и не соответствовавших «реальной» религии (Religion and cyberspace, 2005). К. Хэлланд предложил идею о различиях между онлайн-религией и религией онлайн для отражения различающихся способов религиозного использования Интернета (Helland,

¹ Конвертитами называют лиц, переходящих из одной религиозной конфессии в другую.

2005: Электр. ресурс). Он обратил внимание на гибкость и «текучесть» онлайн-религии, в которой происходило неограниченное взаимодействие между пользователями и возникали новые формы религиозности и интерактивных религиозных онлайн-практик. Религия онлайн, по его мнению, скорее включала формы онлайн-активности традиционных религиозных организаций и была направлена на информирование пользователей об их офлайн-деятельности.

На третьем этапе, по мнению Х. Кэмпбелл, превалировал подход к изучению «цифровой религии» как гибридного смешения онлайн и офлайн религиозных пространств (Campbell, 2016: 3). В таком виде в Интернете и связанной с ним офлайн-деятельности происходит формирование новых форм религии, на которые оказывают воздействие и офлайн, и онлайн, а религиозные сообщества не только оказываются перед вызовами цифровой среды, но и активно ее трансформируют.

Четвертая волна исследований цифровой религии связана с изучением повседневных религиозных медиапрактик людей (Campbell, Evolvi, 2020: 7). Фокус в них по-прежнему сконцентрирован на смешении онлайн и офлайн практик, но внимание уделяется также вопросам политики, этики, гендера, этничности и т. д.

Ключевым элементом описания цифровой религии является исследование того, как люди объединяются в религиозные онлайн-сообщества, ставшие новыми социальными формами религии в социальных медиа. Эти сообщества представляют собой систему взаимодействий между пользователями сетевых цифровых устройств, интернет-сайтов, сетевых платформ и мессенджеров, ориентированных на религиозные идеи, символы и практики. В начале 1990-х годов для обозначения социальных объединений, создающих и развивающих взаимодействия посредством компьютерных сетей, ведущих публичные обсуждения, достаточно длительные для формирования «сетей личных отношений», появился термин «виртуальные сообщества» (Rheingold, 1993: 5). Х. Кэмпбелл под сетевым религиозным сообществом понимает сеть социальных отношений, интегрированную набором общих жизненных практик, устанавливаемых и воспроизводимых через разделяемую историю. Общее понимание религиозных идей создает разделяемую членами сообщества основу для смыслополагания, в качестве ядра которого выступает общая вера и поиск смыслов и целей в свете различных интерпретаций жизни и реальности. Х. Кэмпбелл описывает их как систему множественных онлайн и офлайн взаимодействий между индивидами и сообществами, новыми и старыми источниками авторитета и легитимности, публичностью и приватностью, в которых люди оказываются в пересечении многих религиозных сетей и смыслов (Campbell, 2010: 96).

В зарубежных буддологических исследованиях изучение буддизма в Интернете стало одним из наиболее перспективных направлений с весьма обширной тематикой, и многие монографии и сборники статей, посвященные изучению истории и современного состояния буддизма, включают разделы о буддизме в Интернете (Prebish, 2004; Schlutter, 2014; Connelly, 2015; Grieve, Veidlinger, 2016). В целом, новые буддийские медиатехнологии включают веб-сайты, виртуальные миры, мобильные приложения и видеоигры (Connelly, 2015). По мнению Г. Грива и Д. Ведлингера, от прежних медиа, использовавшихся буддизмом, современные цифровые технологии отличают процедурные, партиципаторные, энциклопедические и пространственные аффордансы, признаки того, что с объектом можно производить какие-либо действия (Grieve, Veidlinger, 2016: 474). Другими словами, в цифровом пространстве создаются новые формы и паттерны действий верующих, оно позволяет им участвовать в коллективных действиях и сообществах, получать свободный доступ к огромному и постоянно растущему массиву информации и позиционироваться в пространстве и времени.

Уже в 1994 г. Г. Рэй предложил термин «киберсангха» для обозначения новых интернет-форм объединений верующих (Ray, 1994: 60). Ч. Пребиш в 2004 г. выделил три типа буддийских виртуальных сообществ (Prebish, 2004: 145). Первый охватывает веб-страницы традиционных буддийских групп для удобства коммуникации и передачи информации. Второй тип представляет «виртуальные храмы», созданные традиционными сангхами для дополнения своих существующих оффлайн программ и храмов. Третий же представлен «чистыми онлайн-сообществами», не существующими оффлайн. М. Шлуттер выделяет два типа буддийских ресурсов: первый включает веб-сайты, созданные традиционными («доцифровыми») буддийскими центрами, обладающими физическими местами для встреч, медитаций, обсуждений и т. п. Второй тип — это сайты, преимущественно обслуживающие интернет-сообщества, полностью нового типа «киберсангхи», участники которых редко или совсем не встречаются лицом к лицу (Schlutter, 2014: 511).

В настоящее время исследователями отмечается, что провести точные границы между этими типами сообществ затруднительно, поскольку многие традиционные сообщества расширяют свое вир-

туальное присутствие, а прежде исключительно виртуальные порождают реальные социальные группы и общины. Вместе с тем, в российском случае, особенно в социальных медиа, можно выделить онлайн-группы, созданные буддийскими религиозными организациями, существующими офлайн, объединяющими людей, вступающих в непосредственное взаимодействие. Другую группу составили онлайн-сообщества, для которых нет офлайн-аналогов, они представляют собой форму онлайн-коммуникаций пользователей сетей.

Буддийские сообщества в социальной сети ВКонтакте

Российская социальная сеть ВКонтакте (vk.com) является одним из крупнейших по посещаемости сайтов в мире и наиболее популярным среди русскоговорящих пользователей. Она была запущена 10 октября 2006 г. и сначала ориентировалась на студентов и выпускников вузов России, но уже в 2007 г. стала позиционироваться как «универсальное средство поиска и связи между людьми, которое в силу своей идеи не может ограничиваться отдельной социальной прослойкой или возрастной группой»¹. ВКонтакте характеризуется более молодой аудиторией сравнительно с иными социальными сетями. На начало сентября 2020 г. 89 языковых версий ВКонтакте насчитывали 97 миллионов пользователей в месяц, 13 миллиардов сообщений в сутки².

При заполнении информации профиля, пользователь имеет возможность указать свое мировоззрение, в качестве которого выступает, по сути, отношение к религии: иудаизм, православие, католицизм, протестантизм, ислам, буддизм, конфуцианство, светский гуманизм, пастафарианство. В сентябре 2020 г. число профилей, в которых в качестве мировоззрения был указан буддизм, составило 584 651.

В этой социальной сети создано большое число буддийских онлайн-сообществ, которые характеризует довольно большое разнообразие. В сентябре 2020 г. по запросу «буддизм» в поисковой системе ВКонтакте получены результаты о 539 группах. Вместе с тем, поиск и обнаружение буддийских онлайн-сообществ в рамках данного исследования не ограничивается только этим запросом и основан на использовании специально разработанного поискового словаря, что позволило получить информацию об около тысячи сообществ.

Ниже представлены результаты запросов в поисковой системе ВК по разработанному нами в ходе исследования перечню. В данной таблице представлены данные об изменении числа подписчиков наиболее крупных групп ВК буддийской направленности с 2015 года, когда был начат данный проект, до настоящего времени.

Таблица 1. Число подписчиков у 11 наиболее крупных буддийских сообществ ВКонтакте в 2015, 2017, 2019, 2020 гг.

Table 1. The number of subscribers that 11 largest Buddhist communities on VKontakte had in 2015, 2017, 2019 and 2020.

№	Наименование группы ВК	Число подписчиков			
		2015	2017	2019	2020
1	Дзэн-буддизм	312 532	336 269	360 862	368229
2	Драгоценные советы Его Святейшества Далай-Ламы	182 546	210 427	228 719	231215
3	Будда • Учение Будды • Буддизм	55 628	82 414	97 860	102265
4	Буддизм	-	38 081	41 307	42079
5	Тибетский буддизм	-	18 699	26 522	31729
6	Буддизм Будда Дхамма Сангха Тхеравада // «Буддаяна. Будда. Дхамма. Сангха. Буддизм»	17 260	16 208	16140	16518

¹ Дуров П. В Контакте миллион участников [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2007, 17 июля. URL: <https://vk.com/blog.php?nid=54> (дата обращения: 12.09.2020).

² Соединяем людей, сервисы и компании [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/about> (дата обращения: 12.09.2020).

7	Хамбо Лама Даши-Доржо Итигэлов	16 274	23 708	29663	-
8	Сарыг Шажын Тывада	15 328	26 730	35061	36161
9	Санкт-Петербургский Дацан Гунзэчойнэй Буддизм	13 977	22 191	31 936	35961
10	Буддизм Махаяна Гелуг	11 546	18 061	27 260	29977
11	Карма Кагью Буддизм Алмазного пути	10 823	14 441	17 177	16678

Можно отметить, что среди них представлены сообщества, ориентированные на обобщенных «буддийских» пользователей, вне привязки к конкретному направлению, школе или этнокультурной форме. Среди них довольно существенно выделяется «Дзэн-буддизм»¹, как по числу пользователей, так и по содержанию и направленности материалов, содержащих преимущественно цитаты из дзенских сочинений или околодзенских публикаций. Ведут эту группу профессиональные SMM-менеджеры, предлагающие ее для размещения рекламы в разделе «Эзотерика, Астрология, Самопознание, Йога»². Вообще, в ВКонтакте насчитывается большое число групп, использующих в названии слова «дзен» и «дзэн», большая часть из которых тематически не связана с буддизмом. Это отражает большую популярность концепта «дзэн» как явления массовой культуры, связанного с буддийской культурой лишь частично. Часть групп «дзэн» при этом все-таки посвящены изучению наследия дзэн-буддизма и культуры Японии, хотя уступают первым («дзен») по популярности.

Другие сообщества в представленном списке — «Будда. Учение Будды. Буддизм» и «Буддизм» — направлены на «всё многообразие направлений буддизма» и в них представлено «большое количество качественного материала по теоретическим и практическим аспектам дхармы»³. Пользователи могут принять участие в обсуждении различных вопросов буддийской философии и практики, так, например, в группе «Буддизм» создано более 200 обсуждений, включая такие темы как: «Тхеравада и тибетский буддизм», «Как правильно медитировать?», «Читаем сутры» и т. д. По своей тематике и направленности эти группы весьма близки к прежним буддийским форумам, появившимся еще в 1990-е годы, наиболее популярными среди которых были «Буддийский форум»⁴ и «Дхарма Буддийское сообщество»⁵. В целом они характеризуются «общевбуддийской» направленностью на последователей буддизма и/или интересующихся буддийской культурой и философией.

Среди популярных групп представлены несколько сообществ с выраженной ориентацией на школу или направление. Группа «Драгоценные советы Его Святейшества Далай-Ламы» представляет собой элемент медиа-комплекса Далай-ламы XIV Тензина Гьятсо, включающего официальный сайт, профили в Инстаграм, Фейсбуке и ВК-страницу⁶ и другие сайты, которые сопровождаются Фондом содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» под духовным руководством Тэло Тулку Ринпоче и Офисом Его Святейшества Далай-ламы XIV. На них пользователи могут получить информацию о многогранной деятельности Его Святейшества, его учениях, мероприятиях с его участием. Связанное с ними сообщество «Тибетский буддизм», как заявлено в нем, «объединяет (в пределах этого ресурса) людей, которым интересны и близки теория и практика традиций буддизма, которые развивались в Тибете и далее в Монголии и буддийских республиках РФ: Бурятия, Калмыкия, Тыве⁷. Это распространённые ныне Ньингма, Гелуг, Кагью и Сакья»⁸. Ведется эта группа представителями Буддийского центра «Арьядэва» Фонда поддержки махаянской традиции.

Два сообщества в представленном списке связаны с бурятскими буддийскими сообществами. Группа «Буддизм|Махаяна|Гелуг» была основана Этигел-ламой Жамсарановым, одним из бурятских

¹ <https://vk.com/dzyen>

² https://vk.com/@victoria_les_media-prais-red-fox-media

³ <https://vk.com/public.buddha>

⁴ <http://board.buddhist.ru/>

⁵ <http://dharma.org.ru/>

⁶ <https://vk.com/dalailama>

⁷ Правильно «Тыве». — ред.

⁸ https://vk.com/tibetan_dharma

буддийских священнослужителей, и значительная доля материалов направлена на бурятских верующих. Сообщество «Хамбо Лама Даши-Доржо Итигэлов» было описано нами в одной из статей, но, к сожалению, сейчас оно не существует (Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров, 2018а). Среди более двадцати тысяч его подписчиков были представители разных этнических групп, включая бурят, тувинцев, калмыков, русских и других (там же).

Особое место в онлайн-пространстве российского буддизма занимает группа «Санкт-Петербургский Дацан Гунзэчойнэй | Буддизм»¹. Во-первых, она создана в качестве группы буддийского дацана-монастыря, который располагается в Санкт-Петербурге, вне регионов традиционного распространения российского буддизма. Во-вторых, она объединяет буддийских священнослужителей и мирян из разных регионов нашей страны и из-за рубежа, что отражает открытость Санкт-Петербургского дацана для буддистов разных направлений.

Группа «Карма Кагью | Буддизм Алмазного пути»² представляет собой центральную ВК-группу для целого ряда групп последователей Российской Ассоциации Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью, международной буддийской организации, созданной буддийским учителем датского происхождения Оле Нидалом.

Группа «Буддаяна. Будда. Дхамма. Сангха. Буддизм»³ содержит «контент на тему Раннего Буддизма и Первоначального учения Будды Гаутамы (Саддхамма), — каким оно сохранено и представлено в современной южной палийской традиции буддизма Тхеравада»⁴. Это сообщество является самым крупным среди «тхеравадинских» групп, ядром которых является сайт Тхеравада.ру⁵, созданный Санкт-Петербургской общиной буддистов Тхеравады, самым известным представителем которой является буддийский монах тайской традиции русского происхождения Бханте Панныяавудхо.

Все сообщества этих категорий существуют исключительно в форме онлайн-сообществ. Исключение составили лишь группы «Санкт-Петербургского дацан Гунзэчойнэй», «Буддаяна. Будда. Дхамма. Сангха. Буддизм» и «Карма Кагью | Буддизм Алмазного пути», поскольку для них есть соответствующие офлайн-общины, члены которых находятся в непосредственном взаимодействии.

Тувинские буддийские онлайн-сообщества в ВКонтakte

В таблице 2 представлены наименования и число подписчиков сообществ ВКонтakte, посвященных буддизму в Туве. В ходе нашего исследования мы обнаружили таковых 24. Большая часть из них открыта для любого пользователя ВК, но некоторые имеют ограниченный доступ только для зарегистрированных членов. Можно отметить наличие сравнительно крупных групп, что отражает популярность буддийских идей и ценностей среди тувинских пользователей. Как в 2014 г. отметила модератор нескольких крупных тувинских пабликов ВК, в том числе буддийской направленности, О. С. Дамдын, «в соцсетях помимо негатива присутствует много позитива. Есть сообщества, в которые вступают настоящие патриоты»⁶.

Таблица 2. Тувинские буддийские сообщества ВКонтakte⁷

Table 2. Tuvan Buddhist communities on VKontakte.

№	Название	Число подписчиков
1	Сарыг Шажын Тывада	35331
2	САРЫГ ШАЖЫН ЧОННУН ШИЛИЛГЕЗИ ТЫВА ТУВА	7680
3	DHARMA TYVA «Сарыг Шажын Тывада»	3760

¹ <https://vk.com/dazanspb>

² <https://vk.com/russiankagyuu>

³ https://vk.com/buddha_dhamma

⁴ https://vk.com/buddha_dhamma

⁵ <http://www.theravada.ru/>

⁶ По итогам конкурса эссе «100 новых идей развития Тувы» будут назначены новые министры [Электронный ресурс] // ИА Туваонлайн. 2014, 1 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2014/12/01/po-itogam-konkursa-esse-100-novyh-idey-razvitiya-tuvy-budut-naznacheny-novye-ministry.html> (дата обращения: 09.09.2020).

⁷ Данные представлены на сентябрь 2020 г. Наименования групп даны с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

4	Буддийский центр «Манджушри» г. Кызыл	2327
5	Группа Дост. Шивалха Ринпоче	1178
6	Шажынчы өңнүктөривис	1099
7	Сарыг шажын чудулгевис	455
8	Эрзин кожуун сарыг шажын!!!! ओम मनी पद्म	318
9	Этно-культурный комплекс «Белдир-Кежи»	147
10	Сарыг-Шажын	32
11	Манджушри аттыг Сарыг шажын төвү	30
12	Норбулинг	259
13	Москвада «Субедей» агымының салбыры	112
14	Хурээ «ШЕДУП ДАРЖАЛИН»	131
15	Фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ»	136
16	Хурээ «Дамба Брайбулинг»	143
17	Те которые ходит в хурээ ЦЕЧЕНЛИНГ	168
18	хурээ Ташипандэлиң (хурээ)	108
19	Авыда хурээ	49
20	Ногаан Дарийги хурээ	49
21	Буддаяна / Тхеревада. Буддизм в Кызыле	54
22	Молодые ученики Досточтимого Геше Джампа Тинлея из Республики Тыва	76
23	Фонд буддийского храма в с. Хову-Аксы	51
24	Буянныг Өөредиг Учение Будды в Туве	3

Обращает на себя внимание то, что наиболее крупные сообщества не связаны с офлайн-общинами, в то время как группы хурээ и буддийских центров сравнительно немногочисленны. Так, группа «Буянныг Өөредиг | Учение Будды в Туве» предположительно была создана в 2019 г. для сопровождения деятельности Управления Камбы-ламы Республики Тыва и связана с официальным сайтом Управления, но крайне немногочисленна и неинформативна. Стоит отметить, что по инициативе Управления Камбы-ламы еще в 2009 г. был создан сайт dharma.tuva.ru — для «освещения работы и жизни тувинского буддийского сообщества, который до сих пор был в информационной изоляции от внешнего мира. Немаловажной целью является объединение различных направлений деятельности буддистов, которое будет реализовано в рамках сайта»¹. Но он недолго просуществовал и в настоящее время сайт не функционирует. В целом, надо отметить сравнительно невысокие темпы продвижения буддийских общин Тувы в Интернете, несмотря на то, что еще в 2014 г. Камбы-Лама Республики Тыва Лопсан Чамзы «сделал упор на более широком использовании средств Интернета для духовного просвещения верующих и усиления работы с населением, направленной на преодоление проблем,

¹ У буддистов Тувы появился свой сайт dharma.tuva.ru [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! 2009, 2 сентября. URL: <http://savetibet.ru/2009/09/02/tuva.html> (дата обращения: 09.09.2020).

связанных с духовным и физическим здоровьем»¹. В настоящее время медиатеатральность Управления Камбы-ламы Республики Тыва опирается на официальный сайт <https://tuvalobdon.com/>.

Группа «Фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ»² посвящена фестивалю, который проводится с 1999 г. в г. Чадане Республики Тыва. Организаторами фестиваля выступают Министерство культуры Республики Тыва, Тувинская государственная филармония им. В. М. Халилова и Тувинское республиканское общественно-творческое объединение «Устуу-Хурээ»³. Вместе с тем, в наименовании группы содержится название буддийского монастыря, а сам фестиваль посвящен возрождению уникального буддийского храмового комплекса Устуу-Хурээ, разрушенного в 1937 г.

Также можно отметить существование групп, ориентированных на разные офлайн-общины. С конца 1980-х гг. буддизм в Туве занимает место «главной религии верующих и имеет прекрасные перспективы дальнейшего развития и укрепления» (*История буддизма ...*, 2011: 130). Вместе с тем, наряду с буддийским духовенством, в регионе все более активную роль играют сообщества буддистов-мирян, которые в ряде случаев выступают с критикой Управления Камбы-ламы (*Монгуш*, 2001: 136). Это создает ситуацию, похожую, по образному выражению Ольги Матпаевны Хомушку, на «лоскутное одеяло, когда каждый центр или община считает только себя «истинными буддистами»» (*Хомушку*, 1998: 77). Эта метафора вполне применима и к описанию онлайн-сообществ в социальных сетях, где возникает довольно большое их разнообразие. В настоящее время, по оценке деятельности тувинского буддийского духовенства, которую дает исследователь и руководитель тувинского общества «Друзья Тибета» Ч. М.-Х. Тензин, «активное строительство буддийских сооружений способствует укреплению единства тувинского народа, повышению буддийской культуры, духовному развитию тувинского населения и уменьшению социальных проблем, конфликтов и напряженности в тувинском обществе» (*Тензин*, 2018: 93).

Некоторые онлайн-сообщества созданы как цифровые двойники буддийских хурээ и их общин, но по числу подписчиков они значительно уступают другим тувинским буддийским онлайн-сообществам. Это обусловлено, вероятнее всего, тем, что хурээ ориентированы на локальные, сравнительно немногочисленные, группы, которые не используют их в коммуникации, предпочитая непосредственное участие в религиозных мероприятиях и общение со священнослужителями и верующими. Возможно, также, что верующими в локальных общинах хурээ для связи используются все более набирающие популярность на волне распространения смартфонов и мобильного интернета мессенджеры, объединяющие преимущественно группы людей, вступающих в непосредственное взаимодействия, причем можно предположить, что это чаты в Viber, поскольку именно он является наиболее популярным мессенджером в регионе⁴. В России пока не предпринималось изучение особенностей использования мессенджеров в буддийских сообществах, учитывая труднодоступность их аудитории для исследователей.

В ВКонтате создан ряд групп, объединяющих активистов и сторонников в разных городах молодежного буддийского движения «Субедей». Оно возглавляется монахом Шолбаном Иргитом, обучавшемся в индийском монастыре Гоман дацан. Объединяет несколько сот человек (*Тарбастаева*, 2018: 105).

Также две группы в списке представляют собой онлайн-сообщества тувинских учеников геше Джампа Тинлея, известного буддийского учителя, и являются частью разветвленной сети центров и общин под его руководством.

Анализ онлайн-сообщества «Сарыг Шажын Тывада»

В рамках исследования мы изучили онлайн-сообщество «Сарыг Шажын Тывада» (досл. «Желтая религия в Туве» или «Тувинский буддизм») ⁵, которое демонстрирует устойчивый рост пользователей

¹ Буддизм [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: нацполитика-тыва.рф/religii/buddizm/ (дата обращения: 09.09.2020).

² <https://vk.com/ustuhure>

³ <http://ustuhure.com/index.php/festival-ustuu-khuree>

⁴ Самый популярный мессенджер по регионам России [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен. 2019, 13 ноября. URL: https://zen.yandex.ru/media/map_mind/samyi-populiarnyi-messendjer-po-regionam-rossii-5dcc1f02c3cd3c2757f666fa

⁵ <https://vk.com/public.sarygshajin>

с 15 328 в 2015 г. до 36 000 — в 2020 г. Оно является крупнейшим онлайн-сообществом ВКонтакте, объединяющим тувинских буддистов, поэтому рассмотрение его дает важные заключения.

Для изучения структуры сообщества подписчиков группы ВКонтакте «Сарыг Шажын Тывада» были привлечены методы анализа графов. Эти методы получили широкое распространение в исследованиях сложных сетей, к числу которых относятся и социальные медиа (Newman, Barabasi, Watts, 2006). Применение математического моделирования с использованием современных программных средств автоматизированного сбора и анализа данных все более широко применяется в социально-гуманитарных исследованиях, поскольку позволяет исследовать крупные компьютерные сети с большим числом участников (вершин) и связей (ребер) (Батура, 2012: 13).

В рамках исследования был рассмотрен социальный граф подписчиков данного сообщества, в котором в качестве вершин графа представлены аккаунты пользователей, а в качестве ребер — бинарное отношение их дружбы. Отметим, что анализируемый граф строится на данных, предоставляемых посредством API VK (поисковой системы ВКонтакте), то есть данные заведомо не являются полными: чтобы информация о наличии ребра (то есть о взаимной дружбе) была учтена, необходимо наличие открытого профиля хотя бы у одного из двух пользователей. Всего в полученном графе представлена информация о 36013 вершинах и 374359 ребрах.

Анализ полученного социального графа проводился с помощью методов математического моделирования, а именно, кластерного анализа и расчета его топологических свойств, коэффициента ассортативности, соответствия степенному закону распределения степеней вершин и степени посредничества (Schaeffer, 2007).

В графовых моделях коэффициент ассортативности используется в анализе связей между вершинами различных степеней (Newman, 2003; Ostroumova-Prokhorenkova, Krot, 2016). Другими словами, в ассортативных сетях популярные вершины будут связаны друг с другом напрямую, а в дисассортативных — через цепочки друзей.

Ассортативность рассматриваемого графа близка к нулю и равна 0,0575.

В таблице 1 перечислены некоторые сети, для которых в работе (Newman, 2003) рассчитаны показатели ассортативности. Эти данные часто используются для иллюстрации следующей закономерности: для социальных сетей характерны значения ассортативности большие 0, для технологических сетей — сравнимые с 0, для биологических сетей — меньшие 0.

Сеть подписчиков сообщества «Сарыг Шажын Тывада», таким образом, относится, скорее к технологическим или даже биологическим, а вовсе не к социальным сетям. Примечательно, что сеть пользователей ВКонтакте, указавших «буддизм» в качестве мировоззрения, также имеет показатель ассортативности близкий к 0.

Таблица 3. Сравнение значения коэффициента ассортативности для различных сетей

Table 3. Comparison of assortativity quotients for various networks

Тип сети	Сеть	Количество узлов	Ассортативность
Социальные	Соавторство по физике	52 909	0,363
Социальные	Сотрудничество директоров компаний	7 673	0,276
Социальные	Сотрудничество актеров кино	449 913	0,208
Социальные	Соавторство по биологии	1 520 251	0,127
Социальные	Соавторство по математике	253 339	0,12
Социальные	Книга адресов электронной почты	16 881	0,092
	Буддисты ВКонтакте (Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров, 2018b: 74–82)	84 927	0,0166

Технологические	Сеть электростанций	4 941	-0,003
Биологические	Сеть сообщества дельфинов	62	-0,044
	«Дружба» подписчиков группы ВКонтakte «Сарыг Шажын Тывада»	36 013	-0,0575
Технологические	«Всемирная паутина» (WWW)	269 504	-0,067
Биологические	Сеть взаимодействий белков	2 115	-0,156
Технологические	Интернет	10 697	-0,189
Биологические	Нейронная сеть	307	-0,226
Биологические	Метаболическая сеть	765	-0,24
Биологические	Морская пищевая сеть	134	-0,263
Биологические	Пресноводная пищевая сеть	92	-0,326

Другая важная характеристика в исследовании сетей — соответствие степенному закону распределения степеней вершин. Степенью называется число связей вершины с другими вершинами. В данном случае log-log график аппроксимируется уравнением $y = 17262 \cdot x^{-1.547}$ с точностью $R^2 = 0,8318$. Для сравнения на графике отложена также линия тренда $y = 17262 \cdot x^{-1.547}$. Такое распределение показывает, что у большинства участников сообщества малое число связей внутри него, но среди них также присутствует некоторое число популярных пользователей, обладающих большим числом связей с другими пользователями сообщества. Это позволяет трактовать данное сообщество как безмасштабную сеть, схожую по своим свойствам с иными сетями.

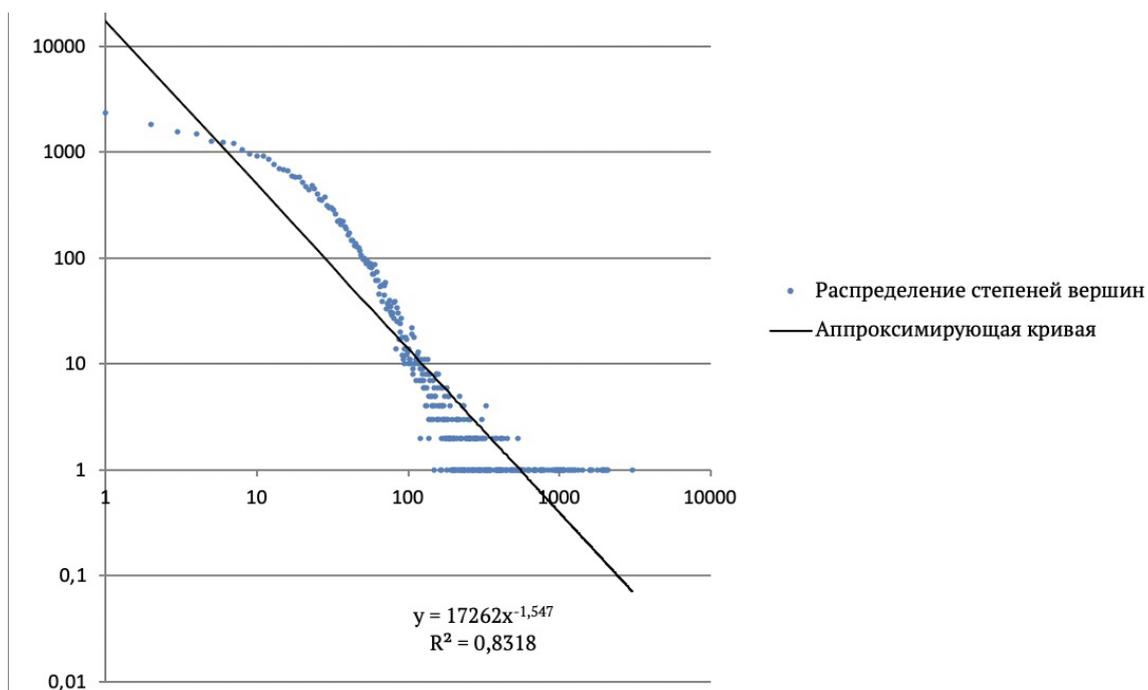

Рисунок 1. log-log диаграмма распределения степеней вершин.
Fig.1 A log-log diagram of node degree distribution

Кластеризация графа, позволила выделить 8 кластеров, в совокупности покрывающих 97,87% пользователей.

На рисунке 1 представлен социальный граф пользователей сообщества «Сарыг Шажын Тывада». Кластеризация данного графа, полученная путем максимизации функционала модулярности, дает хорошо трактуемые результаты. Прежде всего, следует отметить, что сообщество пользователей распалось на восемь кластеров, что отражает его сложную социальную структуру, элементами которой стали, по всей видимости, профессиональные, территориальные и родственно-клановые сообщества. Можно отметить необходимость дальнейшего изучения переноса в онлайн-пространство внутриэтнических, родоплеменных, этнотерриториальных и семейно-клановых социальных связей. Ч. К. Ламажаа, характеризуя постсоветское развитие Республики Тыва, пишет, что в регионе произошел возврат к архаизации социальных отношений на всех уровнях и актуализации родоплеменных связей (Ламажаа, 2010: 128). Можно предположить, что в религиозных онлайн-сообществах этот процесс также находит свое отражение.

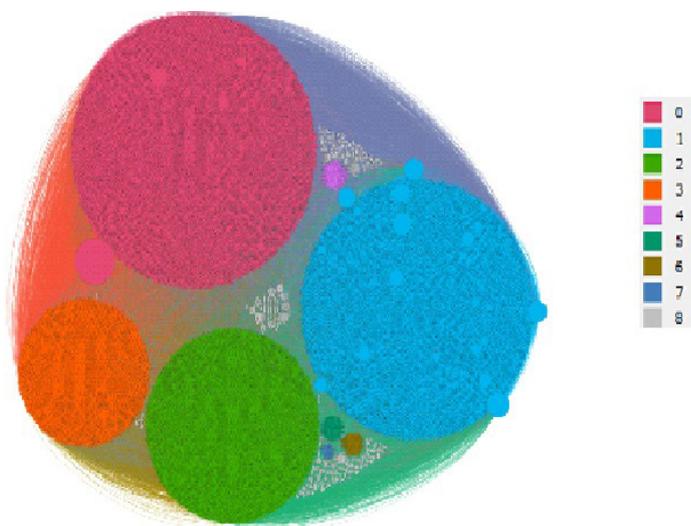

Рисунок 2 Кластеры сообщества подписчиков «Сарыг Шажын Тывада» ВКонтакте.
Fig.2. Clusters of the subscribers of Saryg Shazhyn Tyvada community on VKontakte

Помимо степени (количество друзей внутри графа) будем также рассматривать показатель степени посредничества, которая для каждой вершины равна числу проходящих через нее кратчайших путей между другими вершинами. Этот показатель отражает «важность при распространении информации» участника сообщества (Батура, 2012: 20).

Центральные по посредничеству вершины сосредоточились в основном в кластере 1 и — заметно в меньшем количестве — в кластере 0.

Также в четырех наиболее крупных кластерах были изучены профили десяти пользователей с наибольшей степенью, т. е. наибольшим количеством друзей в графе. Среди таких наиболее популярных профилей можно отметить преобладание спортивных и культурных деятелей, а также различных услуг, в том в сфере культуры.

Кластер 0, похоже, включает наибольшее количество известных публичных лиц и их подписчиков, в их числе известный лама буддийского храма «Цеченлинг» Буян Сандык (Буян башкы), депутат Верховного Хурала Республики Тыва, известный общественник и спортсмен Седен-Очур Кара-Сал, общественник, активист движения «Субедей» Кара-Хаан Кара-Сал и другие. Кластеры 1 и 2 включают профили государственных и общественных объединений, предложения услуг и известных лиц, а также их подписчиков. Среди них ВК-профиль Правительства Республики Тыва¹, газета «Молодежь Тывы»², эстрадная артистка Борбаана Баржай, поэтесса, драматург Чайна Чыкай и другие.

¹ <https://vk.com/id309581850>

² <https://vk.com/id571928043>

Можно предположить, что данное сообщество стало одной из доступных форм коммуникации пользователей, сравнительно мало связанных друг с другом родственными и иными отношениями.

«Сарыг Шажын Тывада» является одним из немногих сравнительно гомогенных по этническому и языковому составу буддийских сообществ, в котором состоят преимущественно этнические тувинцы. Следует отметить при этом, что, при относительной этнической гомогенности, данное сообщество включает также представителей иных этнических групп.

На основе построенного социального графа можно сделать вывод о том, что для пользователей тувинцев, в том числе находящихся за пределами Республики Тыва, данное сообщество является одним из ключевых каналов получения информации о тувинском буддизме. Также существенным отличием от подобных сообществ, ориентированных на бурятских и калмыцких пользователей, «Сарыг Шажын Тывада», за редким исключением, ведется на тувинском языке. Интересен эффект трансляции в данном, буддийском сообществе популярности не связанных напрямую в своей деятельности с буддийскими общинами пользователей, среди которых известные политики, общественные деятели, представители сферы культуры и даже профили объединений.

Заключение

Пользователи ВКонтакте могут обнаружить большое разнообразие «буддийских» групп самой разной направленности. Можно согласиться с Х. Кэмпбэлл, что в социальных сетях проявляется ключевая характеристика цифровой религии как взаимовлияния интерактивности, наполняемой пользователями онлайн-культуры и традиционных религиозных сообществ, с исторически укорененными ритуалами и верованиями (Campbell, 2013: 4).

В целом, в буддийских онлайн-сообществах происходят процессы формирования новых форм социального взаимодействия, обладающих существенными отличиями от традиционных институтов монастырской организации, образования, монашества. В социальных сетях традиционное буддийское духовенство оказалось в условиях конкуренции со стороны буддистов-мирян и вызова прежней легитимности. С другой стороны, различия между офлайн общинами транслируются в онлайн-пространство и приобретают форму лишь частично пересекающихся сообществ, в которых по-разному воспроизводятся буддийские идеи и практики.

Исследование тувинских онлайн-сообществ ВКонтакте также демонстрирует перенос сложной структуры буддийских общин и организаций в социальные сети. Наличие крупных сообществ, таких как «Сарыг Шажын Тывада», одного из крупнейших буддийских групп в ВКонтакте, служит доказательством приверженности многих тувинских пользователей буддийским ценностям и идеям, проявлением их буддийской идентичности. При этом тувинские буддийские онлайн-сообщества обладают выраженными этнорелигиозными отличиями, ориентацией на воспроизводство этнической традиции, использование тувинского языка, сравнительно высокой плотностью социальной коммуникации. Можно предположить, что для многих пользователей участие в таких онлайн-группах выступает одним из механизмов трансляции этничности и приверженности традициям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актамов, И. Г., Бадмацыренов, Т. Б., Цыремпилов, Н. В. (2015) Российский буддизм в интернет-измерении // *Власть*. № 7. С. 125–130.

Актамов, И. Г., Бадмацыренов, Т. Б., Хандаров, Ф. В. (2018) Особенности развития виртуальных буддийских сообществ Рунета // *Власть*. № 2. С. 100–105.

Бадмацыренов, Т. Б., Скворцов, М. В., Хандаров, Ф. В. (2018a) Буддийские цифровые практики трансцендентности: VK-сообщество «Хамбо Лама Даши-Доржо Итигэлов» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2 (144). С. 338–361. DOI: <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.18>

Бадмацыренов, Т. Б., Скворцов, М. В., Хандаров, Ф. В. (2018b) Топологические характеристики буддийского сообщества в социальной сети «ВКонтакте» // *Социологические исследования*. № 8. С. 74–82. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250000756-4>

Базаров, Б. В. (2014) Буддизм и вызовы XXI века // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. № 3 (15). С. 12–16.

Батура, Т. В. (2012) Методы анализа компьютерных социальных сетей // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии*. Т. 10. Вып. 4. С. 13–28.

История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. (2011) / под общ. ред. Н. Г. Очировой. Элиста : Министерство образования, культуры и науки Республики Калмыкия. 392 с.

- Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России: Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 208 с.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука. 200 с.
- Тарбастаева, И. С. (2018) Буддийские ценности как возможная экономическая детерминанта развития тувинского общества // Новые исследования Тувы. № 2. С. 95–111. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.5>
- Тензин, Ч. М.-Х. (2018) Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. № 3. Т. 1. С. 87–93. DOI: <https://www.doi.org/10.18101/1994-0866-2018-1-3-87-93>
- Уланов, М. С. (2008) О причинах распространения буддизма на Западе в эпоху глобализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 2 (8). С. 68–72.
- Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 177 с.
- Campbell, H. (2016) Surveying theoretical approaches within digital religion studies // *New Media and Society*. Vol. 19, issue 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816649912>
- Campbell, H. (2010) *When Religion meets New Media*. New York : Routledge. 232 p.
- Campbell, H. (2013) (ed.) *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. London : Routledge. 288 p.
- Campbell, H., Evolvi, G. (2020) Contextualizing current digital religion research on emerging technologies // *Human Behavior and Emerging Technologies*. Vol. 2, issue 1. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/hbe2.149>
- Connelly, L. (2015) Toward a Typology and Mapping of the Buddhist Cyberspace // *Buddhism, the Internet, and Digital Media: The Pixel in the Lotus* / G. P. Grieve, D. Veidlinger (eds.). New York : Routledge. 240 p. P. 58–78.
- Grieve, G. P., Veidlinger, D. (2016) Buddhist Media Technologies // *The Oxford Handbook of Contemporary Buddhism* / M. Jerryson (ed.) New York : Oxford University Press. 760 p. P. 469–483.
- Helland, C. (2005) Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the Internet [Электронный ресурс] // *Online — Heidelberg Journal of Religions on the Internet*. Vol. 01.1 Special Issue on Theory and Methodology. P. 1–16. URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).
- Newman, M. E. J. (2003) Mixing patterns in networks // *Physical Review E*. Vol. 67. No 2. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevE.67.026126>
- Newman, M. E. J., Barabasi, A., Watts, D. J. (2006) *The Structure and Dynamics of Networks: (Princeton Studies in Complexity)*. Princeton, USA : Princeton University Press. 592 p.
- O'Leary, S. (1996) Cyberspace as sacred space: Communicating religion on computer networks // *Journal of the American Academy of Religion*. № 64. P. 781–808.
- Ostroumova-Prokhorenkova, L., Krot, A. (2016) Assortativity in Generalized Preferential Attachment Models // *Algorithms and Models for the Web Graph. Proceedings of the 13th International Workshop, WAW 2016, Montreal, QC, Canada, December 14–15, 2016.* / A. Bonato, G. Fan Chung, P. Pralat (eds.). Cham: Springer International Publishing. P. 9–21. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/978-3-319-49787-7>
- Prebish, Ch. S. (1979) *American Buddhism*. North Scituate : Duxbury Press. 220 p.
- Prebish, Ch. S. (2004) *The Cybersangha: Buddhism on the Internet* // *Religion online: Finding faith on the Internet* / L. L. Dawson, D. E. Cowan (eds.). London : Routledge. 288 p. P. 135–151.
- Ray, G. (1994) A Resource Roundup for the Cybersangha // *Tricycle: The Buddhist Review*. 3(4). P. 60–63.
- Religion and cyberspace (2005) / Hojsgaard, M., Warburg, M. (eds.). New York : Routledge. 224 p.
- Rheingold, H. (1993) *The Virtual Community*. New York : Harper Perennial. 325 p.
- Schaeffer, S. E. (2007) Graph clustering // *Computer science review*. T. 1. № 1. P. 27–64.
- Schlutter, M. (2014) *Buddhism in the Digital World* // *The Wiley Blackwell Companion to East and Inner Asian Buddhism* / M. Poceski (ed.) Chichester, UK: John Wiley. 535 p. P. 505–522.

Дата поступления: 20.10.2020 г.

REFERENCES

- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B. and Tsyrempilov, N. V. (2015) Rossiiskii buddizm v internet-izmerenii [Buddhism in Russia in the Internet dimension]. *Vlast'*, no. 7, pp. 125–130. (In Russ.).
- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B., Khandarov, F. V. (2018) Osobennosti razvitiia virtual'nykh buddiiskikh soobshchestv Runeta [The peculiarities of the virtual Buddhist communities development in the Runet]. *Vlast'*, no. 2, pp. 100–105. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B., Skvortsov, M. V., Khandarov, F. V. (2018a) Buddiiskie tsifrovye praktiki transtsendentnosti: VK-soobshchestvo «Khambo Lama Dashi-Dorzho Itigelov» [Buddhist digital practices of transcendence: VK community “Hambo Lama Dashi-Dorzho Itigelov”]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2 (144), pp. 338–361. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.18>
- Badmatsyrenov, T. B., Skvortsov, M. V., Khandarov, F. V. (2018b) Topologicheskie kharakteristiki buddiiskogo soobshchestva v sotsial'noi seti «VKontakte» [Topological characteristics of the Buddhist Community in the VKontakte

social network]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 74–82. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250000756-4>

Bazarov, B. V. (2014) Buddhism i vyzovy XXI veka [Buddhism and the challenges of the Third millenium]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3 (15), pp. 12–16. (In Russ.).

Batura, T. V. (2012) Metody analiza komp'iuternykh sotsial'nykh setei [Methods of social networks analysis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Informatsionnye tekhnologii, vol. 10, issue 4, pp. 13–28. (In Russ.).

Istoriia buddizma v SSSR i Rossiiskoi Federatsii v 1985–1999 gg. [The history of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1990] (2011) / ed. by. N. G. Ochirova. Elista, Ministerstvo obrazovaniia, kul'tury i nauki Respubliki Kalmykiia. 392 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions. The Leaders Of Tuva]*. St. Petersburg, Aleteia. 208 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2018) Buddiiskie tsennosti kak vozmozhnaia ekonomicheskaiia determinanta razvitiia tuvinskogo obshchestva [Buddhist values as a potential economic determinant in the development of Tuvan society]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 95–111. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.5>

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2018) Buddhism v dukhovnoi zhizni tuvinskogo obshchestva [Buddhism in the spiritual life of Tuvan society]. *BSU bulletin. Philosophy*, no. 3, vol. 1, pp. 87–93. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.18101/1994-0866-2018-1-3-87-93>

Ulanov, M. S. (2008) O prichinakh rasprostraneniia buddizma na Zapade v epokhu globalizatsii [Causes of Buddhism's spread in the West in the epoch of globalization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 7: Filosofii. Sotsiologii i sotsial'nye tekhnologii*, no. 2 (8), pp. 68–72. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 177 p. (In Russ.).

Campbell, H. (2016) Surveying theoretical approaches within digital religion studies. *New Media and Society*, vol. 19, issue 1, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816649912>

Campbell, H. (2010) *When Religion meets New Media*. New York, Routledge. 232 p.

Campbell, H. (2013) (ed.) *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. London, Routledge. 288 p.

Campbell, H. and Evolvi, G. (2020) Contextualizing current digital religion research on emerging technologies. *Human Behavior and Emerging Technologies*, vol. 2, issue 1, pp. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/hbe2.149>

Connelly, L. (2015) Toward a Typology and Mapping of the Buddhist Cyberspace. In: *Buddhism, the Internet, and Digital Media: The Pixel in the Lotus* / G. P. Grieve, D. Veidlinger (eds.). New York, Routledge. 240 p. P. 58–78.

Grieve, G. P. and Veidlinger, D. (2016) Buddhist Media Technologies. In: *The Oxford Handbook of Contemporary Buddhism* / M. Jerryson (ed.) New York, Oxford University Press. 760 p. P. 469–483.

Helland, C. (2005) Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the Internet. *Online — Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, vol. 01.1 Special Issue on Theory and Methodology, pp. 1–16 [online] Available at: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf> (access date: 12.09.2020).

Newman, M. E. J. (2003) Mixing patterns in networks. *Physical Review E*, vol. 67, no 2. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevE.67.026126>

Newman, M. E. J., Barabasi, A. and Watts, D. J. (2006) *The Structure and Dynamics of Networks: (Princeton Studies in Complexity)*. Princeton, USA, Princeton University Press. 592 p.

Ostroumova-Prokhorenkova, L. and Krot, A. (2016) Assortativity in Generalized Preferential Attachment Models. In: *Algorithms and Models for the Web Graph. Proceedings of the 13th International Workshop, WAW 2016, Montreal, QC, Canada, December 14–15, 2016* / A. Bonato, G. Fan Chung, P. Pralat (eds.). Cham, Springer International Publishing. Pp. 9–21. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/978-3-319-49787-7>

Prebish, Ch. S. (1979) *American Buddhism*. North Scituate, Duxbury Press. 220 p.

Prebish, Ch. S. (2004) The Cybersangha: Buddhism on the Internet. In: *Religion online: Finding faith on the Internet* / L. L. Dawson, D. E. Cowan (eds.). London, Routledge. 288 p. Pp. 135–151.

Ray, G. (1994) A Resource Roundup for the Cybersangha. *Tricycle: The Buddhist Review*, no. 3(4), pp. 60–63.

Religion and cyberspace (2005) / Hojsgaard, M., Warburg, M. (eds.). New York, Routledge. 224 p.

Rheingold, H. (1993) *The Virtual Community*. New York, Harper Perennial. 325 p.

Schaeffer, S. E. (2007) Graph clustering. *Computer science review*, vol. 1, no. 1, pp. 27–64.

Schlutter, M. (2014) Buddhism in the Digital World. In: *The Wiley Blackwell Companion to East and Inner Asian Buddhism* / M. Poceski (ed.) Chichester, UK: John Wiley. 535 p. Pp. 505–522.

Submission date: 20.10.2020

DOI: 10.25178/nit.2020.4.10

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ / RELIGION AND MODERNITY

Статья

Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере

Чимиза К. Ламажаа

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация,

Ульяна П. Бичелдей, Айлаана В. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется современное буддийское паломничество тувинцев как социальная практика, социальное движение. Источниковой базой выступили материалы полужформализованных интервью с 11 тувинцами, сопровождающими религиозных паломников и участниками заграничных паломнических туров, записанные в феврале-марте 2020 г. в г. Кызыле.

Первая паломническая поездка тувинцев в постсоветское время в Индию, где ныне находится центр тибетского буддизма с его лидером, состоялась в 1995 г. В 1997 г. на учебу выехали первые ученики. Паломнические туры впоследствии стали организовываться с начала 2000-х гг. Организаторы — ламы Тувы, первые паломники, которые получили опыт. Социальное движение развивается как стихийный процесс. Выезжают паломники за границу разрозненно, в основном группами, централизованной организации нет.

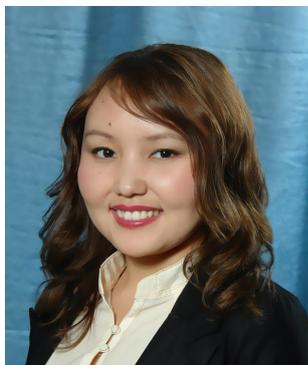
Направления паломнических поездок — зарубежные (резиденция Его Святейшества Далай-ламы XIV в индийской Джарамсале, святые места, связанные с жизнью Будды Шакьямуни; Непал, Тибет, Монголия; западные страны, где дает Учения Далай-лама), российские (Бурятия, Калмыкия, Санкт-Петербург, где расположены буддийские храмы, центры); по Туве.

Опыт паломничества мирян в форме религиозного туризма позволяет в дальнейшем им развить в себе интерес к буддизму настолько, что способствует именно внутреннему переходу от «буддиста по традиции» — к «буддисту по вере».

Ключевые слова: Тува; буддизм; тувинский буддизм; тувинцы; религиозность; паломничество; религиозный туризм; Далай-лама; Индия; Непал; Тибет; Монголия; Латвия

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (грант № 19-18-00118).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 135-155. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный исследователь Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuv.a.sia

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения (PhD), руководитель научно-исследовательской группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 66700, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: orei-ool@yandex.ru

Монгуш Айлаана Витальевна — научный сотрудник научно-исследовательской группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: ailaashka_88@mail.ru

Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith

Chimiza K. Lamazhaa

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation,

Ulyana P. Bicheldey, Aylaana V. Mongush

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Russian Federation

The article examines the contemporary Buddhist pilgrimage in Tuva as a social practice and movement. For its sources, it relies on semi-formal interviews, recorded in February and March 2020 in Kyzyl, with 11 Tuvans who accompanied religious pilgrims, or themselves participated in foreign pilgrimage tours.

The first pilgrimage Tuvans undertook in post-Soviet period occurred in 1995, and its destination was India, which is now the center of Tibetan Buddhism and the country of residence of its leader. The first students of Buddhism went there in 1997. Pilgrimage tours were subsequently organized in the early 2000s by Tuvan lamas and first pilgrims who had returned from India earlier. This social movement was developing spontaneously, with pilgrims going abroad separately or in groups, as a centralized structure did not exist at the time.

There are three types of destinations popular among pilgrims: foreign locations (residence of His Holiness the Dalai Lama XIV in Dharamsala, India, holy places associated with the life of Shakyamuni Buddha; Nepal, Tibet, Mongolia; Western countries where the Dalai Lama lectures on his teachings), Russian locations (Buryatia, Kalmykia and Saint Petersburg, where Buddhist temples and centers are located), and locations in Tuva proper.

The experience of lay pilgrimage in the form of religious tourism allows them to develop an interest in Buddhism to a degree which helps start the internal transition from a "traditional Buddhist" to a "devout Buddhist".

Keywords: Tuva; Buddhism; Tuvan Buddhism; Tuvans; religiousness; pilgrimage; religious tourism; Dalai Lama; India; Nepal; Tibet; Mongolia; Latvia

Financing

The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, Grant No. 19-18-00118, «Russia and the Buddhist world in the discourse of the philosophy of Oriental Studies».

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. P. and Mongush A. V. Tuvinskoe buddiiskoe palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 135-155. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Researcher, Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuva.asia **ORCID ID: 0000-0003-1813-3605**

BICHELDEY, Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious studies (Ph.D), Head, Religious studies unit, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0001-5588-9167**

MONGUSH, Aylaana Vitalyevna, Researcher, Religious studies unit, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: ailaashka_88@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-3164-1463**

Введение

Буддийское паломничество тувинцев на сегодня является практически не изученным наукой, несмотря на значительное число трудов в целом по истории буддизма в Туве и его современному состоянию в республике (Монгуш, 1992, 2001; Жуковская, 1992; Хомушку, 1998, 2005; Абаев, Хомушку, Бичелдей, 2013; Хомушку, Кухта, 2016; Ламажаа, 2019 и мн. др.). При этом, надо подчеркнуть, что это движение не исследовано ни в исторических формах, ни в современных. В ряде работ историков буддизма можно встретить лишь отдельные сведения о паломничестве тувинцев на рубеже XIX–XX веков в пределах своей республики, в Монголию (Монгуш, 2001: 45, 47, 48; Буддизм, 1992: 167¹). Сведения о поездках лам в монастыри Тибета для получения образования можно найти в фондах Национального архива Республики Тыва (НА РТ), Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (НА ТИГПИ)². Но они пока не опубликованы, не введены в научный оборот. Некоторые упоминания о тувинцах-паломниках встречаются в исследованиях буддийского паломничества народов Центральной Азии (Гучинова, 2020ab; Дариева, Гучинова, 2020; Павличенко, Давыденко, 2018; Мунхбат, 2018; Ерохина, 2019; Эрендженова, 2020 и др.).

Сегодня, учитывая общий научный интерес к теме современного религиозного паломничества, необходимость изучения тувинского его варианта в XXI веке, динамики, состава участников, их мотивации, маршрутов и пр. — уже со всей очевидностью назрела. Кроме этого, это важно для понимания особенностей функционирования буддийского Учения сегодня среди его последователей в Туве, представлений о религиозности населения республики.

Источниковой базой нашего исследования стали материалы полуформализованных интервью с 11 тувинцами, мужчинами и женщинами — сопровождающими религиозных паломников и участниками заграничных паломнических туров, которые мы записали в феврале-марте 2020 г. в г. Кызыле³. Каждое интервью длилось около часа или более часа, записи сделаны на цифровые носители, затем расшифрованы; стенограммы хранятся в архивах соавторов (далее — полевые материалы авторов, ПМА, 2020). В том числе мы учитывали имеющиеся публикации о современном состоянии буддизма в Туве (в научных источниках, а также СМИ, социальных сетях).

Важным для интервьюирования и обсуждения вопросов мотивов духовных поисков мы считали получение доверия от наших респондентов. Его достигали благодаря тому, что, во-первых, главный интервьюер — У. П. Бичелдей — является сама буддистом, долгое время возглавляла тувинское общество «Друзья Тибета» и поэтому воспринималась собеседниками как инсайдер, и это располагало к откровенности; во-вторых, общение велось с респондентами как на русском, так и на тувинском языке, что позволяло нашим собеседникам не испытывать языковых затруднений в выражении сокровенных мыслей.

Исследования паломничества в современном мире

За много веков своей истории религиозное паломничество выступало как одна из старейших и основных форм мобильности населения (Collins-Kreiner, 2010). Конечно, как феномен социокультурной жизни оно меняло свои формы, маршруты (Ваторпин, Костина, Подергина, 2017), но в целом, было и остается обязательной частью религиозного культа. Оно предполагает в своей сути восстановление контакта мирского со священным (Уланов, Бадмаев, Андреева, 2020: 398; Калужникова, 2007). Однако, в условиях глобализованного мира и развития различных форм туризма, паломничество в XXI веке стало представляться и как номадические перемещения в рамках своих религиозных культурных ландшафтов (Кормина, 2019), и как особое направление межкультурных коммуникаций (Житнев, 2010). Оно приобрело тесную связь с туризмом, в рамках которого имеет особый вид — религиозный туризм, а в иных случаях рассматривается само как разновидность религиозного туризма.

¹ См. также из воспоминаний: Дамдын А. Төөгүлуг одуруглар [Исторические строки] // Самагалдай — тываның баштайгы найысылал [Самагалдай — первая столица Тувы]. Кызыл: Новости Тувы, 1996. С. 99–100. (На тув. яз.).

² Одна из интересных в этом плане рукописей — О. Ч. Люндупа «Воспоминания о ламской церкви в Туве» (1970–1973 гг.) — из рукописного фонда НА ТИГПИ в настоящее время готовится к публикации одним из соавторов данной статьи.

³ Мы также даем в статье некоторые мнения, воспоминания из интервью отдельными цитатами (с незначительным редактированием стиля устной речи и с переводами с тувинского языка на русский). Пять из 11 человек просили не называть их имена, в этих случаях мы ставим только инициалы. По некоторым очень личным высказываниям мы анонимизировали слова всех респондентов.

Выделение паломничества в особую область исследований началось с работы 1978 г. Э. и В. Тёрнер «Image and Pilgrimage in Christian Culture» («Образ и паломничество в христианской культуре») (Turner V., Turner E., 1978). На сегодня, как пишут Б. Ким, С. Ким и Б. Кинг, в многочисленных исследованиях паломничества и религиозного туризма можно насчитать в общей сложности 84 тематизма. Они возникают благодаря множественности подходов, как дисциплинарных, так и междисциплинарных, распространяющихся на различные методы, темы, приложения, географические очаги и проявления этого явления (Kim B., Kim S., King, 2020). Интересные результаты и заключения даны в авторских монографических изданиях (Sellner, 2004; McIntosh, 2020 и др.), статьях (Coleman, 2002) и коллективных сборниках (Reframing pilgrimage ... , 2009; Shrines and pilgrimage ... , 2008; Паломничество и религиозный ... , 2011; Феномен паломничества ... , 2006; Raj, Giffin, 2015).

Паломничество исследователями определяется в целом как поклонение святым местам, которые могут быть как в иных странах (внешнее, зарубежное паломничество), так и внутри своей, но вне пределов своего постоянного места жительства (внутреннее) (Житенев, 2012: 19). У приверженцев тибетского варианта буддизма для обозначения паломничества имеется тибетский термин *накхор* (*gnas- 'khor* — обход по кругу), который совершается «с целью очиститься от мирской скверны, накопить “заслуги” на пути к просветлению, получить благословение святого подвижника или приобщиться к святости свящ. предмета или святого места» (Буддизм, 1992: 188). В первую очередь объектами поклонения этих буддистов являются места, связанные с Буддой — в Индии, Непале. Помимо них святыми считаются и места жизнедеятельности других буддийских учителей: в Тибете (с 1950 г. в составе Китайской Народной Республики), в Монголии. Если брать расширенное толкование термина, то посещение и обход мест, где когда-то бывали святые личности и тем самым освятили это пространство, в ознаменование чего возводятся храмы, ступы либо другие культовые сооружения (Эрендженова, 2020: 127), то очевидно, что буддийское паломничество может рассматриваться как внутреннее (в пределах своего региона или страны) и как внешнее (на территорию другой страны). Более того, исследователи даже трактуют в качестве особого вида буддийского паломничества участие бурятской делегации на коронации российского императора Николая II в 1896 г. (Цыремпилов, 2020).

Интерес российской науки к проблематике современного паломничества, причем конкретно — буддийского, в этом году, например, выразился в специальных выпусках одновременно сразу в двух ведущих журналах в антропологии и религиоведении — соответственно: «Этнографическом обозрении» (№ 2 2020 года) с темой «Практики буддийского паломничества в России»¹ и «Государство, религия, церковь» (№ 1 2020 года) с темой «Тибето-монгольский буддизм: новые траектории в XX–XXI вв.»². В них можно увидеть разные работы, но, к сожалению, среди них нет ни одного тувинского кейса.

Мы постараемся восполнить этот пробел, одновременно продолжая наши исследования современного состояния буддийской культуры в Туве (Ламажаа, 2019; Бадмаев и др., 2020). Нас интересуют прежде всего те виды паломничества, которые связаны с выездом за пределы Тувы и России и на сегодня тесно переплелись с видами зарубежного туризма.

Паломничество мы рассматриваем как своего рода социальное движение, имея в виду его внеинституциональный характер, отмеченный Э. Гидденсом (Гидденс, 1999: 585). При этом, в отличие от гидденсовского социального движения, имеющего общие цели, тем не менее результаты и процесс целодостижения паломничества — это индивидуальная или групповая практика. Однако, как указывают А. С. Ваторпин, Н. Б. Костина и Е. Е. Подергина, социальные параметры всегда присутствовали в паломничестве, а в современном мире оно трансформировалось в целом в социальную практику, в том числе став регулируемым нормами права (Ваторпин, Костина, Подергина, 2017: 54).

Организация паломнических поездок

Постсоветское возрождение буддизма в России началось с того, что в 1988 г. в ряде советских территорий были зарегистрированы немногочисленные буддийские общины, подчинявшиеся Центральному духовному управлению буддистов (ЦДУБ). Одновременно стали возникать буддийские общины в Калмыкии (История буддизма ... , 2010: 70), Туве, Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), а затем и других городах России и бывшего СССР (Жуковская, 2013: 51). В Туве 25 января 1990 г. было официально зарегистрировано Тувинское общество буддистов (История буддизма ... , 2010: 117). В этом же году

¹ <https://ras.jes.su/ethnorev/issue.2020.2.4.2-ru-2-3-4-5>

² <https://religion.ranepa.ru/sites/default/files/GRC%201%202020%20Final+.pdf>

впервые после долгого перерыва был избран глава буддистов республики — Камбы-лама (там же: 121). Связи буддистов с внешним миром стали расширяться. Ученики из Тувы в 1991 г. поступили в Буддийский институт Даши Чойгхорлинг в Бурятии (в числе 96 человек — сразу из нескольких регионов России и Монголии) (там же: 105).

Но самым мощным фактором для развития процесса стали официальные визиты Его Святейшества Далай-ламы XIV во главе правительственной делегации Тибета в российские регионы.

В Туву такой первый визит буддистского духовного лидера состоялся в 1992 г. и стал большим событием в культурной жизни республики. Тогда между Тувой и с Администрацией Правительства Его Святейшества Далай-ламы XIV было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области культуры и религиозного образования.

Гости по просьбе тувинской стороны приняли на себя обязательство направить в Туву двух тибетских учителей-лам для оказания помощи в распространении учения Будды среди тувинских верующих (что и было впоследствии сделано).

Со своей стороны тувинская сторона выразила желание направить на учебу в тибетские монастыри Индии группу хуураков. Однако прежде всего в 1995 г. в Индию отправилась официальная делегация Республики Тыва (из 9 человек) на торжества, посвященные 60-летию Его Святейшества Далай-ламы XIV, которые прошли в г. Нью-Дели и Дхарамсале 3–9 июля. Делегацию возглавил председатель Верховного хурала Республики Тыва К. А. Бичелдей. В составе была также одна из соавторов данной статьи — У. П. Бичелдей (Опей-оол) (фото 1). Также при поддержке руководства республики была сформирована отдельно и группа паломников из Тувы (состояла из 10 человек), которая отправилась туда самостоятельно и тем самым фактически стала первой группой паломников тувинцев-буддистов в Индию постсоветского времени.

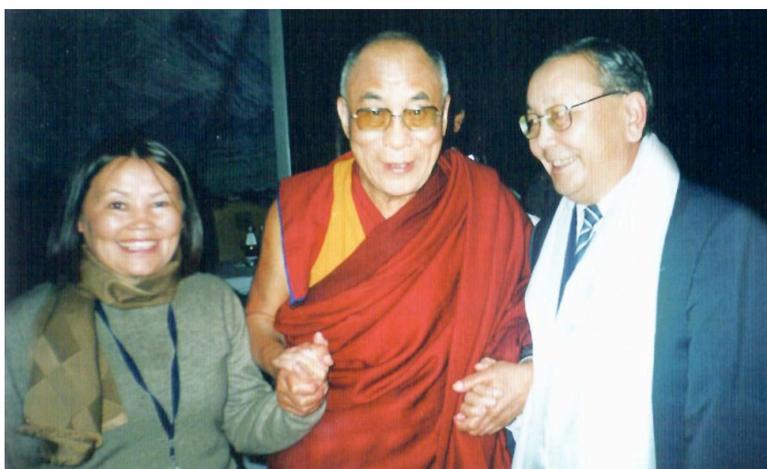

Фото 1. Ульяна Бичелдей (Опей-оол), Каадыр-оол Бичелдей с Его Святейшеством Далай-ламой XIV, 2009 г.

Фото из архива семьи Бичелдей.

Photo 1. Ulyana Bicheldey (Opei-ool) and Kadyr-ool Bicheldey with His Holiness Dalai Lama XIV, 2009. Photo from the Bicheldey family archive.

Обе группы — официальная и паломников — встретились уже в Нью-Дели. На приеме у Его Святейшества Далай-ламы XIV К. А. Бичелдей представил главе буддистов мира и членов делегации, и паломников.

Первые шесть тувинских юношей на обучение в Индию отправились в 1997 г. Они были приняты в буддийский университет Гоман монастыря Дрепунг (штат Карнатака). Одним из них был Буян башкы (учитель Буян, как его называют буддисты Тувы, или в миру — Буян Сандык). Его духовное имя — гелонг Тензин Чинба, в 2011 г. он стал председателем администрации Объединения буддистов Тувы, сегодня работает в Управлении Камбы-ламы Республики Тыва. Буян башкы также выступил нашим респондентом и поделился своими воспоминаниями о первой и последующих поездках¹:

«В 1997 г. нас было 6 человек... Впервые мы тувинцы туда поехали учиться. Я тогда только “разведывал”, что такое Индия, монастыри, Его святейшество Далай-Лама, монахи...

В первый раз, когда я отправился в Индию учиться, было очень тяжело. Мне было 30 лет, учиться было трудно — язык не знал, переводчиков не было...» (ПМА, 2020).

Там он получил первое свое благословение, но заболел из-за непривычного тропического климата.

¹ Дополнительная информация восстановлена из его интервью тувинской газете «Центр Азии»: Тензин Чимба (Буян Сандык): «Все мы одинаковы. Все страдаем. Все хотим счастья» (беседовала Инна Черкасова-Тонгак) [Электронный ресурс] // Центр Азии (газета). 2004, № 7. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/7/1481-tenzin-chimbabujan-sandyk-vse-my.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Вернулся домой лечиться, а пятеро его земляков остались. Свое решение посвятить жизнь религии он не оставил, поэтому в 2001 г. снова вернулся на учебу в Индию:

«Тогда я на себе почувствовал, что значит монастырский быт, расписание, учеба. Учиться надо было 15 лет — 15 курсов, на каждом курсе примерно по сто учащихся. Моими одноклассниками были десятилетние мальчишки — ровесники детей моих друзей, ... получалось, что я учусь в одном классе как бы с детьми друзей»¹.

Он снова не удержался на месте, а когда в третий раз вернулся в эту страну, то там ему пришла в голову идея:

«... если я не могу учиться, то в моих силах отправлять учиться в Индию тувинских мальчишек, которые хотят стать монахами, конечно, отправлять с согласия родителей. И в моих силах им помочь. Начиная с того, что объяснял, как живут монахи. При храме (имеется в виду Цеченлинг, центральный буддийский храм Тувы. — Ч. Л., У. Б., А. М.) устраивали что-то вроде подготовительных курсов. И уже затем искали спонсоров, проводили марафоны, концерты, чтобы отправить ребят в Индию, потому что не все семьи могли собрать средства на дорогу. Провожал их до Москвы, сажал в самолет, получал подтверждение из Индии о том, что все в порядке: группа долетела, их встретили. Только после этого возвращался в Туву»².

Так, с 2003 г. он стал отправлять мальчишек на обучение. Но, помимо этого, стал и сопровождать взрослых паломников: давал объявления, собирал людей, помогал им делать визы и покупать билеты, сопровождал в Индию. Другие монахи, а затем уже и побывавшие в паломничествах миряне стали следовать его примеру. Тот факт, что в составе приезжих в Индию произошли значительные изменения именно за первые пять лет XXI века, подкрепляются наблюдениями тувинского историка буддизма М. В. Монгуш. В 1999 г. она в индийской Дхарамсале встречала россиян считанные единицы, а в 2005 г., когда снова вернулась туда, то уже часто слышала на улицах русскую речь (Монгуш, 2010: 326–327).

Буян башкы в первые годы ездил с группой из 30 человек. Затем в 2010-е гг. ее средняя численность возросла до 100 чел. Часть паломников, уже ознакомившись с маршрутом, получив опыт и определенные знания, параллельно начала ездить самостоятельно, в том числе порой и сами в свою очередь выступая в качестве организаторов паломнических поездок. Помимо этого, Буян башкы и просто помогал с организацией поездок групп без сопровождения.

Так, наша респондент А. впервые побывала в Индии в 2006 г. в составе группы, организованной под опекой Буяна башкы, но сопровождал людей другой паломник. Затем стала сама ездить туда, собирая свои группы. В общей сложности, по ее словам, она была в этой стране уже 11–12 раз (ПМА, 2020). Другая респондент Ч. М.-Х. Тензин, нынешний председатель тувинского общества «Друзья Тибета», впервые побывала в Индии в 2010 г. в составе группы подобных уже опытных тувинков, затем также стала регулярно ездить, в том числе беря с собой своих детей, других родственников, друзей. С ней стали связываться и другие желающие (ПМА, 2020).

Отдельные паломники отправляются спонтанно в одиночку, в поисках ответов на вопросы, которые возникли в их жизни:

«... Был случай, когда я не хотела жить... У меня переломный момент был в жизни, я потеряла своих детей... В это время Буян башкы говорил, что Его Святейшество Далай-Лама приезжает в Ригу. Я просто собрала чемодан и уехала одна. Ничего не знала, приехала в Ригу и там встретила с буряткой...» (респондент Х., жен., 32 года; ПМА, 2020).

Аян-оол башкы (Лопсан Дондуп, в миру — Аян Херел-оол) окончил Тибетский медико-астрологический колледж «Мен-ци-канг» Дхарамсалы, получив целевое место при содействии Его Святейшества Далай-ламы XIV по просьбе руководства республики в 2007 г. Стал врачом тибетской медицины, практикует. Один из первых получивших в Туве в 2015 г. разрешение Министерства здравоохранения Республики Тыва на занятие народной медициной³. Также регулярно, дважды в год, выезжает в Индию и Тибет. Вместе с ним каждый раз, по его словам, отправляется по 50 человек. Причем, с ним едут, в основном, по его словам, каждый раз новые люди, в том числе много молодежи (ПМА, 2020).

¹ Тензин Чимба (Буян Сандык): «Все мы одинаковы. Все страдаем. Все хотим счастья» ...

² Там же.

³ В Туве впервые выданы официальные разрешения на занятие народной медициной [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет. 2015, 16 августа. URL: <http://savetibet.ru/2015/08/16/tuva.html> (дата обращения: 12.08.2020).

Организаторы поездок за свою помощь, консультации, сопровождение денег не берут. Но выезжающие могут им оплачивать билеты, проживание, питание, хотя далеко не всегда. Порой на свои путевые расходы самим организаторам приходится и копить свои средства в течение определенного времени, и просить помощи, как они выражаются, у «спонсоров» — друзей, родственников. В среднем поездка в 2019 г. в Индию обходилась в 100 тысяч рублей на одного человека, что для жителей Тувы весьма существенная сумма (если учитывать то, что по среднедушевому доходу населения в месяц Тува считается одним из самых бедных регионов России; в 2018 г. — 15603 руб.)¹. Поэтому для такой поездки обычной практикой стало накопление средств в течение года, экономия обычных расходов, урезание бюджета. Хотя тувинцы с относительно высоким уровнем достатка могут и не прибегать к этому варианту, им достаточно получить отпускные или воспользоваться кредитной картой, о чем также говорили нам респонденты.

Выезжают паломники за границу разрозненно, Управление Камбы-ламы Республики Тыва в этом деле практически не участвует (оно до сих пор не имеет актуального сайта в Интернете, только ведутся страницы в социальных сетях), и даже если служащие в нем ламы занимаются организацией поездок, то это является практически их личным делом. Информация в первые годы передавалась из уст в уста, впоследствии распространились мессенджеры (наиболее популярный в Туве ныне — Viber, а из социальных сетей — «ВКонтакте»), в них появились общие чаты, группы, страницы. Также паломники ориентируются на информацию, которая размещается на сайтах: фонда «Сохраним Тибет» (<http://savetibet.ru/>), русскоязычного сайта Его Святейшества Далай-ламы XIV (<https://ru.dalailama.com/>), Централизованной буддийской организации Дже Цонкапа (<http://geshe.ru/>) и др. Люди иногда едут в одиночку, семейными группами, но чаще всего объединяются в малые или большие группы, стараются брать с собой детей, даже маленьких. Оформляют сообща визы, покупают вместе или по отдельности билеты, отправляются при помощи своих организаторов-сопровождающих из Тувы, а также присоединяются к группам паломников из Элисты, Москвы. Коллективные выезды удобнее, безопаснее, т. к. впервые выезжающие боятся потеряться, не владеют иностранными языками, не знают маршрутов, условий, цен и им важно иметь с собой опытного человека.

Соответственно, общей статистики тувинского паломничества нет, как и нет суммарных количественных данных по буддийским паломничествам калмыков и бурят. Нам говорили респонденты-организаторы, что на учения Далай-ламы выезжают ежегодно от 100 до 300 тувинцев в отдельные годы. Но в целом, очевидно, можно насчитать 300–500 человек в год, отправляющихся в Индию, Китай (Тибет), Непал. И некоторое количество паломников — 100–200 человек — направляется за Далай-ламой в Латвию (об этом — далее) или в другую западную страну, где порой Далай-лама дает учения, например, в Испанию. Но это лишь приблизительные оценки, паломников может быть и больше. По гендерному составу, по словам организатора З., обычно большинство составляют женщины: если едет группа в 30 чел., то только 5 чел. из них будут мужчины (респондент З., жен., 53 г.; ПМА, 2020). По национальному составу — тут наши респонденты имели одно мнение: из Тувы практически всегда едут только тувинцы, русских жителей республики — не бывает.

Маршруты паломничеств

Э.-Б. М. Гучинова в исследовании паломничества буддистов-калмыков отмечает, что в классической его форме самым престижным было путешествие в тибетскую столицу Лхасу — к его главному храму Зуу — к Большому Будде (Гучинова, 2020b: 38–39). В истории тувинского паломничества Тибет также был главным местом, однако, прежде всего для лиц, стремившихся получить ламское звание; миряне ездили на паломничества в Монголию. Сюда они ездили на рубеже XIX–XX в. помолиться в монастырях (Буддизм, 1992: 167), а также поклониться Восьмому Богдо-гэгэну Джебцуну Дамба хутухте² — тувинцы наравне с самими монголами почитали его божеством (Монгуш, 2001: 50).

Сегодня главным местом притяжения буддистов всего мира стало местопребывание Его Святейшества Далай-ламы XIV в индийской Дхарамсале и цель паломнических поездок связана в первую

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. М., 2019. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 12.08.2020).

² Богдо-гэгэн — глава буддийской сангхи Монголии, один из высших лам традиции гелуг, глава традиции джонанг; третье, после Далай-ламы и Панчен-ламы, лицо в тибетском буддизме. Восьмой Богдо-гэгэн, носитель титула Джебцун Дамба хутухта (1870–1924) — известен как Богдо-хан. В 1911 г. стал вождём национальной революции, установившей независимость Монголии от Китая; установил в стране теократическое правление (Буддизм, 1992: 47).

очередь с его учениями. Духовный лидер на них дает объяснения, комментарии по буддийским классическим трактатам, а также посвящения. На подобные мероприятия едут паломники из числа народов, традиционно исповедующих буддизм, а также буддисты с Запада.

По воспоминаниям нашего респондента А., в 2005 г. на Учении Его Святейшества от Тувы было 20 человек, в 2006 г. — стало уже 60 чел., в 2007 г. — 42 чел. (ПМА, 2020). При этом 2007 г. знаменателен тем, что тогда Россия и Монголия проводили дни Российской культуры в индийской Джарамсале Индии и это мероприятие возобновлял главный лама Калмыкии Тело Тулку Ринпоче. Тувинскую делегацию возглавил Камбы-лама Джамбел Лодой¹, организация всей поездки велась Управлением Камбы-ламы Тувы (единственный раз) вместе с фондом «Сохраним Тибет». Возросшее число паломников из буддийских регионов России в Индию на Учения Далай-ламы привело к тому, что с 2009 г. по просьбе ламы Бурятии Ело Ринпоче, верховного ламы Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче и при поддержке главы тувинских буддистов Лобсанга Чамзы (2014–2019 гг.) проводятся отдельные учения для россиян: в 2009–2014, 2016, 2019 гг.²

Общая численность российских паломников (а также из стран СНГ) в 2009 г., по данным Э.-Б. М. Гучиновой, составила 800 чел., в 2010 г. — 1200 чел., а в 2011 г. — 1600 чел. Организаторами выступали Буддийский центр «Ринпоче Багша» (Бурятия), Центральный хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (Калмыкия) и Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» (Москва). Эти учения были и остаются особо востребованными у российских буддистов в связи с невозможностью приезда Далай-ламы в Россию. При этом специальные учения зимой проходят в Индии (обычно в новогодние каникулы, см. фото 2) и весной-летом — в Риге (обычно в майские праздничные и выходные дни). Латвия выбирается организаторами в связи с тем, что она граничит с Россией, а латвийское правительство не боится испортить отношения с КНР, выдавая визу Далай-ламе (Гучинова, 2020b: 35). Правда, там Учения проводятся под другим названием «Учения для стран Балтии и России»³.

Фото 2. Тувинские паломники в резиденции Далай-ламы XIV, Бодхгая, штат Бихар, Индия, 2020 г.

Фото из архива Ю. Р. Хирбээ.

Photo 2. Tuvan pilgrims at the residence of the Dalai Lama XIV, Bodghaya, Bihar, India, 2020.

Photo from the personal archive of Y. R. Khirbe.

¹ Джамбел Лодой (Апыш-оол Шууракайович Сат) избирался Камбы-ламой Тувы дважды — в 2005–2010 гг., а также в 2019 г. Скончался 23 июня 2020 г.

² В 2020 г. Учения проводятся в онлайн-формате из-за пандемии коронавируса.

³ <http://lv.dalailama.ru/?fbclid=IwAR1MxqRbY62oMJqD3KxtkLnObUvrCNCx8VJ2OK9s4jV2Y1b2tRjF5VdjlOc>

По наблюдениям одного из наших респондентов, паломники в Индии преследуют много целей. Помимо учений Его Святейшества Далай-Ламы, они посещают медицинские центры, чтобы их осмотрели доктора восточной медицины: проверили пульс, диагностировали их состояние, дали им назначение. Многие паломники посещают астрологов, просят сделать астрологическую карту для себя и родственников, некоторые заказывают гадание. Если у кого-то большие проблемы, они обязательно посещают лам, заказывают большие молебны, где их читают 3000–5000 монахов (считается, что от этого сила молитв больше).

В Индии также совершаются паломничества по святым местам, связанным с жизнью Будды Шакьямуни. Считается важным посетить Бодхгаю, где Будда достиг просветления (*фото 3*); Варанаси, где он даровал свое первое учение о Четырех Благородных Истинах; Шравастии, где Будда провел 25 лет своей жизни, даруя учения; Кушинагар, где он ушел в паринирвану и многие другие святые места. Наши организаторы говорили о том, что выезжающие с ними в составе групп земляки могут уже в ходе поездки разделиться на несколько человек и по желанию посещать интересующие их места отдельно. Помимо этого, им рекомендуется заранее брать визы для выезда из Индии в Непал, где расположены буддийские святыни в долине Катманду: ступы Боднатх, Сваямбунатх, храмы. Из Дхарамсалы туда можно добраться маршрутом: автобусом до Нью-Дели, поездом и джипом до непальской границы. Отдельно малыми группами паломники ездят сами и в китайский Тибет, где традиционными местами паломничества считаются монастыри г. Лхаса и других местностей, пещеры, озеро Манасаровар, гора Кайлас и др.

Фото 3. Группа буддистов из Тувы, Забайкалья и Москвы совершали подношение воды и цветов в саду храма Махабодхи в г. Бодхгае, штат Химчал-Прадеш, январь 2016 г. Фото из архива Р. Х. Джалиловой.
 Photo 3. A group of Buddhists from Tuva, Transbaikalia and Moscow in the town of Bodh Gaya, Himachal Pradesh, January 2016. Photo from the personal archive of R.Kh. Dzhaililova.

Традиционным буддийским направлением для тувинцев также осталась Монголия. Центром притяжения буддистов в этой стране остался крупнейший буддийский монастырь в Улан-Баторе Гандантэгчэнлин, который не закрывался в советские годы. Кроме всего прочего, данное направление и одно из самых экономичных, поскольку тувинцы могут добираться туда на автомашинах через российско-монгольскую границу.

Если говорить о внутреннем паломничестве в пределах России, то для тувинских паломников привлекательна прежде всего Бурятия с Иволгинским дацаном (построен в 1945 г., единственный действовавший буддийский храм СССР), а также ретритами¹ (фото 4) на берегу оз. Байкал (см. также: Содномпилова, Аманголова, 2020).

Фото 4. Борьба хуреш во время пикника. Ретрит в Байкальском медитационном центре под руководством Досточтимого геше Джампа Тинлея. Байкал, 2015 г. Фото Чойган Кужугет, из архива А. А. Конгу.

Photo 4. A khuresh wrestling match during a picnic. A retreat at the Baikal meditation center led by the Honorable geshe Dzhampa Tinlei. Baikal, 2015. Photo by Choigan Kuzhuget, from the archive of A. A. Kongu.

В г. Кызыле, например, работают буддийский центр «Манджушри»², молодежная организация «Субедейниң агымы», которые собирают своих членов на коллективные выезды для участия в ретритах по Ламриму³ на байкальских берегах. Значимые места для тувинских буддистов также: Дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге (отмечающий в этом году 105-летие), а также хурул «Золотая обитель Будды» в Калмыкии, открывшийся в 2005 г. Внутреннее паломничество в пределах самой Тувы также развивается (к местным храмам, в том числе в недавно реконструированному Устуу хурээ в Дзун-Хемчикском кожууне, к месту Бурган Изи (След Бога) около с. Целинное Кызылского района, а также к субурганам и пр.).

Так, основных направлений зарубежного буддийского паломничества тувинцев три: южный (Индия, Непал, Тибет), юго-восточный (Монголия) и западный (Латвия и другие западные страны, где объявляется очередное учение Его Святейшества Далай-ламы XIV). Внутренних, российских главных направлений также три: восточное — Бурятия, западное — Калмыкия и северо-западное — Санкт-Петербург (см. общую схему маршрутов на рис. 1).

¹ Ретрит (от английского слова *retreat* — «затворничество», «уединение», «удаление от людей») — времяпрепровождение, которое посвящено медитативным практикам, уходу от плохих мыслей, мирской суеты.

² Созданный с благословения досточтимого Учителя Геше Джампа Тинлея, см.: Буддийские центры, созданные с благословения досточтимого Учителя Геше Джампа Тинлея [Электронный ресурс] // Централизованная религиозная буддийская организация Дже Цонкапа. URL: <http://geshe.ru/node/165> (дата обращения: 12.08.2020).

³ Ламрим — руководства к ступеням Пути к полному Пробуждению в соответствии с учением Будды, распространённая среди тибетских буддистов. В буддийской традиции существует много разных версий Ламрима. Тувинские буддисты, как и другие российские, знакомы с переводной книгой: «Чжэ Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения = lam rim chen mo» в переводе А. Кугявичюса, под редакцией А. А. Терентьева. (3-е изд. СПб.: Нартанг, 2010).

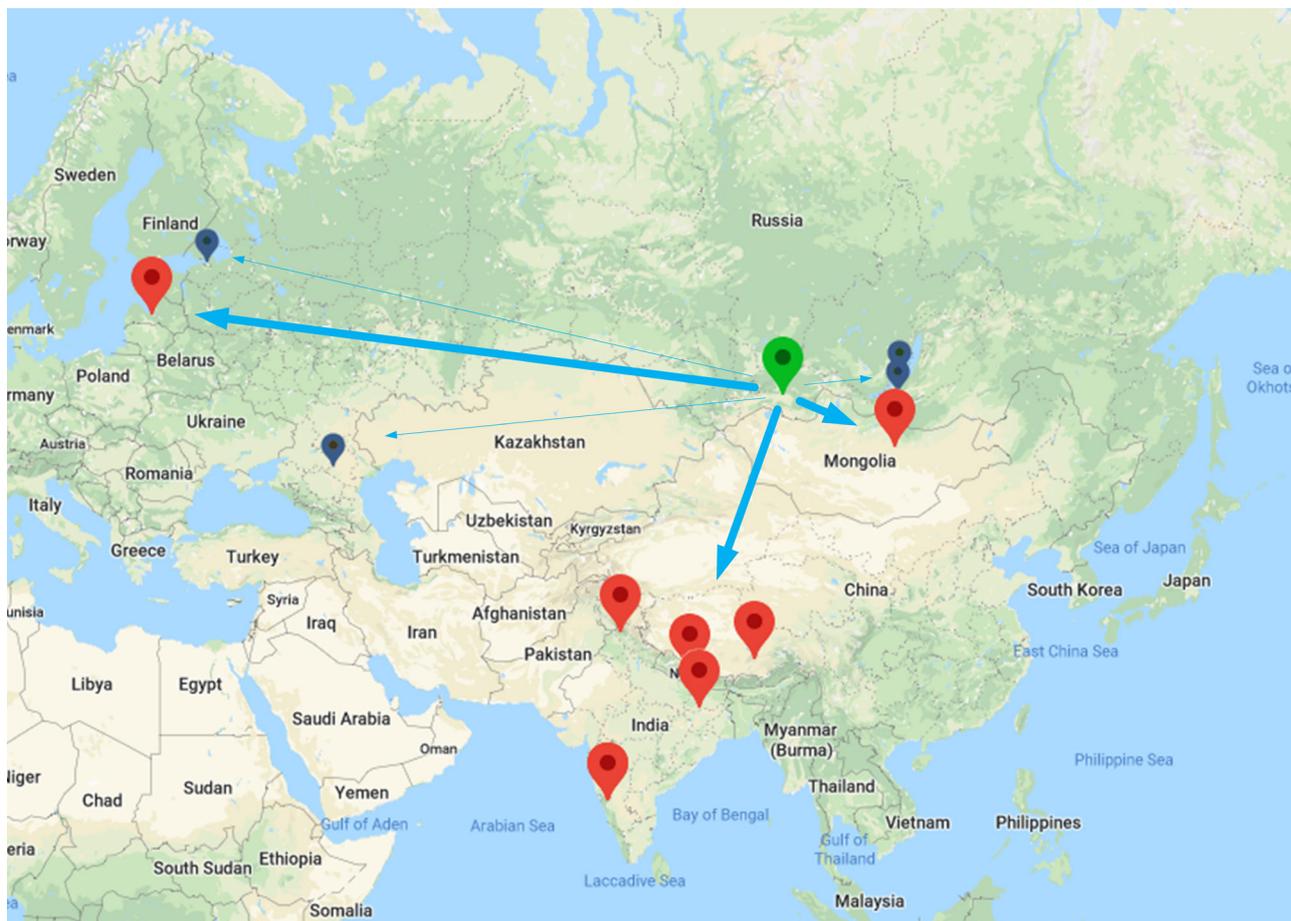

Рис. 1. Общая схема маршрутов паломничеств тувинских буддистов: в пределах России (тонкие голубые стрелки и синие метки) и за пределы страны (голубые широкие стрелки и красные метки)¹. Нарисовано на основе карты Google.Maps.

Fig.1 The general pilgrimage map of Tuvan Buddhists: within Russia (blue marks, thin blue arrows) and outside Russia (red marks and bold blue arrows).

От буддистов по традиции — к буддистам по вере

Наши беседы с тувинскими паломниками выявили одну общую закономерность. Сначала респонденты считали себя буддистами по традиции (как результат простого самоотождествления личности с религиозным учением, см.: Мчедлова, 2017: 335), и лишь по мере взросления, духовных поисков они стали понимать, что этого недостаточно, и им надо стать буддистами по вере — людьми, которые разделяют постулаты религиозного учения:

«Я знал, что быть буддистом — это родиться в Туве, ходить в хурээ, ну и ставить чула²»; «... просто поставил свечку в хурээ и ждал хорошего. И ламу звали домой» (респондент Б., муж., 31 год; ПМА, 2020);

«У меня бабушка с дедушкой, родители жили с большим уважением к ламам, так мы и росли, понимая себя буддистами», «Отец моей мамы, мой дедушка был ламой», «Ребенок не понимает, в какой среде он растет, и поскольку он в этом находится, он не понимает, что это может быть чем-то отдельным, он воспринимает это как единое целое. Я думаю, все вокруг, наверное, живут и воспитывают детей так...» (респондент З., жен., 52 года; ПМА, 2020);

«...Я просто ходила в хурээ из-за того, что люди туда ходили. Я особо не задавалась вопросами религиозными. Просто чисто физическое тело приносила туда и все. Ничего не происходило на самом деле. А осознанно начала ходить в студенческие годы» (респондент А., жен., 29 лет; ПМА, 2020);

¹ В данной схеме даны только направления, без учета реальных маршрутов, связанных с местами сборов, пересадками, транзитными городами.

² Т. е. зажигать свечку.

«В Туве почти все считают себя буддистами, ходят в хурээ на молитвы, например, студенты перед тем, как сдать экзамены — тоже», «Мы думаем, что мы — буддисты, а потом, когда ты уже начинаешь учить буддийскую философию, понимаешь, что ты — никто и вообще ничего не знаешь...» (респондент К., жен., 31 год; ПМА, 2020).

Эта особенность позволяет понять, что несмотря на высокие показатели числа буддистов, которые показывают традиционные социологические опросы в Туве (как и в других буддийских регионах)¹, буддистов, знающих основы учения, занимающихся буддийскими практиками (буддистов по вере), — все же значительно меньше.

Что становится для людей поворотным пунктом, чтобы они поняли свою неосведомленность, осознали желание учиться, приобщиться к религиозной вере — к буддизму? В ходе наших бесед мы увидели пути, которые исследователи и проповедники и считают главными для обретения человеком веры: желание найти ответы на философские вопросы; попытки найти решение личных, семейных проблем; мистический опыт и встреча с духовным учителем.

И сами паломники, и организаторы паломничества утверждают, что первая поездка может быть связана с любопытством, с желанием увидеть самого известного буддийского учителя современности и просто посмотреть другую страну как туристы. Разовые цели, например, ставят люди старшего поколения, как говорит Аян-оол башкы:

«Старшее поколение считает, что им надо хотя бы раз в жизни успеть посетить святые места. Еще они хотят посмотреть знаменитые индийские города, в том числе, например, Мумбаи» (ПМА, 2020);

«Иногда смотрю на людей и вижу, что они подготовленные, начитанные. ... Порой приходят со словами: “У меня есть лошади, скот... Ухаживая за ними, так и живу, не видя других мест... С вами бы побывать в Непале, на реке Ганг, потрогать хоть разок святое дерево Бодхи, прислонить голову к нему и вернуться. После этого в этой жизни ни о чем бы не жалела”. Так мне говорила одна женщина, я даже умилился» (ПМА, 2020).

Наши паломники в подобных случаях сначала ведут себя как туристы. Но тем не менее, они не простые туристы, а те, которые относятся к разряду религиозных туристов, ищущих знания.

Тут надо сказать, что есть ряд исследователей паломничества, которые считают некорректным применять к нему термины, заимствованные из туристической индустрии: «тур», «паломнический тур» и пр. (напр.: *Житнев, 2012*: 18). Русская Православная Церковь также выступает против коммерциализации паломничества и необходимость законодательного разделения понятий «паломничество» и «туризм» (там же)². Однако, очевидно, что это конфессиональная позиция. И, как показывают исследования, она может складываться в связи с тем, что принимающая сторона (священнослужители, которые заботятся о святых местах, реликвиях) воспринимает туристов как некую угрозу. Религиозные хозяева считают, что благопристойность и безопасность в религиозных местах могут быть скомпрометированы присутствием туристов. Например, так описывают позицию индуистских общин С. А. Джозеф и А. Кавури (*Joseph, Kavoori, 2001*). Кроме того, опасения может вызывать и влияние массовых посещений на экологию священных мест (*Shinde, 2007*).

Тем не менее, современные формы паломничества стали включать в себя поведение, которое традиционно было типичным для обычного туризма³ (*Mustonen, 2006*). Даже сам туризм был переосмыслен научным знанием. Так, Д. Макканел еще в 1970-е гг. туризм предложил рассматривать как ритуал, выполняемый в соответствии с различными видами дифференциации в обществе, и посещение дос-

¹ Например, в нашем последнем социологическом исследовании религиозности молодежи Тувы 2019 г., мы получили показатель 68,3% считающих себя буддистами (*Бадмаев и др., 2020*: 38).

² Данная позиция была поддержана российскими законодателями: паломническая деятельность относится только к действию Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях (с изменениями на 2 декабря 2019 года)» (статья 17–1), и подчеркнуто не относится к законодательству о туристской деятельности (статья 2). См.: О свободе совести и о религиозных объединениях (с изменениями на 2 декабря 2019 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9040821>; Об основах туристской деятельности в Российской Федерации (с изменениями на 8 июня 2020 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9032907> (дата обращения: 12.08.2020).

³ Соотношение нынешних форм и практик паломничества и туризма позволяют в целом обсуждать тему соотношения, взаимодействия между религиозным и светским, традиционным и современным (*Bremer, 2004*).

топримечательностей трактовать как своего рода коллективное стремление превозмочь разрыв современности, объединить фрагменты в общий опыт. Движущей силой туристов он считает дефицит подлинности в их повседневной жизни, и поэтому главная их потребность состоит в переживании этой подлинности (Макканел, 2016; Кормина, 2019: 40). Это и сближает его с паломниками.

В обсуждениях форм буддийского паломничества также присутствуют различия религиозного и светского видов. Во втором случае речь идет о паломничестве людей, проявляющих интерес к буддийским святыням мирян-небуддистов (Ерохина, 2019: 135–136). И, очевидно, этот опыт паломничества мирян — в форме религиозного туризма позволяет в дальнейшем им развить в себе интерес к буддизму настолько, что способствует именно внутреннему переходу от «буддиста по традиции» — к «буддисту по вере». Разумеется, такой путь проходят не все, но тем не менее, именно так интерпретируют туристов и их потенциал сами буддийские монахи, которые выступают принимающей стороной паломников-туристов. Как показали в своем исследовании К. Вонг, А. Макинтош и К. Райан (Wong, McIntosh, Ryan, 2013), монахи одного из китайского буддийского монастыря полагают, что не следует воспринимать мирскую классификацию посетителей в строгом и абсолютном смысле, что личность каждого человека может меняться с течением времени. Если вначале туристы, даже просто отдыхающие (т. н. культурные туристы), приезжают, мало или ничего не зная о буддизме, и они могут жечь благовония только для удовольствия, тем не менее все они несут в себе «семя буддиста» (*Buddhist's seed*). Пройдет время, их «семя буддиста» вырастет, природа желаний расширится за пределы их собственного благополучия, чтобы в конечном счете охватывать всех живых существ. Тогда они перейдут из начальной стадии веры в буддизм к стадии обучения у Будды и поиску самопросветления (там же: 226). Так, «постепенный процесс посвящения и понимания буддизма в конечном счете приведет буддийскую природу индивидуума к прогрессу от спящего режима, относящегося к будущему буддисту, к более пробужденному режиму, относящемуся к буддийскому практикующему» (там же: 228). Таким образом, для буддистов нет жестких противопоставлений паломников от туристов. Большинство опрошенных исследователями респондентов-монахов воспринимают туризм положительно, потому что видят в нем канал, позволяющий большему количеству людей узнать о буддизме даже ценой влияния на их монашескую жизнь (там же: 229).

Известно, что сам Далай-лама XIV положительно относится к международному туризму, который он расценивает как средство «для улучшения личных контактов между людьми во всём мире» (Тензин Гяццо ..., 2000: 299). А цель паломничества он видит в душевном воодушевлении каждого человека:

«Визит в Бодх-Гаю стал для меня источником глубокого вдохновения. Любой верующий буддист всегда связывает Бодх-Гаю с тем, что в нашем религиозном и культурном наследии является наиболее возвышенным и почитаемым. С самого детства я думал и мечтал об этом визите и вот теперь я стоял на том священном месте, где святая душа, достигшая Махапаринирваны — высшей Нирваны, нашла путь к спасению для всех существ. Когда я стоял там, мое сердце переполнило чувство духовного воодушевления и оставило меня в задумчивости о том знании и воздействии божественной силы, которая есть в каждом из нас» (там же: 153).

Такой же момент прорастания «семян буддиста», духовного воодушевления продемонстрировали нам в рассказах о личных историях наши респонденты. Например:

«Приезжаешь с чисто интеллектуальным интересом... А потом с молитвами это приходит само собой. Ты уже видишь, что это работает. Ты уже видишь эту защиту... уже понимаешь, что находишься под защитой трёх драгоценностей...», «Потом я начала пересматривать свои жизненные принципы. Оказывается, это придает силу духа, а сила духа приходит от знаний... Ты уже знаешь, как себя вести, начинаешь чувствовать тонкие буддийские практики...» (респондент Ч., жен., 40 лет; ПМА, 2020).

Так, наши паломники едут как туристы, однако, как туристы, имеющие религиозные цели: увидеть, поклониться, приобщиться, получить новые знания и особые впечатления. И тем самым подпитать

Трактовка самой религии как общественно-сконструированного явления позволило говорить о том, что как и все социально сконструированные миры, религия — это неустойчивое явление, зависимое от историко-культурных условий (Бергер, 2019: 41–42). Так, расшаталось представление о религии как нечто само собой разумеющемся (Узланер, 2020). В том числе стало возможным говорить о видах паломничества — религиозном и светском, разница между которыми заключается в контекстах их формирования и бытования, а также в объектах поклонения (Калужникова, 2007: 7–8). Светское паломничество понимается практически как синоним религиозного туризма, для которого приоритетными целями являются образование, отдых и развлечение, и только потом — религиозные и духовно-нравственные цели (Павличенко, Давыденко, 2018: 137).

Фото 5. Паломница из Тувы Юлия Романовна Хирбээ, Бодхгая, штат Бихар, Индия, 2020 г. Фото из архива Ю. Р. Хирбээ.
Photo 5. Yulia Romanovna Khirbee in Bodh Gaya, Bihar, India, 2020.
Photo from the personal archive of Yu.R. Khirbee.

в себе это «семья буддиста», чтобы от буддиста по традиции стать буддистом по вере (фото 5). Поскольку это их начало пути, то религиозные «хозяева» принимают их именно как будущих буддистов.

Расширение сознания

Духовный рост, конечно, процесс сложный, индивидуальный. Поэтому, в целом наши респонденты-организаторы паломничеств относятся к этому вопросу деликатно и с большой терпимостью. Например, в поездках бывает достаточно много проблем, связанных в первую очередь с культурой поведения новых туристов. Буян башкы вспоминает о первых своих попутчиках начала 2000-х годов:

«Поначалу все думали, что это как в советское время: автобус бесплатный, ночлег бесплатный, еда бесплатная. Вели себя порой по-хамски, нагло, мол, везде их все должны пропускать в первую очередь, ухаживать и т. д. ... Все всё требовали и не знали, что такое “спасибо”, “благодарю» (ПМА, 2020).

Ч. М. Тензин также сказала:

«Я замечаю, что люди, особенно когда в первый раз едут, ведут себя несколько потребительски...» (ПМА, 2020).

М. В. Монгуш, наблюдавшая в Дхарамсале самых разных паломников — от прилежно учащих до бесцельно слоняющихся молодых людей, писала о том, что далеко не все осознают, что их сюда влечет, и не всем полезны эти метания: «Когда духовным поиском занята нравственно и социально зрелая личность, это только способствует его дальнейшей эволюции; когда же этим заражается примитивное и убогое существо, то это ведет к настоящему социальному уродству» (Монгуш,

2010: 330).

Поэтому самой главной, популярной целью паломничества, в том числе такого его варианта как светское паломничество или религиозный туризм, который поощряется организаторами паломничеств, остаются учения Далай-ламы (фото 6). Дело в том, что в самом буддизме участие в учениях Его Святейшества Далай-ламы воспринимается далеко не просто, как прослушивание лекций, устная передача некоей суммы знаний. Когда иерарх «зачитывает вслух классическое произведение по философии буддизма, считается, что слушатель не просто воспринимает его содержание на интеллектуальном уровне, но также получает от учителя некий энергетический импульс, способствующий глубокому проникновению в его суть. Этот импульс, который тибетцы называют “благословением линии преемственности”, распространяется не только на нынешнюю жизнь, но и на последующие перерождения» (Далай-лама, 2015: 13).

И откровения наших респондентов показывают нам, какими глубокими могут быть впечатления у них от одного созерцания духовного лидера:

«В 2005 году я впервые в Монголию поехала, чтобы увидеть Его Святейшество Далай-ламу. До этого я ни разу не видела его, поэтому мне очень хотелось побывать на его учениях, посмотреть на живого Будду, получить благословение»; «Я достигла своей цели. Это если судить

Фото 6. Его Святейшество Далай-лама дарует учения для буддистов России в тибетском храме Цуглакханге, Индия, 2019. Фото Тензин Чойджор. Фото с сайта Его Святейшества Далай-ламы XIV.

Photo 6. His Holiness the Dalai Lama presents his teachings to the Buddhists of Russia at the Tibetan temple of Tsuglakkhange, India, 2019, Photo by Tenzin Choidzhor. Photo courtesy of the website of His Holiness the Dalai Lama XIV.

с мирской точки зрения. Если в духовном аспекте, то получить благословение от такого великого наставника, учителя, это, наверно, для каждого важно, т. к. дарит душевное спокойствие, чувство удовлетворения» (респондент Р., жен., 42 года; ПМА, 2020);

«Поехала, вообще, чтобы увидеть Далай-Ламу... Чтобы совместить приятное с полезным, т. е. попутешествовать. Вообще это все было спонтанно, я не планировала. Подруга сказала: “Поехали?!”, мы начали бронировать места, купили билеты и т. д.», при встрече с Далай-ламой: “Мы все ждали около гостиницы. Вся толпа была у входа, там были железные ограды, все ждали и ждали... Его Святейшество вышел и начал всех приветствовать. Он начал всех благословлять, он улыбался, и он показался мне... Все остальные люди показались мне тусклыми, а он был такой сверкающий. Не знаю, почему-то он был поярче. Или может быть это просто мое, как бы, предубеждение, но я сама удивилась такому впечатлению...» (респондент Е., жен., 29 лет; ПМА, 2020);

«Я считаю, что все, что идет от Его Святейшества Далай-ламы — самое важное»; «Я точно не знаю, как ... это полезно. Каждый для себя определяет, почему это для него полезно. Для меня, в частности, такие учения — это как, в жизни план “Б”. В конечном счете все равно мне приходится покинуть этот мир, и буддийские учения дают такие наставления, которые помогают тебе немножко подготовиться. Рано или поздно эта жизнь закончится, и надо подготовиться к следующей жизни» (респондент Э., муж., 31 г.; ПМА, 2020).

Помимо этого, организаторы паломничества поощряют общую любознательность своих подопечных, настроенных сначала как туристы:

«Вы хотите поехать только на 3 дня посмотреть на Далай-ламу? Лучше рассчитывайте на 7 дней, это будет очень хорошо, вы потом сами поймете. И они потом действительно говорят мне: “Иии! И правда хорошо, что вы нас направили, а то мы по незнанию действительно всего пару дней бы побывали”... Я говорю: “Вы заодно не только Далай-ламу увидите, но увидите других учителей, святые места увидите. Это большая удача. Можете на 7–10 дней остаться, разве у вас будут еще деньги снова вернуться?”. Они потом соглашаются. “Когда вы летите на Гоа¹, Гоманг дацан заодно рядом посетите, это такой большой хурээ. В Дхарамсале таких больших нет, весь

оплот учения находится только на юге». Когда настаиваю, мне отвечают: «Нет-нет, все нормально, мы только посмотрим на Далай-ламу». Тем не менее, они и Гоа посетят, и Гоманг дацан увидят, потом говорят: «Ии! И правда, вы нас правильно сподвигнули!». Поэтому начинающих людей можно так наставлять...» (респондент З., жен., 52 года; ПМА, 2020).

В конечном счете эти новые впечатления помогают сознанию расширяться, людям — меняться, считает Буян башкы:

«Конечно, все люди говорят о том, что они сначала съездили как туристы. Что им дало? Это другая страна, другая культура... В Индии очень много бедных, очень много больных. Очень многие люди страдают физически, морально. Они спят на улице... Вот это было для них шоком и они (туристы, паломники. — Ч. Л., У. Б., А. М.) начали ценить то, что у нас бесплатно. Много денег дают, есть различные государственные программы. Что у нас земли много, а там в Индии свободной земли почти нет. Поэтому это дает им ценность жизни и меняться в лучшую сторону» (ПМА, 2020).

Так, опекающие паломников ламы, буддисты — организаторы паломничества, стараются вести своих подопечных по пути пробуждения в них «семян буддизма» к расширению сознания, что позволит им стать буддистами по вере.

Заключение

Наши интервью с паломниками, записанные в феврале–марте 2020 г., были выполнены на фоне стремительно меняющихся социальных условий: в мире разразилась пандемия COVID-19 и большинство стран приняли жесткие меры по нераспространению этого вируса, в том числе закрыв границы, посадив население на карантин или самоизоляцию. Сама расшифровка аудиозаписей и анализ уже проходили в условиях самоизоляции как авторов статьи, так и наших респондентов. Весь текущий год изменил планы огромного числа людей. Общественность и социальная наука заговорили о новой норме (*new normal*) в повседневной жизни. Элементами *new normal* стали: дистанцирование, минимизация контактов и перемещений людей. В этих условиях особую актуальность приобрело перемещение паломничества (как и других видов социальной активности) в киберпространство, уже знакомое, но настолько широко не использовавшееся (Павличенко, 2015). Его Святейшество Далай-лама XIV стал давать учения из своего офиса в режиме онлайн-трансляций². Но мы полагаем и надеемся на то, что это лишь временная ситуация, которая разрешится, и мир снова вернется к своим прежним социальным нормам, в том числе в плане паломнических движений.

В целом, в отличие от направления калмыцкого паломничества, которое организуется во-многом при помощи сангхи хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (Гучинова, 2020b), тувинское паломничество — как внешнее, так и внутреннее — развивается в большей степени как стихийный процесс. Движение не имеет централизованной организации, не поддерживается ни церковью, никакими организациями и тем более — правительством республики. Несмотря на организационные сложности, на затратность поездок, тувинские буддийские паломники под опекой специальных организаторов-сопровождающих стремятся выезжать на буддийские учения в центры мирового буддизма, тем самым развивая зарубежное паломничество.

Однако, не все так гладко в этом движении. Как считает настоятель монастыря Дрепунг Гоманг, геше-лхарамба Лобсанг Гьялцен, на встрече с руководством Тувы в 2019 г. в г. Кызыле: «буддизм в Туве, если смотреть в целом, несколько увядает»³. Его волнует возможность реализации тувинских хуураков (на тот момент 17 юношей, обучающихся в данном монастыре) на родине, а также вопросы поддержки для мирян и всех тех, кто хочет постичь буддизм, но у которых нет двадцати лет на полное обучение. Гость выразил мнение, что «интерес к этому учению у тувинцев держится скорее из-за традиции, то есть как бы по инерции, но спасения в нем они не находят»⁴. Поэтому движение нуждается и в последующем обстоятельном изучении, и в организационной поддержке, о чем нам также говорили наши респонденты.

¹ Гоа — штат на юго-западе Индии, популярный у российских туристов.

² Архив 2020 год [Электронный ресурс] // Его Святейшество Далай-лама XIV. URL: <https://ru.dalailama.com/schedule/2020-schedule-archive> (дата обращения: 12.08.2020).

³ Константинов В. Изучение буддизма на священной индийской земле [Электронный ресурс] // Плюс информ. 2019, 28 августа. URL: <https://plusinform.ru/publication/631> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴ Там же.

Благодарности

Благодарим всех наших респондентов, любезно согласившихся на беседы, а также предоставивших фотографии с поездок. Спасибо большое за справки, консультации Э.-Б. М. Гучиновой (Калмыцкий научный центр РАН), Юлии Жиронкиной (Фонд «Сохраним Тибет»); за прорисовку карты — А. С. Папыну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, Н. В., Хомушку, О. М., Бичелдей, У. П. (2013) Буддизм в Центральной Азии: история, основы учения и культура: учебное пособие. Кызыл : ТувГУ. 131 с.

Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2020) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Бергер, П. (2019) Священная завеса. Элементы социологической теории религии : пер. с англ. Р. Сафронова. М. : Новое литературное обозрение. 208 с.

Буддизм (1992): Словарь / Абаева Л. Л., Андросов В. П., Бакаева Э. П. и др.; под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. М. : Республика. 288 с.

Ваторпин, А. С., Костина Н. Б., Подергина, Е. Е. (2017) Трансформация феномена паломничества в современном обществе // Дискуссия. № 7. С. 54–62.

Гидденс, Э. (1999) Социология. М. : Едиториал УРСС. 704 с.

Гучинова, Э.-Б. М. (2020а) Паломничество как путь к вере: опыт социального конструирования религиозности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1 (38). С. 152–176. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-152-176>

Гучинова, Э.-Б. М. (2020b) С красной кистью и желтым галстуком: о специфике калмыцкого паломничества // Этнографическое обозрение. № 2. С. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009603-3>

Далай-лама (2015) Вспышка молнии во мраке ночи. Краткий комментарий к «Бодхичарья-аватаре» Шанти-девы: пер. с англ. и общ. ред. Ю. Жиронкиной, науч. ред. Б. Загуменнов. М. : Фонд «Сохраним Тибет». 176 с.

Дариева, Ц. А., Гучинова Э.-Б. М. (2020) Исследуя современное паломничество у монголоязычных народов России // Этнографическое обозрение. № 2. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009601-1>

Ерохина, М. В. (2019) Буддийское паломничество в Индии: история и современность // Asiatica: Труды по философии и культуре Востока. Т. 13, № 2. С. 122–140.

Житенев, С. Ю. (2010) Религиозное паломничество : межкультурные коммуникации и цивилизационный контекст : автореф. дисс. ... канд. ккультурологии. М. 26 с.

Житенев, С. Ю. (2012) Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М. : Индрик. 186 с.

Жуковская, Н. Л. (1992) Ламаизм в Туве // Буддизм: Словарь / Абаева Л. Л., Андросов В. П., Бакаева Э. П. и др.; под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. М. : Республика. 288 с. С. 167–168.

Жуковская, Н. Л. (2013) О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М. : Ориенталия. 240 с.

История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. (2010) / под общ. ред. Н. Г. Очировой. М. : Фонд современной истории. 392 с.

Калужникова, Е. А. (2007) Паломничество как ритуал : сущность и культурно-исторические типы : автореф. дис. ... кандидата культурологии. Екатеринбург. 23 с.

Кормина, Ж. В. (2019) Паломники. Этнографические очерки православного номадизма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 351 с.

Ламажаа, Ч. К. (2019) Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

Макканелл, Д. (2016) Турист. Новая теория праздного класса / пер. А. Боровикова, Е. Изотова. М. : Ад Маргинем Пресс. 279 с.

Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве : историко-этнографическое исследование. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука. 200 с.

Монгуш, М. В. (2010) Индийская мозаика (часть первая) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. С. 311–331. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/585> (дата обращения: 03.08.2020).

Мунхбат, Д. (2018) Паломничество монголов: традиции и современность // Народы и религии Евразии. Т. 2, № 15. С. 79–84. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)2-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)2-07)

Мчедлова, М. М. (2017) Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир. 992 с. С. 334–339.

Павличенко, З. Ю. (2015) Паломничество в киберпространстве // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Т. 15, № 12. С. 106–109.

Павличенко, З. Ю., Давыденко, М. В. (2018) Паломничество и религиозный туризм в Центральной Азии как форма межцивилизационных контактов // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. № 2. С. 136–139. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)2-23](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-23)

Паломничество и религиозный туризм: многообразие интерпретация (2011) : сборник статей / редкол.: И. Е. Викулов (отв. ред.) и др. Владимир : Изд-во Владимирского гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. 209 с.

Содномпилова, М. М., Аманголова, Д. Д. (2020) Традиционные и новые места религиозного паломничества в Бурятии // Этнографическое обозрение. № 2. С. 47–60. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009604-4>

Тензин Гьятцо (Далай-лама XIV) (2000) Моя страна и мой народ. Воспоминания Его Святейшества Далай-ламы XIV / пер. А. Терентьева. СПб.: Нартанг ; Corvus. 320 с.

Узланер, Д. (2020) Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. 187 с.

Уланов, М. С., Бадмаев В. Н., Андреева А. А. (2020) Феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков // Былые годы. Т. 56, выпуск 2. С. 398–406. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.398>

Феномен паломничества в религиях: священная цель, священный путь, священные реликвии (2006) : материалы XIII Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений / науч. ред. и сост. Т. Н. Дмитриева, И. Х. Черняк. СПб. : Гос. музей истории религии. 147 с.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Наука. 177 с.

Хомушку, О. М. (2005) Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : РАГС. 225 с.

Хомушку, О. М., Кухта, М. С. (2016) Этноконфессиональный фактор в духовном возрождении Тувы: социально-философский анализ // Oriental Studies. № 27(5). С. 119–126.

Цыремпилов, Н. В. (2020) Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. № 2. С. 13–31. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009602-2>

Эрендженова, Ю. Ю. (2020) Священные объекты в религиозной культуре российских буддистов: интенции и прaxis // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (46). С. 124–130.

Bremer, T. S. (2004) Blessed with tourists: The borderlands of religion and tourism in San Antonio. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press. 207 p.

Coleman, S. (2002) Do You Believe in Pilgrimage? Communitas, Contestation and Beyond // Anthropological Theory. Vol. 2(3). P. 355–368.

Collins-Kreiner, N. (2010) Researching pilgrimage: Continuity and Transformations // Annals of Tourism Research. Volume 37, Issue 2. P. 440–456. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2009.10.016>

Joseph, C. A., Kavoori, A. P. (2001) Mediated resistance. Tourism and the host community // Annals of Tourism Research. № 28(4). P. 998–1009.

Kim, B., Kim, S., King B. (2020) Religious tourism studies: evolution, progress, and future prospects // Tourism Recreation Research. Vol. 45. P. 185–203. DOI: <https://doi.org/10.1080/02508281.2019.1664084>

McIntosh, I. S. (2020) Pilgrimage: Walking to Peace, Walking for Change. Xlibris Corporation. 250 p.

Mustonen, P. (2006) Volunteer Tourism: Postmodern Pilgrimage? // Journal of Tourism and Cultural Change. Vol. 3, issue 3. P. 160–177. DOI: <https://doi.org/10.1080/14766820608668493>

Shrines and pilgrimage in the modern world: New itineraries into the sacred (2008) / Ed. by P. J. Margry. Amsterdam University Press. 364 p.

Shinde, K. (2007) Pilgrimage and the Environment: Challenges in a Pilgrimage Centre // Current Issues in Tourism. Vol. 10, issue 4. P. 343–365. DOI: <https://doi.org/10.2167/cit259.0>

Raj, R., Griffin, K. (ed.) (2015) *Religious Tourism and Pilgrimage Management. An International Perspective*. 2nd ed. DOI: <https://doi.org/10.1079/9781780645230.0000>

Reframing pilgrimage : cultures in motion (2004) / ed. by S. Coleman and J. Eade. London ; New York : Routledge. 197 p.

Sellner, E. C. (2004) *Pilgrimage: Exploring A Great Spiritual Practice*. Ave Maria Press. 220 p.

Turner, V., Turner, E. (1978) *Image and Pilgrimage in Christian Culture*. Columbia University Press. 344 p.

Wong, C. U. I., McIntosh, A., Ryan, C. (2013) Buddhism and tourism perceptions of the monastic community at Pu-Tuo-Shan, China // *Annals of Tourism Research*. Vol. 40. P. 213–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2012.09.004>

Дата поступления: 24.08.2020 г.

REFERENCES

Abaev, N. V., Khomushku, O. M. and Bicheldey, U. P. (2013) *Buddizm v Tsentral' noi Azii: istoriia, osnovy ucheniia i kul'tura [Buddhism in Central Asia: history, basic teachings, and culture]: a textbook*. Kyzyl, TuvGU. 131 p. (In Russ.).

Badmaev, V. N., Ulanov, M. S., Lamazhaa, Ch. K., Bicheldey, U. P., Antonov, V. I. And Ochirova, O. A. (2020) Rossiia i buddiiskii mir glazami molodezhi Tuvy, Buriatii i Kalmykii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>

Berger, P. (2019) *Sviashchennaia zavesa. Elementy sotsiologicheskoi teorii religii [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion]: transl. from Engl. by R. Safronova*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p. (In Russ.).

Buddizm [Buddhism] (1992): A dictionary / Abaeva L. L., Androsova V. P., Bakaeva E. P. et al., ed. by N. L. Zhukovskaya, A. N. Ignatovich and V. I. Kornev. Moscow, Respublika. 288 p. (In Russ.).

Vatorpin, A. S., Kostina N. B. and Podergina, E. E. (2017) Transformatsiia fenomena palomnichestva v sovremennoe obshchestve [Pilgrimage phenomenon's transformation in the modern society]. *Discussion*, no. 7, pp. 54–62. (In Russ.).

Giddens, A. (1999) *Sotsiologiya [Sociology]*. Transl. from Engl. Moscow, Editorial URSS. 704 p. (In Russ.).

Guchinova, E.-B. M. (2020a) Palomnichestvo kak put' k vere: opyt sotsial'nogo konstruirovaniia religioznosti [Pilgrimage as a Path to Faith: an Essay on a Social Construction of Religiosity]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1 (38), pp. 152–176. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-152-176>

Guchinova, E.-B. M. (2020b) S krasnoi kist'iu i zheltym galstukom: o spetsifike kalmytskogo palomnichestva [With a Red Brush and Yellow Tie: On Specificities of the Kalmyk Pilgrimage]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 32–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009603-3>

Dalai-lama (2015) *Vspyshka molnii vo mrake nochi. Kratkii kommentarii k «Bodkhichar'ia-avatare» Shantidevy [A flash of lightning in the dark of the night. A brief commentary on Shantideva's Bodhicharya avatar] : Transl. from Engl. and ed. by Yu. Zhironkina and B. Zagumennov*. Moscow, Fond «Sokhranim Tibet». 176 p. (In Russ.).

Darieva, Ts. A., Guchinova E.-B. M. (2020) Issleduiia sovremennoe palomnichestvo u mongoloiazychnykh narodov Rossii [Exploring Contemporary Pilgrimage among the Mongolian Speaking Peoples of Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009601-1>

Erokhina, M. V. (2019) Buddiiskoe palomnichestvo v Indii: istoriia i sovremennost' [Buddhist pilgrimage in India: history and modernity]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, vol. 13, no. 2, pp. 122–140. (In Russ.).

Zhitenev, S. Yu. (2010) *Religioznoe palomnichestvo : mezhkul'turnye kommunikatsii i tsivilizatsionnyi kontekst [Religious pilgrimage : cross-cultural communications and civilizational context] : Thesis of Diss. ... Candidate of Cultural Studies*. Moscow. 26 p. (In Russ.).

Zhitenev, S. Yu. (2012) *Religioznoe palomnichestvo v khristianstve, buddizme i musul'manstve: sotsiokul'turnye, kommunikatsionnye i tsivilizatsionnye aspekty [Religious pilgrimage in Christianity, Buddhism, and Islam: sociocultural, communication, and civilizational aspects]*. Moscow, Indrik. 186 p. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (1992) Lamaizm v Tuve [Lamaism in Tuva]. In: *Buddizm [Buddhism] : A dictionary / Abaeva L. L., Androsova V. P., Bakaeva E. P. et al., ed. by N. L. Zhukovskaya, A. N. Ignatovich and V. I. Kornev*. Moscow, Respublika. 288 p. Pp. 167–168. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (2013) *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let. 1969–2011 [Of Buddhism and Buddhists. Articles of different years 1969–2011]*. Moscow, Orientalia. 240 p. (In Russ.).

Istoriia buddizma v SSSR i Rossiiskoi Federatsii v 1985–1999 gg. [The history of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1990] (2010) / ed. by N. G. Ochirova. Moscow, Fond sovremennoi istorii. 392 p. (In Russ.).

Kaluzhnikova, E. A. (2007) *Palomnichestvo kak ritual : sushchnost' i kul'turno-istoricheskie tipy [Pilgrimage as a ritual: its essence and cultural and historical types]: Thesis of Diss. ... Candidate of Cultural Studies*. Ekaterinburg. 23 p. (In Russ.).

Kormina, J. V. (2019) *Palomniki. Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma [Pilgrims: Ethnographic Sketches of the Orthodox Nomadism]*. Moscow, HSE Publishing House. 351 p. (In Russ.). DOI: doi.org/10.17323/978-5-7598-1939-4

Lamazhaa, Ch. K. (2019) Geokul'turnye obrazy buddiiskogo mira tuvintsev: istoricheskii kontekst i sovremennost' [Geocultural images of the Tuvan Buddhist world: historical context and modernity.]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 27-40. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

MacCannell, D. (2016) *Turist. Novaia teoriia prazdnogo klassa [The tourist: a new theory of the leisure class]* / transl. by A. Borovikov and E. Izotov. Moscow, Ad Marginem Press. 279 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve : istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Lamaism in Tuva: a historical and ethnographic study]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) Indiiskaia mozaika (chast' pervaiia) [The Indian mosaic (Part one)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 311–331 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/585> (access date: 03.08.2020). (In Russ.).

Munkhbat, D. (2018) Palomnichestvo mongolov: traditsii i sovremennost' [Mongols on pilgrimage: traditions and the present]. *Nations and religions of the Eurasia*, vol. 2, no. 15, pp. 79–84. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)2-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)2-07)

Mchedlova, M. M. (2017) Religioznaia i konfessional'naia identichnost' [Religious and confessional identity]. In: *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: Personality. Society. Politics. An encyclopedia]* / ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Ves' Mir. 992 p. Pp. 334–339. (In Russ.).

Pavlichenko, Z. Yu. (2015) Palomnichestvo v kiberprostranstve [Pilgrimage in the cyberspace]. *Vestnik KRSU*, vol. 15, no. 12, pp. 106–109. (In Russ.).

Pavlichenko, Z. Yu. and Davydenko, M. V. (2018) Palomnichestvo i religiozniy turizm v Tsentral'noi Azii kak forma mezhtsilivizatsionnykh kontaktov [Pilgrimage and Religious Tourism in Central Asia as a Form of Intercivilization Contacts]. *Izvestiya of Altai State University*, no. 2, pp. 136–139. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)2-23](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-23)

Palomnichestvo i religiozniy turizm: mnogoobrazie interpretatsiia [Pilgrimage and religious tourism: a multitude of interpretations] (2011) : collected papers / ed. by I. E. Vikulov et al. Vladimir, Izd-vo Vladimirovskogo gos. un-ta im. A. G. i N. G. Stoletovyykh. 209 p. (In Russ.).

Sodnompilova, M. M., Amangolova, D. D. (2020) Traditsionnye i novye mesta religioznogo palomnichestva v Buriatii [Traditional and New Places of Religious Pilgrimage in Buryatia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 47–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009604-4>

Tenzin Gyatso (Dalai Lama XIV) (2000) *Moia strana i moi narod. Vospominaniia Ego Sviateishestva Dalai-lamy XIV [My Land and My People: The Original Autobiography of His Holiness the Dalai Lama of Tibet]* / transl. by A. Terent'ev. St. Petersburg, Nartang, Corvus. 320 p. (In Russ.).

Uzlaner, D. (2020) *Postsekuliarnyi povорот. Kak myslit' o religii v XXI veke [Post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]*. Moscow, Institut ekonomicheskoi politiki imeni E. T. Gaidara. 187 p.

Ulanov, M. S., Badmaev V. N., Andreeva A. A. (2020) Fenomen buddiiskogo palomnichestva v istorii i kul'ture kalmykov [The Phenomenon of Buddhist Pilgrimage in the History and Culture of Kalmyks]. *Bylye Gody*, vol. 56, issue 2, pp. 398–406. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.398>

Fenomen palomnichestva v religiakh: sviashchennaia tsel', sviashchennyi put', sviashchennye relikvii [The phenomenon of pilgrimage in different religions: sacred goals, sacred paths, sacred relics] (2006): Materials of the 13th St. Petersburg religious studies readings / ed. and comp. by T. N. Dmitriev and I. Kh. Cherniak. St. Petersburg, Gos. muzei istorii religii. 147 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvan culture]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 177 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2005) *Religiia v kul'ture narodov Saiano-Altaiia [Religion in the culture of the Sayano-Altai peoples]*. Moscow, RAGS. 225 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. and Kukhta, M. S. (2016) Etnokonfessional'nyi faktor v dukhovnom vozrozhdenii Tuvy: sotsial'no-filosofskii analiz [The Ethno-Confessional Factor in the Spiritual Revival of Tuva: a Social and Philosophical Analysis]. *Oriental Studies*, no. 27(5), pp. 119–126. (In Russ.).

Tsyrempilov, N. V. (2020) Moskva kak buddiiskii rai: buriatskaia deputatsiia na koronatsii Nikolaiia II [Moscow as a Buddhist Paradise: A Buryat Delegation at the Coronation of Nicholas II]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 13–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009602-2>

Erendzhenova, Yu. Yu. (2020) Sviashchennye ob"ekty v religioznoi kul'ture rossiiskikh buddistov: intentsii i praksis [The holy objects in religious culture of Russian Buddhists: intentions and praxis]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 2 (46), pp. 124–130. (In Russ.).

Bremer, T. S. (2004) *Blessed with tourists: The borderlands of religion and tourism in San Antonio*. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press. 207 p.

Coleman, S. (2002) Do You Believe in Pilgrimage? Communitas, Contestation and Beyond. *Anthropological Theory*, vol. 2(3), pp. 355–368.

Collins-Kreiner, N. (2010) Researching pilgrimage: Continuity and Transformations. *Annals of Tourism Research*, vol. 37, issue 2, pp. 440–456. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2009.10.016>

Joseph, C. A. and Kavoori, A. P. (2001) Mediated resistance. Tourism and the host community. *Annals of Tourism Research*, no. 28(4), pp. 998–1009.

Kim, B., Kim, S., King B. (2020) Religious tourism studies: evolution, progress, and future prospects. *Tourism Recreation Research*, vol. 45, pp. 185–203. DOI: <https://doi.org/10.1080/02508281.2019.1664084>

McIntosh, I. S. (2020) *Pilgrimage: Walking to Peace, Walking for Change*. Xlibris Corporation. 250 p.

Mustonen, P. (2006) Volunteer Tourism: Postmodern Pilgrimage? *Journal of Tourism and Cultural Change*, vol. 3, issue 3, pp. 160–177. DOI: <https://doi.org/10.1080/14766820608668493>

Shrines and pilgrimage in the modern world: New itineraries into the sacred (2008) / Ed. by P. J. Margry. Amsterdam University Press. 364 p.

Shinde, K. (2007) Pilgrimage and the Environment: Challenges in a Pilgrimage Centre. *Current Issues in Tourism*, vol. 10, issue 4, pp. 343–365. DOI: <https://doi.org/10.2167/cit259.0>

Raj, R., Griffin, K. (ed.) (2015) *Religious Tourism and Pilgrimage Management. An International Perspective*. 2nd ed. DOI: <https://doi.org/10.1079/9781780645230.0000>

Reframing pilgrimage : cultures in motion (2004) / ed. by S. Coleman and J. Eade. London; New York, Routledge. 197 p.

Sellner, E. C. (2004) *Pilgrimage: Exploring A Great Spiritual Practice*. Ave Maria Press. 220 p.

Turner, V. and Turner, E. (1978) *Image and Pilgrimage in Christian Culture*. Columbia University Press. 344 p.

Wong, C. U. I., McIntosh, A. and Ryan, C. (2013) Buddhism and tourism perceptions of the monastic community at Pu-Tuo-Shan, China. *Annals of Tourism Research*, vol. 40, pp. 213–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2012.09.004>

Submission date: 24.08.2020.

Собственные имена у этнических тувинцев Монголии

Надежда Д. Сувандии, Цецэгдарь Уламсурэн

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается использование собственных имен тувинцев, которые проживают в сумонах Цэнгэл Баян-Улэгэйского, Буянт Ховдского, Цагаан-Нуур Хубсугульского аймаков Монголии. Материалом исследования послужили собственные имена, собранные авторами во времена комплексных научных экспедиций в 1999–2019 гг. на территории Ховдского, Баян-Улэгэйского и Хубсугульского аймаков Монголии.

В исследуемых территориях исконно тувинские собственные имена в настоящее время стали малоупотребительными, иногда и редко употребительными. Основной причиной данного явления является то, что носителей родного тувинского языка становится все меньше, т. к. старшее поколение сменяется новыми, которые пользуются языком местного населения — монгольским, считая его родным. Сравнительный анализ между территориями все же показал различие: тувинцы сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии сохранили больше и тувинских собственных имен, и больше в целом говорят на тувинском языке.

Ключевые слова: тувинский язык; ономастика; собственное имя; личное имя; тувинское имя; тувинцы; антропоним; топоним; зооним; сумон; аймак; Тува; Монголия

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

Для цитирования:

Сувандии Н. Д., Уламсурен Ц. Собственные имена у этнических тувинцев Монголии // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 156-168. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.11

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Педагогическая, д. 13. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Уламсурэн Цецэгдарь — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 20., кв. 11. Тел.: +7 (923) 386-85-18. Эл. адрес: uthetheg@yandex.ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 13 Pedagogicheskaya St., 667004 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-3817-2436**

ULAMSUREN, Tsetsegdari, Candidate of Philology, Senior lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 11-20 Internationalinaya St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 386-85-18. E-mail: uthetheg@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0003-3015-0619**

Personal names of ethnic Tuvans in Mongolia

Nadezhda D. Suvandii, Tsetsegdari Ulamsuren

Tuvan State University, Russian Federation

The article considers the proper names of Tuvans living in sums Tsengel (Bayan-Ölgii aimag), Buyaet (Khovd aimag), Tsagaan-Nuur (Khövsgöl aimag), Mongolia. Our study relies on sources collected during comprehensive research expeditions the author led in 1999-2019 on the territory of Khovd, Bayan- Ölgii and Khövsgöl aimags of Mongolia.

Throughout the studied territories, native Tuvan proper names have now become rare and little-used. The main reason for this is the decrease in the number of Tuvan language speakers, as the older generation is replaced by new ones who speak Mongolian and consider it their native language. A comparative analysis of the territories mentioned showed that the Tuvans of sum Tsengel (Bayan-Ölgii aimag) have preserved more Tuvan names and more frequently speak Tuvan language.

Keywords: *Tuvan language; onomastics; proper name; personal name; Tuvan name; Tuvans; anthroponym; toponym; zoonym; sum; aimag; Tuva; Mongolia*

Financing

The article was written with the support of RFBR as part of grant project No. 19-012-00073 “Transformative processes in the onomastics of the languages of Central Asia: history and modernity in the cases of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia”.

For citation:

*Suvandii N. D. and Ulamsuren Ts. Sobstvennye imena u etnicheskikh tuvintsev Mongolii [Personal names of ethnic Tuvans in Mongolia]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 156-168. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.11*

Введение

Собственные имена, называющие единичные предметы из ряда однородных (в отличие от нарицательных), входят в поле внимания ономастики и содержат значительный пласт исторического прошлого каждого этноса, его языка и культуры. Целью данной работы является анализ употребления собственных имен у тувинцев, проживающих за пределами Республики Тыва, а именно — в Ховдском, Цэнгэльском аймаках Западной Монголии, Хубсугульском —Северной Монголии. В этих территориях у тувиноязычного населения исконно тувинские собственные имена стали редко употребляться, что вызывает обеспокоенность ученых о том: ведь в дальнейшем они могут и вовсе исчезнуть из употребления.

Источником исследования послужили собственные имена (людей, животных, местностей), собранные авторами в научных экспедициях в 1999–2020 гг. на территории Ховдского, Баян-Улэгэйского аймаков Западной, Хубсугульского аймака Северной Монголии.

История изучения тувинских собственных имен

В тувинском языкознании исследованием ономастики в разные годы занимались немало ученых-филологов. Зачинателем изучения собственных имен здесь является Н. Ф. Катанов, видный ученый-тюрколог, внесший большой вклад в исследование тюркских языков. В 1889 г. он проводил научную экспедицию в Урянхайский край, результаты которого опубликовал в первой академической грамматике тувинского языка, где дал перечень тувинских некоторых топонимов и антропонимов (Катанов, 1903). Всестороннее изучение тувинской ономастики получило распространение в конце 60-х годов XX столетия, спустя почти более полувека после исследований Н. Катанова.

Из всех разделов ономастики тувинского языка на сегодня наиболее изученными считаются топонимы и антропонимы. К научным исследованиям 1960-х гг. по топонимической системе тувинского языка относятся работы первого тувинского доктора филологических наук, профессора Ш. Ч. Сата (Сат, 1969), известного лексиколога тувинского языка Б. И. Татаринцева (Татаринцев, 1973, 1977ab). С начала 1980-х годов исследованиями по тувинской топонимии вплотную стала заниматься Б. К. Ондар, которая опубликовала основные научные труды по географическим наименованиям, ставшие настольной книгой исследователей тувинской ономастики. К таковым относятся «Топонимический словарь тувинского языка» в двух выпусках (Ондар, 2004, 2007) и монографии (Ондар, 2008, 2011).

Вопросами исследования тувинской топонимической системы в настоящее время также интересуется немало ученых-филологов. Исследования последних лет были собраны и опубликованы в том числе в составе специального выпуска журнала «Новые исследования Тувы» № 3 2018 года¹ и в других изданиях (Бавуу-Сюрюн, 2018; Бадарч, Бавуу-Сюрюн, 2018; Кара-оол, 2018, 2019ab; Сувандии, 2018, 2019a) и др.

По антропонимической системе тувинского языкознания исследования проводились исследователем-диалектологом З. Б. Чадамба (Чадамбаа, 1965, 1993), известным этнографом С. И. Вайнштейном (Вайнштейн, 1969, 1989), автором данной статьи (Сувандии, 2011, 2012, 2016, 2019b, 2020).

Собственные названия (клички) животных, чаще всего домашних – собак, лошадей, коров, коз и др., составляют разряд зоонимов (Бондалетов, 2016: 7). В тувинском языке были попытки частичного изучения проблем зоонимии тувинского языка в единичных научных работах автора данной статьи (Сувандии, Куулар, 2010), имеются некоторые работы ученых, затрагивающие отдельные стороны названий крупного рогатого скота, в частности, лошадей (Монгуш, Юлдашбаев, 2015). Следует отметить, что в тувинской ономастической системе вопрос исследования зоонимии остается одним из актуальных и неизученных и ждет своего дальнейшего всестороннего исследования в связи с тем, что тувинцы были потомственными животноводами и остаются ими по сегодняшний день.

Собственные имена — антропонимы

Основным занятием исследованных нами субэтнических групп тувинцев является животноводство. В сумоне Цэнгэл проживают около 3000, в сумоне Буянт — около 2000 этнических тувинцев. Цэнгэльские тувинцы по сравнению с ховдскими хорошо владеют родным тувинским языком, что было заметно при работе с информаторами во время научных экспедиций. В Ховдском аймаке родным тувинским языком владеет только некоторая часть взрослого населения, а молодежь в основном общается на монгольском. Повседневным языком их общения является монгольский, молодежь и дети с родителями общаются только на монгольском, на наши вопросы, хотя суть понимают, они отвечали по-монгольски, а родители нам переводили их ответы.

В сумоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии проживает малочисленная группа этнических тувинцев, которые называют себя тухаларами, общей численностью около 300 человек. Официальным языком общения в сумоне является монгольский, но в повседневной жизни старшее и среднее поколение тухаларов, наравне с монгольским, пользуются и родным тувинским, а молодежь и дети — только монгольским.

В настоящее время язык, фольклор, этнография и культура этнических тувинцев сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака исследована в работах Хийс Г. (Хийс, 2009), Бадарч Б. (Бадарч, 2009), сумона Буянт Кобдоского аймака — Уламсурэн Ц. (Уламсурэн, 2013). Язык, фольклор, этнография и культура этнических тувинцев сумона Цагаан-Нуур не были специальным объектом научных исследований.

¹ <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/39>

Большая часть тухаларов, как и тувинцы сумонов Западной Монголии, ведет кочевой образ жизни, их традиционные занятия – оленеводство, охота и рыболовство. Тухаларов называют цаатанами по роду их деятельности *цаа* ‘северный олень’ (Монгольско-русский словарь, 1957: 598).

Фото 1. Работа с информаторами в местечке Харааты сумона Цэнгэл, Монголии в 2019 г. Фото из архива Н. Д. Сувандии.
Photo 1. Working with respondents in the settlement of Kharaaty, sum Tsengel, Mongolia, 2019.
Photo from the personal archive of N. D. Suvandii.

Антропонимов в речи цэнгэльских этнических тувинцев, которые называются *кош аттар* — ‘парные имена’ — также зафиксировано немало, причем официальными являются монгольские, а иногда бывают и казахские в зависимости от национальности отца. В настоящее время в сумоне Цэнгэл много смешанных браков именно с парнями казахами, которые составляют большую часть населения, и дети от этих браков в большей части берут себе имена казахского происхождения¹.

Но и в таких семьях встречаются так называемые ‘парные имена’. Если брать литературный тувинский язык, то это и есть прозвища, которые у тувинцев функционируют по обычаям издавна. К ним относятся имена, характеризующие внешние особенности носителя: *Көггерген* /м./ — от слова *көк* — ‘синий’, например, если ребенок при рождении задыхался и посинел, в связи с чем и получил данное имя; *Бора-оол* /м./ — от *бора* — ‘серый’ и *оол* ‘мальчик’ — у денотата имени при рождении было несколько сероватых волосинок; *Борбаанды* /ж./ — от *борбак* — ‘круглый’, носитель имени с младшего возраста могла быть пухлой и родители ласкательно назвали таким ‘парным именем’, *Дөрбелчин* /м./ — от *дөрбелчин* — ‘квадратный’, если парень с детства был сильным, здоровым, высоким² и др.

Встречаются ‘парные имена’, выражающие различные пожелания родителей: *Күзел* /ж./ — от слова *күзел* — ‘желание, пожелание’, это распространенное среди девочек имя в сумоне Цэнгэл, родители которых хотят светлого будущего своим дочерям, *Бакыр* /м./ — от слова *баиш* — ‘голова, с головой’, когда денотат с детства имеет большую по размеру голову. По словам родителей, ‘парное имя’ дано сыну с пожеланием светлого будущего, чтобы, повзрослев, он стал «большим начальником». *Шынар* /ж./ — от *шынар* — ‘качество, свойство, признак’. Такое имя много лет назад получила девочка, которая с детства была очень старательной, имела только положительные качества (имя было зафиксировано нами всего один раз, сейчас это женщина преклонных лет). Родители дали ей это имя, чтобы она всю жизнь

¹ Донгак-Хөйүк Долгар-Сурун, 67 л., род. в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

² Шунгуур Иргит Чимеддорж, 69 л., род. в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

оставалась с этими качествами¹. Другие примеры: *Амар-Чыргал* ~ *Амыр-Чыргал* /м./ — от слов *амыр* — ‘легкий, нетрудный’ и *чыргал* — ‘блаженство, благоденствие; счастье’, данное имя родителями дано с пожеланием нетрудной счастливой жизни ребенку в будущем².

Зафиксировано парное имя, связанное с недостатком денотата: *Аазатнай* /м./ — от слова *аазатнай* ‘разиня, ротозей, разгильдяй’. Родители умильно дали данное ‘парное имя’ сыну, очень медлительному, даже в младенчестве который редко плакал, *Доңху* /м./ — от *доңху* ~ возможно *даңга* (западный диалект тувинского языка) ~ *дүлей* ‘глухой’ — имя дано мальчику плохо слышащему (глухому) с детства³. Подобных имен нами больше не зафиксировано, отсюда сделать вывод, что родители очень осторожны при наречении с ‘парными именами’.

Встречаются единичные ‘парные имена’, связанные различным обстоятельством рождения ребенка: *Чайлаг* /м./ — от *чайлаг* — ‘летнее стойбище’, дано мальчику, родившемуся при перекочевке на летнюю стоянку, *Ыңгаа* /ж./, по словам информатора, образовано от подражательного слова *ыңгаа* — ‘плач’ — ‘парное имя’ девочки, которая в младенчестве постоянно плакала и в подростковом возрасте также начинала сразу плакать, если ей говорили грубое слово⁴.

Этнические тувинцы редко, но в качестве единичных ‘парных’ употребляют и имена, связанные с названиями домашних животных и птиц: *Бодаган* /м./ — от *бодаган* — ‘верблюжонок’, имя мальчика, родители которого всю жизнь занимались разведением верблюдов; *Авырган* /м./ — от *авырган* — ‘белка-летьга’, имя подростка, отец которого всю жизнь занимался охотой.

Во время сбора материала мы зафиксировали личные имена тувинцев, которых этнические тувинцы Цэнгэла используют в качестве ‘парных имен’: *Айдың* /м./ — от *айдың* — ‘лунный’, *Шолбан* /м./ — от *шолбан* — ‘яркая звезда Венера’, *Аяс-оол* /м./ — от слов *аяс* — ‘ясный’ и *оол* — ‘мальчик’; антропонимы, связанные с названиями явлений природы; *Мөңгүн* /м./ — от *мөңгүн* — ‘серебро, серебряный’, *Алдын* /м./, *Алдын-Ай* /м./ — от *алдын* — ‘золото, золотой’ и *ай* — ‘луна’, связанные с названиями минералов и драгоценных камней. Информаторы объясняют заимствования данных имен тем, что с конца 90-х гг. XX и начала XXI столетия тувинцы сумона Цэнгэл имеют хорошие связи с тувинским народом России.

Фото 2. С информантами в сумоне Буянт Ховдского аймака Монголии в 2019 г. Фото из архива Н. Д. Сувандии.
Photo 2. Working with respondents in sum Buyant, Khovd aimag, Mongolia, 2019.
Photo from the personal archive of N. D. Suvandii.

¹ Шунгуур Иргит Жамбаа оглу Баярхуу, 62 г., род. в мест. Харааты, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

² Моол Иргит Сериндорж, 78 л., род. в мест. Харааты, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

³ Шунгуур Иргит Чимеддорж оглу Ганзориг, 34 г., род. в сумоне Цэнгэл, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

⁴ Шунгуур Иргит Баярхуу уруу Болормаа, 26 лет, род. в сумоне Цэнгэл, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

Этнические тувинцы сумона Буянт и г. Ховд Ховдского и сумона Цагаан-Нуур Хубсугульского аймаков, по сравнению с жителями Цэнгэла, редко используют в быту тувинские собственные имена, ими пользуется только часть старшего поколения. Молодежь и дети своей родной тувинский язык почти не знают, а люди среднего возраста понимают тувинскую речь, но не говорят. Следовательно, во время научной экспедиции нами зафиксировано небольшое количество материала по собственным именам.

По сведениям информаторов, на территории Ховдского аймака у этнических тувинцев в качестве так называемых «домашних имен» употребляются только в некоторых случаях исконно тувинские имена:

Саазын-Кулак /м./ — от слов *саазын* — ‘бумага’ и *кулак* — ‘ухо’, букв. ‘бумажное ухо’, дано носителю с оттопыренными, тонкими ушами;

Тас/ж./ — от *тас* — ‘лысый’, букв. ‘с лысой головой’, ‘домашнее имя’ дано женщине, которая постоянно носит платок из-за редких волос на голове.

Дүкпенек /ж./ — от слова *дүкпенек* (ховдский диалект. — далее ховд.) ~ *каңмыыл* (литературный тувинский язык. — далее лит. тув.) — ‘перекати-поле’, букв. ‘легкая, небольшая, как трава’: имя дано худенькой по телосложению девушке;

Бүрүшек /м./ — от *бүрүшек* (ховд, лит. тув.) — ‘морщинистый; покоробленный’ (Тувинско-русский..., 1968: 195), букв. ‘морщинистый’: носитель всегда ходит со сморщенным лицом.

Көгерең /м./ — от *көк* — ‘синий’, дано носителю с синеватым и бледным оттенком кожи;

Морзук /м./ — от *морзук* /ховд., лит/ — ‘барсук’, прозвище дано носителю с полным, круглым телосложением.

Описанные личные имена встречаются у этнических тувинцев старшего поколения, в настоящее время подобными именами родители своих детей не нарекают.

У этнических тувинцев сумона Цагаан-Нуур нами собраны единичные «домашние имена», к которым относятся *Чыргал /м./* — от слова *чыргал* ‘блаженство, благоденствие; счастье’ — имя 75-летнего дедушки; *Өлчей /ж./* — от слова *өлчей* — ‘счастье, благодать’, «домашнее имя» бабушки, которой 80 лет (она с гордостью говорила, что в ее детстве их родители в быту употребляли тувинские имена¹).

В настоящее время у молодежи и детей встречаются такие «домашние имена», имеющие параллели в тувинском языке: *Шыыракпан /ж./* — от слова *шыырак* — ‘сильный’, имя парня-оленевода, который принимает участие в состязаниях по национальной борьбе в наадымах — праздниках животноводов; *Багай-Уруг /м./* — от слов *багай* — ‘плохой’ и *уруг* — ‘девочка, девушка’, охранное «домашнее имя» дано сыну оленеводов, в семье которых много дочерей, а мальчики умирали в младенчестве, живым остался один. Зафиксированы некоторые «домашние имена», которые у тувинцев Республики Тыва являются антропонимами, употребляющимися с древности по настоящее время: *Кара-оол /м./* — от слов *кара* — ‘черный’ и *оол* — ‘мальчик’, имя, связанное с внешностью денотата; *Биче-оол /м./* — от *биче* ‘маленький’ и *оол* ‘мальчик’ — имя самого младшего ребенка семьи оленеводов.

Таким образом, следует отметить, что этнические тувинцы сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии больше используют в собственные имена в повседневной жизни по сравнению с тувинцами Ховдского и Хубсугульского аймаков, где подобные имена встречаются редко.

Собственные имена — топонимы

В сумоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии этнические тувинцы занимаются в основном оленеводством и проживают в таежных местностях. Но исключение составляют семьи, проживающие недалеко от сумона и занимающиеся разведением так называемого «монгольского скота», к которым относят коров, овец, коз.

У этнических тувинцев старшего и среднего поколения данной территории в речи встречаются собственные имена исконно тувинского происхождения.

Нами зафиксированы следующие топонимы: *Ак-Хөл* (цагаан-нуурский диалект — далее ц.-н., лит. тув.) ~ *Цагаан-Нуур* (монгольский — далее монг.) — от *ак* — ‘белый’ и *хөл* — ‘озеро’, название озера, у которого построен сумон;

¹Цегвээ Бунцул, 80 л., род. в Западной тайге Хубсугульского аймака Монголии.

Чөөн-Тайга (ц.-н., лит. тув.) — от *чөөн* — ‘восточный’ и *тайга* — ‘тайга’, местность, в которой проживают в основном оленеводы, перекочевавшие из Тере-Хольского района;

Барыын-Тайга (ц.-н., лит. тув.) — от *барыын* — ‘западный’ и *тайга* — ‘тайга’, местность, в которой проживают в основном оленеводы, перекочевавшие из Тоджинского района;

Чарааш-Дааш (ц.-н., лит. тув.) — от *чарааш* — ‘красивый’ и *дааш* — ‘камень’, местность, находящаяся недалеко от сумона, где обитают тувинцы с «монгольским» мелким и крупным рогатым скотом¹;

Сайлыг (ц.-н., лит. тув.) — от *сайлыг* — ‘имеющий гальку’, местность, находящаяся возле озера, где летом купается местная детвора;

Тыттыг-Ой (ц.-н.) ~ *Дыттыг-Ой* (лит. тув.) — от *тыттыг* ~ *дыттыг* — ‘имеющий лиственницу’ и *ой* — ‘лощина’, местность в Восточной тайге.

Кертиктиг (ц.-н., лит. тув.) — от *кертиктиг* — ‘с зарубкой’ — таежная горная местность, где обитают в зимнее время оленеводы Западной тайги.

В сумоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии больше всего нами зафиксированы географические наименования, которые встречаются параллели и на территории Республики Тыва:

Ак-Кем (цэнгальский диалект — далее цэнг.) ~ *Ак-Хем* (лит. тув.) — от слов *ак* — ‘белый’ и *хем* — ‘река’, букв. ‘белая река’: название рек в Барун-Хемчикском, Чаа-Хольском, Эрзинском районах Тувы, также реки в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии. Название дано рекам, протекающим в открытых, безлесных местностях, также в глубине имеющим маленькие белые камушки (Ондар, 2007: 97);

Фото 3. Местечко Узун-Ой в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии в 2019 г.

Фото из архива Н. Д. Сувандии.

Photo 3. Settlement Uzun Oi in sum Tsengel, Bayan-Ölgii aimag, Mongolia, 2019.

Photo from the personal archive of N.D. Suvandii.

Ак-Кову (цэнг.) ~ *Ак-Хову* (лит. тув.) — от *ак* — ‘белый’ и *хову* — ‘поле, степь’ букв. ‘белое поле, белая степь’: название открытых степей на территории сумона Цэнгэл Монголии, также открытые степи в местечке Мунгаш-Ак Барун-Хемчикского района Тувы;

Хара-Бел (цэнг.) — от *хара* ~ *кара* — ‘черный’ и *бел* — ‘склон горы’, букв. ‘черный склон горы’: название местности, где хоронят умерших людей (кладбище) в сумоне Цэнгэл.

Хара-Хөл (цэнг.) ~ *Кара-Хөл* (лит. тув.) — от *кара* ‘черный’ и *бел* ‘склон горы’, букв. ‘черное озеро’: название озера в местечке Харааты Цэнгальского аймака и название озер в Монгун-Тайгинском, Бай-Тайгинском, Тождинском, Эрзинском, Тандынском районах Тувы (там же: 243).

Отсюда следует отметить, что топонимов, связанных с цветовыми характеристиками, а именно со словами *ак* — ‘белый’ и *кара* — ‘черный’ в исследуемых территориях встречается немало, притом они характеризуют внешние особенности местности.

Узун-Ой (цэнг., лит. тув.) — от слов *узун* — ‘длинный’ и *ой* — ‘лощина’, букв. ‘длинная лощина’: название рек в сумоне Цэнгэл Монголии, река в Тоджинском и Тес-Хемском районах Тувы (там же: 402).

Особо следует отметить топонимы, связанные с названиями животного мира, в частности домашних животных и птиц:

Кускуннуг (цэнг. лит) — от *кускун* — ‘ворон’. В сумоне Цэнгэл, по данным информаторов, это местность, где обитают птицы семейства вороновых. На территории Тувы Кускуннуг — это местность в урочище реки Каа-Хем, названа по логу, изобилующему воронами (там же: 276);

¹ Чулууны Оюунбадам, 45 л., род. в сумоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии.

Фото 4. Священная гора Баатыр-Хайырхан в Ховдском аймаке Монголии, 2004 г. Фото из архива Цецегдарь Уламсурэн.
Photo 4. The sacred mountain of Baatyr-Hayyrkhan in Khovd aimag, Mongolia, 2004. Photo from the archive of Tsetsegdar Ulamsuren.

Чылангыг-Хем (цэнг., лит.) — от *чылангыг* — ‘змеиный’ и *хем* — ‘река’, букв. ‘змеиная река’: весенняя стоянка у небольшой реки, в окрестностях которого обитают много змей;

Үс-Чуглур (цэнг.) — от *үс* — ‘масло ~ толеное масло’ и *чуглур* — ‘катиться, скатиться’, букв. ‘скатилось топлёное масло’: во время перекочевки на волах с крутой горы, на которую поднялись, как рассказывал нам один информант, скатилось топлёное масло, собранное за лето в брюшине домашнего скота¹;

Улуг-Хая (цэнг., лит. тув.) — от *улуг* — ‘большой’ и *хая* — ‘скала’: местность с большими черными скалами в зимних стойбищах сумона Цэнгэл Монголии, местности в Бай-Тайгинском, Улуг-Хемском, Чаа-Хольском и Тоджинском районах Тувы (там же: 415);

Шыргай-Чүрек (цэнг.) — от *шыргай* — ‘густой, дремучий’ и *чүрек* — ‘сердце’, букв. ‘густое сердце’: большая открытая местность, похожая с виду на сердце;

Кодан-Хөл (цэнг.) — от *кодан* ~ *койгун* — ‘заяц’ и *хөл* — ‘озеро’, букв. ‘заячье озеро’: небольшое озеро, вблизи которого обитают зайцы.

У этнических тувинцев сумона Буянт и г. Ховд к названиям географических объектов относятся следующие наименования:

Баатыр-Хайырхан (ховд.) — от слов *баатар* (монг.) ~ *маадыр* (лит. тув.) — ‘герой’ и *хайырхан* (ховд.) ~ *хайрхан* (монг.) ~ *хайыракан* (лит. тув.) — ‘1. уст. рел. почтительное название божества; 2. медведь, медвежий’ — название священной горы на территории г. Ховд²;

Буянты (ховд.) — от слова *буянт* ~ *буянтай* /монг./ ‘добродетельный, благодетельный (Монгольско-русский ..., 1957: 92)’ ~ *буян* /тув./ — ‘милость, доброта, сердечность; добро, благо’ (Тувинско-русский ..., 1968: 125): название сумона, где проживают этнические тувинцы Ховдского аймака Монголии;

Жыргаланды (ховд.) — от слова *жаргалант* (монг.) ~ *жыргаланды* /ховд/ — ‘счастливый, благоженствующий, радостный’ (Монгольско-русский ..., 1957: 177) ~ *чыргалаң* (лит. тув.) — ‘блаженство’ (Тувинско-русский ..., 1968: 558): название священной горы на территории г. Ховд;

¹ Шунгуур Иргит Жамбаа оглу Баярхуу, 62 г., род. в мест. Харааты, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

² Бямбажав Цагаанбилэг, 31 г. род. в г. Ховд, Ховдинского аймака Монголии.

Фото 5. Священная гора Жыргаланды в Ховдском аймаке Монголии, 2005. Фото из архива Цецегдарь Уламсурэн.
Photo 5. The sacred mountain of Zhyrgalandy in Khovd aimag, Mongolia, 2005. Photo from the archive of Tsetsegdar Ulamsuren.

Кызыл-Хаак (ховд., лит. тув.) — от *кызыл* — ‘красный’ и *хаак* — ‘мелкий тальник; прут, лоза; розга’ — зимнее стойбище в сумоне Буянт, где растет множество мелких тальников красно-желтого цвета;

Сарыг-Хаак (ховд., лит. тув.) — от *сарыг* — ‘желтый’ и *хаак* — ‘мелкий тальник; прут, лоза; розга’ — весеннее стойбище в сумоне Буянт, где растет множество мелких тальников и различных цветов желтого цвета¹;

Кара-Ус-Нуур (ховд.) — от *кара* (ховд., лит. тув.) — ‘черный’, *ус* (монг.) — ‘вода’ и *нуур* (монг.) — ‘озеро’, букв. ‘озеро с черной водой’: название озера, находящегося недалеко от г. Ховд;

Беш-Хайырхан (ховд.) — от *беш* — ‘пять’ и *хайырхан* (ховд.) ~ *хайрхан* (монг.) ~ *хайыракан* (тув.) — ‘1. уст. рел. почтительное название божества; 2. медведь, медвежий’: название священной горы в сумоне Буянты;

Ак-Эрик (ховд, тув.) — от *ак* — ‘белый’ и *эрик* — ‘берег’ букв. ‘белый берег’: летняя стоянка этнических тувинцев сумона Буянды;

Көк-Серх ~ *Көк-Серге* (ховд) — от слов *көк* (ховд., лит.) — ‘синий’ и *серх* (монг.) — ‘кастрированный козел’ (Монгольско-русский ... , 1957: 377) и *серге* (лит. тув.) — ‘козел’, букв. ‘синий кастрированный козел’: название священной горы синего цвета;

Чиңге-Хем (ховд.) — от *чиңге* ‘узкий’ и *хем* — ‘река’, букв. ‘узкая речка’: приток реки Буянты, на берегу которого находятся летние стойбища этнических тувинцев.

Изучив использование топонимов исконно тувинского происхождения у тувинцев Ховдского аймака Монголии, мы пришли к выводу, что на данной территории в основном встречаются топонимы монгольского происхождения. А исконно тувинские, по мнению информаторов, почти уходят из употребления вместе с этническими тувинцами старшего поколения.

Собственные имена — зоонимы

Зоонимы — это собственные имена, присваиваемые в основном домашним животным. Поскольку тувинцы-животноводы тесно общались с домашними животными, то присваивали имена — клички почти всем или многим.

¹ Донгак Намзыра, 69 л., род. в мест. Ужук сумона Буянт, Ховдинского аймака Монголии.

По сведениям наших информаторов сумона Цэнгэл, самую большую группу зоонимов составляют такие, которые указывают на внешние особенности: *Калчанай* — от калчан — ‘лысый, плешивый’, кличка коров и овец; *Биче-Калчан* — от *биче* — ‘маленький, меньший’ и *калчан* — ‘плешивый’, букв. ‘меньший плешивый’, так именуют младшую по возрасту корову среди одинаковых мастью; *Саңмайлыг* — от *саңмай* ~ *чирбеш* — ‘челка’, кличка коровы, у которой ниспадающие волосы на лбу; *Солчур-Мыйыс* — от *солчур* ~ *солуур* — ‘обмениваться’ и *мыйыс* — ‘рога’, букв. ‘корова, у которой рога обмениваются местами’ (у таких коров рога повернуты друг к другу, могут образовывать дугу, называются встречающимися — *уткушкак*); *Салдыгбай* — от *салдыг* — ‘с усами’, кличка козы, имеющей волосы как усы; *Кош-Кулак* — от *кош* — ‘парный, двойной’ и *кулак* — ‘ухо’, букв. с ‘парными ушами’, кличка овцы, у которой есть дефект ушей, *Шумаиш* — от *шумаиш* (синоним сочетания *кулак чок* — ‘не имеющий уха’), кличка мелкого рогатого скота, родившегося с маленькими ушками. С подобными кличками овцы имеются и на территории Тувы.

Следующую группу составляют зоонимы, указывающие на различные цвета (масти) животных, например, *Көгүлдей* — от слова *көк* — ‘синий’, букв. ‘синенький’, корова синеватого цвета; *Аладай*, *Алапай* — от *ала* — ‘пегий’, кличка животного по масти: коровы, лошади, овцы, козы; *Шоокар* ~ *Шокар* — от *шокар* — ‘пестрый, рябой, пятнистый’, такие клички дают в основном крупному рогатому скоту (лошадям, коровам, якам)¹; *Чыраа-Доруг* — от *чыраа* — ‘иноходец’ и *доруг* — ‘гнедой’, кличка лошади по масти; *Ала-Калдар* — от *ала* — ‘пегий’ и *калдар* — ‘мухортый’, кличка, указывающая на особую масть любимого коня² и т. д.

На территории сумона Цэнгэл зафиксировано немало зоонимов, связанных с различными аллюрами лошадей: *Чожаң* /цэңг/ — от *чоржаң* — ‘ленивый, медлительный’; *Чыраапай* — от *чыраа* — ‘иноходец’; *Челер-Ой* — от *челер* — ‘идти рысью’ и *ой* — ‘буланый’; *Чүгүрүкей* — от *чүгүрүк* — ‘быстрый’ и др.

В отличие от этнических тувинцев Западной Монголии цаатаны, помимо лошадей, дают клички и оленям, например, *Куу-Дай* — от *куу* — ‘серый, бледный’ и *дай* — ‘жеребенок’, такой бывает кличка сероватого оленя; *Духур-Миис* — от *духур* ~ *дугур* — ‘короткий’ и *миис* ~ *мыйыс* — ‘рога’, это кличка оленя с коротко стриженными рогами; *Чаңгыс-Миис* — от *чаңгыс* — ‘один’ и *мыйыс* — ‘рога’, кличка оленя, у которого одни рога с рождения, *Хоптаанай* — от слова *хоптак* — ‘прожорливый, жадный, алчный’, кличка оленя, который постоянно что-то жует (кусочек ткани, кожура картошки) и т. д.

Заключение

Этнические тувинцы Монголии, так же, как и тувинцы Республики Тыва, используют в повседневной жизни немало собственных имен исконно тувинского происхождения. Но из всех трех исследованных территорий этнические тувинцы сумона Цэнгэл отличаются тем, что их жители остались наиболее сохранившими язык и культуры своих предков. Свидетельством данного явления является тот факт, что большая часть собранных нами собственных имен зафиксирована в Баян-Улэгэйском аймаке.

Наибольшее количество из всех собственных имен во всех рассмотренных аймаках Монголии составляют топонимы, имеющие такие же параллельные наименования и на территории Республики Тыва, например, *Ак-Кову* (цэнг.) ~ *Ак-Хову* (лит. тув.) — от *ак* ‘белый’ и *хову* ‘поле, степь’ букв. ‘белое поле, белая степь’: название открытых степей на территории сумона Цэнгэл Монголии, также открытые степи в местечке Мунгаш-Ак Барун-Хемчикского района Тувы и др.

У этнических тувинцев Баян-Улэгэйского аймака, помимо официальных монгольских имен, имеются *кош аттар* — ‘парные имена’. Имеются также единичные *өг аттары* — ‘домашние имена’ (прежде всего у ховдских тувинцев), в сумоне Цагаан-Нуур также они встречаются, но очень редко.

В сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского и Буянт Ховдского аймаков этнические тувинцы занимаются разведением крупного и мелкого рогатого скота, а тувинцы Цагаан-Нуура — оленеводством. Все эти хозяйственные особенности отражаются на наличии и составе зоонимов.

¹ Шунгуур Иргит Жамбаа уруу Оюун, 50 л., род. в сумоне Цэнгэл, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

² Адай-Иргит Багбаяр, 30 л., род. в сумоне Цэнгэл, Баян-Улэгэйского аймака Монголии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бавуу-Сюрюн, М. В. (2018) Топонимы как маркеры диалектов и говоров тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 3. С. 18–32. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.2>
- Бадарч, Б. (2009) Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте : дисс. ... к. филол. н. Новосибирск. 190 с.
- Бадарч, Б., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2018) Монголизмы в тувинских топонимах: сопоставительный анализ географических названий сумона Цэнгэ Баян-Улэгэйского аймака Монголии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 215–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.14>
- Бондалетов, В. Д. (2016) Русская ономастика. М. : Книжный дом «Либроком». 310 с.
- Вайнштейн, С. И. (1969) Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика / отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М. : Наука. 261 с. С. 125–132.
- Вайнштейн, С. И. (1989) Тувинцы // Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М. : Наука. 382 с. С. 305–307.
- Кара-оол, Л. С. (2018) Лексические особенности топонимов Овюрского района Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 162–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>
- Кара-оол, Л. С. (2019a) Лексика родильных обрядов в топонимах Тувы // Мир науки, культуры, образования. № 3. С. 368–369.
- Кара-оол, Л. С. (2019b) Числительные в топонимах Тувы // Oriental Studies. № 4. С. 691–706. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706.
- Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань : Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1600 с.
- Монгольско-русский словарь (1957) / отв. ред. А. Лувсандэнэв. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 715 с.
- Монгуш, Б. М., Юлдашбаев, Ю. А. (2015) Некоторые основные масти и отметины тувинских лошадей спортивно-го направления // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 2. Естественные и сельскохозяйственные науки. С. 145–150.
- Ондар, Б. К. (2004) Топонимический словарь Тувы. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 254 с.
- Ондар, Б.К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 550 с.
- Ондар, Б. К. (2008) Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимами Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 296 с.
- Ондар, Б. К. (2011) Русская топонимия Тувы. Кызыл : Редакционно-издательский отдел ТувГУ. 168 с.
- Сат, Ш. Ч. (1969) Заметки по топонимике Тувы // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии» / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск : Сиб. Отд-ние АН СССР. Институт истории, филологии, философии. 247 с. С. 232–234.
- Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : Редакционно-издательский отдел ТувГУ. 207 с.
- Сувандии, Н. Д. (2012) Тувинские личные имена монгольско-тибетского происхождения // Сибирский филологический сборник. № 1. С. 111–116.
- Сувандии, Н. Д. (2016) Особенности собственных имен усинских тувинцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12. С. 163–165.
- Сувандии, Н. Д. (2018) Вклад Бичен Кыргысовны Ондар в развитие топонимики Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.1>
- Сувандии, Н. Д. (2019a) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>
- Сувандии, Н. Д. (2019b) Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии Тувы // Oriental Studies. № 44 (4) С. 661–668. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668>
- Сувандии, Н. Д. (2020) Способы образования простых личных имен тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.7>
- Сувандии, Н. Д., Куулар, Е. М. (2010) Особенности употребления зоонимов у оленеводов-тоджинцев // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. Н. Дроздов. Кызыл ; Красноярск : Ред.-изд. отдел КПУ. 358 с. С. 268–271.
- Татаринцев, Б. И. (1973) Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков / отв. ред. А. П. Дульзон. Томск : Изд-во Томского университета. 235 с. С. 142–144.
- Татаринцев, Б. И. (1977a) Местные географические термины Северо-Восточной Тувы // Советская тюркология. Вып. 5. С. 18–26.

Татаринцев, Б. И. (1977b) О топонимии бассейна реки Каа-Хем // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Тип-ия управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тув. АССР. 187 с. С. 88–99.

Тувинско-русский словарь (1968): 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Уламсурэн, Ц. (2013) Особенности тувинской речи жителей Кобдо : дисс. ... к. филол. н. М. 174 с.

Хийс, Г. (2009) Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла : дисс. ... к. филол. н. Новосибирск. 190 с.

Чадамба, З. Б. (1965) Тувинские имена // Справочник личных имен народов РСФСР / отв. ред. Н. А. Баскаков и др. М. : Советская энциклопедия 253 с. С. 174–177.

Чадамба, З. Б. (1993) Способы образования тувинских личных имен // Вопросы тувинского языкознания / отв. ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл : МП «Новости Тувы». 126 с. С. 98–105.

Дата поступления: 19.09.2020 г.

REFERENCES

Bavuu-Surun, M. V. (2018) Toponymy kak markery dialektov i govorov tuvinskogo iazyka [Place names as markers of the dialects and sub-dialects of Tuvan language]. *The New Research of Tuva*, no. 3, pp. 18–32. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.2>

Badarch, B. (2009) *Leksika zhivotnovodstva v tsengel'skom dialekte tuvinskogo iazyka: v sranitel'no-sopostavitel'nom aspekte* [Vocabulary of animal husbandry in the Tsengel dialect of the Tuvan language: a comparative aspect]: Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 190 p. (In Russ.).

Badarch, B. and Bavuu-Surun, M. V. (2018) Mongolizmy v tuvinskikh toponimakh: sopostavitel'nyi analiz geograficheskikh nazvanii sumona Tsenge Baian-Ulegeiskogo aimaka Mongolii [Mongolisms in Tuvan toponyms: a comparative analysis of place names in Tsengel sum of Bayan-Olgii aimag, Mongolia with those of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 215–224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.14>

Bondaletov, V. D. (2016) *Russkaia onomastika* [Russian onomastics]. Moscow, Librokom. 310 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1969) Lichnye imena, terminy rodstva i prozvischa u tuvintsev [Personal names, kinship terms and nicknames among Tuvans]. In: *Onomastika* [Onomastics] / ed. by V. A. Nikonov and A. V. Superanskaia. Moscow, Nauka. 261 p. Pp. 125–132. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1989) Tuvinty [Tuvans]. In: *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names among the peoples of the world] / ed. by M. V. Kriukov. Moscow, Nauka. 382 p. Pp. 305–307. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2018) Leksicheskie osobennosti toponimov Oviurskogo raiona Tuvy [Lexical features of microtoponyms of Ovyur rayon of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 162–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.11>

Kara-ool, L. S. (2019a) Leksika rodil'nykh obriadov v toponimakh Tuvy [Vocabulary of maternity rites in toponyms of Tuva]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3, pp. 368–369. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2019b) Chislitel'nye v toponimakh Tuvy [Numerals in toponyms of Tuva]. *Oriental Studies*, no. 4 (44), pp. 691–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Katanov, N. F. (1903) *Opyt izsledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia* [An essay on the Uryanghai language, indicating the most important kinship ties between him and the other languages of the Turkic root]. St. Petersburg, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta. 1600 p. (In Russ.).

Mongol'sko-russkii slovar' [Mongolian-Russian dictionary] (1957) / ed. by A. Luvsandenev. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. 715 p. (In Russ.).

Mongush B. M. and Yuldashbaev Yu. A. (2015) Nekotorye osnovnye masti i otmetiny tuvinskikh loshadei sportivnogo napravleniia [Some basic coat colors and markings of Tuvan sports horses]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 2. Estestvennye i sel'skokhoziaistvennye nauki. Pp. 145–150.

Ondar, B. K. (2004) *Toponimicheskii slovar' Tuvy* [A toponymic dictionary of Tuva]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 256 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2007) *Toponimicheskii slovar' Tuvy* [A toponymic dictionary of Tuva]. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan book publisher. 550 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2008) *Tuvinskaia toponimiia. Sopostavitel'nyi analiz toponimii Tuvy s toponimami Iuzhnoi Sibiri i drugikh tiurkoiazychnykh territorii* [Tuvan toponyms. A comparative analysis of toponyms of Tuva with those of southern Siberia and other Turkic-speaking territories]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 296 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2011) *Russkaia toponimiia Tuvy* [Russian placenames in Tuva]. Kyzyl, Redaktsionno-izdatel'skii otdel TuvGU. 168 p. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1969) Zametki po toponimike Tuvy [Notes on the toponyms of Tuva]. In: *Materialy konferentsii «Etnogenez narodov Severnoi Azii»* [Proceedings of the conference "Ethnogenesis of the peoples of North Asia"] / Ed. by E. I. Ubriatova. Novosibirsk, s. n. 247 p. Pp. 232–234. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponiimiia [Tuvan anthroponymy]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of Tuvan State University Publishing house. 207 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2012) Tuvinskie lichnye imena mongol'sko-tibetskogo proiskhozhdeniia [Tuvinian personal names of mongolian and tibetan origin]. *Sibirskii filologicheskii sbornik*, no. 1, pp. 111–116. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2016) Osobennosti sobstvennykh imen usinskikh tuvintsev [The peculiarities of Usinsk Tuvinians' proper names]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, pp. 163–165. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2018) Vklad Bichen Kyrgyzovny Ondar v razvitie toponimiki Tuvy [Bichen Kyrgyzovna Ondar and her contribution to the study of the toponymy of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.1>

Suvandii, N. D. (2019a) Toponimy-tsvetooboznachenii v tuvinskom iazyke [Place names of color designation in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>

Suvandii, N. D. (2019a) Ofitsial'nye i «vtorye» imena etnicheskikh tuvintsev Mongolii [Ethnic Tuvans of Mongolia: Official and 'Second' Names]. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 661–668. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668>

Suvandii, N. D. (2020) Sposoby obrazovaniia prostykh lichnykh imen tuvintsev [Methods of formation of simple personal names in Tuvan]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 88–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.7>

Suvandii, N. D. and Kuular E. M. (2010) Osobennosti upotrebleniia zoonimov u olenevodov-todzhintsev [Features of the use of zoonyms among Tozhu reindeer herders]. In: *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriia, sostoianie, problem [Nomadic civilizations of the peoples of Central and North Asia: history, state, problems]*. Collection of materials of the 2nd International research and practical conference / ed. by N. N. Drozdov. Kyzyl, Krasnoiar'sk, Red.-izd. otdel KGPU. 358 p. Pp. 268–271. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1973) Ob osobennostiakh toponimii severo-vostochnoi Tuvy [About the peculiarities of toponyms of North-Eastern Tuva]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov [The origin of aboriginal peoples of Siberia and their languages]* : Proceedings of All-Union conference, June 14–16, 1973]. Tomsk, Tomskii un-t Publ. 236 p. Pp. 142–144. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1977a) Mestnye geograficheskie terminy severo-vostochnoi Tuvy [Local geographical terms of North-Eastern Tuva]. In: *Sovetskaia tiurkologiia [Soviet Turkology]*. Vol. 5. / Ed. by M. Sh. Shiraliev. Baku, Tip-ia im. 26-ti bakinskikh komissarov. 112 p. Pp. 18–26. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1977b) O toponimii basseina r. Kaa-Khem [On the toponyms of the river Kaa-Khem]. In: *Tuvinskii iazyk i literatura v posleoktiabr'skii period [Tuvan language and literature in the post-October period]* / Ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tip-iia upravleniia po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi trgovli Soveta Ministrov Tuv. ASSR. 192 p. Pp. 88–99. (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Ulamsuren, Ts. (2013) *Osobennosti tuvinskoj rechi zhitelei Kobdo [Features of the Tuvan speech of the people of Kobdo]*: Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 174 p. (In Russ.).

Khiis, G. (2009) *Osobennosti tuvinskoj rechi zhitelei Tsengela [Features of the Tuvan speech of people of Tsengel]*: Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 190 p. (In Russ.).

Chadamba, Z. B. (1965) Tuvinskie imena [Tuvan names]. In: *Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [Directory of personal names of peoples of the RSFSR]*, ed. by N. A. Baskakov et al. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 253 p. Pp. 174–177. (In Russ.).

Chadamba, Z. B. (1993) Sposoby obrazovaniia tuvinskikh lichnykh imen [Formation methods of the Tuvan personal names]. In: *Voprosy tuvinskogo yazykoznaniya [Questions of Tuvan linguistics]* / ed. by D. A. Mongush and B. I. Tatarincev. Kyzyl, Tuvinskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii. 128 p. Pp. 98–105. (In Russ.).

Submission date: 19.09.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.12

Статья

Лексика традиционных послесвадебных обрядов в тувинском языке

Любовь С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен обзор лексики послесвадебных обрядов в тувинском языке с описанием этнографического своеобразия обрядов. Такой подход оправдан в связи с тем, что фразеологически связанное значение лексемы или фразеосочетания свадебной обрядности понимается правильно, без искажения. Материалом исследования послужили сведения из опубликованных работ, словарей, а также данные экспедиций автора по ареальным зонам тувинского языка в 1999–2015 гг.

Анализ лексики традиционного послесвадебного обряда позволил выявить следующие особенности: а) наименования и фразеосочетания традиционных послесвадебных обрядов в основной своей массе являются собственно тувинскими устойчивыми сочетаниями с общетюркскими компонентами (2 лексемы и 6 фразеосочетаний); б) в корпусе названий традиционных послесвадебных обрядов встречаются также собственно тувинские фразеосочетания из общетюркских основ и монгольских заимствований (4), подтверждающие тот факт, что на протяжении длительного времени тувинцы жили в тесном контакте с монголами; в) значительная часть фразеосочетаний зафиксированы в речи носителей зарубежных говоров тувинского языка — ховдинского, цэнгэлского, цагаан-нуурского, а также эрзинского говора юго-восточного диалекта, монгун-тайгинского, кара-холского, бай-тайгинского говоров западного диалекта и хондергейского говора центрального диалекта; г) только 4 фразеосочетания и 1 одна лексема вошли в состав общеупотребительных; д) анализируемые примеры показывают лексические, фонетические диалектные особенности речи носителей юго-восточного, западного, центрального диалектов и зарубежных говоров тувинского языка; е) с течением времени значения некоторых слов, связанных с послесвадебными обрядами подверглись сужению или расширению.

Ключевые слова: свадебный обряд; свадьба; тувинский язык; тувинцы; фразеологизм; фразеосочетание; общетюркский; монголизм

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта гранта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

Для цитирования:

Кара-оол Л. С. Лексика традиционных послесвадебных обрядов в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 169-179. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.12

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (923) 549-02-64. Эл. адрес: lkaraool61@mail.ru

KARA-OOL, Lyubov Salchakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy, Tuvan State University. Postal address: 36, Lenina Str., 667000, Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (923) 549-02-64. E-mail: lkaraool61@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9270-2912

Traditional post-wedding ceremonial vocabulary in Tuvan language

Lyubov S. Kara-ool

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an overview of post-wedding ceremonial vocabulary in Tuvan language and in the descriptions of ethnography of these rites. This approach relies on the fact the phraseological meaning of the lexeme or of the phraseological collocation of wedding rites is understood correctly, without distortion. Our study is based on materials from published works, dictionaries, as well as on data obtained during the author's expeditions to the areal zones of the Tuvan language in 1999–2015.

Studying traditional post-wedding ceremonial vocabulary has revealed the following: a) the names and phraseological units of traditional post-wedding rites are mostly Tuvan collocations with common Turkic components (2 lexemes and 6 collocations); b) in the corpus of traditional post-wedding ritual names there are also native Tuvan collocations of common Turkic bases and Mongolian borrowings (4), proving that Tuvans had been living in close contact with the Mongols for a long time; c) a significant part of collocations has been found present in the speech of native speakers of foreign Tuvan dialects — Khovd, Tsengel, Tsagaan-nuur, as well as the Erzin variant of the South-Eastern dialect, Mongun-taiga, Kara-khol and Bai-taiga variants of the Western dialect, as well as the Khondergey variant of the Central dialect; d) only 4 collocations and 1 lexeme are now used commonly; e) the analyzed examples show lexical and phonetic dialect features of the language of native speakers of the South-Eastern, Western, Central and foreign dialects of the Tuvan language; f) meanings of some post-wedding ritual words have been narrowed or expanded over time.

Keywords: wedding ceremony; wedding; Tuvan language; Tuvans; phraseological unit; collocation; common Turkic; Mongolianism

Financing

The article was written with the support of RFBR as part of grant project No. 19-012-00073 "Transformative processes in the onomastics of the languages of Central Asia: history and modernity in the cases of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia".

For citation:

Kara-ool L. S. Leksika traditsionnykh poslesvadebnykh obriadov v tuvinskom iazyke [Traditional post-wedding ceremonial vocabulary in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.12

Введение

Лексика послесвадебного обряда отражает не только особенности материальной, культурной и духовной культуры тувинского народа, но и лексические и фонетические особенности тувинского языка. Изучение ее сопряжено с некоторыми трудностями, в частности, с недостаточностью фактического материала: в советское время традиционные семейные обряды и обычаи были под запретом, поскольку считались пережитками прошлого, поэтому среди информаторов старшего поколения осталось мало знатоков, хорошо помнящих традиционные свадебные обряды. В исследованиях, связанных с данной темой, также наблюдаются расхождения в описании свадебных обрядов. Интерпретации семантики некоторых слов и устойчивых словосочетаний являются спорными.

Главная цель статьи — последовательный анализ лексики послесвадебного обряда в тувинском языке на основе материалов автора, собранных во время комплексных и диалектологических экспедиций по ареальным зонам тувинского языка (1999–2015 гг.) — все кожууны Республика Тыва (за исключением Тере-Холского), Ховдский, Цэнгелский и Цагаан-Нуурские аймаки Монголии, где компактно проживают этнические тувинцы, а также научной литературы, в которой содержатся рассматриваемые лексемы. Обзор лексики сопровождается описанием этнографического своеобразия обрядов. Такой подход оправдан в связи с тем, что фразеологически связанное значение лексемы или фразеосочетания свадебной обрядности понимается правильно, без искажения.

Из истории изучения лексики традиционных свадебных обрядов

Обзор литературы по лексике традиционных свадебных обрядов в тувинском языке нами сделан в предыдущей статье «Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке» (Кара-оол, 2015: 17–31), поэтому в данной работе даем в сжатом варианте.

Первые этнографические и лингвистические сведения о тувинских свадебных обрядах, связаны с работами Е. К. Яковлева (Яковлев, 1900), Г. Е. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 1926), Ф. Я. Кона (Кон, 1934), которые помимо основных задач своих экспедиций, изучали также быт, традиции и обычаи местного населения. В своих работах они описали отдельные разрозненные элементы свадебного обряда и всего, что с ним связано, но, к сожалению, лексика свадебного обряда в значительной степени была зафиксирована в искаженном варианте, что объясняется с незнанием исследователями местного языка. С середины XX столетия свадебные ритуалы тувинцев нашли отражение в исследованиях С. И. Вайнштейна (Вайнштен, 1961: 135–141), Л. П. Потапова (Потапов, 1969: 228–278). Если первого автора интересовали вопросы брачно-семейных отношений, то второй, подробно описывая этнографию тувинцев, изучил и свадебный обряд родоплеменных групп, которые проживали на территории Монгун-Тайги и Кара-Холя, относящихся к западному диалекту (ЗД), Сут-Холя — центральный диалект (ЦД) и Эрзина — юго-восточный диалект (Ю-ВД) (там же: 228–278).

В советское время свадебный обряд, как важный элемент культуры тувинцев, стал объектом исследования и тувинских ученых, например, С. М. Биче-оол. В ее диссертационной работе (Биче-оол, 1974) анализируются истоки традиционных форм брака и семьи, брачные обряды тувинцев, а также изменения, произошедшие в традиционных брачно-семейных отношениях в ходе культурной революции в периоды Тувинской Народной Республики и Тувинской АССР. С. М. Биче-оол, изучив пережиточные явления матриликального брака, свидетельствующих о силе традиций, отметила, что тувинская семья прошла путь от древних дуально-родовых, экзогамных норм до патрилокальных брачных отношений (там же: 6–8).

Истинный знаток тувинской этнографии М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 1994: 24–35; 2006: 22–33), описывая в своих книгах тувинские свадебные обряды, зафиксировал большой объем лексики, и, как носитель языка, дал их в правильных формах. Т. Кушкаш, исследуя древние традиции Тоджи, кратко описала свадебный обряд таежных и речных тоджинцев (Кушкаш, 1996: 23–24). Этические нормы и поведенческие аспекты свадебных обрядов тувинцев исследовала С. Ч. Донгак (Донгак, 2012), в ее научно-популярном издании рассматриваются также проблемы нарушения некоторых этических норм современных свадебных обрядов.

Свадебные обряды этнических тувинцев Монголии, проживающих в аймаках Цэнгэл, Ховд и Цагаан-Нуур, описали П. С. Серен (Серен, 2000: 26–32; 2006: 50–68; 2013a: 22–34; 2013b: 44–51), Ц. Уламсуренгийн (Уламсуренгийн, 2003: 12–17) и Е. В. Айыжы (Айыжы, 2005). Они отметили хорошую сохранность данных обрядов. А вопросы межэтнических браков тувинцев Монголии и Китая изучила М. В. Монгуш (Монгуш, 2002: 88–94). Ч. К. Ламажаа и Ш. Б. Майны анализируют социокультурные функции свадебной обрядности тувинцев как фактора, определяющего и отражающего традиции социальных связей в этнической общности (Ламажаа, Майны, 2020).

В лингвистике лексика традиционного свадебного обряда тувинцев не освещена полностью, хотя есть исследования, в том числе автора данной статьи (Кара-оол, 2007: 99–101; 2008: 443–456; 2015: 17–31; Хертек, 2007: 68–72; 2008: 80–91). В рассмотренных работах свадебная лексика зафиксирована отрывочно, что связано с основной целью и задачами авторов, в описании этапов свадебного обряда и семантики некоторых лексем и фразеосочетаний встречаются расхождения (Кара-оол, 2015: 18).

Традиционный свадебный обряд любого народа — «это своеобразная народная пьеса со многими картинками и действующими лицами» (Карпучин, 2011: 3), которую можно условно разделить на три акта. Соответственно и свадебная лексика делится на три группы: лексика предсвадебных обрядов 'куда мурнунда ёзулалдар лексиказы'; лексика свадебных обрядов 'куда ёзулалдар лексиказы' и лексика послесвадебных обрядов 'куда соонда ёзулалдар лексиказы'.

Лексика традиционного предсвадебного обряда тувинцев еще не исследовалась. Отдельные ее элементы нашли свое отражение в работах о свадебном обряде (Серен, 2000), о символике мифологических образов в обрядах (Хертек, 2007: 68–72) и терминологии свадебной обрядности (Хертек, 2008: 80–91). Автор статьи тоже включала их в работы, связанные с лексикой свадебного обряда (Кара-оол, 2007), с тувинской семьей (Кара-оол, 2008). Но затем, собрав значительный языковой материал, написала статью по лексике предсвадебных обрядов (Кара-оол, 2015: 17–31). Лингвистическое исследование лексики досвадебных обрядов проведено через описание их этнографического своеобразия и с учетом

территориально-диалектных особенностей тувинского языка. В связи с этим выявились особенности употребления лексики досвадебной обрядности носителями центрального, юго-восточного и северо-восточного диалектов, а также носителями зарубежных диалектов — ховдинского и цэнгелского. В данной работе автор определил и расхождения в традиционных предсвадебных обрядах тувинцев разных мест.

Тувинские свадебные обряды, как и у других народов, не завершаются со свадьбой. И в этой свадебной картине можно выделить несколько послесвадебных обрядов куда *соонда ёзулалдар* — букв. ‘обряды после свадьбы’:

— *арнын чазар* — обряд признания невестки старшими родственниками мужа и снятие запрета общения невестки со свекром и со старшими родственниками мужа;

— *эмиг карыжы* — обряд подношения подарка сватье;

— *аалдаашкын* — первая поездка молодоженов к родственникам невестки;

— *аал-кодан ээрени кылдыртыр* — изготовление амулета молодой семьи, который будет охранять членов семьи и всего, что находится на территории *аала*: скот, имущество.

Итак, в основной части статьи перейдем к анализу каждого из указанных обрядов, определив лексическое значение фразеосочетания, уточнив этимологию его компонентов, а также дав краткое описание обряда, чтобы более точно передать фразеологически связанное значение лексемы или фразеосочетания предсвадебной обрядности.

Арнын чазар

Арнын чазар букв. — ‘лицо (ее) открывать’ (*Хертек*, 1975: 42) — первый послесвадебный обряд — обряд признания невестки старшими родственниками мужа и снятие запрета общения невестки со свекром и со старшими родственниками мужа. По Я. Ш. Хертеку, имеет также значение ‘ближе знакомить друг с другом (преимущественно будущих молодожёнов)’ (там же).

Собственно тувинский фразеологизм *арнын чазар* состоит из общетюркских основ: *арнын* (ее, его) ~ *арын* — ‘лицо’, ‘страница’, *грам.* ‘лицо’ (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 72), см. *алын* / *алин* — ‘лоб, чело’, ‘перед’, ‘лицо, физиономия, внешний вид’, ‘склон горы’ (*Севортян*, 1974: 146);

чазар / *час* — ‘разворачивать, открывать’, ‘распечатывать, распаковывать’ (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 510), др.-тюрк. *jaz-* — ‘развязывать’, ‘распускать’, ‘распускаться, растекаться’ (*Древнетюркский словарь*, 1969: 250), см. тоф. *час* — ‘разбирать на части’ (*Рассадин*, 1971: 194).

Наравне с рассмотренным фразеологизмом обряд признания невестки старшими родственниками мужа обозначается следующими фразеосочетаниями:

1) *арнын ажыдар* букв. — ‘лицо открывать’ (*Кон*, 1934: 88; *Донгак*, 2012: 24).

Собственно тувинское фразеосочетание *арнын ажыдар* состоит из общетюркских основ: *арнын* — ‘(ее) лицо’, см. выше;

ажыдар (аъжыдар) / *ажыт*- в *прям.* и *перен.* — ‘открывать, раскрывать’, ‘отворять’, ‘растворять’ и подобное (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 41; *Толковый словарь ...*, 2003: 74), каузатив от *аш*- см. *ач*- во всех источниках ‘открывать’ (*Севортян*, 1974: 209);

2) *алганып бээр* букв. ‘благословлять’ (монгун-тайгинский говор ЗД) (*Потапов*, 1969: 242).

Собственно тувинское фразеосочетание *алганып бээр* состоит из общетюркских основ: *алганып* / *алганыр* (аълганыр) *рел.* — ‘выкрикивать заклинания (о шамане)’ (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 53), ‘камлать, шаманить, напевая текст’ (*Толковый словарь ...*, 2003: 109), см. **алқа*- — ‘благословлять’ (*Древнетюркский словарь*, 1969: 38), *алқа*- / *алға*- — ‘благословлять’, ‘восхвалять’ (*Севортян*, 1974: 137-138; *Татаринцев*, 2000: 98-99);

бээр / *бер*- — ‘давать, выдавать’, ‘подавать’ (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 132), **ber*- *прям.* и *перен.* — ‘давать, вручать’, ‘даровать’ (*Древнетюркский словарь*, 1969: 95), см. *бе:p*- — ‘давать’ (*Севортян*, 1978: 114; *Татаринцев*, 2000: 214; *Сравнительно-историческая грамматика ...*, 2001: 700), как вспомогательный глагол указывает на действие совершаемое для другого лица (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 132);

3) *алгыш* (аългыш) ‘благословление’ (кара-хольский говор ЗД) (*Потапов*, 1969: 253), *уст.* ‘благословление’, ‘напутствие’ (*Тувинско-русский словарь*, 1968: 53) — имя производное от общетюркского *алқа*- / *алға*- — ‘благословлять’ (*Севортян*, 1974: 137-138; *Татаринцев*, 2000: 101).

4) *келин алгадыр* букв. — ‘невестку благословлять’ (хондергейский говор ЦД) (Кенин-Лопсан, 1994: 31).

Собственно тувинское фразеосочетание *келин алгадыр* состоит из общетюркских основ: *келин* — ‘невестка’ встречается во всех тюркских языках, этимологизируется на тюркской почве, как имя на -н от глагола *кел* ‘приходить’ (Севортян, 1980: 17; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 302; Кара-оол, 2006: 126);

алгадыр (аьлгадыр) — ‘благословлять’, ‘напутствовать’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 53), ‘высказывать благопожелания’ (Толковый словарь ..., 2003: 109), см. **алқа* — ‘благословлять’ (Древнетюркский словарь, 1969: 38; Севортян, 1974: 137; Татаринцев, 2000: 98).

5) *кенин сойгалаар* букв. — ‘невестку снимать’ (цэнгэлский говор Монголии) (Серен, 2006: 65), т. е. признание невестки старшими родственниками мужа.

Собственно тувинское фразеосочетание состоит из общетюркских основ: диал. *кенин* — ‘невестку’ (нарынский говор Ю-ВД) (Полевые материалы автора, 1999), диалектное *кен* является стяженной формой от общетюркского *келин* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 302);

сойгалаар / сойгала — ‘сдирать (кору)’, *перен.* — ‘разоблачать’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 380); в переносном значении ‘снять (с невестки) запрет (общения со свёкром)’ — не зафиксировано в словаре, дериват от общетюркского *сой-* — ‘снимать’, ‘сдирать’ (шкуру), ‘раздеть, снять’ (Древнетюркский словарь, 1969: 507; Этимологический словарь ..., 2003: 283–285);

6) *хол алчыр* букв. — ‘руку передавать (друг другу)’ — ‘из рук в руки передавать’, т. е. свободно общаться со свёкром и другими родственниками мужа (цэнгэлский говор Монголии) (Серен, 2006: 65; Полевые материалы автора, 2008).

Собственно тувинское фразеосочетание состоит из общетюркских основ: *хол* — ‘рука/ручной’, ‘передняя нога’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 480), см. **kol* — ‘рука’, ‘почерк, подпись’, ‘ответвление’ (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 244–245; Этимологический словарь ..., 2000: 37–43);

алчыр совм.-взаимн. — ‘брать вместе’, ‘брать друг у друга’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 56) / *алыш-* от общетюркского *ал-* — ‘брать’ (Севортян, 1974: 127; Татаринцев, 2000: 87; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 699); *алчыр* в переносном значении — ‘свободно общаться’.

Дадим краткое описание обряда: на этапе введения невестки в род жениха появлялся персонаж *Аскак-Кадай* (Хертек, 2007: 70) букв. ‘хромая старуха’ с благородной миссией. Обычно выбирали благополучную женщину *болумчалыг кадай* из рода или окружения, которая, разбрасывая просо из мешка и ударяя топором по земле, обходила ближние *аалы* и приводила невестку в юрту свёкра и свекрови (Кенин-Лопсан, 1994: 31). По некоторым сведениям, в роли *Аскак-Кадай* выступал дядя невестки по матери *даай* с головным убором невестки (Полевые материалы автора, 2008).

Невестка, зайдя в юрту родителей мужа, садилась рядом с женщинами и кланялась очагу юрты свёкра и свекрови *одунга мөгээр*, бросая в горящий огонь щепку с веточками можжевельника *артыш* (Потапов, 1969: 261). Свекровь *кунчуг* с благожеланиями преподносила невестке пиалу с молоком, и та пригубив, возвращала свекрови — ритуал символизировал сближение свекрови и невестки. Затем начинался обряд благословления невестки (Кенин-Лопсан, 1994: 31). Свекор с благопожеланиями подходил к невестке, снимал с нее *думаалай* — ‘свадебное головное покрывало’ и надевал на ее голову национальную шапку. Затем мужчины по очереди угощали невестку нюхательным табаком *чыттаар таакпы*. После чего она выходила из юрты и угощала молоком родственников мужа, которые сидели у юрты, начиная со старших. Затем снова входила в юрту, кропила молоко в огонь, выпрашивая семейного счастья и благополучия.

Арнын чазар — это не просто акт «открывания» лица невесты, но и утверждения ее в новом статусе. Теперь она член рода жениха, и с этого дня может разговаривать со свекром и со старшими родственниками мужа, находиться с ними в одном помещении, передавать что-либо из рук в руки.

Эмиг карыжы

Эмиг карыжы букв. ‘возмещение груди’, т. е. подношение подарка сватье (Рукописный фонд Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) № 108, тетрадь 6. Историко-этнографические материалы, собранные экспедицией сектора истории ТНИИЯЛИ 11.02–20.02. 1958 г. в Чаа-Хольском районе. Руководитель группы Л. В. Гребнев; Потапов, 1969: 243, 255; Кара-оол, 2007: 100; 2008: 455).

Собственно тувинское фразеосочетание состоит из общетюркских основ:

эмиг — ‘грудь’, ‘вымя’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 613), дериват от *эм-* — ‘сосать’, ‘впитывать’, ‘есть, кормиться’ (Севортян, 1974: 271) + *-иг* древнейший аффикс, сохранившийся в числе немногих живых тюркских словообразовательных аффиксов (Исхаков, Пальмбах, 1961: 151), см. **emig* — ‘грудь женщины, соски’, ‘соски животных’ (Древнетюркский словарь, 1969: 173);

карыжы — ‘возмещение’, т. е. ‘невестку, принятую в род жениха, “возмещали” дойной коровой’. Данное значение не отмечено в тувинских словарях, ср. *карышкак перен.* ‘пересекающийся’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 231), т. е. ‘в обмен’; др.-тюрк. *qarıš-* — ‘встречаться’, ‘сходиться’ (Древнетюркский словарь, 1969: 428), см. тоф. *һарышқақ* — ‘пересекающийся’, ‘перекрещивающийся’ (Рассадин, 1995: 38, 207), сойот. *һарышқақ* — ‘пересекающийся’, ‘перекрещивающийся’ (Rassadin, 2010: 127).

Дадим краткое описание обряда: после обряда признания невестки свёкром и старшими родственниками проводился обряд *эмиг карыжы*, когда отец жениха дарил матери невестки дойную корову или лошадь белой масти: за молоко матери, которым была выкормлена дочь (Потапов, 1969: 243). Есть и другое объяснение: невестка как бы «уходила» из своего рода, став членом рода мужа, и ее «возмещали» дойной коровой в благодарность за невестку (Полевые материалы автора, 2010).

Аалдаашкын

Аалдаашкын — ‘приезд в гости’ (Кенин-Лопсан, 1994: 33; Кара-оол, 2008: 455) / *аалдаар* — ‘гостить’ (цагаан-нуурский говор Монголии) (Полевые материалы автора, 2015) — первая поездка молодоженов к родственникам невестки.

Собственно тувинское слово с общетюркской основой *аалдаашкын* — ‘приход (приезд) в гости’, ‘посещение’, *перен.* ‘нападение, разбой’ (Толковый словарь ..., 2003: 37) > *аалда-* — ‘гостить’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 28) > *аал* — ‘селение’, ‘табор’, ‘двор’ (там же: 27), см. *а:ғыл*, — ‘селение’, ‘дом’ (Севортян, 1974: 83; Татаринцев, 2000: 35).

Наряду с общепринятым *аалдаашкын* существуют и другие выражения:

1) *өнчүзүн алыр* букв. ‘наследство взять’ (эрзинский говор Ю-ВД) (Потапов, 1969: 265).

Собственно тувинское фразеосочетание состоит из монголизма *өнчүзүн* (имущество (ее)) / *өнчү* — ‘собственность’, ‘имущество’, ‘владение’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 336), см. *өмч* — ‘собственность’, ‘личное имущество’, ‘наследство’ (Большой академический ..., 2001с: 22; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 348; Татаринцев, 2008: 388) и общетюркского *алыр* см. выше *ал-* — ‘брат’.

На *өнчүзүн алыр* невестка приезжала за своим имуществом, которое приумножалось с раннего детства: ей дарили домашних животных при наречении именем, во время первой стрижки волос в 3 года и т. д.;

2) *көгээржик аксы* букв. — ‘крышка кожаной фляжки’ (бай-тайгинский говор ЗД) (Хертек, 2008: 90).

Собственно тувинский изафет *көгээржик аксы* состоит из монголизма *көгээржик* — ‘кожаная фляжка’ (для кумыса или араки) (Тувинско-русский словарь, 1968: 256): *көгээр* — ‘большая кожаная фляга’ (для кумыса или араки) (там же) + умен.-ласк. аф. *-жик* (Исхаков, Пальмбах, 1961: 148), см. п.-монг. *хөхүүр* — ‘бурдюк для вина’ (Большой академический ..., 2002: 151);

общетюркского *аксы* — ‘устье (реки)’, ‘дуло’, ‘жерло’, ‘крышка’, ‘устный’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 30), см. **агыс* — ‘рот, уста; речь, разговор; отверстие; вход’ (Севортян, 1974: 81–82; Татаринцев, 2000: 41–42).

Көгээржик аксы — «так называется скот, выделяемый молодым со стороны родственников жены, когда они приезжают к ним погостить через год после свадьбы» (Хертек, 2008: 90). Метафорическое выражение: по тувинскому обычаю посуду не возвращают пустой, поэтому, когда молодые собирались домой, вместе с *когержигом* отдавали и личный скот девушки, который приумножался с детства, а также были подарены в день свадьбы.

Дадим краткое описание обряда: примерно через месяц или год (в материалах разные сведения) молодые, вместе с замужней сестрой невестки, ездили в гости к ее родителям. Молодые приезжали с подарками, угощениями и *аракой* (молочное вино) в *когержике*. А когда молодые собирались обратно, им выделяли скот, который принадлежал невестке и был подарен в день свадьбы.

Родители, выделив дочери скот, выводила ее из-под своей опеки. А она, внеся во вновь организовавшее хозяйство часть скота, домашнюю утварь, а в некоторых районах и юрту, оставалась собственницей своего имущества, что давало ей равное право в управлении хозяйством.

Аал-кодан ээрени кылдыртыр

Аал-кодан ээрени кылдыртыр букв. — ‘селения идол делать’ (Куулар и др., 2014: 46–47), т. е. изготовить амулет молодой семьи, который будет охранять членов семьи и все, что находится на территории аала: скот, имущество и т. д. У Л. П. Потапова зафиксировано как *приобретение новых ээрен* (Потапов, 1969: 243).

Собственно тувинское устойчивое фразеосочетание *аал-кодан ээрени кылдыртыр* состоит из общетюркских основ и монголизма: *аал-кодан* — ‘территория аала’, т. е. селения (Тувинско-русский словарь, 1968: 27), см. *а:фыл* — ‘селение’, ‘дом’ (Севортян, 1974: 83; Татаринцев, 2000: 35); монголизм *кодан* — ‘место, где находится аал (юрта или юрты, а также расположенный рядом скотный двор)’, см. п.-монг. *qotan* — ‘стена, вал, ограда, город, селение, стойбище’ (Татаринцев, 2004: 168);

общетюркское *ээрени* (ее, его, их) ~ *ээрен уст.* — ‘идол’ (шаманский) (Тувинско-русский словарь, 1968: 623) зафиксировано в тюркских языках Сибири, см. тофаларское ‘шаманский идол, амулет’ (Рассадин, 1971: 184), сойот. *ээрэн* — ‘шаманский амулет’ (Rassadin, 2010: 229), в современном тувинском языке *ээрен* — общеупотребительное слово;

общетюркское *кылдыртыр* — ‘заставлять (просить) делать что-л.’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 276), дериват *кыл-* — ‘делать’ во всех источниках (Этимологический словарь ..., 2000: 205).

Дадим краткое описание обряда: завершающий торжественный обряд, который дает повод молодым собрать у себя родственников спустя два или три месяца после свадьбы. Молодожены приглашали шамана для изготовления амулета семьи *аал-кодан ээрени кылдыртыр* и первого моления-угощения *ээренир чемгерер* (Куулар и др., 2014: 46–47).

Шаман, изготовив *аал-кодан ээренир*, совершал обряд угощения новых *ээрен*. Всё это сопровождалось исполнением шаманских алгышей *хамның алгыжы*, а затем вешал их на почетном месте юрты. Снимали их только через 3 дня, складывали с *ээреном*, привезённым невесткой из родительского дома, т. е. *амы-хууда ээрен* — ‘личный амулет’, убирали в сундук. Пользовались ими, если кто-то из семьи жаловался на свое здоровье или перед родами молодой хозяйки: доставали *ээрени* из хранилища, развешивали над постелью человека, окуривали можжевельником. А после выздоровления больного или благополучных родов невестки убирали в сундук.

Заключение

Анализ лексики традиционного послесвадебного обряда позволил выявить следующие особенности: а) наименования и фразеосочетания традиционных послесвадебных обрядов в основной своей массе являются собственно тувинскими устойчивыми сочетаниями с общетюркскими компонентами (2 лексемы и 6 фразеосочетаний); б) в корпусе названий традиционных послесвадебных обрядов встречаются также собственно тувинские фразеосочетания из общетюркских основ и монгольских заимствований (4), подтверждающие тот факт, что на протяжении длительного времени тувинцы жили в тесном контакте с монголами; в) значительная часть фразеосочетаний зафиксированы в речи носителей зарубежных говоров тувинского языка — ховдинского, цэнгэлского, цагаан-нуурского, а также эрзинского говора из юго-восточного диалекта, монгун-тайгинского, кара-холского и бай-тайгинского говоров из западного диалекта, а также хондергейского говора из центрального диалекта; г) только 4 фразеосочетания и 1 одна лексема вошли в состав общеупотребительных; д) анализируемые примеры показывают лексические, фонетические диалектные особенности речи носителей юго-восточного, западного центрального диалектов и в зарубежных говорах тувинского языка; е) с течением времени значения некоторых слов, связанных с послесвадебными обрядами подверглись сужению или расширению.

Лексика традиционных послесвадебных обрядов тувинцев показывает символичность обрядов, которые проводились при стечении близких и дальних родственников. И основные элементы традиционных послесвадебных обрядов соблюдаются и сегодня, несмотря на то, что они видоизменялись под воздействием самых разных фактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айыжы, Е. В. (2005) Свадебная обрядность тувинцев Кобдоского аймака Монголии // Природные условия, истории и культуры Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VII Международной конференции (19–23 сентября 2005 г. г. Кызыл): в 2 т. / В. И. Лебедев, С. О. Ондар, Ю. Г. Полулях. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. Т. 2. 252 с. С. 16–20.
- Биче-оол, С. М. (1974) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: автореферат дисс... канд. ист. наук. Л. 20 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001a) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. I. А–Г. 520 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001b) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. II. Д–О. 514 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001c) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. III. Ө–Ф. 440 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2002) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. IV. Х–Я. 510 с.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Наука. 222 с.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край : в 3 т. Л. : б. и. Т. 3. Антропологический и этнографический очерк этих стран. 415 с.
- Донгак, С. Ч. (2012) Тыва куда ёзулалдары = Традиции тувинской свадьбы. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 72 с. (На тув. и рус. яз.)
- Древнетюркский словарь (1969) / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука. 676 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбах, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Восточная литература. 472 с.
- Кара-оол, Л. С. (2006) Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл : РИО ТывГУ. 252 с.
- Кара-оол, Л. С. (2007) Лексика традиционного свадебного обряда в тувинском языке // Казань и алтайская цивилизация. 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция г. Казань, 1–6 июля 2007 г.: Труды и материалы / под общ. ред. З. Г. Нигматова. Казань : Идел-пресс. 264 с. С. 99–101.
- Кара-оол, Л. С. (2008) Тувинская семья // Российская семья: энциклопедия / гл. научный ред. В. И. Жуков. М. : Издательство РГСУ. 624 с. С. 443–456.
- Кара-оол, Л. С. (2015) Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке // Урало-алтайские исследования. № 4 (19). С. 17–31.
- Карпунин, И. Е. (2011) Свадьбы в Башкортостане на стыке тысячелетий : (состояние, поэтика, межэтнические контакты) / отв. ред. В. А. Беглов. Уфа : Китап. 544 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тыва чоннуң бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. Кызыл : Новости Тувы. 192 с. (На тув. яз.).
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет: Собрание сочинений: в 3 т. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев ; тип. Профиздата. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. 293 с.
- Кунаа, А. Ч. (1957) Звуковая система современного тувинского языка / ред. Ш. Ч. Сат. Кызыл : Типография управления культуры. 56 с.
- Куулар, Х., Куулар, Ө., Куулар, Д.-Д., Куулар, Л.-Д. (2014) Хам болгаш делегей [Шаман и мир]. Кызыл : Тип. КЦО «Аньяк». 132 с.
- Кушкаш, Т. (1996) Тожунуң бурунгузу [Древние традиции Тоджи]. Кызыл : Эне сөзү. С. 23–25.
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Монгуш, М. В. (2002) Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы (История и современность). Новосибирск : Наука. 128 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев / отв. ред. А. П. Окладников. М. : Наука. 402 с.
- Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка / отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 252 с.
- Рассадин, В. И. (1995) Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство. 288 с.

Севортыан, Э. В. (1974) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М. : Наука. 768 с.

Севортыан, Э. В. (1978) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М. : Наука. 352 с.

Севортыан, Э. В. (1980) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М. : Наука. 390 с.

Серен, П. (2000) Моолда тываларның чаңчылдары (орук демдектери). [Традиции тувинцев Монголии (путевые заметки)]. Кызыл : Тип УПО «Аныяк». 58 с. (На тув. яз.)

Серен, П. (2006) Моолда сенгел тываларының чаңчылдары (дылының, культуразының материалдары) [Обычаи цэнгэльских тувинцев в Монголии (материалы языка, культуры)]. Кызыл : Респ. тип-я. 104 с. (На тув. яз.).

Серен, П. (2013а) Моолда цагаан-нуур тываларының ёзу-чаңчылдары: дылының, культуразының материалдары [Обряды и обычаи цагаан-нурских тувинцев в Монголии: материалы языка, культуры]. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 192 с.

Серен, П. (2013b) Моолда хомду тываларының ёзулалдары [Обычаи ховдских тувинцев Монголии]. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 160 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев М. : Наука. 824 с.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. I. А–Б. 341 с.

Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. II. Д–Й. 388 с.

Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. III. К–Л. 440 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. IV. М–П. 442 с.

Тувинско-русский словарь (1968) : 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Толковый словарь тувинского языка (2003) / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. I: А–Й. 599 с.

Толковый словарь тувинского языка (2011) / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. II: К–С. 798 с.

Уламсурейн, Ц. (2003) Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 192 с.

Хертек, Я. Ш. (1975) Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 206 с.

Хертек, Л. К. (2007) Символика мифологических образов в обрядах перехода у тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 4 (7). С. 68–72.

Хертек, Л. К. (2008) Устойчивые формулы и терминология свадебной обрядности тувинцев // Эртем бижиктери (Учёные записки) / отв. ред. М. В. Бавуу-Сюрюн. Кызыл : ТывГУ. Вып. II. 174 с. С. 80–91.

Этимологический словарь тюркских языков (2000): общетюркские и межтюркские основы на букву “К” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М. : Индрик. Вып. 2. 265 с.

Этимологический словарь тюркских языков (2003): общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / отв. ред. А. В. Дыбо. М. : Восточная литература. 446 с.

Яковлев, Е. К. (1900) Семейный и общественный быт у сойот: роды, степени родства, брак и положение женщины, развод, население, похороны // Яковлев, Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск : Типография В. И. Корнакова. Вып. 4. 341 с. С. 79–99.

Rassadin, V. I. (2010) Soyotica / ed. by B. Kempf. Szeged : Univ., Dep. of Altaic Studies. 230 p.

Submission date: 20.10.2020 г.

REFERENCES

Aiyzhy, E. V (2005) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev Kobdoskogo aimaka Mongolii [Wedding rites of Tuvans of the Kobdo aimag of Mongolia]. In: *Prirodnye usloviia, istorii i kul'tury Zapadnoi Mongolii i sopredel'nykh regionov [Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and neighboring regions]*: proceedings of the 7th International conference (September 19–23, 2005, Kyzyl): in 2 vols. / ed. by V. I. Lebedev, S. O. Ondar and Yu. G. Poluliakh. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. Vol. 2. 252 p. Pp. 16–20. (In Russ.).

Biche-ool, S. M. (1974) *Traditsionnye brachno-semeinye otnosheniia u tuvintsev i ikh izmeneniia v sviazi s sotsialisticheskimi preobrazovaniiami v Tuve [Traditional marriage and family relations among Tuvans and changes in these brought about by Socialist transformations in Tuva]* : Abstract of Diss... Candidate of History. Leningrad. 20 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001a): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbuev. Moscow, Academia. Vol. 1. 520 p. (In Russ.)

- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001b): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbueev. Moscow, Academia. Vol. 2. 536 p. (In Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001c): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbueev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Large academic Mongolian-Russian dictionary] (2002): in 4 vols. / executive editor. G. Ts. Piurbueev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).
- Grum-Grzhimailo, G. E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryanhaiskii krai* [Western Mongolia and the Uriankhai Territory]. Vol. 3. Part 1. An anthropological and ethnographical sketch of these countries by G. Grum-Grzhimailo. Leningrad, State (Russian) Geographical Society. 412 p. (In Russ.).
- Dongak, S. Ch. (2012) *Tuva kuda ezulaldary = Traditsii tuvinskoi svad'by* [The tradition of Tuvan wedding]. Kyzyl, TuvGU Publ. 72 p. (In Tuv. and Russ.)
- Drevnetiurkskii slovar'* [An old Turkic dictionary] (1969) / ed. by V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.).
- Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya* [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 472 p. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2006) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom yazyke* [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan State University. 252 p. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2007) *Leksika traditsionnogo svadebnogo obriada v tuvinskom iazyke* [Vocabulary of the traditional wedding ceremony in the Tuvan language]. In: *Kazan' i altaiskaia tsivilizatsiia* [Kazan and the Altai civilization]. 50th annual international scientific altaistic conference Kazan, July 1–6, 2007: Proceedings and materials / ed. by Z. G. Nigmatov. Kazan', Idel'-press. 264 p. Pp. 99–101. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2008) *Tuvinskaia sem'ia* [Tuvan family]. In: *Rossiiskaia sem'ia* [Russian family]: an encyclopedia / ed. by V. I. Zhukov. Moscow, RGSU Publ. 624 p. Pp. 443–456. (In Russ.).
- Kara-ool L. S. (2015) *Leksika predsvadebnykh obriadov v tuvinskom iazyke* [Lexicon of pre-wedding rituals in Tuvan]. *Uralo-altaiskie issledovaniia*, no. 4 (19), pp. 17–31. (In Russ.).
- Karpukhin, I. E. (2011) *Svad'by v Bashkortostane na styke tysiacheletii : (sostoianie, poetika, mezhetnicheskie kontakty)* [Weddings in Bashkortostan at the turn of the 3rd millennium : current state of affairs, poetics, interethnic contacts] / ed. by V. A. Beglov. Ufa, Kitap. 544 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Tuva chonnuḡ burungu uzhurlary* [Traditional ethics of Tuvans]. Kyzyl, Novosti Tuvy. 192 p. (In Tuv.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of Tuvans]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 232 p. (In Russ.).
- Kon, F. Ya. (1934) *Ekspeditsiia v Soiottiiu* [An Expedition to Soyotia]. *Za piat'desiat let* [In fifty years]: in 3 vols. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-pereselentsev. Vol. 3. 296 p. (In Russ.).
- Kunaa, A. Ch. (1957) *Zvukovaia sistema sovremennogo tuvinskogo iazyka* [The sound system of the modern Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 53 p. (In Russ.).
- Kuular, Kh., Kuular, Ö., Kuular, D.-D. and Kuular, L.-D. (2014) *Kham bolgash delegei* [Shaman and the world]. Kyzyl, Tip. KTso «Anyiak». 132 p. (In Tuv.).
- Kushkash, T. (1996) *Tozhunuḡ burunguzu* [The ancient traditions of Tozhu Tuvans]. Kyzyl, Ene sözü. Pp. 23–25. (In Tuv.).
- Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) *Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii* [Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Mongush, M. V. (2002) *Tuvinty Mongolii i Kitaia. Etnodispersnye gruppy (Istoriia i sovremennost')* [Tuvans of Mongolia and China. Diaspora groups: history and modernity]. Novosibirsk, Nauka. 128 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (1971) *Fonetika i leksika tofalarskogo iazyka* [Phonetics and lexics of Tofalar language]. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 252 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I. (1995) *Tofalarsko-russkii slovar'. Russko-tofalarskii slovar'* [A Tofalar-Russian and Russian-Tofalar dictionary] / ed. by I. D. Buraev. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 288 p. (In Russ.).

Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye* [An etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic vowel bases] / ed. by R. M. Zaleskovskaia. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.).

Sevortian E. V. (1978) *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvu "B"* [An etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases with the letter "B"] / ed. by N. Z. Gadzhieva. Moscow, Nauka. 352 p. (In Russ.).

Sevortian E. V. (1980) *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvy "V", "G", "D"* [An etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on the letters "B", "G", "D"] / ed. by N. Z. Gadzhieva. Moscow, Nauka. 390 p. (In Russ.).

Seren, P. (2000) *Moolda tyvalarnyñ chañchylgary (oruk demdekeri)*. [Traditions of the Tuvans of Mongolia: travel notes]. Kyzyl, Tip UPO «Anyiak». 58 p. (In Tuv.)

Seren, P. (2006) *Moolda sengel tyvalarynyñ chañchylgary (dylunyñ, kul'turazynyñ materialdary)* [Customs of Tsengel Tuvans in Mongolia: materials of language and culture]. Kyzyl, Resp. tip-ia. 104 p. (In Tuv.).

Seren, P. (2013a) *Moolda tsagaan-nuur tyvalarynyñ ezu-chañchylgary: dylunyñ, kul'turazynyñ materialdary* [Rituals and customs of Tsagaan-Nur Tuvans in Mongolia: materials of language and culture]. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 192 p. (In Tuv.).

Seren P. (2013b) *Moolda khomdu tyvalarynyñ ezulaldary* [Customs of the Khovd Tuvans of Mongolia]. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 160 p. (In Tuv.).

Sravnitel' no-istoricheskaja grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (2001) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. I: A–B. 339 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. D–I. 388 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. K–L. 440 p. (In Russ.).

Tatarintsev B. I. (2008) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. M–P. 442 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Tolkovyj slovar' tuvinskogo yazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 597 p. (In Russ. and Tuv.).

Tolkovyj slovar' tuvinskogo iazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2011) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. II. K–C. 798 p. (In Russ. and Tuv.).

Tsetsegdar', U. (2003) *Obraztsy fol'klora i rechi Kobdoskikh tuvintsev* [Samples of folklore and speech of the Kobdo Tuvans]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 191 p. (In Russ.).

Khertek, Ya. Sh. (1975) *Tuvinsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [A Tuvan-Russian phraseological dictionary]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 206 p. (In Russ.).

Khertek, L. K. (2007) *Simvolika mifologicheskikh obrazov v obriadakh perekhoda u tuvintsev* [Symbolism of mythological images in the rites of passage among the Tuvans]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4 (7), pp. 68–72. (In Russ.)

Khertek, L. K. (2008) *Ustoichivye formuly i terminologija svadebnoi obriadnosti tuvintsev* [Stable formulas and terminology of Tuvanian wedding rites]. In: *Ertem bizhikteri (Uchenye zapiski)* / ed. by M. V. Bavuu-Surun. Kyzyl, TyvGU. Vol. II. 174 p. Pp. 80–91. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov [Etymological dictionary of Turkic languages] (2000): common Turkic and inter-Turkic bases with the letter "K" / ed. by G. F. Blagova. Moscow, Indrik. Vol. 2. 265 p. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov [Etymological dictionary of Turkic languages] (2003): common Turkic and inter-Turkic bases with the letter "L", "M", "N", "P", "S" / ed. by A. V. Dybo. Moscow, Vostochnaja literatura. 446 p. (In Russ.)

Yakovlev, E. K. (1900) *Semeinyi i obshchestvennyi byt u soiot: rody, stepeni rodstva, brak i polozenie zhenshchiny, razvod, naselenie, pokhorony* [Family and social life of the Soyot: birth, degree of kinship, marriage and status of women, divorce, population and funeral]. In: Yakovlev, E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela Muzeja* [An ethnographic review of the South Yenisei Valley and the explanatory catalogue of the Museum's Ethnography Research Department]. Minusinsk, V. I. Kornakov. 357 p. Pp. 79–99. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2010) *Soyotica* / ed. by B. Kempf. Szeged, Univ., Dep. of Altaic Studies. 230 p.

Submission date: 20.10.2020.

Актуальное конфессиональное письмо: между историографией и биографией (предварительные замечания к рукописи «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев»)

Александр А. Пригарин

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина,

Алена А. Стороженко

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Маргарита П. Татаринцева

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается рукопись «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев» Н. Г. Сидоркиной. Данный текст был создан в самом начале XXI в. (2002 г.), однако отображает сложные исторические процессы обособления и жизнедеятельности староверов-титовцев на протяжении всего XX в., особенно — на Среднем Енисее. Данная рукопись расценивается авторами как оригинальное старообрядческое сочинение новейшего времени. В центре внимания рукописи — носители самобытного мировоззрения — староверы титовского согласия «енисейского меридиана», единого конфессионального пространства современных часовенных, включающего в себя Красноярский край и Туву.

Проанализированы обстоятельства создания рукописи, а также ее содержание. Оригинальность текста порождена путем «внутреннего диалога», автоэтнографическими рефлексиями. Проведенный предварительный источниковедческий анализ, а также использование ряда экспедиционных методов позволили не только показать самобытность документа, но и охарактеризовать его значение для актуальной историографии старообрядчества. Показательно, что исследовательница, используя опыт полевых наук, превратила свою жизнь в перманентное исследование самобытной группы старообрядчества.

Проведена характеристика выразительного жанра рукописи, которая позволяет ставить вопросы о современном «старообрядческом письме» как культурном феномене. Выявлена его структурно-семантическая специфика. Согласно авторской концепции, рукопись одинаково ориентируется как на конфессиональную, так и общую грамотность. Такая «двойная» эрудиция, активное использование мировоззренческих установок обеих социальных практик взаимно обуславливают дальнейшее развитие старообрядческой мысли.

Ключевые слова: Тыва; старообрядчество; часовенное согласие; титовское согласие; Енисей; Сым; енисейский меридиан; рукопись; житие; заповедная вера

Для цитирования:

Пригарин А. А., Стороженко А. А., Татаринцева М. П. Актуальное конфессиональное письмо: между историографией и биографией (предварительные замечания к рукописи «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев») // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 180-200. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.13

Пригарин Александр Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Адрес: 65020, Украина, г. Одесса, ул. Мечникова, 72 кв. 28. Тел.: +380505691067. Эл. адрес: prigarin.alexand@gmail.com

Стороженко Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 5. Тел.: +7 (394) 222-218-89. Эл. адрес: alstorozhenko@yandex.ru

Татаринцева Маргарита Петровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

Contemporary confessional writing between historiography and biography (preliminary notes on the manuscript “Sacred faith. The book of life and sufferings of the Old Believers of Sym”)

Alexander A. Prigarin

Odesa I. I. Mechnikov National University, Ukraine

Alena A. Storozhenko

Tuvan State University, Russian Federation

Margarita P. Tatarintseva

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article examines the manuscript of the book “Sacred faith. The book of life and sufferings of the Old Believers of Sym” written by N. G. Sidorkina (Golovko). Although created at the very beginning of 21st century (2002), the text deals with the complex history of life and isolation Titovtsy (a group of Old Believers) experienced in the 20th century, especially along the Middle Yenisei. The authors examine the manuscript as an original work by a contemporary Old Believer. The article focuses on the Old Believers of the Titov accord living along the “Yenisei Meridian”, a unified confessional space of the Chasovennoye accord which includes the Krasnoyarsk territory and Tuva, and on these people’s authentic worldview.

The authors study how the manuscript was created, as well as its content. Its uniqueness is due to the “internal dialogue” and autoethnographic reflection. The preliminary analysis of the text’s sources, and the use of expedition methods of textual study, helped both demonstrate the authenticity of the manuscript and describe its importance for the current historiography of the Old Belief. It is significant that the researcher herself, using her field experience, turned her life into a continuous study of a distinctive group of Old Believers.

The article also examines the expressive genre of the manuscript, which contributes to the “Old Believer writing” as a cultural phenomenon and reveals its structural and semantic features. According to the Sidorkina’s concept, the manuscript is equally focused on both confessional and general literacy. This “double” erudition and active appeal to both worldviews have mutually determined further development of Old Believer thought.

Keywords: Tuva; Old Belief; Chasovennoye accord; Titov accord; Yenisei; Sym; Yenisei Meridian; manuscript; hagiography; sacred faith

For citation:

Prigarin A. A., Storozhenko A. A. and Tatarintseva M. P. Aktual'noe konfessional'noe pis'mo: mezhdru istoriografiei i biografiei (predvaritel'nye zamechaniia k rukopisi «Zapovednaia vera. Kniga zhitiia i stradanii symskikh staroobriadtsev») [Contemporary confessional writing between historiography and biography (preliminary notes on the manuscript “Sacred faith. The book of life and sufferings of the Old Believers of Sym”)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 180-200. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.13

PRIGARIN, Aleksandr Anatolyevich, Doctor of History, Professor, Department of Archaeology and Ethnology of Ukraine, Odesa I.I. Mechnikov National University. Postal address: Apt. 28, 72 Mechnikov St., 65020 Odesa Ukraine. Tel.: +380505691067. Email: prigarin.alexand@gmail.com **ORCID ID: 0000-0002-6684-309X**

STOROZHENKO, Alena Aleksandrovna, Candidate of History, Associate Professor, Department of the History of Russia, Tuvan State University. Postal address: 5 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 222-218-89. Email: alstorozhenko@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0001-9986-8966**

TATARINTSEVA, Margarita Petrovna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Sector of History, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Email: margotatar@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-2118-1926**

Введение

В 80-х годах XX века по инициативе д. ф. н. Л. Г. Самотик (Самотик, 2001: 209–229), профессора Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (далее — КГПУ), в Красноярском крае проводились комплексные гуманитарные экспедиции. С 1989 г. по 2000 г. дружный коллектив единомышленников — преподавателей и студентов КГПУ, а также Красноярского госуниверситета (в настоящее время Сибирского федерального университета, СФУ), Института искусств (в настоящее время Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского) и учащихся школы № 41 Красноярска собирал материалы по фольклору, народным говорам, приемам народной педагогики, этнографии, истории, ономастике, произведения самодельных писателей русского населения, преимущественно старообрядческого, долины Среднего Енисея (Самотик, Петроченко, 2001: 3–4). Для одной из студенток КГПУ — Натальи Григорьевны Лузько, эти поездки в отдаленные сибирские поселения стали судьбоносными. Она познакомилась с енисейскими староверами, их культурой и бытом и настолько Наталья, по ее словам, почувствовала себя в староверческой среде своей, что осталась в ней навсегда «словно домой вернулась» (Полевые материалы авторов — далее ПМА, 2019). Вышла замуж и стала Сидоркиной, началась повседневная жизнь в традиционной староверческой семье, но литературных занятий и исследовательского поиска не прекратила (фото 1).

Фото 1. На заимке С-ой¹, Красноярский край, август 2019 г. Фото А. А. Пригарина.

Photo 1. At zaimka (hunter settlement) S., Krasnoyarsk krai, August 2019. Photo by A. A. Prigarin.

В 2002 г. Н. Г. Сидоркина (Лузько) отправила в Литературный музей Красноярска свою рукопись «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев», напечатанную на печатной машинке с просьбой по возможности ее опубликовать, а если нет — то отправить ей обратно. При первом же знакомстве с рукописью научному сотруднику музея Галине Александровне Толстой стала понятна ее источниковедческая значимость. Она начала вводить материалы рукописи одной из первых в научный оборот (Толстова, 2007; Электр. ресурс; 2012), но не успела завершить эту работу. Сейчас подготовка рукописи авторами настоящей статьи совместно с сотрудниками Литературного музея к изданию идет полным ходом и, надеемся, что в ближайшем будущем она увидит свет.

Данная рукопись нами расценивается как оригинальное конфессиональное сочинение новейшего времени. Во-первых, это чуть ли не единственная известная науке версия последовательного изложения прошлого и мировоззрения «титовского согласия». Во-вторых, она примечательна не только содержанием, но и способом создания — несмотря на академическую структуру изложения, она представляет собой конфессиональный текст, написанный «изнутри». В-третьих, опыт ее написания путем

¹ Этические принципы современной антропологии допускают, при необходимости, неразглашение топонимов.

классического «метода включенного наблюдения» позволяет вернуть этот инструментарий в арсенал исследователя замкнутых традиционалистских сообществ.

Рукопись написана, с одной стороны, человеком, включенным в конфессиональную среду, но с другой — выросшему и сформировавшемуся в других социальных условиях. Это, безусловно, наложило отпечаток на характер сочинения. Это тот случай, когда главной целью автора была фиксация важных для нее смыслов и установление идейной границы с иноверным миром, а далее с помощью этого текста и на его основе предпринимается попытка упорядочить собственную жизнь (Бахтина, 1999; Бахтина, Дутчак, 2008: 288).

В контексте этого, мы обозначаем целью настоящей статьи предварительную публикацию обстоятельств создания (внешняя критика) и характеристики личности автора, его литературно-полемиических и исследовательских приемов. Безусловно, что такое исследование будет эффективным лишь путем включения этой рукописи в смысловые векторы истории старообрядчества «енисейского меридиана», а также дискуссии о продуктивности полевого инструментария в современных условиях. Для достижения этой цели, видим следующие задачи:

- реконструировать основные характеристики оригинальной рукописи и его автора, обстоятельств создания текста;
- описать и раскрыть основное содержание текста в контексте актуальной истории староверов-титовцев, раскрывая их мировоззренческие особенности;
- охарактеризовать исследовательские приемы исследователя, реализованные в рамках метода включенного наблюдения (автоэтнографии), с позиций дискуссий о продуктивности полевых наблюдений для гуманитарного знания.

Реализуя данные задачи, мы опирались на конкретный случай непосредственного создания знаний о вере (предмет нашего исследования) в специфических обстоятельствах индивидуального перехода от научных задач к «растворению» в собственном «поле», т. е. жизни исследователя в изучаемом объекте. Для нее, равно как и для нас, объектом выступили носители самобытного мировоззрения — староверы «енисейского меридиана» — единого конфессионального пространства современных часовенных и титовцев Красноярского края и Тувы (Стороженко, 2019: 6; Костров, Моррис, 2019: 97).

Хронология работы определяется двумя стратами: созданием рукописи в начале XXI века, событиями индивидуального жизненного пути автора; а также — процессами развития титовского согласия среди староверов на Енисее в XX — первых десятилетиях XXI в. Для науки представляет интерес как факт создания такого «катехизиса», так и те эмпирические сведения, которые позволяют проводить реконструкции прошлого опыта и картины мира одного из направлений староверия.

Основным источником выступила рукопись Н. Г. Сидоркиной «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев». Ее эвристический потенциал проявляется, как минимум, в двух направлениях: воссоздание самобытной версии мировоззрения и социальных практик в исторической динамике староверов-титовцев; исследование текста, основные идеи которого сформировались под влиянием титовского вероучения. Для этих характеристик привлекались экспедиционные материалы, собранные в течение более чем полувекового «путешествия за редкими книгами» (Покровский, 1984) исследователями Новосибирска, Томска, Одессы, Иркутска, Кызыла, Кирова, Тарту, Красноярска в местах компактного проживания староверов Сибири: Туве, Красноярском крае, Хакасии, Иркутской и Томской области. Особое место среди этих исторических документов принадлежит коллекции новосибирских коллег во главе с Н. Н. Покровским (Журавель, 2001, 2014; Зольникова, 1996, 1999; Покровский, 1991, 1976, 1996, 1992; Покровский, Зольникова, 2002). На протяжении 2016–2019 гг. авторы данной статьи исследовали и ввели в научный оборот ряд письменных и визуальных источников, созданных в интервале 1960–2010-х гг. (Быкова, Стороженко, Пригарин, 2018; Стороженко, 2019; Татаринцева, 2019). Весь этот корпус был привлечен для реконструкции общего контекста (аналогий и обобщений, формирования общих контекстов) создания и бытования памятников этноконфессиональной книжности в регионе.

В экспедиционной практике мы прибегали к хрестоматийному инструментарию (наблюдение, опрос, фиксация, эксперимент и сбор и выявление документального материала). Для характеристики рукописи Н. Г. Сидоркиной использовались методы компаративного, типологического и структурно-функционального анализов, а также специальные приемы источниковедческой и археографической критики источников (Дутчак, 2018). Для выявления места оригинальной рукописи в системе современных староверческих сочинений применялись принципы и подходы, присущие социальной архео-

графии и исторической антропологии. Они же выступили базовыми, для рефлексий по поводу вариативности полевых стратегий в изучении старообрядцев (разработана одним из соавторов: Пригарин, 2008).

Обзор научной литературы

Начатое Н. Н. Покровским в 60-е годы XX века археографическое открытие Сибири (Покровский, 1984) состоялось именно в Туве. Однако приходится признать, что изучение исторического прошлого и современной конфессиональной ситуации старообрядчества «енисейского меридиана», несмотря на лестные отзывы о явном прорыве в тувинской историографии в этом отношении (Моллеров, 2019: 27), еще только начинается. В последние годы, на волне устойчивого интереса к сохранившемуся тувинскому заповеднику старой веры, резко выросло количество публикаций (Данилко, 2019; Дутчак, 2019а; Костров, 2018; Костров, Моррис, 2019; Быкова, Пригарин, 2019; Пригарин, 2018; Рыговский, 2019; Стороженко, 2015, 2019; Стороженко, Татаринцева, 2016; Татаринцева, Стороженко, 2015, 2019; Татаринцева, 2006, 2018, 2019). Большой частью это результаты многолетних полевых и камеральных исследований тувинского старообрядчества как органичной и важной части последователей старой веры «енисейского меридиана» международным коллективом историков, фольклористов, антропологов, этнографов, искусствоведов. В том числе работы вышли в 2019 г. в специальном выпуске журнала «Новые исследования Тувы» с темой «Русский мир и старообрядчество “енисейского меридиана”»¹, обозначившего вектор современных исследований в этом отношении ученых Кызыла, Иркутска, Одессы, Тарту, Вудбурна, Томска, Москвы, Кирова и других городов.

Памятники современной старообрядческой литературы в Сибири давно и фундаментально исследуются сотрудниками многих исследовательских центров Новосибирска, Екатеринбурга, Томска, Барнаула, Горно-Алтайска, Красноярска, Улан-Удэ, Иркутска, Омска и других. Однако, стоит отметить, что основной упор делался либо на реликтовой архаике, либо же на сочинениях старообрядцев как особой ветви русского литературного процесса (Журавель, 2014: 11). Стало уже общим местом утверждение, что «без книги нельзя сохранить веру, православные каноны» (Бойко, 2015: 4).

Благодаря многолетним исследованиям и постоянной рефлексии томской археографической школы, удалось развернуть вектор исследований кириллической книжности к собственно социально-археологическому аспекту с дальнейшим переводом на уровень социально-антропологический. «Главным при изучении староверия становится определение места в его системе человека вообще и читающего в частности» (Бахтина, Дутчак, 2008: 287). Такой подход позволяет отойти от привычного пассивного восприятия книги и сместить акценты на роли самого процесса взаимодействия человека и книги/конфессионального текста. Выясняя побудительные причины создания и функционирования кириллической книги, постепенно переходим к ее социальным функциям. В такой ракурс попадает не только традиционная грамотность и чтение, но и актуальные практики создания/восприятия новейших текстов-книг (известно, с каким интересом староверы читают, процесс любознательности приводит их далеко за пределы собственно конфессиональных изданий).

Обширная отечественная библиография посвящена преимущественно литературно-полемическому и книжному наследию старообрядцев часовенного согласия всей протяженности «енисейского меридиана» — от Тувы до Красноярского края. Произведения о Симеоне (в миру — Сафона Яковлевича Лаптева)², Афанасия Герасимовича Мурачева³ (Мурачев, 1999), Исая Назаровича Жарикова (Журавель, 2001) и др. Вот далеко не полный список тех, чьи письменные мысли опубликованы, проанализированы и введены в научный оборот. Особо отметим многолетние эффективные усилия ученых новосибирской археографической школы академика Н. Н. Покровского. Именно ими были открыты и впервые исследованы сочинения писателей, созданные в рамках рукописной старообрядческой культуры XVIII — начала XXI в., в том числе оригинальные литературные сочинения народных писателей-старообрядцев новейшего времени (Урало-Сибирский патерик ..., 2014).

Творчество ученика о. Симеона Афанасия Герасимовича Мурачева подробно изучено Н. Д. Зольниковой (Зольникова, 1992ab, 2005, 2010), метко охарактеризовавшей последнего, и как писателя, и как

¹ <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/41>

² О. Симеон. Познание от твари Творца и Управителя вселенныя // Проза Сибири. 1996. № 1. С. 276–278.

³ Герасимов А. Повесть о Дубчесских скитах / публ., коммент. и вступ. ст. Н. Н. Покровского // Новый мир. 1991. № 9. С. 91–103.

оригинального крестьянского религиозного мыслителя (Зольникова, 1992b: 284). Он ставил себя в один ряд с предшественниками по труду — толкованию и пророчествам — блаженным Иеронимом, Андреем Кесарийским, продолжая этот полемический ряд.

В 2018 г. в полевых исследованиях верховьев Малого Енисея авторами данной статьи также найдены сочинения лидера тувинских часовенных черноризца о. Палладия (в миру — Петра Карповича Чунарева). В настоящее время идет их обработка и подготовка к печати.

Исследователями анализируются методы работы современных старообрядческих писателей, отмечается роль древнерусского и ранневизантийского агиографического канона, фольклора и реалистических тенденций в создании агиобиографий, включенных в Урало-Сибирский патерик. Как справедливо указывает О. Д. Журавель «появление сочинений, созданных писателями-старообрядцами, было вызвано разными причинами, лежащими вне сферы чистой эстетики: стремлением обосновать правоту верования, опровергнуть позицию идейных противников, запечатлеть историю согласия или зафиксировать проявления святости подвижников» (Журавель, 2014: 3).

В позднем старообрядческом творчестве вновь становится актуальным воспроизведение традиционных жанровых образцов, авторская точка зрения зачастую выражается, как и в древнерусской литературе, через подборку цитат, сохраняет свое значение принцип компиляции. Писатели-старообрядцы новейшего времени активно включают в свои сочинения элементы разных жанров фольклора, от причети до быличек, литература становится более проницаемой для народных религиозно-мифологических представлений. Ярким тому свидетельством является трехтомный «Урало-Сибирский патерик» — историко-агиографическое сочинение второй половины XX в., или творчество Афанасия Мурачева (там же: 4–5).

Отечественная историографическая традиция полна яркими, запоминающимися характеристиками сибирских наследников древнерусской традиции: о А. Г. Мурачеве — «оригинальный крестьянский религиозный мыслитель», «таежный писатель» (Зольникова, 1992b: 284); о И. Н. Жарикове — «таежный богослов» (Зольникова, 1998b: 77). Рукопись уймонского старца Т. Ф. Бочкарева, опубликовавшая ее Н. И. Шитова отнесла к жанру исторического предания старообрядцев, яркого проявления «локальной культуры межэтнических и межнациональных отношений» (Шитова, 2013: 246). Н. Д. Зольникова, анализируя в многочисленных работах литературное наследие о. Симеона, А. Г. Мурачева, И. Н. Жарикова (Зольникова, 1998ab, 2016) отмечала, что «яркая старообрядческая литературная традиция прошлых веков еще не угасла» (Зольникова, 1992b: 288).

Характеристика современного литературного ландшафта старообрядцев была бы неполной без упоминания о книге Даниила Терентьевича Зайцева о жизни и непростой судьбе староверов-часовенных, живущих за границей (Зайцев, 2014). Имевшая большой резонанс эта современная старообрядческая документальная повесть была по достоинству оценена учеными как литературное явление и ценный диалектологический источник (Ровнова, 2015: 324).

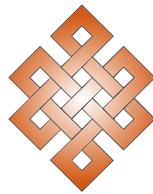
О печатной и рукописной старообрядческой книге в Туве написано немного (Татаринцева, 2006; Бойко, 2006, 2015; Бородихин, 2018; Бураева, 2018). В основном исследователи описывают найденные в экспедициях памятники и материалы. Отмечено, что изучение неканонической части книжной традиции Тувы только начинается (Бураева, 2018: 36).

В литературном и историко-полемическом отношении «енисейский меридиан» на всем своем протяжении по-прежнему богат на находки. Единство конфессиональной истории «прошлого», напряженность социальной практики «настоящего» заставляет народных писателей-староверов братья за перо во имя благодатного «будущего» потомков.

Стоит отметить, что не всегда сочинения современных сибирских таежных богословов, особенно эсхатологического и полемического характера, находили повсеместную поддержку и одобрение в среде одноверцев, скорее, наоборот. Рукопись «Заповедная вера» также была отдана автором на, так сказать, «внешнюю экспертизу» титовской матушке и была в целом одобрена. Иначе Н. Г. Сидоркина не решилась бы на ее публикацию.

Исторический контекст

Освоение и заселение Сибири русским населением происходило неравномерно. Средняя Сибирь (или Енисейская Сибирь), под которой в исторических исследованиях подразумевается территория современного Красноярского края, Тувы и Хакасии, в переселенческих процессах являлась своеобразным

транзитным коридором для переселенцев в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. В то же время для старообрядцев всех согласий «енисейский меридиан» был подходящим регионом для вселения и формирования конфессиональной сети. «В XIX — начале XX в. перемещения мотивировались стремлением найти “чистые”, “неповрежденные никонианством” земли, на рубеже 1920–1930-х гг. — намерением присоединиться к единоверцам в более отдаленных и труднодоступных районах» (Дутчак, 2019а: 33). Русское крестьянское население появилось в Туве немногим более века. В основном это были выходцы из соседних с Урянхаем (старое название Тувы) сибирских губерний и Алтая, которые когда-то переселились в Сибирь из Европейской России. В Туве их привлекали природные богатства края и обилие пригодных для земледелия свободных земель. «Примерно третью часть переселенцев составляли старообрядцы, которых, кроме уже названных причин для переселения, привлекала возможность свободно исповедовать старую веру, за которую в России они подвергались гонениям со стороны государства и официальной церкви» (Татаринцева, 2019: 112).

К началу XX столетия богатая пушниной и слабозаселенная коренным населением (остяками и эвенками) территория Среднего Енисея была освоена и прочно заселена выходцами с Русского Севера. В междуречье левых притоков Енисея — Сыма и Каса — сложилась компактная группа русского старожильского населения (Литвиненко, 2001: 102). На рубеже 1930–1940-х годов в бассейне реки Дубчес (левого притока Енисея) на территории Красноярского края и соседней Томской области в результате многолетнего переселения уральских и западносибирских крестьян и скитников образовалась сеть мирских поселков и монастырей старообрядцев часовенного согласия (Стороженко, 2019: 7). В Сибирь титовцы переселились из Пермской губернии небольшими группами, скорее всего родственными кланами на рубеже XIX–XX вв. В настоящее время их немногочисленные общины разбросаны по притокам Енисея на р. Сым и р. Безымянка Енисейского района и р. Подкаменная Тунгуска Туруханского района Красноярского края, есть небольшая община в Енисейске.

«Титовцы» или «титовские», как субконфессиональное направление старообрядчества, наименее изучено как с религиозной стороны, так и с исторической. Будучи локализованы в настоящее время в конфессиональном бассейне «енисейского меридиана», представители этого старообрядческого направления переселились сюда из Томской области, на территории которой они считаются «безвозвратно исчезнувшими», наряду с «рябиновцами», «дырниками» и «тюменскими» (Бахтина, Дутчак, 2008: 287).

Наиболее интенсивный период конфессиональной жизни, судя по имеющимся глухим упоминаниям, пришелся на второе и третье десятилетие XX века, когда в 1912, 1923, 1924 и 1926 годах проходили соборы титовцев¹. Следующее упоминание о таком важном факторе конфессиональной практики и, в то же время, показателя наличия «живой традиции» любого старообрядческого согласия как собор, относится только к 2005 г. (там же).

Вопрос о том, какое событие или процесс, что наиболее вероятно, стало отправной точкой отделения титовцев от материнского ядра такого мощного конфессионального организма как часовенные, еще только предстоит понять и узнать. Думается, что одной из задач написания этой рукописи была попытка разобраться в деталях этого процесса, обосновать его результаты, как не напрасные. Общая конфессиональная история заставляет титовцев постоянно апеллировать к конфессиональным практикам, системе запретов и книжному наследию часовенных. Это проходит лейтмотивом через весь текст рукописи.

Радикализация их конфессиональных установок, в смысле отношений к инославному миру, произошла под влиянием местных странников и часовенных, то есть уже в Сибири. Как отмечал А. И. Мальцев, «свое название титовцы получили от представителей других направлений старообрядчества — по имени своего наиболее авторитетного учителя начала XX века — Тита Тарасовича. Сами себя титовцы предпочитали называть православными христианами, “ревнителями древности”, или же просто староверами» (Мальцев, 1997: 92).

Собственно, конфессионально титовцы мало чем отличаются от часовенных. Но и от имеющих отличий отступать не собираются. Обряд крещения и наличие/отсутствие изображения голубя на Распятии, разное восприятие антихриста — вот, пожалуй, и все отличия, сближающие в то же время их с поморцами. На территории Тувы титовских общин, насколько нам известно, не существовало.

¹ Краткая история церкви [Электронный ресурс] // Иерархия литургических церквей. URL: <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-starob-titovci.html> (дата обращения: 12.07.2020).

Мотивы и обстоятельства создания рукописи

Вопросами сохранения традиций древнерусской книжности в творчестве крестьянских писателей нашего времени и проблемами диалектной лексикографии Н. Г. Сидоркина (Лузько) заинтересовалась еще в студенческие годы.

«Простые русские люди, зачастую не имеющие образования, занятые тяжелым повседневным трудом, достаточно серьезно занимаются литературным творчеством. Что это? Если народные промыслы — это единение трудовой деятельности и души крестьянина, то деятельность народных писателей — это прямое свидетельство духовных исканий народа. Их произведения не должны бесследно исчезнуть, они достойны всяческого внимания и изучения» (Лузько, Самотик, 2001: 36) (фото 2).

Собственно с этого интереса «к крестьянским писателям, работающим над религиозными текстами» (там же: 35), первоначально исключительно учебно-научного, но быстро и устойчиво переросшего в творчество и самостоятельный поиск и началась работа Н. Г. Сидоркина над собственным сочинением.

В нашем распоряжении есть два списка рукописи. Первый — это тот, что мы получили из рук автора в августе 2019 г. Машинописный текст напечатан на современной бумаге желтого цвета, имеет множество поздних вставок, как минимум, двумя почерками, нумерация сквозная, структурирован по главам. По словам автора, рукописные пометы на полях и даже на целых листах сделаны одной из титовских матушек. Второй список — это полученная в ноябре 2019 г. в Литературном музее Красноярска ксерокопия варианта машинописной рукописи 2002 г., предназначавшаяся для издания. Она также имеет небольшие исправления и рукописные вставки, сделанные, очевидно, самим автором.

Замкнутость образа жизни, значительная удаленность старообрядческих поселений, стремление до минимума сократить контакты с внешним миром, в том числе ряд запретов и ограничений на использование технических устройств, включая мобильные телефоны, обусловленные особенностями религиозного образа жизни староверов, заставляют исследователей преодолевать сотни километров, чтобы добраться до их поселений. И не всегда ученым «улыбается удача» — информант может быть в отъезде, занят на сезонных работах, просто отказаться от общения. Нашему приезду в августе 2019 г. Наталья Григорьевна была удивлена, поскольку уже отчаялась, что ее рукопись когда-нибудь увидит свет, но с готовностью согласилась ее отдать и поработать над ее редактированием (фото 3). Правда, сделать это непросто, учитывая нерегулярность почтового сообщения, зависящее в том числе и от времени года. Не все удалось узнать при единственной короткой встрече, поэтому в настоящей статье есть ряд предположений, уместных на этапе предварительного разбора.

Фото 2. Общинная библиотека, заимка С-ая, Красноярский край, август 2019 г. Фото А. А. Пригарина.
Photo 2. A community library, zaimka S., Krasnoyarsk krai, August 2019.
Photo by A.A. Prigarin

Оба списка рукописи одинаковы по объему и по состоянию на сегодняшний день насчитывают каждый 186 листов основного текста, в том числе 25 литерных, с приложениями и многочисленными рукописными вставками, сделанных рукой титовской матушки (листы не переплетены). Текст рукописи Наталья Григорьевна согласовывала с титовским наставником Ульяном Нестеровичем Сидоркиным, своим свекром, в семье которого прожила несколько лет на глухой сибирской заимке.

В основе 1 и 2 глав лежат выписки Тита Тарасовича Выгвинцева — основателя титовского согласия. Остальные три главы содержательно являются результатом жизненного опыта автора в старообрядческой среде — личных наблюдений и переживаний.

Текстуальное сопоставление списков показало, что большая часть рукописных дополнений титовской матушки были учтены и стиливым образом обработаны Н. Г. Сидоркиной при подготовке варианта 2002 г. Однако, имеются расхождения и разночтения. В частности, наибольшему редактированию подверглись первая и вторая главы рукописи.

*Фото З. А. А. Стороженко и Н. Г. Сидоркина (справа) на заимке С-ая, Красноярский край, август 2019 г. Фото А. А. Пригарина.
Photo Z. A. A. Storozhenko and N. G. Sidorkina (right) at zaimga S., Krasnoyarsk krai, August 2019. Photo by A. A. Prigarin*

Краткая характеристика содержания текста

Трудно рассматривать эту рукопись в рамках одного какого-то жанра, поскольку в разных ее частях просматривается влияние самых разных произведений народных авторов-старообрядцев, — от изложения богословских основ старой веры и полемических сочинений до летописи, жизнеописаний в духе житийной литературы, а то и нарративов, излагающих повседневную жизнь обитателей таежных деревень, расположенных по Сыму— левому притоку Енисея. Наряду с описанием обрядов, характерных для титовского толка (отпочковавшегося от часовенного согласия), к которому принадлежит автор, на многих страницах рукописи с этнографической точностью излагаются отдельные стороны трудовой деятельности и быта единоверцев автора, например, промысловые занятия охотников и рыбаков, описываются способы добычи, орудия и приспособления, применяемые при этом, и т. д. Эту часть сочинения можно использовать как пособие по изготовлению этих самых орудий и приспособлений, благо, на страницах имеются даже простейшие чертежи и рисунки. В то же время автор наблюдает за особенностями речи местного населения, выделяет народные пословицы, поговорки, наряду с библейско-евангельскими афоризмами, которые широко используется в живой речи, в поучительных, воспитательных и оценочных суждениях этого сообщества, в котором Н. Г. Сидоркина, имеющая специальное филологическое образование, прожила на момент создания рукописи более десяти лет. Завершающая глава рукописи так и называется — «Лексикон», где отмечены малоизвестные слова местного говора.

В то же время лейтмотивом, сквозной мыслью через всю рукопись проходит идея глубоко верующего человека — о необходимости веры в Бога, зависимости человека от Бога, от Божьей воли, и это тоже воспринимается как одна из главных задач, которую ставит перед собой автор, постоянно и настойчиво повторяя и внушая это свое убеждение, обращаясь к будущему читателю.

Филологическая подготовка, литературная грамотность сказывается на языке и стиле изложения и выборе тем для размышлений. В частности, на страницах рукописи автор пытается осмыслить многие противоречия и вызовы сегодняшнего дня, как-то: сочетание глубокой религиозности и современных технических достижений, христианские нравственные правила жизни в сегодняшней жизни, гендерные аспекты в новом времени и др. В целом, ориентируясь на уже имеющиеся и известные сочинения народных писателей-старообрядцев, иногда полемизируя с ними, но чаще подражая их стилю «наивного письма», используя популярные в подобных сочинениях приемы диалога, спора при обсуждении религиозных догм, отдельных обрядов, вставляя в текст самодельные стихи деревенских авторов, обычно на религиозные темы и т. д., автор рукописи все же идет своим путем. Помимо религиозных авторитетов, на чьи суждения и крылатые афористические выражения обычно опираются авторы подобных сочинений, чаще в полемике, Н. Сидоркина использует литературные примеры — из Тэффи, Бальзака, проводит аналогии жизненных ситуаций, возникших на Сыму, с героями Л. Андреева, Л. Толстого, делает эпиграфом к своему сочинению цитату из В. Одоевского и т. д. Имеются ссылки на современных авторов, освещающих нынешние проблемы старообрядчества и будущего старой веры, например, на сочинения М. Перевозчикова, А. Мурачева, настоятеля и основателя толка «титовцев» Тита Выгвинцева, а также известных ученых, занимающихся изучением старообрядцев часовенного согласия — Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольникову и др.

В названии рукописи Н. Г. Сидоркина отдает дань сложившейся традиции, употребив слово «страдания», хотя в охватываемый ею временной период жизни староверов Сыма – последние десятилетия XX века — ни о каких гонениях и преследованиях, «страданиях» староверов речи уже не идет, все это осталось в прошлом, хотя и памятно. Но и легкой жизнь жителей глухих таежных деревень по Сыму в суровом сибирском климате, довольно подробно описанной Н. Сидоркиной, тоже никак не назовешь — это каждодневный тяжелый труд человека и постоянная борьба за выживание. Хотя сама тема жизни на земле как цепь непрерывных страданий во многих старообрядческих сочинениях традиционно рассматривается именно в таком ключе, жизнь староверов по Сыму, крепко верующих и трудолюбивых, хотя и требует огромных усилий, не воспринимается как страдание, напротив, внушает некий оптимизм, веру в человеческие возможности.

В целом рукопись Н. Г. Сидоркиной «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев» можно охарактеризовать как феноменальный для этого типа сочинений случай сочетания у автора хорошей светской образованности, современного кругозора, с глубоко религиозным сознанием, через призму которого пропущено все содержание рукописи.

Содержание сочинения Н. Г. Сидоркиной изложено в 5 главах и приложении. Главы имеют названия:

1. Старая вера,
2. Мировоззрение старовера,
3. Сельскохозяйственные работы староверов,
4. Воспитание детей,
5. Лексикон.

Завершает рукопись приложение, которое содержит рукописный архив настоятеля староверов титовского толка Тита Тарасовича Выгвинцева — это его выписки из сочинений авторитетных религиозных авторов, его собственные сочинения, рассуждения по поводу прочитанного и на богословские темы в целом, отношение к другим толкам и др. В приложении также имеются два небольших нравственно-поучительных рассказа (по-видимому, самого автора) «Сенокос» и «Старые мысли», иллюстрирующие тесную связь в душе человека материального и духовного.

Как видно из структуры рукописи, тематически и жанрово она очень неоднородна, при близком ознакомлении с текстом обнаруживаются также стилистическая и языковая разнородность в изложении, что легко объясняется рассматриваемыми темами, разными в каждой главе. Прожив более 10 лет в сообществе старообрядцев-титовцев, автор досконально знает правила этой жизни — духовно-нравственные и хозяйственно-бытовые и полностью принимает их. Конечно, ближе всего к современному литературному изложению последние три главы, тогда как первые, посвященные вопросам старой

веры и религиозному мировоззрению староверов, насыщены архаизмами, полемикой и диалогами условных собеседников, рассуждающих о праведной вере, цитатами на церковнославянском языке и т. д. Поэтому они требуют от современного читателя определенных усилий для полного понимания.

Глава «Старая вера»

Автор излагает свои представления о том, что такое старая вера и кто такие староверы. «Сила староверов в понимании божественной сути земного»¹ — на протяжении трех десятков страниц автор утверждает эту мысль, поворачивая ее разными гранями. Разъясняя учение древнего православия², автор обращается к истории раскола, образования толков и согласий, объясняет суть их отличий. Подробно изложены автором основные расхождения в вероучении часовенных и титовцев, они касаются обрядов, главным образом крещения, а также в толковании прихода Антихриста (чувственном или духовном). Излагаются также различия в христианской вере никониан (новообрядцев) и старообрядцев. Главное, по мнению автора, состоит в том, что для старовера его религия — это образ жизни, сама жизнь, все его существование на земле проходит под знаком спасения души для будущей жизни в раю. А для новообрядца религиозность есть только одно из его духовных проявлений, но не главное в жизни.

Автор коротко излагает новшества, привнесенные в учение старой веры Титом Тарасовичем Выгинцевым, основателем толка титовцев, и то общее, которое есть у титовцев с часовенными (общего намного больше).

Н. Г. Сидоркина описывает повседневную религиозную жизнь старовера, круг чтения, обязательный в каждой семье, раннее приобщение детей в семье к религиозной литературе. Любой взрослый начитан, часто цитирует прочитанные книги, а примерами из жизни святых объясняют сегодняшнюю жизнь (ученые называют это явление актуализацией Священных текстов. — *Авт.*).

Сохраняется традиция в семьях в свободное время чтения вслух религиозной литературы. Взгляд на идеальную семью старовера: «Семья как маленькая церковь, где богослужение — главное занятие»³.

Во избежание монотонности, унылого однообразия, придания живости повествованию о древле-православии автор прибегает к определенным приемам, часто встречающимся, впрочем, и у других авторов, рассуждающих на богословские темы: используется форма диалога между условными учителем и учеником, матерью и дочерью, отцом (тятей) и сыном. В текст вводятся духовные стихи и стихи на религиозные темы местных самодеятельных сочинителей, обильно цитируются Библия и Евангелие, апостолы, другие раннехристианские вероучители — Святой Ефрем, Андрей Кесарийский, Кирилл Иерусалимский и др., а также библейские афоризмы, крылатые выражения, ставшие народными пословицами. Впрочем, цитаты и афоризмы, принадлежащие раннехристианским вероучителям, рассыпаны в рукописи по всем главам, зачастую они — не только меткое, образное выражение или философское осмысление ситуации, но для человека и руководство к правильному действию.

Итак, важнейшее жизненное кредо старообрядца на Сыму: «На все воля Божья, все в руках Божьих». Если у старовера случается беда, то следует вывод: «Это Бог наказал»⁴. Однако, как показывает содержание других глав, такая вера в предопределенность судьбы человека не делает их фаталистами, пассивными по отношению к окружающему миру; человек с помощью Бога все равно ищет пути к преодолению всех жизненных невзгод и испытаний.

Глава «Мировоззрение старовера»

Следующая глава тематически близка к предыдущей, так как представляет собой изложение философских воззрений старообрядцев на тему жизни и смерти, болезнях, крепости духа и других важных для христианина представлений, о нравственных нормах человеческого общежития, без которых не-

¹ Сидоркина Н. Г. Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев (рукопись 2019 года). Л. 3.

² Древлеправославие (или древнее благочестие), старообрядчество (или староверие) — это общее название русского православного духовенства и мирян, стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви и отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII веке патриархом Никоном и продолженную его последователями, вплоть до Петра I включительно. См.: Старообрядчество [Электронный ресурс] // Русская вера. Всемирный союз староверов. URL: <https://ruvera-ru.turbopages.org/s/ruvera.ru/staroobryadchestvo>

³ Сидоркина Н. Г. Заповедная вера. ... Л. 25.

⁴ Там же. Л. 31.

возможен образ жизни, направленный на служение Богу и спасение души. «Старовер молится, начиная любую работу, молится, работая, молится, завершая, чтобы не все трудиться, а во славу Господа. Каждое дело — с молитвой»¹. Автор рассматривает различные искушения и соблазны, которые подстерегают молодежь в современной жизни и которая не может устоять в вере среди мирских соблазнов.

Один из соблазнов — новая техника, которая широко используется в хозяйстве старообрядцев, казалось бы, устроенному по совершенно патриархальному типу. Однако мобильные телефоны, электроприборы, мотоблоки, снегоходы, моторные лодки и прочая сельскохозяйственная и бытовая техника охотно используются в хозяйстве старовера. Но «радио и телевидению не давайте убивать свою душу»²!

Автор рассматривает смысл многих запретов и ограничений, принятых в духовной и бытовой жизни старообрядцев. Например, особое отношение к плотской любви, запрет на аборт, даже омовение, которое «есть плотское угождение». Существуют и стойкие правила по отношению одежды — повседневной и праздничной, к внешнему виду человека в целом. Соблюдение этих правил имеет свое подтверждение на практике, например, как считают староверы, после смерти «напрасны будут молитвы за безбородого и неправокрещенного»³.

Итак, 1 и 2 главы рукописи популярно излагают постулаты старой веры и ее отличия от официального синодального православия. Делаются экскурсы в историю раскола и рассматривается современное ее состояние, ее влияние на формирование мировоззрения старообрядца, которое коротко можно сформулировать так: «Кратковременная земная жизнь человека — лишь подготовка к жизни вечной»; «Все в воле Божьей». Для подкрепления своих мыслей автор использует цитаты из известнейших сочинений раннехристианских мыслителей и высказывания из Священного писания, а также Тита Тарасовича Выгвинцева — настоятеля титовского толка.

Глава «Сельскохозяйственные работы староверов»

Молитва перед всякой работой, без нее все дела — пустая суета. Это важнейшее правило в жизни старовера. Содержание главы отражает повседневные занятия таежного жителя для жизнеобеспечения. Старовер, живущий по Сыму, — и земледелец, и скотовод, и промысловик-охотник, и ремесленник, — мастер на все руки. Хотя ближе к концу XX века в хозяйстве староверов появилось много покупных изделий — от разнообразной техники хозяйственного назначения до домашней утвари и покупной одежды, все же сам тип хозяйствования оставался в основном патриархальным, то есть почти все необходимое для традиционной крестьянской семьи производилось собственными силами, своими руками (*фото 4*).

Внимательно прочитывая текст, поражаешься, насколько хорошо знает автор-женщина не только все виды женских работ, необходимые в крестьянстве по дому, по хозяйству, но и чисто мужские дела и занятия. По ее тщательному описанию, имеющемуся в рукописи, даже не очень умелый человек может самостоятельно изготовить камусные лыжи, необходимые для таежной охоты, смастерить «комбайн» для сбора брусники или приспособление для очистки кедровых орехов от шелухи, освоить технологию подледного лова рыбы и многое другое, тем более что нередко описания самодельных приспособлений для охоты и сбора даров тайги снабжены простыми чертежами и рисунками. Другие страницы рукописи напоминают руководство по выживанию человека в экстремальных условиях. Например, простое дело — обогреть дом в лютый мороз. Однако надо знать, что в сильный мороз прогреть дом лучше лиственничными дровами, в обычные дни пойдет сухара (остатки горелого леса), а вот от березы тепла меньше. А чтобы печка не дымила, протопить ее надо осиновыми дровами, они прочистят от сажи и трубы, и печные колодцы.

Автор хорошо разбирается в охотничьих делах: как и когда охотиться на лося, на медведя, соболей, белок и др. Подходы, приемы, оружие, капканы — все разное для каждого вида охоты. Капканы, палашки, кулемки, помимо разных ружей — все в ходу во время охотничьей поры (еще студенткой Н. Г. Сидоркина на базе экспедиционных текстов опубликовала «Охотничьи рассказы» (*Самотик, Лузько, 1992: 293–297*)). Существуют различия между зимней и весенней охотой. В речи жителей таежной деревни распространены местные специфические слова, отражающие охотничий род занятий и таежные реалии, например: *сухара, ондатреть* (добывать ондатру), *уткарить* (охотиться на уток), *грибничать* и т. д.

¹ Сидоркина Н. Г. Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев (рукопись 2019 года). Л. 39.

² Там же. Л. 47.

³ Там же. Л. 44.

Фото 4. Заимка С-ая, Красноярский край, август 2019 г. Фото А. А. Пригарина.

Photo 4. Zaimka S., Krasnoyarsk krai, August 2019. Photo by A.A. Prigarin.

Но, даже живя неделями в охотничьей избушке, старOVER не расстается с иконой, лестовкой, божественной книгой. И, конечно, ко всякому делу приступает с молитвой.

Во время любой работы соблюдаются обязательные правила: нельзя охотиться, проливать кровь во время великих праздников, вообще заниматься какой-либо серьезной, ответственной работой в такие праздники — грех, толку не будет, «праздничная работа погубляет будничную»¹.

Главу о трудовых занятиях старообрядцев-таежных жителей Н. Сидоркина заканчивает так: «Пусть труд не удаляет вас от Бога, но ведет к Нему»². Современному читателю, ознакомившемуся со всем этим разнообразием занятий, умений, приспособлений, знаний и с трудовой этикой таежных староверов в целом, невольно приходит на ум еще одна пословица, еще один жизненный принцип: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Глава «Воспитание детей»

Духовное и житейское воспитание нового поколения в традициях старой веры — важнейшая жизненная цель старообрядца. Заметки о том, каким должен быть старOVER и как воспитывать в нем нужные качества, встречаются во всех частях рукописи, а затем эта тема выделена в отдельную главу.

На первом месте — духовное воспитание человека, приобщение к старой вере. Цель — привести человека к Богу и только как следствие — привитие нравственности. С 3-х лет малыш немного стоит на коленях, осваивает крестное знамение. С 5–7 лет дети поют псалмы и каноны. Главный метод воспитания в семье старOVERа — личный пример. Приобщают к труду мальчиков отцы, а девочек — матери. Постепенно девочки берут на себя всю домашнюю работу: уход за скотом, огородом, работу на кухне. Старшие сестры в семье обычно нянчат младших детей — поэтому в семьях говорят: «Надо сначала няньку, потом ляльку»³.

¹ Сидоркина Н. Г. Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев (рукопись 2019 года). Л. 63.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 78.

Любимые детские занятия и забавы зачастую связаны с конкретными, посильными для детей делами: собирать кедровую шишку-падалку, ловить бурундуков (шкурки которых потом сдают в промхоз) и др. Известны, конечно, детям и традиционные игры крестьянских детей — прятки, салочки, «чижик», «бери да помни», словесные игры на сообразительность и смекалку и др.

Дети, выросшие в лесной уединенности, быстро взрослеют. Если девушка на выданье, как правило, с 16 лет знает, как вести дом и все крестьянское хозяйство, то парень в 18 лет может построить дом, разобраться в любой технике и знает всю мужскую работу, которую делает отец.

Молодежь уезжает в «мир»¹ только тогда, когда приходит время жениться или замуж выходить. Выехав на первых порах с родителями, они стараются поменьше общаться с «неверными», не вникать в их дела и не забывать молиться. Увы, автор знает и такие случаи, когда «сына озер и лесов, хозяина тайги» прельщает соблазн городских удовольствий.

Глава «Лексикон»

Последняя глава была бы невозможна без профессиональной филологической подготовки автора. Проблемы диалектной лексикографии интересовали ее еще в студенческие времена, а став жительницей сымской старообрядческой деревни, Н. Г. Сидоркина продолжила наблюдения над местным говором и в последней главе рукописи привела около 200 слов, характерных для местного говора, составила свой словарь-лексикон, указав, что эти диалектизмы не попали ни в какие другие словари местных говоров и отмечаются впервые.

Конкретно автор ссылается на «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» (*Словарь русских ...*, 1988), куда собранные ею слова местного говора не попали. «Лексикон» составлен по обычным правилам толкового словаря. Н. Г. Сидоркина называет диалектное слово, раскрывает его семантику, затем приводит пример употребления этого слова в речи своих земляков — жителей деревень, расположенных по Сыму.

Приведем лишь некоторые примеры:

БАЛАБОЛИТЬ — болтать, пустословить. «Пока мы с гостями языками балаболили, мать ужин стоговила и на стол собрала»².

ПОГОНЯХ — маменькин сынок. «Ну, погоняха, хватит за маминой юбкой хвостом виться»³.

УЮЗГАТЬ — вытоптать, измять. «Ребятя залезли в огород, весь горох уюзгали»⁴.

ШИШКОМЯЛКА — орудие для обмолота шишек. «Шишкомялку с собой увезу, чтобы сразу на месте шишку прокрутить, просеять»⁵.

«Лексикон» Н. Сидоркиной заинтересует не только любителей родной словесности, собирателя редких выразительных и, увы, уже исчезающих из живой речи слов, обычно таковыми бывают писатели (вспомним А. Солженицына), но и ученых-языковедов, диалектологов.

Заключение

Подчеркнем, что рукопись «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев» мы рассматриваем в качестве прямого и уникального источника. Его эвристическая ценность заключается в описании и понимании титовского согласия методами сбора и характеристики «поля». Замкнутая традиционалистская группа не может быть изучена внешними «наскоками». Подобные знания грешат неточностями и ошибками. Лишь методом включенного наблюдения (автоэтнографии) можно продуктивно понять культурную специфику и попробовать их репрезентировать во внешний мир с помощью науки. Поразительно, как академический предмет стал романтическим поводом, чтобы быть вновь препарирован в жанре исследовательских наблюдений! Оказывается, аксиологические толкования, тесно вплетенную в мировоззрение и практику староверов, оказываются продуктивным кодом для окружающих.

¹ Буквально: уезжает в другой населенный пункт. В конфессиональном значении — выходит из общины, из братии.

² Сидоркина Н. Г. Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев (рукопись 2019 года). Л. 82.

³ Там же. Л. 90.

⁴ Там же. Л. 65.

⁵ Там же. Л. 96.

Перед нами — яркий пример новейшего старообрядческого сочинения, где форма и структура обогащена научным опытом изучения. А вот содержание наполнено мыслями «ревнителее древлего благочестия». Подобный синтез выразительно характеризует жанр современной староверческой мысли и соответствующих способов ее предоставления. Только путем превращения собственной биографии в «поле» удалось стать факт(ор)ом историографии. Так, идеографический путь (от частного — к общему) хорошо известный с ранних этапов гуманитарной науки получает принципиально новое осмысление.

Для нас это и была встреча с «человеком читающим» — хранящим, толкующим, переписывающим конфессиональный текст (Бахтина, Дутчак, 2008: 289). Не сомневаемся, что такие встречи надо организовывать для более широкого круга думающих людей путем публикации ее рукописи.

Благодарности

Особую благодарность хочется выразить д-ру ист. н., профессору Николаю Ивановичу Дроздову, который познакомил одного из соавторов (А. А. Стороженко) с Л. Г. Самогик, за оказанную поддержку и внимание. Первая экспедиция соавторов к старообрядцам «енисейского меридиана» в 2018 г. стала возможна благодаря его личному участию в ее подготовке, его советам и наставлениям; д. филол. н., профессору Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева Людмиле Григорьевне Самогик; консультанту отдела по делам национальностей, религий и казачества Управления общественных связей губернатора Красноярского края Елене Владимировне Нельзиной; заведующей Литературным музеем им. В. П. Астафьева Красноярского краевого краеведческого музея Ольге Петровне Ермаковой; руководителю проекта РФФИ № 19-012-00238 «Локальные традиции и историческая память в искусстве старообрядцев XX – начала XXI вв.» канд. иск., доценту Вятского государственного университета Екатерине Алексеевне Быковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтина, О. Н. (1999) Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск : Изд-во Томского университета. 261 с.

Бахтина, О. Н., Дутчак, Е. Е. (2008) От «книги читаемой» к «человеку читающему»: из опыта работы археографической экспедиции Томского университета (1986–2006) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья / отв. ред. И. В. Поздеева. Ярославль : Ремдер. 388 с. С. 285–299.

Бойко, Е. С. (2006) Книга как святыня у староверов на Енисее // Седьмые Макушинские чтения. Материалы научной конференции. г. Красноярск / отв. ред. Е. Н. Савенко. Новосибирск : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. 408 с. С. 18–21.

Бойко, Е. С. (2015) Наличие печатных и рукописных книг православной тематики в семьях староверов на Енисее // VIII Юдинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции : в 2 ч. / сост.: Е. В. Бурцева, Т. И. Матвеева; отв. за вып. А. П. Калугин. Красноярск : Краевое государственное автономное учреждение культуры ; Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Ч. 2. 292 с. С. 4–13.

Бородихин, А. Ю. (2018) Древние книги Сибири (по материалам археографических экспедиций ГПНТБ СО РАН) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 3. С. 145–157.

Бураева, С. В. (2018) Старообрядческая книжная традиция Енисея: возможности и проблемы компаративного анализа // Вестник Восточно-сибирского государственного института культуры. № 4 (8). С. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2018-4-8-29-38>

Быкова, Е. В., Пригарин, А. А. (2019) Мир визуальных образов старообрядцев Тувы: от иконы и лубочной картинки до фотографии // Новые исследования Тувы. № 1. С. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.6>

Быкова, Е. В., Стороженко, А. А., Пригарин, А. А. (2018) «Светильник XX столетия, наставник и учитель слову Божию»: памяти Мурачёва Афанасия Герасимовича (24 октября 1921 — 12 сентября 2008) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, Ю. В. Попкова, А. А. Стороженко. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 146–151.

Данилко, Е. С. (2019) «Смерть ближе рубашки»: похоронная обрядность старообрядцев-часовенных // Новые исследования Тувы. № 1. С. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.4>

Дутчак, Е. Е. (2018) Полевая археография : учебно-методическое пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. 100 с.

Дутчак, Е. Е. (2019а) Сибирские старообрядческие скиты и их паства на рубеже 1920–1930-х гг. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>

- Дутчак, Е. Е. (2019b) Старообрядческое историописание последней трети XX века: цель и методы // Вестник Томского государственного университета. История. № 60. С. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/60/20>
- Журавель, О. Д. (2001) «Девствующая церковь Христова на Севере» о. Симеона — памятник современной старообрядческой литературы // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. : сб. науч. статей / ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, Л. В. Титова, Е. Н. Туманик. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 385 с. С. 274–292.
- Журавель, О. Д. (2014) Литературная культура старообрядцев XVIII–XX вв. : автореф. ... д. филол. н. Екатеринбург. 44 с.
- Зайцев, Д. Т. (2014) Повесть и житие Даниила Тереньевича Зайцева. М. : Нон-фикшн. 700 с.
- Зольникова, Н. Д. (1992a) Историко-эсхатологическое сочинение XX века // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Наука. 208 с. (Серия «Археография и источниковедение Сибири». Вып. 16). С. 160–190.
- Зольникова, Н. Д. (1992b) Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии, Америки / отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск : Наука. 324 с. С. 283–288.
- Зольникова, Н. Д. (1996) Человек и вселенная в сочинениях главы сибирского старообрядческого монастыря о. Симеона // Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история. № 2. С. 50–54.
- Зольникова, Н. Д. (1998a) Урало-сибирские староверы в первой половине XX.: Древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Наука. 316 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 18). С. 174–191.
- Зольникова, Н. Д. (1998b) Эсхатология енисейского старовера-книжника часовенного согласия Исаия Назаровича (1970–е гг.) // Уральский сборник: История. Культура. Религия / отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета. 303 с. С. 73–80.
- Зольникова, Н. Д. (1999) Таежный писатель // Традиция и литературный процесс / отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 544 с. С. 174–191.
- Зольникова, Н. Д. (2005) А. Г. Мурачев. «О останке Израилевом» // Духовная литература староверов востока России в XVIII–XX вв. / подг. Н. Н. Покровским, Н. С. Гурьяновой, Н. Д. Зольниковой и др. Новосибирск : Сибирский хронограф. 799 с. С. 536–541.
- Зольникова, Н. Д. (2010) Мемуары А. Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX — начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 309 с. (Серия «Археография и источниковедение Сибири». Т. 29). С. 213–288.
- Зольникова, Н. Д. (2016) Эсхатологические споры часовенных в последней трети XX в. как инструмент самоидентификации // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 23. № 3. С. 85–89.
- Костров, А. В. (2018) «Окно в мир»: современный настенный лист старообрядцев часовенного согласия как отражение их мировоззрения // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, Ю. В. Попкова, А. А. Стороженко. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 156–162.
- Костров, А. В., Моррис, Т. Б. (2019) Визуально-текстовая агиография в настенных листах современных старообрядцев часовенного согласия // Новые исследования Тувы, № 1. С. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>
- Литвиненко, И. И. (2001) К истории носителей говора междуречья Сыма и Каса // Материалы комплексной гуманитарной экспедиции на средний Енисей / отв. ред. Л. Г. Самотик. Красноярск : РИО КГПУ. 115 с. С. 84–108.
- Лузько, Н. Г., Самотик, Л. Г. (2001) Творчество крестьянских писателей нашего времени и проблемы диалектной лексикографии // Материалы комплексной гуманитарной экспедиции на средний Енисей / отв. ред. Л. Г. Самотик. Красноярск : РИО КГПУ. 115 с. С. 35–38.
- Мальцев, А. И. (1997) Титовское согласие — локальная группа старообрядцев в XX веке // Проблемы историко-культурного наследия Сибири и Дальнего Востока . Материалы региональной научной конференции / отв. ред. А. П. Долнаков. Новосибирск : ИЦ Writer. 102 с. С. 91–92.
- Моллеров, Н. М. (2019) Общины евангельских христиан-баптистов в Тувинской Народной Республике (1926–1932 гг.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.2>
- Мурачев, А. Г. (1999) История о Дупчском ските // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск : Сибирский хронограф. 799 с. С. 289–292.
- Покровский, Н. Н. (1991) За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. № 9. С. 77–90.
- Покровский, Н. Н. (1976) Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние. Т. XXX: Историческое повествование Древней Руси. 387 с. С. 165–183.

- Покровский, Н. Н. (1984) Путешествие за редкими книгами. М. : Книга. 192 с.
- Покровский, Н. Н. (1992) Скитские биографии // Новый мир. № 8. С. 194–210.
- Покровский, Н. Н. (1996) «Повести чудесных событий» из Урало-Сибирского патерика XX в. // Труды отдела древнерусской литературы. 1996. / ред. коллегия: А. А. Алексеев, О. А. Белоброва, Д. М. Буланин, И. В. Поньрко, М. А. Салмина. СПб. : Издательство «Дмитрий Буланин». Т. 50. 568 с. С. 568–572.
- Покровский, Н. Н., Зольникова, Н. Д. (2002) Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. : Проблемы творчества и общественного сознания. М. : Памятники исторической мысли. 471 с.
- Пригарин, А. А. (2008) Модели исследовательских стратегий в этнологии: вызов поля и индивидуальный опыт // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / под ред. Г. А. Комаровой. М. : ИЭА РАН. 296 с. С. 141–161.
- Пригарин, А. А. (2018) Старообрядчество в процессах переходов: инновации как способ выживания и осмысления // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, Ю. В. Попкова, А. А. Стороженко. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 167–172.
- Ровнова, О. Г. (2015) Старообрядческая документальная повесть как литературное явление и диалектологический источник // Діалекти в синхронії та діакронії: текст як джерелолінгвістичних студій / відповідальний редактор П. Ю. Гриценко. Київ : Інститут української мови НАН України. 504 с. С. 314–327.
- Рыговский, Д. С. (2019) Енисейские и шорские староверы: сложная структура «простого» сообщества // Новые исследования Тувы. № 1. С. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.5>
- Самотик, Л. Г. (2001) Русский язык на Среднем Енисее // Научный ежегодник КГПУ. Вып. 2. Том. 2 / редкол. : Н. И. Дроздов (отв. ред.) и др. Красноярск : РИО КГПУ. 292 с. С. 209–229.
- Самотик, Л. Г., Лузько, Н. Г. (1992) Рассказы охотников (на материале экспедиции в с. Ярцево, д. Кривляк в 1989–1990 гг.) // Светлица : русский журнал (ноябрь — декабрь). № 1. С. 293–298.
- Самотик, Л. Г., Петроченко, Т. В. (2001) Организационно-педагогические основы комплексной гуманитарной экспедиции // Материалы комплексной гуманитарной экспедиции на средний Енисей / отв. ред. Л. Г. Самотик. Красноярск : РИО КГПУ. 115 с. С. 3–13.
- Самотик, Л. Г., Лузько, Н. Г. (2001) Установление связей русской и древнерусской культур в сознании младших школьников // Материалы комплексной гуманитарной экспедиции на средний Енисей. / отв. ред. Л. Г. Самотик. Красноярск : РИО КГПУ. 115 с. С. 79–80.
- Словарь русских говоров южных районов Красноярского края (1988) / ред.-сост. В. Н. Рогова и др. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та. 444 с.
- Стороженко, А. А. (2015) Конфессиональные миграции старообрядцев как канал межкультурного взаимодействия в Центральной Азии в XIX — начале XX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы VI Международной научно-практической конференции / науч. ред. А. П. Майоров, отв. ред. С. В. Васильева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та. 392 с. С. 130–136.
- Стороженко, А. А. (2019) Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>
- Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2016) Верхнеенисейские старообрядческие скиты в Туве: историческая реконструкция // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной 65-летию высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской народной республики / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет». 228 с. С. 95–96.
- Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.
- Татаринцева, М. П., Стороженко, А. А. (2015) Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современность. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 137 с.
- Татаринцева, М. П., Стороженко, А. А. (2019) «Прекрасная пустыня, прими меня в свою частыню». Старообрядческие скиты в верховье Енисея // Традиционная культура. Т. 20. № 2. С. 88–97.
- Татаринцева, М. П. (2018) Проблема сохранения культурных традиций в изменяющихся условиях (на примере старообрядцев в Туве) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, Ю. В. Попкова, А. А. Стороженко. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 177–181.
- Татаринцева, М. П. (2019) Фольклор старообрядцев таежных деревень Верховья Енисея в репертуаре детского ансамбля «Октай» // Новые исследования Тувы. № 1. С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.8>
- Толстова, Г. А. (2007) В Сымской тайге [Электронный ресурс] // Старообрядец. № 38. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-255> (дата обращения: 15.07.2020).

Толстова, Г. А. (2012) Старообрядческие согласия Приенисейской Сибири // Старообрядцы Приенисейской Сибири: история и современность : сборник материалов / отв. ред. Г. А. Толстова. Красноярск : ЛИТЕРА-принт. 219 с. С. 17–19.

Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии (2014) : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский. М. : Языки славянской культуры. Кн. 1 (Т. 1–2). 464 с.

Шитова, Н. И. (2013) Рукописи старообрядца Т. Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII–XXI вв.). Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета. 359 с.

Дата поступления: 15.08.2020 г.

REFERENCES

Bakhtina, O. N. (1999) *Staroobriadcheskaia literatura i traditsii khristianskogo ponimaniia slova [Old Believer literature and traditions of the Christian understanding of the word]*. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 261 p. (In Russ.).

Bakhtina, O. N. and Dutchak, E. E. (2008) Ot «knigi chitaemoi» k «cheloveku chitaiushchemu»: iz opyta raboty arkhograficheskoi ekspeditsii Tomskogo universiteta (1986–2006) [From the “book read” to the “person reading”: from the experience of the Tomsk University Archeographic expedition (1986–2006)] // *Traditsionnaia kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ia [Traditional book and culture of the late Russian middle ages]* / ed. by I. V. Pozdeev. Iaroslavl', Remder. 388 p. Pp. 285–299. (In Russ.). (In Russ.).

Boiko, E. S. (2006) Kniga kak sviatynia u staroverov na Enisee [The book as a holy object for the Old Believers on the Yenisei]. In: *Sed'mye Makushinskie chteniia [7th Makushin readings]*. Proceedings of the research conference. Krasnoyarsk / ed. by E. N. Savenko. Novosibirsk, Gosudarstvennaia publichnaia nauchno-tekhnicheskaia biblioteka SO RAN. 408 p. Pp. 18–21. (In Russ.).

Boiko, E. S. (2015) Nalichie pechatnykh i rukopisnykh knig pravoslavnoi tematiki v sem'iax staroverov na Enisee [Availability of printed and handwritten books on Orthodox subjects in families of Old Believers on the Yenisei]. In: *VIII Yudinskie chteniia [8th Yudin readings]*. Proceedings of an international research and practical conference: in 2 parts / comp. by E. V. Burtseva and T. I. Matveeva; ed. by A. P. Kalugin. Krasnoyarsk, Kraevoe gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury. Gosudarstvennaia universal'naia nauchnaia biblioteka Krasnoyarskogo kraia. Part 2. 292 p. Pp. 4–13. (In Russ.).

Borodikhin, A. Yu. (2018) Drevnie knigi Sibiri (po materialam arkhograficheskikh ekspeditsii GPNTB SO RAN) [Old books of Siberia (based on archaeological expeditions of the State Public scientific & technical Library of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences in 2014–2017)]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 3, pp. 145–157. (In Russ.).

Buraeva, S. V. (2018) Staroobriadcheskaia knizhnaia traditsiia Eniseia: vozmozhnosti i problemy komparativnogo analiza [The Old Believers' book tradition of the Yenisei: the potential and problems of comparative analysis]. *Vestnik Vostochno-sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 4 (8), pp. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2018-4-8-29-38> (In Russ.).

Bykova, E. V. and Prigarin, A. A. (2019) Mir vizual'nykh obrazov staroobriadtsev Tuvy: ot ikony i lubochnoi kartinki do fotografii [The world of visual images of the Tuva Old Believers: from icons and popular prints to photos]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 75–94. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.6>

Bykova, E. V., Storozhenko, A. A. and Prigarin, A. A. (2018) «Svetil'nik XX stoletia, nastavnik i uchitel' slovu Bozhiiu» [“The lamp of the twentieth century, mentor and teacher of the word of God”]: in memory of Afanasy Gerasimovich Murachev (October 24, 1921 — September 12, 2008). In: *IV Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniia. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i raznoobraziiia [4th Central Asian readings in history. Space of cultures: through the prism of unity and diversity]*. Proceedings of the conference on September 20–23, 2018 / ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 350 p. Pp. 146–151. (In Russ.).

Danilko, E. S. (2019) «Smert' blizhe rubashki»: pokhoronnaia obriadnost' staroobriadtsev-chasovenykh [“Death is closer than a shirt”: Funeral ceremonialism of Chasovenykh (“Chapel-going”) Old Believers]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.4>

Dutchak, E. E. (2019a) Sibirskie staroobriadcheskie skity i ikh pastva na rubezhe 1920–1930-kh gg. [Siberian Old Believer Sketes and their Laymen between the 1920s and 1930s.]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 29–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>

Dutchak, E. E. (2018) *Polevaia arkhografiia [Field archaeography]* : a manual. Tomsk, Publishing House of Tomsk state University. 100 p. (In Russ.).

Dutchak, E. E. (2019a) Sibirskie staroobriadcheskie skity i ikh pastva na rubezhe 1920–1930-kh gg. [Siberian Old Believer sketes and their Laymen between the 1920s and 1930s.]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 29–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>

Dutchak, E. E. (2019b) Staroobriadcheskoe istoriopisanie poslednei treti XX veka: tsel' i metody [Old believer historiography of the last 3rd part of the 20th century: purpose and methods]. *Tomsk State University Journal of History*, no. 60, pp. 136–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/60/20>

Zhuravel', O. D. (2001) «Devstvuiushchaia tserkov' Khristova na Severe» o. Simeona — pamiatnik sovremennoi staroobriadcheskoi literatury [“The virgin Church of Christ in the North” by Fr. Simeon, a monument of modern old believer literature]. In: *Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI–XX vv. [Public consciousness and literature of the 16th–20th centuries]*: a collection of articles / ed. by N. N. Pokrovskii, E. K. Romodanovskaia, L. V. Titova and E. N. Tumanik. Novosibirsk, SO RAN Publ. 385 p. Pp. 274–292. (In Russ.).

Zhuravel', O. D. (2014) *Literaturnaia kul'tura staroobriadtsev XVIII–XX vv. [Literary culture of the old believers of the XVIII–XX centuries]*: Abstract of Diss. ... Doctor of Philology. Ekaterinburg. 44 p. (In Russ.).

Zaitsev, D. T. (2014) *Povest' i zhitie Danily Teren'evicha Zaitseva [The life story of Daniel Terentevich Zaitsev]*. Moscow, Non-fikshn. 700 p. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (1992a) Istoriko-eskhatologicheskoe sochinenie XX veka [A historical and eschatological essay on the 20th century]. In: *Issledovaniia po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniia feodal'noi Rossii [Studies in the history of literature and public consciousness in feudal Russia]* / ed. by E. K. Romodanovskaia. Novosibirsk, Nauka. 208 p. Pp. 160–190. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (1992b) Sovremennii pisatel'-staroobriadets s Eniseia [A contemporary writer, an Old Believer from the Yenisei]. In: *Traditsionnaia dukhovnaia i material'naia kul'tura russkikh staroobriadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii, Ameriki [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia, and America]* / ed. by N. N. Pokrovskii and R. Morris. Novosibirsk, Nauka. 324 p. Pp. 283–288. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (1996) Chelovek i vseennaia v sochineniiakh glavy sibirskogo staroobriadcheskogo monastyrja o. Simeona [Man and the universe in the works of the head of the Siberian Old Believer monastery Fr. Simeon]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Otechestvennaia istoriia*, no. 2, pp. 50–54. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (1998a) Uralo-sibirskie staroveri v pervoi polovine XX.: Drevnie traditsii v sovetskoe vremia [Old Belief in the Urals and Siberia in the first half of the 20th century: Old traditions in Soviet times]. In: *Istoriia russkoi dukhovnoi kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv. [A history of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]* / ed. by E. K. Romodanovskaia. Novosibirsk, Nauka. 316 p. Pp. 174–191. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (1998b) Eskhatologiya eniseiskogo starovera-knizhnika chasovennogo soglasiia Isaia Nazarovicha (1970-e gg.) [Eschatology of the Yenisei Old Believer, religious scholar of the Chasovennoye accord Isai Nazarovich (1970s)]. In: *Ural'skii sbornik: Istoriia. Kul'tura. Religiiia [The Urals collection: History. Culture. Religion]* / ed. by I. V. Pochinskaia. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta. 303 p. Pp. 73–80. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (1999) Tazhnyi pisatel' [A writer from the taiga]. In: *Traditsiia i literaturnyi protsess [Tradition and literary process]* / ed. by A. B. Soktoev. Novosibirsk, SO RAN Publ. 544 p. Pp. 174–191. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (2005) A. G. Murachev. «O ostanke Izrailevom» [A. G. Murachev. “On the remnant of Israel”]. In: *Dukhovnaia literatura staroverov vostoka Rossii v XVIII–XX vv. [Spiritual literature by the Old Believers of the East of Russia in the 18th – 20th centuries]* / prep. by N. N. Pokrovskii, N. S. Gur'ianova and N. D. Zol'nikova et al. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 799 p. Pp. 536–541. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (2010) Memuary A. G. Muracheva, sibirskogo starovera-chasovennogo (konets XX — nachalo XXI v.) [The memoirs of A. G. Murachev, Siberian Old Believer of the Chasovennoye accord (late 20th – early 21st century)]. In: *Traditsii otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV–XXI vv. [Traditions of Russian spiritual culture in narrative and documentary sources of the 15th – 21st centuries]* / ed. by E. K. Romodanovskaia. Novosibirsk, SO RAN Publ. 309 p. Pp. 213–288. (In Russ.).

Zol'nikova, N. D. (2016) Eskhatologicheskie spory chasovennykh v poslednei treti XX v. kak instrument samoidentifikatsii [Eschatological disputes of the chapels in the last third of the twentieth century as a self-identification tool]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 23, no. 3, pp. 85–89.

Kostrov, A. V. (2018) «Okno v mir»: sovremennii nastennyi list staroobriadtsev chasovennogo soglasiia kak otrazhenie ikh mirovozzreniia [“A window to the world”: a modern “wall sheet” of the Old Believers of the Chasovennoye accord as a reflection of their worldview]. In: *IV Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniia. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i raznoobraziia [4th readings in Central Asian history. Space of cultures: through the prism of unity and diversity]*. Proceedings of the conference on September 20–23, 2018 / ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 350 p. Pp. 156–162. (In Russ.).

Kostrov, A. V. and Morris, T. B. (2019) Vizual'no-tekstovoi agiografiia v nastennykh listakh sovremennykh staroobriadtsev chasovennogo soglasiia [Visuality and textuality in hagiographic posters of Old Believers of the Chasovennoye accord]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 95–107. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>

Litvinenko, I. I. (2001) K istorii nositelei govora mezhdurech'ia Syma i Kasa [To the history of speakers of the dialect between the rivers Syma and Kasa]. In: *Materialy kompleksnoi gumanitarnoi ekspeditsii na srednii Enisei [Materials of the comprehensive humanitarian expedition to the middle Yenisei]* / ed. by L. G. Samotik. Krasnoarsk, RIO KGPU. 115 p. Pp. 84–108. (In Russ.).

Luz'ko, N. G. and Samotik, L. G. (2001) Tvorchestvo krest'ianskikh pisatelei nashego vremeni i problemy dialektnoi leksikografii [Works of peasant writers of our time and problems of dialect lexicography]. In: *Materialy kompleksnoi*

gumanitarnoi ekspeditsii na srednii Enisei [Materials of the comprehensive humanitarian expedition to the middle Yenisei] / ed. by L. G. Samotik. Krasnoiar'sk, RIO KGPU. 115 p. Pp. 35–38. (In Russ.).

Mal'tsev, A. I. (1997) Titovskoe soglasie — lokal'naia gruppa staroobriadtsev v XX veke [The Titov accord — a local group of Old Believers in the twentieth century]. In: *Problemy istoriko-kul'turnogo nasledii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Problems of historical and cultural heritage of Siberia and the Far East]. Materials of the regional scientific conference / ed. by A. P. Dolnakov. Novosibirsk, ITs Writer. 102 p. Pp. 91–92. (In Russ.).*

Mollerov, N. M. (2019) Obshchiny evangel'skikh khristian-baptistov v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1926–1932 gg.) [Evangelical Christian (Baptist) communities in the People's Republic of Tuva (1926–1932)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 16–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.2>

Murachev, A. G. (1999) Istoriia o Dupcheskom skite [The story of the Dupchesky skete]. In: *Dukhovnaia literatura staroverov Vostoka Rossii XVIII–XX vv. [Spiritual literature of the Old Believers of the East of Russia of the 18th – 19th centuries] / ed. by N. N. Pokrovskii. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 799 p. Pp. 289–292. (In Russ.).*

Pokrovskii, N. N. (1991) Za stranitsej «Arhipelaga GULAG» [Beyond the page of “The GULAG Archipelago”]. *Novyi mir*, no. 9, pp. 77–90. (In Russ.).

Pokrovskii, N. N. (1976) Novye svedeniia o krest'ianskoj staroobriadcheskoj literature Urala i Sibiri XVIII veka [New information about the Old Believer peasant literature of the Urals and Siberia in the 18th century]. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian literature] / ed. by D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. Vol. XXX: Istoricheskoe povestvovanie Drevnei Rusi. 387 p. Pp. 165–183. (In Russ.).*

Pokrovskii, N. N. (1992) Skitskie biografii [Skete biographies]. *Novyi mir*, no. 8, pp. 194–210. (In Russ.).

Pokrovskii, N. N. (1996) «Povesti chudesnykh sobytii» iz Uralo-Sibirskogo paterika XX v. [“Stories of wonderful events” from the 20th century Ural-Siberian pateric]. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury. 1996 [Proceedings of the Department of Old Russian literature. 1996] / editorial board: A. A. Alekseev, O. A. Belobrova, D. M. Bulanin, I. V. Ponyrko and M. A. Salmina. St. Peterburg, Izdatel'stvo «Dmitrii Bulanin». Vol. 50. 568 p. Pp. 568–572. (In Russ.).*

Pokrovskii, N. N. (1984) *Puteshestvie za redkimi knigami [A journey for rare books]. Moscow, Kniga. 192 p. (In Russ.).*

Pokrovskii, N. N. and Zol'nikova, N. D. (2002) *Starovery-chasovennye na vostoce Rossii v XVIII–XX vv. : Problemy tvorcestva i obshchestvennogo soznaniia [Old believers of the Chasovennoye accord in the East of Russia in the 18th – 20th centuries: Problems of creativity and public consciousness]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli. 471 p. (In Russ.).*

Prigarin, A. A. (2008) Modeli issledovatel'skikh strategii v etnologii: vyzov polia i individual'nyi opyt [Models of research strategies in ethnology: field challenge and individual experience]. In: *Antropologiya akademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii [Anthropology of academic life: adaptive processes and adaptive strategies] / ed. by G. A. Komarova. Moscow, IEA RAN. 296 p. Pp. 141–161. (In Russ.).*

Prigarin, A. A. (2018) Staroobriadchestvo v protsessakh perekhodov: innovatsii kak sposob vyzhivaniia i osmysleniia [Old Belief in transition: innovations as a way of survival and understanding]. In: *IV Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniia. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i raznoobraziiia [4th readings in Central Asian history. Space of cultures: through the prism of unity and diversity]. Proceedings of the conference on September 20–23, 2018 / ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 350 p. Pp. 167–172. (In Russ.).*

Rovnova, O. G. (2015) Staroobriadcheskaia dokumental'naia povest' kak literaturnoe iavlenie i dialektologicheskii istochnik [Old Believers' documentary story as a literary phenomenon and dialectological source]. In: *Dialekti v sinkhronii ta diakhronii: tekst iak dzherelolingvistichnikh studii / tr. by P. Yu. Gritsenko. Kiiv, Institut ukrains'koj movi NAN Ukraini. 504 p. Pp. 314–327. (In Russ.).*

Rygovskii, D. S. (2019) Eniseiskie i shorskie starovery: slozhnaia struktura «prostogo» soobshchestva [Old Believers of the Yenisei and Shoriya: an entangled structure of a “plain” society]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 60–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.5>

Samotik, L. G. (2001) Russkii iazyk na Srednem Enisee [Russian language on the Middle Yenisei]. In: *Nauchnyi ezhegodnik KGPU*, issue 2, vol. 2 / editorial board: N. I. Drozdov (ed.) et al. Krasnoiar'sk, RIO KGPU. 292 p. Pp. 209–229. (In Russ.).

Samotik, L. G. and Luz'ko, N. G. (1992) Rasskazy okhotnikov (na materiale ekspeditsii v s. Iartsevo, d. Krivliak v 1989–1990 gg.) [Hunters' stories: from the expedition to the villages of Yartsevo and Krivlyak in 1989–1990]. *Svetlitsa* (November — December), no. 1, pp. 293–298. (In Russ.).

Samotik, L.G. and Petrochenko, T.V. (2001) Organizatsionno-pedagogicheskie osnovy kompleksnoi humanitarnoi ekspeditsii [Organizational and pedagogical foundations of a complex humanitarian expedition]. In: *Materialy kompleksnoi humanitarnoi ekspeditsii na srednii Enisei [Materials of the complex humanitarian expedition to the middle Yenisei] / ed. by L. G. Samotik. Krasnoiar'sk, RIO KGPU. 115 p. Pp. 3–13. (In Russ.).*

Samotik, L. G. and Luz'ko, N. G. (2001) Ustanovlenie svyazei russkoj i drevnerusskoj kul'tur v soznanii mladshikh shkol'nikov [Establishing links between Russian and old Russian cultures in the minds of primary school children]. In: *Materialy kompleksnoi humanitarnoi ekspeditsii na srednii Enisei [Materials of the complex humanitarian expedition to the middle Yenisei] / ed. by L. G. Samotik. Krasnoiar'sk, RIO KGPU. 115 p. Pp. 79–80. (In Russ.).*

Slovar' russkikh govorov iuzhnykh raionov Krasnoiarskogo kraia [Dictionary of Russian dialects of the southern regions of Krasnoyarsk Krai] (1988) / ed. and comp. by V. N. Rogov et al. Krasnoiarsk, Izd-vo Krasnoiar. un-ta. 444 p. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2015) Konfessional'nye migratsii staroobriadtsev kak kanal mezhkul'turnogo vzaimodeistviia v Tsentral'noi Azii v XIX — nachale XX v. [Confessional migrations of old believers as a channel of intercultural interaction in Central Asia in the 19th — early 20th centuries]. In: *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye sviazi [Old Belief: history, modernity and local traditions, Russian and foreign relations]*: Proceedings of the 6th International scientific and practical conference / ed. by A. P. Maiorov and S. V. Vasil'eva. Ulan-Ude, Izd-vo Buriatskogo gos. un-ta. 392 p. Pp. 130–136. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2019) Staroobriadcheskie monastyri «eniseiskogo meridiana» v XX veke: istoki, traditsii i sovremennoe sostoianie [Old Belief monasteries of the «Yenisei meridian» in the 20th century: origins, traditions and current state]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–15. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2016) Verkhneeniseiskie staroobriadcheskie skity v Tuve: istoricheskaia rekonstruktsiia [Upper Yenisei Old Believer monasteries in Tuva: a historical reconstruction]. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific works of Tuva state University]*. Proceedings of the annual scientific and practical conference of teachers, staff and postgraduates of TuvSU dedicated to the 65th anniversary of higher pedagogical education in Tuva and the 95th anniversary of the formation of the Tuva people's Republic / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, FGBOU VO «Tuvinskii gosudarstvennyi universitet». 228 p. Pp. 95–96. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. and Storozhenko, A. A. (2019) «Prekrasnaia pustynia, primi menia v svoju chastyniu». Staroobriadcheskie skity v verkhov'e Eniseia [“Oh, delightful skete, accept and protect me from worldly life!” Old Believer sketes on the upper Yenisei]. *Traditsionnaia kul'tura*, vol. 20, no. 2, pp. 88–97. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. and Storozhenko, A. A. (2015) *Staroobriadtsy Tuvy: retrospektiva i sovremennost' [The Old Believers of Tuva: the past and present]*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 137 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2006) *Staroobriadtsy v Tuve: istoriko-etnograficheskii ocherk [Old believers in Tuva: a historical and ethnographic essay]*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2018) Problema sokhraneniia kul'turnykh traditsii v izmeniaiushchikhsia usloviakh (na primere staroobriadtsev v Tuve) [The problem of preserving cultural traditions in changing conditions: the case of Old Believers in Tuva]. In: *IV Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniia. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i raznoobraziia [4th readings in Central Asian history. Space of cultures: through the prism of unity and diversity]*. Proceedings of the conference on September 20–23, 2018 / ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 350 p. Pp. 177–181. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2019) Fol'klor staroobriadtsev taezhnykh dereven' Verkhov'ia Eniseia v repertuare detskogo ansambliia «Oktai» [The folklore of the Old Believers from the taiga villages of the upper Yenisei in the repertoire of children's ensemble Oktai]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 108–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.8>

Tolstova, G. A. (2007) V Symsskoi taige [In the Sym taiga]. *Staroobriadets*, no. 38 [online] Available at: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-255> (access date: 15.07.2020). (In Russ.).

Tolstova, G. A. (2012) Staroobriadcheskie soglasiia Prieniseiskoi Sibiri [Old believers' concordances of Yenisei Siberia]. In: *Staroobriadtsy Prieniseiskoi Sibiri: istoriia i sovremennost' [Old Believers of the Yenisei Siberia: history and modernity]*: collection of materials / ed. by G. A. Tolstova. Krasnoiarsk, LITERA-print. 219 p. Pp. 17–19. (In Russ.).

Uralo-Sibirskii paterik: teksty i kommentarii [Ural-Siberian pateric: texts and comments] (2014) : in 3 vols. / ed. by N. N. Pokrovskii. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. Book 1 (Vol. 1–2). 464 p. (In Russ.).

Shitova, N. I. (2013) *Rukopisi staroobriadtsa T. F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobriadtsev Uimona (XVIII-XXI vv.) [Manuscripts of the Old Believer T. F. Bochkarev in the context of the history and culture of the Old Believers of Uymon (18th – 21st centuries)]*. Gorno-Altaysk, RIO Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 359 p. (In Russ.).

Submission date: 15.08.2020.

Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля

Чимиза К. Ламажаа

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

В статье анализируются разные подходы к изучению единства и своеобразия современных кочевых культур Центральной Азии (тувинцев, калмыков, монголов, хакасов, алтайцев и др.), применяемые российскими учеными, начиная с XIX в. В центре анализа — публикации культурологической познавательной области, в которых изучается ценностно-смысловое ядро культур. Массив публикаций разделен на три условных больших исследовательских поля, которые соответствуют определенным этапам развития научного знания: 1) поле сравнительно-исторических исследований, 2) поле исследований универсалий культур и 3) поле исследований уникалий и универсалий культур с особенностями эмико-этических подходов.

В статье рассмотрены особенности каждого исследовательского поля на примере подходов отдельных монографий, статей, сборников.

Поле сравнительно-исторического анализа (появилось с XIX и присутствует до сегодняшнего дня) содержит работы с историко-типологическими, историко-генетическими сравнениями и обобщениями. Общим можно назвать различие двух культурных ареалов территории — по языковым группам: тюркской и монгольской. Поле исследований универсалий культуры развернулось с 1980-х годов. В нем рассматриваются общице, универсальные категории всех культур. С начала XXI в. появилось и стало расширяться исследовательское поле, в котором оказались и универсалии, и уникалии культуры, однако важным моментом, отличающим данное поле, стала субъектность исследователя и то, какую методологическую позицию он выбирает. В этом поле особенности изучения культур определяются в эмико-этических аспектах исследовательских подходов.

Ключевые слова: Центральная Азия; Саяно-Алтайский регион; Россия; Монголия; тувинцы; калмыки; монголы; хакасы; алтайцы; история этнографии; российская этнография; сравнительно-исторический анализ; универсалии культуры; кросс-культурное исследование; эмическое исследование

Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 201-216. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.14

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, этнологии и антропологии Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuv.aasia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Archeology, Ethnology and Anthropology, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 I. K. Ilishkina St., Elista, 358000, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuv.aasia **ORCID ID: 0000-0003-1813-3605**

Unity and uniqueness of contemporary ethnic cultures of Central Asia: three research problem fields

Chimiza K. Lamazhaa

Kalmyk Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article looks at various approaches to the study of the unity and uniqueness of modern nomadic cultures of Central Asia (Tuvan, Kalmyk, Mongol, Khakass, Altai etc.), developed by Russian scholars since the 19th century. Our analysis focuses on published works in the field of culturology that studied the value-semantic cultural core. These publications can be divided into three large research fields which match a specific stage of academic knowledge development: 1) the field of comparative history; 2) the field of studying the universals of culture, and 3) that dealing with both universals and unique features of culture, making use of the emic and ethical approaches. The article examines each of the fields by studying sample approaches in individual monographs, articles, and collections.

The field of comparative historical analysis has been around since the 19th century and includes studies developing historical-typological and historical-genetic comparisons and generalizations. The common feature here is the distinction between two language groups (Turkic and Mongolian) representing two diverse cultural areas. The field of studying cultural universals arose in 1980s and focuses on universal categories common for all cultures. In early 21st century, a new field followed suit, the one which covered both cultural universals and unique elements. Its distinctive element is the subjectivity of researchers and an opportunity for them to select a methodological stance. Within this field, details of studying cultures are determined by the emic and ethical aspects of research approaches.

Keywords: Central Asia; Sayano-Altai region; Russia; Mongolia; Tuvans; Kalmyks; Mongols; Khakass; Altaians; history of Russian ethnography; comparative historical analysis; cultural universals; cross-cultural study; emic study

Financing

The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

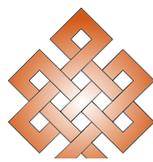
For citation:

Lamazhaa Ch. K. Edinstvo i svoeobrazie sovremennykh etnicheskikh kul'tur narodov Tsentral'noi Azii: tri issledovatel'skikh problemnykh polia [Unity and uniqueness of contemporary ethnic cultures of Central Asia: three research problem fields]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 201-216. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.14

Введение

В центре внимания данной статьи — проблематика исследований вопросов единства и своеобразия кочевых культур Центральной Азии¹ (тувинцев, калмыков, монголов, хакасов, алтайцев и др.), выполняемых российскими учеными. За всю свою многовековую историю существования, развития данные культуры формировались в условиях сходных хозяйственно-культурных типов (с кочевым скотоводством как ведущим типом производящего хозяйства) и постоянного взаимовлияния. Также важным фактором единства являются особенности этногенеза народов региона, начало которого у многих народов восходит к истории древних и раннесредневековых номадов. Эти обстоятельства определили их близость и значительную схожесть в ряде культурных элементов и форм. Тем не менее, история формирования каждого этноса, социально-политические события в регионе определили и особые пути развития их языков, и своеобразие их материальной культуры, и особенности традиционной обрядности. Поэтому вопросы сравнений, сопоставлений отмечаются практически в любом научном исследовании, даже если оно посвящено непосредственно отдельно взятой этнической культуре.

¹ Географическая трактовка Центральной Азии в российской и зарубежной науке различна. Я придерживаюсь традиций советской-российской литературы, в которой к Центральной Азии относятся следующие территории: Монголия; китайские регионы — Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, провинция Ганьсу, северная часть провинции Цинхай, значительная часть провинции Шэнси; из российских территорий — Тува, значительные территории прибайкальских регионов и Южного Алтая, то есть Саяно-Алтайский регион (Грач, 1984: 114).

Как мы знаем, представления о культурах на начальных этапах развития западной науки в XVII-XIX вв. содержали значительный отпечаток этноцентричности самих исследователей, прежде всего представителей иных культур. Поэтому сравнения делались в том числе с позиции представителя более развитого в экономическом, политическом отношении общества, что приводило к мыслям об общей отсталости изучаемых народов. Последние жили в настолько тяжелых экономических условиях, с обнищанием основной массы населения, что наблюдатели отмечали примитивизм и порой говорили о перспективах ближайшего вымирания народов. Последующее развитие научного знания, а также исторические события XX века во многом изменили тональность и содержание заключений.

Изучение общего и особенного в культурах Центральной Азии развивалось в связи с основными тенденциями развития научного знания, в том числе с дифференциацией дисциплин, с развитием междисциплинарных направлений. Подобные работы есть в исторической науке, в этнографии, антропологии, филологии, религиоведении, психологии и др. В данном случае я обращусь к тому аспекту, который позволяет обозревать культурологическую познавательную область, рассматривая культуру как комплекс нормативно-регулятивных, ценностно-смысловых, знаково-коммуникативных и социально-воспроизводственных механизмов и средств, обеспечивающих коллективный характер форм жизнедеятельности людей (Флиер, 2000: 38). В области изучения ценностно-смыслового ядра культур я усматриваю три больших исследовательских поля, которые соответствуют определенным этапам развития научного знания. Их анализу и посвящена данная статья.

Исследования общего и особенного в культурах Центральной Азии, которые проводились в рамках отечественной науки, на мой взгляд, разворачивались на трех исследовательских полях: 1) на поле сравнительно-исторических исследований, 2) на поле исследований универсалий культур и 3) на поле исследований уникалий и универсалий культур, для которых важным стал фактор субъекта исследования (эмико-этические подходы). Каждое из них имеет разработки в виде ярких, всем уже известных публикаций, которые я представляю в данной статье в указанном ракурсе. Подчеркну, что речь идет об исследованиях общего и особенного в современных этнических культурах. Проблематика историографии кочевых культур древнего времени и раннесредневековых номад не входит в поле нашего внимания¹.

Сравнительно-исторические исследования

Сравнительно-исторический анализ в научном знании восходит к началу возникновения философии, но, в целом, как научный метод сформировался в XIX веке (Моргачева, 2016). Он может включать простое сопоставление, а также историко-типологическое или историко-генетическое сравнения. Несмотря на использование слова «простое», методы сопоставления и сравнения тем не менее требуют наличия не просто максимально полной, но и систематизированной информации, которой на рубеже XIX–XX веков в исследованиях Центральной Азии не хватало, а также (как мы увидим далее) даже до середины XX века. Об этом писал, например, в 1920-е годы Г. Е. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 2007: 498). Он отмечал отрывочность и несистематичность данных в этнографической литературе того времени, но не ставил это в вину исследователям, поскольку понимал, что помимо знания языка изучаемых народов и соответствующей подготовки необходимо было продолжительное пребывание в них. Кратковременные поездки, которые могли осуществлять исследователи рубежа XIX–XX вв., позволяли «схватывать на лету лишь то, что можно было схватить, что само бросалось в глаза; сравнительных же исследований не производилось, как и не делалось и попыток выяснения, что в этнографических явлениях у изучавшейся народности являлось продуктом ее творчества, а что взято было ей извне, причем не делалось и различия между явлениями, свойственными всей народности, и такими, которые встречались у одной из ее частей, кости или рода» (там же: 498–499).

Разумеется, сравнения нравов и обычаев, а также языков племен делались, прежде всего теми, кто мог сам наблюдать и описывать разные народы, объезжая обширные территории. Так, Г. Н. Потанин в конце XIX в. за почти четверть века совершил несколько больших экспедиций по Центральной и Восточной Азии, получил ценные сведения и по географии, и по этнографии. В 1881 г. издал «Очерки Северо-Западной Монголии» (Потанин, 1881). На территории северо-западной Монголии, как он наз-

¹ В этом направлении значительная историография есть в монографии известного номадоведа Н. Н. Крадина (Крадин, 2007); также истории изучения мировоззрения, духовной культуры кочевников ранних исторических этапов посвящена монография П. К. Дашковского (Дашковский, 2011).

вал этот ареал, исследователь обнаружил «племена», как он пишет, трех групп: монгольской (различные племена монголов), тюркской (киргизы, урянхайцы, сарты и котоны) и китайской (китайцы, проживающие в Кобдо, Улясутае, Баркули и Хами в местности Тянь-Шаня). Везде он увидел распространение буддизма (в виде буддийских храмов, резиденций местных глав церковных округов) (там же: 77–81), зафиксировал и наличие шаманизма, при этом особо подчеркнув, у каких из народов он сохранился лучше всего (у танну-урянхайцев и урянхайцев, живущих близ Кобдо) (там же: 81–101). Эти и другие элементы культуры он рассматривал методом сопоставления: у кого что присутствует и как выглядит¹.

В целом же, этнографическая наука, в рамках которой преимущественно изучались этнические культуры, практически до середины XX века была направлена прежде всего на сбор и систематизацию полевых материалов (что соответствует, например, первым трем этапам в рассмотрении периодизации развития этнографической науки в изучении тувинцев, см.: Иргит, 2010: 143). Тот факт, что мировоззрение, или в терминологии того времени — духовная культура — не изучалась столь активно, был обусловлен не только чисто научными причинами, определенной неготовностью научного знания. Помимо этого, присутствовала и идеологическая причина. Несмотря на значительный накопленный материал этнографии, ценностно-нормативная сторона культурной жизни в советское время была, как пишет П. К. Дашковский, не популярна, поскольку считалась менее важной (называлась, как мы помним, надстройкой), чем способ производства (базис) (Дашковский, 2011: 17). Религия и вовсе определялась сначала как способ, к которому прибегали «малокультурные» народы для того, чтобы умиротворить природные стихии (Михайловский, 2011: 25), а позже — как фактор влияния, угнетения народных масс.

Тем не менее работы по поиску общего в культурах, безусловно, производились. Сначала они классифицировались как изучение отмирающих, уходящих в прошлое представлений, в том числе в сфере религии. Например, Е. Г. Кагаров затрагивал тематику ритуального поведения при рассмотрении этнографических параллелей монгольских *обо* (Кагаров, 1927). Шаманские костюмы как материальное выражение религиозных представлений у народов Сибири сразу у целого ряда этносов рассматривала Е. Д. Прокофьева (Прокофьева, 1971). В 1961 г. в свет вышел большой коллективный труд сотрудников сектора Сибири Института этнографии Академии наук СССР «Историко-этнографический атлас Сибири» (Историко-этнографический ..., 1961). В нем была обобщена и классифицирована информация о материальной культуре сибирских народов. Эти работы содержали сопоставление значительного круга сведений, которые к тому времени накопила наука.

В. П. Дьяконова анализировала религиозные представления алтайцев и тувинцев на природу и человека (Дьяконова, 1976), тем не менее, не ограничиваясь в анализе только алтайским и тувинским материалами. В сравнительном анализе, представленном в ее статье, мы видим в том числе применение метода простого сопоставления. Сначала в статье содержится описание алтайских представлений, затем — тувинских, между которых обозначена «связка»: «Тувинские представления о вселенной (оран, телегей) согласуются во многом с представлениями, отмеченными у алтайцев» (там же: 273). Указаны различия: «Итак, мы видим, что представления алтайцев (в том числе и северных) и тувинцев о подземном мире несколько отличаются в деталях, хотя его устройство имеет общие черты. Отличия носят локальный характер и несомненно отражают особенности образа жизни этих народов» (там же: 280). И отмечено общее между культурами, включая и хакасов: «У тех же алтайцев или тувинцев, а также хакасов и других тюркоязычных народов Саяно-Алтая сохранились представления о небе как высшем божестве, которому устраивали специальное летнее моление, причем у хакасов (качинцев, бельтиров и т. д.) без участия шамана, а силами стариков» (там же: 277). В работе также встречаются параллели между тувинской и монгольской культурами: «У тувинцев, как и монголов, радуга называется *солона*» (там же: 287). Завершила свой обзор исследователь следующими словами:

¹ Одним из важных трудов последних лет в этом направлении можно назвать коллективную монографию авторов — сотрудников Калмыцкого научного центра РАН, которую они предложили также рассматривать как работу «По следам Г. Н. Потанина» (Трансграничная культура ..., 2016). В ней представлен многоаспектный анализ вопросов культурной общности между ойратами Монголии и калмыками России. Как мы видим по подзаголовку, это также исследование именно сравнительно-сопоставительного направления, однако, уже выполненное с гораздо большим углублением в анализ с учетом накопленных наукой сведений и методологических приемов. При этом у авторов также вышла монография именно с сопоставительным исследованием буддийских традиций ойратов и калмыков (Буддийская традиция ..., 2015).

«Заклучая настоящий очерк, главным образом о представлениях алтайцев и тувинцев о вселенной и человеке, необходимо отметить некоторую пестроту этих представлений, что вполне естественно, поскольку в нем рассматривались два народа, причем, как известно, с неоднородным этническим составом. Даже внутри этих народностей, учитывая сложность этнического состава каждого из них, наблюдается неоднородность подобных представлений» (там же: 290).

Постепенно научное знание, после накопления значительного объема информации, стало переходить и на более сложные уровни сравнительного анализа. Так проблемы взаимосвязей, типологических, системных схождения между тюркской и монгольской мифологиями были разобраны С. Ю. Неклюдовым (Неклюдov, 1981). При этом, он подчеркнул, что схожесть мифологии народов двух языковых групп сложно исследовать, обсуждая «общеалтайское ядро» (в связи с нехваткой данных)¹, однако можно говорить о многовековом взаимовлиянии, в том числе этноязыковом симбиозе. Тем не менее, «сходство не означает полного тождества» (там же: 184). И отличие двух этнокультурных зон (древнетюркской и древнемонгольской) прослеживается еще в археологических материалах 1 тысячелетия до н. э. Также можно противопоставить культуры, деля их на «степные» (скотоводческие) и «лесные» (охотничьи). Позже у исследователя также вышла обобщающая работа по ритуально-мифологическим традициям монгольских народов (Неклюдov, 2019), в которой развивается сравнительно-типологический анализ культур как «степных» и «лесных».

Путь научного знания от сбора материала до сравнительного анализа также можно увидеть в творчестве отдельно взятого автора. Показательны здесь публикации разных лет Л. П. Потапова. В 1930-1960-е годы он сначала собирал полевые материалы по отдельным культурам, а во время и после экспедиционных работ в отдельных регионах Сибири публиковал статьи и монографии по ряду народов (алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев). Затем этнограф анализировал отдельные элементы общего в культурах, а спустя десятилетия представил более сложный труд — об общей религии. Так, например, сначала он писал о почитании тюрками Сибири божества Умай (Потапов, 1973), Неба (Потапов, 1978). Впоследствии также писал о сути шаманизма как религии, которую считал необходимым рассматривать в рамках родственных — сибирских — народов. В монографии «Алтайский шаманизм» (Потапов, 1991) он подразумевал шаманизм тюркоязычных народов Саяно-Алтая, генетически связанный «с древнетюркским центральноазиатским шаманизмом, на основе которого он сложился и развивался» (там же: 17).

«Древние этногенетические и этнокультурные связи упомянутых народов с историческими предками алтае-саянских народов несомненно наложили отпечаток на общность многих элементов шаманских верований и обрядов. Однако, предполагаемые характеристики и определения, выводы и заключения, вытекающие из изучения алтайского шаманизма, при всей их значимости было бы рискованно распространять на шаманизм вообще и шаманизм всех сибирских народов в целом», — также оговаривал он (там же).

Сравнительный анализ культурного материала в данной монографии выстроен уже согласно принципам структурно-функционального анализа шаманизма как религии, хотя автор не упоминал данного термина. Сначала он выделил в шаманизме отдельные его аспекты (вера в двойника, духи шамана), затем рассмотрел ритуальные функции шамана, его бубен, ритуальное облачение, шаманов как служителей культуры, а затем проанализировал пантеон шаманизма, отмечая общие представления об Ульгене и Эрлике, Тенгри, Йерсу и Умай (Потапов, 1991).

В русле интересующей нас темы мы отдельно также отметим работы Н. А. Алексеева «Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири» (Алексеев, 1980) и «Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири» (Алексеев, 1992), в которых автор установил этногенетические особенности религиозного мировоззрения тюркоязычных народов Сибири: якутов, алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и тофаларов. При этом каждый народ рассматривался в разрезе локальных групп, а в сопоставительный анализ также включены буряты и эвенки. Несмотря на то, что исследование концентрируется вокруг шаманизма, тем не менее, автор рассматривает его на более широком фоне религиозных представлений, в том числе ранних мифологических о почитании окружающего мира.

Так, на поле сравнительно-исторических исследований работы производились, начиная от простых сопоставлений, и затем разворачиваясь в формах историко-генетических и историко-типологических сравнений. Общей исходной позицией, которая присутствует у практически всех авторов, можно

¹ Хотя очевидно оппонирующую точку зрения здесь представляют исследователи тэнгрианства, которые пишут об общем культе Тэнгри (неба) у тюрко-монгольских народов, напр., см.: Абаев, Аюпов, 2009.

назвать различие двух культурных ареалов на одной территории — по языковым группам: тюркской и монгольской. Одни работы включают сравнительный анализ культур тюркоязычных и монголоязычных, но большинство сосредоточены на одном из данных ареалов.

Сравнительно-исторические исследования, разумеется, сохраняют свою актуальность и сегодня. Тем не менее, далее мы увидим, что история сравнительного изучения культур Центральной Азии также обогатилась появлением двух новых исследовательских полей, на которых также начали развиваться научные школы.

Исследования универсалий культур

В рамках развития советской этнографии в конце 1980-х — начале 1990-х годов вышли три тома важных издания из серии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (*Традиционное мировоззрение ...*, 1988, 1989, 1990). В них была проанализирована система мировоззрения тюркоязычных народов региона: алтайцев, хакасов, тувинцев, шорцев, тофаларов, близких по происхождению, культуре и этнической истории, языки которых входят в восточно-хуннскую ветвь тюркских языков (*Традиционное мировоззрение ...*, 1988: 6). Эти книги считаются главным итогом научной работы Э. Л. Львовой и ее учеников-соавторов (*Беликова, 2015*), выпускников Томского госуниверситета, которые продолжили работы в Томске и Новосибирске. Вот уже тридцать лет три небольших красных тома стали настольными для каждого, кто изучает духовную культуру этносов южносибирского региона и кого интересуют вопросы общности мировоззрения людей, картин мира в культурах.

Благодаря воспоминаниям учеников и коллег Э. Л. Львовой, у нас есть возможность узнать, как готовилась эта работа. Коллектив планировал «показать традиционное мировоззрение народов Южной Сибири как реализацию этническими средствами общечеловеческих ценностей, а не как экзотику неразвитых культур» (цит. по: *Беликова, 2015: 79*). М. С. Усманова также вспоминала, что «системный (или структурный) анализ позволил нам дать иное описание народной культуры, например в первом томе «Пространство и время», в котором новый метод был противопоставлен обычному исследовательскому приему описания этнографических реалий» (*Усманова, 2015: 81*).

Этот новый метод был не сразу принят и понят этнографами. Последним было сложно принять слишком вольные, как им казалось, обобщения молодых авторов, поскольку они в том числе опирались на методологию культурного универсализма. Однако, «результат чудесной авантюры», как выразилась М. С. Усманова (там же: 82), стал закономерным этапом развития этнографического знания о культурах и нашел много последователей среди востоковедов. Он позволил рассмотреть все собранное на тот момент богатство этнографических данных о культурах южносибирских тюрков в иной исследовательской оптике — не в дихотомии духовной культуры и материальной, не в аспекте религиозных верований и культах, а в общей системе взглядов на окружающий мир, которая отражалась во всех элементах культуры, в том числе и материальных предметах, и который был признан универсальной для всех культур. Ученые обозревали «контуры той системы взглядов на мир, которая в течение многих лет доминировала в обществе южно-сибирских тюрков» (*Традиционное мировоззрение ...*, 1988: 3). А элементами этого контура, этой системы они выбрали категории культуры (пространство, время, человек, социум и др.), анализ которых впервые представил медиевист А. Я. Гуревич на примере средневековой западной культуры (*Гуревич, 1972*).

Показывая результаты реконструкции мировоззрения народов одного ареала, выявляя типичные элементы, тем не менее авторы «Традиционного мировоззрения ...» старались избежать обезличивания феномена. Например, тувинская культура, будучи одним из кусочков общего паззла, не растворилась в данной реконструкции. Точно также в каждом примере, иллюстрирующем культурный материал, мы видим и элементы алтайской культуры, и хакасской. Каждая культура здесь узнаваема и легко находится в общей картине, что позволяет не только следовать логике рассуждения авторов, но и идти обратным путем — от общего к частному.

Данный подход в 1990–2000-е гг. получил достаточно широкое распространение. Тем не менее, он не был абсолютно новым для этнографической науки. Еще в монографии 1988 г. (*Жуковская, 1988*) и докторской диссертации 1990 г. (*Жуковская, 1990*). Н. Л. Жуковская охватила анализом материал монгольской культуры в широкой хронологии и рассмотрела его методом категоризации. Этот подход был развит в ее последующих работах (напр.: *Жуковская, 2002*). Известная востоковед проанализировала пространство и время «монгольской степи», в том числе особо остановившись на теме календаря и его элементах. Затем логически ее анализ переместился к теме календарных и других праздников,

продуктов питания, в том числе праздничных, ритуальных, будничных. Интерес также представляют ее выводы относительно счастья по-монгольски, того, что преподносится монголами в дар, как следует себя вести в той или иной ситуации (правила этикета). Автор также показала отношение монголов к числам, особенно имеющим сакральное значение, то же самое — и к цветам культуры. В основе всей работы — те же универсалии культур, инварианты, которые Н. Л. Жуковская назвала «сквозными магистралями культуры человечества» (там же: 218) и подчеркнула важность непредвзятой оценки чужой культуры, «без чего невозможно взаимопонимание людей, воспитанных в разных культурных традициях» (там же).

Исследование универсалий культур получило развитие и в виде углубленных исследований отдельных категорий. Так, коллектив авторов из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова и О. А. Шагланова) издал монографию «Пространство в традиционной культуре монгольских народов» (*Пространство в традиционной ...*, 2008), в которой представлен анализ не только категории пространства, но и разумеется тесно взаимосвязанной с ней категорией времени, как единства того, что понимается и проживается. В основном авторы проанализировали бурятскую традиционную культуру, тем не менее, привлекая и материалы монгольской культуры.

При этом, как отмечают исследователи:

«наряду с общностью монгольских народов, обусловленной непрерывностью этнокультурных взаимодействий, общностью литературного языка, современных исследования в области традиционной культуры монгольских народов указывают на существование разных типов культур — восточноазиатской и юго-западно-азиатской, что является результатов сложного этно- и культурогенеза народов, населявших Центральную Азию. Эти различия проявляются, прежде всего, в способах освоения пространства» (там же: 6).

Универсалии культуры также выражаются в языках в виде определенных фразеологизмов, исследование которых входит в поле внимания филологов. Так, В. Н. Мушаев предлагает комплексное лингвистическое исследование фразеологизмов калмыцкого языка (*Мушаев, 2015*).

Поиск и содержательный анализ универсалий культур народов Центральной Азии, проживающих ныне на территории прежде всего двух соседствующих государств — России и Монголии — выполняется также международными коллективами авторов этих стран. Например, под руководством М. Ю. Шишина вышла монография «Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории» (*Константы культуры ...*, 2010). Проект интересен также и тем, что здесь речь идет не только о родственных народах региона, а и о не родственных, но граничащих между собой (например, русские и монголы), что вызвано необходимостью межкультурного диалога.

Другой международный, также российско-монгольский авторский коллектив под руководством Ю. В. Попкова для сопоставления расширил географию исследования — рассмотрел цивилизационные поля Европы и Азии, в том числе конкретизировав исследование ценностных ориентаций в разрезе констант у хакасов, тувинцев, алтайцев, казахов, монгол, а также русских (*Евразийский мир ...*, 2010).

Так, мы видим, что исследования универсалий культур представляют собой непосредственно культурологические исследования с акцентом на ценностно-смысловом содержании традиций и позволяют говорить о том, что содержится в представлениях людей, а также обуславливает их поведение, в целом деятельность. Наука накопила значительную сумму знаний о культурах, что позволило усложнить сравнительный анализ и сформировать целое исследовательское поле для обсуждения универсалий, констант. Но, помимо этого, подобные исследования стали возможными и в условиях социального «созревания» в целом науки. Этнические культуры, в том числе и Центральной Азии, были признаны не менее важными и интересными культурами, чем западные, вне зависимости от состояния экономического развития этнических общностей, выражающими универсальные ценностные категории.

Эмико-этические исследования

Поскольку исследования универсалий культуры сосредоточены прежде всего на изучении инвариантов культур, то следующим естественным «шагом» для науки стало появление противостоящего ему направления — исследований уникалий культур, специфических элементов в них. Соответственно, отчасти пересекаясь с проблемным полем изучения универсалий, появилось и стало расширяться исследовательское поле, в котором оказались и универсалии, и уникалии культуры, однако важным

моментом, отличающим данное поле, стала субъектность исследователя и то, какую методологическую позицию он выбирает.

Подобный ракурс восходит к философской оппозиции понимания и объяснения, а также был выражен в понятиях *emic* и *etic* («эмическое» и «этическое») американского лингвиста и антрополога К. Пайка (Pike, 1954–1955), по аналогии с фонетикой, изучающей звуки, имеющиеся во всех языках, и фонемикой, изучающей звуки, специфичные для одного языка. После этого в гуманитарных науках *emic* стали называть культурно-специфичный подход, стремящийся понять явления, причем изнутри, глазами инсайдера; подход свойствен личности, интегрированной в культурно-исторический контекст, а *etic* — универсалистский, объясняющий изучаемые явления подход глазами стороннего наблюдателя, оперирующий терминами и понятиями, претендующими на универсализм и нейтральность (в нашем случае исследования универсалий культур, кросс-культурные исследования). Еще ранее, в начале XX века, об этом писал С. М. Широкогоров, русский антрополог, этнолог, который отстаивал и реализовывал в исследованиях культур генерализирующий подход, исходящий из целостного восприятия и исследования рассмотрения явлений, а не их аналитического расчленения на составные части (Shirokogoroff, 1935).

В зарубежной науке подобное направление начало развиваться с 1970-х годов, когда в социологии утверждалась стадия индигенизации, следующая за интернационализмом и которая выражала приспособление социальной теории к условиям данной страны в данный исторический период. Основания для появления этой тенденции были сформулированы Р. Мертоном в 1972 г. (Merton, 1972). Он писал о различиях в доступе к новым социологическим знаниям, обусловленных положением исследователей — тех, кто находится внутри изучаемой группы (инсайдеры), и тех, кто находится извне (аутсайдеры). Американский социолог утверждал, что группы и коллективы становятся более сознательными и солидарными в отношении доступа к знаниям о них. Это обстоятельство дало основания для формулирования учения об инсайдерском и аутсайдерском знании, содержащем реляционный момент. В антропологии с 1990–2000-х гг. это выразилось в формировании Indigenous Methodology в работах ученых — представителей коренных народов (см. об этом также: Ламажаа, 2017ab).

В российской науке, которая изучает этнические культуры, в том числе центральноазиатского региона, она наметилась в 2000-е годы параллельно кросс-культурным исследованиям (о чем я скажу далее). В центре их внимания особенности этнического мировоззрения. Эмические работы выполняются учеными-инсайдерами или с участием ученых-инсайдеров, что стало сегодня нередко подчеркиваться. Непосредственно заимствования положений зарубежной Indigenous Methodology отмечаются в работах исследователей из российских регионов, прежде всего этносоциолога У. А. Винокуровой. В частности, в 2018 г. она выступила ответственным редактором специального выпуска журнала *Sibirica* по проблемам Indigenous Methodology в российской науке¹. В этом номере можно отметить статьи самой У. А. Винокуровой (Vinokurova, 2018), автора данной статьи (Lamazhaa, 2018), Г. П. Харючи (Kharyuchi, 2018), А. А. Базарова (Bazarov, 2018) и др. В 2019 г. ученица У. А. Винокуровой Д. В. Бурнашева защитила в Варшавском университете диссертацию (PhD) на тему «Arctic Identity: Global, National and Local Processes of Construction and Transformation» («Арктическая идентичность: глобальные, национальные и локальные процессы строительства и трансформации»)², в которой анализирует проблемы арктической идентичности в свете объединения системы знаний Запада и коренного населения.

Опыт философского исследования духовной культуры калмыков в форме эмического подхода, например, представили в коллективной монографии калмыцкие исследователи В. Н. Бадмаев, Н. Ц. Манджиев, М. С. Уланов (Бадмаев, Манджиев, Уланов, 2012). Как они подчеркнули в вступительном слове: «Актуальной видится задача поиска такого философско-культурологического дискурса, который представил бы духовность нашего народа не только как целостность, но и придал бы ему ценностную, морально-нравственную укорененность, смог бы объять и глубину постоянств (преемственности) и новизну изменений» (там же: 5). Важным для себя они посчитали опору на языковую картину мира калмыков, в которой рассмотрели ряд концептов, дающих представление о национальном менталитете (*эмн, ки, ур, сүмсн, седкли* др.). Еще одно серьезное исследование этнического самосознания ойратов и калмыков было ранее выполнено другим калмыцким философом Б. А. Бичеевым (Бичеев, 2005). Подобным монгольским проектом можно назвать коллективную монографию российских и

¹ <https://www.berghahnjournals.com/abstract/journals/sibirica/17/3/sibirica.17.issue-3.xml>

² <https://dokumenty.uw.edu.pl/dziennik/DWAL/Lists/Dziennik/monitor.aspx?ID=229>

монгольских авторов об учении *аргабилиг*, которую авторы назвали константой, осью монгольской культуры, традиционным религиозно-философским учением монголов (*Учение арга билиг...*, 2013). Особая рефлексия монгольской культуры также обсуждается в монографии «Монгольский мир между Востоком и Западом» под редакцией Ю. В. Попкова и Ж. Амарсанаа (*Монгольский мир ...*, 2014). Помимо особенностей культуры здесь анализируются вопросы цивилизационной идентичности Монголии, этнокультурные особенности восточных и западных регионов страны, геополитическое положение самой Монголии между Западом и Востоком и мн. др. В 2018 г. выходила моя монография «Национальный характер тувинцев» (*Ламажаа*, 2018), в которой также был сделан особый акцент на эмическом подходе.

Эмические исследования данных культур представляют интереснейший аспект представления особенного в культурах. Учитывая тот факт, что важнейшее внимание в подобных работах уделяется языковым концептам культур, то они также могут рассматриваться в русле междисциплинарных, кросс-культурных работ. Это направление в мировой науке стало развиваться сначала прежде всего в рамках психологии в конце XIX века и включало в первую очередь сопоставления поведения людей, принадлежащих разным культурам, с целью изучения связи между особенностями психики и культуры¹. Однако, сегодня кросс-культурная психология направлена как на поиск культурно-специфических различий в психических процессах и явлениях, так и на установление общих для всего человечества психических переменных (*Персидская*, 2014: 141). Сегодня интенсивно развивается в области этнической психологии и в российской науке (*Кросс-культурные и этнопсихологические ...*, 2014). Подход распространился и в антропологии, и социологии, и других социальных и гуманитарных науках, которые ориентированы прежде всего на подход К. Мердока (см.: *Murdock*, 1945, перевод: *Мердок*, 2005)². Так, развивается вариант изучения культурного фрейминга близкородственных культур и этносов, причем в этико-эмическом аспекте (*Мазилов, Янчук*, 2013).

На мой взгляд, специалисты уже накопили определенный багаж исследований по отдельным народам Центральной Азии. В том числе вышли публикации по бурятам, монголам и русским — Т. Ц. Дугаровой (*Дугарова*, 2012, 2017); по тувинцам — Е. Н. Резникова, Н. О. Товуу (*Резников, Товуу*, 2002); по монголам (западным) — В. И. Терентьева (*Терентьев*, 2016a,b); по алтайцам (южным) — Ж. В. Кузнецовой (*Кузнецова*, 2012) и мн. др. Это накопление научного «капитала» уже очевидно может стать основой и обобщениям, способствовать появлению сравнительных работ по группам этносов.

И такие попытки уже производятся. Например, исследовательская группа психологов и филологов под руководством А. И. Егоровой в 2018 г. издал «Словарь личностных качеств на тюркских языках сибирско-алтайской группы» (*Словарь личностных ...*, 2018). В нем рассматриваются гендерные стереотипы тюркоязычных народов (алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов и долган) и проверяется гипотеза о совпадении универсальных (глобальных) факторов в разных языковых культурах. При этом авторы дали список личностных качеств не только тюркоязычных народов, но и термины на русском и английском языках, всего 163 терминов. Собственно же терминов на тюркских языках представлено 158, составляющих 79 пар биполярных (противоположных) личностных качеств. Они сгруппированы в шесть шкал: «Физические характеристики», «Эмоционально-волевые качества», «Отношение к труду и собственности», «Качества ума», «Моральные качества», «Отношение к себе и другим людям». Как указывают авторы, эти шкалы укладываются в пятифакторную модель личности, известную в психологии как «Большая пятерка» — психологическую модель, которая описывает структуру личности человека при помощи общих, относительно независимых свойств (эмоциональная стабильность / нейротизм; энергичность / экстраверсия; интеллект / открытость опыту; дружелюбие / согласие; сознательность / совестливость) (там же: 4). Пока данный словарь остается невостребованным коллегами, другими авторами³, главным образом, очевидно, потому что дается практически без комментариев и анализа выделенных терминов, личностных характеристик.

Отдельный анализ двух концептов «мужчина» и «женщина» А. И. Егорова дала в недавней авторской статье (*Егорова*, 2020). Опросив почти 500 человек — представителей алтайцев, тувинцев, хакасов и

¹ Константинов А. В. Кросс-культурные исследования [Электронный ресурс] // Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2114582>

² Кросс-культурный подход также предложил применять, например, для изучения общественной сложности кочевых империй Евразии Н. Н. Крадин (*Крадин*, 2007: 65–85). Автор рассмотрел 15 обществ кочевников и выделил у кочевников и скотоводов примерно три-четыре уровня культурной и политической сложности.

³ Что, например, отмечается в отсутствии пока (на 20.08.2020) цитирований на словарь по данным РИНЦ.

якутов, автор получила набор ассоциаций, связанных с гендерными ролями, и разделила их на индикаторы. В ходе исследования была выявлена и дифференциация алтайцев, тувинцев и хакасов от якутов, поскольку географическая отдаленность трех южносибирских этносов от якутского (которого исследователи потому и не относят к культурам Центральной Азии) минимизировала межэтнические контакты.

Философские обобщения по проблематике национального характера народов Центральной Азии представляла и автор данных строк (Ламажаа, 2013ab), чьи тексты также дополнили и базу данных российских ученых под редакцией А. В. Павловской и Г. Ю. Канарша «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур» (<http://national-mentalities.ru/>, см.: Канарш, 2013).

Особенностью нынешних кросс-культурных исследований, работ, обращенных к теме этнического самосознания, менталитета, становится тот факт, что материалы для анализа собираются в наши дни, когда этническое самосознание людей, представителей изучаемых этнических культур, претерпело существенные изменения после многих десятилетий советского времени и под воздействием нынешних глобализационных и вестернизационных факторов. Об этом, в частности пишут Ю. В. Попков и Л. Б. Четырова (Попков, Четырова, 2014). Поэтому кросс-культурные работы уже «оперируют» не теми традиционными культурными образами, а современными, трансформационными (Анжиганова, 2014). Отчасти этот временной фактор определяет большую актуальность исследований культур не в прежних ареалах хозяйственно-культурного типа, а с учетом их территориальной общности, необходимости диалога пограничных культур¹.

Заключение

В заключение подчеркну, что в рамках отмеченных исследовательских полей вышло огромное число работ и в одной статье упомянуть, назвать все их — нет возможности. Эти исследовательские поля не разворачиваются автономно друг от друга, их выделение условно. Однако, представленный в статье методологический прием анализа познавательных полей и практик, который в общих чертах, очевидно, можно распространить и на научное знание о других культурах, позволяет увидеть, как научное знание усложнилось, обогатилось в общем русле развития научного знания — от классического к неклассическому и постнеклассическому (по В. С. Степину, см.: Степин, 2003).

На мой взгляд, в нынешнем поле эмико-этических работ есть чрезвычайно важный аспект, который связан с вопросами социального значения. Речь идет о том, что прежде всего эмические подходы, основанные на включенности исследователя в культуру, позволяют также решать задачи сохранения культурного знания и наследия. Поэтому мы можем говорить о том, что научное знание не только изучает культуры, стремясь, как раньше быть объективным, но оно стало осознавать тесную взаимосвязь с культурой и социальными условиями, точнее — свою социокультурную обусловленность. И это осознание также помогает понять особенности развития самого научного знания, выбора им определенных тем, проблем и методологических подходов в тот или иной момент истории. А осознание позволяет планировать новые стратегии исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, Н. В., Аюпов, Н. Г. (2009) Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Абакан : ООО «Фирма “Март”». 250 с.

Алексеев, Н. А. (1980) Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука. 316 с.

Алексеев, Н. А. (1992) Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 242 с.

Анжиганова, Л. В. (2014) Этническая культура во времени и пространстве // Этноссы развивающейся России : проблемы и перспективы. Материалы седьмой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 4 декабря 2014 года). Секция 1: Кросс-культурные и этнопсихологические исследования / под общ. ред. В. Г. Морогина. Абакан. 224 с. [Электронный ресурс] // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. № 3. URL: <http://wwenews.esrae.ru/pdf/2014/3/29.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).

¹ Это объясняет тот факт, что особым направлением кросс-культурных исследований сейчас стало изучение общего в менталитете населения Сибири — сибирская ментальность, сибирская идентичность, в которой важное значение уделяется идентичности русских, которые тоже стали коренными жителями региона.

- Бадмаев, В. Н., Манджиев, Н. Ц., Уланов, М. С. (2012) Духовная культура калмыцкого народа (опыт этнофило-софского исследования). Элиста : Изд-во Калмыцкого госуниверситета. 126 с.
- Беликова, О. Б. (2015) О лаборатории научной мысли Э. Л. Львовой // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 76–80. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/2312461X/8/7>
- Бичеев, Б. А. (2005) Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. Элиста : Изд. КалмГУ. 200 с.
- Бичелдей, К. А. (2009) «Золотой век» тувиноведения и перспективы развития гуманитарных исследований в Туве // Проблемы востоковедения. № 2 (44). С. 48–55.
- Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии : сакральные объекты (2015) / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М. : Наука, Восточная литература. 238 с.
- Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры. М. : Искусство. 318 с.
- Грач, А. Я. (1984) Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным) / ред-коллегия: В. Н. Боряз, Н. А. Бутинов, Л. П. Потапов. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 264 с. С. 113–125.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (2007) Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер : Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IVв. — начало XX в.). 664 с. С. 496–639.
- Дашковский, П. Д. (2011) Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета. 244 с.
- Дугарова, Т. Ц. (2012) Феноменология этнического самосознания бурят. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. 284 с.
- Дугарова, Т. Ц. (2017) Культурно-ценностные ориентации российских (русских и бурят) и монгольских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. Т. 14, № 2. С. 190–120. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-2-190-200>
- Дьяконова, В. П. (1976) Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX вв.) / отв. ред. И. С. Вдовин. Л. : Наука. 333 с. С. 268–291.
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Нон-парель. 449 с.
- Егорова, А. И. (2020) Психолингвистический анализ ассоциаций концептов «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. Т. 17, № 1. С. 143–158. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-143-158>
- Жуковская, Н. Л. (1988) Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука, ГРВЛ. 196 с.
- Жуковская, Н. Л. (1990) Основные категории традиционной культуры монголов : автореф. дис. ... д-ра ист. н. М. 35 с.
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : учебное пособие. М. : Восточная литература. 247 с.
- Иргит, Ч. К. (2010) Становление этнографической науки в Туве // Этнографическое обозрение. № 1. С. 142–157.
- Историко-этнографический атлас Сибири (1961) / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. 501 с.
- Канарш, Г. Ю. (2013) От «индивидуальных» характеров — к национальным // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 93–98.
- Кагаров, Е. Г. (1927) Монгольские «обо» и их этнографические параллели (с резюме на немецком языке) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. VI. Ленинград : Издательство Академии наук СССР. С. 115–124.
- Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории (2010) / под общ. ред. М. Ю. Шишина, Е. В. Макаровой. Барнаул : ОАО Алтайский дом печати. 313 с.
- Крадин, Н. Н. (2007) Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс. 209 с.
- Кузнецова, Ж. В. (2012) Особенности ментальности южных алтайцев // Регионоведение. № 3. С. 169–177.
- Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 17–33. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/472> (дата обращения: 10.08.2020).
- Ламажаа, Ч. К. (2013а) Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 69–83. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/224> (дата обращения: 10.08.2020).

Ламажаа, Ч. К. (2013b) Национальный характер монголоязычных народов Центральной Азии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 68–81. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/200> (дата обращения: 10.08.2020).

Ламажаа, Ч. К. (2017a) Тезаурусный анализ и Indigenous Methodology // Тезаурусы и тезаурусная сфера : II Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова, 29 марта 2017 г. : сб. науч. трудов / отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 256 с. С. 115–126.

Ламажаа, Ч. К. (2017b) Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания // Новые исследования Тувы. № 3. С. 18–48. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.2>

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб., М. : Нестор-История. 240 с.

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования (2014) [Электронный ресурс] // РЕМ: Psychology. Education. Medicine. № 3. URL: rem.esrae.ru/4-29 (дата обращения: 23.08.2020).

Мазиллов, В. А., Янчук, В. А. (2013) Близкородственные этносы: исследование культурного фрейминга // РЕМ: Psychology. Education. Medicine. № 1–1. С. 26–44.

Мердок, Дж. П. (2005) Общий знаменатель культур // Вестник культурологии. № 1. С. 202–226.

Михайловский, В. М. (2011) Шаманство (Сравнительно-этнографический очерк) // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. : хрестоматия в 2 т. / сост. Т. Ю. Сем. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История. Т. 1. 496 с. С. 25–28.

Монгольский мир: между Востоком и Западом (2014) / под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск : Автограф. 351 с.

Моргачева, Е. Н. (2016) Сравнительно-исторический метод : обзор подходов к классификации в общественных науках // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 2 (4). С. 102–114.

Мушаев, В. Н. (2015) ӨДГЭ ЦАГИН ХАЛЬМГ КЕЛНЭ КЕЛЦ ҮГМҮД ШИНЖЛҮЛНЭ ТУСКАР (Об изучении фразеологических образований современного калмыцкого языка) // Oriental studies. Т. 8, № 1. С. 91–95.

Неклюдов, С. Ю. (1981) Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977 / редакционная коллегия: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 298 с. С. 183–202.

Неклюдов, С. Ю. (2019) Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М. : Индрик. 520 с.

Персидская, О. А. (2014) Дисциплинарно обусловленные вариации в кросскультурных исследованиях // Идеи и идеалы. № 2 (20). С. 138–145.

Попков, Ю. В., Четырова, Л. Б. (2014) Ресурс неотрадиционализма в формировании ценностей и идентичности у студенческой молодежи (на примере калмыков, русских, якутов и монголов) // Евразийство и мир. № 4. С. 131–145.

Потанин, Г. Н. (1881) Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. II. Материалы этнографические. СПб. : Типография В. Киршбаума. 166 с.

Потапов, Л. П. (1973) Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М. : Наука. 412 с. С. 265–286.

Потапов, Л. П. (1978) Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 50–64.

Потапов, Л. П. (1991) Алтайский шаманизм. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 321 с.

Прокофьева, Е. Д. (1971) Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века / отв. Л. П. Потапов. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 304 с. С. 5–100.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов (2008) / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова. М. : Восточная литература. 341 с.

Резников, Е. Н., Товуу, Н. О. (2002) Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М. : ПЕР СЭ. 223 с.

Рыкова, В. В. (2019) Культурное наследие Тувы: результаты анализа информационных массивов зарубежных и российских баз данных // Библиометрия, наукометрия, вебметрика. № 4. С. 89–95. DOI: <https://www.doi.org/10.20913/2618-7515-2019-4-89-95>

Словарь личностных качеств на тюркских языках Сибирско-Алтайской группы (2018) / науч. ред. Е. А. Егоровой. Якутск : Издательский дом СВФУ. 44 с.

Степин, В. С. (2003) Теоретическое знание : Структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция. 743 с.

Терентьев, В. И. (2016a) Современные трансформации этнического самосознания западных монголов // Этнографическое обозрение. № 3. С. 146–161.

Терентьев, В. И. (2016b) Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX — начале XXI века : автореф. дисс. ... к-та ист. н. Томск. 22 с.

Трансграничная культура : очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков (2016) / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста : КалмНИЦ РАН. 456 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 226 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество (1989) / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 243 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал (1990) / А. М. Сагалаев, И. В. Октябрьская. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 208 с.

Учение арга билиг как ось монгольской культуры (2013) / под ред. М. Ю. Шишина. Барнаул : Изд-во АлтГУ. 181 с.

Флиер, А. Я. (2000) Культурология для культурологов : учебное пособие. М. : Академический проект. 496 с.

Усманова, М. С. (2015) Как писалась книга «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 80–83. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/2312461X/8/8>

Bazarov, A. (2018) The Buddhist Book Culture of the Average Person and Buryat Identity // *Sibirica*. Vol. 17, issue 3. P. 16–35. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170303>

Kharyuchi, G. (2018) Sacred Places in the Nenets Traditional Culture // *Sibirica*. Vol. 17, issue 3. Pp. 116–137. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170310>

Lamazhaa, Ch. (2018) Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture // *Sibirica*. Vol. 17, issue 3. Pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Merton, R. K. (1972) Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge // *American Journal of Sociology*. Vol. 78. N 1. P. 9–47. DOI: <https://doi.org/10.1086/225294>

Murdock, G. P. (1945) The common denominator of cultures // *The science of man in the world crisis* / Linton, R. (ed.). New York : Columbia University Press. 532 p. P. 123–142.

Pike, K. L. (1954–1955) Languages in relation to a unified theory of the structure of human behavior. Part I–II. Preliminary edition. Glendale, Calif.: Summer Institute of Linguistics, x, 170 p.

Shirokogoroff, S. M. (1935) *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 469 p.

Vinokurova, U. (2018) Indigenous Peoples of Siberia and the Challenges of the Twenty-First Century // *Sibirica*. Vol. 17, issue 3. P. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170302>

Дата поступления: 15.09.2020 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. and Aiupov, N. G. (2009) *Tengrianskaia tsivilizatsiia v dukhovno-kul'turnom i geopoliticheskom prostranstve Tsentral'noi Azii [Tengri civilization in the spiritual, cultural and geopolitical space of Central Asia]*. Abakan, ООО «Firma “Mart”». 250 p. (In Russ.).

Alekseev, N. A. (1980) *Rannie formy religii tiurkoiazыchnykh narodov Sibiri [Early forms of religion of the Turkic peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. 318 p. (In Russ.).

Alekseev, N. A. (1992) *Traditsionnye religioznye verovaniia tiurkoiazыchnykh narodov Sibiri [Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 242 p. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. (2014) *Etnicheskaia kul'tura vo vremeni i prostranstve [Ethnic culture in time and space] / Etnosy razvivaiushcheisia Rossii : problemy i perspektivy [Ethnic groups of developing Russia: problems and prospects]*. Proceedings of the 7th all-Russian scientific and practical conference with international participation (Abakan, December 4, 2014). Section 1: Cross-cultural and ethnopsychological research / ed. by V. G. Morogina. Abakan. 224 p. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, no. 3 [online] Available at: <http://wwenews.esrae.ru/pdf/2014/3/29.pdf> (access date: 12.09.2020). (In Russ.).

Badmaev, V. N., Mandzhiev, N. Ts. and Ulanov, M. S. (2012) *Dukhovnaia kul'tura kalmytskogo naroda (opyt etnofilosofskogo issledovaniia) [Spiritual culture of the Kalmyk people: an ethnophilosophical study]*. Elista, Izd-vo Kalmytskogo gosuniversiteta. 126 p. (In Russ.).

Belikova, O. B. (2015) O laboratorii nauchnoi mysli E. L. Lvovoi [On E. L. Lvova's laboratory of scientific thought]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 76–80. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/2312461X/8/7>

Bicheev, B. A. (2005) *Sinie Volki. Mifologo-religioznye osnovy etnicheskogo soznaniia kalmykov [Blue Wolves. Mythological and religious foundations of the Kalmyks' ethnic consciousness]*. Elista, KalmGU Publ. 200 p. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2009) «Zolotoi vek» tuvinoventeniia i perspektivy razvitiia gumanitarnykh issledovaniia v Tuve [The Golden age of Tuva studies and prospects for the development of research in humanities in Tuva]. *The Problems of Oriental Studies*, no. 2 (44), pp. 48–55. (In Russ.).

Buddiskaia traditsiia v Kalmykii i Zapadnoi Mongolii : sakral'nye ob'ekty [Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacred objects] (2015) / E. P. Bakaeva, K. V. Orlova, N. Khishigt and Ts. Enkhchimeg. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura. 238 p. (In Russ.).

Gurevich, A. Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]*. Moscow, Iskusstvo. 318 p. (In Russ.).

Grach, A. Ya. (1984) Tsentral'naia Aziia — obshchee i osobennoe v sochetanii sotsial'nykh i geograficheskikh faktorov [Central Asia: the general and the particular in the combination of social and geographical factors]. In: *Rol' geograficheskogo faktora v istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (po etnograficheskim dannym) [The role of the geographical factor in the history of pre-capitalist societies according to ethnographic data]* / editorial board: V. N. Boriyaz, N. A. Butinov and L. P. Potapov. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 264 p. Pp. 113–125. (In Russ.).

Grumm-Grzhimailo, G. E. (2007) Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai. T. 3. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran [Western Mongolia and Uriankhai Territory. Vol. 3. An anthropological and ethnographic study of these countries]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai. Tyva depter]: in 7 vols. / comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 2. Plemena Saiano-Altai: Uriankhaisy (IV vek — nachalo XX v.) [The tribes of the Sayan-Altai: the Uriankhai (4th — early 20th century)]*. 664 p. Pp. 496–639. (In Russ.).

Dashkovskii, P. D. (2011) *Mirovozzrenie kochevnikov Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennye issledovaniia) [The worldview of the nomads of the Sayano-Altai and adjacent territories in late antiquity and early middle ages: Russian historiography and modern research]*. Barnaul, Publishing house of the Altai State University. 244 p. (In Russ.).

Dugarova, T. Ts. (2012) *Fenomenologiiia etnicheskogo samosoznaniia buriat [Phenomenology of ethnic identity of the Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat State University publishing house. 284 p. (In Russ.).

Dugarova, T. Ts. (2017) Kul'turno-tsennostnye orientatsii rossiiskikh (russkikh i buriat) i mongol'skikh studentov [Cultural and value orientations of Russian, Buryat, and Mongolian students]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Psikhologiiia i pedagogika*, vol. 14, no. 2, pp. 190–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-2-190-200>

D'iakonova, V. P. (1976) Religioznye predstavleniia altaitsev i tuvintsev o prirode i cheloveke [Religious beliefs of Altaians and Tuvans about nature and man]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniakh narodov Sibiri i Severa [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North]* / ed. by I. S. Vdovin. Leningrad, Nauka. 336 p. Pp. 268–292. (In Russ.).

Evrasiiskii mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiia [Eurasian world: values, constants, self-organization] (2010) / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Nonparel'. 449 p. (In Russ.).

Egorova, A. I. (2020) Psikholingvisticheskii analiz assotsiatsii kontseptov «muzhchina» i «zhenshchina» u tiurko-iazychnykh narodov Sibiri [Psycholinguistic Analysis of the Associations of the Concepts of “Man” and “Woman” Typical of the Siberian Turkic Peoples]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Psikhologiiia i pedagogika*, vol. 17, no. 1, pp. 143–158. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-143-158>

Zhukovskaia, N. L. (1988) *Kategorii i simbolika traditsionnoi kul'tury mongolov [The categories and symbols of traditional culture of the Mongols]*. Moscow, Nauka, GRVL. 196 p.

Zhukovskaia, N. L. (1990) *Osnovnye kategorii traditsionnoi kul'tury mongolov [The main categories of the traditional culture of the Mongols]: Abstract of Diss. ... Doctor of History. Moscow. 35 p.*

Zhukovskaia N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii : Kul'tura. Traditsii. Simvolika [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Irgit, Ch. K. (2010) Stanovlenie etnograficheskoi nauki v Tuve [The Development of Ethnography in Tuva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 142–157. (In Russ.).

Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri [A historical and ethnographic atlas of Siberia] (1961) / ed. by M. G. Levin and L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR. 501 p. (In Russ.).

Kanarsh, G. Yu. (2013) Ot «individual'nykh» kharakterov — k natsional'nym [From “individual” characters to national ones]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 93–98. (In Russ.).

Kagarov, E. G. (1927) Mongol'skie «obo» i ikh etnograficheskie paralleli (s reziime na nemetskom iazyke) [Mongolian “obo” and their ethnographic parallels (with a summary in German)]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. VI. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Pp. 115–124. (In Russ.).

Konstanty kul'tury Rossii i Mongolii: ocherki istorii i teorii [Cultural constants of Russia and Mongolia] (2010) / ed. by M. Yu. Shishin and E. V. Makarova. Barnaul, OAO Altaiskii dom pečhati. 313 p. (In Russ.).

Kradin, N. N. (2007) *Kochevniki Evrazii [Nomads of Eurasia]*. Almaty, Daik-Press. 209 p. (In Russ.).

Kuznetsova, Zh. V. (2012) Osobennosti mental'nosti iuzhnykh altaitsev [Peculiarities in mentality of southern Altaians]. *Regionologiiia*, no. 3, pp. 169–177. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) Tuvinovedenie: oblast' znaniia i sotsial'naia missiia [Tuvan studies: a demesne of knowledge and a social mission]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 17–33 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/472> (access date: 10.08.2020) (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013a) Natsional'nyi kharakter tiurkoiazychnykh narodov Tsentral'noi Azii [National character of Turkic people in Central Asia]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 69–83 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/224> (access date: 10.08.2020) (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013b) Natsional'nyi kharakter mongoloiazychnykh narodov Tsentral'noi Azii [National character of Mongolian-speaking peoples of Central Asia]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 68–81 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/224> (access date: 10.08.2020) (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2017a) Tezaurusnyi analiz i Indigenous Methodology [Thesaurus analysis and Indigenous methodology]. In: *Tezaurusy i tezaurusnaia sfera : II Akademicheskie chteniia pamiati Vladimira Andreevicha Lukova, 29 marta 2017 g. [Thesaurus and thesaurus sphere: II Academic readings in memory of Vladimir Andreevich Lukov, March 29, 2017]: a collection of articles / ed. by Val. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 256 p. Pp. 115–126. (In Russ.)*

Lamazhaa Ch. K. (2017b) Issledovaniia mentaliteta tuvintsev i tendentsiia sub"ektivizatsii gumanitarnogo znaniia [Studies of mindset of Tuvans and the subjectivity trend in academic knowledge]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 18–48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.2>

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.)

Kross-kul'turnye i etnopsikhologicheskie issledovaniia [Cross-cultural and ethnopsychological research] (2014). *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, no. 3 [online] Available at: pem.esrae.ru/4-29 (access date: 23.08.2020). (In Russ.)

Mazilov, V. A. and Yanchuk, V. A. (2013) Blizkorodstvennyie etnosy: issledovanie kul'turnogo freiminga [Closely related ethnic groups: a study in cultural framing]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, no. 1–1, pp. 26–44. (In Russ.)

Murdock, G. P. (2005) Obshchii znamenatel' kul'tur [The common denominator of cultures]. *Vestnik kul'turologii*, no. 1, pp. 202–226. (In Russ.)

Mikhailovskii, V. M. (2011) Shamanstvo (Sravnitel'no-etnograficheskii ocherk) [Shamanism: an essay in comparative ethnography]. In: *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII–XX vv. [Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the 18th – 20th centuries]: an anthology: in 2 vol. / comp. by T. Yu. Sem. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriia. Vol. 1. 496 p. Pp. 25–28. (In Russ.)*

Mongol'skii mir: mezhdru Vostokom i Zapadom [The Mongolian world: between East and West] (2014) / Yu. V. Popkov and Zh. Amarsany (eds). Novosibirsk, Avtograf. 351 p. (In Russ.).

Morgacheva, E. N. (2016) Sravnitel'no-istoricheskii metod : obzor podkhodov k klassifikatsii v obshchestvennykh naukakh [Comparative historical method: a review of approaches to classification in the social sciences]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*, no. 2 (4), pp. 102–114. (In Russ.)

Mushaev, V. N. (2015) On Studying Phraseological Units of the Contemporary Kalmyk Language. *Oriental studies*, vol. 8, no. 1, pp. 91–95. (In Mong.)

Nekliudov, S. Yu. (1981) Mifologiya tiurkskikh i mongol'skikh narodov (problemy vzaimosviazei) [Mythology of the Turkic and Mongolian peoples: issues of interconnection]. In: *Tiurkologicheskii sbornik. 1977 [Turkological collection. 1977] / editorial board: A. N. Kononov (ed.), S. G. Kliashornyi, Yu. A. Petrosian and S. S. Tsel'niker. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 298 p. Pp. 183–202. (In Russ.)*

Nekliudov, S. Yu. (2019) *Fol'klornyi landshaft Mongolii. Mif i obriad [of Mongolia's folk landscape: Myth and rite]*. Moscow, Indrik. 520 p. (In Russ.)

Persidskaia, O. A. (2014) Distsiplinarno obuslovlennnye variatsii v krosskul'turnykh issledovaniiaakh [Disciplinary variations in cross-cultural studies]. *Idei i idealy*, no. 2 (20), pp. 138–145. (In Russ.)

Popkov, Yu. V. and Chetyrova, L. B. (2014) Resurs neotraditsionalizma v formirovanii tsennosti i identichnosti u studencheskoi molodezhi (na primere kalmykov, russkikh, iakutov i mongolov) [The resource of neo-traditionalism in the formation of values and identities of the student youth: the cases of Kalmyks, Russians, Yakuts and Mongols]. *EvrAziistvo i mir*, no. 4, pp. 131–145. (In Russ.)

Potanin, G. N. (1881) Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii: Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 g. po porucheniiyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenov sotrudnikom onogo G. N. Potaninym [Sketches of Northwestern Mongolia: summarizing the results of the 1876–1877 trip commissioned by the Imperial Russian Geographical Society and undertaken by its employed associate G. N. Potanin]. Vol II. St. Petersburg, Tipografiia V. Kirshbauma. 166 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1973) Umai — bozhestvo drevnykh tiurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umay, the deity of the ancient Turks, in the light of ethnographic data]. In: *Tiurkologicheskii sbornik, 1972 [Turkological collection. 1972]*. Moscow, Nauka. 412 p. Pp. 265–286. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1978) Drevnetiurkskie cherty pochitaniia Neba u saiano-altaiskikh narodov [Ancient Turkic features of sky worship among the Sayan-Altai peoples]. In: *Etnografiia narodov Altaia i Zapadnoi Sibiri [Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. Pp. 50–64. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1991) *Altaiskii shamanizm [Altaic shamanism]*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 321 p. (In Russ.)

Prokof'eva, E. D. (1971) Shamanskiiye kostiimy narodov Sibiri [Shamanic costumes of the peoples of Siberia]. In: *Religioznye predstavleniia i obriady narodov Sibiri v XIX — nachale XX v. [Religious representations and rites of the peoples of Siberia in the 19th and early 20th century] / ed. by L. P. Potapov. Leningrad, Nauka. 301 p. Pp. 5–100.*

Prostranstvo v traditsionnoi kul'ture mongol'skikh narodov [Space in the traditional culture of the Mongolian peoples] (2008) / Nanzatov B. Z., Nikolaeva D. A., Sodnompilova M. M. and Shaglanova O. A. Moscow, Vostochnaia literatura. 341 p. (In Russ.).

Reznikov, E. N. and Tovuu, N. O. (2002) *Etnopsikhologicheskie kharakteristiki naroda tyva: teoriia i praktika* [Ethnopsychological characteristics of the Tuvan people: theory and practice]. Moscow, PER SE. 223 p. (In Russ.).

Rykova, V. V. (2019) Kul'turnoe nasledie Tuvy: rezul'taty analiza informatsionnykh massivov zarubezhnykh i rossiiskikh baz dannykh [Tuvan cultural heritage: the results of analysis of information arrays in foreign and domestic databases]. *Proceedings of SPSTL SB RAS*, no. 4, pp. 89–95. DOI: <https://www.doi.org/10.20913/2618-7515-2019-4-89-95>

Slovar' lichnostnykh kachestv na tiurkskikh iazykakh Sibirsko-Altai'skoi gruppy [Dictionary of personal qualities in the Turkic languages of the Siberian-Altai group] (2018) / ed. by E. A. Egorova. Yakutsk, Izdatel'skii dom SVFU. 44 p. (In Russ.).

Stepin, V. S. (2003) *Teoreticheskoe znanie : Struktura, istoricheskaiia evoliutsiia* [Theoretical knowledge: structure and historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiia. 743 p. (In Russ.).

Terent'ev, V. I. (2016a) Sovremennye transformatsii etnicheskogo samosoznaniia zapadnykh mongolov [Current transformations of ethnic identity among the western mongolians]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 146–161. (In Russ.).

Terent'ev, V. I. (2016b) *Formirovanie i razvitie etnicheskogo samosoznaniia zapadnykh mongolov v kontse XIX — nachale XXI veka* [Formation and development of ethnic identity of Western Mongols in the late 19th - early 21st century]: Abstract of Diss. ... Candidate of History. Tomsk. 22 p. (In Russ.).

Transgranichnaya kul'tura: Ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsii zapadnykh mongolov i kalmykov [Cross-border culture: comparative research sketches of the traditions of the western Mongols and Kalmyks] (2016). E. P. Bakaeva et al. Elista, Kalmyk Scientific Center of RAS. 456 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world] (1988) / ed. by L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M. and Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka. 226 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Person. Society] (1989) / L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 243 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Znak i ritual [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Sign and ritual] (1990) / A. M. Sagalaev and I. V. Oktiabr'skaia. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 208 p. (In Russ.).

Uchenie argabilig kak os' mongol'skoi kul'tury [The teaching of Arga Bilig as the axis of Mongolian culture] (2013) / ed. by M. Yu. Shishin. Barnaul, Izd-vo AltGU. 181 p. (In Russ.).

Flier, A. Ya. (2000) *Kul'turologiia dlia kul'turologov* [Culturology for culturologists]: a textbook. Moscow, Akademicheskii proekt. 496 p. (In Russ.).

Usmanova, M. S. (2015) Kak pisalas' kniga «Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri» [How “The Traditional world Outlook of Turks in South Siberia” was written]. *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 80–83. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/2312461X/8/8>

Bazarov, A. (2018) The Buddhist Book Culture of the Average Person and Buryat Identity. *Sibirica*, vol. 17, issue 3, pp. 16–35. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170303>

Kharyuchi, G. (2018) Sacred Places in the Nenets Traditional Culture. *Sibirica*, vol. 17, issue 3, pp. 116–137. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170310>

Lamazhaa, Ch. (2018) Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture. *Sibirica*, vol. 17, issue 3, pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Merton, R. K. (1972) Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no. 1, pp. 9–47. DOI: <https://doi.org/10.1086/225294>

Murdock, G. P. (1945) The common denominator of cultures. In: *The science of man in the world crisis* / Linton, R. (ed.). New York, Columbia University Press. 532 p. P. 123–142.

Pike, K. L. (1954–1955) *Languages in relation to a unified theory of the structure of human behavior*. Part I–II. Preliminary edition. Glendale, Calif., Summer Institute of Linguistics, x, 170 p.

Shirokogoroff, S. M. (1935) *Psychomental Complex of the Tungus*. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 469 p.

Vinokurova, U. (2018) Indigenous Peoples of Siberia and the Challenges of the Twenty-First Century. *Sibirica*, vol. 17, issue 3, pp. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170302>

Submission date: 15.09.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.15

Статья

Тува в диалоге культур: компаративистский контекст

Юрий В. Попков*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация,***Евгений А. Тюгашев***Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Российская Федерация*

В статье актуализируется проблема диалога культур в мировом и региональном аспекте и решается значимая для сравнительного тувиноведения задача по диагностике позиционирования Тувы в диалоге культур в компаративистском контексте. Культуру авторы трактуют как отдельный социальный организм в его конкретно-исторической специфике (по О. Шпенглеру). Именно в рамках такого представления корректно говорить о способности культуры вступить в диалог и его вести.

О диалоге культур правомерно вести речь только в том случае, когда осуществляется содержательный и конструктивный речевой информационный взаимообмен. Для этого культура должна быть говорящей, не-молчащей культурой и обладать способностью не к монологу, а диалогу. В рамках разговорного формата диалога культура призвана быть субъектно-ориентированной. Ее должна интересовать и привлекать субъектность чужой культуры в ее самоценности.

Проведенный компаративный анализ положения традиционной тувинской культуры дает основание для следующих заключений: по критерию открытости к диалогу она относится к категории сравнительно закрытых культур; по критерию избирательности в диалоге тувинцев можно охарактеризовать как преимущественно азиатско-ориентированных; в рамках сопоставления культур «говорящих» и «молчащих» тувинская культура больше соответствует культуре молчания; в горизонте диалоговых и монологовых культур ее можно оценить как в большей степени монологичную.

Распространение современных глобализационных сетей и цифровизация публичной и повседневной жизни способствуют переформатированию положения Тувы в диалоге культур. Одновременно с этим, по мнению авторов, актуальными для тувинцев является культивирование уважительного и заинтересованного отношения к собственной культуре, ее более глубокое познание.

Ключевые слова: Тува; тувинская культура; диалог культур; межкультурный диалог;

межкультурная коммуникация; межкультурные взаимодействия; урянхайский вопрос; тувинский вопрос

Для цитирования:

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Тува в диалоге культур: компаративистский контекст // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 217-229. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович — доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Тел.: +7 (383) 363-42-54. Эл. адрес: filosof10@yandex.ru

POPKOV, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-1036-9253**

TYUGASHEV, Evgeny Alexandrovich, Doctor of Philosophy, Associate professor, Department of Theory and History of Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University. Postal address: 1 Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 269-42-54. E-mail: filosof10@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0001-6217-0601**

Tuva in the cultural dialogue: a comparative context

Yurii V. Popkov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Evgenii A. Tyugashev

Novosibirsk State University, Russian Federation

The article brings up the problem of cultural dialogue problem in global and regional aspects and focuses on the issue topical for comparative Tuvan studies – the one of positioning Tuva in the cultural dialogue within a comparative context. According to O. Spengler, culture can be seen as a separate social system in its specific historical peculiarity. This very concept allows us to discuss the culture's ability of culture to enter and conduct a dialogue.

We have reason to speak about the dialogue of cultures only if there is a meaningful and constructive exchange of speech and information going on. To engage in this, a culture has to be a speaking and non-silent one, and have the ability to speak not in monologues, but in dialogues. In its colloquial form, the culture has to be subject-oriented, attracted by the subjectness of another culture in its unique objective value.

The comparative analysis of the situation traditional Tuvan culture finds itself in leads us to a number of conclusions. Firstly, by the criterion of openness to dialogue, it can be classified as a relatively closed culture. By the criterion of dialogue selectivity, Tuvans can be characterized as predominantly Asian-oriented; on the scale between "speaking" and "silent" cultures, Tuvan culture tends to be seen as silent, and it can be referred to as more monologue-like than dialogue-like.

The current spread of contemporary networks and digitalization of public and personal life contribute to the changes in Tuva's position in the cultural dialogue. At the same time, we believe that Tuvans will only benefit from cultivating a respectful and keen attitude to their own culture and from a better understanding of its details.

Keywords: *Tuva; Tuvan culture; cultural dialogue; cross-cultural dialogue; cross-cultural communication; cross-cultural interaction; Uryankhai issue; Tuvan issue*

For citation:

Popkov Yu. V. and Tyugashev E. A. Tuva v dialoge kul'tur: komparativistskii kontekst [Tuva in the cultural dialogue: a comparative context]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 217-229. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15

Введение

Известно, что во многих отношениях Тува принадлежит к уникальным регионам России, начиная от ее глубинного внутриконтинентального расположения, в значительной степени окаймляемого горными системами, при отсутствии железнодорожного сообщения с любым другим регионом России или иных стран, заканчивая этнической структурой населения, в которой абсолютное большинство составляют представители титульного народа. В силу особенностей своего географического положения и сложности исторической судьбы Тува не имела непосредственных межкультурных контактов со многими другими народами. Межкультурный диалог — это открытый обмен мнениями между представителями различных культур, основанный на взаимоуважении и понимании друг друга¹. Очевидно, что по сравнению с другими странами Тува обладает небольшим опытом диалога с различными культурами мира (Ламажаа, 2018: 134). Если со своими соседями — монголами, китайцами и русскими — хозяйственные и культурные отношения на протяжении нескольких столетий поддерживались, хотя и с разной степенью интенсивности и глубины, более или менее регулярно (Монгуш, 2008), то

¹ White paper on intercultural dialogue: «Living together as equals in dignity». Strasbourg: Council of Europe [Электронный ресурс] // Council of Europe. 2008. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf (дата обращения: 26.09.2020.)

в отношениях с отдаленным и дальним зарубежьем в недавней истории наблюдалось, можно сказать, «молчание Тувы» (Маадыр, 2018: 25). В советский период ее культурная изоляция в данном отношении только иногда прорывалась (Адыгбай, 2012: Электр. ресурс).

В связи с этим для тувиноведения представляет интерес решаемая в настоящей статье задача анализа места Тувы в диалоге культур. Трудности ее позиции и перспективы развития диалоговых отношений рассматриваются в компаративистском контексте, то есть путем сравнения тувинской культуры с другими культурами. Наряду с этим решаются две другие задачи: характеристика проблемы диалога культур в региональном и мировом контексте; выявление эвристического потенциала понятия диалога культур и использование его для анализа позиционирования тувинской культуры.

В понимании культуры мы исходим не из ее наиболее популярной сегодня информационно-семиотической концепции (Тхагапсоев и др., 2020), а из восходящей к О. Шпенглеру трактовки культуры как отдельного социального организма в его конкретно-исторической специфике (Тюгашев, 2019). Культуры в качестве макросоциальных субъектов способны вступать в диалог как на массовом уровне, так и в лице специализированных групп — трансляторов культуры (Ларченко, Еремин, 1991: 65–66). Именно в рамках такого представления корректно говорить о культуре как, во-первых, собственно субъекте, во-вторых, субъекте (акторе) диалога.

Проблема диалога культур в региональном и мировом контексте

Ситуации контактов Тувы с окружающим миром в общественно-политическом и геополитическом дискурсах сегодня все чаще интерпретируются в парадигме диалога. В этих контактах действительно происходит обмен мнениями, достижениями, накопленным историческим опытом, предложениями по развитию взаимоотношений регионов — и сходных, и различающихся по своему социокультурному потенциалу. Безусловно, такие контакты выступают предпосылкой развития. Так, характеризуя вхождение Тувинской Народной Республики в состав СССР, Ш. В. Кара-оол говорит о том, что оно основывалось на длительном знакомстве с русским народом, на понимании его ментальности и характера¹. Конкретные возможности для сотрудничества в области культуры усматриваются во взаимодействии Республики Тыва с Республикой Хакасия, например, в рамках сопряженного проведения международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ» и фестиваля «Мир Сибири»². В качестве конкретных площадок для обмена опытом, для межкультурного диалога рассматриваются Центр тувинской традиционной культуры и ремесел, Центр русской культуры³.

Диалоговые ситуации требуют определенной организации, позволяющей и высказаться, и выслушать собеседника. Это не всегда просто. В отношении проблемы диалога культур Л. Хертек образно замечает: «Как мне выразить себя, как понять тебя?»⁴ Эта ремарка отсылает к стихотворению Ф. И. Тютчева «Silentium!», в котором говорится о выборе молчания, отказа от диалога из-за возможного взаимонепонимания.

Но такой отказ возможен только в качестве временной паузы. Иначе не избежать конфронтации. Применительно к общественно-политической жизни Республики Тыва ее руководство большое значение придает умению вести диалог как с федеральным центром, так и с различными категориями населения⁵.

¹ Диалог Тувы и Приморья — от большой политики до семейных ценностей [Электронный ресурс] // Ежедневные Новости Владивостока: сетевое издание. 2015. 23 нояб. URL: <https://novostivl.ru/msg/20804.htm> (дата обращения: 20.09.2020).

² Диалог губернаторов-соседей: Шолбан Кара-оол (Тува) и Валентин Коновалов (Хакасия) договорились сотрудничать [Электронный ресурс] // МК в Тыве: сетевое издание. 2019. 1 июля. URL: <https://www.mk-tuva.ru/politics/2019/07/01/dialog-gubernatorovsosedy-sholban-karaool-tuva-i-valentin-konovалov-khakasiya-dogovorilis-sotrudnichat.html> (дата обращения: 20.09.2020).

³ В Тыве открылся Центр тувинской традиционной культуры и ремесел [Электронный ресурс] // Тува.Азия: портал тувиноведения. 2012. 2 марта. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/4518-otkrytie.html> (дата обращения: 26.09.2020).

⁴ Хертек Л. Как мне выразить себя, как понять тебя? [Электронный ресурс] // Тува.Азия: портал тувиноведения. 2010. 9 октября. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/2380-hertek.html> (дата обращения: 20.09.2020).

⁵ Премьер Шолбан Кара-оол провел открытый диалог с учителями русского языка [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2016. 27 мая. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/24486/ (дата обращения: 20.09.2020); Шолбан Кара-оол: Спасибо тоджинцам за откровенное обсуждение наиболее острых вопросов, диалог и поддержку [Электронный ресурс] // Партия «Единая Россия»: федеральный сайт. 2016.

Если коммуникативная ситуация все же объективно сложилась, то диалог так или иначе начнется или возобновится. Поэтому в современном мире значительное внимание стало уделяться проблеме диалога культур, сталкивающихся в различных взаимодействиях.

С образованием в 1992 г. Европейского союза, в который вошли 27 государств, возникла задача его интеграции, в связи с чем Совет Европы в 2000-е годы выдвинул серию инициатив по межкультурному диалогу в различных его измерениях¹. В интерпретации Совета Европы межкультурный диалог способствует интеграции многокультурных обществ. Он предполагает готовность и способность выражать себя и прислушиваться к мнению других, основывается на ценностях свободы и равенства, человеческого достоинства и прав человека, демократической гражданственности.

Данная интерпретация межкультурного диалога была оценена неоднозначно. Ряд исследователей охарактеризовали ее как продукт колониального дискурса, унифицирующего культурные различия (Cliche, Wiesand, 2009; Igbino, 2011; Aman, 2012).

ЮНЕСКО поддерживает идею диалога между культурами в перспективе сохранения культурного разнообразия в условиях глобализации². Во всемирном докладе ЮНЕСКО № 2 «Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами» подчеркнута потребность в разработке новых подходов к межкультурному диалогу, учитывающих соотносительность культур, наличие у них общих элементов и совместных целей, а также перспективу изменения конфигураций существующих точек зрения и пониманий мира³.

Можно заметить, что ЮНЕСКО универсализирует понимание диалога культур, рассматривая его как феномен всемирной истории. Совет Европы, в отличие от ЮНЕСКО, рассматривает диалог культур как возможность, реализуемую в парадигме ценностей новоевропейской цивилизации. Следовательно, возникает вопрос об общем понятии диалога культур и роли этого феномена в судьбе отдельных стран и народов.

С учетом неоднозначности в трактовке диалога культур, прежде чем обратиться к анализу данной проблемы применительно к Туве, остановимся на ряде концептуально значимых вопросов рассмотрения феномена диалога культур.

Концептуально-проблемные вопросы диалога культур

Диалог культур справедливо воспринимается как довольно неопределенная метафора, не отличающаяся по своему содержанию от понятий взаимодействия культур, межкультурного общения и межкультурной коммуникации. Так, прежде всего отмечается девальвация значения понятия «диалог», его сведение к необязывающим метафорам, публицистическим штампам (Тульчинский, 2015: 148).

Наряду с профанированием концепта в научном и общественно-политических дискурсах наблюдается и противоположная тенденция. Подчеркивается, что диалог культур сакрализуется, становится «символом веры» (Орнатская, 2014: 49). Высказывается также мнение, что диалог культур — это мифология, скрывающая конфликтные речевые взаимодействия в формате «проповеди» и «отповеди»⁴.

Таким образом, возникают сомнения в когнитивной состоятельности и эвристичности данной метафоры. Энциклопедические определения диалога культур также не вносят ясность в его содержа-

14 сент. URL: <https://tyva.er.ru/activity/news/sholban-kara-ool-spasibo-todzhincam-za-otkrovennoe-obsuzhdenie-nabolevshih-voprosov-dialog-i-podderzhku> (дата обращения: 20.09.2020); Конструктивный диалог. Глава Тувы встретился с руководством компании En+Group [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Тува-МедиаГрупп»: сетевое издание. 2019. 22 ноября. URL: <https://tmgnews.ru/obshchestvo-i-chelovek/konstruktivnyj-dialog-glava-tuvy-vstretilsya-s-rukovodstvom-kompanii-en-group/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹ White paper on intercultural dialogue: «Living together as equals in dignity». Strasbourg: Council of Europe [Электронный ресурс] // Council of Europe. 2008. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf (дата обращения: 26.09.2020.)

² Universal Declaration on Cultural Diversity, adopted by the 31st session of the General Conference of UNESCO, Paris, 2 November 2001. Paris: UNESCO [Электронный ресурс] // UNESCO. 2001. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/5_Cultural_Diversity_EN.pdf (access date: 21.09.2020).

³ UNESCO World Report 2: Investing in cultural diversity and intercultural dialogue. Paris: UNESCO [Электронный ресурс] // UNESCO. 2009. URL: unesdoc.unesco.org/images/0018/001852/185202E.pdf (access date: 21.09.2020).

⁴ Каплуненко, А. М. (1999) Проповедь и отповедь как формы межкультурной коммуникации, или миф о диалоге культур [Электронный ресурс] // Иркутский государственный университет. URL: https://buk.irk.ru/library/sbornik_99/kaplunenko_a.doc (дата обращения: 26.09.2020).

ние. Например, М. Р. Жбанков предлагает понимать диалог культур как непосредственные отношения между культурами (Жбанков, 2001: 308). Это довольно абстрактное определение он дополняет одним существенным конкретизирующим признаком, указывая на сопутствующее преобразование систем ценностей, мировоззрения, культурных паттернов. Но при использовании этого признака остается неясным, чем же диалог культур отличается, например, от культурной ассимиляции.

Единственный диалоговый признак, на который указывает М.Р. Жбанков, — несовместимость языков культур, порождающая «семантическое землетрясение» (там же: 309). Однако это отрицательный признак, фиксирующий наличие взаимодействия между культурами при одновременном отсутствии диалога между ними. Впрочем, представляет интерес указание на существование языков культур, на которых ведется диалог. Но при этом не ясен статус языков в многоуровневой системе языковой деятельности конкретной культуры.

В «Новой философской энциклопедии», в посвященной данной проблеме статье, констатируется, что диалог культур обычно представляется как взаимодействие культур (Библер, Ахутин, 2010: 659). Излагая учение В. С. Библера о диалоге культур, авторы статьи предлагают учесть ряд аспектов в понимании существа диалога и культур. Не все эти предложения убедительны в плане методологической эвристики. Поэтому кратко прокомментируем предложения В. С. Библера и А. В. Ахутина.

Сразу оговоримся, что едва ли приемлема характеристика диалога культур как проективного понятия, описывающего не диалог эмпирически наличных конкретных культур, а диалог «возможностей бытия культурой» (там же: 660). Подобная концепция межкультурного диалога, относимого не к текущей реальности, а к идеальному миру будущего, разделяется дипломатами (Leeds-Hurwitz, 2014). На наш же взгляд, следует оговаривать различные модальности диалога культур. Так, например, те же В. С. Библер и А. В. Ахутин уверенно говорят о диалоге античной и возрожденческой культур (Библер, Ахутин, 2010: 660). Следовательно, метафора диалога культур вполне применима к исторически состоявшимся культурам.

Важным представляется указание на открытость культуры как субъекта возможного диалога (там же: 659). С учетом культурологического различения открытых и закрытых культур возможны соответствующая идентификация конкретных культур и оценка их способности к диалогу.

В. С. Библер и А. В. Ахутин полагают, что культура как произведение находится в сфере притяжения некоего архетипа — «число», «атом», «форма», «эйдос» и т. п. (там же: 660). Данный первообраз идентифицирует конкретную культуру и полифонически разыгрывается множеством ее авторов

Культуру предлагается понимать в качестве произведения-диалога, в котором участвуют автор, исполнители и аудитория. Каждая культура имеет собственное парадигмально-доминантное произведение. Для античности — это трагедия, в которой переживается катарсис. Для западноевропейского средневековья — это мистерия «в-(о)круге-храма». Возникает вопрос о том, существуют ли такие доминантные произведения в каждой национальной культуре?

Дифференцированность культуры как композиции определяет ее амбивалентность и, как следствие, неоднозначность, проблематичность самой себя. Поэтому культура вопрошает у будущего, у прошлого, у всех, кто к ней прислушивается (там же). Добавим, что существенной инструментальной функцией диалога считается снятие напряженности в отношениях (Попов, 2005: 70).

Предполагается, что каждая из культур — античная, средневековая, новоевропейская, — обладает своей логикой, собственными логическими началами (Библер, Ахутин, 2010: 660). А следовательно — своими категориями? формами мышления? законами логики? Поскольку разработки в области логики культуры только разворачиваются, то перспективны и исследования логик национальных культур на различных этапах их развития.

Важно отметить, что предложивший концепт диалога культур М. М. Бахтин ассоциировал его с метафорой (Бахтин, 1979: 334–335). Слова «как бы диалог» и выражают отношение М. М. Бахтина к диалогу культур как к метафоре.

Данная метафора обеспечивает когнитивный перенос лингвистического понятия «диалог» в область культурологии. В результате при описании взаимодействия культур мы ориентируемся на выделение собственно диалога как формы взаимодействия. А это обязывает исследователя к привлечению тех дисциплинарных разделов лингвистики, которые изучают феномен диалога.

В языкознании диалогическая речь определяется как первичная, естественная форма речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами (Винокур, 1998: 135). Для диалога типичны содержатель-

ная и конструктивная связь реплик, включающих вопросы, ответы, пояснения, добавления, возражения и пр.

В связи с этим пониманием представляется необходимым уточнить ряд моментов. Во-первых, диалог — это не просто взаимодействие (взаимоотношение) культур, а речевое взаимодействие культур. Во-вторых, диалог культур не тождественен межкультурной коммуникации, поскольку последняя может осуществляться неречевыми знаковыми средствами, например, посредством горлового пения, мимики или танца. В-третьих, диалог культур отличен и от межкультурного общения, поскольку последнее включает не только информационный обмен, но и обмен на чувственно-эмоциональном уровне (Leeds-Hurwitz, 2015: 860). Таким образом, о диалоге культур следует говорить только тогда, когда осуществляется содержательный и конструктивный речевой информационный обмен.

Категориальное содержание понятия диалога учитывал М. М. Бахтин. В частности, он обращал внимание на его вопросно-ответное содержание: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин, 1979: 335). Таким образом, он указывал на необходимость постановки культурно ориентированных вопросов. При отсутствии таких вопросов нельзя говорить о существовании подлинного диалога культур.

В более общем плане, кроме вопросно-ответного формата диалога культур, важно учитывать наличие способности к диалогу. Для этого культура должна обладать способностью взаимодействовать в речевой, содержательной форме, иначе говоря, быть говорящей, не-молчащей культурой.

Важно также отметить, что «разговор культур» должен осуществляться в режиме именно диалога, а не монолога. Даже обмен монологами может не составлять диалог, если не имеет конструктивного, взаимообогащающего содержания.

Таким образом, «в своем разговоре» культура призвана быть субъектно-ориентированной. Ее должна интересовать и привлекать субъектность чужой культуры в ее самоценности, значимость специфических для нее вопросов и возможный информационный вклад в разрешение вопросов, поставленных собственной культурой.

Урянхайский и другие вопросы тувинской культуры

В качестве примера культурно значимого вопрошания в отношении тувинской культуры можно рассматривать *урянхайский вопрос* (Моллеров, Март-оол, 2013; Василенко, 2015; Кузьмин, 2018). Это условное, принятое в дипломатии и исторической литературе обозначение комплекса международных противоречий XVII — начала XX веков, выразившихся в споре России, Китая и Монголии о территориальной принадлежности Урянхайского края, а также в отношении возможности государственного самоопределения тувинского народа.

Урянхайский вопрос появился в рамках решения пограничного вопроса, возникшего между Российской империей и империей Цин. Следовательно, это вопрос не относится к категории вопросов, поставленных собственно в тувинской культуре. Но в поисках того или иного варианта его решения соперничающие стороны обращались к тувинской элите, различные фракции которой по соображениям предпочтений хозяйственной выгоды, этнического происхождения, религиозной и языковой общности или исторической перспективы давали разные ответы.

Вовлечение в диалог содействовало становлению субъектности тувинского народа. Это способствовало решению урянхайского вопроса в его первоначальной постановке путем образования Тувинской Народной Республики, которая в период с 1921 по 1926 годы официально называлась Таннү-Тува. Поэтому оправданным представляется говорить о тувинском варианте решения этого вопроса (Самдан, 2019).

Разрешение и снятие урянхайского вопроса выдвинуло на повестку дня так называемый *тувинский вопрос*. Он состоял в серии аргументированных обращений руководства Тувинской Народной Республики к правительству СССР с просьбами о присоединении (Отрощенко, 2017). В конечном счете этот вопрос был также разрешен — вхождением Тувы в 1944 г. в состав СССР (Хомушку, 2002; Отрощенко, 2017).

Распад Советского Союза в 1991 г. не прошел бесследно для Тувы. В этот период здесь проходили многочисленные дискуссии о перспективах развития республики, в том числе о ее политическом статусе. Главный тувинский вопрос начала 1990-х годов можно обозначить как *вопрос тувинского*

суверенитета. В конституции республики 1993 г. предусматривалась возможность выхода из состава России, и ученые всерьез обсуждали перспективы такого сценария (Балакина, Анайбан, 1995: 121–122).

Какой же вопрос сейчас больше всего волнует политиков и тувинскую общественность? В обобщающей мнение экспертов на эту тему публикации с красноречивым названием «Тувинский вопрос номер один» Глава республики Ш. В. Кара-оол таковым предлагает считать подготовку плана социально-экономического развития республики до 2025 года¹. Понятно, что это чисто управленческая процедура. Более конкретно, речь идет, прежде всего, о создании трансграничного транспортного «меридиана» (транспортного коридора), включающего строительство железной дороги Курагино — Кызыл и последующего ее продолжения в Монголию и Китай. Этот проект, как предполагается, выведет экономику Тувы из депрессии.

В предложенной интерпретации данный вопрос можно считать вариацией другого вопроса «Возможна ли модернизация Тувы?» (Ламажаа, 2011: 219). Он имеет социокультурное измерение, если учесть лимитрофное положение Тувы на пограничье российской и китайской цивилизаций. Как показывает международный опыт, модернизация в таком случае блокируется из-за геополитической незаинтересованности в этом великих цивилизаций. Поэтому временный, паллиативный выход Ч. Ламажаа видит в персональной модернизации тувинцев.

Впрочем, далеко не очевидно, что это основной вопрос тувинской культуры — социокультурный эквивалент, например, традиционных вопросов русской культуры «Кто виноват?» и «Что делать?» Поэтому исследования по выявлению основных вопросов тувинской культуры не могут ограничиваться упомянутыми выше и должны быть, по нашему мнению, продолжены.

Открытость к диалогу

Создание упомянутого выше трансграничного транспортного коридора обсуждается уже более десятилетия и вызывает определенные опасения у части населения Тувы (Кан, 2010; Берзи, 2011). В некоторой степени это объясняется исторически сложившейся относительной закрытостью тувинского общества.

Прежде всего, Тува изолирована транспортно-географически. Кроме того, жесткую политику тотальной изоляции населения Урянхайского края в свое время проводила империя Цин. Потом ситуация изменилась. Переориентация Тувы на СССР в определенной мере открыла общество для диалога с русской культурой. Но в составе советского государства общая изолированность также сохранялась. Во-первых, сам Советский Союз был в целом закрытым обществом. Во-вторых, поскольку республика относилась к приграничным территориям, доступ в нее иностранцев был закрыт. Да и применительно к современности констатируется, что «для этнической культуры постсоветского этапа истории Тувы характерна замкнутость в ценностном отношении на себе самой» (Karelina, 2018: 226).

С точки зрения типологии культур важно учитывать наличие расположенности культур к диалогу, то, «насколько они открыты для других» (Тетдоева, 2010: 189). Очевидно, что тувинская культура относится к категории сравнительно закрытых культур. Это затрудняет организацию межкультурного диалога, так как открытость признается важнейшим его условием. Что же предпринять в этих условиях?

Выше уже говорилось, что ЮНЕСКО ориентирует на выявление у культур общих элементов и совместных целей. Предпосылкой такого выявления выступает уважительное и заинтересованное отношение к собственной культуре, ее более глубокое познание. В известной смысле, требуется своего рода *тувинофильство* (тувинское почвенничество) как культурное движение. Более глубокое постижение основ собственной культуры способствует формированию духовных ресурсов, позволяющих оказывать помощь другим культурам и активизировать диалог с ними.

Ю. М. Лотман замечал, что необходимым условием диалога между культурами является взаимная заинтересованность его участников, взаимное влечение – вплоть до взаимной «любви» (Лотман, 2010: 269). Говоря о тувинофильстве, мы фактически и выделяем феномен такой любви.

Напомним, что российскому славянофильству предшествовали другие, более ранние увлечения — грекофильство, латинофильство, полонофильство и т. д. К сожалению, нельзя сказать, что эти увлечения были взаимными и диалог этнокультуры действительно существовал.

¹ Тувинский вопрос номер один [Электронный ресурс] // Клуб регионов: сетевое издание. 2019. 25 июля. URL: <http://club-rf.ru/17/detail/3315> (дата обращения: 26.09.2020).

В тувинской истории в качестве подобных влиятельных настроений выделяются монголофильство и русофильство (Отрощенко, 2020). Отмечаются симпатии к китайской и тибетской культурам. Среди тувинцев очень высок уровень симпатии к японцам. Это настроение, по результатам наших массовых этносоциальных исследований, проведенных в Туве в 2002–2003 годах, отметили 60% респондентов (Попков, Тюгашев, Костюк, 2006: 29). В настоящее время среди тувинцев популярна корейская культура, что в значительной степени определяется целенаправленной политикой Южной Кореи по ее пропаганде.

В целом можно говорить о симпатии тувинцев к родственным и близким по различным линиям азиатским культурам. Но предпосылки для диалога, как мы видим, имеются в отношении культур только некоторых народов Азии.

Культуры говорящие и культуры молчащие

Использованное выше различие открытых и закрытых культур (обществ), восходящее к идеям А. Бергсона (обзор этой традиции см.: Gontier, 2015), ориентируется на методологическую возможность отнесения тувинской культуры к тем или иным типам культуры. Типологии культуры конструируются по самым разным основаниям (Chanchani, Shantapriyan, 2009; Коломиец, 2012). Но конечный смысл типологизации культур заключается в определении их идентичности, позволяющей затем определить подходящие для них стратегии развития (Косарская, 2015). Применительно к тувинской культуре предприняты только первые попытки ее идентификации на базе некоторых известных типологий (Ламажаа, 2011: 244; Тюгашев, Попков, 2017; Попков, Тюгашев, 2019). Поэтому представляют интерес типологии культур, значимые в контексте проблемы диалога.

Так, в связи с трактовкой диалога как разговора естественным и даже избыточным кажется выделение «говорящих» культур (Головнев, 1995). Но все ли культуры способны к разговору? В связи с многочисленными исследованиями феномена молчания в различных этнокультурах представляет интерес выделение «молчащих» культур (Скиперских, 2018). Исходя из этого, возможно различие культур молчащих и культур говорящих. Внешне это различие опознается по стилю речевого общения, сравнительной ценности шума и тишины. Например, английская, русская, японская культуры идентифицируются как культуры молчания. Как шумные народы воспринимаются греки, итальянцы, китайцы, корейцы, французы и др. Более молчаливы культуры народов Севера.

Тувинская культура, по-видимому, является культурой молчания. В особенной степени эта характеристика относится к тувинцам-тоджинцам. Так, А. Ч. Чадамба делится впечатлением: «Тувинцы-тоджинцы — молчаливые, а если говорят, то очень тихо. Не умеют жаловаться, роптать, хотя проблем у них хватает»¹.

Реабилитируя молчание культур коренных малочисленных народов Севера, А. В. Головнев писал: «Итак, одно из главных для меня самого открытий состоит в том, что культура не говорит ничего лишнего. Другое, не менее очевидное: если ты хочешь услышать культуру — слушай, не мучай ее вопросами, не торопи с ответами, отпусти ее, дай ей увлечься собой, заслушаться себя, залюбоваться собой» (Головнев, 1995: 30). Таким образом, даже молчаливая культура, по его мнению, через некоторое время может заговорить, вступить в диалог. И об этом также упоминает Ч. Чадамба: «Но разговорить немногословных горных таёжников можно — нужны лишь уважение, терпение и искренняя заинтересованность»².

Ю. М. Лотман полагал, что молчание культуры может объясняться тем, что она находится в стадии приема, рецепции информации. Это своего рода пауза в диалоге, позволяющая осмыслить услышанное и дать ответ. Так, например, Италия в раннем средневековье выступала как «получатель» светских текстов. Но затем она стала, по его оценке, «настоящим вулканом, извергающим самые разнообразные тексты, заполняющие культурную ойкумену Запада» (Лотман, 2010: 271).

Любопытно, что диалог культур описывается как носящий ненаправленный, не дуальный характер, а круговой. Слушать можно одну или несколько культур, а отвечать — всем, кто прислушивается. Такой паттерн диалога культур более точно соответствует его изначальному пониманию как разговора, беседы многих участников.

¹ Цит. по: Антупьева Н. Вслед за тувинскими оленями отправились кызыльские слушатели школы межэтнической журналистики [Электронный ресурс] // Союз журналистов России: сетевое издание. 2018. 16 марта. URL: <https://ruj.ru/news/regions-news/vsled-za-tuvinskimi-olenyami-otpravilis-kyzylskie-slushateli-shkoly-mezhethnicheskoj-zhurnalistiki-bl-8451> (дата обращения: 20.09.2020).

² Цит. по: там же.

Диалоговые и монологические культуры

В коммуникативной ситуации ненаправленного диалога — не имеющего конкретного адресата — культура выступает с монологом. Поэтому она может восприниматься в качестве монологической культуры, не ориентированной на диалог.

В мировой истории предложено различать монологичные и диалогичные культуры (Тетдоева, 2010: 188). Можно согласиться с наблюдением о том, что монолог — наиболее ранняя, восходящая к этноцентризму, стратегия межкультурной коммуникации (Яркова, 2012: 64). Он может оставаться преобладающей стратегией в рамках любого моноцентризма. Поэтому в качестве монологичных идентифицируются монотеистические культуры, западная культура в целом, культуры тоталитарных и авторитарных обществ. Диалог в этих культурах фактически может являться обменом монологами, безадресными и не требующими ответа, то есть квазидialogом.

Вместе с тем довольно рано, особенно в художественной литературе, в качестве культурной нормы формируются диалоговые формы. Например, в шумеро-аккадской литературе был широко представлен жанр диалога-спора о превосходстве, который велся не только между людьми, но и между различными существами, предметами и явлениями природы (Емельянов, 2012: 76).

Не претендуя на тотальную достоверность, выскажем предположение, что тувинская культура в силу своей патриархальности и авторитарности по преимуществу монологична. В художественной литературе это проявляется в активном обращении к жанрам восхвалений, наказа, плача, причитаний, представляющих собой монологическую речь героя (Дампилова, 2016: 45). Но наряду с этим следует учитывать диалогическую традицию буддизма, актуализация которой позволила бы ввести в культурную норму диспуты, дискуссии, дебаты по различным темам.

Заключение

Большая часть того, что говорилось выше о тувинской культуре, касалось культуры традиционной. Постепенно формируясь в качестве устойчивой и достаточно оптимальной адаптивной системы духовных представлений и реальных практик, она является продуктом взаимного приспособления сообщества к конкретным природно-географическим и геополитическим условиям. Именно специфическое пространственное положение и сложности исторического развития Тувы определили особенности тувинской культуры. По итогам проведенного сравнительного анализа традиционной тувинской культуры в горизонте типологии культур можно сделать следующие выводы: по критерию открытости к диалогу она относится к категории сравнительно закрытых культур; по критерию избирательности в диалоге тувинцев можно охарактеризовать как преимущественно азиатско-ориентированных; в рамках сопоставления культур «говорящих» и «молчащих» тувинская культура больше соответствует культуре молчания; в горизонте диалоговых и монологических культур ее можно оценить как в большей степени монологичную.

Современная эпоха, характеризующаяся включением локальных и региональных сообществ в широкие глобальные связи, а также цифровизацией публичной и повседневной жизни, создает новые возможности для реформирования и самой культуры, и ее диалоговых возможностей. В этих условиях одной из важных научных проблем становятся осмысление причудливого переплетения траекторий традиционной и современной культур в процессе интенсифицирующихся межкультурных взаимодействий. Пандемия коронавируса существенно снизила, надо надеяться, что временно, возможности реальных контактов, но одновременно породила потребность и создала новые формы контактов виртуальных, тем самым усложнив и запутав проблемную ситуацию в сфере диалога культур и актуализировав задачу специального исследования на эту тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгбай, Ч. О. (2012) Диалог тувинской и западной культур (на примере жизни ученого Ондара Дарыма) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/316/627> (дата обращения: 06.10.2020).

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 137 с.

Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 424 с.

Бегзи, А. Д. (2011) Будет ли экономика Сибири прирастать Тувой? «Новая индустриализация» Сибири и проблемы экономического развития Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/438> (дата обращения: 06.10.2020).

Библер, В. С., Ахутин, А. В. (2010) Диалог культур // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / научно.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М. : Мысль. Т. 1. 744 с. С. 659–661.

Василенко, В. А. (2015) «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX века): источниковедение и историография проблемы // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ. 416 с. С. 99–114.

Винокур, Т. Г. (1998) Диалогическая речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия. 685 с. С. 135.

Головнев, А. В. (1995) Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН. 606 с.

Дампилова, Л. С. (2016) Тюркомонгольские истоки в современной поэзии народов Сибири // Mongolica-XVI. СПб. : Петербургское востоковедение. 104 с. С. 44–50.

Емельянов, В. В. (2012) Шумерская литература // Литературы стран Азии и Африки. Начальный период развития / отв. ред. В. В. Емельянов. СПб. : ИПК «НП-Принт». 348 с. С. 31–108.

Жбанков, М. Р. (2001) Диалог культур // Всемирная энциклопедия: Философия / гл. ред. А. А. Грицанов. М. : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор. 1312 с. С. 308–309.

Кан, В. С. (2010) Чего ждут от строительства железной дороги и освоения месторождений жители Тувы (по материалам социологических исследований 2008–2010 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/477> (дата обращения: 06.10.2020).

Коломиец, Н. В. (2012) Современный концепт типологии культуры // Государственное и муниципальное управление. № 4. С. 7–12.

Косарская, Е. С. (2015) Типология культуры как символическая борьба за самоидентичность // Культура и образование. № 4. С. 42–48.

Кузьмин, С. Л. (2018) Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental Studies. № 3. С. 2–14. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14>

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетей. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ларченко, С. Г., Еремин, С. Н. (1991) Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск : Наука. 174 с.

Лотман, Ю. М. (2010) Семиосфера. СПб. : Искусство – СПб. 704 с.

Маадыр, М. С. (2018) США и Тувинская Народная Республика: вопросы книгообмена (по документам Государственного архива Республики Тыва) // Библиосфера. № 2. С. 24–27. DOI: <https://www.doi.org/10.20913/1815-3186-2018-2-24-27>

Моллеров, Н. М., Март-оол, В. Д. (2013) «Урянхайский вопрос» в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность. Абакан : Журналист. 244 с.

Монгуш, М. В. (2008) Тува: диалог культур в прошлом и настоящем (на материалах книги Отто Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву») // Современные проблемы сервиса и туризма. № 4. С. 10–26.

Орнатская, Л. А. (2014) Межкультурный диалог: проблемы и перспективы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета Сер. 6. Вып. 1. С. 48–60.

Отрошенко, И. В. (2017) Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения // Новые исследования Тувы. № 4. С. 36–76. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.4.3>

Отрошенко, И. В. (2020) «Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 35–48. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019) Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–14. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А., Костюк, В. Г. (2006) Этносоциальные процессы в современной Евразии: история и современность // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Сибирское Научное Издательство. 230 с. Вып. 7. С. 12–31.

Попов, Е. Н. (2005) Сущностные характеристики диалога в современной философии // Вестник Якутского государственного университета. № 1. С. 69–74.

Самдан, А. А. (2019) Российский и тувинский варианты решения «урянхайского вопроса» (1911–1916 гг.) // Ученые записки. Выпуск XXV / Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва / отв. ред. Б. А. Донгак. Кызыл : Типография МБОУ КЦО «Аньяк». 452 с. С. 34–55.

Скиперских, А. В. (2018) Официальное и неофициальное искусство в «молчащей» культуре: взгляд нонконформистов // Международный журнал исследований культуры. № 1. С. 189–197.

Тетдоева, С. А. (2010) Диалог как форма коммуникации в сфере межкультурных контактов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 190. С. 185–190.

Тульчинский, Г. Л. (2015) Философия как парадигма межкультурного диалога // Философские науки. № 11. С. 148–154.

Тхагапсоев, Х. Г., Астафьева, О. Н., Докучаев, И. И., Леонов, И. В. (2020) Информационно-семиотическая теория культуры. СПб.: Астерион. 208 с.

Тюгашев, Е. А. (2019) О. Шпенглер и социокультурный подход // Тезаурусы и проблемы культуры / отв. ред. В. А. Луков. М.: Московский гуманитарный университет. 401 с. С. 272–281.

Тюгашев, Е. А., Попков, Ю. В. (2017) Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–17. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.3.1>

Хомушку, Ю. Ч. (2002) Процессы сближения и вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР: 20-40-е годы XX в. : автореф. дис. ... к. ист. н. М. 18 с.

Яркова, Е. Н. (2012) Стратегии межкультурной коммуникации: От монолога к диалогу // Вестник Ишимского педагогического института им. П. П. Ершова. № 1. С. 64–70.

Aman, R. (2012) The EU and the Recycling of Colonialism: Formation of Europeans Through Intercultural Dialogue // Educational Philosophy and Theory. No. 44 (9). P. 1010–1023.

Chanchani, Sh., Shantapriyan, P. (2009) Typologies of Culture // SSRN Electronic Journal. 30 July. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1441609>

Cliche, D., Wiesand, A. (2009) Achieving Intercultural Dialogue through the Arts and Culture? Concepts Policies Programmes Practices // D'Art Topics in Arts Policy. No. 39. P. 5–46.

Gontier, T. (2015) Open and Closed Societies: Voegelin as a Reader of Bergson // Politics, Religion and Ideology, issue 1. P. 23–38.

Igbino, J. (2011) Intercultural Dialogue: cultural dialogues of equals or cultural dialogues of unequals? // Policy Futures in Education. Vol. 9. No. 1. P. 57–65.

Karelina, E. K. (2018) The Problematic Aspects of Cultural Policy in Modern Tuva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. No. 11. P. 218–226.

Leeds-Hurwitz, W. (2014) Intercultural dialogue [Электронный ресурс] // Key Concepts in Intercultural Dialogue. No. 1. URL: <https://centerforinterculturaldialogue.files.wordpress.com/2014/02/key-concept-intercultural-dialogue1.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

Leeds-Hurwitz, W. (2015) Intercultural dialogue // International encyclopedia of language and social interaction / K. Tracy, C. Ilie & T. Sandel (Eds.). Boston : John Wiley & Sons. Vol. 2, P. 860–868. DOI: <https://www.doi.org/10.1002/9781118611463/wbielsi061>

Дата поступления: 10.10.2020 г.

REFERENCES

Adygbai, Ch. O. (2012) Dialog tuvinskoi i zapadnoi kultur (na primere zhizni uchenogo Ondara Daryma) [Dialogue of Tuvan and Western cultures, as exemplified by the scientist Ondar Daryma's life]. *New Research of Tuva*, no. 2, [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/316/627> (access date: 06.10.2020). (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: socio-cultural and ethnic processes]. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma. 137 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1979) *Eстетика словесного творчества* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo. 424 p. (In Russ.).

Begzi, A. D. (2011) Budet li ekonomika Sibiri prirastat Tuvoi? «Novaia industrializatsiia» Sibiri i problemy ekonomicheskogo razvitiia Tuvy [Will the economy of Siberia grow by Tuva? «New industrialization» of Siberia and problems of Tuva's economic development]. *New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/438> (access date: 06.10.2020). (In Russ.).

Bibler, V. S. and Akhutin, A. V. (2010) Dialog kultur [Dialogue of cultures]. In: *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [New Encyclopedia of Philosophy]: in 4 vols. Moscow, Mysl. Vol. 1. 744 p. Pp. 659–661. (In Russ.).

Vasilenko, V. A. (2015) «Uriankhaiskii vopros» v mezhdunarodnoi politike Rossii, Mongolii, Kitaia (pervaia chetvert XX veka): istochnikovedenie i istoriografiia problemy [The Uriankhai issue in the international politics of Russia, Mongolia, and China in the first quarter of the twentieth century: source studies and historiography of the problem]. In: *Rossiia i Mongoliia v pervoi polovine XX veka: kontseptualnye voprosy rossiisko-mongolskikh otnoshenii (diplomatiia, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, Economics, science)]. Ulan-Bator, Irkutsk, Izd-vo BGU. 416 p. Pp. 99–114. (In Russ.).

Vinokur, T. G. (1998) Dialogicheskaya rech [Dialogic speech]. In: *Yazykoznanie. Bolshoi entsiklopedicheskiy slovar [Linguistics: A Large Encyclopaedic Dictionary]*. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. 685 p. P. 135. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (1995) *Govoriashhie kultury: traditsii samodiitsev i ugrov [Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions]*. Ekaterinburg, UrO RAN. 606 p. (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2016) Tiurkomongolskie istoki v sovremennoi poezii narodov Sibiri [Turkic and Mongolian sources of the modern poetry of the peoples of Siberia]. In: *Mongolica-XVI [Mongolica-XVI]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 104 p. Pp. 44–50. (In Russ.).

Emelianov, V. V. (2012) Shumerskaya literatura [Sumerian literature]. In: *Literaturny stran Azii i Afriki. Nachalniy period razvitiia [Asian and African Literatures. The earliest period]*. Ed. by V. V. Emelianov. St. Petersburg, IPK «NP-Print». 348 p. Pp. 31–108. (In Russ.).

Zhbankov, M. R. (2001) Dialog kultur [Dialogue of cultures]. In: *Vsemirnaia entsiklopediia: Filosofii [World encyclopedia: Philosophy]*. Ed. by A. A. Gritsanov. Moscow, ACT, Minsk, Harvest, Sovremenniy literator. 1312 p. Pp. 308–309. (In Russ.).

Kan, V. S. (2010) Chego zhдут ot stroitel'stva zheleznoi dorogi i osvoiniia mestorozhdenii zhiteli Tuvy (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy 2008–2010 gg.) [What the residents of Tuva expect from the construction of the railway and the development of minerals (based on the materials of sociological research in 2008–2010)]. *New Research of Tuva*, no. 4, [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/477> (access date: 06.10.2020). (In Russ.).

Kolomiets, N. V. (2012) Sovremenniy kontsept tipologii kultury [The contemporary concept of typology of culture]. *Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravlenie*, no. 4, pp. 7–12. (In Russ.).

Kosarskaya, E. S. (2015) Tipologiya kul'tury kak simbolicheskaya borba za samoidentichnost [Typology of culture as a symbolic struggle for self-identity]. *Culture and education*, no. 4, pp. 42–48. (In Russ.).

Kuzmin, S. (2018) Uriankhaiskiy vopros i mongolo-tuvinskiye otnosheniia v nachale XX v. [The Uriankhai issue and Mongolia-Tuva relations in early 20th Century]. *Oriental Studies*, no. 3, pp. 2–14. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14>

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdu proshlym i budushchim [Tuva between the past and the future]*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleiteia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsionalnyi kharakter tuvintsev [The national character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Larchenko, S. G. and Eremin, S. N. (1991) *Mezhkulturnye vzaimodeistviia v istoricheskom protsesse [Intercultural interactions in the historical process]*. Novosibirsk, Nauka. 174 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2010) *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo – SPb. 704 p. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (2018) SShA i Tuvinskaya Narodnaya Respublika: voprosy knigoobmena [The USA and Tuvan People's Republic: issues of book exchange (from the documents at the State Archives of the Republic of Tuva)]. *Bibliosfera [Bibliosphere]*, no. 2, pp. 24–27. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.20913/1815-3186-2018-2-24-27>

Molerov, N. M. and Mart-ool, V. D. (2013) «Uriankhaiskiy vopros» v politicheskoi istorii Rossii: vozniknovenie i dolgo-vremennaya aktual'nost' [The “Uriankhai issue” in the political history of Russia, its emergence and long-term relevance]. Abakan, Kooperativ «Zhurnalist». 244 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2008) Tuva: dialog kultur v proshlom i nastoiashhem [Tuva: Dialogue of cultures in the past and present]. *Sovremennye problemy servisa i turizma [Contemporary problems of service and tourism]*, no. 4, pp. 10–26. (In Russ.).

Ornatskaya, L. A. (2014) Mezhkulturniy dialog: problemy i perspektivy issledovaniia [Intercultural dialogue: problems and prospects of studies]. *Vestnik of St.-Petersburg University*, ser. 6, issue 1, pp. 48–60. (In Russ.).

Otroshhenko, I. V. (2017) Vhozhdenie Tuvy v sostav SSSR: alternativnye mneniia [Tuva's accession to the USSR: Alternative opinions]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 36–74. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.4.3>

Otroshhenko, I. V. (2020) «Mongolofilstvo» politicheskoi ielity Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [“Mongolophilia” of the political elite in the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 35–48. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3>

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2019) Prostranstvennyi obraz Tuvy v obiektnoye sotsiokulturnoy fenomenologii [The spatial image of Tuva in the focus of sociocultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–14. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. and Kostyuk, V. G. (2006) Etnosotsialnye protsessy v sovremennoi Evrazii: istoriia i sovremennost' [Ethnosocial processes in modern Eurasia: history and modernity]. In: *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]*. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. 230 p. Vol. 7. Pp. 12–31. (In Russ.).

Popov, E. N. (2005) Suschnostnye harakteristiki dialoga v sovremennoi filosofii [The nature of dialogue contemporary philosophy]. *Bulletin of the Yakut state University*, vol. 1, pp. 69–74. (In Russ.).

Samdan, A. A. O. (2019) Rossiiskii i tuvinskii varianty resheniia «urianhaiskogo voprosa» (1911–1916 gg.) [Russian and Tuvan options for resolving the uryanhay issue (1911–1916)]. In: *Uchenye zapiski. Tuvinskii institut gumanitarnykh i prikladnykh sotsialno-ekonomicheskikh issledovaniï pri Pravitel'stve Respubliki Tyva*. Vol XXV. Ed. by B. A. Dongak. Kyzyl, Typography MBOU SCB "Aniak". 452 p. Pp. 34–55. (In Russ.).

Skiperskikh, A. V. (2018) Ofitsialnoe i neofitsialnoe iskusstvo v «molchashchei» kulture: vzgliad nonkonformistov [Official and unofficial art in the «silent» culture: A nonconformist view]. *International journal of cultural studies*, no. 1, pp. 189–197. (In Russ.).

Tetdoeva, S. A. (2010) Dialog kak forma kommunikatsii v sfere mezhkulturnykh kontaktov [Dialogue as a form of communication in the field of intercultural contacts]. *Proceedings of the St. Petersburg State University of culture and arts*, vol. 190, pp. 185–190. (In Russ.).

Tulchinskii, G. L. (2015) Filosofii kak paradigma mezhkulturnogo dialoga [Philosophy as a paradigm of intercultural dialogue]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 11, pp. 148–154. (In Russ.).

Thagapsoev, H. G., Astaf'eva, O. N., Dokuchaev, I. I., and Leonov, I. V. (2020) *Informatsionno-semioticheskaia teoriia kulture [Information and semiotic theory of culture]*. St. Petersburg, Asterion. 208 c. (In Russ.).

Tyugashev, E. A. (2019) O. Shpengler i sociokulturnyi podhod [O. Spengler and the sociocultural approach]. In: *Tezaurusy i problemy kulture [Thesauri and the problem of culture]*. Ed. by Val. A. Lukov. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. 401 p. Pp. 272–281. (In Russ.).

Tyugashev, E. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Mentalitet tuvintsev v gorizonte sotsiokulturnoi fenomenologii Pitirima Sorokina [Mindset of Tuvans in terms of Pitirim Sorokin's cultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.1>

Khomushku, Yu. Ch. (2002) *Protsessy sblizheniia i vkhozheniia Tuvinskoï Narodnoï Respubliki v sostav SSSR: 20–40-e gody XX v. [Process of rapprochement and accession of the Tuvan People's Republic in the USSR: 1920s–1940s]*: Abstract of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Yarkova, E. N. (2012) Strategii mezhkulturnoi kommunikatsii: Ot monologa k dialogu [Intercultural communication strategies: From monologue to dialogue]. *Bulletin of the Ishim Pedagogical Institute named after P. P. Yerzhov*, no 1, pp. 64–70. (In Russ.).

Aman, R. (2012) The EU and the Recycling of Colonialism: Formation of Europeans Through Intercultural Dialogue. *Educational Philosophy and Theory*, no. 44 (9), pp. 1010–1023.

Chanchani, Sh. and Shantapriyan, P. (2009). Typologies of Culture. *SSRN Electronic Journal*. 30 July. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1441609>

Cliche, D. and Wiesand, A. (2009) Achieving Intercultural Dialogue through the Arts and Culture? Concepts Policies Programmes Practices. *D'Art Topics in Arts Policy*, no. 39, pp. 5–46.

Igbino, J. (2011) Intercultural Dialogue: cultural dialogues of equals or cultural dialogues of unequals? *Policy Futures in Education*, vol. 9, no. 1, pp. 57–65.

Karelina, E. K. (2018) The Problematic Aspects of Cultural Policy in Modern Tuva. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 11, pp. 218–226.

Leeds-Hurwitz, W. (2014) Intercultural dialogue. *Key Concepts in Intercultural Dialogue*, no. 1 [online] Available at: <https://centerforinterculturaldialogue.files.wordpress.com/2014/02/key-concept-intercultural-dialogue1.pdf> (access date: 06.10.2020).

Leeds-Hurwitz, W. (2015) Intercultural dialogue. In: *International encyclopedia of language and social interaction*. Ed. by K. Tracy, C. Ilie and T. Sandel. Boston, John Wiley & Sons. Vol. 2, Pp. 860–868. DOI: <https://www.doi.org/10.1002/9781118611463/wbielsi061>

Submission date: 10.10.2020 z.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.16

Статья

Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова

Ольга А. Валикова, Бакытгуль Е. Шагимгереева, Шекер А. Кулиева
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы художественного транслингвизма в его русско-тувинском и русско-казахском воплощении. Национальная литература, произрастающая из этногенетической «почвы» аутентичной культуры того или иного народа и оформленная на русском языке, в современной терминологии определяется как транслингвальная, русскоязычная и русофонная (У. М. Бахтикиреева). Несмотря на свое русскоязычное оформление, русофонный художественный текст продолжает транслировать во внешнее коммуникативное пространство национальные образы мира — первичные культурные коды (базисные концепты).

Авторы продемонстрировали это на поэтическом материале двух выдающихся поэтов современности — тувинца Эдуарда Мижита и казаха Бахыта Каирбекова. Рассматривались русскоязычные поэтические тексты Э. Мижита (циклы «Глас тишины», «Капли вечности», «Корни», «Грани одиночества», «Минутное», «Сквозь себя», «Бездна», «Бусинки столетий» и др.) и Б. Каирбекова («За решеткой слов», «Таинственные праздники», «Против солнца», «Части целого»).

Обоим поэтам свойственна тональность размышления, выраженная в соответствующих жанрах: ожук дажы (классическое тувинское трехстишие) и толгау (жанр казахской литературы, созерцание-размышление). Для обоих представителей своей литературы важна особая, полицентрическая организация хронотопа и выраженное пантеистическое мирозерцание, обусловленное сплавом религиозных и мировоззренческих парадигм (от шаманизма до буддизма, от тенгрианства до анимизма). В обоих поэтических универсумах лирический герой — одинокий странник в поисках Истины, актуализированный в мифологемах Охотника и Номада, Баксы и Батыра.

Ключевые слова: транслингвизм; русскоязычная литература; тувинская поэзия; казахская поэзия; Эдуард Мижит; Бахыт Каирбеков

Для цитирования:

Валикова О. А., Шагимгереева Б. Е., Кулиева Ш. А. Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 230-249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16

Валикова Ольга Александровна — доктор наук в области филологии (PhD), доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Тел.: +7 (495) 787-38-03. Эл. адрес: leka.valikova@mail.ru

Шагимгереева Бакытгуль Ерсайновна — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Тел.: +7 (495) 434-37-45. Эл. адрес: t_2004@mail.ru

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Тел.: +7 (495) 787-38-03. Эл. адрес: shekkul@mail.ru

VALIKOVA, Olga Alexandrovna, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 787-38-03. E-mail: leka.valikova@mail.ru

SHAGIMGEREYeva, Bakytgul Ersainovna, Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 434-37-45. E-mail: t_2004@mail.ru

KULIEVA, Sheker Avdyevna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 787-38-03. E-mail: shekkul@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8682-0891

Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov

Olga A. Valikova, Bakytgul E. Shagimgereeva, Sheker A. Kulieva
Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

This article examines the issues of literary translingualism in its Russian-Tuvan and Russian-Kazakh representations. National literatures, which are sustained by the ethnogenetic "soil" of the authentic culture of an ethnic group, can be described in modern terminology as translingual, Russian-speaking and Russophonetic (U. M. Bakhtikireeva). Although its external form is indeed Russophonetic, the literary text keeps transmitting into the external communicative space primary cultural codes (basic concepts), which are elements of the national world picture.

The article demonstrates this, using the case of poetry by two outstanding poets of the present times — Eduard Mizhit, a Tuvan and Bakhyt Kairbekov, a Kazakh. We focus on such Russian-language poetic texts by E. Mizhit as his collections "The Voice of Silence", "The Drops of Eternity", "Roots", "Facets of Loneliness", "The Transient", "Through Oneself", "The Abyss", and "Beads of Centuries", and B. Kairbekov's "Behind the Lattice of Words", "Mysterious Holidays", "Against the Sun", and "Parts of the Whole".

Both poets share a reflective tone which finds its expression in specific genres: ozhuk dazhy (a classic Tuvan three-liner) and tolgau (a genre of Kazakh literature combining contemplation and reflection). A special polycentric organization of space and time is also shared by both poets, as well as a pantheistic outlook, conditioned by the fusion of religious and worldview paradigms (from shamanism to Buddhism, from Tengrism to animism), is also important. A lyrical hero in both poetic universes is a lonely wanderer in a search of Truth, who takes on cultural masks of the Hunter and Nomad, of Baksa and Batyr.

Keywords: translingualism; Russian-language literature; Tuvan poetry; Kazakh poetry; Eduard Mizhit; Bakhyt Kairbekov

For citation:

Valikova O. A., Shagimgereeva and Kulieva Sh. A. Kosmos v logose: translingval'naia poeziiia Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova [Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 230-249. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16

Введение

Цель настоящей статьи — попытка осмысления феномена транслингвизма (и русскоязычия как его варианта) на материале отдельных поэтических текстов тувинца Э. Мижита и казаха Б. Каирбекова, написанных на русском языке. Мы попытаемся показать, как в семиотической сложности художественного текста, созданного на русском языке этнически нерусскими авторами, взаимодействуют различные культурные коды, генерируя новую эстетическую реальность — культурно усложненную и в определенном смысле уникальную.

В приведенной работе мы опираемся на результаты современных исследователей транслингвизма, в частности, С. Келлмана (Kellman, 2003), М. Танненбаума (Tannenbaum, Haim, 2007), Дж. Хансен (Trans-cultural identities ... , 2013), С. Канагараджа (Канагараджа, 2016) О. Гарсиа, Л. Вей (Garcia, Wei, 2014), М. Тлостановой (Тлостанова, 2004), З. Г. Прошиной (Прошина, 2017), И. С. Хугаева (Хугаев, 2008), однако магистральным направлением поиска считаем траекторию, эпистемологически заданную У. М. Бахтикиреевой (Бахтикиреева, 2009). В соответствии с установками У. М. Бахтикиреевой, русскоязычие следует рассматривать как уникальную ситуацию онтоязыкового порядка, характерную для советского и постсоветского периода. Внутри нее происходит контаминация множественных образов мира, объективированная средствами русского языка в пределах художественного текста.

Методологическую базу исследования составили также статьи и теоретические работы литературоведов, посвященные осмыслению творчества Э. Мижита и Б. Каирбекова в контексте современного

литературного процесса: Л. С. Дампиловой (Дампилова, 2014, 2015), У. А. Донгак (Донгак, 2020), Л. С. Мижит (Мижит, 2007), А. М. Соян (Соян, 2018), М. А. Хадаханэ¹, В. В. Бадикова (Бадиков, 2003), Н. О. Джуанышбекова (Джуанышбеков, 2010), Н. М. Томановой (Томанова, 2012), М. Сомадая (Сомадай, 2014), Е. Н. Кремер (Кремер, 2010).

Материалом исследования послужили избранные стихотворения Э. Мижита и Б. Каирбекова, в которых репрезентирована внутренняя форма национальной культуры. Мы обратились к таким произведениям Мижита, как «Мысль», «Мой одинокий зов», «Спасение»², циклам «Бусинки столетий» и «Время моей земли»³. Стихотворения Б. Каирбекова «Когда в степи моей умолкнут кузнечики», «Все встало на свои места», «Перевозчик», «Асатаяк», «Если сердце твое кровоточит»⁴, «Вся эта даль бескрайняя в степях», «Степь — многотравный простор»⁵ также составили базу нашего исследования.

Транслингвизм: вводные замечания

Кризис «конца локальности», о котором рассуждают современные философы (Тлостанова, 2004), индуцирует переход мыслящих субъектов эпохи постмодерна в «пространство внеаходимости», внедомности, «культурной ловушки». Это ощущение можно описать формулой «ни тут, ни там», когда личность занимает промежуточное положение на «перекрестке культур», не входя ни в одну из них как в среду своего обитания. Это «транс» шаманского камлания, поиск Автором новых способов восприятия мира в Хаосмосе (Лейдерман, 2005) современности, когда субъект литературы «привык жить вне локальностей, но его бессознательное по-прежнему полно осколков прошлого» (Тлостанова, 2004: 47). Вместе с тем складывается и противоположная тенденция (в мировой литературе выраженная, однако, менее интенсивно) — онтоязыковое ощущение «и тут, и там», при котором элементы нескольких культур участвуют в процессе сотворения нового жизненного пространства творческой личности.

Литературу, создаваемую писателями на неродном для них языке, называют транскультурной (в широком смысле) или транслингвальной. Как отмечает М. Танненбаум (M. Tannenbaum), «транслингвальная литература, раскрывающая сущность творчества поэтов и писателей, пишущих на языке, который не является для них «материнским», предъясвляет увлекательное место встречи таких понятий, как язык, иммиграция и идеология» (Tannenbaum, Haim, 2007: 273; перевод наш. — Авт.).

Транслингвальная литература, существующая со времен «мифического Вавилона» (Kellman, 2019), обрела в третьем тысячелетии невиданный размах. Острые дискуссии возникают при оценке этого феномена. С одной стороны, транслингвальная литература способна расширить наш «горизонт понимания», а, значит, и горизонт толерантности. «Художественная литература предлагает мощные средства для изучения транскультурного опыта и решения проблем, которые она ставит как перед отдельными людьми, так и перед всем обществом. Сам акт чтения литературных текстов потенциально является транскультурным опытом, поскольку предлагает читателю отождествить себя с перспективами вымышленных героев из незнакомых географических мест» (Transcultural identities ..., 2013: 10; перевод наш. — Авт.). С другой стороны, доминирующий язык зачастую воспринимается как «среда порабощения», развернутый «знак» до конца не изжившей себя колониальности. Следует признать, что транслингвизм всегда подразумевает прагматическое доминирование одного языка над другим, обусловленное разными причинами: желанием писателя создать широкую диалоговую площадку с читателем (ведь *Esse est percipi*); наличием в другой языковой системе более совершенного арсенала изобразительных средств и техник, ожидание коммерческого успеха и т. п. Но значит ли это, что транслингвизм следует оценивать негативно?

Как полагает апологет русофонной литературы на постсоветском пространстве У. М. Бахтикиреева (Бахтикиреева, 2009), художественное трансязычие — практика, благодаря которой достигается стереоскопичность зрения и то свойство мышления, которое можно охарактеризовать как радиантное. В русофонной литературе (как одной из моделей литературы транслингвальной) исследователь видит диалог различных мировоззрений, благодаря которому генерируется новое, более сложное в

Хадаханэ М. А. Странный поэт Мижит // Тувинская правда. 1994. 6 янв. С. 4.

Мижит Э. Расколотый миг. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2011. 122 с.

Мижит Э. Время моей земли [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. <http://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения: 12.08.2020).

Каирбеков Б. Дневник. Алматы : Интерпринт, 2003. 224 с.

Каирбеков Б. Навстречу солнцу. Дневник путешествий. Статьи, эссе. Алматы: Нурақынов, 2014. 420 с.

онтологическом и художественном плане смысловое пространство, внутри которого циркулируют элементы гетерогенных лингвокультурных сфер. Благодаря русскому языку как широкому каналу доступа читатель получает возможность приобщиться к новой для себя картине мира, объективированной в художественном тексте, и в этом случае русскоязычие выполняет функцию коммуникативного моста к неисчерпаемым культурным ресурсам народов постсоветского пространства (Bakhtikireeva, Valikova, King, 2017: 166). Исследователь рассматривает транслингвальный художественный текст как полилингвальный феномен, то есть семиотически усложненное, многокодовое единство, внутри которого взаимодействуют «языки» разного уровня сложности, в том числе языки визуальные и аудиальные. В пространстве же вербального комплекса художественного целого происходит синергетическое взаимодействие культур, результатом которого становится «встреча энергий» — лингвокреативного потенциала каждого лингвокультурного поля.

Симптоматично, что многие постсоветские авторы определяют свой контекст существования как «континуум нескольких языков и культур», указывая, скорее, на межкультурный синтез, а не на разделение литературы на «этнодома». Показательны и их самоопределения: «номад семиотических пространств» (А. Жаксылыков), «медиатор» (О. Сулейменов), «рот, вмещающий два языка» (Е. Зейферт)¹. Каждая культура в процессе взаимодействия сохраняет за собой право на собственную аутентичность, «непрозрачность». Транскультурация не предполагает стирания границ между этносами. Она прокладывает коммуникативный мост через культурные фронтиры, соединяя территориально, этнически, лингвально отдаленные друг от друга культуры и обеспечивая транспортировку разнообразных культурных элементов из одного семиотического пространства в другое. В результате этого двуправленного процесса культурный ландшафт обоих пространств видоизменяется. В условиях гетерогенного по своему составу мирового общества транскультурация видится одной из наиболее продуктивных стратегий этнокультурного «самосохранения».

М. Тлостанова справедливо подчеркивает, что транскультурация бросает вызов монокультурной природе конструкта «нация–государство», апеллирующего к мифической идее «чистой культурной идентичности, не зараженной гибридизацией» (Тлостанова, 2006: 134). Как отмечает С. Канагараджа, «эта идеология языковой чистоты и автономии противоречит повседневной практике, когда языки находятся в постоянном контакте и смешиваются, порождая новые грамматики и новые значения. Общаясь, люди берут, что им нужно, из разных кодов и семиотических ресурсов, не ограничиваясь знаками одного языка (Канагараджа, 2016:16).

Характерный пример несовпадения этноса и языка — феномен русскоязычия на территории сначала Российской Империи, а затем советского и постсоветского пространства.

Как отмечает У. М. Бахтикиреева, в 20-х годах XX века сформировалась единая культурно-историческая область, включавшая в себя Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику (Латвию, Литву, Эстонию), Закавказье (Азербайджан, Армению, Грузию), Центральную Азию (Казахстан, Киргизию) и Среднюю Азию (Таджикистан, Туркмению, Узбекистан). Этническая и языковая личности большинства жителей СССР не совпадали, так как усвоение другого языка вовсе не ведет к усвоению другой культуры (по крайней мере, для подобного явления необходим существенный временной период) (Бахтикиреева, 2009).

Процессу литературной транслингвации предшествовало масштабное явление коллективного билингвизма, обусловленное как прагматическими, так и психическими причинами. Под билингвизмом принято понимать «владение двумя языками, как родными», «практику попеременного пользования двумя языками» (Вайнрайх, 1979: 22). Билингвизм как использование языковой пары «русский язык — не-русский язык» варьировался в зависимости от территории бытования: вторым членом приведенной диады мог быть тувинский, казахский, киргизский и любой другой язык-репрезентант, входящий в «языковую мозаику» СССР. Повсеместный литературный процесс на усвоенном русском языке — показательный пример транслингвальной творческой практики этнически нерусских авторов. По мнению О. Гарсия и Ли Вей, в понятиях «транслингвальная деятельность» и «транслингвальная практика» заложена идея лингвистической креативности писателей-билингвов (Garcia, Wei, 2014).

Актуальность термина «транслингвизм» сигнализирует о новом качестве текстов (в том числе художественных), которые нельзя обозначить ни как «билингвальные», ни как собственно «моно-

¹ Из личной беседы О.А. Валиковой с указанными авторами: А. Ж. Жаксылыковым (сентябрь 2016 г.), О. О. Сулейменовым (декабрь 2017 г.), Е. И. Зейферт (март 2018 г.).

язычные». Транслингвальный текст подразумевает отсутствие четких границ между контактирующими языками и определенную интеграцию языковых ресурсов внутри художественного целого. Некоторые исследователи (Туманова, 2010) говорят о контаминации различных языковых картин мира в пределах художественного текста. Другие указывают на внутреннее перераспределение языковых элементов, образующих языковой континуум. Таким образом, в распоряжении автора-билингва оказывается ресурсная база двух языков.

Русский язык перестал совпадать только с русской языковой культурой как в геолингвистическом, так и в культурно-духовном аспекте. Но остается ли в этом случае язык «духом народа»? И, если да, то какого именно народа? Утрачивается ли этническая культура из-за функционального перехода к другому языку?

Очевидно, что не утрачивается. Более того — через посредство языка, наделенного большими функциональными «полномочиями», этническая культура транслируется во внешнее перцептивное пространство, т. е. расширяет территорию своей экзистенции. И. С. Хугаев говорит в этом случае о наличии «этнического субстрата» (Хугаев, 2008) в русскоязычных художественных текстах, М. Тлостанова указывает на «мерцающую внутреннюю форму произведения» (Тлостанова, 2004). Язык (в нашем случае — русский) выступает здесь «единящим началом» (формулировка М. Хайдеггера). Говоря через автора-транслингва, язык не может не выражать его (говорящего, пишущего) этническую самость, не может не преломляться сквозь его этническое самосознание (хотя, как справедливо отмечает Л. С. Дампилова, далеко не все русскоязычные тексты писателей-билингвов «национально-колоритны»: зачастую они непрозрачны, лингвистически нейтральны, и квалифицировать их как свидетельства «иноязыкового бытия» затруднительно) (Дампилова, 2015: 197).

Транслингвальный автор — это человек семиотического «пограничья» (неслучайно Б. Каирбеков определяет себя как мифического «перевозчика»), посредник между культурами, а транслингвальный текст — своеобразный кроссовер, вбирающий в себя черты нескольких культур, но не соответствующий ни одной из них полностью.

Каждый этнос на протяжении веков формирует свои инвариантные «образы мира», детерминированные особенностями форм существования, национальной культуры и психологии. Эти образы одновременно коллективны и индивидуальны, осознанны и бессознательны. Именно они структурируют впоследствии вербализованное знание.

О поэтическом творчестве Э. Мижита и Б. Каирбекова

Обратимся к поэтическому творчеству двух выдающихся поэтов современности — тувинца Эдуарда Мижита (1961 г. р.) и казаха Бахыта Каирбекова (1953 г. р.). Оба этих имени являются знаковыми для тувинской и казахстанской литературы.

Будучи представителями своей этнокультуры, оба писателя прошли «школу русского слова», окончив Литературный институт им. М. Горького (Э. Мижит в 1993 г., Б. Каирбеков — в 1975 г.). Оба в совершенстве овладели интермедийными формами искусства: Э. Мижит — выдающийся драматург, Б. Каирбеков — талантливый кинорежиссер. Стоит отметить, что подобная интермедийность не могла не сказаться на языковой экспрессии поэтического языка каждого из авторов. Так, уникальный драматический талант Э. Мижита проявлен в его философских миниатюрах, когда лирический субъект стихотворения «раздваивается», метафизически расщепляется, и между частями «Я» и «Я-Другого» нарастает существенное напряжение, требующее разрешения и ведущее к катарсису (см., например, стихотворения цикла «Грани одиночества»). Многие стихотворения Б. Каирбекова — визуальны, «кинематографичны»: это стоп-кадры запечатленных в памяти событий, испытанных эмоций, зримо-явственных картин воображения и восприятия («Акведук над рекой./ Стволы берез./ И листьев увяданье.../ Фотообои — / Окно в застывший мир. / Но не раскрыть окна, / В реке не искупаться. / Все время осень).

Оба поэта сумели воссоздать космологию родной культуры в русскоязычном слове (Э. Мижит — писатель-билингв, создающий свои произведения как на тувинском, так и на русском языках; Б. Каирбеков, безукоризненно владеющий казахским языком, творит преимущественно на русском). Каждый смог обратиться художественный ресурс русскоязычия на благо родной культуры: художественные тексты (в том числе тексты полилингвальные, затрагивающие семиотические системы разного генезиса на уровне комбинаторики вербального, визуального, аудиального кодов) Э. Мижита и Б. Каирбекова — вместилища национальных образов мира, культурных архетипов, устойчивых этноспецифических

мотивов, ретранслируемых в поэтическом слове. Поэтическое творчество не ограничивается ретрансляцией культурных кодов; как справедливо подчеркивает У. М. Бахтикиреева, автор, избирающий русскоязычие одной из форм своего онтоязыкового бытия, генерирует новое знание о мире, производит новые смыслы, способствует трансформации воспринимающей его аудитории (Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020: 88).

По мнению известного исследователя тувинской литературы У. А. Донгак, Э. Мижит (*фото 1*) — знаковое явление в современной культурной жизни Тувы (Донгак, 2020). Его формирование как поэта приходится на перестроечную эпоху; в постперестроечное и новейшее время тувинской литературы писатель достигает поэтической зрелости, о чем свидетельствуют публикации в «Антологии русского верлибра» (1991), сборниках верлибров на тувинском и русском языках (Бузундулар (Осколки), 1992; Расколотый миг, 2011), в сборнике стихов в прозе «Казыргылыг кудуктуң кыйгызы» (Зов взвихренного колодца, 2002). По мнению У. А. Донгак, поэт осмысливает образы и сюжеты мировой художественной культуры в контексте тувинской эстетики, что позволяет говорить о новаторской линии его творчества (Донгак, 2020).

Биография писателя насыщена; его творческая активность сопряжена с различными видами социальной деятельности. Э. Мижит служил в армии, трудился воспитателем, работал санитаром в психбольнице, был сторожем и учителем. Это «открытие жизни» (Ф. М. Достоевский) существенным образом сказалось на его идиостиле, как справедливо подчеркивает Л. С. Дампилова (Дампилова, 2014: 158). Художественный метод поэта обогатился «эмпирическим материалом», в результате чего произошло взаимоналожение двух уровней личной истории: жизни человека «внешнего» и жизни человека «внутреннего». Исследователи творчества Э. Мижита, в частности, Ш. Монгуш и Л. С. Мижит, отмечают в произведениях автора наличие «скрытого течения» (*чажыт агым*), имплицитных смыслов, требующих от читателя не только определенных интеллектуальных усилий, но и готовности к со-творчеству, со-размышлению.

По мнению У. А. Донгак, Э. Мижит ввел в тувинскую поэзию модус самосознания («Я понял вдруг, что существую...») (Донгак, 2020: 466). А. Л. Кошелева, исследующая категории времени, пространства и Человека в поэме Э. Мижита «Пируэты мысли» (2012), отмечает, что Поэт и его Мысль слиты воедино в сущности авторского «эго», вечноголодного в своем стремлении осознать собственное место в мире. Мысль кристаллизуется в Творчестве, которое есть попытка понять Творца и его Творение путем сотворения собственных смыслов, образов, ритмов. Творчество для Мижита, как пишет А. Л. Кошелева, — это познание «Древа Жизни, Древа тайны Творения и Бытия-во-времени» (Кошелева, 2016: 22).

Поэзия Э. Мижита диалогична, открыта читательской рецепции, философична. Его поэтические тексты отличаются палимпсестной структурой. Они многослойны: за каждым из «слоев» художественного текста стоит сложная система культурных кодов и философем, совокупность которых способна дать читателю представление о широте метафизического горизонта автора. Поэт стремится к Гармонии всего сущего. Все явления жизни, все приметы, предметы, детали «вещного» мира в поэтике Э. Мижита связаны с сокровенным бытием души, сложным и непостижимым, как Тайна. Лирика поэта — творческая реакция на сократовский императив «Познай самого себя». В этом плане оно близко интенциям и художественным поискам Б. Каирбекова.

Становление языковой биографии Б. Каирбекова (*фото 2*), как пишут У. М. Бахтикиреева и Б. Е. Шагимгереева, «начинается в особый период языкового строительства СССР — гомогенизации единой культурно-исторической общности — советский народ. Для реализации нерусского средне-статистического советского гражданина в конкретную личность жизненно необходимым становится высокий уровень владения русским языком. И Бахыт овладевает этим языком на высоком уровне, так, что доминирующий в его языковом сознании — русский — становится языком творчества,

Фото 1. Эдуард Мижит.
Фото из семейного архива Э. и Л. Мижит.
Photo 1. Eduard Mizhit. Photo from the family archive
of E. and L. Mizhit.

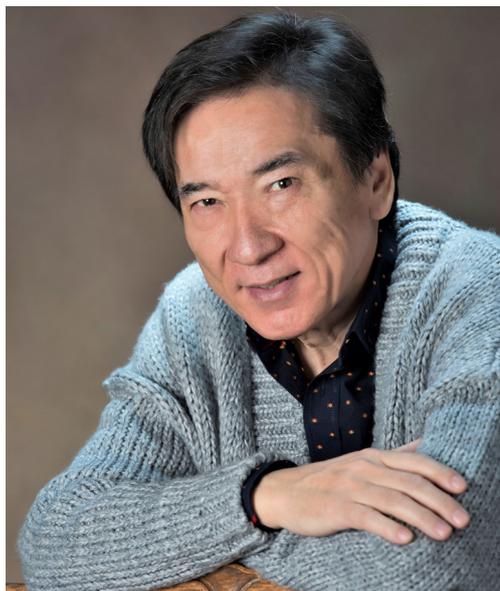

Фото 2. Бахыт Каирбеков.
 Фото Олега Белялова, 10 января 2018 г.
 Фото из личного архива Б. Каирбекова.
 Photo 2. Bakhyt Kairbekov. January 10, 2018.
 Photo by Oleg Belyalov from the personal archive
 of B. Kairbekov.

отражения окружающей действительности и мировоззрения» (Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020: 85).

Как отмечает В. В. Бадиков, стихотворения Б. Каирбекова можно определить как «лирические миниатюры»: они отличаются емкостью, афористичностью, интеллектуальной насыщенностью. Поэт наследует традиции Абая, Басё, Такубоку, Превера, но творчески преобразует их в «лирическом сгустке» стиха, зачастую написанного как послание другу: предельно откровенно, благожелательно, искренне. Благодаря своей интимной тональности стихи Каирбекова напоминают дневник, одновременно исповедь и творческую лабораторию. Это никогда не зарисовки «на злобу дня», но всегда — «стенография души» (Бадиков, 2003: 4).

«Беспощадное вопрошание к себе, глубокое и обостренное чувство ответственности перед своим народом, его историей, культурой и перспективами обусловили важное жизненное решение, программу дальнейшей созидающей деятельности Б. Каирбекова. Он хочет “обогреться у очага своей культуры”, создавая космо-психо-логос Великой Степи в русской “языковой оболочке”» (Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020: 86).

Показательно, что оба поэта обращаются в своих произведениях к мотивам, свойственным культурам центрально-азиатского региона: степи, солнца, цикличности времени.

Жанровая специфика. Тема Поэта и Поэзии

В Космос национальной культуры мы входим в том числе через Логос — упорядочивающую силу языка, овеществляющего мир. Когда в русскоязычном тексте кристаллизуется картина мира «иноязыкового бытия», запечатленная в этноспецифическом жанре — например, жанре *ожук дажы* (тув. «камни очага», см. далее) — меняется сама «амальгама» реальности, предстающая воспринимающему сознанию читателя.

Э. Мижит привносит в эстетику своей тувинско- и русскоязычной поэзии особую архитектурную форму выражения — усложненную форму *ожук дажы*. Как отмечает Л. С. Мижит, жанр *ожук дажы*, реактивированный в тувинской поэзии в 80-х годах XX века, восходит к древней традиции трехстишия, характерной как для тувинской, так и для тюркской поэзии (Мижит, 2007).

Исследователь связывает генезис указанного жанра с феноменом триединства, заложенного в основы религиозно-мифологических представлений и традиционного мировоззрения тувинцев, и подчеркивает его динамическое воздействие на современный литературный процесс. Жанр *ожук дажы* как «формула добытой эстетической истины» репрезентирует триединую космическую модель мироздания, в которой три уровня Вселенной (Верхний Мир — Срединный мир — Нижний мир) связаны с несущей, стержневой осью опорного шеста юрты как микрокосма (*багана*) и заложенного у его основании очага (*ожук*). Вертикаль мира пронизывает космические зоны Вселенной и самого человека, пребывающего одновременно в трех мирах. С космологической триадой, по мнению Л. С. Мижит, связан и феномен шаманизма: шаман как медиатор между мирами способен перемещаться через границы трех сакральных пространств. «В структуре *ожук дажы* три строки ассоциируются с тремя камнями очага. Конечно, данная поэтическая форма легко воспринимаема и до конца понятна именно носителю той культуры, на почве которой она возникла. Три камня очага — символ традиционного образа жизни и культуры кочевника, образ мироздания в виде триединства. Три камня, служившие вместо треножника, вызывали чувство устойчивости, крепости и покоя у кочевников-скотоводов. Известно, что у древних тюрков тоже был очаг из трех камней, безусловно, придававших огромную внутреннюю, духовную силу древним воинам, которые, глядя на очаг, под синим небом, чувствовали свое единство с Природой, Родиной, народом. На наш взгляд, эта поэтическая форма соответствует природе и духу кочевников Центральной Азии» (там же: 9). Поэтика *ожук дажы* направлена на интенсификацию смысла, когда каждая последующая строка углубляет мысль и ведет к лаконичному выводу, зачастую — афористичной сентенции, которую можно рассматривать как эссенцию художественного целого.

Э. Мижит создает новую форму *ожук дажы* — *Улуг ожук дажы*, представляющий собой «нанизывание» трехстиший в многокомпонентной строфической организации стихотворения. В соотнесенности строф рождается единство поэтики целого, его говорящая «внутренняя» форма. Э. Мижит привносит в тувинскую поэзию не только глубокое философское содержание, но и драматическую модусность: драматизм как эстетическая доминанта, по мнению В. С. Тюпы, синкретизирован с элегическим и идилическим тонами повествования (Тюпа, 2012).

Смыслопорождающей энергией драматизма становится энергия страдания и со-страдания, в основе которого лежит осознание героем своего места в мире. При этом определяющее значение для драматического модуса несет фигура Другого (иного «Я»), в присутствии которого раскрывается одиночество лирического героя как способ существования. В этом случае в «симфонии настроения» произведения органично звучит элегическая «нота», воспроизводящая цепь мимолетных состояний внутренней жизни личности. Элегическое чувство «живой грусти об исчезнувшем», причастности Все-единому Многоликому (а потому Безличному) Бытию, хронотоп уединения и странничества (В. С. Тюпа) «дробят» время на неповторимость мгновений, вписанных в картину общего жизнесложения (неслучайно один из наиболее известных сборников Э. Мижита называется «Расколотый миг» (2011).

В стихотворении «Мысль» (цикл «Глас тишины», 2011), организованном по принципу диады трехстиший, — антиномия внутреннего и внешнего «Я», в единстве которых рождается Слово.

Какая-то мысль
стрелой пронзила мой мозг.
И я потянулся к бумаге,
и рука дрожала при этом —
она была оперением
этой стрелы.

Образ стрелы синкретичен: стреле уподобляется мысль как интенция сверхчеловеческого порядка, стрела метафорически «вбирает» самого лирического героя, становится символом направленной творческой энергии, переданной его руке — руке человека Созидающего. За «мыслью-стрелой» (а сравнение в данном случае указывает на «орудийность») незримо встает фигура, пославшего ее — фигура божественного Охотника, поразившего свою цель — Поэта. Поэт, пронзенный стрелой мысли, сам претерпевает трансформацию, превращаясь в орудие «божественной охоты»: теперь ему предстоит стать стрелой, «летающим» посредником между божественным и человеческим. Поэт — стрела, посланная силой высшего порядка, и ей надлежит найти свою цель — сознание соприкоснувшегося с его Словом.

Стрела в тувинской культуре наделена сакральной символикой. Как отмечает М. Б. Кенин-Лопсан, священная стрела (*ыдык озк*), на мифопоэтическом уровне связанная с Верхним миром (Небом), — посредник между мирами, уподобленный солнечному лучу; это атрибут, свидетельствующий о контакте человека с божественной сущностью (Кенин-Лопсан, 2006: 46). Стрела в мировоззрении тувинцев символически соотносима с человеческой судьбой: траектория ее полета сравнивается с индивидуальной жизнью человека, которая дарована ему свыше. Тот, кто «выбирает цель и натягивает тетиву», делает человека избранником своей воли, и поэт не может избежать своей избранности. Он — медиатор и в то же время инструмент в извечной космогонии. В приведенном стихотворении разыгрывается, по сути, акт соприкосновения человека с Демиургом — и в семантической полноте глагола, описывающего состояние лирического героя («рука дрожала»), передано ощущение наивысшей степени его душевного волнения и осознания великой ответственности за дарованное ему Слово.

Стихи для Мижита — это Зов; это Служение; это сила, гармонизирующая мир. В стихотворении «Спасение» (Цикл «Мой одинокий зов», 2011) Мижит пишет:

Я молитвенным бдением	
стихов,	черным
как монах,	бессмысленным оком
спасаюсь от хаоса мрака,	с тусклым,
алчно глядящего	как у мертвеца,
мне прямо в душу	зрачком — луной...

В «молитвенных бдениях стихов» — буддистская идея самопознания, органично переплетенная с дуальным архетипом Хаоса-Гармонии, который является базисным для мифологического мышления древних народов. Неслучайно лирический герой сравнивает себя с монахом.

Согласно традиционным воззрениям буддизма, в процессе следования своему Срединному пути посвященный (монах) осмысливает четыре «благородных истины». Первая из них — страдание (физическое и экзистенциальное). Оно проистекает из осознания собственной смертности и непостоянства всех явлений. Экзистенциальная тревога рождается из жажды и невежества (вторая истина), которые можно преодолеть с помощью знания (третья истина). Страдания преодолимы, если прилагать каждодневные усилия («бдения» у Мижита) в работе над собой: практиковать сосредоточенность, осознанность, правильную речь и др.

Таким образом, Поэт — существо в высшей степени сознательное. Творчество для него — служение, призванное противостоять Хаосу (отметим, что образ Хаоса связан с мотивами ночи, смерти и бессмысленности через комплекс поэтических характеристик). Поэт — избранный (и посвященный), а поэзия его приравнена к Служению.

Интересно отношение Бахыта Каирбекова к Душе и к Поэзии, выраженное в гениальном трехстишии (1976):

Когда в степи моей
Умолкнут кузнечики,
Я умру.

Казалось бы, во внешней форме этой лирической миниатюры (которая по интенсификации мысли, «обрывающейся» в силлабическом строении последней строки, так напоминает *ожук дажы*), ни слова не сказано ни о душе, ни о поэзии. Но об ином свидетельствуют символы стихотворения — аккумулярованные в них сверхсмыслы открывают исследователю пути многочисленных амплификаций исходного текста.

Исследователь М. Сوماдай отмечает, что данным трехстишием поэт пророчит себе бессмертие: «Спрашивается: когда они умолкнут? Разве что с кончиной мира» (Сوماдай, 2014: 379). В масштабе надвременья жизнь степи непрерывна и вечна; циклы жизни, смерти и воскрешения сменяют друг друга в чередовании фаз, периодов и эпох. Покуда жива степь, наполненная вибрациями бесчисленных звуков, жив человек, воспринимающий себя частью этого мира. И здесь необходимо отметить, что анимизм как особая форма мироощущения кочевника (актуальная и сегодня) позволяла ему осмысливать себя как живой элемент великой Природы, своей Родины и всего мироздания. Степь — колыбель кочевника и его последнее пристанище. По свидетельству Ж. К. Каракозовой и М. Ш. Хасанова, в представлениях древних тюрков душа человека бессмертна, пока существует земля его рождения, жизни и смерти, а память предков не позволяет ей раствориться в безвременье (Каракозова, Хасанов, 2001). Отсюда — метонимическое единство степи и ее народа (выраженное в безэквивалентном для русского языкового сознания концепте «Эль»), их онтологическая неразрывность. Пока живет Степь и населяющий ее народ, жив поэт.

Но и внутри этого «большого времени» (М. М. Бахтин) существуют свои циклы: времена года сменяют друг друга в круговом вращении вечности, и кузнечики умолкают с наступлением холодов, чтобы продолжить свое стрекотание в период воскрешения природы и обновления мира. Лирический герой осознает, что смерть на его духовном пути неизбежна — как осознает и то, что она не конечна, что ему предстоит не единожды пройти цикл умирания и воскрешения. Глагол «умолкнуть», в отличие от однокоренного ему «замолкнуть», сигнализирует о временном прерывании звука: об этом свидетельствуют устойчивые в русском языке сочетания «умолкнуть на время» (ср. «замолкнуть навеки», «замолчать навсегда»). Цикл жизни-смерти-воскрешения поэта — своего рода череда творческих инициаций, сопряженных с метаморфозами Души и поэтического дара. Для творческой личности человека созидающего подобные трансформации витально оправданны и жизненно необходимы.

Степь для Б. Кирбекова — не только пространство географического порядка, связанное с историей и культурой казахского народа; это «внутренняя территория» духа с особым онтологическим укладом и уникальной телеологией. И если наше наблюдение верно, рождается еще одна, дополнительная интерпретация стихотворения, связанная с образом кузнечика.

Зададимся вопросом: почему кузнечнику отведена в произведении роль своеобразного «регулятора» жизни? Оттого ли, что кузнечик как существо, способное издавать звуки (вибрации), становится

символом «звучания жизни»? Отчасти так. Культура кочевника, как пишет Г. Гачев, это культура «слуховая» в противовес культуре оседлой — «зрительной» (Гачев, 1999: 13). И Слово — тоже вибрация, колебание энергий Вселенной. В культуре скифов, как пишет Д. С. Раевский, кузнечик связан с порождающими функциями природы и божествами земли; он концептуализирует идею умирания и возрождения, которой подвластны все живые существа (Раевский, 2006: 192).

Однако в мировой культурной традиции за образом кузнечика закреплены дополнительные мифопоэтические смыслы. Так, в литературе Древней Греции кузнечик — образ, связанный с Фебом и Музами. В широкий культурный контекст он введен Анакреонтом как мифологема поэта-цикады, возлюбленного Муз, посредника между мирами. Лирическая миниатюра Анакреонта стала импульсом для многочисленных интертекстуальных трансформаций, в частности, в русскоязычной литературе: в стихотворениях А. Кантемира, М. Ломоносова, Г. Державина, П. Андреева, Н. Гнедича, В. Хлебникова, О. Мандельштама, Вяч. Иванова, З. Гиппиус, Н. Заболоцкого, А. Тарковского, Б. Кенжеева, Б. Окуджавы и др. образ кузнечика атрибутирован многочисленными над-смыслами. Так, в стихотворении М. Ломоносова «Стихи, сочиненные по дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же», кузнечик воплощает мечту о свободе поэта, который «не просит ни о чем, не должен никому». В. Хлебников возвращает указанному образу изначальную сакральность, одический пафос. А. Тарковский в своей «Загадке с разгадкой» называет кузнечика «внуком Хирона», «полувсадником-полуконем»: действительно, в античной поэтической традиции кузнечик — существо химерическое, нередко уподобляемое кентавру (символизирующему знание) и пегасу, олицетворяющему вдохновение. В поэтическом универсуме Б. Окуджавы кузнечик актуализирует идею о самоотверженном служении поэта людям.

Исследования образа кузнечика в мировой и русской литературе довольно обширны. Нас в данном случае интересует инвариант, формирующийся из многочисленного корпуса текстов (отметим, что в поэтическом корпусе русского национального языка за лексемой «кузнечик» установлено 142 вхождения). Инвариантное же значение этой мифологемы соотносится не только с идеей умирания-воскрешения, но и с мотивами поэта, поэзии и поэтического служения людям.

Таким образом, стихотворение Б. Каирбекова можно интерпретировать и так: «Когда в моей душе умолкнут стихи, я умру». И в этом смысле лирический герой провозглашает свою роль на земле — роль Поэта, творящего мир.

Стихи пишутся кровью. В стихотворении «Если сердце твое кровоточит» (2003) Каирбеков говорит:

Если сердце твое кровоточит,
Пиши.
В лавке торговца
Этих чернил
Тебе не купить.

Поэзия становится для Каирбекова не только служением, но и жертвой, которую он добровольно приносит миру. Неслучайно это кровь сердца: жизнь сердца, как и жизнь стихотворения, подчинена закону ритма.

И для Мижита, и для Каирбекова творчество — единственно возможный способ существования. Такова внутренняя «конституция» поэтической души; каждое стихотворение, фиксирующее поэтическую мысль, становится актом осознания собственной сверхзадачи: противостоять Хаосу внутреннего и внешнего бытия гармонизирующей силой слова.

Для Мижита поэтическая мысль есть удел избранности, который нельзя «отринуть»: путь поэта — это путь священной стрелы; это кропотливая работа души, «бдения», которыми он спасается от хаоса мрака. Для Каирбекова быть поэтом — значит, жить, умирая и воскресая с каждым стихотворением, и не мыслить своего существования как-либо иначе: если умолкнуть стихи, умолкнет душа. В одном из своих эссе Каирбеков пишет: «Мне кажется, стихи — это моя душа»¹.

Для обоих поэтов творчество — не просто попытка осмыслить мир, но сам акт его (мира) создания.

¹ Каирбеков Б. Г. Далекие и близкие: избранные переводы. Астана: Аударма, 2012. 288 с. С. 4.

Особенности хромотона

Каков этот мир? И для Э. Мижита, и для Б. Каирбекова сакральным жизненным пространством является степь — родина предков.

В циклах верлибров «Бусинки столетий» и «Время моей земли» (2006) Э. Мижит воссоздает грандиозную в своем масштабе картину жизни степи, существующей по своим внутренним законам. Показательно, что жанром цикла избран верлибр — свободный стих, отличающийся нерегламентированной ритмикой, отсутствием обязательного изосиллабизма и регулярной строфики. При этом важным организационным компонентом стихотворения остается повтор (на лексико-синтаксическом уровне это, например, анафора, на интонационном — прием силлабической симметрии, который, тем не менее, факультативен). Как отмечает Л. С. Дампилова, повторяющаяся интонация — один из базовых приемов тюркско-монгольского стихосложения, чем, возможно, и обусловлен выбор Э. Мижитом верлибра как формы стихосложения, близкой национальным структурам (Дампилова, 2015: 198).

Каждая строфа цикла «Бусинки столетий» начинается анафорой «здесь», указывающей на разворачивающееся место действия (не действия) национальной истории — Туву, где само Время возделывает душу земли и народа, а степи «слегка рыжеваты» от «запекшейся крови» закатов, народов, эпох и империй, умирающих и воскресающих подобно травам. Земля и небо, люди и цветы — суть одно в круговороте жизни, и седые «от древности наших преданий» туманы превращаются в «росы» нового смысла, приветствующие «новую зарю». Вера в единство природы и человека, их бесконечное со-бытие выражена в сравнении людей с цветами, настолько яркими от «радужных душ» людей, живущих на этой земле «от начала и центра времен до бесконечно вдаль уходящего их горизонта», что «небесные силы» принимают одно за другое.

Время у Э. Мижита уподоблено вольному необъезженному табу, что несетя во весь опор сквозь столетия и эпохи; оно динамично и неукротимо, подвижно и быстротечно. Метафора «табун» (т. е. множество лошадей) глубоко символична: по мнению А. М. Соян, образ лошади в поэтическом мире Э. Мижита знаменует идею свободы; более того, лошадь воплощает такие положительные черты национального характера, как добродетель, гордость, независимость (Соян, 2018). Время, табуном несущееся сквозь столетия, обретает дополнительную семантику «благостного» развития народа: тувинский этнос остается свободным, не терпящим несправедливости, верным священным заветам предков. Но оно же — время — задумчиво-длительно, как «взгляд старого табунщика», в чьих глазах «сверкают наконечники стрел», подобные звездам (символ изначальности и бесконечности мира), летящие из необозримой глубины веков.

Время у Мижита циклично: поэт сравнивает его с полетом орла «по спирали эпох», со свернутым свитком священной сутры. Отметим, что образ орла в поэтическом универсуме Э. Мижита также символичен. Данный орнитоморфный символ связан с идеей божественного покровительства этносу (орел — царь всех птиц, могучий защитник добра, противоборствующий силам Хаоса).

Время в цикле «Бусинки столетий» одухотворено присутствием в этом мире Человека, в чьей груди оно «зреет», как песня, чтобы вырваться из нее птицей (душой):

Здесь время кружится орлом
по спиралям эпох,
нанизывая на нить полета
жизни и смерти
людей и империй,
и хранится, свернутое в тугие клубки,
в потаенных пещерах,
как священные свитки и сутры,
как песня, которая зреет в груди,
чтобы вырваться птицей,
заточенной в клетке
пока.

Песня — космогонический акт Первотворения, обязательный элемент великого шаманского Камлания; оттого у времени долгое, «как у шаманского бубна», эхо, отдающееся в настоящем. Еще один

символ времени у Мижита — горделивый верблюд, что жует и жует «все легенды, сны и воспоминания трав и ветров». Верблюд в мировосприятии кочевника — олицетворение Вселенной: в его образе божественно проявлены черты всех населяющих землю животных. Вновь и вновь перемалывает Вечность людские эпохи, и время, уставшее от «повинности» идти только прямо, «играет в прятки с самим собой»: оно расслаивается в потоки, позволяя человеку жить «во всех временах одновременно» в священном месте, названном Тувой:

Здесь Небо само
 благословило это пространство
 и позволило жить
 во всех временах одновременно,
 и назвало Тувой
 это священное место,
 эту землю, где посчастливилось мне
 родиться и жить,
 свободно купаясь
 в слоистых потоках времен,
 как в вечных водах родного Улуг-Хема,
 и не помнить совсем,
 когда же я
 родился.

Тува для Мижита — сакральное пространство, место, где явлен Бог. Заглавие одного из стихотворений — «Место, где Бог...» (2006) — семантически сильная позиция текста, эксплицирующая отношение поэта к родному краю. В стихотворении ярко выражена категория адресности: поэт обращается к Туве в модусе проникновенной интимности, который обеспечивает двуплановость восприятия: Тувы как национального космоса, древнего, как время, и Тувы как глубоко личного, сокровенного пространства жизни лирического героя:

Говорят, что ты — колыбель народов,
 но для меня ты —
 моя колыбель,
 и колыбельная песня мамы моей,
 отзвук которой так ясно слышен
 в смехе моей дочурки.

Уже в первой строфе образ Тувы коррелирует с материнским началом, с символом колыбели и колыбельной песни — древнейшего фольклорного жанра, несущего магическую охранную функцию и призванного уберечь ребенка от воздействия враждебных сил. Колыбельная песня, как правило, содержит различные уменьшительно-ласкательные обращения к ребенку, ласковые просьбы «успокоиться, уснуть», пожелания, перечисления добрых и злых сил, способных сохранить ребенка или, напротив, навредить ему. Это часть материнского фольклора, которая впервые вводит человека в интонационный мир этнической культуры. Она же знакомит ребенка с организацией социального пространства, в котором ему предстоит жить и созидать. Колыбельная, отзвуком слышащаяся лирическому герою в смехе дочурки, становится и символом преемственности стихийного, самобытного знания.

Во второй строфе стихотворения пространство и время расширяются, соединяясь в душе человека:

Говорят, что ты
 проста, как загадка,
 но для меня ты —
 таинственный звук каргыраа,
 звук, в котором Небо с Землей
 ищут друг друга, тоскуя,
 и встречаются здесь —
 в душе человека.

Для лирического героя Тува таинственна, как *каргыраа* — древнейший вид горлового пения, которое исполняется на низких частотах. В горловом пении отражено музыкально-специфическое мышление народа, стремящегося передать жизнь природы путем проникновения в ее сущность. Это не мимезис как таковой, но углубление в суть явления, попытка слиться с ним в творческом акте. Существует мнение, что стиль *каргыраа* возник среди тувинцев-верблюдопроводов как подражание плачу верблюдицы, потерявшей верблюжонка. Для него характерно хрипение. Неслучайно в трагическом звучании *каргыраа* лирический герой слышит тоску Неба и Земли, вечно стремящихся друг к другу.

Для него Тува — не древность, уже не помнящая о прошлом, но сундук предков, полный мечтаний о прошлом и будущем; суровая нежность стихов; бесконечная песня, в которой он сам — лишь недолгая тихая-тихая нотка. У героя — *своя* Тува, не податливая, как масло, но многослойный и острый, как слово, меч, выкованный прадедом-кузнецом.

В последней строфе стихотворения Мижит пишет:

Говорят, что ты
всего лишь географический центр
Азиатского материка,
но для меня ты —
центр Земли и Вселенной,
средоточие духа моего
древнего народа,
Тува моя, ты — то самое место,
место, где Бог
находит и видит меня
насквозь.

В стихотворениях «Попытка отгадки» и «Здесь не надо искать» (2004) священная Тува обретает новые поэтические характеристики: это пространство великой тишины Земли, ждущее первого звука; место, ожидающее часа, когда сердца людей откроются друг другу; кипящий котел, испытывающий цену человеческой жизни, любви, борьбы; кольца вечности, по которым кружат вольные орлы под небесью, поющие песнь о свободе. Здесь песчинками на дне океана спят все времена, здесь мифы рождаются, как облака, и растут, как трава. Это пространство явленное и незримое, на земных языках именуемое Тувой. И каждый ребенок, и каждый старик — это *вечный* ребенок и предок времени. Время в стихотворениях нелинейно; оно движется по спирали, повторяясь на каждом ее витке в новом — и все же в прежнем — своем качестве. Такова его диалектика.

Ч. К. Ламажаа, исследующая феномен времени в тувинской культуре, упоминает о так называемом «степном времени» и, адаптируя концепцию Р. Льюиса применительно к исследуемой проблематике, отмечает, что для народов Востока «время не линейно, оно не привязано к людям или событиям, оно циклично. Каждый день солнце встает и садится, одно время года следует за другим, небесные тела совершают свое круговращение, люди стареют и умирают, но их дети повторяют все сначала» (Ламажаа, 2018: 11).

Как пишут Ж. К. Каракозова и М. Ш. Хасанов, время в национальном мировосприятии казахов также циклично, подчинено сменяющим друг друга ритмам жизни-смерти-жизни, трансформативно: Хаос становится Гармонией, Гармония, разрушаясь, возвращается к Хаосу, чтобы воплотиться в новом качестве. Это детерминировано историческим ареалом обитания кочевых народов — степью. «В степи была очевидной природа Божества, имеющего окружность везде, и беспредельность пространства становилась качеством этого божества. Вся земля была для кочевника вращающимся шаром, потому что он кочевал по кругу в семьсот километров от джайляу (летовки) к куздеу (осенней точке откочевки), от куздеу к кыстау (зимнему месту жилья), от кыстау к коктеу (весеннему) и от коктеу снова к джайляу. Законы кругового движения дали кочевникам-казахам первые представления о мире» (Каракозова, Хасанов, 2001: 106).

Б. Каирбеков, воспринимающий себя «степенным» сыном своего народа (языковая игра, когда деривация прилагательного намеренно омонимична и намекает не на исходную в словообразовательном ряду лексему «степень», но на «степь» как альтернативную внутреннюю форму слова), видит в образе степи свою нерасторжимую связь с космосом родной культуры, в который он возвращается вновь и вновь («И эта даль бескрайняя в степях», 2012):

И эта даль бескрайняя в степях,
 Вся эта ширь и высь — и есть мой дом.
 Высоких не поставь мне дверей.
 Чтоб каждый мог уверенно входить,
 Храня в себе степенность, стать свою,
 Степного неба помня высоту,
 Чтоб в доме этом петь, как здесь поют
 Караторгаи, славя чистоту
 Воздушных струй и даль степных дорог,
 Домбры сказанья, пену кумыса
 Всё это — мне дарованное впрок
 И есть земля моя, мой дом, мой сад.

Хронотоп бесконечного пространства, движения-кочевья как избранного народом способа существования (хронотоп пути, по формулировке В. Тютю), ощущения со-причастности между людьми «единого племени» становятся смысловыми доминантами текста. В степи каждый человек — путник и гость; оттого невозможно отгородить себя от мира высокой дверью (полог юрты, напротив, всегда открыт для степного гостя): каждый человек, помнящий высоту степного неба и сказания предков, вкусивший молоко степной кобылицы (кумыс), есть часть одного макрокосма. Степь для лирического героя — дом, а люди этой степи — не только его народ, но и его семья, великие номады, кочующие из прошлого в настоящее в непрерывном круге времени. И сам лирический герой — кочевник, «Перелётная птица, кочевник, кентавр, /В ладу лишь с копытами, /С крыльями, /С пылью дорог!» Необъятный простор ему жизненно необходим; в дневниковых записях Б. Каирбеков отмечает, что взгляд, направленный в бескрайнюю даль, мирит человека с пространством. Если же взгляд упирается в стену, возникает чувство клетки — ощущение тесноты, духоты, никчемности и пигмейства (Кремер, 2010: 152).

Следующее стихотворение, построенное по принципу триады трехстиший (не можем не отметить здесь связи с тувинским жанром *ожук дажы*), генетически восходит к казахскому народному жанру *толгау* — философскому размышлению, для которого характерно единоначалие (анафора), лаконичность и афористичность каждой строки, акцентированное, идейно-нагруженное завершение (зачастую актуализированное в форме риторического вопроса). *Толгау* — жанр песенный; изначально ему присуще «круговое вращение», обыгрывание заданной поэтом темы. Формула круга — обязательное условие казахского песенного жанра: раз за разом возвращаясь к «ядру» своего размышления, күйши (певец, исполняющий свои произведения на домбре) находит новые оттенки смысла, культурные ассоциации, усложняющие главную тему его творческого послания. Күйши в казахской культуре — наследник древнего знания, восходящего к шаманизму (неслучайно великим шаманом считали родоначальника песенного искусства Коркыта, который изобрел первый музыкальный инструмент кочевника — кобыз. Кобыз был изготовлен Коркытом из кожи священной Верблюдицы и, по преданию, помог старцу одолеть саму Смерть).

В стихотворении «Степь — многотравный простор» (2012) реконструирован космос национальной культуры:

Степь — многотравный простор,
 Горизонты походов травы.
 Степь — ствол необъятный дыхания земли.
 Степь — песен гортань,
 Столба позвоночного выход.
 Свирели земное отверстие звучное.
 Как же мне славить тебя, мой космический Век?
 Что мне игрушки твои — если я позабыл
 Своё знание травы, и степей, и небесного древа?

Первые две строфы несут в себе уникальные коды кочевой культуры. Многотравный простор на уровне поэтической ассоциации коррелирует с устойчивым казахским эпитетом «ала» («пестрый»),

«многоцветный») — сакральным цветом, несущим в мировосприятии казахов символику благостности, изобилия, дара богов.

Цветосимволика в языковой картине мира казахов связана с тенгрианством: священными считаются цвета *кок* («голубой»), олицетворяющий вечное Небо (Тенгри), *ак* («белый»), символизирующий чистоту божественного, *сары* («желтый»), восходящий к культу земли, и *ала* («пестрый», «многоцветный»), связанный с изобилием и щедростью мира.

Степь — земля, благословенная Богами. Примечательно, что поэт называет ее «горизонтом походов травы» — не восходов, которые указывали бы на рост земного стебля. Трава здесь уподобляется кочевнику, и не просто кочевнику — самому степному воинству (слово «поход» означает, в частности, завоевательное шествие войска). За образом «походов травы» рождается образ великой армии кочевников-предков, покорявших огромные степные территории. «Необъятный ствол дыхания земли» — мифопоэтическая реализация несущей оси мироздания, мирового дерева, соединяющего миры — Небо, Срединную землю «сынов человеческих» и подземный мир. Эта ось пронизывает и самого человека («столба позвоночного выход»), триединого существа, обладающего тремя душами — *рухи-жан*, *ет-жан*, *шыбыл-жан*. Без священного знания степей, травы, небесного дерева, без корневой связи с родной культурой «игрушки Космического века» — атрибуты пустого, ненужного существования — существования «лишнего человека». А потому вернуться к «огню родного очага» для лирического героя значит вернуться к истокам «живой жизни», возрождающей и питающей его душу.

Воссоздавая в своих стихотворениях космос национальной культуры, Э. Мижит и Б. Каирбеков обращаются к концептам, имеющим для них принципиальное аксиологическое наполнение. Для Э. Мижита это Тува, «место, где Бог» и где человек существует во всех эпохах одновременно. Хронотоп рассмотренных нами стихотворений многослоен; поэт уподобляет время великой спирали, священной сутре, бегу неукротимого табуна. Цикличность изображаемого времени генерирует в восприятии читателя особую категорию в его (времени) осмыслении: Панхронос, надвременье, что характерно для мирозерцания кочевых народов. Это отличительная черта и для поэзии Каирбекова, в которой создается авторская модель национального бытия — Великая Степь. Степь Каирбекова, помнящая предков, безгранично-вольная — это пространство жизнеложения этноса и лирического героя как его представителя.

Лирический субъект

Кто он, лирический субъект поэтического космоса Э. Мижита и Б. Каирбекова?

Он многолик, это, словами Дж. Кэмпбелла, «тысячеликий герой», который отправляется в странствие, влекомый Зовом своей судьбы (Кэмпбелл, 2017). Эта тема заслуживает отдельного исследования. Отметим лишь в общих чертах, что в реконструируемых образах лирического героя Э. Мижита и Б. Каирбекова намечены специфические «культурные маски» (Р. Кайюа) Баксы (Шамана), Охотника, Кочевника, Батыра, Дервиша.

Так, лирический герой Э. Мижита — человек, постоянно пребывающий в нескольких мирах одновременно. В стихотворениях цикла «Сквозь себя» (2011) герой, уставший от «обыденных дел и слов» и попыток поймать «за хвост ускользающих ящериц мгновений», отправляется в таинственный мир сновидений — мир завораживающий и непостижимый. Он пребывает в предвкушении «удачной охоты», он сам — великий Охотник, ускользающий из лап «кровожадных драконов», и в этом смысле образ его восходит к героическому тувинскому эпосу: «В образах эпических богатырей прослеживаются генетические связи с культурными героями, первопредками: самый тип богатыря-героя, наделенного сверхчеловеческими, фантастическими, шаманскими качествами, имеет мифологические корни. Деяния эпических богатырей практически сводятся к одному — борьбе с чудовищами» (Мижит, 2010: Электр. ресурс). Герою предстоит «поймать» невиданное существо, находясь на границе яви и сна:

С тех пор	
я без устали	готовый на равных
пытаюсь удержаться	встретить лицом к лицу...
подольше	Кого?
на тонкой грани яви и сна,	Вот поймаю —
расставив ноги и руки,	там будет видно.

Эта космическая схватка — залог обретения нового знания и рождения нового мира. Как отмечает Э. Мижит в своем исследовании космологии в тувинском героическом эпосе, эпизод убийства героем чудовища рекуррентен. Когда Кара-Когел убивает огромное, с таежный хребет, чудовище, из внутренностей его выходят люди разных племен, которые вновь могут видеть солнце и благословляют своего спасителя. В иных случаях тело поверженного врага становится священным местом нового селения (там же). Охотник-батыр, открывший «солнце» своему народу — реализация священной миссии поэта, дарующего людям огонь нового знания.

О вечной, вновь и вновь повторяющейся схватке с чудовищем пишет и Б. Каирбеков («Все стало на свои места», 2003):

Все стало на свои места.

Дракон проголодался.

Конь оседлан.

Все начинается, увы, не с чистого листа.

Лишь Свиток длится...

Вот в чем подлость.

Герой Каирбекова — Батыр, готовый сразиться с Драконом не единожды. Это извечное противостояние Гармонии и Хаоса, Света и Тьмы, и поэт в этом противостоянии становится Воином, оберегающим мироздание. Такова его извечная ноша. Поэт, по формулировке Цветаевой — «утысячеренный человек», и в других стихотворениях он предстает читателю и как Дервиш (стихотворение «Асатаяк», 2003); Асатаяк — посох странствующего дервиша), и как Перевозчик (стихотворение «Перевозчик», 2003), где герой — посредник между мирами, бесконечно переправляющий людей из одного пространства — физического — за трансцендентальную границу бытия).

Лирический субъект стихотворений Э. Мижита и Б. Каирбекова — это, в первую очередь, поэт, гармонией творящий мир. Выступая против Хаоса (а его проявления у обоих поэтов схожи: это суетливое время, разрозненность людей, эмпатическая резистентность общества, бессмысленность и «тщета» существования, оторванного от родной почвы), лирический герой воплощается каждый раз в новом культурном качестве. Так, одна из культурных масок героя у Мижита — архаическая маска Охотника и Батыра, готового сразиться с Чудовищем. Находясь на границе яви и сна, лирический герой Мижита уподобляется шаману, путешествующему между мирами. Подобные функции несет и лирический герой Б. Каирбекова, вечный кочевник, Батыр и одинокий путник в поисках истины.

Заключение

В рамках данной статьи мы лишь заглянули «в замочную скважину мира» (Б. Каирбеков) би- и транслингвальных поэтов, творящих на русском языке. Поэтический космос Э. Мижита и Б. Каирбекова неисчерпаем и требует дальнейших исследований, потому что каждое слово креативного текста — арена встречи энергий: языковых, культурных, философских. Мы попытались показать, как сквозь русскоязычное слово «просвечивает» иноязыковое бытие. Однако не всегда культурный пласт в палимпсесте художественного текста наличествует «вещно»: отдельные русскоязычные стихотворения Э. Мижита и Б. Каирбекова не позволяют реконструировать элементы «исходной культуры»: подчиненные логике языка-посредника, они обретают нейтральный культурный статус, и эта проблема требует отдельного пристального внимания.

Русскоязычие — доминирующая транслингвальная практика на территории постсоветского пространства. В данном случае предполагается, что текст «звучит, как русский», но транслирует вовне нерусское видение мира. Сама языковая идентичность авторов-билингвов усложнена за счет их одновременного существования в нескольких лингвистических измерениях. Если языковая личность представляет собой единство вербально-семантического, концептуального и прагматического комплексов, то билингвальная языковая личность, следовательно, «удваивается», трансформируясь в интегральное пространство языковых ресурсов, которые неизменно проявлены в продуктах ее речевой деятельности.

В процессе литературоведческого анализа мы выявили, что транслингвальному поэтическому тексту присущи определенные свойства как на уровне архитектоники, так и на уровне отдельных языковых элементов:

— наличие своеобразной мифотектоники, когда автор апеллирует к генетическим кодам исходной лингвокультуры (жанрам, архетипам, мотивам и т. д.). Так, Э. Мижит обращается к традиционному тувинскому жанру *ожук дажы*, творчески приспособивая его к своим художественным задачам. Поэт вводит в тувинскую литературу жанр верлибра, близкий по своему силлабическому и ритмическому строю поэтическим формам тувинской культуры (например, шаманским песнопениям). Жанры, избираемые Б. Каирбековым, также восходят к традиционным формам казахского этноса. В первую очередь, это жанр *толгау*, философское размышление о времени, пространстве и месте человека в мире;

— хронотоп стихотворений Э. Мижита и Б. Каирбекова — это сопряжение безграничного пространства и бесконечного времени, обусловленное характерным для кочевой модели мира цикличностью. Если местом действия является степь (ширь, даль), то время начинает двигаться «по спирали», расслаивается, становится многомерным: в стихотворениях Э. Мижита оно уподобляется парящему в небе орлу, неукротимому табу, горделивому верблюду, потокам вечности. Время у Б. Каирбекова также циклично, связано с чередованием ритмов жизни-смерти-жизни, воплощено в образах-символах кузнечика, травы, свитка (отметим, что у Мижита — это сутра). Пространство и время в творчестве обоих поэтов одухотворено, связано с природой и населяющими ее существами, живыми и «неживыми». Анимистические представления о мире, лежащие в основе мировоззрения обоих поэтов, являются традиционными для кочевой и шаманской культуры;

— лирический субъект творчества Э. Мижита имеет черты специфических «культурных масок»: это шаман, монах, батыр. Каждая из культурных ипостасей героя связана с гармонизирующей силой творчества, способного преобразить мир. Показательно, что культурные маски лирических субъектов Э. Мижита и Б. Каирбекова во многом совпадают: в поэзии казахстанского писателя репрезентацией лирического героя становятся образы номада, баксы, батыра, дервиша. Творчество становится для поэта актом Космогонии.

Для обоих авторов Поэзия есть великое служение — сосредоточенное и самоотверженное.

Дальнейшие лингвистические исследования творчества транслингвальных писателей, в частности, Э. Мижита и Б. Каирбекова, требуют новых подходов, в основе которых лежит междисциплинарный синтез; поиска новых путей осмысления и описания созданных ими произведений. Эта проблема имеет векторный характер; она нуждается в привлечении комплексной парадигматики общегуманитарного знания, позволяющей исследователю работать на нескольких уровнях: лингвокультурологическом, психолингвистическом, лингвокогнитивном, философском. И в этом смысле русскоязычие — не только перспективная художественная практика, но и эпистемологический вызов, стоящий перед «лингвистикой третьего тысячелетия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадиков, В. В. (2003) Стенография души // Каирбеков, Б. Дневник. Алматы : Интерпринт. 224 с. С. 3–4.
- Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБО и МИ. 259 с.
- Бахтикиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е. (2020) Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. Вып. 1. С. 83–89.
- Вайнрайх, У. (1979) Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те. 263 с.
- Гачев, Г. Д. (1999) Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИ-ДИК. 368 с.
- Дампилова, Л. С. (2014) Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 158–163.
- Дампилова, Л. С. (2015) Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 196–202.
- Джуанышбеков, Н. О. (2010) Социальное значение интегрированной литературы // Russian Journal of Education and Psychology. № 3. С. 141–144.
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) [Электронный ресурс] // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 17. № 4. URL: <http://journals.rudn.ru/polylinguality/issue/view/1367> (дата обращения: 15.09.20). DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-4

Канагараджа, С. (2016) Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2 (50). С. 10–21.

Каракозова, Ж. К., Хасанов, М. Ш. (2001) Космос казахской культуры // Евразия. Вып. 2. С. 106–112.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Тыва чоннуң бурунгу ужурлары [Древние традиции тувинцев]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 230 с. (На тув. яз.)

Кошелева, А. Л. (2016) Парадигма образного воплощения и имманентного синтеза категорий «Пространство», «Время» и «Человек» в лирико-философской поэме народного писателя Республики Тыва Э. Мижита «Пируэты мысли» и «Человек» // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции, (г. Махачкала, 15 мая 2016 г.). Махачкала : Издательство «Апробация». С. 20–24.

Кремер, Е. Н. (2010) Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : дисс. ... канд. фил. наук. М. 203 с.

Кэмпбелл, Дж. (2017) Тысячеликий герой. СПб. : Питер. 352 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинское время и экономическая культура тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–21. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>

Лейдерман, Н. Л. (2005) Постреализм : теоретический очерк. Екатеринбург : УГПУ. 244 с.

Мижит, Л. С. (2007) Триада в тувинской словесности: поэтический жанр ожук дажы : автореф. ... канд. фил. наук. Уфа. 23 с.

Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/570> (дата обращения: 12.09.2020).

Прошина, Э. Г. (2017) Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Т. 14. № 2. С. 155–170.

Раевский, Д. С. (2006) Мир скифской культуры. М. : Книга по требованию. 600 с.

Сомадай, М. (2014) Шаманизм без кавычек. Эссе о творчестве Бахыта Каирбекова // Каирбеков Б. Навстречу солнцу. Дневник путешествий. Статьи, эссе. Алматы : Нурақынов. 420 с. С. 379–403.

Соян, А. М. (2018) Образы-символы в поэмах Э. Мижита // Мир науки, культуры, образования. № 6 (73). С. 563–564.

Томанова, Н. М. (2012) Поэтическая концептосфера Бахыта Каирбекова // Материалы международной научно-теоретической конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты», посвященной 80-летию академика Багизбаевой Май Михайловны / отв. ред. К. Абдезулы. Алматы : Қазақ университеті. 347 с. С. 182–186.

Тлостанова, М. В. (2004) Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М. : URSS. 412 с.

Тлостанова, М. В. (2006) Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН. Серия Философия. № 2. С. 5–16.

Туманова, А. Б. (2010) Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы : КБТУ. 260 с.

Тюпа, В. И. (2012) Модусы художественности // Введение в литературоведение / отв. ред. Л. В. Чернец. М. : Издательский центр «Академия». 720 с. С. 54–69.

Хугаев, И. С. (2008) Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ : Ир. 560 с.

Bakhtikireeva, U., Valikova, O., King, J. (2017) Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? // RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. № 14 (1). P. 116–121.

Garcia, O., Wei, L. (2014) Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York : Palgrave Macmillan. 175 p.

Kellman, S. G. (2003) Switching languages: translingual authors reflect on their craft. Lincoln ; London : University of Nebraska Press. 339 p.

Kellman, S. G. (2019) Translingual Writers: Introductory Notes // Polylinguality and Transcultural Practices. № 16 (1). P. 9–12. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>

Tannenbaum, M., Haim, O. (2007) Journeys to a New Homeland // Journal of Modern Jewish Studies. N. 6 (3). P. 273–287. DOI: <https://www.doi.org/10.1080/14725880701655037>

Transcultural identities in Contemporary literature (2013) / I. G. Nordin, J. Hansen, C. Z. Llana (eds). New York : Rodopi. 320 p.

Дата поступления: 05.10.2020 г.

REFERENCES

Badikov, V. V. (2003) Stenografiya dushi [Shorthand of the soul]. In: Kairbekov, B. (2003) *Dnevnik [Diary]*. Almaty, Interprint. 224 p. Pp. 3 – 4. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya)* [Creative bilingual personality: authors of Turkic origin and their texts in Russian]. Astana, CBO i MI. 259 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. and Shagimgereeva, B. E. (2020) Yazykovoe bytie tvorcheskoi lichnosti: Bahyt Kairbekov [Linguistic existence of a creative person: Bakhyt Kairbekov]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, issue 18, no 1, pp. 83–89. (In Russ.)

Vainraikh, U. (1979) *Yazykovye kontakty: Sostoyanie i problemy Issledovaniya* [Languages in contact. Current state and problems of study]. Kiev, Vishcha shkola. Izd-vo pri Kiev. un-te. 263 p. (In Russ.)

Gachev, G. D. (1999) *Natsional'nye obrazy mira. Evraziya — kosmos kochevnika, zemledeľt'sa i gortsy* [Ethnic images of the world. Eurasia as the cosmos of the nomad, farmer and mountaineer]. Moscow, Institut DI-DIK. 368 p. (In Russ.)

Dampilova, L. S. (2014) Motiv dvoichestva v poezii Eduarda Mizhita [The motive of the doppelganger in the poetry of Eduard Mizhit]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 158–163. (In Russ.)

Dampilova, L. S. (2015) Fenomen bilingvizma v sovremennoi poezii narodov Sibiri [The phenomenon of bilingualism in modern poetry of the peoples of Siberia]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 196–202. (In Russ.)

Dzhuanyshebekov, N. O. (2010) Sotsial'noe znachenie integrirrovannoi literatury [The social significance of integrated literature]. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 3, pp. 141–144. (In Russ.)

Dongak, U. A. (2020) Novatorstvo pisatelya-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaya poeziya) [New poetic methods in the literary imagination of the bilingual writer Eduard Mizhit]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 17, no 4 [online] Available at: <http://journals.rudn.ru/polylinguality/issue/view/1367> (access date: 15.09.20). (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4->

Kanagaradzha, S. (2016) Mul'tilingval'naya pedagogika neoliberal'nogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizheniya vpered [Multilingual pedagogy in the neoliberal times: clearing the territory and planning forward movement]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, no. 2 (50), pp. 10–21. (In Russ.)

Karakozova, Zh. K. and Hasanov, M. Sh. (2001) Kosmos kazahskoi kul'tury [The cosmos of Kazakh culture]. *Evraziya*, no. 2, pp. 106–112. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Tyva chonnuŋ burungu uzhurlary* [Ancient traditions of Tuvans]. Kyzyl, Tuvan book publ. 230 p. (In Tyv.)

Kosheleva A.L. (2016) Paradigma obraznogo voploshcheniya i immanentnogo sinteza kategorii “Prostranstvo”, “Vremya” i “Chelovek” v liriko-filosofskoi poeme narodnogo pisatelya Respubliki Tyva E. Mizhita “Piruety mysli” [The paradigm of figurative embodiment and immanent synthesis of the categories of “Space”, “Time” and “Man” in the lyric and philosophical poems by the national writer of the Republic of Tuva E. Mizhit “Pirouettes of thought”]. In: *Filologiya i kul'turologiya: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya* [Philology and cultural studies: modern problems and prospects of development]: a collection of materials of the 20th international research and practical conference, (Makhachkala, May 15, 2016). Mahachkala, Aprobatsiya Publ. Pp. 20–24. (In Russ.)

Kremer, E. N. (2010) *Problemy russko-inonatsional'nogo bilingvizma (yazykovaya i etnicheskaya identichnost' bilingval'noi lichnosti)* [Problems of Russian-international bilingualism (linguistic and ethnic identity of a bilingual person)]. Diss ... Candidate of Philology. Moscow. 203 p. (In Russ.)

Campbell, J. (2017) *Tysyachelikii geroi* [The hero with a thousand faces]. St. Petersburg, Piter. 352 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2018) Tuvinskoe vremya i ekonomicheskaya kul'tura tuvintsev [“Tuvan time” and economic culture of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–21. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>

Leiderman, N. L. (2005) *Postrealizm: teoreticheskii ocherk* [Postrealism: a theoretical overview]. Ekaterinburg, UGPU. 244 p. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2007) *Triada v tuvinskoj slovesnosti: poeticheskii zhanr ozhuk dazhy* [The triad in Tuvan literature: the ozhuk dazhi genre of poetry]. Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ufa. 23 p. (In Russ.)

Mizhit, E. B. (2010) Tuvinskaya traditsionnaya kosmologiya v geroicheskom epose [Tuvan traditional cosmology in the heroic epic]. *New Research of Tuva*, no 1. [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/570> (access date: 12.09.20.) (In Russ.)

Proshina, Z. G. (2017) Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its application]. *Vestnik Rossiiskogo universi-teta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'*, vol. 14, no. 2, pp. 155–170. (In Russ.)

Raevskii, D. S. (2006) *Mir skifskoi kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moscow, Kniga po trebovaniyu. 600 p. (In Russ.)

Somadai, M. (2014) Shamanizm bez kavyчек. Esse o tvorchestve Bakhyta Kairbekova [Shamanism without quotation marks: An essay on the work of Bakhyt Kairbekov]. In: Kairbekov, B. *Navstrechu solntsu. Dnevnik puteshestvii. Stat'i, esse* [Towards the sun. Travel diaries, articles and essays]. Almaty, Nurakynov. 420 p. (In Russ.)

Soyan, A. M. (2018) Obrazy-simvoly v poemakh E. Mizhita [Symbolic imagery in poems by E. Mizhit]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6 (73), pp. 563–564. (In Russ.)

Tomanova, N. M. (2012) Poeticheskaya kontseptosfera Bakhyta Kairbekova [The poetic conceptual sphere of Bakhyt Kairbekov]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii: teoreticheskie problemy i prikladnye aspekty»*, posvyashchennoi 80-letiyu akademika Bagizbaevoy Mai Mikhailovny [Proceedings of the international research conference "Urgent issues of modern philology: theoretical problems and applied aspects", dedicated to the 80th anniversary of academician Mai Mikhailovna Bagizbayeva]. Ed. by K. Abdezuly. Almaty, Kazakh universiteti. 347 p. Pp. 182–186. (In Russ.)

Tlostanova, M. V. (2004) *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii* [Live never, write from nowhere. Post-Soviet literature and aesthetics of transculturation]. Moscow, URSS. 412 p. (In Russ.)

Tlostanova, M. V. (2006) Transkul'turatsiya kak novaya epistema epokhi globalizatsii [Transculturation as a new episteme of globalization]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*, no. 2, pp. 5–16.

Tumanova, A. B. (2010) *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v hudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva* [Contaminated linguistic picture of the world in the artistic discourse of a bilingual writer]. Almaty, KBTU. 260 p. (In Russ.)

Tyupa, V. I. (2012) Modusy hudozhestvennosti [The modes of artistry]. In: *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Ed. by L. V. Chernets. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 720 p. Pp. 54–69. (In Russ.)

Hugaev, I. S. (2008) *Genezis i razvitie russkoyazychnoi ossetinskoj literatury* [Genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. Vladikavkaz, Ir. 560 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U., Valikova, O., King, J. (2017) Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, no. 14 (1), pp. 116–121.

Garcia, O. and Wei, L. (2014) *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. New York, Palgrave Macmillan. 175 p.

Kellman, S. G. (2003) *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. Lincoln and London, University of Nebraska Press. 339 p

Kellman, S. G. (2019). Translingual Writers: Introductory Notes. *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 16 (1), pp. 9–12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12

Tannenbaum, M. and O. Haim (2007) Journeys to a New Homeland. *Journal of Modern Jewish Studies*, no. 6 (3), pp. 273–287. DOI: <https://www.doi.org/10.1080/14725880701655037>

Transcultural identities in Contemporary literature (2013) / I. G. Nordin, J. Hansen and C. Z. Llana (eds). New York, Rodopi. 320 p.

Submission date: 05.10.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.17

Статья

Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе: сравнительный аспект

Юрий П. Борисов

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Российская Федерация

Целью статьи является выявление параллелей и установление универсалий между якутским олонхо и тувинским эпосом на уровне эпических формул. В исследовании основным методом был индуктивный метод, который позволяет обобщить результаты применения метода сплошной выборки, метода верификации, метода описания, методов компонентного и контекстуального анализа.

В ходе исследования из текста тувинского эпоса «Боктуг Кириш, Бора Шэлей» сказителя М. Н. Ооржака всего были выявлены 82 эпические формулы, при этом обнаружены параллели в 17 примерах, из них в статье проанализированы 9 формул с их аналогами из текстов якутского олонхо (нескольких версий).

Установлено, что рассмотренные примеры являются типическими местами. Универсальность формул заключается в их интертекстуальности. При этом структурные особенности эпических формул свидетельствуют о стадийном отличии сравниваемых эпических систем. А семантическая нагрузка эпических формул исходит из ядерных лексем и периферийных элементов, которые подобраны по принципам дословного повтора и начальной аллитерации. В некоторых примерах, особенно организованных посредством матричной конструкции, наблюдаются полные эквиваленты в ключевых лексемах.

В связи с изложенным автор считает, что рассмотренные параллели эпических формул являются результатом генетического родства тувинского эпоса и якутского олонхо, которые сохранились благодаря принципу ритмико-синтаксического параллелизма.

Ключевые слова: якутский фольклор; тувинский фольклор; народный эпос; олонхо; ядерная лексема; периферийный элемент; ритмико-синтаксический параллелизм; эпическая формула; типическое место; устойчивая конструкция; параллель; универсалия

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Для цитирования:

Борисов Ю. П. Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе: сравнительный аспект // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 250-260. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.17

Борисов Юрий Петрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник — заведующий сектором «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Тел.: +7 (924) 661-20-44. Эл. адрес: olonhoman@mail.ru

BORISOV, Yuri Petrovich, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Head, Sector of Linguistic Studies of Folklore, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 58 Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (924) 661-20-44. Email: olonhoman@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0265-373X

Parallels of epic formulas in the Yakut olonkho and Tuvan epic: a comparative aspect

Yuri P. Borisov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation

The article aims to identify parallels and establish the cultural universals shared by the Yakut olonkho and the Tuvan epic at the level of epic formulas. The main methodology of the study was that of induction, which allows to summarize the outcomes of complete sampling, verification and description methods, as well as of component and contextual analysis.

This study revealed the total of 82 epic formulas in the text of the Tuvan epic "Boktug Kirish, Bora Sheley" as told by storyteller M. N. Oorzhak, as well as parallels in 17 examples. 9 formulas were specifically analyzed in the article, with analogues found in the texts of the Yakut olonkho (several versions).

The article treats these examples as 'typical places', universal in their intertextuality. At the same time, the structural features of the epic formulas reflect the stadial difference between the epic systems under comparison. The semantic load of epic formulas comes from their nuclear lexemes and peripheral elements, which are selected according to the principles of literal repetition and alliterative beginnings. Some examples, especially those organized with the use of a matrix construction, show the presence of full equivalents across key lexical items.

The author concludes that considered parallels of the epic formulas have been determined by the genetic relationship between the Tuvan epic and the Yakut olonkho. These parallels have survived due to the general principle of rhythmic-syntactic parallelism.

Keywords: *Yakut folklore; Tuvan folklore; folk epic; olonkho; nuclear lexeme; peripheral elements; rhythmic and syntactic parallelism; epic formula; typical place; parallel; universal feature*

Financing

The study is part of the research project "Heroic epic of the Turkic and Mongolian peoples of Eurasia: problems and prospects of a comparative study" supported by the North-Eastern Federal University.

For citation:

Borisov Yu. P. Paralleli epicheskikh formul v iakutskom olonkho i tuvinskom epose: sravnitel'nyi aspekt [Parallels of epic formulas in the Yakut olonkho and Tuvan epic: a comparative aspect]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 250-260 (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.17

Введение

Еще в 1955 г. А. П. Окладниковым было установлено, что якутский героический эпос сформировался в то время, когда предки якутов проживали рядом с родственными им племенами Саяно-Алтайской локальности, с которыми активно взаимодействовали и вели тесные культурно-исторические контакты (Окладников, 2013: 36). Потому сравнительное изучение возможных связей якутского героического эпоса с другими тюркскими эпосами Сибири на уровне эпических формул представляется весьма актуальной задачей.

Целью настоящей статьи является выявление параллелей и установление универсалий между якутским олонхо и тувинским эпосом на уровне эпических формул, образованных на основе ритмико-синтаксического параллелизма.

И. В. Пухов писал, что сходство социальных, исторических и географических условий и культурного развития предков сибирских народов способствовало большей близости их эпических сказаний (Пухов, 2004: 63). Однако, как утверждает эпосовед, тувинские сказания, подобно алтайскому эпосу, в своих более поздних пластах значительно отличаются от олонхо в изображении врагов героя и их целей. И потому тувинский эпос вышел за рамки тематики олонхо, в которых главное место занимает борьба с чудовищами (там же: 125). В то же время, между якутским олонхо и ранним тувинским эпосом наблюдается общность, охватывающая особенности их стиля изложения, сюжетно-композиционной структуры и основных образов (там же: 133).

В свою очередь, М. Т. Гоголева, продолжая наблюдения И. В. Пухова, утверждает, что между якутским олонхо и тувинским эпосом наблюдаются генетические связи, которые охватывают сюжетно-ком-

позиционную структуру, художественно-изобразительные средства и особенности сказительства (Гоолева, 2015: 95).

Именно благодаря генетическому родству между тюрко-монгольскими эпосами наблюдаются связи на уровне эпического стиха, которые, по мнению В. М. Жирмунского, заключаются в метрическом типе, основанном на ритмико-синтаксическом параллелизме (Жирмунский, 1964: 21). Исследователь также писал о характерности этого метрического типа для архаического эпоса тувинцев и якутов (там же: 21).

Из изложенного следует, что исследователи допускают возможность взаимосвязи якутского олонхо с тувинским эпосом на уровне стиля, в частности в их метрических структурах, выраженных ритмико-синтаксическим параллелизмом.

Новизна исследования заключается в выявлении и научном осмыслении степени взаимосвязи якутского олонхо и тувинского эпоса на уровне эпических формул, которое все еще остается вне поля зрения исследователей.

В ходе выполнения нашего исследования были применены методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществлен подбор примеров для анализа из сравниваемых эпических текстов; описательный метод; метод верификации, способствующий обнаружению аналогов найденных формул; метод компонентного анализа, позволяющий изучить функциональную специфику ключевых слов и их значений в контексте эпической формулы; методы контекстуального анализа при выявлении семантической нагрузки эпических формул. При этом основополагающим методом проведенного исследования является индуктивный метод.

Источниковой базой для исследования послужили следующие эпические тексты: тувинский эпос «Боктуг-Кириш Бора-Шэлей» сказителя М. Н. Ооржака из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (12 т., 1997 г.), в сравнении с которым привлечены несколько опубликованных текстов олонхо: «Кыыс Дэбилийэ» (сказителя Н. П. Бурнашева), «Могучий Эр Соготох» (сказителя В. О. Каратаева), также изданные в рамках серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (4 т., 1993 г. и 10 т., 1996 г.); «Буура Дохсун» (сказителя С.С. Яковлева, 1993 г.) и сравнительно новые издания: «Дыырай Бэргэн» (сказителя У. Г. Нохорова, серия «Саха Боотурдара», т. 6, 2009 г.), «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» (сказителя П. П. Ядрихинского, 2011 г.), «Даадар Хара» (сказителя Н. П. Бурнашева, 2013 г.) и «Хаан Джаргыстай» (в записи И. А. Худякова, сказитель не известен, 2016 г.). Такой подход к источниковой базе обоснован тем, что общность в стилистических средствах, охватывающая основные особенности между якутским олонхо и тувинским эпосом, наблюдается только в древних пластах этих памятников (Пухов, 2004: 133). Ввиду этого в текстах якутского олонхо сравниваемые примеры из тувинского эпоса «рассеяны» по основному фонду текстов олонхо и потому не представляется возможным выбрать тот или иной конкретный текст олонхо для сравнения.

Эпические формулы

Прежде всего важно отметить, что изначальной структурной формой древнетюркского народного эпического стиха, как утверждает В. М. Жирмунский, были «эпические тирады», то есть эпические стихи различного объема, скрепленные ритмико-синтаксическим параллелизмом (Жирмунский, 1968: 32). Однако, в более поздних трудах отечественные и зарубежные исследователи-эпосоведы, а также сам В. М. Жирмунский пришли к выводу о том, что эпические тирады развились в эпические формулы.

Считаем необходимым отметить наиболее важные положения об эпических формулах, установленные в их трудах. Во-первых, в эпических формулах содержатся опорные слова, которые являются их организующей основой, задающей семантическую нагрузку эпической формулы (Гринцер, 1975: 172). Во-вторых, эпические формулы представляют собой опору для сказителей-импровизаторов, необходимую для их плодотворного творчества. Они организуют особый эпический язык, при помощи которого сказители раскрывают тему своего произведения в пределах эпического канона (Жирмунский, Кононов, 2007: 247). В-третьих, эпические формулы обладают высокой вариативностью, которая способствует созданию сказителем многочисленных новых вариантов эпических формул (Лорд, 1994: 14). В-четвертых, если семантическая нагрузка эпических формул исходит из их лексического наполнения, то в структурной организации эпических формул ключевое значение приобретает также их синтаксическая сторона (Артеменко, 1985: 4).

Кроме того, некоторые эпические формулы, ввиду их особой устойчивости, образуют «типические (общие) места» (*loci communes*). Эти устойчивые выражения, по мнению Н. В. Кидайш-Покровской и

А. И. Мирбадалевой, весьма характерны для эпоса тюркоязычных народов (Кийдаш-Покровская, Мирбадалева, 1971: 64). По своей сути они являются интертекстуальными повторами, способствующими сохранению сюжетно-композиционной структуры эпоса (Кузьмина, 2005: 5). Типические места с точки зрения языка организуются посредством матричной конструкции с некоторыми отсутствующими ячейками, варианты заполнения которых у каждого сказителя индивидуальны, что способствует к вариации в структуре и семантике типических мест (Оссовецкий, 1979: 214).

Обращаясь к исследованиям, посвященным к изучению языка олонхо, отметим, что академик П. А. Слепцов в нем обнаруживает ярко выраженную формульность, указывает на наличие солидного пласта архаизмов и акцентирует широкую вариативность (Слепцов, 1990: 212). Формульность якутского олонхо исходит из основного организующего композиционного принципа — принципа параллелизма (Покатилова, 1996: 87). Вариативность языка олонхо определяется унифицированностью эпических формул, которая содействует сохранению преемственности эпических традиций (Дмитриев, 1978: 120). А их компактная форма способствует передаче колоссального объема предельно сжатой информации (Габышева, 2009: 80).

В свою очередь С. М. Орус-оол утверждает, что в языке тувинского эпоса, как и якутском олонхо, основным организующим принципом выступают синтаксический и образно-поэтический параллелизмы, в которых также наблюдается созвучие начальных слов и слогов, образующих поэтическую аллитерационную рифму (Орус-оол, 1997: 38). Кроме того, в нем содержатся типические места, которые отличаясь стабильностью и обобщенностью, обладают широким варьированием, зависящим от многих субъективных факторов (Орус-оол, 2013: 51). При этом, эпические формулы характеризуются постоянством лексического наполнения и отличаются единообразием синтаксического построения (Хертек, 2015: 188).

Тем самым можно убедиться в том, что, в целом, с теоретической точки зрения эпические формулы как якутского олонхо, так и тувинского эпоса преимущественно основываются на общем принципе для обоих языков — на принципе ритмико-синтаксического параллелизма, при организации которого исследователями особая роль отводится ключевым словам, несущим семантическую нагрузку эпических формул.

Сравнительный анализ эпических формул

В качестве материала исследования нами был выбран текст тувинского эпоса «Боктуг Кириш, Бора Шэлей» (5061 поэтических строк) в самозаписи от 1962 г. сказителя М. Н. Ооржака (1892–1968) (Ооржак, 1997).

В ходе анализа материала из текста тувинского эпоса всего выявлены 82 эпические формулы, образованные на основе ритмико-синтаксического параллелизма. Подбор формул осуществлялся исходя из наличия аналогичных конструкций в якутском олонхо.

Поскольку известно, что общность в стилистических средствах между якутским олонхо и тувинским эпосом обнаруживается только в их древних пластах (Пухов, 2004: 133), то обнаружение параллелей в рамках одного текста олонхо, ввиду их малого количества, представляется не возможным. Учитывая этот факт, при подборе примеров из якутского олонхо были привлечены эпические формулы из нескольких опубликованных текстов, о которых мы упоминали ранее.

В результате поиска параллелей в якутском олонхо оказалось, что из выявленных 82 тувинских примеров в олонхо наблюдаются соответствия только в 17 формулах.

Далее проанализируем наиболее интересные параллели эпических формул из тувинского эпоса и якутского олонхо:

Формула эпического времени:

<p>Эртенгиниң эртезинде, Бурунгунуң мурнунда ... (Ооржак, 1997: 298).</p>	<p>Раньше раннего, Прежде давнего [времени] ... (Ооржак, 1997: 299).</p>
--	---

<p>Былыргы дьыл Былдыаһыктаағын-быһылааннаағын Быдан анараа өттүгэр, Урукку күн Охсуһуулаағын-оһоллообун Улаға өттүгэр, Ааспыт дьыл Алдьархайдаағын-арасхааттаағын Анараа таһаатыгар...</p> <p style="text-align: right;">(Бурнашев, 1993: 73).</p>	<p>За дальней далью Беспокойных-тревожных Древних лет, По ту сторону Ратно-бранных Минувших дней, За невидимой гранью Лиходейно-бедовых Канувших лет...</p> <p style="text-align: right;">(Бурнашев, 1993: 73).</p>
---	---

Если в тувинском эпосе формула эпического времени образована на основе двучленного ритмико-синтаксического параллелизма (далее — РСП), то в якутском олонхо — на основе трехчленного РСП. Ключевыми лексемами в тувинском примере являются *эртенги* — ‘ранний’ / *бурунгу* — ‘прежний’, а в якутском ключевые словосочетания: *былыргы дьыл* — ‘древние года’ / *урукку күн* — ‘минувшие дни’ / *ааспыт дьыл* — ‘прошедшие года’. При этом, если в формуле тувинского эпоса задействованы только ключевые лексемы без использования собственно периферийных лексем, то в якутском, кроме ядерных лексем, также содержатся дополнительные элементы, уточняющие эпическое время. В этом отношении формула эпического времени тувинского эпоса является максимально сжатой. Однако, основная сходная семантика формул сохраняется.

Формула «богатырь в гневе»:

<p>Ажынмас боду ажынып, Хорадавас боду хорадап келгеш...</p> <p style="text-align: right;">(Ооржак, 1997: 400; здесь и далее в примерах выделено нами. — Ю. Б.).</p>	<p>Так разозлилась, как [прежде] не злилась, Так рассердилась, как [прежде] не сердилась...</p> <p style="text-align: right;">(Ооржак, 1997: 401).</p>
<p>Кыыһырбатах бэйэтэ Кып-кыдыттан кыыһыран барда. Абарбатах бэйэтэ Аба-сата сангын саннанна...</p> <p style="text-align: right;">(Яковлев, 1993: 59).</p>	<p>Не сердившийся прежде Стал сердиться сильно, Не гневавшийся прежде Стал сильно гневаться...</p> <p style="text-align: right;">(Пер. наш. — Ю. Б.).</p>

В тувинском эпосе и якутском олонхо главным персонажем является богатырь. Примечательно, что обе приведенные формулы образованы двучленными РСП, организованными посредством дословного повторения ключевых лексем. Если в тувинском примере ключевые лексемы выражены синонимами: *ажынар* / *хорадаар* — ‘сердиться’, то в якутском также используются ключевые слова, выраженные синонимичными лексемами с аналогичным содержанием: *кыыһыр* ‘сердиться’ / *абар* — ‘гневаться’. Эти лексемы являются ядерными и их дословным повторением также образованы члены РСП. Вследствие этого как структура эпических формул, так и их смысловая нагрузка являются одинаковыми.

Формула, описывающая красоту прекрасной девушки:

<p>Акызы көөрге, ыңай көөрге — ай херелдиг, Бээр көөрге — хун херелдиг...</p> <p style="text-align: right;">(Ооржак, 1997: 316).</p>	<p>Глянул брат [на нее]: вдаль посмотрит – лунный свет [излучает], Близ посмотрит – солнечный свет [излучает]...</p> <p style="text-align: right;">(Ооржак, 1997: 317).</p>
<p>Бйдааҕар ыраас ньуурдаах, Күннээҕэр күндү бэйэлээх...</p> <p style="text-align: right;">(Ядрихинский, 2011: 86).</p>	<p>С ликом луны светлее, Солнца ясного дороже...</p> <p style="text-align: right;">(Ядрихинский, 2011: 87).</p>

В сравниваемых формулах полностью совпадает семантическая нагрузка. Так как при раскрытии образа использованы эквивалентные лексемы, употребленные на оппозиции: ай (ый) — ‘луна’ / хун (кун) — ‘солнце’. Важно заметить, что также сохранилось расположение ядерных лексем, что свидетельствует о непосредственной связи анализируемых примеров. Отличие состоит лишь в том, что в якутской формуле периферийные компоненты подобраны посредством начальной аллитерации, а в тувинской — дословным повторением.

Формула, описывающая езду богатырского коня:

<p>Булуттуг дээрниц адаа-биле, Будуктуг ыяштың кыры-биле... (Ооржак, 1997: 474).</p>	<p>Мчался [конь] ниже небес с облаками, Выше деревьев с ветвями... (Ооржак, 1997: 475).</p>
<p>Көтөр былыты аннынан, Турар маһы үрдүнэн Барға баһаам Барытын барда... (Нохсоров, 2009: 214).</p>	<p>Под самыми летящими облаками, Над самыми стоящими деревьями Стал быстро Скакать [конь]... (Пер. наш. — Ю. Б.).</p>

Как в тувинском эпосе, так и в олонхо, одним из основных является образ богатырского коня, езда которого гиперболизируется посредством сравнения с окружающей средой. Так, нами обнаружено соответствие эпических формул, образованных посредством двучленного РСП, в них полностью совпадают образы сравнения. Более того, ядерные лексемы первых членов РСП выражены эквивалентными словосочетаниями: *булуттуг дээрниц* — ‘небеса с облаками’ / *көтөр былыты* — ‘летающие облака’. А ядерные лексемы вторых членов синонимичны по отношению друг к другу: *будуктуг ыяштың* — ‘деревья с ветвями’ / *турар маһы* — ‘стоящие деревья’. Здесь важно отметить, что лексема *будуктуг* тувинского языка в якутском языке обозначается как *мутуктаах* — ‘с ветвями’ и в некоторых олонхо при реализации анализируемой формулы используются именно однотипные словосочетания, аналогичные тувинскому.

Формула, описывающая горечь:

<p>Бир караандан чаш төгүлдүр, Бир караандан хан төгүлдүр ыглап олурда, ... (Ооржак, 1997: 328).</p>	<p>И, когда так заплакала, что полились слезы из одного глаза, Полилась кровь из другого глаза, ... (Ооржак, 1997: 329).</p>
<p>Ханас харабыттан хаан аллыбыт, Уна харабыттан уу субуруйбут, (Яковлев, 2013: 153).</p>	<p>С левого глаза кровь течет, С правого глаза слезы льются... (Пер. наш. — Ю. Б.).</p>

Интересно, что как в тувинском эпосе, так и в якутском олонхо, при описании горечи невосполнимой утраты используются аналогичные эпические формулы, состоящие из двучленных РСП. В них ключевыми являются эквивалентные лексемы: *караандан* / *харабыттан* — ‘из глаз’; *хаан* / *хан* — ‘кровь’; *чаш* / *харах уута* — ‘слезы’, которые образуют особо устойчивую матричную конструкцию. А остальные элементы представляют собой вариативную периферийную часть, которая в тувинской формуле подобрана по принципу дословного повторения *бир* — ‘один’; *төктүр* — ‘пролиться’, а в якутской — антонимическими: *ханас* — ‘левый’ / *уна* — ‘правый’ и синонимическими лексемами *аллыбыт* — ‘протечь’ / *субуруйбут* — ‘протянуться’.

Формула, описывающая продолжительность действия:

<p>Кыш болганын <i>хыраазындан</i> билип, Хылырады хүрежип, Чайның <i>шалыңындап</i> билип, Шалырады хүрежип турда, ... (Ооржак, 1997: 404).</p>	<p>О наступлении зимы по инею узнают: Борются — скрипит [под ногами]; О лете по росе узнают Борются — шуршит [под ногами]. (Ооржак, 1997: 405).</p>
--	---

<p>Күһүңгүтүн өксүөнүнэн билэн, Сааскытын хахсаатынан билэн, Сайыннытын самырынан сабажалаан, Кыһынгытын кырыатынан кыйдаран... (Каратаев, 1996: 120).</p>	<p>Осень по ненастью узнавая, Весну по заморозкам ощущая, Лето по дождю определяя, Зиму по инею распознавая... (Каратаев, 1996: 121).</p>
--	---

Как видно из формул, если в тувинском примере описывается продолжительность борьбы между богатырями, то в якутском — продолжительность богатырского похода в Нижний мир. При этом темпоральность описываемых действий раскрывается посредством одинаковой конструкции РСП, основанной на чередовании времен года. Поразительное сходство этих примеров объясняется тем, что в них используется одинаковая матричная конструкция, основанная на ядерных словосочетаниях: *кыш хыраазындан* — ‘зиму по инею’ / *кыһынгытын кырыатынан* — ‘зиму по инею’; *чайның шалыңындап* — ‘лето по росе’ / *сайыннытын самырынан* — ‘лето по дождю’. В первых ядерных словосочетаниях наблюдается полная эквивалентность. Однако, если в якутском олонхо применены все четыре сезона, то в тувинском только основные — зима и лето. На наш взгляд, это обстоятельство объясняется стадийным отличием тувинского эпоса от якутского олонхо.

Формула, описывающая стрельбу из лука:

<p>Ок туткан холунуң Оду буругайнып, Ча туткан холундан Чалбырааш чайыгайнып келген... (Ооржак, 1997: 342).</p>	<p>И, когда от руки, державшей стрелу, Вспыхнул огонь, От руки, державшей лук, Сверкнуло яркое пламя... (Ооржак, 1997: 343).</p>
<p>Эрбэжиттэн Этинг эттэ, Тарбаыттан Чабылҗан чабылҗыда, ... (Нохсоров, 2009: 227).</p>	<p>Из большого пальца Гром прогремел, Из указательного пальца Молния сверкнула... (Пер. наш. — Ю. Б.).</p>

В этих примерах описывается момент стрельбы богатырей из лука — одного из основных предметов богатырского снаряжения. Несмотря на то, что в тувинском эпосе богатырь стреляет только тогда, когда на его руках вспыхивает огонь и сверкает пламя, а в якутском олонхо гром и молния происходят только после его стрельбы, эти формулы являются однотипными. Однотипность исходит из одинаковой структуры РСП и схожей семантической нагрузки, заключенных в ядерных лексемах, выраженных контекстными синонимами: *хол* — ‘рука’ / *эрбэх* — ‘большой палец’ / *тарбах* — ‘палец’; *от* — ‘огонь’ / *чалбырааш* — ‘пламя’; *этинг* — ‘гроза’ / *чабылҗан* — ‘молния’.

Формула, описывающая тоску и печаль:

<p>Дүн болурга, <i>дүштен</i> ыравас, Хүндүс <i>сагыштан-даа</i> ыравас бооп кээрге... (Ооржак, 1997: 470).</p>	<p>Ночь настанет — из снов не уходят, День [настанет] — из дум не уходят. (Ооржак, 1997: 471).</p>
<p>Түүнүн <i>түһүн</i> билэбин, Күнүһүн <i>бүттэнэн</i> билэбин... (Хаан Дьаргыстай: ..., 2016: 68).</p>	<p>Ночью снами предугадываю, Днем предчувствием узнаю... (Пер. наш. — Ю. Б.).</p>

В тувинском примере описывается тоска богатыря по родителям, которых угнал в рабство враждебный хан, а в якутском — горесть прекрасной девушки, которую выдали замуж против её воли и она печалится о предстоящей жизни с нелюбимым, предчувствует сложные отношения. Однако, несмотря на различие описываемых ситуаций в семантическом и структурном плане, эти формулы весьма близки. Близость их исходит из эквивалентных оппозиционных по отношению друг к другу лексем *дүн*

/ түүн — ‘ночь’; хүндүс / күнүс — ‘день’ и синонимичных дүш / түһээ — ‘видеть во сне’ ядерных лексем матричной конструкции. Кроме того, во вторых членах РСП наблюдаются вариативные ядерные лексемы, выраженные контекстными синонимами: сагыш — ‘мысль, дума’ / бүт (лит. бит) — ‘примета, предзнаменование; предчувствие’. А периферийные элементы в обеих формулах подобраны по принципу дословного повтора.

Формула, описывающая появление врага:

<p>Дээрден бир кээп боор, Чер алдындан кээп боор. (Ооржак, 1997: 510).</p>	<p>Может вдруг с неба явиться, Может из-под земли явиться. (Ооржак, 1997: 511).</p>
<p>Үөһээттэн үргүөр буолан Үргүйбэттэрэ буолуоҕа, Алларааттан атара буолан Күөрэйбэттэрэ буолуоҕа... (Каратаев, 1996: 188).</p>	<p>Став сквозняком, Сверху холодом веять не будут же, Став острой, Снизу вынырнуть не посмеют же... (Каратаев, 1996: 189).</p>

Как в тувинском эпосе, так и в якутском олонхо, появление врага описывается сходными локативными эпическими формулами, выраженными двучленными РСП. Сходность обнаруживается в ядерных оппозиционных лексемах, выраженных контекстными синонимами: дээрден — ‘с неба’ / үөһээттэн — ‘сверху’; чер алдындан — ‘из-под земли’ / алларааттан — ‘снизу’, которые указывают на направление, откуда должен появиться враг. Также в этих формулах особую функциональную роль играет дословное повторение, которое организует периферийные элементы в матричную структуру. При этом в якутской формуле организующее начало также несет и начальная аллитерация.

Заключение

Таким образом, проанализировав эпические формулы из текста тувинского эпоса «Боктуг Кириш, Бора Шээлей» сказителя М. Н. Ооржака и их аналогов из текстов якутских олонхо, можно установить, что рассмотренные примеры являются типическими местами. Универсальность этих формул заключается в их способности переходить от текста к тексту без существенных изменений в структуре и семантической нагрузке.

Структура эпических формул в тувинском эпосе организована посредством двучленного ритмико-синтаксического параллелизма, которому в якутском олонхо соответствуют формулы, состоящие как из двучленных, так и многочленных параллелизмов. На наш взгляд, это обстоятельство свидетельствует о стадийном отличии сравниваемых эпических систем.

Семантическая нагрузка эпических формул исходит из ядерных лексем и периферийных элементов, которые подобраны по принципам дословного повтора и начальной аллитерации. Отдельно следует отметить параллели в матричных конструкциях, отражающих ментальное состояние персонажей, темпоральность и локативность, которые благодаря наличию как эквивалентных ядерных лексем, так и дословных повторов являются особо устойчивыми.

В связи с вышеизложенным мы склонны считать, что рассмотренные параллели эпических формул являются результатом генетического родства тувинского эпоса и якутского олонхо, которые сохранились благодаря основному принципу организации эпического стиха — принципу ритмико-синтаксического параллелизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артеменко, Е. Б. (1985) Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования // Язык русского фольклора: Межвузовский сборник / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т. 162 с. С. 4–12.

Бурнашев, Н. П. (1993) Якутский героический эпос. Кыыс Дэбилийэ // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / сказитель Н. П. Бурнашев; запись С. К. Дьяконова; подготовка текста Н. П. Дмитриева и др. Новосибирск : Наука. Т. 4. 330 с. С. 9–25.

Габышева, Л. Л. (2009) Фольклорный текст. Семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск : Наука. 143 с.

Гоголева, М. Т. (2015) К проблеме генетических связей олонхо и тувинских героических сказаний // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1. С. 90–96.

Гринцер, П. А. (1975) Эпические формулы в «Махабхарате» и «Рамаяне» // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти В. Я. Проппа / отв. ред., Д. А. Ольдерогге. М. : Наука. 320 с. С. 156–181.

Дмитриев, П. Н. (1978) Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: материалы Всесоюзной конференции фольклористов / ред. Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Якутск : Якутский филиал изд-ва СО АН СССР. 230 с. С. 118–120.

Жирмунский, В. М. (1964) Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. № 4. С. 3–24.

Жирмунский, В. М. (1968) О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Вопросы языкознания. № 1. С. 23–42.

Жирмунский, В. М., Кононов, А. Н. (2007) Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. СПб. : Наука. Ленинградское отделение. 299 с.

Каратаев, В. О. (1996) Модун Эр Соҕотох [Могучий Эр Соготох] / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. 10 т. Новосибирск : Наука. 440 с.

Кидайш-Покровская, Н. В., Мирбадалева, А. И. (1971) Традиционные элементы стиля в эпическом тексте // Текстологическое изучение эпоса / отв. ред. В. М. Гацак, А. А. Петросян. М. : Наука. 232 с. С. 64–96.

Кузьмина, Е. Н. (2005) Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Новосибирск : СО РАН. 1383 с.

Лорд, А. Б. (1994) Сказитель. М. : Издательская фирма «Восточная литература». 368 с.

Нохсоров, У. Г. (2009) Дьырай Бэргэн. Якутский героический эпос. Якутск : Бичик. 334 с. (На як. яз.)

Окладников, А. П. (2013) Якутский эпос (олонхо), и его связь с югом. Якутск : Сайдам. 64 с.

Ооржак, М. Н. (1997) Боктуг-Кириш Бора-Шэлей // Тувинские героические сказания / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. Новосибирск : Наука. 584 с. С. 298–527.

Орус-оол, С. М. (1997) Тувинские героические сказания // Тувинские героические сказания / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука. Т. 12. 584 с. С. 10–38.

Орус-оол, С. М. (2013) Опыт классификации типических мест в разновременных записях эпоса «Тон-Аралчын-хан» (по Указателю Е. Н. Кузьминой) // Новые российские гуманитарные исследования. Т. 8, № 8–8 (8). С. 51.

Оссовецкий, И. А. (1979) Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи / отв. ред. А. Н. Кожин. М. : Наука. 254 с. С. 199–252.

Покатилова, Н. В. (1996) К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом // Язык — миф — культура народов Сибири : сборник научных статей / отв. ред. Л. Л. Габышева. Якутск : Изд-во ЯГУ. 192 с. С. 73–88.

Пухов, И. В. (2004) Якутский героический эпос — олонхо: публикация, перевод, теория, типология: избранные статьи. Якутск : Изд-во СО РАН, Якут. фил. 208 с.

Слепцов, П. А. (1990) Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск : Наука. 227 с.

Хаан Дьаргыстай: олонхо (2016) / сост. В. В. Илларионов Дьокуускай : Алаас. 232 с. (На як. яз.)

Хертек, Л. К. (2015) К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. I. С. 188–190.

Ядрихинский, П. П. (2011) Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутский героический эпос. Якутск : Сайдам. 448 с.

Яковлев, Н. П. (2013) Даадар-Хара: олонхо. Дьокуускай : ХИФУ издательской дьиэтэ. 296 с. (На як. яз.)

Яковлев, С. С. (1993) Буура Дохсун: олонхо. Дьокуускай : Бичик. 413 с. (На як. яз.)

Дата поступления: 12.07.2020 г.

REFERENCES

Artemenko, E. B. (1985) Fol'klornaia formul'nost' i variativnost' v aspekte tekstoobrazovaniia [Folklore formulas and variations through the lens of text formation]. In: Iazyk russkogo fol'klora [Language of Russian folklore]: interuniversity collection / ed. by Z. K. Tarlanov. Petrozavodsk, Petrozavodskii gos. un-t. 162 p. Pp. 4–12. (In Russ.).

Burnashev, N. P. (1993) Iakutskii geroicheskii epos «Kyys Debiliie» [Yakut heroic epic “Kyys Debiliie”]. In: Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East] / told by N. P. Burnashev; recorded by S. K. Diakonov; text prep. by N. P. Dmitriev et al. Novosibirsk, Nauka. T. 4. 330 p. Pp. 9–25. (In Russ.).

Gabyшева, L. L. (2009) *Fol'klornyi tekst. Semioticheskie mekhanizmy ustnoi pamiati [Folklore text: Semiotic mechanisms of oral memory]*. Novosibirsk, Nauka. 143 p. (In Russ.).

Gogoleva, M. T. (2015) K probleme geneticheskikh svyazei olonkho i tuvinskikh geroicheskikh skazanii [On the problem of genetic connections between Olonkho and Tuvan heroic tales]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 90–96. (In Russ.).

Grintser, P. A. (1975) Epicheskie formuly v «Makhbharate» i «Ramaiane» [Epic formulas in the “Mahabharata” and “Ramayana”]. In: *Tipologicheskie issledovaniia po fol'kloru [Typological studies in folklore]*: a collection of articles in memory of V. Ya. Propp / ed. by D. A. Ol'derogge. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 156–181. (In Russ.).

Dmitriev, P. N. (1978) Epicheskie formuly v olonkho [Epic formulas in the Olonkho]. In: *Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Epic of the peoples of Siberia and the Far East]*: Proceedings of the all-Union conference of folklorists / ed. by N. V. Emel'ianov and V. T. Petrov. Yakutsk, Yakutskii filial izd-va SO AN SSSR. 230 p. Pp. 118–120. (In Russ.).

Zhirmunskii, V. M. (1964) Ritmiko-sintaksicheskii paralelizm kak osnova drevnetiurkского narodnogo epicheskogo stikha [Rhythmic and syntactic parallelism as the basis of ancient Turkic folk epic verse]. *Voprosy iazykoznaviia*, no. 4, pp. 3–24. (In Russ.).

Zhirmunskii, V. M. (1968) O nekotorykh problemakh teorii tiurkского narodnogo stikha [On some issues of the theory of Turkic folk verse]. *Voprosy iazykoznaviia*, no. 1, pp. 23–42. (In Russ.).

Zhirmunskii, V. M. and Kononov, A. N. (2007) *Kniga moego deda Korkuta. Oghuzskii geroicheskii epos [The book of my grandfather Korkut. Oghuz heroic epic]*. St. Petersburg, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 299 p. (In Russ.).

Karataev, V. O. (1996) Modun Er Soḡotokh [Mighty Er Sagoth]. In: *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]* / told V. O. Karataev; tr. by P. E. Efremov et al. Novosibirsk, Nauka. Vol. 10. 440 p. Pp. 10–58. (In Russ.).

Kidaish-Pokrovskaiia, N. V. and Mirbadaleva, A. I. (1971) Traditsionnye elementy stilia v epicheskom teskte [Traditional elements of style in an epic text]. In: *Tekstologicheskoe izuchenie eposa [Textual study of the epic]* / ed. by V. M. Gatsak and A. A. Petrosian. Moscow, Nauka. 232 p. Pp. 64–96. (In Russ.).

Kuz'mina, E. N. (2005) *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, SO RAN. 1383 p. (In Russ.).

Lord, A. B. (1994) *Skazitel' [Taleswapper]*. Moscow, Publishing company “Vostochnaia literature”. 368 p. (In Russ.).

Nokhsorov, U. G. (2009) *Dyyrai Bergen. Iakutskii geroicheskii epos [Dyyrai Bergen: Yakut heroic epic]*. Yakutsk, Bichik. 334 p. (In Yakut.).

Okladnikov, A. P. (2013) *Yakutskii epos (olonkho), i ego sviaz' s iugom [Yakut epic (the Olonkho), and its connection with the South]*. Yakutsk, Saidam. 64 p. (In Russ.).

Oorzhak, M. N. (1997) Boktug-Kirish Bora-Shelei. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniia / Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Tuvan heroic tales / folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. 12. 584 p. Pp. 298–527. (In Russ.).

Orus-ool S. M. (1997) Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic tales]. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniia / Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Tuvan heroic tales / folklore texts of the peoples of Siberia and the Far East]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. 12. 584 p. Pp. 10–38. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2013) Opyt klassifikatsii tipicheskikh mest v raznovremennykh zapisiakh eposa “Ton-Aralchyn-khan” (po Ukazatel'iu E. N. Kuz'minoi) [An attempt at classification of typical places in different time records of the epic “Ton-Aralchyn-Khan” (according to the Index by E. N. Kuz'mina)]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, vol. 8, no. 8–8 (8), p. 51. (In Russ.).

Ossovetskii, I. A. (1979) Nekotorye nabliudeniia nad iazykom stikhotvornogo fol'klora [Some observations on the language of poetic folklore]. In: *Ocherki po stilistike khudozhestvennoi rechi [Essays on the style of artistic speech]* / ed. by A. N. Kozhin. Moscow, Nauka. 254 p. Pp. 199–252. (In Russ.).

Pokatilova, N. V. (1996) K voprosu o formakh paralelizma v epicheskom zhanre olonkho: iz nabliudeniia nad tekstom [On the question of forms of parallelism in the Olonkho epic genre: from observations on the text]. In: *Iazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri [Language-myth-culture of the peoples of Siberia]*: collection of scientific articles / ed. by L. L. Gabyшева. Yakutsk, YaGU Publ. 192 p. Pp. 73–88. (In Russ.).

Pukhov, I. V. (2004) *Yakutskii geroicheskii epos — olonkho: publikatsiia, perevod, teoriia, tipologiia: izbrannye stat'i [Yakut heroic epic — Olonkho: publication, translation, theory, typology: selected articles]*. Yakutsk, SO RAN Publ., Yakut brunch. 208 p. (In Russ.).

Sleptsov, P. A. (1990) *Yakutskii literaturnyi iazyk. Formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh norm [Yakut literary language. Formation and development of national standards]*. Novosibirsk, Nauka. 227 p. (In Russ.).

Khaan D'argystai: olonkho (2016) / comp. by V. V. Illarionov D'okuuskai, Alaas. 232 p. (In Yakut.).

Khertek, L. K. (2015) K voprosu o lingvisticheskom analize epicheskikh tekstov [On the issue of linguistic analysis of epic texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (54): in 4 parts. Part I. Pp. 188–190. (In Russ.).

Yadrikhinskii, P. P. (2011) *Devushka bogatyr' Dzhrybyna Dzhrylyatta. Iakutskii geroicheski epos [Djrybyna Djyrylyatta, the Warrior woman. Yakut heroic epic]*. Yakutsk, Saidam. 448 p. (In Russ.).

Yakovlev, N. P. (2013) *Daadar-Khara: olonkho*. D'okuuskai, KhIFU. 296 p. (In Yakut.)

Yakovlev, S. S. (1993) *Buura Dokhsun: olonkho*. D'okuuskai, Bichik. 413 p. (In Yakut.)

Submission date: 12.07.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.18

Статья

Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры

Канат Х. Рахимжанов, Маржан К. Акишева

Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Республика Казахстан,

Зифа К. Темиргазина

Павлодарский государственный педагогический университет, Республика Казахстан

В статье исследуется метафорическая и метонимическая интерпретация понятия жүрек / чүрек — сердце в казахском и тувинском языках. Установлен набор содержательных параметров их концептуализации, по которым проведено сопоставление. Большая часть параметров говорит об универсальном характере когнитивного осмысления анатомического понятия в разных языках и культурах: жүрек / чүрек представляется сосудом для эмоций; местом обитания постоянных человеческих качеств; ему приписываются определенные цвета, не связанные с реальным цветом внутреннего органа; способность перемещаться внутри тела и быть сделанным из разных материалов. В некоторых параметрах проявляется сходство казахского и тувинского языков, обусловленное генетической общностью тюркской культуры. Идиомы сопоставляемых языков демонстрируют своеобразие концептуализации представлений о жүрек / чүрек.

Ключевые слова: тувинский язык; казахский язык; жүрек; чүрек; метафорическая интерпретация; метонимическая интерпретация; идиома

Для цитирования:

Рахимжанов К. Х., Акишева М. К., Темиргазина З. К. Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 261-271. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.18

Рахимжанов Канат Хисматович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и казахского языков Казахского агротехнического университета имени С. Сейфуллина. Адрес: 010011, Казахстан, г. Нур-Султан, пр. Женис, д. 62. Тел.: +7 (707) 366-72-18. Эл. адрес: kanatzhan57@mail.ru

Акишева Маржан Касымовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков Казахского агротехнического университета имени С. Сейфуллина. Адрес: 010011, Казахстан, г. Нур-Султан, пр. Женис, д. 62. Тел.: +7 (705) 170-59-05. Эл. адрес: abitovad@inbox.ru

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор высшей школы гуманитарных наук Павлодарского государственного педагогического университета. Адрес: 140005, Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, д. 60. Тел.: +7 (775) 889-23-15. Эл. адрес: temirgazina_zifa@pspu.kz

RAKHIMZHANOV, Kanat Khimatovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Kazakh Languages, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University. Postal address: 62 Zhenis Ave., 010011 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. Tel. +7 707 3667218. Email: kanatzhan57@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-6120-3069**

AKOSHEVA, Marzhan Kasymovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University. Postal address: 62 Zhenis Ave., 010011 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. Tel. +7 705 170 5905. Email: abitovad@inbox.ru **ORCID ID: 0000-0001-8393-309X**

TEMIRGAZINA, Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor, Higher School of Humanities, Pavlodar State Pedagogical University. Postal address: 60 Mira St., 140005 Pavlodar, Republic of Kazakhstan. Tel. +7 775 8892315. Email: temirgazina_zifa@pspu.kz **ORCID ID: 0000-0003-3399-7364**

Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture

Kanat Kh. Rakhimzhanov, Marzhan K. Akosheva

Kazakh Agrotechnical University, Kazakhstan,

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar State Pedagogical University, Kazakhstan

The article examines the metaphorical and metonymic interpretations of the concept “zhÿrek/ chÿrek” in the Kazakh and Tuvan languages. A set of meaningful conceptualization parameters has been developed to compare the two concepts against. Most of the parameters indicate the universal nature of the cognitive understanding of the anatomical concept in different languages and cultures: “zhÿrek/ chÿrek” is seen as a vessel for emotions; as the seat of permanent human qualities; certain colours, not necessarily related to the real colour of the internal organ, are attributed to it; it has an ability to move within the body and be made of different materials. In some parameters, there is a similarity between the Kazakh and Tuvan languages, due to the genetic commonality of the Turkic culture. Comparing the idioms from both languages demonstrates original conceptualizations of the notions of “zhÿrek/ chÿrek”.

Keywords: Tuvan language; Kazakh language; zhÿrek; chÿrek; metaphorical and metonymic interpretation; idioms

For citation:

Rakhimzhanov K. Kh., Akosheva M. K. and Temirgazina Z. K. Metaforichesko-metonimicheskaia interpretatsiia serdtsa v kazakhskom i tuvinskom iazykakh: vzaimodeistvie iazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 261-271. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.18

Введение

Человек в истории философско-религиозных учений традиционно понимался как единство телесного и духовного, и если духовное (эмоциональное, психическое) неосознано и сложно для непосредственного изучения, то телесное, напротив, материально и открыто для наблюдения (Сухорукова, 2017: 168).

В работе исследуется фрагмент языковых картин мира казахов и тувинцев, касающийся концептуализации такого внутреннего органа, как *жÿрек / чÿрек* — ‘сердце’. Названия частей тела (соматизмы), внутренних органов человека относятся к древнейшему пласту лексического универсума языков мира, входят в базовую лексику, образуют множество устойчивых фразеологических выражений — идиом, пословиц (Temirgazina et al., 2019: 145). В семантике единиц казахского и тувинского языков — слов, идиом сохранились следы языческих, мифологических представлений древних тюрков-номадов, их традиций, обрядов и ритуалов.

Понятие *жÿрек* не раз становилось объектом внимания в казахской лингвистике, его изучали как концепт ЖÿРЕК на материале художественных произведений (Ажибекова, 2013; Мусабекова, Культурсынова, 2018), сопоставляли с английским концептом HEART/ SOUL (Султангубиева, 2011ab¹),

¹ Также: Кобландина К. С. Семантические особенности концептов «жан/soul», *жÿрек/heart* [Электронный ресурс] // Publishing house Education and Science s.r.o. URL: http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2012/Philologia/9_123338.doc.htm (дата обращения: 06.05.2020).

рассматривали многозначность слова *жүрек* в произведениях аль-Фараби (Авад, Ержан, Анарбаев, 2016), выявляли его дидактическую роль в учебном процессе (Temirgazina, Khamitova, Orasalinova, 2016) и т. д.

В тувинском языке понятие *чүрек* рассматривалось в работе Б. К. Ондар (Ондар, 2010) как соматизм в составе фразеологических единиц в сопоставлении с фразеологизмами русского языка. Т. В. Жукова отмечает важность и недостаточную изученность сопоставительного аспекта тувинской фразеологии: «В тувинском языкознании первые теоретические исследования фразеологизмов относятся к 60-70 гг. XX века. Нужно отметить, до сих пор очень мало сделано в сравнительном изучении тувинской фразеологии. Между тем эта проблема весьма актуальна» (Жукова, 2017: 26).

Сопоставительный анализ концептуализации анатомического понятия *жүрек / чүрек* с помощью универсального когнитивного механизма аналогии — метонимизации и метафоризации — позволяет выявить общность и различие в наивной трактовке (житейских представлениях) указанного органа носителями генетически родственной казахской и тувинской культур. Содержательные параметры, на основе которых проводится сопоставление, были вычленены в ходе семантического, этимологического и лингвокультурного анализа языковых единиц с метонимическим и метафорическим значением.

Языковые единицы для анализа (слова и идиомы с компонентом *жүрек / чүрек*) были отобраны из толковых и фразеологических словарей, включая двуязычные: казахского языка (Бектаев, 1999; Кенесбаев, 2007¹), тувинского языка (Тувинско-русский словарь, 1968; Русско-тувинский словарь, 1980).

Локализация эмоций и чувств в сердце

Сердце является основным внутренним органом в наивно-анатомических представлениях большинства народов, оно представляется в них олицетворением психической, духовной жизни человека. Универсальным для языков мира является установление связи между внутренними органами и ментальным миром человека (см. об этом: Урысон, 2003²). «Исследования эмоций и отдельных эмоциональных концептов, осуществляемые лингвистами и лингвокультурологами в рамках разных лингвокультур, позволяет утверждать, что во все времена человеческое сознание стремится связать переживаемые чувства и эмоции с какими-либо частями человеческого тела, установить место их “локализации” внутри человека» (Заяц, 2017: 4). Таким образом, каждый внутренний орган является местом «обитания» каких-либо эмоций, качеств человека и других ментальных явлений. Связь, устанавливаемая между внутренним органом и ментальными процессами, носит идиоэтнический характер и отражает культурно-специфические взгляды народа. Метафора и метонимия являются неотъемлемым свойством в языковом представлении этой взаимосвязи (Temirgazina, Bakhtikireeva, Sinyachkin, 2017).

В соответствии с названной универсальной тенденцией — локализацией ментальных процессов во внутренних органах человека, сердце метонимически осмыслялось казахами как место обитания определенных чувств, помыслов, желаний:

волнения, беспокойства — *жүрегі қобалжу, жүрегі мүздау* (в значении “волноваться; беспокоиться”);

переживаний — *жүрегі сыздау* (дословно ‘болеть душой’);

желания — *жүрегімен берілу* (в значении “предаться сердцем”);

спокойствия — *жүрек орнына түсу* (дословно ‘сердце встало на место’ в значении “успокоиться; перестать сомневаться”);

страха — *жүрегі су/зу ету* (дословно ‘сердце екнуло/встрепенулось’ в значении “испугаться от неожиданности”), *жүрегі шайлығу* (в значении “испугаться; не иметь больше желания делать”), *жүрегі тас төбесіне шықты* (дословно ‘сердце подскочило к темени’ в значении “сильно испугаться”) (Кенесбаев, 2007: 121).

В родственном тувинском языке *чүрек* также представляется средоточием чувств и желаний:

любви — *чүрэн бээр* (в значении “крепко любить”);

спокойствия — *чүрээ оожургаар* (в значении “успокоиться”);

¹ А также словаре: Қазақша-орысша сөздік. URL: <https://sozdik.kz/ru> (дата обращения: 20.03.2020).

² The Body in Description of Emotion: Cross-linguistic Studies. Pragmatics & Cognition, 2002. 10:1/2. Special Issue / Nick J. Enfield, Anna Wierzbicka (eds). Benjamins. 367 p.

предчувствия — *чүрээ эндевээн* (в значении “сердце чувствует”);

страха — *чүрээ аксынга келир* (дословно ‘сердце подкатило ко рту’ в значении “перепугаться”), *чүрек өлүр* (дословно ‘сердце отмирает’ в значении “получил урок, проучен, наказан; стал пугливым”) (*Тувинско-русский словарь, 1968: 551*);

следования зову сердца — *чүректи дужаап болбас* (в значении “сердцу не прикажешь”), *чүрээн тудар* (дословно ‘взять за сердце’ в значении “покорить сердце”) (*Русско-тувинский словарь, 1980: 529*); *чүлдү-чүрээм кударалга туттура берди* (дословно ‘сердце мое стало невеселым, грусть-тоска одолели его’) (*Ондар, 2010: 127*).

В тюркских языках происходит отождествление эмоциональных переживаний с сердцем, которое воспринимается как орган, физически реагирующий на внешние воздействия. При этом сильные и неожиданные эмоции описываются как попытка сердца выскочить через рот:

тув. *чүрээ палыт дээн* (дословно ‘сердце оборвалось’), *чүрээ аксынга келген* (дословно ‘сердце подкатило ко рту’ в значении “сильно испугаться”) (*Русско-тувинский словарь, 1980: 529*);

каз.: *жүрегім аузыма тығылды* (дословно ‘сердце спряталось во рту’ в значении “сильно испугаться”)¹.

Фразеологические эквиваленты данной семантической категории схожи по смысловой, стилистической и грамматической структуре. В их составе присутствует обязательный компонент *аксы/аузы* (дословно ‘рот’).

Жүрек / чүрек как место обитания человеческих качеств

В сердце могли заключаться, с точки зрения наивно-анатомических взглядов казахов, и определенные качества человека, в первую очередь смелость, храбрость:

жүрегінің түгі бар адам (дословно ‘человек с ворсом на сердце’) — смелый, бесстрашный человек;

жүрек жұтқан (дословно ‘проглотивший сердце’) — смелый, храбрый, отважный (*Кенесбаев, 2007: 121*);

жүректі (дословно ‘сердечный’) — смелый, храбрый;

жүректі болу (дословно ‘быть сердечным’) — быть смелым;

жүректілік (дословно ‘сердечность’) — смелость, храбрость.

См. также пословицу: *Ерлік білекте емес, жүректе* (дословно ‘Мужество не в силе рук, а в сердце’). Соответственно, человек, лишенный сердца, характеризовался как “трусливый, робкий, несмелый”: *жүрексіз* (дословно ‘лишенный сердца, без сердца’) (*Бектаев, 1999: 213*). И в тувинском языке сердце является местом обитания смелости, например, слова *чүрекир*, *чүректиг* — смелый, храбрый, бесстрашный (*Тувинско-русский словарь, 1968: 551*). Интересно отметить, что в тувинском языке отсутствие сердца *чүрек чок* (дословно ‘без сердца’), в отличие от казахского языка, обозначает другое качество человека — «ленивый» (там же: 551). О *чүрээ чок* в значении «ленивый» пишет и В. И. Рассадин, обращая внимание на монгольское происхождение слова (*Рассадин, 1988: 63*).

Семантика казахской идиомы *жүрек жұтқан* (дословно ‘проглотивший сердце’ в значении “смелый, храбрый, отважный”) восходит к мифологическим представлениям древних тюрков о животных-тотемах. Они осуществляли ритуал жертвоприношения и поедания животного-тотема, целью которого было установление порядка, гармонии, иерархии в окружающем их мире. Исследователи мифологии тюрков Южной Сибири отмечали: «Глубинная связь символики еды и жертвы заставляет вспомнить нас мифы о сотворении мира, согласно которым Вселенная возникает в результате разделения на части того, что было раньше единым. Эта операция сопровождается утверждением порядка, структуры, а в социальном плане — иерархии, соподчинения. Коллективная трапеза с расчленением туши животного... быть может восходит к неким древним ритуалам, базирующимся на представлениях о первой жертве (первопредке), из расчлененного тела которой возник Космос» (*Традиционное мировоззрение ... , 1990: 43*). Как пишет культуролог З. Наурзбаева, «Расчленение

¹ Қазақша-орысша сөздік. URL: <https://sozdik.kz/ru> (дата обращения: 20.03.2020).

² Наурзбаева, З. (2009) Казахский той как жертвоприношение тотема. URL: https://express-k.kz/news/zhizn/kazakhskiy_toy_kak_zhertvopriinoshenie_totema-81645 (дата обращения: 06.08.2020).

жертвенных животных использует анатомический код для оформления социальных структур: род осмысливается как единое тело, его члены как части тела жертвенного животного»².

Таким образом, съесть, проглотить сердце животного есть элемент древнего тюркского ритуала, сведения о котором сохранились в преданиях, обычаях. У казахов существует понятие *жерік*, «когда беременная женщина хочет отведать какой-то особенной пищи. Считалось, что этой пищи жаждет ребенок в утробе, выполнение этого желания обеспечивает полноценность его развития, предопределяет будущее. В эпосе будущая мать батыра обычно желала отведать сердца леопарда, тигра или волка»¹. Батыр — это отважный, сильный воин, который проглотил в утробе матери сердце тотемного животного, обычно волка, и это дало ему отвагу, храбрость и силу.

Следует добавить, что в казахской наивной анатомии отвага и храбрость человека отождествлялись с сердцем мужчины, батыра: *ер жүрек* (дословно ‘сердце мужчины’ в значении ‘смелый’). В тувинском языке также встречается фразеологизм *эр чуректиг* (дословно ‘с мужским сердцем’) в значении ‘смелый’, ‘храбрый’, но так обычно говорят о женщине (Ондар, 2010: 129). Хотя эти фразеологизмы схожи стилистически, грамматически, у тувинцев идиома гендерно ориентирована², таким образом оценивалась смелость женщины: ‘храбрая, как мужчина’.

В сердце, помимо храбрости, смелости, также обитает доброта, бескорыстие.

Казахский язык:

Жақсылық — жүректен, жамандық — білуектен (дословно ‘Доброта — от сердца, подлость — от силы’);

Аузын ашса жүрегі көрінеді (дословно ‘Откроет рот — видно сердце’) в значении ‘добрый, бескорыстный’³;

тувинский язык:

буянный чүрек / чагбан чүректіг ‘добрый, отзывчивый’ (там же: 130).

Сердце является носителем чистоты, мягкости, нежности, эти качества обозначаются прилагательными, которые сочетаются с существительным *жүрек*: *таза / жұмсақ / нәзік жүрек*⁴.

В тувинской наивной анатомии сердце может быть средоточием негативных качеств: трусости, легкомысленности, склонности к шалостям. Так, расположение сердца во рту является симптомом трусости: *ааксында чуректиг* (дословно ‘с сердцем во рту’). А если в сердце поселится воздух, то обладатель его характеризуется как легкомысленный человек: *чүрээ хейлиг хей-дир* (дословно ‘в его сердце есть воздух’) (там же: 129). Безэквивалентными национально-специфическими являются тувинские идиомы, основанные на представлении о том, что сердце может завшиветь, в нем могут поселиться паразиты: *чүрээ быдыыр* (дословно ‘сердце его завшивеет’) в значении ‘валять дурака, шалить, вести себя легкомысленно’), *чүрээ быттыг* (дословно ‘сердце его завшивленное’) в значении ‘дурашливый, шаловливый, легкомысленный’.

Считаем важным отметить типичную для тувинской лингвокультуры взаимосвязь сердца и умственного состояния человека, которая четко прослеживается в семантике ряда идиом, например, согласно словарю, выражение *чүрек аарыы* означает не только болезнь сердца, но и сумасшествие; *чүрээ аарыг* – сумасшедший; крайне легкомысленный; неразумный; *чүрээ аарыыр* — лишаться ума, сходиться с ума; поступать крайне легкомысленно, дурить; *чүрээ багай* – слабоумный (Тувинско-русский словарь, 1968: 551).

Сердце — это сосуд для эмоции-жидкости

Многие исследователи отмечали такую особенность в когнитивном механизме метафоризации эмоций, когда они описываются как жидкость, а внутренний орган — как сосуд для эмоции-жидкости (Davitz, 1969; Kövecses, 1989; Клобуков, 1997 и др.). Иначе говоря, сердце мыслится как сосуд, который может наполняться различными эмоциями-жидкостями.

¹ Наурзбаева, З. (2009) Казахский той как жертвоприношение тотема. URL: https://express-k.kz/news/zhizn/kazakhskiy_toy_kak_zhertvoprinoshenie_totema-81645 (дата обращения: 06.08.2020).

² См. о гендерных стереотипах в тувинской культуре: Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020.

³ Қазақша-орысша сөздік. URL: <https://sozdik.kz/ru> (дата обращения: 20.03.2020).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Такая метафорическая модель больше свойственна тувинскому языкам и в меньшей степени — казахскому. В тувинском языке сердце является хранилищем-сосудом различных чувств: *чүрээнде шыгжап чоруур* (дословно ‘хранит в сердце’) (Ондар, 2010: 127). В казахском языке сердце может быть наполнено только обидой: *ренішке толы жүрек*⁵.

Подобное различие в интерпретации сердца связано с тем, что в казахской наивной анатомии очень значимыми и важными представляются другие внутренние органы, которые и являются носителями остальных эмоций, например, печень — носитель родственной любви, доверия, сопереживания; легкие — ненависти, раздражения, обиды.

Цветовая и динамическая характеристика сердца

Сердце может иметь цвет, по мнению носителей разных культур, причем приписывание определенного цвета имеет культурно-обусловленный характер и не связан с реальным цветом внутреннего органа. Например, в наивной анатомии казахов сердце может быть белым и черным и, соответственно, обозначать различные нравственные качества человека: *ақ жүрек* (дословно ‘белое сердце’) в значении ‘добрый, мягкосердечный, искренний’; *қара жүрек* (дословно ‘черное сердце’) в значении ‘безжалостный, жестокосердный’. Аналогичная цветовая характеристика свойственна сердцу и в тувинской наивной анатомии: *ак чүрек* (дословно ‘белое сердце’) в значении ‘добрый, искренний’; *кара чүрек* (дословно ‘черное сердце’) в значении ‘жестокий, жестокосердный’.

Подобное сходство в родственных тюркских языках основано на близкой культурной трактовке белого и черного цвета как важнейших цветовых символов в восприятии окружающего мира.

Сердце, по мнению казахов, способно перемещаться вверх, например, подниматься к темени, прыгаться во рту, потом возвращаться вниз на место. В тувинском языке сердце также может передвигаться вверх ко рту и может падать вниз. Мы уже упоминали выше, что сильные и неожиданные эмоции описываются как попытка сердца выскочить через рот. Направление движения сердца при неожиданном испуге описывается по-разному в казахском и тувинском языках:

в каз. — вверх до темени (*жүрегі тас төбесіне шықты*, дословно ‘сердце подскочило к темени’) (Кенесбаев, 2007: 121);

в тув. — вверх ко рту (*чүрээ аксынга келген* — дословно ‘сердце подкатило ко рту’), вниз (*чүрээ палырт дээн* — дословно ‘сердце упало’) (Русско-тувинский словарь, 1980: 529).

Замена функций другого внутреннего органа

Важно отметить такую специфическую черту наивной анатомии казахов и тувинцев, когда *жүрек / чүрек* сближается по функциям с желудком и способно испытывать физиологические чувства тошноты, рвоты, сильного голода, см., например, идиомы —

казахские:

жүрегі айну (дословно ‘сердце отказывается’) — испытывать тошноту, тошнить;

жүрегі күпті болу (дословно ‘иметь сердце’) — испытывать чувство тошноты от жирной пищи;

жүрегі қараю (дословно ‘сердце почернело’) — кто-либо очень голоден; сильно проголодаться;

жүрек жалғау (дословно ‘поддержать сердце’) — перекусить, слегка утолить голод;

жүрегім лоблып тұр (дословно ‘у меня сердце тошнит’) — меня тошнит (Кенесбаев, 2007: 121);

тувинские:

чүрээ аарыыр (дословно ‘сердце отказывается’) — тошнить от съеденного сала или выпитого спиртного;

чүрекке дээр (дословно ‘задеть за сердце’) — вызывать тошноту (о съеденном сале), здесь есть и значение ‘надоесть’ (о работе) (Ондар, 2010: 131).

Г. И. Кабакова пишет о том, что «в некоторых традициях органы пищеварения и прежде всего желудок сближаются и даже смешиваются с сердцем, в других — с легкими» (Кабакова, 2015: 133). Фразеологические единицы, сохраняющие ‘физиологическую’ семантику сердца, основаны не на современных научных знаниях о данном органе, а на древних анатомических воззрениях, восходящих к языческим мифам и обрядам.

Принадлежность сердца животным

Человек может обладать сердцем какого-либо животного и, соответственно, наделяться характеристиками, которые ассоциируются в национально-культурных символических представлениях с этим животным. Например:

арыстан жүрегі в значении “храбрый человек” (Султангубиева, 2011b: 197);

*қоян жүрегі*¹, *койгун чүректіг* в значении “трусливый человек” (Ондар, 2010: 130).

В казахском и тувинском языках заяц является эталоном трусости, а эталон храбрости для казахов — лев. Соответствующие ассоциации, связанные с этими животными, закреплены во фразеосемантике сопоставляемых языков. В казахской культуре также функционирует идиома *ит жүрек* (дословно ‘собачье сердце’) в значении “капризный, переменчивый характер”, в которой собака предстает эталоном капризности, непостоянства человека.

Физиологическое состояние сердца при волнении, расстройстве сравнивается в казахском языке с гарцеванием коня: *жүрек аттай тулап тұр* (дословно ‘сердце как конь гарцует’) в значении “сердце трепещет” (Кенесбаев, 2007: 120).

Физические свойства сердца (материал, твердость, температура)

Сердце в наивной анатомии казахов, тувинцев представляется сделанным из разных материалов, прежде всего золота: *алтын жүрек / алдын чүректіг*. Золото во многих культурах является эталоном ценности, как материальной (богатства, плодородия), так и духовной (божественного промысла, мудрости, величия). Лингвокультурная аксиологическая коннотация ценности перекрывает физическое свойство твердости металла и способствует формированию положительно окрашенной семантики “доброта, щедрость, милосердие”. Сердце в воззрениях казахов и тувинцев может быть сделано из камня: *тас жүрек, тас чүректіг* в значении “черствый, беспощадный, жестокий, безжалостный”; а казахи также считают, что сердце может быть сделанным изо льда: *мұз жүрек* в значении “бесчувственный, недобрый, немилосердный, холодный человек” (Бектаев, 1999: 436).

Носители казахского и тувинского языков полагают, что сердце может иметь такие свойства, как мягкость, и обладать температурными показателями — быть теплым, горячим, холодным:

в казахском:

жұмсақ жүрек (дословно ‘мягкое сердце’ в значении «ласковый; добрый»);

жылы жүрек (дословно ‘теплое сердце’ в значении “доброжелательный, радушный, мягкий”);

ыстық жүрек (дословно ‘горячее сердце’ в значении “любящий”)²;

в тувинском:

нымзах чүректіг (дословно ‘мягкое сердце’ в значении “ласковый; мягкий характер”) (Ондар, 2010: 129).

В тувинском языке *чүрек* представляется отчуждаемым от тела предметом, который можно взять в руки, отдать кому-либо: *чүрэн хөлзедир, чүрэн бээр* (дословно ‘брать сердце’), *чүрэн тудар* (дословно ‘взять за сердце’) (Русско-тувинский словарь, 1980: 529).

В тувинском языке также отмечена активно действующая метонимическая модель “внутренний орган вместо места”, в которой сердце *чүрек* обозначает центр чего-либо: *Москва — бистиң Төрэн чуртувустуң чүрээ* (“Москва — сердце нашей Родины”) (Тувинско-русский словарь, 1968: 551).

Сравнение интерпретации понятия жүрек / чүрек в казахском, тувинском языках

Когнитивное осмысление сердца в соответствии с выявленными выше в анализе языковых единиц параметрами представлено ниже в таблице 1.

¹ Қазақша-орысша сөздік. URL: <https://sozdik.kz/ru> (дата обращения: 20.03.2020).

² Там же.

Таблица 1. Параметры когнитивного осмысления понятия жүрек / чүрек в казахском и тувинском языках

Table 1. Parameters of cognitive understanding of the notion of zhyrek / chyrek in Kazakh and Tuvan languages

	Параметры сравнения	Язык	
		Казахский ЖҮРЕК	Тувинский ЧҮРЕК
1	Локализация позитивных эмоций	радость, спокойствие	любовь, спокойствие
2	Локализация негативных эмоций	волнение, беспокойство, переживания, страх, испуг	предчувствие событий, страх, испуг, возбуждение, грусть
3	Локализация позитивных человеческих качеств	смелость, храбрость, доброта, нежность, мягкость, чистота	смелость, храбрость, доброта, мягкость, отзывчивость
4	Локализация негативных человеческих качеств		легкомыслие, трусость
5	Взаимосвязь сердца и умственного состояния человека		болезнь сердца означает сумасшествие, слабоумие
6	Способность к перемещению	вверх к темени при неожиданном испуге; вверх ко рту; вернуться на место	вверх до рта при неожиданном испуге; вниз
7	Возможность отсутствия у человека	возможно (журеқсіз в значении “трусливый, робкий, несмелый”)	возможно (чүрээ чок в значении “ленивый”)
8	Сосуд для эмоций-жидкостей	сосуд для обиды	емкость-хранилище для эмоций
9	Способность иметь цвет	способно иметь белый и черный цвет: ақ жүрек, қара жүрек	способно иметь белый и черный цвет: ак чүрек, кара чүрек
10	Замена функций другого органа	заменяет функции желудка	заменяет функции желудка
11	Принадлежность животному	принадлежит льву, зайцу, собаке	принадлежит зайцу
12	Сердце как отчуждаемый/отделяемый предмет		сердце можно отдать, взять в руки
13	Способность быть сделанным из металла, камня и др. веществ	может быть сделанным из золота, камня	может быть сделанным из золота, камня
14	Обладание свойством мягкости/твердости	способно быть мягким	способно быть мягким
15	Температурные характеристики	может быть теплым, горячим	
16	Обозначение локализации чего-либо в центре		обозначает центр чего-либо

Заклучение

Значимость сердца в наивной анатомии носителей тюркоязычных культур подтверждается комплексом признаков, согласно которым осуществляется их метафорическо-метонимическая интерпретация. Выделенные содержательные параметры дают возможность более детально взглянуть на общность и различие интерпретации *жүрек / чүрек* носителями казахской и тувинской культур. Сопоставительный анализ в двух родственных языках с выделением семантических параметров позволяет сделать следующие выводы.

Сердце подвергается многоаспектной, разносторонней концептуализации в указанных культурах, о чем свидетельствует общее число выделенных параметров — 16. Количество параметров, в которых выражается его когнитивное метафорическо-метонимическое осмысление, в казахском языке — 12, тувинском — 15.

Подчеркнем, что количество параметров, по которым осуществляется метафорическо-метонимическая интерпретация *чүрек*, свидетельствует о важности этого понятия в тувинской лингвокультуре. Казахский и тувинский языки, в силу генетической общности и сходства культур, имеют общие признаки в интерпретации такого внутреннего органа, как сердце: «замена функций другого органа», «способность быть сделанным из других веществ», «обладание свойством мягкости / твердости», цветовая и динамическая характеристики. Действительно, с точки зрения казахов и тувинцев, сердце выполняет некоторые функции желудка — передает голод, насыщение, переедание, тошноту; оно способно иметь белый и черный цвет; передвигаться вверх ко рту и вниз, может быть сделано из камня и золота.

Различие касается таких признаков, как «взаимосвязь сердца и умственного состояния человека», «обозначение локализации чего-либо», «сердце как отчуждаемый предмет», которые свойственны тувинскому языку и отсутствуют в казахском, а также признака «способность иметь температуру», который обнаруживается в казахском языке и отсутствует в тувинском. В представлениях казахов сердце не может содержать негативные человеческие качества, они также не считают, что в сердце могут заключаться такие сильные негативные эмоции, как ненависть, гнев, скорбь, злоба, печаль. Ограничена реализация параметра «сосуд для эмоций-жидкостей»: сердце может быть сосудом только для одной эмоции-жидкости — обиды, в то время как в тувинском — для большого количества эмоций-жидкостей: любви, ненависти, обиды, скорби, печали, счастья, радости, грусти. Параметр «возможность отсутствия у человека» также реализуется у носителей казахской и тувинской культуры по-разному: отсутствие сердца интерпретируется у тувинцев как лень, у казахов — как трусость.

Жүрек — не самый важный орган в казахской наивной анатомии, в которой главным органом признается *бауыр* (печень) (Мусабекова, Культурсынова, 2018), в отличие от тувинской. Это объясняется следующими причинами: сердце не означает важнейшего для социально-экономического уклада казахов понятия, как родство, и, соответственно, не выступает эквивалентом высшей ценности в системе национально-культурных ценностей.

Таким образом, надо признать, что языковые единицы, возникшие в результате действия когнитивного механизма аналогии (метафоры и метонимии) при осмыслении *жүрек / чүрек* как внутреннего органа человека, в значительной степени основаны не на научных знаниях о физиологии и анатомии, а на древних мифологических, языческих воззрениях носителей лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авад, Б. З., Ержан, К. С., Анарбаев, Н. С. (2016) Әбул Қасым ал-Фарабидың (Фариabi) шығармасындағы жүрек түсінігі // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». № 2 (82). С. 11–118. (На каз. яз.)

Ажибекова, М. Е. (2013) Абай поэзиясындағы «жүрек» концептісінің қолданылуын нейролингвистикалық бағдарлау тұрғысынан талдау // «Ғылым және білім — 2013» атты студенттер мен жас ғалымдардың VIII Халықаралық ғылыми конференциясының баяндамалар жинағы. Material list of Eighth International Scientific Conference for students and young scientists «Science and education — 2013». Сборник материалов VIII Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука и образование — 2013». 10 апреля 2013 года. Астана : ЕНУ им. Л. Гумилева. Т. 4. 338 с. С. 6–9.

Бектаев, К. Б. (1999) Үлкен қазақша-орысша, орысша-қазақша сөздік [Большой казахско-русский, русско-казахский словарь]. Алматы : Қазына. 704 с. (На каз. яз.)

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Жукова, Т. В. (2017) Фразеологические обороты с компонентом «животное» в сопоставительном аспекте // Методология и практика научных исследований / отв. ред. М. С. Власов. Бийск : АГПУ им. В. М. Шукшина. 49 с. С. 26–28.

Заяц, И. Г. (2017) Представления о «локализации» эмоций в средневековом языковом сознании (на материале средневековой немецкой литературы) // Филологические науки в России и за рубежом : Материалы V Международной научной конференции / отв. ред. Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина. СПб. : Свое издательство. 82 с. С. 4–6.

Кабакова, Г. И. (2015) «Наивная анатомия» в зеркале языка: пищеварительный тракт [Электронный ресурс] // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 133. URL: <http://hdl.handle.net/10995/38370> (дата обращения: 23.02.2020).

Кеңесбаев, І. К. (2007) Фразеологиялық сөздік [Фразеологический словарь]. Алматы : ҚазАқпарат. 356 б. (На каз. яз.).

Клобуков, П. Е. (1997) Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология. Вып. 2. 124 с. С. 41–47.

Мусабекова, У. А., Культурсынова, Ф. Б. (2018) Национально-культурная специфика репрезентации концепта "ЖҮРЕК" (на материале произведений М. Жолдасбекова) // Neophilology. Vol. 4, no. 16. P. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-16-15-19>

Ондар, Б. К. (2010) Слово «Сердце» («Чүрек») в составе фразеологических и нефразеологических оборотов русского и тувинского языков // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 124–132.

Рассадин, В. И. (1988) О тюркском влиянии на развитие говора нижнеудинских бурят // Проблемы монгольского языкознания: сборник научных трудов / отв. ред. Л. Д. Шагдаров Новосибирск : Наука. 159 с. С. 62–75.

Русско-тувинский словарь (1980): 32 000 слов = Орус-тыва словарь : 32 000 сөстүг / под ред. Д. А. Монгуша. Москва : Русский язык. 560 с.

Султангубиева, А. А. (2011a) Діни әлемдегі жүрек концептінің қызметі (қазақ, орыс, ағылшын тілдерінің материалдары бойынша) // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 2(132). С. 165–167. (На каз. яз.)

Султангубиева, А. А. (2011b) Жүрек концептіндегі «адам жағдайының физикалық көріністері» (қазақ, орыс, ағылшын тілдерінің материалдары бойынша) // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 4 (134). С. 195–198. (На каз. яз.)

Сухорукова, Ю. С. (2017) К вопросу о наивной анатомии сердца во французской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 168–170.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал (1990) / Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Новосибирск : Наука. Сиб. Отделение. 200 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Урысон, Е. В. (2003) Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры. 224 с.

Davitz, J. R. (1969) *The Language of Emotion*. New York : Academic Press. 208 p.

Kövecses, Z. (1989) *Emotion Concepts*. Frankfurt-am-Main : Springer Verlag. 230 p.

Temirgazina, Z., Khamitova, G., Orazalinova, K. (2016) Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. Vol. 7(2). P. 317–326.

Temirgazina, Z. K., Bahtikireeva, U. M., Sinyachkin, V. P. (2017) Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms // Information. Vol. 20, No. 4(A). Pp. 2325–2336.

Temirgazina, Z., Akosheva, M., Shakaman, Y., Shaharman, A., Kurmanova, Z., Kairova, M. (2019) Metaphors in Anatomical Terminology // Space and Culture, India. 7:1. P. 143–153. DOI: <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>

Дата поступления: 12.10.2020 г.

REFERENCES

Avad, B. Z., Yerzhan, K. S. and Anarbaev, N. S. (2016) Abul Qasym al-Farabidañ (Fariabi) shygarmashyndagy zhurek tusinigi [The concept of the heart in the works of Abul Qasym al-Farabi]. *Bulletin of the Karaganda University. Issue "History. Philosophy"*, no. 2 (82), pp. 11–118. (In Kaz.).

Azhibekova, M. E. (2013) Abay poetry sindaky 'zhurek' concept isinin koldanyluyn neurolinguistics bagdarlau tyrgysynan taldau. In: *Sat. materials of the 8th International research conference "Science and Education — 2013"*. Astana, ENU named after L. Gumilyov. Vol. 4. Pp. 6–9. (In Kaz.).

Bektaev, K. B. (1999) *Ulken kazaksha-oryssha, oryssha-kazaksha sozdik [A large Kazakh-Russian and Russian-Kazakh dictionary]*. Almaty, Kazyna.

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*. no. 1, pp. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2> (In Russ.).

Zhukova, T. V. (2017) Frazеologicheskiye oboroty s komponentom «zhivotnoye» v сопоставitel'nom aspekte [Phraseological turns with the “animal” component in a comparative aspect]. In: *Metodologiya i praktika nauchnykh issledovaniy [Methodology and practice of academic research]*. Ed. by M. S. Vlasov. Biysk, AGGPU im. V. M. Shukshina. 49 p. Pp. 26–28. (In Russ.).

Zayats, I. G. (2017) Predstavleniya o «lokalizatsii» emotsiy v srednevekovom yazykovom soznanii (na materiale srednevekovoy nemetskoй literatury) [Representations of “localizing” emotions in medieval linguistic consciousness: the case of medieval German literature]. In: *Filologicheskiye nauki v Rossii i za rubezhom [Philological disciplines in Russia and abroad]*: Proceedings of the 5th International research conference. Ed. by G. A. Kainov and E. I. Osyanin. St. Peterburg, Svoe izdatel'stvo. 82 p. Pp. 4–6. (In Russ.).

Kabakova, G. I. (2015) “Naivnaya anatomiya” v zerkale yazyka: pishchevaritel'nyy trakt [“Naive anatomy” in the mirror of the language: the digestive tract]. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya Ekaterinburg [Ethnolinguistics. Onomatology. Etymology]*: proceedings of the 3rd international research conference Ekaterinburg, September 7–11, 2015. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta [online] Available at: <http://hdl.handle.net/10995/38370> (access date: 03.02.2020).

Kengesbaev, I. K. (2007) *Frazеologiialyқ sөzdik [Phraseological dictionary]*. Almaty, ҚазАқпарат. 356 p. (In Kaz.).

Klobukov, P. E. (1997) Metafora kak kontseptual'naya model' formirovaniya yazyka emotsiy [Metaphor as a conceptual model of the formation of the language of emotions]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya [Language, consciousness, communication]*: collection of articles. Ed. by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov. Moscow, Filologiya. Vol. 2. Pp. 41–47. (In Russ.).

Musabekova, U. A. and Kultursynova, F. B. (2018) National and cultural specifics of representation of the concept „HEART“ (on materials of M. Joldasbekov's works) [National and cultural specifics of concept „JUREK“ representations: the works of M. Zholdasbekov]. *Neophilology*, vol. 4, no. 16, pp. 15–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-16-15-19>.

Ondar, B. K. (2010) Slovo «Serdtsе» («Churek») v sostave frazeologicheskikh i nefrazeologicheskikh oborotov russkogo i tuvinskogo yazykov [The word “Heart” (“Churek”) as part of the phraseological and non-phraseological units of the Russian and Tuvan languages]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki*, no. 1, pp. 124–132. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (1988) O tiurkskom vliianii na razvitiе govora nizhneudinskikh buriat [On the Turkic influence on the development of the dialect of the Lower Udin Buryats]. In: *Problemy mongol'skogo iazykoznaniiya [Problems of Mongolian linguistics]: A collection of articles / ed. by L. D. Shagdarov. Novosibirsk, Nauka. 159 p. Pp. 62–75.*

Russko-tuvinskii slovar' [A Tuvan-Russian dictionary] (1980) / ed. by D. A. Mongush. Moscow, Russkii iazyk. 664 p. (In Russ. and Tuv.).

Sultangubieva, A. A. (2011a) Dini alemdegi zhurek konceptinin kyzmeti (kazak, orys, agylshyn tilderinin materialdary boyinsha) [The role of the concept of the heart in the religious world: the cases of the Kazakh, Russian and English languages]. *Vestnik KazNU. Philological series*, no. 2 (132), pp. 165–167. (In Kaz.).

Sultangubieva, A. A. (2011b) Zhurek konceptindegi “adam zhadaynyk fizikal'nyy kurinisteri” (Kazakh, orys, agylshyn tildernin materialdary boyinsha) [“Physical manifestations of the human condition” in the concept of the heart: the case of the Kazakh, Russian and English languages]. *Vestnik KazNU. Philological series*, no. 4 (134), pp. 195–198. (In Kaz.).

Sukhorukova, Y. S. (2017) K voprosu o naivnoi anatomii serdtsа vo frantsuzskoi frazeologii [On naive anatomy of the heart in French phraseology]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (69): in 3 parts. Part 3, pp. 168–170. (In Russ.).

Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual [The traditional worldview of the Turks of southern Siberia: The sign and ritual] (1990) / ed. Sagalayev, A. M., Oktyabr'skaya, I. V. Novosibirsk, Nauka. 210 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Uryson, E. V. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike [Problems of studying the linguistic world picture: An analogy in semantics]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 224 p. (In Russ.).

Davitz, J. R. (1969) *The Language of Emotion*. New York, Academic Press. 208 p.

Kövecses, Z. (1989) *Emotion Concepts*. Frankfurt-am-Main: Springer Verlag. 230 p.

Temirgazina, Z., Khamitova, G., Orzalinova, K. (2016) Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, no. 7(2), p. 317–326.

Temirgazina, Z. K., Bahtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2017) Artifacts as a source of russian and kazakh Zoological terms. *Information*, vol. 20, no. 4(A), pp. 2325–2336.

Temirgazina, Z., Akosheva, M., Shakaman, Y., Shaharman, A., Kurmanova, Z. and M. Kairova (2019) Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India*, no. 7:1, pp. 143–153. DOI: <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>

Submission date: 12.10.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.19

Статья

Одежда замужней женщины тюрко-монгольских народов Внутренней Азии: образы, функции, значение (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)

Марина М. Содномпилова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Безрукавка женщин тюрко-монгольских народов Внутренней Азии (монголов, ойрат, бурят, тувинцев, якутов, хакасов, алтайцев) — предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития кочевой культуры стало обозначение социального статуса женщины в социуме, определение её этнической принадлежности, магическая защита. Отражением функций воинского облачения выступает традиция укреплять и декорировать лиф безрукавки. Впоследствии эту функцию безрукавки сменила функция магической защиты женщины от злых духов и «нехороших» взглядов.

Часть обозначений безрукавки — тюрко-монгольского происхождения. Но есть и заимствования, свидетельствующие о тесных контактах кочевников с тунгусо-маньчжурскими народами. Ключевое понятие, к которому сводятся почти все названия этой верхней одежды, — «шкура» («кожа», «мех»), что подчеркивает первоначальную функцию безрукавки защищать от холода и атмосферных осадков.

Истоков этой одежды, вероятно, были два ее разных вида: длиннополая безрукавка относилась к верхней распахнутой одежде, другая, короткая, была нательной. Функция последней была стягивать и поддерживать женскую грудь. В процессе своего развития

безрукавка была наделена особым символическим содержанием, став маркером нового социального положения женщины в замужестве, отделив ее от незамужних девушек и вдов. Безрукавка стала символом подчинения женщины семье мужа и его роду в целом.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы; Внутренняя Азия; верхняя одежда; традиционная одежда; безрукавка; женская одежда; монголы; ойраты; буряты; тувинцы; якуты; хакасы; алтайцы

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования:

Содномпилова М. М. Одежда замужней женщины тюрко-монгольских народов Внутренней Азии: образы, функции, значение (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai) // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 272-288. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.19

Содномпилова Марина Михайловна — доктор исторических наук, исследователь лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: sodnompilova@yandex.ru

SODNOMPILOVA, Marina Mikhailovna, Doctor of History, Leading Research Associate, Oriental Studies Interdisciplinary Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0741-0494

Married women's clothing in the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia: images, functions, meaning (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)

Marina M. Sodnompilova

Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The waistcoat traditionally worn by women of the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia (such as Mongols, Oirats, Buryats, Tuvans, Yakuts, the Khakass and the Altai) is a multifunctional subject. Over the course of many hundreds of years of the development of nomadic culture, its main purpose was to designate the social status of women in society, indicate their ethnicity, and provide magical protection. The tradition to enhance and decorate the bodice of a waistcoat goes back to its role as part of the military attire. Subsequently, this function of women's sleeveless jacket gave way to its role as magical protection from evil spirits and "bad" looks.

Some of the words describing the waistcoat or its parts are of Turkic and Mongolic origin, but there are also borrowings testifying to the close contacts between the nomads and the Tungus-Manchu peoples. The key concept to which almost all the names of this outerwear come down is that of "skin, leather, fur", which emphasizes the original function of waistcoat jackets - protecting from cold and precipitation.

The origins of this garment might have combined two diverging types of waistcoat jacket: the long-skirted one was of the upper overalls type, while the other was shorter and worn next to the skin. The function of the latter was to keep together and support the female breast. In the course of its historical modification, the waistcoat jacket acquired special symbolic content and thus became a marker of the new social status a woman achieved in marriage, setting her apart from unmarried girls and widows. The waistcoat jacket became a symbol of the subordination of a woman to her husband's family and his kin.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples; Inner Asia; outerwear; traditional clothes; waistcoat; female garments; Mongols; Oirats; Buryats; Tuvans; Yakuts; Khakass; Altai people

Financing

The study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the leading researcher (project "From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews").

For citation:

Sodnompilova M. M. Odezhda zamuzhnei zhenshchiny tiurko-mongol'skikh narodov Vnutrennei Azii: obrazy, funktsii, znachenie (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai) [Married women's clothing in the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia: images, functions, meaning (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 272-288. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.19

Введение

Традиционная одежда является одним из распространенных объектов исследования в отечественной этнографии, антропологии. Исследования ставили своей целью описание одежды, выявление ее особенностей, указывающих на гендерную, возрастную и этническую принадлежность ее владельца. Не являются исключением работы, посвященные традиционной одежде тюрко-монгольских народов, преимущественно женской и в особенности ее наиболее значимого элемента с точки зрения символического значения — безрукавки. Это широко распространенный тип одежды во Внутренней Азии.

Безрукавка традиционно считается женской одеждой, так как является неотъемлемой частью костюма замужней женщины у многих тюрко-монгольских народов — монголов, ойрат, бурят, тувинцев, якутов, хакасов, алтайцев. Существующие исследования анализируют довольно широкую терминологию, связанную с этим типом одежды, декоративное оформление, ритуальные и утилитарные функции безрукавки (Кон, 1936; Чеснов, 1998; Потапов, 1951; Бадмаева, 1987; Бакаева, 2008; Бутанаев, 1996; Гаврильева, 1998). Сложилась и гипотеза относительно ее символического предназначения, выдвинутая Д. С. Дугаровым (Дугаров, 1983) и поддержанная В. Я. Чесновым (Чеснов, 1998). Однако всякая гипотеза подлежит критическому рассмотрению в свете новых накапливающихся фактов,

которые могут дать материал для углубления и расширения исследования или для пересмотра выдвинутых положений. Сегодня гипотеза Д. С. Дугарова видится нам ошибочной. Отсутствует и целостное представление о развитии этого интересного элемента женского костюма кочевников и его географическом распространении.

Таким образом, целью статьи является более глубокое изучение терминов, обозначающих безрукавку, разновидностей этого вида одежды, всего спектра утилитарных и символических функций этого предмета, которое будет способствовать лучшему пониманию развития этого вида одежды и его функций.

В основе исследования лежат структурно-типологический и структурно-семантический методы изучения явлений культуры. Первый дает возможность при недостаточности источников для анализа элементов костюмного комплекса одного народа привлекать данные из родственных или стадийных культур, второй — выявить смысловое содержание утилитарных, социальных, ритуальных и символических функций безрукавки.

Конструктивные особенности одежды и обозначения

В костюмном комплексе кочевников существовало два основных типа безрукавок:

- 1) короткая и моделируемые на ее основе варианты с пришивной юбкой;
- 2) неотрезная цельнокроенная расклешенная.

Безрукавки встречались повсеместно в среде тюрко-монгольских народов, имея разные обозначения. В среде кочевников этот тип одежды носили и девушки, и мужчины, однако наиболее насыщен символикой женский вариант этой одежды. Комплекс терминов, обозначающий этот предмет одежды в костюмном комплексе, позволяет выявить круг определенных представлений о функциональном назначении безрукавки.

Наиболее распространенный термин в монгольских языках — *ууж* (*Большой академический ...*, 2001: 363). Так обозначают женскую безрукавку узэмчины, дариганга, буряты, халха-монголы (*Монгол улсын ...*, 2012с: 194, 242; *Монгол улсын ...*, 2012а: 189). Отсутствие в монгольском языке близких ему по значению слов и производных наводит на мысль о его заимствовании. Существует предположение Ц. Б. Будаева о его маньчжурском происхождении (*Дамбуева*, 2013: 76). Однако в большей степени вероятно его заимствование из тюркского. Ему близок калмыцкий термин *йіц*, обозначающий шубу, который в свою очередь сопоставим с тюркскими *йіцк* и *йіцк* ('шуба, крытая материей', 'верхняя меховая одежда', 'безрукавка', 'жилет', 'короткая шуба женщины', 'зимний жакет') (*Сравнительно-историческая ...*, 1997: 475). В свою очередь, значение «шуба» в *йіцк* и *имек* может быть вторичным, сформировавшимся на основе переноса части («меховая подкладка») на целое («верхняя одежда, подбитая мехом») (*Севортян*, 1974: 394). Древнейшими значениями *йіц* можно считать понятия «внутренность», «подкладка». Анализ тюркских языков допускает связь тюркского *йіц* с маньчжурским *ичу* 'мех' (на шубу), 'шуба' (там же: 389). В целом, происхождение этого термина требует специальных лингвистических исследований.

У бурятских женщин бытовали длиннополые безрукавки, называемые *морин уужа*. Это сочетание короткой безрукавки с таким элементом одежды, как *хормойкши* (наподники), которые представляли два куска ровдуги, собранные на поясе, спереди и сзади закрывавшие подол (*Бадмаева*, 1987: 66). Такую же безрукавку носили и монгольские женщины (халха, сартулы, дариганга, узэмчины) (*Вяткина*, 1960: 189; *Очирова*, 1986: 162). У агинских бурят короткие безрукавки назывались *оодон уужа*, а длиннополые — *ута уужа* или *хормойтой уужа* (*Линховоин*, 2012: 203).

Другой ряд терминов, обозначающих безрукавку, — *цегедек* (ойраты: калмыки, баяты, дэрбэты, захчины) (*Бакаева*, 2008; *Монгол улсын ...*, 2012b: 87, 454), *сигедек*, *чегедек* (хакасы, алтайцы, теленгиты) (*Тюркские народы ...*, 2006: 519), *шегедек* (тувинцы) (*Сат-Бриль*, 1988: 49; *Баярсайхан*, 2002: 182; *Ховалыг*, 2018: 37), *сээжэбишэ* (буряты), *сээжмэгч* (торгуты) (*Монгол улсын ...*, 2012b: 206). Слова происходят от монгольского *цээж*, *сээжэ* 'грудь' (*Бурятско-русский ...*, 1973: 405; *Большой академический ...*, 2002: 295). Несколько упоминаний *сегедек* в значении «безрукавка» отмечается в источнике монгольского права «Их цааз» XVII в. (*Дыльков*, 1981: 44). Статья документа, посвященная приданому невесты, в которой *цегедек* присутствует как обязательный компонент приданого, указывает, что эта одежда была распространена у монголов задолго до закрепления своего статуса в правовом документе.

Название *цегедек* указывает на одну из первоначальных утилитарных функций безрукавки: Р. Д. Бадмаева полагает, что короткая безрукавка, надеваемая девушками и молодыми женщинами, возможно, была необходима как лиф для стягивания груди и была обязательной принадлежностью женской одежды у кочевых народов. Короткая безрукавка из тонкой кожи относилась к нательному типу одежды. В старинных образцах бурятской длиннополой безрукавки лиф все еще изготавливали из замши, подол — из тонкого сукна (Николаева, Дагданова, 2006: 188). Свидетельством того, что безрукавка у хакасов в прошлом шилась из кожи, выступает название конструктивного элемента хакасского *сигедека* — *чаба*. Это каркас, который делали из четырех слоев ткани, склеенных клейстером, благодаря чему он хорошо сохранял свою форму. Первоначально *чаба* изготавливалась из тонкой кожи. Такой факт подтверждается данными хакасских диалектов, где термин *чаба* (*чама*) сохранился в значении «кожа, шкура» (Бутанаев, 1996: 77).

Очевидно, что данный вид одежды присутствовал в костюмном комплексе многих кочевых народов, включая киргизов и казахов, однако со временем вышел из употребления. В конце XIX–XX в. исследователями фиксируется появление в мужской и женской одежде населения Центральной Азии камзола как новшества, заимствованного из одежды европейских народов (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016: 176; Лобачева, 2001: 77), хотя в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина представлена целая группа терминов, обозначающих короткую безрукавку у киргизов, — *көкюрекче*, *күрмө*, *чермай*, *чыптама* и др. (Юдахин, 1965a: 419, 470; Юдахин, 1965b: 359, 391). Полагаем, что определенную связь с *цегедек*, *чегедек* имеет название распашной рубахи киргизов, казахов, узбеков-кипчак *жегде* (*жейде*, *желге*, *чегде*), древность которой подтверждается сходным названием мужского савана у казахов и киргизов. Такое же название имеют и женские халаты у каракалпаков и узбеков Кашкадарьи (Лобачева, 2006: 63). С. М. Абрамзон обращает особое внимание на сведения Ч. Валиханова о бытовании в прошлом киргизов корсетов, которые носили девушки, называемых *кокузбек*. Термин относится к древнетюркскому и происходит от слова *кокуз* в значении «грудь» (Абрамзон, 1971: 137). Очевидно, что он близок монгольскому *хухэн* в значении «грудь, молочная железа». Киргизское название безрукавки *кокюрекче* созвучно бурятскому *хухэорегшо* (Бадмаева, 1987: 66), т. е. «заворачивающая грудь», что указывает на основную функцию данного вида одежды.

Дэглээ (*дэгэлээ*, *дэгэлэй дабхаса*) — это локальные названия длиннополой безрукавки, распространенной у бурят-эхиритов в Предбайкалье (в Качутском, Ольхонском, Эхирит-Булагатском районах), а также в Забайкалье у баргузинских, закаменских бурят. П. П. Дамбуева относит данный термин к числу прамонгольских, унаследованных от древнейшего состояния языка, с которыми связаны общие названия предметов (Дамбуева, 2013: 77). Закаменские буряты называли *хормой дэглээ* длиннополоую безрукавку, которая считалась праздничной в отличие от короткой безрукавки, называемой *эсэгин уужа*. Именно в *эсэгин уужа* всегда должна находиться невестка в присутствии свекра (Галданова, 1992: 129). Более широко термин *дэглээ* употребляется в монгольских языках по отношению к верхней одежде. Известны следующие варианты данного термина: *дээл* (монг.) (Большой академический ... , 2001: 117), *дэгэл* (бур.) (Бурятско-русский ... , 1973: 215), *дэвл* (калм.) (Бакаева, 2008: 73). Термин *дэгэлээ*, по мнению Р. Д. Бадмаевой, имеет эвенкийские параллели: в старину эвенки носили зимнюю шубу из птичьих шкур, которая называлась *дэкэлик*. Термин в эвенкийско-русском словаре объясняется как производное от *дэкэли* 'утка' (Бадмаева, 1987: 46).

Одежда из птичьих шкур была известна и тюркам. Так, упоминания об использовании птичьих шкур для пошива верхней одежды сохранились в тувинском фольклоре, о чем упоминает Е. Д. Прокофьева, указывая на переводы сказок Л. В. Гребнева (Прокофьева, 2011: 315). С. И. Вайнштейн, фиксируя головные уборы, сшитые из утиных шкур у тувинцев-оленеводов, полагает, что в древности одежда из птичьих шкур была широко распространена у «лесных» племен Саян (Вайнштейн, 1961: 115). Речь, вероятно, идет об особой зимней одежде *чагы*¹ (там же: 113; Вайнштейн, 1991: 165). Варианты этого слова в других тюркских и монгольском языке — *jaŋqi*, *daqi*, *žaqi* (Сравнительно-историческая ... , 2006: 481). Слово происходит от др.-уйг. *jaŋ* 'идти, падать' (о любых атмосферных осадках) (там же: 361). Широкая распашная одежда чуть ниже колена с разрезом сзади была наиболее удобна для всадника при дальних поездках. Эта разновидность дорожной одежды у тувинцев, но уже сшитая из меха, практически исчезла в начале XX в. (Прокофьева, 2011: 316). Память о бытовании в прошлом

¹ Примечательно, что в дореволюционной этнографической литературе, как пишет И. Е. Тугутов, бурятская женская безрукавка *уужа* фиксируется совсем под другим названием — *шугай* (Тугутов, 1958: 121). Это название, безусловно, имеет общее происхождение с тувинским *чагы*.

уникальной одежды из птичьих перьев сохранилась в среде киргизов (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016: 169). По-видимому, главной функцией одежды из птичьих шкурок или перьев была защита от дождя и снега, а не сохранение тепла.

Хубайхи / хубайси — неотрезная цельнокроенная безрукавка, расклешенная с разрезом впереди, использовавшаяся в костюмном комплексе предбайкальских бурят (хонгодоров, булагатов). С. П. Балдаев склонен считать, что этот вид одежды появился у них в середине XIX в. (Балдаев, 1959: 56). Любопытную интерпретацию слова *хубайси* дал в свое время Д. С. Дугаров. По его мнению, последний слог *си (хи)* в слове *хубайси* является суффиксом принадлежности. Отбросив его, мы получаем слово *хубай* (як. *хубай* — ‘лебедь’); таким образом, якутское *Хубай хатун* и бурятское *Хобоши хатун* означает одно и то же: «лебедь-царица» или «лебедь-женщина», которое, как мы выяснили, является тотемным именем девы-оборотня лебеда. А вместе с суффиксом *си (хи)* слово *хубайси* означает лебяжье (оперение или одежда). Это та самая одежда, которую похитил легендарный предок хоринцев Хоридой мэргэн и тем самым заставил деву выйти за него замуж. Однако Д. С. Дугаров ориентируется только на якутскую версию обозначения лебеда (Дугаров, 1983: 108), не учитывая, что он не связан с общетюркским *qıyı* ‘лебедь’ (Древнетюркский словарь, 1969: 464), что делает его интерпретацию сомнительной. Наиболее близким бурятскому термину *хубайхи / qıbayıki / xıbaıxi* является монгольский термин *xıba degel* ‘ меховая одежда без покрытия’ (Lessing, 1960: 976; Этимологический словарь..., 2018: 62). В основе *xıba* и *xıbaıxi*, по-видимому, лежит глагол **xub-/*xuba* ‘одевать, покрывать’, сравн. *qıbča* — калм. ‘одежда’, *qıbčar* — зап. бур. ‘ковер, коврик (из обрезков голенной части лошадиной шкуры)’. В случае с *qıbayki / xıbaıxi* производной от глагола является основа *qıbayı / xıbai* и архаичный монгольский генитив -**ki* (Роппе, 1955: 187).

Более редкий термин, обозначающий короткую безрукавку, — *хантааз, хантууза, кантазы* — стал фиксироваться в качестве мужской одежды среди халха-монголов, тувинцев и даже бурят Забайкалья в конце XIX — начале XX в. Согласно П. П. Дамбуевой, это слово — заимствование из китайского языка в значении «меховой жилет» (Дамбуева, 2013: 75). Китайской ее называли и закаменские буряты (Галданова, 1992: 130). Существуют мнения, что безрукавки под названием *курмэ* и *кантазы* появились в одежде знатных монголов и тувинцев в эпоху маньчжурского владычества как обязательная одежда чиновников (Прокофьева, 2011: 317; Кон, 1936: 114). Очевидно, что влияние маньчжурской формы чиновников ввело в моду короткие безрукавки в состав мужского костюма у закаменных, агинских бурят. Л. Линховоин отмечает, что в среде агинских бурят в начале XX в. молодые люди из зажиточных семей завели «моду» на безрукавки, плотно облегающие тело, которые назывались *хантууза*: «Носили их зимой тоже поверх дыгылов» (Линховоин, 2012: 204).

Вместе с тем, Л. П. Потапову удалось выявить, что в богатых тувинских семьях молодая невестка все же надевала особую женскую одежду, называемую *кандазы* (Потапов, 1969: 243). Вероятно, это отголосок былых традиций, которые были утрачены в тувинском обществе. О больших изменениях в одежде сойотов (тувинцев) писал Ф. Кон, отмечая, что всего лет за 40–50 до его экспедиции женская шуба имела сходство с качинской, но уже в начале XX в. ее полностью сменила одежда монголо-бурятского покроя (Кон, 1936: 112). Очевидно, что в тувинском обществе безрукавка становится частью костюма только зажиточной части населения и уходит из быта бедного большинства, как и многие другие элементы самой дорогой свадебной одежды — *баштангы, чавага*.

В комплексе разных видов верхней женской одежды тюрко-монголов без рукавов необходимо отметить якутскую нарядную свадебную шубу *тангалай*, которая была неотъемлемой частью костюма невесты и молодой женщины. Фасон *тангалай* обнаруживает сходство с безрукавками алтайцев, хакасов, бурят и особенно с бурятской безрукавкой *дэгэлэй* (Гаврильева, 1998: 43). Конструктивной особенностью этой верхней одежды являются короткие рукава. *Тангалай* входил как основной предмет в приданое невесты. Богатая невеста шила несколько *тангалаев*, принося их в подарок духам местности по пути следования свадебного поезда.

Декоративное оформление безрукавки

Женская безрукавка является наиболее этно-дифференцирующим элементом женского костюма, детали которой имеют ярко выраженное символическое значение. Это наиболее нарядная часть женского костюмного комплекса, которая украшалась вышивкой, позументом, крученными цветными шнурами, аппликациями, бахромой, кисточками. Нарядные безрукавки шили обычно из самой дорогой ткани — шелка, плиса, парчи, ровдуги (Бакаева, 2008: 92; Бутанаев, 1996: 77). Узэмчины, барга осо-

бенно ценили китайские орнаментированные ткани с позитивной символикой — *пуузэн хээ*, *алт хээ* (Монгол улсын ... , 2012с: 194). Якуты оторачивали полы, борта, рукава, воротник дорожными мехами, украшали серебром и бисером (Гаврильева, 1998: 43–45).

Своим декоративным оформлением особо выделяются бурятские безрукавки. Одним из первых сведений о декоративном оформлении безрукавки были заметки Георги, описавшего в XVIII в. бурятскую безрукавку: «В других же поколениях вошло в употребление носить сверх кафтанов маленькие душегрейки, коих спинки испрещены змеиными головками, бисером, шнурками и брякушками» (цит. по: Бадмаева, 1987: 17)).

В XIX — начале XX в. были зафиксированы безрукавки *дэгэлээ* верхоленских бурят, декоративное оформление которых заметно отличается от обычных приемов декорирования одежды. Места соединения верха и низа безрукавки, пройму, спинку, вырез ворота, вырез на груди окаймляли полосками сукна и кожи с металлическими литыми пластинами из олова, латуни и нашитыми монетами в окладе. В оформлении *дэгэлээ* применяли кожаные полоски с металлическими нашивками, которые располагались также на бортах и плечиках. В нагрудной части безрукавки закрепляли пластины стреловидной формы. По бортам безрукавки — горизонтально расположенные пластины. Прямоугольники из латуни предбайкальские буряты называли польским серебром, и нашивались они на безрукавки более бедной части населения (Тугутов, 1958: 121). Линия талии выделялась металлическими подвесками *оноо*¹, состоящими из прямоугольных фигурных пластин, к которым в свою очередь подвешивались круглые или фигурные пластины, закреплялись они на кожаной основе (Бадмаева, 1987: 66, 97). Украшением *дэгэлээ* также служили полоски сукна или бархата с нашитыми на них перламутровыми пуговицами *эрзин тобишо*, которыми декорировали лиф и подол нарядных безрукавок, сшитых из ткани. Такая форма декоративного оформления представляется наиболее архаичной и, на наш взгляд, указывает на защитные функции металлических пластин, что свидетельствует о подобии безрукавки воинскому облачению. Металл в несъемных украшениях верхней плечевой одежды встречается у многих народов Сибири. Со временем металлические подвески вышли из употребления. Причины, по которым металл постепенно вышел из употребления, были разными: в частности, это запрет на производство металлических изделий и их продажу коренному населению в процессе освоения русскими Сибири (Федорова, 2005: 166).

Более поздними вариантами декоративного оформления безрукавок представляется традиция использовать вместо металлических пластин монеты разного достоинства *хадалга*, перламутровые пуговицы *эржэн*, *эрзин*. Монеты оправлялись в золото или серебро; они могли перемежаться с коралловыми бусами. Пришивались на расстоянии, равном диаметру самой монеты, а чаще — впритык друг к другу. Для закрепления монет на изделии в них делали дырки или же пришивали целые монеты крест-накрест, закрепляя нитками (Николаева, Дагданова, 2006: 190).

Якутский *тангалай* шили из ровдуги, расшивали бисером, украшали драгоценными мехами. Шитье *тангалай* занимало много времени, но без него невеста не могла показываться свекру и старшим родственникам мужа. Поэтому свадьба иногда откладывалась, если *тангалай* не был готов. *Тангалай* сплошь расшивался бисером рисунками под «ёлочку» (Захарова, 2004: 168, 169), а ранее сам крой *тангалай сон* представлял собой композицию из продолговатых меховых пластин, сшиваемых «ёлочкой» (Васильев, 1995: 108). Однако этот рисунок у кочевников ассоциировался отнюдь не с деревом, а с нёбом: словом *тангалай* в бурятском языке обозначается нёбо (Бурятско-русский ... , 1973: 413), в монгольском языке нёбо называлось *тагнай* (Большой академический ... , 2001: 176). В декоративном искусстве монголов существовал орнамент *тагнай*, напоминающий рисунок ёлочной ветви. У якутов подобный орнамент именовался *тангалай ойуу*. Известен был такой орнамент узбекам, казахам, киргизам. В тюрко-монгольской традиции хорошо известна такая мудрость — если девочки / девушки будут грызть нёбо скота, то они будут хорошими мастерицами (там же: 176; Бутанаев, 2003: 62). Якутский *тангалай* также свидетельствует в пользу нашего предположения о принадлежности безрукавки воинскому облачению. Ф. Ф. Васильев склонен видеть в якутской свадебной шубе *тангалай сон* производную форму якутского воинского облачения *тангалай куйах* — пластинчатого ламинарного доспеха. Панцири этого типа были распространены у монгольских народов, но позднее их сменили более эффективные

¹ Первоначальное значение термина *оноо* — разрезы в нижней части безрукавки, которые делались с боков и сзади. Разрезы доходили иногда до пояса. Термин распространен в монгольских языках и был известен якутам, которые так же называли разрезы на одежде, а впоследствии — клиновидные вставки, складки, заменившие разрезы (Петрова, 2006: 56).

ламеллярные доспехи. Известны они были и другим народам Центральной Азии, Восточной Сибири и Дальнего Востока, надолго задержавшись у японцев (Васильев, 1995: 108).

Таким образом, данные о традициях декоративного оформления этого типа одежды вскрывают еще одно очень важное предназначение безрукавки — выступать в качестве элемента воинского облачения. Впоследствии украшения одежды, в том числе и орнаментальные мотивы, как считает Н. В. Кочешков, стали носить магический характер: они были призваны защищать женщину от нападения злых духов (Кочешков, 1997: 43). В кочевой культуре идея физической защиты тела, особенно спины как наиболее уязвимой части тела, проявляется в традициях декорирования спинки одежды невесты и маленьких членов социума. У монголов дети носят на одежде и поясе амулеты-обереги. К числу их относятся бубенчики, пришиваемые на плечи и спинку одежды, красные и желтые бусы, монеты (Вяткина, 1960: 195). Якуты вешали на спину свадебной шубы невесты украшение *дъайаа*, вышивали особые защитные узоры — изображение орла, ствол мирового древа (Петрова, 2006: 20). Обереги были наиболее характерной чертой детской одежды у киргизов, туркмен (Асанканов, Брусина, Жапаров, 2016: 188; Фиельструп, 2002: 86).

Социальные функции безрукавки

Безрукавка костюмного комплекса населения исследуемого региона — предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития кочевой культуры, помимо функции маркера этнической принадлежности, стало обозначение социального статуса женщины в социуме. Нарядная безрукавка стала основным элементом костюма замужней женщины. В народе считалось, что женщина не должна была показывать высокому Небу волосы, а широкой Земле — спину: «ундэр тэнгэридэ ороё харуулхагуй, улэгхи дэлхэйдэ араа хараалхагуй» (Хангалов, 1958: 263). Поэтому голова женщины всегда была покрыта шапочкой, а спина — безрукавкой¹. Монголы, говоря о замужней женщине, иной раз просто подчеркивали наличие у нее безрукавки — *уужтай* ‘в безрукавке’, т. е. «замужняя». Подобного рода гендерные или социальные определения в целом характерны для монгольского языка. Например, о представительницах женского пола вообще могли сказать *бүсгүй* — ‘беспоясая’, т. е. женщина, так как в монгольской культуре пояс носили только мужчины.

У разных этнических групп тюрко-монгольских народов облачение девушки в безрукавку означает обретение ею статуса замужней женщины. Этнографические материалы XIX — середины XX в. показывают, что эта деталь одежды входила в состав приданого невесты у большинства исследуемых народов. Известны и более ранние сведения, указывающие, что безрукавка входила в состав приданого монгольской невесты вместе с другой одеждой. В памятнике монгольского права 1640 г. «Великое уложение» в статье № 52 говорится, что приданное невесты зажиточного сословия должно состоять «из десяти /штук/ одежды (платьев) сшитых, двадцати отрезков несшитых, седла, узды, шубы, безрукавки...»; простых людей — «коня, верблюда, шубы, безрукавки, седла и узды» (Дылыков, 1981: 18, 19).

Отличные от них свадебные традиции фиксируются у урянха Монголии и уратов Внутренней Монголии КНР. У уратов Внутренней Монголии невеста в доме отца жениха после завершения обряда поклонения бурханам, огню очага, родителям и родственникам жениха получает в дар от его родителей обязательный элемент костюмного комплекса замужней женщины — безрукавку *уужинхай* или ткань (Наранбат, 1992: 65). В традиции монгольских урянха было принято, чтобы женский костюм невесты шила мать жениха. С. Бадамхатан пишет, что у урянхайцев в период подготовки к свадьбе мать жениха привозит с собой материал для шитья халатов, который и кроит вместе с матерью невесты. После этого она сама шьет женский халат для невесты (Бадамхатан, 2004: 193). Полагаем, что этот обычай является отголоском когда-то существовавшей повсеместно в тюрко-монгольском мире традиции, согласно которой сторона жениха наделяла девушку полным костюмом замужней женщины. Он был наделен характерными этническими чертами рода жениха и выступал его маркером.

У некоторых монгольских народов рудименты этой древней традиции сохранились в отношении украшений, предназначенных для невесты. В традиции калмыков комплект украшений, состоящий из крупных серег и токугов, должен был в качестве свадебного подарка преподнести невесте ее же-

¹ М. Н. Хангалов, описывая наряд замужней женщины предбайкальских бурят, отмечает, что «она никогда не снимает своей шапки и на нее всегда должен быть надет капор, по-бурятски *хамжул*, который одевается поверх шубы. Этот *хамжул* покрывает только спину» (Хангалов, 1958: 263).

них (Бакаева, 2008: 128). У сартулов мать жениха в обряде укладывания женской прически дарила новобрачной накосные украшения (Очирова, 1986: 173). Буряты Монголии изготавливали женские украшения для невесты из материалов, которые предоставляли родители жениха (Вяткина, 1960: 223). Кроме того, формируя невесте прическу замужней женщины, использовали предметы, принадлежащие членам семьи жениха: волосы невесты сартулы расчесывали гребнем, принадлежащим матери жениха (Очирова, 1986: 116). Ураты в аналогичном обряде касались головы невесты ножом жениха или его отца (Наранбат, 1992: 66). Полагаем, что когда-то в прошлом вся одежда и украшения, предназначенные невесте, должны были готовиться в роду ее будущего мужа.

Выходя замуж, женщина становилась частью нового для нее рода и должна была отныне носить одежду и украшения рода мужа. При этом она лишалась предметов-символов, маркирующих ее принадлежность к роду отца. Об этом свидетельствует сохранившийся у сартулов элемент свадебной обрядности, который утрачен у других монгольских народов: украшения, снятые с девичьих волос, отдавали матери невесты (Очирова, 1986: 159–176). В самом выразительном варианте идея принадлежности девичьих украшений роду ее отца присутствует у тюрков Южной Сибири: у теленгитов части украшений девичьей прически (бусины, раковины) раздавались присутствующим на свадьбе. У хакасов невеста дарила бусины девушкам, расплетавшим ей косы (Михайлова, 2005: 98).

Выйдя замуж, женщина уже не снимала безрукавку. Особенно недопустимым считалось находиться без полного женского одевания среди мужчин-родственников мужа. Только находясь в своем доме, она могла ходить без безрукавки и головного убора, освобождаясь от строгого контроля со стороны родственников мужа. На этот счет известна интересная монгольская поговорка — *уужгуй авгайн дотор уужуу* 'у женщины, снявшей безрукавку, и на душе свободно' (Большой академический ..., 2001: 364), которая вполне объективно отражает реальность нелегкого положения женщины в монгольском обществе. Алтайским женщинам тяжелый *чегедек*, состоящий из нескольких слоев склеенной ткани, мешал свободно двигаться и работать (Тошцакова, 1958: 123).

У некоторых тюркских и монгольских народов соблюдается строгий запрет показываться без полного одевания замужней женщины и при встрече с почитаемой в роду мужа птицей. Особенно ярко эта традиция проявляется у бурят и якутов. Так, женщины-бурятки из племени хори почитали лебедей, увидев их пролетающими над домом, облачались в безрукавку и надевали головной убор. Женщины-якутки при встрече с почитаемой птицей надевали *тангалай сон* — узорную нарядную безрукавку из ровдуги (Попов, 1949: 281). Подобным образом женщины-невестки Намского улуса, Эльгетского наслега почитали лебедя, невестки хоринских родов почитали ворона, эгинцы почитали ястреба (Захарова, 2004: 232, 175).

Как главный маркер социального статуса замужней женщины безрукавка не соответствовала положению вдовы у некоторых тюркских народов. Так, у хакасов и алтайцев вдова не носила безрукавку (Бутанаев, 1996: 85), облачаясь в особую вдовью одежду *чуба* (Потапов, 1951: 27). Если вдова у южных алтайцев, близких этнических родственников тувинцев, выходила замуж, то она вновь одевала *чегедек*, а если умирала вдовой, то ее хоронили в *чегедеке*, так как, по верованиям шаманистов-алтайцев, она должна была в загробной жизни снова соединиться с мужем и поэтому ей полагалось быть в *чегедеке* (там же: 29). Такие же взгляды разделяли и теленгиты (Тюркские народы ..., 2006: 519). Якуты, согласно материалам археологических изысканий, хоронили женщин в полном облачении, одевая покойницу в лучшие одежды — *таналай* и несколько шуб (Бравина, 1996: 62). Очевидно, что подобные традиции были и у монголов в добуддийский период: хоронить умерших было принято в том, что они носили.

Длиннополую безрукавку, обозначаемую как *уужа*, *чегедек*, *чегедек*, запрещалось носить и девушкам. Этого элемента одежды не было в девичьей одежде тюрко-монголов исследуемого региона.

В монгольской культуре безрукавка настолько прочно слилась с образом замужней женщины, что какие-либо ассоциации с ней мужчины считались позором. По сведениям Н. Витсена, буряты и монголы никогда не надевают одежду, головной убор и обувь женщины. Если мужчина все же сделает это, «то он весьма обесчестит себя. Тогда повсюду его презирают и он не смеет являться к честным людям. Каждый избегает его общества» (Хамарханов, 1988: 158). Эти взгляды нашли отражение в правовой культуре средневековых монголов. В известном монгольском правовом памятнике «Их цааз» (Великое уложение) статья № 14 гласит: «Вообще, если человек (воин) сбежит с поля боя — надеть ему женскую безрукавку» (Дылыков, 1981: 15). Суровые последствия этого публичного наказания нам уже известны.

Противоположное наказание применяли по отношению к женщине, которая отказала в ночлеге государственному посланцу. Статья № 37 «Великого уложения» гласит, что у провинившейся женщины

следовало взять безрукавку, «но если она будет ссылаться на какие-нибудь причины /для отказа/, то привести ее к присяге (шихага)» (там же: 17). При этом в статье подчеркивается, что наказание применялось по отношению к бездетной женщине.

Таким образом, в социальном аспекте облачение в женскую одежду означало лишение женщины ее свободы и полное подчинение семье ее мужа¹, выражающееся даже в ограничении ее движений. Эта идея хорошо просматривается на примере женской одежды тюрко-монголов. Так, сложно признать рациональным и удобным громоздкий традиционный головной убор казахских и киргизских женщин, который они должны были регулярно стирать для сохранения его белизны, что весьма непросто в условиях кочевого быта. Названия головных уборов бурятских женщин, которые они должны были носить в замужестве, — *даруулга* (от *дараха* — ‘давить’), *татурга* (от *татаха* — ‘стягивать’) — также содержат идею сдерживания и ограничения физической свободы женщины. О намерении ограничить женщину в движении свидетельствует и хакасская свадебная шуба. Ее конструктивные особенности отличаются избыточностью и не соответствуют понятиям «практичный» и «удобный». Свадебная хакасская шуба *идегтик-тон* по подолу на уровне колен прошивалась жильными нитками, формируя перехваты (путы) из мелких сборок, которые стягивали подол и мешали ходить (Бутанаев, 1999: 155).

Символика одежды

Безрукавка, несмотря на наличие повседневных и праздничных форм, безусловно, является обрядовой одеждой. Как и любой предмет, сформировавшийся в традиционной культуре, безрукавка помимо утилитарной функции, обладает глубоким символическим содержанием.

В костюмном комплексе кочевников женская безрукавка является одним из самых многозначных и насыщенных символическими элементами. В культуре тюрко-монгольских народов с этим типом одежды связывается идея утраты девушкой свободы. Связь женщины и особенно девушки с птицей — довольно распространенный мотив в архаичной культуре. Эта связь широко представлена и в фольклоре тюрко-монгольских народов: сюжеты преданий, сказок, эпосов изобилуют образами женщин и девушек-птиц. Это, прежде всего, прародительницы многих родов и племен — девушки-лебеди, девушки-стерхи, девушки-кукушки. В бурятских преданиях встречаются сюжеты о превращении девушки-сироты, обижаемой мачехой, женой брата в птицу; связь с птицей обнаруживают образы бурятских лесных духов *муу-шубуун* (Хангалов, 1960: 37–39). В представлениях якутов женщина могла избавиться от внебрачной беременности, искупавшись в проруби, — так поступает девочка из якутского предания и превращается в кулика. Коршун также прежде был девушкой, который потерял человеческий облик из-за проклятия (Алексеев, 2004: 233, 242). Птицей в колпачке иносказательно называли невесту хакасы (Бутанаев, 1999: 155). Сюжеты бурятских эпосов и преданий свидетельствуют, что обретение девушками птичьего облика было вполне обычным делом. В бурятском эпосе «Алтан шагай хубуун» дочь земного хана, суженая главного героя, решив, что жених ее не достоин, надевает птичью одежду и улетает на небо (Бурчина, 2007: 210).

Известные сюжеты о неземных прародителях содержат не только идею о божественном происхождении некоторых племен. Отчасти они, вероятно, отражают факты иноэтничной принадлежности девушек-птиц, девушек-оленей. Наиболее наглядно эта мысль проявляется в образе девушек-перелетных птиц. Перелетные птицы особо почитались жителями северных земель. Птицы возвращались с жаркого юга, из тех мест, о которых долгое время сохранялись далекие от реальности представления.

¹ Идея подчинения невестки членам семьи мужа проявляется также и в некоторых свадебных обычаях, выявленных Н. В. Лобачевой у большой группы тюркских народов, унаследовавших традиции кипчакской культуры (казахов, киргизов, части узбеков): это набрасывание хомута на невесту перед отъездом в дом жениха (Лобачева, 2006: 48). Примечательно, что сходные элементы фиксируются в свадебной обрядности монгольских народов. Наиболее часто принадлежности конского снаряжения фиксируются у предбайкальских бурят. В одном случае невеста, кланяясь, бросает свекрови ошейник коня — «это означает, что невеста теперь будет привязана к своему хозяйству и мужу как ошейником» (Хангалов, 1959: 102), в других случаях невеста, делая подношение *хаялга* свекру и другим его родственникам, дарит им узду. Узда в данном случае, как разъясняет М. Н. Хангалов, означает полное послушание невестки как обузданного коня (там же: 87). В свадебной обрядности уратов Внутренней Монголии невесте в процессе формирования женской прически надевают на голову недоуздок и сразу снимают. «Значение этого обряда заключается в символическом усмирении невесты» (Наранбат, 1992: 66).

Как справедливо считает В. Я. Чеснов, тело девушки в традиционном мировоззрении отличается незрелостью и нестабильностью и легко поддается трансформации, превращаясь в лебедя, лягушку, змею (Чеснов, 1998: 220). С чем связана подобная нестабильность? На наш взгляд, статус девушки в традиционных обществах тюрков и монголов был двойным: с одной стороны, она принадлежала роду своего отца, с другой стороны, она относилась к древнему материнскому роду, представляющего природу в лице животных тотемов и не только (в якутских преданиях девушки-девственницы превращаются в деревья, оружие, становятся невидимыми). На преобразование ее статуса, связанного не только с ее переходом из одной группы в другую, но и ее переводом из природного состояния в мир людей, и были направлены действия семьи жениха на протяжении всего процесса свадебного цикла. В комплекс этих действий входили подарки жениха невесте, включая основные — одежду и украшения замужней женщины, имянаречение (невестке могли дать новое имя). Кроме того, по мнению В. Я. Чеснова, дары жениха в свадебном обряде «завершают» физическое формирование невесты как полноценной женщины (там же). В то же время эти преобразования подразумевают и лишение девушки ее прежнего образа. Какими они могли быть?

Генеалогические предания многих тюркских и монгольских народов содержат сюжеты о прародительницах родов и племен из числа птиц, животных, пресмыкающихся, земноводных. Основной идеей этих преданий выступает запрет мужу неземной женщины наблюдать за ней, когда она этого не знает. Однако муж всегда нарушает запрет.

В хакасском предании в доме одного мужчины вдруг появляется красивая девушка и активно принимается за работу по хозяйству. «Мужчина сразу же поспешил войти в дом. Красавица не ожидала его увидеть и с укором ему сказала: „Ты пришел в тот момент, когда я еще не успела до конца заплести свои волосы. Поэтому нам не суждено прожить вместе всю жизнь“» (Бурнаков В., Бурнаков А., 2019: 119). Впоследствии она покидает его, прожив с ним несколько лет и родив двух детей. В киргизском предании о рогатой матери девушка-олень просит своего мужа всегда предупреждать ее о своем приходе покашливанием. Нарушив ее запрет, он видит в своем жилище резвящуюся самку оленя и лишается жены (Абрамзон, 1971: 283). Супруга-лебедь Баба-Тукласа, героя сказания «Едигей», запрещает своему мужу смотреть, как она расчесывается, смотреть на ее ноги, когда она разувается (Абрамзон, 1977). Известно, что этикет кочевников строго запрещал женщине демонстрировать мужчинам распущенные волосы, обнаженные ноги, руки и спину — далеко не самые сексуальные части тела. Соблюдая эти запреты, замужняя женщина старалась не показывать спину свекру и, даже выходя из юрты, шла до дверей, пятясь назад (Тоццакова, 1958: 139). Напрашивается вывод, что табу смотреть на эти части женского тела обоснованы другими причинами — очевидно, религиозно-мифологическими. Полагая, что запрет, выдвигаемый неземной женой, связан с нежеланием показывать те части тела, которые указывают на ее нечеловеческую природу. Скрывать запретные части тела женщины от посторонних глаз, в том числе и от глаз мужа, и были призваны некоторые детали одежды. Головной убор должен был скрывать рожки, обувь — лапки, специальные приспособления (чехлы) — волосы.

Учитывая, что замужней женщине вменялось прикрывать спину, полагаем, что в религиозно-мифологическом контексте подразумевалось, что безрукавка должна была скрывать крылья женщины. Облечение в безрукавку замужней женщины в символическом аспекте соответствовало лишению девушки-птицы ее крыльев, либо их сокрытие. Вероятно, что с крыльями ассоциировались лопатки девушки. В этой связи уместно уточнение в одной из версий выражения, запрещающего замужней женщине показывать спину: «Лопатку земле нельзя показывать, макушку небу нельзя показывать» (Манжигеев, 1960: 159). Данная идея подтверждается исследованиями якутской одежды. Как считает Р. С. Гаврильева, замужняя женщина теряла свою вольную жизнь, и свидетельством этого в костюмном комплексе якутской женщины выступали короткие рукава мехового кафтана *таналай*, которые олицетворяли обрезанные крылья птицы (Гаврильева, 1998: 66).

В контексте этой идеи интерпретация термина *хубайси*, выдвинутая Д. С. Дугаровым, очевидно, неверна (Дугаров, 1983: 111). Его предположение, что безрукавка была той самой одеждой небесной девы, которую украл Хоридой и тем самым лишил ее возможности летать, противоречит статусу безрукавки как детали костюма замужней женщины. По сюжету предания, только получив свои девичьи одежды и освободившись от безрукавки, жена Хоридоя смогла улететь на небо. Напомним, что девушкам, а в некоторых традициях и вдовам (у хакасов), запрещалось носить безрукавку (Бустанаев, 1996: 77).

Заключение

Безрукавка женщин тюрко-монгольских народов Внутренней Азии — предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития кочевой культуры стало обозначение социального статуса женщины в социуме, определение её этнической принадлежности, магическая защита. Отражением функций воинского облачения выступает традиция укреплять и декорировать лиф безрукавки. Даже с распространением тканей лиф продолжали шить из ровдуги, замши и только сверху покрывали тканью, шили из склеенной в несколько рядов ткани, плотно простегивали декоративными швами и отделявали серебряными бляхами либо монетами. Эта функцию безрукавки сменила функция магической защиты женщины от злых духов и «нехороших» взглядов.

Ряд терминов, которыми обозначалась безрукавка — тюрко-монгольского происхождения, но есть и заимствования, свидетельствующие о тесных контактах кочевников с тунгусо-маньчжурскими народами. У истоков этой одежды, вероятно, были два ее разных вида: длиннополая безрукавка относилась к верхней распашной одежде, другая, короткая, была нательной. Функция последней заключалась в том, чтобы стягивать и поддерживать женскую грудь.

Одеждой, предшествующей длиннополому варианту безрукавки, вероятно, была меховая накидка с широкими полами, которая в процессе развития изменила свой внешний вид. Основной ее функцией была защита от холода и атмосферных осадков. Об этом свидетельствует ряд терминов, которые сводятся к понятию «меховой жилет». Самый длинный вариант безрукавки — когда она была не ниже колена. Ключевой конструктивной особенностью были симметричные полы, разрезы по бокам и сзади. Полагаем, что этот вид одежды был широко распространен в разных регионах Азии, видоизменялся и вновь завоевывал прежние места своего распространения. В. Я. Чеснов предположил, что конструктивные детали этой верхней одежды, а именно боковые разрезы до талии, указывают на то, что безрукавка появилась вместе с наездничеством. Этот вид одежды зафиксирован, по мнению исследователей, в наскальных изображениях Минусинской котловины, оставленных в раннем железном веке вероятными предками хакасов (Чеснов, 1998: 223).

Меховая накидка преобразовалась в поясную одежду, ставшую наиболее востребованной у казахов, киргизов, узбеков. *Белдемчи / белдемше* имел вид распашной юбки на широком поясе, которую в прошлом носили и мужчины¹, судя по данным эпоса «Манас» (Лобачева, 2006: 69; Сухарева, 1979: 97). Полагаем, что подобная поясная одежда функционировала как часть воинского облачения в совокупности с верхним компонентом, напоминающим безрукавку, и только впоследствии вошла в состав обычной повседневной одежды. Данный вид поясной одежды Н. П. Лобачева считает частью костюма кипчаков, этнического образования, вошедшего в процессе этногенеза в состав нескольких народов Центральной Азии. Однако ареал распространения одежды, предшествующей *белдемчи*, был гораздо шире, а происхождение — более древним. Свидетельством этого является один важный ритуальный предмет бурятского женского костюмного комплекса. В свадебном обряде предбайкальских бурят ключевым ритуальным предметом, которому поклонялись жених и невеста была шуба матери жениха — наследие периода охотничьего быта бурят. Эта шуба, по описанию М. Н. Хангалова, была «скорее юбкой, сшитой из волчьих лап, так называемый бэлэбши; эту юбку в прежнее время носили женщины во время зэгэтэ-аба. Бэлэбши носили сверх шубы...» (Хангалов, 1958: 270). Безусловно, и *бэлэбши*, и *белдемчи* являются версиями одного и того же вида одежды, и сходство их названий неслучайно. К этой группе верхней одежды относится и якутский набедренник *бэлэпчи*, который носили и женщины, и мужчины (Петрова, 2006: 44–45). Название этот вид одежды получил от тюркского *бэл* — 'поясница'. В костюме монгольских народов подобная поясная одежда не фиксируется. Есть только сведения, что у забайкальских бурят одежда, представлявшая два куска ровдуги или ткани, собранные на поясе, была известна под названием *хормойкши* (наподники), от *хормой* 'подол' (Бадмаева, 1987: 66).

Таким образом, ареал первоначального распространения этой поясной одежды становится очень широким. Предполагается, что эта одежда распространилась из территории, освоенной древней тюркоязычной общностью, — предками курыкан и енисейских кыргызов (Петрова, 2006: 45). Наличие этой детали костюма у якутов и предбайкальских бурят указывает пути миграции тюркских племен в древности. Впоследствии у большей части населения Внутренней Азии этот предмет вышел из употребления, сохранив ритуальную значимость (у бурят), в то время как у многих тюркских народов

¹ Наличие этого вида верхней одежды в мужском и женском костюмном комплексе в прошлом указывает его на архаичность (Сухарева, 1979: 79).

Центральной Азии он сохранился в женском костюме и считался ее важным элементом, маркируя статус замужней женщины и матери.

Длиннополая безрукавка с пришитыми полами, очевидно, появилась в женском костюме тюрко-монгольских народов Внутренней Азии позднее и представляет собой комбинацию короткой безрукавки и поясной одежды, которая стала более комфортной, сохранив основные черты и функции — не мешать верховой езде и сохранять тепло.

В процессе своего развития безрукавка была наделена особым символическим содержанием, став маркером нового социального положения женщины в замужестве, отделив ее от незамужних девушек и вдов. Безрукавка стала символом подчинения женщины семье мужа и его роду в целом.

Особый религиозно-мифологический подтекст, раскрывающий образы девушек как принадлежащих матери-Природе членов общества, способных изменить свой облик и исчезнуть, обосновал период запрета визуальных контактов с молодой невесткой со стороны мужчин-родственников мужа. Этот период охватывал обычно три дня, но нередко растягивался до рождения невесткой первенца. У якутов свекр не мог лицезреть невестку три года. Это период не случаен: это время перехода женщины из природного состояния в человеческое измерение. Полагаем, что такие детали женского костюмного комплекса, как безрукавка и головной убор, должны были обеспечить возможность видеть нового члена семьи мужу и его родственникам без каких-либо негативных последствий для невестки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон, С. М. (1971) Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука. 400 с.
- Абрамзон, С. М. (1977) Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. 200 с. С. 154–164.
- Алексеев, Н. А. (2004) (сост.) Якутские мифы. Новосибирск: Наука. 451 с.
- Асанканов, А. А., Брусина, О. И., Жапаров, А. З. (2016) Кыргызы. М. : Наука. 623 с.
- Бадамхатан, С. (2004) О свадебных обрядах урянхайцев // Эрдэм шинжилгээний бүтээлүүд [Собрание научных трудов]. II боть / отв. ред. Б. Бадма-Оюу. Улаанбаатар : Согоонуур. 278 с. С. 191–198.
- Бадмаева, Р. Д. (1987) Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 142 с.
- Бакаева, Э. П. (2008) Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста : Герел. 189 с.
- Балдаев, С. П. (1959) Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 179 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001): в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. III. 440 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь (2002): в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. Т. IV. 506 с.
- Бравина, Р. И. (1996) Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). Якутск: Изд-во Якутского ун-та. 231 с.
- Бурнаков, В. А., Бурнаков, А. А. (2019) Реликты культа змеи у хакасов в конце XIX — середине XX века // Археология, этнография и антропология Евразии Т. 47. № 2. С. 117–125. DOI: <https://www.doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.122-130>
- Бурчина, Д. А. (2007) Героический эпос унгинских бурят. Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск : Наука. 544 с.
- Бурятско-русский словарь (1973) / сост. К. М. Черемисов. М. : Советская энциклопедия. 803 с.
- Бутанаев, В. Я. (1996) Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакасское книжное издательство. 222 с.
- Бутанаев, В. Я. (1999) Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия. 240 с.
- Бутанаев, В. Я. (2003) Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского госуниверситета. 260 с.
- Баярсайхан, Б. (2002) О некоторых лексических особенностях языка центральско-тувинцев Северо-западной Монголии // Ученые записки тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XIX / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл: Типография Госкомитета по печати и информации Республики Тыва. 328 с. С. 179–187
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во Восточной литературы. 217 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Васильев, Ф. Ф. (1995) Военное дело якутов. Якутск : Бичик. 221 с.
- Вяткина, К. В. (1960) Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник / отв. ред. О. Л. Вильчевский. М. ; Л.: Наука. 271 с. С. 159–269.

- Гаврильева, Р. С. (1998) Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск: Наука. 144 с.
- Галданова, Г. Р. (1992) Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука. 173 с.
- Дамбуева, П. П. (2013) Лексика традиционной бурятской одежды. Общемонгольский фонд и его пополнение // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков. Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию профессора В. И. Золхоева / отв. ред. М. В. Егодурова. Улан-Удэ : Изд-во БГУ. 244 с. С. 69–78.
- Дугаров, Д. С. (1983) Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Советская этнография. № 5. С. 104–113.
- Древнетюркский словарь (1969) / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука. 676 с.
- Дылыков, С. Д. (1981) Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / транслит. сводн. ойр. текста, реконструированный монг. текст и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М. : Наука, ГРВЛ. 148 с.
- Захарова, А. Е. (2004) Архаическая ритуально-обрядовая символика народа Саха. Новосибирск : Наука. 312 с.
- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет. 2-е изд. М. : Советский писатель. Т. 3–4. 344 с.
- Кочешков, Н. В. (1997) Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX в. СПб. : Наука. 176 с.
- Лобачева, Н. П. (2001) Особенности костюма Среднеазиатского-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. / отв. ред. В. И. Бушков. М. : Наука. 244 с. С. 69–97.
- Лобачева, Н. П. (2006) Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатского-Казахстанского региона (по материалам середины XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V / отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М. : Наука. 286 с. С. 47–95.
- Линховоин, Л. (2012) Лодон багшын дэбтэрхэ. Материалы на бурятском и русском языках. Улан-Удэ : Монгол-буриад ном. 384 с.
- Манжигеев, И. М. (1960) Янгутский бурятский род (Опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 232 с.
- Михайлова, Е. А. (2005) Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. 341 с. С. 12–120.
- Монгол Улсын угсаатны зүй (2012a) Улаанбаатар : Монсудар. I боть. Халхын угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). 536 с. (На монг. яз.)
- Монгол Улсын угсаатны зүй (2012b) Улаанбаатар : Монсудар. II боть. Ойрадын угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). 534 с. (На монг. яз.)
- Монгол Улсын угсаатны зүй (2012c). Улаанбаатар : Монсудар. III боть. Монгол, түрэг, хамниган овогтны угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). 448 с. (На монг. яз.)
- Наранбат, У. (1992) Свадебный обряд уратов Внутренней Монголии // Традиционная обрядность монгольских народов / отв. ред. К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука. 157 с. С. 56–71.
- Николаева, Д. А., Дагданова, М. Б. (2006) Традиционный женский костюм и украшения бурят // В мире традиционной культуры бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 228 с. С. 176–228.
- Очирова, Г. Н. (1986) Свадебный обряд сартулов Монголии и Бурятии // Традиционная культура народов Центральной Азии / отв. ред. К. М. Герасимова. Новосибирск : Наука. 176 с. С. 159–176.
- Петрова, С. И. (2006) Свадебный наряд якутов. Традиции и реконструкция. Новосибирск : Наука. 104 с.
- Попов, А. А. (1949) Материалы по истории религии якутов бывшего Вилкойского округа // Сборник музея археологии и этнографии. Т. IX / отв. ред. С. П. Толстов М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 257–323.
- Потапов, Л. П. (1951) Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 13. С. 5–59.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.
- Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.
- Сат-Бриль, Л. Ш. (1988) Традиционная одежда тувинцев // Культура тувинцев: традиции и современность / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 152 с. С. 41–50.
- Севортян, Э. В. (1974) Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука. 767 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (1997) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 800 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (2006) / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука. 908 с.

Сухарева, О. А. (1979) Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии / отв. ред. О. А. Сухарева. М. : Наука. 237 с. С. 77–103.

Тошчакова, Е. М. (1958) Алтайская женщина в дореволюционном прошлом // Ученые записки. Вып. 2. Горно-Алтайск : Горно-Алтайск. кн. изд-во. С. 108–141.

Тугутов, И. Е. (1958) Материальная культура бурят. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 214 с.

Тюркские народы Сибири (2006) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М. : Наука. 678 с.

Фиельструп, Ф. А. (2002) Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука. 298 с.

Федорова, Е. Г. (2005) Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) // Украшения народов Сибири / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН. 341 с. С. 120–170.

Хамарханов, А. З. (1988) О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов / отв. ред. Д. Д. Нимаев. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР. 161 с. С. 128–143.

Хангалов, М. Н. (1958) Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. Т. I. 550 с.

Хангалов, М. Н. (1959) Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. Т. II. 443 с.

Хангалов, М. Н. (1960) Собрание сочинений: в 3 т. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. Т. III. 420 с.

Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука ; НГОПО Союза писателей России. 336 с.

Чеснов, В. Я. (1998) Лекции по исторической этнологии : учебное пособие. М. : Гардарика. 400 с.

Этимологический словарь монгольских языков (2018): в 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М. : ИВ РАН. Т. III. 240 с.

Юдахин, К. К. (1965a) Киргизско-русский словарь : в 2 кн. М. : Советская энциклопедия. Кн. 1. 503 с.

Юдахин, К. К. (1965b) Киргизско-русский словарь : в 2 кн. М. : Советская энциклопедия. Кн. 2. 474 с.

Lessing, F. D. (1960) (Ed.) Mongolian–English dictionary. Comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, F. D. Lessing. Berkeley and Los Angeles : University of California Press. 1086 p.

Poppe, N. (1955) Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seuran. 300 p.

Дата поступления: 20.10.2020 г.

REFERENCES

Abramzon, S. M. (1971) *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye sviazi [Kirghiz people and their ethnogenetic and historical-cultural connections]*. Leningrad, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Abramzon, S. M. (1977) Fol'klornye motivy v kirgizskikh predaniiakh genealogicheskogo tsikla [Folklore motifs in the Kyrgyz legends of the genealogical cycle]. In: *Fol'klor i etnografiia. Sviazi fol'klora s drevnimi predstavleniiami i obriadami [Folklore and ethnography. Connections between folklore with ancient representations and rites]* / ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka. 200 p. Pp. 154–164. (In Russ.).

Alekseev, N. A. (2004) (comp.) *Yakutskie mify [Yakut myths]*. Novosibirsk, Nauka. 451 p. (In Russ.).

Asankanov, A. A., Brusina O. I. and Zhaparov A. Z. (2016) *Kyrgyzy [The Kyrgyz people]*. Moscow, Nauka. 623 p. (In Russ.).

Badamkhatan, S. (2004) O svadebnykh obriadakh uriankhaitsev [On wedding ceremonies of Uriankhai people]. In: *Er-dem shinzhilgeenii büteeliüüd [A collection of scientific papers]*. II bot' / ed. by B. Badma-Oiuu Ulaanbaatar, Sogoonuur. 278 p. Pp. 191–198. (In Russ.).

Badmaeva, R. D. (1987) *Buriatskii narodnyi kostium [Buryat folk costume]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 142 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2008) *Odezhdа v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika [Clothing in the Kalmyk culture: traditions and symbols]*. Elista, Gerel. 189 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1959) *Buriatskie svadebnye obriady [Buryat wedding rites]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 179 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The large academic Mongolian-Russian dictionary] (2002): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.).

Bravina, R. I. (1996) *Pogrebal'nyi obriad iakutov (XVII–XIX vv.) [Funeral rite of the Yakuts: 17th – 19th centuries.]*. Yakutsk, Izd-vo Yakutskogo un-ta. 231 p. (In Russ.).

Burnakov, V. A. and Burnakov, A. A. (2019) Relikty kul'ta zmei u khakasov v kontse XIX — seredine XX veka [Relics of the snake cult among the Khakass from the end of 19th to mid-20th century]. *Archaeology, ethnology & anthropology of Eurasia*, vol. 47, no. 2, pp. 117–125. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.122-130>

Burchina, D. A. (2007) *Geroicheskiĭ epos ungiŋskikh buriat. Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov* [The heroic epic of the Ungyn Buryats: Index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka. 544 p. (In Russ.).

Buriatsko-russkii slovar' [A Buryat-Russian dictionary] (1973) / comp. by K. M. Cheremisov. Moscow, Sov. entsiklopediia. 803 p. (In Russ.).

Butanaev, V. Ya. (1996) *Traditsionnaia kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of the Khakass]. Abakan, Khakass book publishing house. 222 p. (In Russ.).

Butanaev, V. Ya. (1999) *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskiĭ slovar'* [A Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, Khakassia. 240 p. (In Russ.).

Baiarsaikhan, B. (2002) O nekotorykh leksicheskikh osobennostiakh iazyka tsengel'skikh tuvintsev Severo-zapadnoi Mongolii [On some lexical features of the language of the Tseleng Tuvs of North-Western Mongolia]. *Uchenye zapiski tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ*, Vol. XIX / ed. by V. D. Mart-ool. Kyzyl, Printing house of the state Committee for press and information of the Republic of Tuva. 328 p. Pp. 179–187. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu tuvs: historical and ethnographic essays]. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The world of nomads of the center of Asia]. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Vasil'ev, F. F. (1995) *Voennoe delo iakutov* [Military art among the Yakuts]. Yakutsk, Bichik. 221 p. (In Russ.).

Viatkina, K. V. (1960) Mongoly Mongol'skoi Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of the Mongolian People's Republic: Materials of the historical and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences and the Committee of Sciences of the MPR 1948–1949]. In: *Vostochno-Aziatskii etnograficheskiĭ sbornik* [East Asian ethnographic collection] / ed. by O. L. Vil'chevskii. Moscow, Leningrad, Nauka. 271 p. Pp. 159–269. (In Russ.).

Gavril'eva, R. S. (1998) *Odezhda naroda sakha kontsa XVII — serediny XVIII veka* [Clothing of the Sakha people from the late 17th — mid-18th century]. Novosibirsk, Nauka. 144 p. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1992) *Zakamenskii buriaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraia polovina XIX — pervaiia polovina XX v.)* [Zakamensk Buryats: Historical and ethnographic essays (2nd half of the 19th — 1st half of the 20th century)]. Novosibirsk, Nauka. 173 p. (In Russ.).

Dambueva, P. P. (2013) Leksika traditsionnoi buriatskoi odezhdy. Obshchemongol'skii fond i ego popolnenie [Vocabulary of traditional Buryat clothing. Common Mongolian base and its replenishment]. In: *Aktual'nye problemy sinkhronii i diakhronii raznostrukturykh iazykov* [Urgent issues of synchrony and diachrony of differently structured languages]. Proceedings of all-Russian scientific conference devoted to 85th anniversary of Professor V. I. Zoloeva / ed. by M. V. Egodurova. Ulan-Ude, BGU Publ. 244 p. Pp. 69–78. (In Russ.).

Dugarov, D. S. (1983) Lebed' v ornamente zhenskogo kostiuma tiurko-mongol'skikh narodov [The swan in the female costume ornament of the Turkic-Mongolian peoples]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 104–113. (In Russ.).

Drevnetiurkskii slovar' [A dictionary of Old Turkic] (1969) / ed. by V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.).

Dylykov, S. D. (1981) *Ikh tsaaz. Pamiatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. Oiratskii tekst* [“the Great code”: in the monument of Mongolian feudal law of the XVII century. The Oirat text] / transl. by S. D. Dylykov. Moscow, Nauka, GRVL. 148 p. (In Russ.).

Zakharova, A. E. (2004) *Arkhaicheskaia ritual'no-obriadovaia simbolika naroda Sakha* [Archaic ritual and ritual symbolism of the Sakha people]. Novosibirsk, Nauka. 312 p. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (1936) *Za piat' desiat let* [In fifty years]. 2nd ed. Vol. 3–4. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ. 344 p. (In Russ.).

Kocheshkov, N. V. (1997) *Tiurko-mongoly i tunguso-man'chzhury. Problemy istoriko-kul'turnykh sviazei na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva XIX–XX v.* [Turko-Mongols and Tungus-Manchus. Problems of historical and cultural connections and decorative folk art of the 19th — early 20th century]. St. Petersburg, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Lobacheva, N. P. (2001) Osobennosti kostiuma Sredneaziatskogo-Kazahstanskogo regiona [Features of the costume of the Central Asia-Kazakhstan region]. In: *Sredneaziatskii etnograficheskiĭ sbornik* [Central Asian ethnographic collection]. Vol. IV. / ed. by V. I. Bushkov. Moscow, Nauka. 244 p. Pp. 69–97. (In Russ.).

Lobacheva, N. P. (2006) Otrazhenie etnogeneticheskoi istorii v material'noi i dukhovnoi kul'ture narodov Sredneaziatskogo-Kazahstanskogo regiona (po materialam serediny XX veka) [Reflection of ethnogenetic history in the material and spiritual culture of the peoples of the Central Asia-Kazakhstan region: from the mid-20th century materials]. In: *Sredneaziatskii etnograficheskiĭ sbornik* [Central Asian ethnographic collection]. Vol. V / ed. by S. N. Abashin and V. I. Bushkov. Moscow, Nauka. 286 p. Pp. 47–95. (In Russ.).

Linkhovoin, L. (2012) *Lodon bagshyn debterhe. Materialy na buriatskom i ruskom iazykakh* [Lodon basin debtera. Materials in Buryat and Russian languages]. Ulan-Ude, Mongol-buriad nom. 384 p. (In Russ.).

Manzhigeev, I. M. (1960) *Iangutskii buriatskii rod (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia) [Yanguty Buryat families: a historical and ethnographic study]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 232 p. (In Russ.).

Mikhailova, E. A. (2005) S'emnye ukrasheniia narodov Sibiri [Removable ornaments among the peoples of Siberia]. In: *Ukrasheniia narodov Sibiri [Ornaments of the peoples of Siberia]* / ed. by L. R. Pavlinskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 341 p. Pp. 12–120. (In Russ.).

Mongol Ulsyn ugsaatny ziii [Ethnography Of Mongolia] (2012a) Ulaanbaatar : Monsudar. Vol. 1. Khalkhyn ugsaatny ziii (XIX–XX zuuny zaag ue) [Ethnography of Khalkha (19th-20th centuries)]. 536 p. (In Mong.)

Mongol Ulsyn ugsaatny ziii [Ethnography Of Mongolia] (2012b) Ulaanbaatar : Monsudar. Vol. 2. Oiradyn ugsaatny ziii (XIX–XX zuuny zaag ue) [Ethnography of the Oirats (19th-20th centuries)]. 534 p. (In Mong.)

Mongol Ulsyn ugsaatny ziii [Ethnography Of Mongolia] (2012c) Ulaanbaatar : Monsudar. Vol. 3. Mongol, türeg, khamnigan ovogtny ugsaatny ziii (XIX–XX zuuny zaag ue) [Ethnography of the Mongolian, Turkic and hungaski groups (19th-20th centuries)]. 448 p. (In Mong.)

Naranbat, U. (1992) Svadebnyi obriad uratov Vnutrennei Mongolii [Wedding ceremony of the urats of Inner Mongolia]. In: *Traditsionnaia obriadnost' mongol'skikh narodov [The traditional rites of the Mongol peoples]* / ed. by K. M. Gerasimova. Novosibirsk, Nauka. 157 p. Pp. 56–71. (In Russ.).

Nikolaeva, D. A. and Dagdanova M. B. (2006) Traditsionnyi zhenskii kostium i ukrasheniia buriat [Traditional Buryat women's costume and jewelry]. In: *V mire traditsionnoi kul'tury buriat [In the world of traditional culture of the Buryats]* / ed. by T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN. 228 p. Pp. 176–228. (In Russ.).

Ochirova, G. N. (1986) Svadebnyi obriad sartulov Mongolii i Buriatii [Wedding ceremony of sartuls of Mongolia and Buryatia]. In: *Traditsionnaia kul'tura narodov Tsentral'noi Azii [Traditional culture of the peoples of Central Asia]* / ed. by K. M. Gerasimova. Novosibirsk, Nauka. 176 p. Pp. 159–176. (In Russ.).

Petrova, S. I. (2006) *Svadebnyi nariad iakutov. Traditsii i rekonstruktsiia [Wedding dress of the Yakuts. Traditions and reconstruction]*. Novosibirsk, Nauka. 104 p. (In Russ.).

Popov, A. A. (1949) Materialy po istorii religii iakutov byvshego Viliuiskogo okruga [Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilyuysky okrug]. In: *Sbornik muzeia arkheologii i etnografii [Collection of articles by the Museum of Archaeology and Ethnography]*. Vol. IX / ed. by S. P. Tolstov Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. Pp. 257–323. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1951) Odezhda altaitsev [The attire of the Altai people]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 13, pp. 5–59. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The process of national consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Sat-Bril', L. Sh. (1988) Traditsionnaia odezhda tuvintsev [Tuvan traditional attire]. In: *Kul'tura tuvintsev: traditsii i sovremennost' [Culture of Tuvans: traditions and modernity]* / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tipografiia Goskomizdata Tuvinskoii ASSR. 152 p. Pp. 41–50. (In Russ.).

Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar': Obshcheturkskie i mezhturkskie osnovy na glasnye [An etymological dictionary: common Turkic and inter-Turkic vowel bases]*. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (1997) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.).

Sukhareva, O. A. (1979) Opyt analiza pokroev traditsionnoi «tunikoobraznoi» sredneaziatskoi odezhdy v plane istorii i evoliutsii [A study of the cut of traditional “tunic-like” Central Asian clothing in terms of history and evolution]. In: *Kostium narodov Srednei Azii [Costume of the peoples of Central Asia]* / ed. by O. A. Sukhareva. Moscow, Nauka. 237 p. Pp. 77–103. (In Russ.).

Toshchakova, E. M. (1958) Altaiskaia zhenshchina v dorevoliutsionnom proshlom [Altai woman in the pre-revolutionary past]. In: *Uchenye zapiski*. Vol. 2. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk. kn. izd-vo. Pp. 108–141. (In Russ.).

Tugutov, I. E. (1958) *Material'naia kul'tura buriat [Material culture of the Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 214 p. (In Russ.).

Tiurkskie narody Sibiri [Turkic peoples of Siberia] (2006) / ed. by D. A. Funk and N. A. Tomilov. Moscow, Nauka. 678 p. (In Russ.).

Fiel'strup, F. A. (2002) *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka [From the ritual life of the Kyrgyz of the early twentieth century]*. Moscow, Nauka. 298 p. (In Russ.).

Fedorova, E. G. (2005) Ukrasheniia verkhnei plechevoi odezhdy narodov Sibiri (narody Priamur'ia, Primor'ia, Sakhalina, dolgany, iakuty, narody Iuzhnoi Sibiri) [Ornaments of the upper shoulder clothing of the peoples of Siberia: the Amur region, Primorye, Sakhalin, Dolgans, Yakuts, peoples of southern Siberia]. In: *Ukrasheniia narodov Sibiri [Ornaments of the peoples of Siberia]* / ed. by L. R. Pavlinskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 341 p. Pp. 120–170. (In Russ.).

Khamarkhanov, A. Z. (1988) O kul'ture i byte mongol'skikh narodov v trude N. Vitsena «Severnaia i Vostochnaia Tartariia» [On the culture and life of the Mongolian peoples in N. Witsen's “Northern and Eastern Tartary”]. In: *Kul'turno-*

bytovye traditsii buriat i mongolov [Cultural and everyday traditions of the Buryats and Mongols] / ed. by D. D. Nimaev. Ulan-Ude, BF SO AN SSSR. 161 p. Pp. 128–143. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1958) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. Vol. I. 550 p. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1959) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. Vol. II. 443 p. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (1960) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 3 vols. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. Vol. III. 420 p. (In Russ.).

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvinskaia traditsionnaia odezhda [Tuvan traditional clothing]*. Novosibirsk, Nauka, NGOPO Soiuza pisatelei Rossii. 336 p. (In Russ.).

Chesnov, V. Ya. (1998) *Lektsii po istoricheskoi etnologii [Lectures in historical ethnology]* : a textbook. Moscow, Gardarika. 400 p. (In Russ.).

Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages] (2018): in 3 vols. / ed. by G. D. Sanzheev, ed. and comp. by L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin and Ya. D. Leman. Moscow, IV RAN. Vol. III. 240 p. (In Russ.).

Yudakhin, K. K. (1965a) *Kirgizsko-russkii slovar' [A Kyrgyz-Russian dictionary]* : in 2 books. Moscow, Sov. entsiklopediia. Book 1. 503 p. (In Russ.).

Yudakhin, K. K. (1965b) *Kirgizsko-russkii slovar' [A Kyrgyz-Russian dictionary]* : in 2 books. Moscow, Sov. entsiklopediia. Book 2. 474 p. (In Russ.).

Lessing, F. D. (1960) (Ed.) *Mongolian–English dictionary*. Comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing. Berkeley, Los Angeles, University of California Press. 1086 p.

Poppe, N. (1955) *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki, Suomalais-Ugrilaisen Seuran. 300 p.

Submission date: 20.10.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.4.20

Статья

Традиции собирательства в фольклоре калмыков и тувинцев

Эльза П. Бакаева, Александра Т. Баянова, Виктория В. Куканова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Настоящая работа посвящена особому виду хозяйствования некоторых народов Центральной Азии — собирательству. Предки тувинцев и ойратов относились в прошлом к «лесным» народам, поэтому в их культуре должны сохраниться те или иные традиции собирательства. Цель статьи — проанализировать на примере фольклора калмыков и тувинцев, как в фольклоре народов Центральной Азии сохраняются традиции такого древнего способа хозяйствования, как собирательство, а также выявить особенности традиционных представлений, связанных с мотивами собирательства. Материалом для анализа послужили фольклорные тексты разных жанров (в основном сказочные и эпические тексты). Это составляет новизну проведенного исследования, поскольку имеется большое количество этнографических материалов, содержащих в той или иной степени описание собирательства.

В результате анализа фольклорных материалов авторы пришли к выводу, что в фольклорных текстах минимально сохранились реликты собирательства, но, тем не менее, они все же там имеются. Тувинцы в большей степени их сохранили — в отличие от калмыков, которые не только сменили природную зону с тайги на степь, но и мигрировали на значительное расстояние от родины предков (из Центральной Азии в Нижнее Поволжье). Видимо, этот фактор и способствовал утрате упоминаний элементов древнего типа хозяйствования.

В тувинском фольклоре прослеживаются архаические традиции собирательства, которые в текстах связываются с примитивным состоянием общества и деятельностью персонажей — культурных героев. Собирательский труд связывается с женскими персонажами, и занятия сбором растений мужчинами порицаются либо осуществляются в особых ситуациях. В поздние времена собирательство было занятием беднейшего населения.

В калмыцких фольклорных текстах обнаруживается типологический сюжет о пребывании в архаическом состоянии, в изначальном мире, для которого характерны скудность пропитания, «травяная кибитка», отверженное состояние, непризнание обществом. Героям необходимо преодоление границы между этим изначальным миром и обществом, в котором занимаются скотоводством, чтобы обрести счастье и богатство.

Богатство в фольклорных текстах, содержащих материалы о примитивных занятиях охотой и собирательством, связывается с появлением одомашненных животных, что, несомненно, является влиянием ценностей культуры калмыков и тувинцев.

Ключевые слова: собирательство; традиция собирательства; лесные народы; калмыки; тувинцы; калмыцкий фольклор; тувинский фольклор; сравнительный анализ

Статья подготовлена по проекту «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира» при поддержке мегагранта Правительства РФ (Соглашение о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий в соответствии с пунктом 4 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации № 075-15-2019-1879 от 3 декабря 2019 г.).

Для цитирования:

Бакаева Э. П., Баянова А. Т., Куканова В. В. Традиции собирательства в фольклоре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 289-301. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.20

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: ebakayeva@yandex.ru

Баянова Александра Тагировна — младший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: ale-bayanova@yandex.ru

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, исследователь лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: vika.kukanova@gmail.com

The tradition of foraging in Kalmyk and Tuvan folklore

Elza P. Bakaeva, Alexandra T. Bayanova, Victoria V. Kukanova

Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

This article is devoted to foraging as a type of economy specific for certain peoples of Central Asia. Ancestors of Tuvans and Oirats followed the “forest” type of economy, and their descendants must have preserved some of the foraging traditions. The authors aim to analyze the Kalmyk and Tuvan folklore for surviving traditions of foraging as an ancient type of Central Asian economy. The article also describes foraging-related details of traditional worldview. The study focuses on folklore texts of various genres, largely on fairy tales and epic. The ethnographic materials which contain descriptions of foraging are quite abundant.

The study helped the authors arrive at a conclusion that although the folklore texts show only a few traces of foraging, some do indeed survive. Tuvans have preserved more of them, while Kalmyks both changed their climatic zone (from taiga to the steppe) and migrated far away from their ancestral lands, from Central Asia to the Lower Volga. This is the factor which must have removed most of the mentions of the old type of economy.

Tuvan folklore features some of the archaic traditions of foraging which the texts link to primitive society and the cultural heroes of the folklore traditions. Foraging is usually associated with female characters, and gathering plants for men was a reproachable activity, allowed only under special circumstances. Later foraging became typical for the poorest part of the population.

Kalmyk folklore texts feature a plot of a staying in archaic conditions in the original world, with its typical features, such as the scarcity of food, the ‘wagon of grass’, the reprobate state, or lack of social recognition. Characters had to cross the border between the original world and the social world in order to take up cattle breeding to achieve welfare and happiness.

In the folklore texts containing information on primeval hunting and foraging, welfare is linked to the domestication of animals, which reveals the influence of the values of Kalmyk and Tuvan culture.

Keywords: foraging; foraging tradition; “forest” economy; Kalmyks; Tuvans; Kalmyk folklore; Tuvan folklore; comparative study

Financing

The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist – project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

For citation:

Bakaeva E. P., Bayanova A. T. and Kukanova V. V. Traditsii sobirateľ'stva v fol'klore kalmykov i tuvintsev [The tradition of foraging in Kalmyk and Tuvan folklore]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 4, pp. 289-301. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.20

BAKAEVA, Elza Petrovna, Doctor of History, Leading Research Fellow, Oriental Studies Interdisciplinary Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06. E-mail: ebakaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5188-1202

BAYANOVA, Aleksandra Tagirovna, Junior Research Fellow, Oriental Studies Interdisciplinary Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5689-6454

KUKANOVA, Viktoria Vasilevna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Oriental Studies Interdisciplinary Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7696-4151

Введение

Тувинцы и ойраты, часть которых стала этническими предками калмыков, известны в истории Центральной Азии как народы, издавна занимавшиеся кочевым скотоводством. Этот хозяйственно-культурный тип являлся доминирующим у калмыков до 1920-х гг.; среди тувинцев кочевые традиции сохранялись и до середины XX в.

Как отмечал С. Ю. Неклюдов, «лесной» период и контакты с тюркскими племенами отражены в мифологии ойратов и калмыков в большей степени, чем у других монгольских народов (Неклюдов, 1988). Это мнение примечательно, ведь предки современных калмыков много веков назад освоили степные пространства. Фольклор других в прошлом относившихся к «лесным» народов, не менявших столь кардинально территории своего расселения, тем более сохранил связь с этим периодом.

Известно, что охота как тип хозяйства связана с традициями собирательства как присваивающего хозяйства. В культуре народов, относившихся в прошлом к «лесным», должны сохраняться традиции собирательства.

Цель статьи — проанализировать на примере фольклора калмыков и тувинцев, как в фольклоре народов Центральной Азии сохраняются традиции такого древнего способа хозяйствования, как собирательство, а также выявить особенности традиционных представлений, связанных с мотивами собирательства.

Для анализа привлечены фольклорные тексты, опубликованные в разных изданиях, сборниках (Калмыцкие богатырские сказки ..., 2017; Калмыцкие сказки, 1962ab; Калмыцкие сказки, 1978; Семь звезд ..., 2007; Хальмг туульс ..., 1974; Сказки народов Сибири, 1984; Сказки и предания ..., 1994; Тувинские героические ..., 1997; Тувинские народные ..., 1988, 1994ab). Этим и определяется новизна проведенного исследования. Также учитывались этнографические работы, свидетельства исследователей о традициях собирательства у калмыков и тувинцев.

Из истории хозяйства тувинцев и ойратов

В историографии имеются разные точки зрения по вопросу о датировке распространения кочевого скотоводства как хозяйственно-культурного типа в среде монгольскоязычных и тюркоязычных народов Центральной Азии. Так, на территории Алтая и приалтайских степей пастушеское скотоводство у оседлого населения, занимавшегося охотой и рыболовством, имело распространение во II — начале I тыс. до н. э., а интенсивное развитие скотоводства в кочевой форме, создавшее своеобразную культуру ранних кочевников Алтая, датируется периодом с VII в. до н. э. до I в. н. э. (Потапов, 1953: 60). Как отмечает С. И. Вайнштейн, территория Тувы, расположенная в центре Азии, входила в «область формирования культур полукочевников и кочевников как аридной зоны, так и холодного пояса Земли, именно здесь был древний очаг взаимодействия хозяйственно-культурных типов кочевых скотоводов степей и охотников-оленоводов тайги, сохранившихся до середины XX в.» (Вайнштейн, 1991: 3).

Раннюю историю монгольских племен ученые связывают с более восточными (по отношению к современному ареалу расселения) территориями, где они занимались охотой и рыболовством, а также, возможно, земледелием (Кызласов, 1992: 129–130; Дашибалов, Рассадин, 2004; Дашибалов, 2005). По мнению Л. Р. Кызласова, монгольские племена начали миграцию на запад с движением киданей; на обширной территории до Дальнего Востока в это время прослеживалось влияние культур тюркоязычных степных народов (Кызласов, 1992: 129–130). В связи с вышеизложенным распространение кочевого скотоводства в среде монгольских народов исследователи датируют второй половиной I тыс. н. э.

Известно, что ученые выделяли среди монгольских народов в начале II тыс. н. э. «степных» и «лесных» монголов. К так называемым «лесным» народам относились в «дочингисову эпоху» и ойраты. Из источников известно, что «ойраты, прежде чем стать скотоводами, долгое время были охотниками-звероловами, но в то же время “не гнушались и рыболовством”» (Санчилов, 2003: 204). Основываясь на данных археологических раскопок и их интерпретации, В. П. Санчилов, характеризуя материальную культуру ойратов XI–XIII вв., приходит к выводу, что различие в занятиях было обусловлено социальным расслоением, и если одни занимались скотоводством, то бедные слои занимались земледелием, скотоводством и домашними ремеслами (там же: 206), и только в последующий период ойраты «превратились в чистых кочевников. В конце XIV в. они уже обитают в Западной Монголии, где кочуют по Алтаю и прилегающим к нему степям и гористыми местностям. Экстенсивное скотоводство стало у них доминирующим средством существования, как и у восточных монголов» (там же: 207). Таким образом, предки современных калмыков относились к «лесным народам».

Исторические условия сложения этнических групп, ставших основой современных тувинцев, обусловили наличие разных хозяйственных занятий среди этих народов, что было связано с территорией их расселения. Так, западные тувинцы — скотоводы, а в среде восточных тувинцев было распространено оленеводство, которое сочеталось с охотой.

Таким образом, часть «лесных» народов, расселяясь в степной части, переходила к кочевому скотоводству, другие — занимались хозяйством, в котором сохранялась значительная роль охоты.

Традиции собирательства у тувинцев

Л. П. Потапов, обращаясь к термину «лесные» народы, отмечает, что, хотя термин является признаком расселения в лесистой местности, но он не дает представления о хозяйственном и бытовом облике этих народов (Потапов, 1969: 80).

Рассматривая в этой связи Алтае-Саянско-Хангайское нагорье как особую историко-этнографическую область, ученый отмечает, что в ней были расселены народы «в пограничной географической зоне между глухой горной тайгой и горными степями и полупустынями» (там же: 81).

В начале XX в. большинство тувинских хозяйств имело полунатуральный характер. Наряду с преобладающим типом хозяйства сохранялись и традиции охоты и собирательства, что определялось природными условиями и отражалось в народных знаниях. Так, у тоджинских тувинцев-чооуду зафиксированы названия месяцев, отражающих занятия охотой и собирательством: *ыдалаар ай* — охотничий месяц, когда охотятся с собаками (апрель), *пестер ай* — месяц копания кандыка (июнь), *тостар ай* — месяц сдирания бересты с берез для покрытия жилища (июль), *айнаар ай* — месяц копания сараны (август), *кульбус ай* — месяц охоты на козулю (самца, август), *тииннер ай* — месяц охоты на белку (октябрь), *алдылаар ай* — месяц охоты на соболя (октябрь); такой календарь не характерен для западных и юго-восточных тувинцев (там же: 288–289). Названия этого типа имеют сходство с названиями такого типа календаря, зафиксированного у северо-восточных тувинцев-тоджинцев, хакасов, северных и южных алтайцев¹, в котором названия месяцев имеют либо фенологическое значение (месяц кукования кукушки и т. п.), либо хозяйственное значение (время копания сараны, кандыка).

Как отмечает Л. П. Потапов, среди тувинцев «значение собирательства было чисто потребительским — пищевым и довольно ощутимым в пищевом балансе... Главнейшими дикими съедобными растениями в подтаежной и таежной зоне были корни пиона (*Peonia anomala*), клубни кандыка (*Erythronium dens canis* L.), луковицы сараны (*Lilium marthagon*) и др., в горностепных районах — живородная гречишка (*Polygonum viviparum* L.), семена которой шли для приготовления талкана, а корни (...мекир, мыйрак) — для приготовления своеобразной муки. Различные виды дикого лука и чеснока также имели широкое употребление. Продукты собирательства играли важную роль в начале весны, когда пищевые запасы были на исходе...» (Потапов, 1969: 88). Из дикоросов тувинцы использовали сарану, кандык, осоку, таволгу, бадан, кору деревьев, орехи хвойных деревьев, что запечатлено в фольклоре: «Травы осоки нарвав, отцу-матери питье он варил, коры насдирав, пищу готовил» (Тувинские народные сказки, 1994а: 127); «Пусть из таволги отравы не выйдет» (там же: 275), «Я свой бадан сварю, жажду старых моих отца-матери утолю, кору отварю, голод отца-матери утолю» (там же: 59).

В использовании тувинцами дикорастущих растений выделяются сарана и кандык, которые употреблялись в пищу, и растения, которые использовались для приготовления чая — бадан (*Bergenia crassifolia*), кипрей узколистный (из него готовили *черлик чай*), марьян корень или пион уклоняющийся (из которого готовили *шеңне чай*), болотник, кора лиственницы, плоды шиповника (Потапов, 1969: 201; Шараева, Айыжы, 2019: 153).

Различие в хозяйственно-культурном типе у представителей разных групп одного этноса определяло привязанность к привычному образу жизни, что способствовало появлению представлений о преимуществах своего образа жизни. Л. П. Потапов приводит сведения Ф. Я. Кона об имевших место случаях, когда девушки из семей скотоводов-охотников, выданные замуж за таежных охотников-олeneводо-водо, возвращались в родную семью (Потапов, 1969: 90), и данные Рашид-ад-Дина о средневековых таежных охотниках («лесных урянхатах»), среди которых возможность быть отданной замуж за скотовода представлялась своеобразной угрозой, настолько кочевой быт представлялся чужеродным: «считали “большим пороком пастьбу баранов...”» (цит. по: там же: 90).

¹ В алтайском календаре зафиксированы подобные наименования месяцев: *бессай* — время сбора кандыка (май), *ак-сип-ай* — время сбора сараны (июнь).

Традиции архаичного типа хозяйствования, как можно предположить, могут обнаруживаться в образцах фольклорных жанров, отражающих древнейшие представления о мире. Так, в тувинском сказании «Балджын Хээр» повествование начинается с восхваления богатства Алтая — сакрального центра для народов, расселившихся в его регионе. Среди богатств Алтая перечисляются молодые люди обоих полов (что связано с обеспечением богатства людских ресурсов), мудрые старейшины (что свидетельствует о продолжительности жизни в прекрасном ареале), кони (коневодство как способ хозяйствования характерно для древних тюрков), но прежде всего — самые востребованные из дикорастущих растений:

«У тебя кандык и саранка есть, мой Алтай,
У тебя юноши и девушки есть, мой Алтай,
У тебя иноходцы и скакуны есть, мой Алтай,
У тебя разумные и мудрые есть, мой Алтай!» (Сказки и предания ..., 1994: 296).

Упоминание в зачине сказания и начале стихотворного восхваления кандыка и сараны (саранки) как даров Алтая отражает архаические традиции тувинцев, связанные со значением собирательства; хотя в целом стихотворное восхваление отражает коневоодческий характер хозяйства народа, в среде которого бытовало данное сказание, названное по имени коня главного героя. В сказании точно указывается гендерное распределение хозяйственных занятий героев: занятия мужчины — охота на диких овец и оленей, занятие женщины, кроме домашней работы, — сбор даров природы (кореньев).

Герой Балгынак скачет «к пестрым вершинам своего Алтая за добычей», его сестру Алдын Гээш посылают «за кандыком и саранкой», чему, очевидно, отводится второстепенное значение. Но весь сюжет закручивается после действия, служащего инициативным — сокрытию хозяином мрачных ущелий Узээнэком от Алдын Гээш ее сумы с собранными корешками:

«Жена его послала свою золовку Алдын Гээш
За кандыком и саранкой.
Хозяин мрачных ущелий
Благородный великий Узээнэк
Был тронут красотой нежной девушки,
Увидев ее, он смутился.
Не смог удержаться
И спрятал ее суму с корешками» (там же: 297).

Следствием сокрытия хозяином ущелий корешков (то есть собранного для пропитания) становятся изгнание Алдын Гээш из родного жилища и ее страдания, прежде всего от голода («удрученная и грустная, бесцельно бродила среди пестрых вершин, одолеваемая голодом и жадой»). В итоге она «отдается хозяину ущелий», т. е. погибает.

Эпический материал дает основание для выделения архаического типа хозяйствования у тувинцев, который в текстах называется «жить пищей земли».

В тувинском героическом сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлэй» рожденные у одиноких в поколении престарелых супругов сын Боктуг и дочь Бора однажды оказываются у разоренного очага. Начало жизни героев в новом мире связывается с архаическими практиками собирательства, дарующего жизнеобеспечивающий продукт:

«[Корни] ургене, кичигене, кандык и саранку, ягоды и орехи давай будем есть ... стали жить пищей земли, чай из [травы]-шене варили и пили — [Так], оказалось, зажили. Так вот [живя], рыб-пескарей, мышей-сусликов убивать и кормиться ими решили...» (Тувинские героические ..., 1997: 307).

Здесь важно отметить, что инициатива «возвращения» к собирательской традиции исходит от девушки, что вновь подтверждает древнюю традицию занятий собирательством женщинами. И лишь затем героиня сказания, «осваивающие мир заново», то есть выступающие как культурные герои, осваивают рыболовство и начинают постепенно охотиться, после чего следует сюжет одомашнивания героями жеребенка — метафорического зарождения коневодства (там же: 309).

Примечательно в тексте сказания сопоставление людей и животного, введение жеребенка в мир людей, в культурный мир — культурными героями, сопровождающееся вкушением пищи, потребляе-

мой людьми и «подходящей» для одомашниваемого животного — это растительная пища и чай из *шене* (марьиного корня):

«Что пили — тем напоили,
Что ели — тем накормили,
И когда расчесали, пригладили, —
От них не отстают,
Следом за ними бежит» (там же: 309).

Как свидетельствуют тексты тувинских сказаний, собирательские традиции были характерны для эпохи культурных героев, «начала времен». Там же мы находим и примитивное собирательство, последующее освоение рыболовства и гендерное распределение хозяйственных занятий между мужчинами и женщинами.

Так, в одной из тувинских сказок Курбусту-хан отправляет зятьев в дальние страны за золотым маралом, на что младший из них, Хеверик, объявляет: «Коня у меня нет, ехать мне не на чем. Пойду мальков ловить да сарану собирать» (Тувинские народные сказки, 1988: 48). Супруга же его, Золотая царевна, печалится после слов мужа — «стыдно ей стало за своего мужа» (там же). Для мужчины это постыдный поступок. В аспекте же рассматриваемой нами темы значимым является следующее: герой обращается к примитивному способу хозяйствования, а также собирается заняться не мужским делом.

В сказочном сюжете уход в лес и объявление о том, что основным занятием будет являться рыболовство и собирательство, может быть рассмотрен как уход в иное состояние, иной мир. Так, в другой тувинской сказке герой Ховен-Тажы:

«переехал семь перевалов, семь рек и попал в чудесный край. Возвышается в серебряной шапке высокогорная тайга. Текут с этой горы две холодные прозрачные реки. Берега их покрыты нежной зеленой травой и сладкой ягодой, а в воде резвится рыба» (там же: 70).

Указание на удаленность в вышеприведенном тексте, как и числовая символика семерки, которая в культуре ряда тюрко-монгольских народов указывает на достаточность, могут быть рассмотрены как свидетельство пребывания героя в ином состоянии, ином мире. Об этом свидетельствует и его встреча с воскресшей девушкой Чечен-Ноган (букв. 'Вечнозеленая'), «рожденной в цветке», которую он обнаруживает на вершине высокогорной тайги в белом атласном шатре (там же).

В тувинской богатырской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» говорится, что счастье и удача героя Багай-оолу содержатся в доставшемся от родителей его одеянии, которое он носит «от рождения матерью». Наряд включает одеяние-кольчугу и золоченый убор *ова[дай]* (Тувинские народные сказки, 1994а: 73). Герой жертвует ими во благо сохранения жизни родителям, при этом теряя свою удачу. «И с той поры Хайындырынмай Багай-оолу и его отцу-матери старым туго-худо пришлось: оказалось, в одежде, в какой он ходил, и были [его] волшебства-чудеса, счастье удача» (там же: 75). Результат утраты участия-удачи понимается как попадание в архаическое состояние, когда единственным пропитанием являются продукты собирательства: «И стала чаем, что днем они пили, простая трава, а чаем, что ночью пили — [деревьев] кора» (там же).

С развитием хозяйственного типа собирательские традиции занимали все меньшую роль в тувинском обществе, что отразилось и в фольклоре, в котором собирательство увязывается с ранними временами. Недаром в одной из тувинских сказок заяц, сознаваясь в грехах, говорит: «Кроме того, что питался травой-муравой, корою деревьев да пил родниковую воду, других прегрешений я не совершал» (там же: 205).

В тувинском фольклоре сохранился также сюжет об орудии, которое использовалось для сбора кореньев, которое выступает в сказках как орудие культурного героя. В одном из вариантов сказки «Аг-Сагыш и Кара-Сагыш» братья живут подаянием, затем один предает другого, и Ак-Сагыш, оставшийся без коня и брата, приходит к верховьям реки Кара-Суг, где, спрятавшись в чуме из конских голов и коры, оказался свидетелем разговора медведя, волка, лисицы и кабана. При этом каждый из зверей похваляется своей добычей: лиса наловила много сусликов, волк полакомился скотом Караты-хана, медведь добыл много кедровых орехов, а кабан накопал много сараны при помощи особой серебряной палки (Сказки народов Сибири, 1984: 31). Это серебряной палке в реальной жизни тувинцев соответствует специальное приспособление — *озук*. По сути, это палка-копалка. Сезон добывания сараны был для тувинцев горячей порой. На него снаряжались всей семьей. По сведениям П. Е. Островских, тувинцы заготавливали по несколько пудов сараны (Островских, 1898).

В «первоначальные времена» также действуют герои богатырской сказки «Хойындырынмай Багай-оол» (Тувинские народные сказки, 1994а: 51). Значимость сараны как одного из основных продуктов собирательства отражена в имени женского персонажа, старухи Сарадай-в-саране (тув. *сараңда Са-радай*), основным занятием которой, как можно понять, являлось собирание сараны. Имя ее супруга, старика Оледея-в-осоке (тув. *өлеңде Өледей*), созвучно и ойратскому этнониму *олет* (*оледей*), однако восходит, видимо, к названию в тувинском языке осоки. Имя персонажа указывает на использование осоки в пищу тувинцами, но также может косвенно указывать на его занятия рыболовством, поскольку осока произрастает по берегам озер и рек, прудов (хотя некоторые ее виды и встречаются в степях).

Фольклорная традиция отражает также реалии хозяйства восточных тувинцев-тоджинцев, у которых собирательством обычно занимались старики, женщины и дети. Летом в тайге они собирали луковицы и корни диких растений, заготавливали их на зиму: «...Сарану копают с начала июля по ноябрь. Что особенно важно, женщину у оленеводов называли *айнаар кижжи* — “человек, собирающий сарану”» (Прокофьева, 2011: 336).

Значимость сараны (саранки) и кандыка в собирательских традициях тувинцев связана с распространенностью (произрастанием) этих растений в южной Сибири и их питательными свойствами. Так, известны пищевые свойства сараны, которую употребляют в сыром (с чаем), вареном (в том числе в виде кашеобразного супа *айлыг быдаа* из смолотой муки из сушеных луковиц), жареном, сушеном, печеном виде, а также в народной медицине. Подобным же образом используются и луковицы кандыка сибирского. Ученые описывают два основных способа сушки сараны для заготовки на зиму¹ и приводят виды дикорастущих растений, которые составляли растительную пищу тувинцев-олeneводо: *урун-ай* (белая или мелкая сарана, *Lilium Marthagon*), *кара-ай* (крупная, темноватого цвета сарана, *Polygonium viviparum*), *мыйрак* (клубни гречихи, *Polygonum viviparum*), *шеңне* (марьин корень, *Raeonia anomala*), кандык (собачий зуб, *Eritronium dens canis*), *черлик-шай* (*Geranium sylvaticum*²) и др. (Ондар, 2018: 13).

Содержательные сведения об использовании дикорастущих растений в быту тувинцев приводятся учеными при анализе типов питания тувинцев. С. И. Вайнштейн выделяет два пищевых комплекса:

- «западнотувинский» (скотоводческий) пищевой комплекс базировался на продуктах кочевого скотоводческого хозяйства, сочетавшегося с земледелием. Основой питания значительную часть года служили молочная и в меньшей мере мясная и растительная пища, а также в небольшом количестве дикорастущие. Рыба употреблялась лишь беднейшими. Подспорьем было мясо диких животных, добытых на охоте. Использовались и продукты земледелия. Определенную роль играло также собирательство (Вайнштейн, 1991: 117);
- «восточнотувинский» (охотничье-олeneводческий) комплекс, для которого характерно «питание в течение всего года преимущественно мясом диких копытных и растительной пищей, приготовленной главным образом из дикорастущих, в меньшей мере — продуктами из оленьего молока и рыбой (с весны до осени). Домашних оленей забивали редко, сохраняя их прежде всего как транспортное средство» (там же: 118–119).

Пищевой комплекс, который сохранялся и в XX в. у восточных тувинцев, как отмечал С. И. Вайнштейн, в основных чертах восходил к древним традициям питания доолeneводческого населения — пеших охотников и рыболовов горной тайги (там же: 119).

Таким образом, в тувинском фольклоре прослеживаются архаические традиции собирательства, которые в текстах связываются с примитивным состоянием общества (соответственно прослеживаются представления о преимуществах более развитого типа хозяйствования) и деятельностью персонажа, отличающегося чертами, сходными с чертами культурного героя. Собирательский труд связывается с женскими персонажами, и занятие сбором растений мужчинами порицается либо осуществляется в особых ситуациях. В поздние времена собирательство было занятием беднейшего населения.

¹ Первый способ: «луковицы мелко нарезали и сушили в течение дня на солнце, разложив на полосах бересты или в берестяном корыте». Второй способ, который применяли реже: «луковицы высушивали на специальном сооружении — аьрга, под которым близ чума разводили небольшой костер. Если шел дождь, то сушили над очагом в чуме» (Ондар, 2018: 13–14).

² В работе А. У. Ондар дается это латинское название, обозначающее герань лесную. В статье Т. И. Шаровой и Е. В. Айыжы отмечается, что название черлик-шай переводится буквально «дикий чай», его варят из кипрея узколистного (иван-чая), а также даны сведения о других видах чая (Шарова, Айыжы, 2019: 145).

Традиции собирательства у калмыков

Собирательство у калмыков мало изучено, так как основное внимание уделялось исследованию традиционных видов хозяйствования — скотоводству и земледелию. По утверждению У. Э. Эрдниева, растительная пища «не играла существенной роли в питании калмыков» (Эрдниев, 1970: 172). Большую часть времени женщины занимались уходом за скотом, переработкой продуктов животноводства.

В пищевом комплексе калмыков, у которых до начала XX в. основным занятием являлось кочевое скотоводство, также использовались (в основном в зимнее время) дикорастущие растения: дикий лук, осотняк, дикое просо, корень осоки, дикий орех и водяной орех. Собирательство этих растений было освоено калмыками в природных условиях Прикаспия (Калмыки, 2010: 199). Но в целом система питания оставалась характерной для скотоводов. Недостаток растительной пищи в рационе порой приводил к развитию таких болезней, как цинга и рахит (там же).

В числе пищевых предпочтений особое место в калмыцкой кухне занимал чай. Но так как кирпичный чай привозили в калмыцкие улусы из Китая, он был довольно дорогим напитком, и беднейшие слои населения употребляли его заменители — дикорастущие растения: *хургн чикн* — ‘конский щавель’ (*Rumex acutus*), *бөөлжрлһн* — ‘ежевика’ (*Rubus fruticosus*). Эти корни, писал П. И. Небольсин, «калмыки, не тратясь излишне на покупку кирпичного чая, собирают летом» (Небольсин, 1852: 49). Для заваривания чая использовали также собранную в степи «на тощих местах траву малого солодкового дерева с гладкими листьями» (Паллас, 1773: 472). Как пишет В. Н. Корниевский, за недостатком средств калмыкам приходилось добавлять эти травы в чай, которые отчасти заменяли заварку: «тут уже всякая труха годится... все это добрая хозяйка высушит, да и сыплет не жалеючи в котелок, благо — не купленное» (Корниевский, 2017: 83).

Повсеместно калмыцкие женщины собирали *суркул* — ‘дикое просо’ в специальные кожаные мешки, после выколачивания палками зерна поджаривали, смешивали с бараньим жиром или маслом, сбитым из коровьего молока, и употребляли в пищу либо с маслом или бараньим салом, или вместе с сушеным сыром *шүүрмг*, либо заваривая *будан* (кашеобразный суп) (Небольсин, 1852: 50).

Калмыки, поселившиеся в Мочагах, собирали водяной орех (чили́м, *Tupa natans*) и дикий («свиной») орех, называемый по-калмыцки *бодмонцк*. Их выкапывали на займищах, сушили и готовили на огне. На займищах в августе-сентябре также собирали корешки *алцнхут* — ‘осоки’ (*Cyperus*), из которых готовили лакомство для детей. После растирания в ступе и смешивания с кирпичным чаем из него готовили тесто и запекали его в горячей золе: «...кушанье это так вкусно, что от него ни один калмык не откажется» (там же).

Использовали калмыки в еду и собранный в степи *жаһамул* — ‘дикий лук’, который употребляли с мясом в супе. В одной из калмыцких загадок упоминается это растение: *Эддрхна цаад бийд эрэ холта жаһамул* — ‘На той стороне Астрахани дикий лук с маленьким зеленым стебельком’ (Отгадка: *хоолын күүкн* — ‘язычок мягкого неба’) (Калмыцко-русский словарь, 1977: 223). *Жаһамул* — ‘дикий лук’ опосредованно отражен в калмыцкой народной песне «*Жаһамул үстә*» (‘С прической, похожей на дикий лук’): «Жомбан Манж цокдг билә, Жаһамл үстәнь биилдг билә» (букв. ‘Джомбан Манджи играл на домбре, а тот, с прической в виде пучка (похожего на *жаһамул*), танцевал’).

Перечисленные сведения относятся к пребыванию калмыков в приволжских степях. Необходимо учитывать также, что в прошлом для культуры этнических предков калмыков — ойратов — были характерны традиции, свойственные «лесным» народам. Но хозяйственный тип, имевший распространение у ойратов, был сходным со скотоводческим тувинским, в котором в меньшей степени сохранялись традиции собирательства.

Во время путешествия в 1876–1877 гг. Г. Н. Потанин отмечал, что монголы употребляли зерна диких растений: кумарчика песчаного или колючего (*Agriophyllum arenarium*), мари остистой (*Teloxys aristata*), которую в народе называют перекасти-поле. В горах добывали корень горца живородящего (*Polygonum viviparum*), который, по свидетельству Г. Н. Потанина, монголы называли мякир, он похож на лещинный орех с ароматом розовых лепестков. Корень мякира был покрыт тонкими волосовидными корешочками, их долго вываривали, вытаскивали из котла и промывали «до семи раз в холодной воде» и протирали, чтобы уменьшить количество волосков, затем продолжали варку в молоке. По вкусу он напоминал горошек или кукурузу и служил приправой к мясному супу (Потанин, 1881: 113). Калмыки тоже использовали эти растения в пищу.

У калмыков факт использования зерен кумарчика запечатлен в фольклоре. В легенде «Брат орла» повествуется о том, как калмык гнал отару овец и не мог найти ни травинки для скота. Вот и последняя

овца пала от голода, сам Бадма впал в забытие. И видится ему птица, говорящая ему человеческим голосом: «Там, за песчаной грядой... есть земля с пышными травами... Ты собирай траву кумарчик и выбивай из нее семена. Толки зерна и вари кашу, пышки пеки. Кумарчик — трава вкуснее риса» (*Семь звезд ...*, 2007: 233–234). Это и спасло его от голода.

В целом, как мы уже упоминали, сведения о собирательских традициях в калмыцком фольклоре довольно редки. Но, поскольку, как и у других народов, сбор трав для лечения был одним из традиционных видов собирательства и с давних пор травы в виде отваров и различных снадобий использовались в лечении болезней, в калмыцких сказках зачастую встречаются именно такие свидетельства. Так, в сказке «Эркэ Билдр залу» главный герой падает в пропасть. Придя в сознание, он видит, как к нему прибегает мышь. «Когда человек слаб, то и мышь чувствует свое превосходство», — подумал мужчина и ударяет мышку. И вдруг он видит, как раненая мышь оживает себя: приносит траву и съедает ее. По примеру мыши Эркя Билдер тоже использует траву и оживает (*Хальмг туульс*, 1974: 24). Об этой чудесной траве упоминается и в сказке «Субсутай». В ней герой, также глядя на поведение мыши, исцеляющей себя с помощью травы, решает испробовать это же средство, чтобы воскресить убитых. Он нарвал траву, сварил в котле и стал вливать отвар в рот каждому мертвецу (*Калмыцкие сказки*, 1962b: 15).

О сборе трав для исцеления упоминается и в калмыцкой легенде «Нугра»: «С самого раннего утра, когда степь оглашается звонкой трелью жаворонков, и до позднего вечера ходили они [старая Булгун и ее дочь] по степи, собирая целебные травы... До поздней зари колдовала она над кипящим котлом, готовила какие-то снадобья, настаивала травы, бормоча что-то, ей только известное» (*Семь звезд ...*, 2007: 223).

Для лечения зрения использовали калмыки терн (*Prunus spinosa*) — небольшой колючий кустарник, растущий густыми зарослями в степи. Так, в сказке «Богатырь Шарада» главный герой собирает терн, растирает листья его и прикладывает к глазам для того, чтобы лучше видеть (*Калмыцкие сказки*, 1962a: 168).

Вместе с тем в фольклоре также можно найти отдельные свидетельства, относящиеся к древним занятиям их предков собирательством и представлениям об этом архаическом занятии.

В сказке «Три брата» прослеживаются разнообразные действия, в ней содержатся элементы богатырской сказки, волшебной и бытовой, а наличие способности жеребиться трижды в день у действующего персонажа — единственной у старика и старухи бурой кобылицы — является характерным для мифологических сюжетов. В сказке спасенная желтой собакой от нерадивых хозяев кобылица бежит непонятно куда из места прежнего пребывания, спасает трех новорожденных мальчиков в стране грозного хана и попадает в большой дремучий лес, где строит себе жилье из травы и выкармливает детей своим молоком, одаривает мальчиков табунами лошадей и лишь затем превращается в облако, кричит по-лебединому и улетает. Последующие действия сюжета посвящены поискам младшим из трех сыновей кобылицы — Кокодей Мудрым — жен для себя и братьев, зависти старших братьев и расправе их с ним. Сюжетная линия развивается следующим образом: братья ставят Кокодэ Мудрому «травяную кибитку» и оставляют его, лишившегося ног из-за их козней, там, а сами откочевывают со скотом (*Калмыцкие сказки*, 1978: 90). Затем Кокодэ Мудрый встречает слепого и безрукого, они поселяются вместе, добывают себе жену — дочь Хормусты, занимаются все вместе охотой, спасают дочь Хормусты от мусов и излечиваются, а после Кокодэ Мудрый возвращает себе суженую и хозяйство (там же: 89–102). «Травяная кибитка» упоминается и в калмыцкой сказке «Старик сам в четверть, а борода в три четверти», в тексте которой говорится, что старики живут в «травяной кибитке» (там же: 47).

Образ так называемой «травяной кибитки» сопровождает тему бедного и примитивного существования, заброшенности.

В калмыцкой богатырской сказке «Вороного с лысиной коня имеющий Хадыр Хара Авги Хан Сенаки» богатырь Хан Сенаки одерживает победу и женится на суженой, но остается в облике паршивца, а супруга его уговаривает обрести его облик (*Калмыцкие богатырские сказки ...*, 2017: 419). Примечательно, что пребывание их в таком состоянии приводит к изгнанию из общества и сопровождается ограниченностью пищи, отсутствием молока для варки чая и иных продуктов для еды: «два старших зятя явились рассерженные. — Стыдно перед людьми, в безводную степь, в безлюдную пустыню отвезите их и оставьте, избавьте нас от них, — сказали. В безлюдную пустыню, в безводную степь отвезли их, оставили. Так они и жили там. Девушка всё твердила: — Почему в таком облике

пребываете? Примите свой прежний облик. — А в каком облике я пребываю, это мой истинный облик, и родители у меня такие... — отвечал он ей» (там же: 419). Превращение паршивого мальчика обратно в богатыря происходит после вкушения появившейся волшебным образом пищи, так как «истинному облику» паршивца, характеризующему его пребывание в изначальном состоянии, присущи бедность и скудость в питании:

«Свари немного чая. — Из чего сварить? Чтобы сварить, чая нет ведь у нас, чтобы испечь, муки ведь нет у нас, — ответила [жена]. — Хотя бы воду вскипяти, — сказал он. — Вы же не больны, как можно воду пить? — Пусть не кипятком, и тёплая согдится» (там же: 421).

Типологически сходный мотив изоляции и питания продуктами собирательства присутствует и в калмыцкой сказке «Долан һуульһнч» ('Семь попрошаек'). Калмыцкий хан спорит с ханом Гаруди и, не найдя достойного жениха для дочери, поселяет ее в изоляции «за морем». И хотя в тексте говорится, что хан «поставил дом, обеспечил едой и держал ту свою дочь, пока не исполнилось ей пятнадцать-шестнадцать лет», но указывается, что «никто не присматривал за ней». Предсказание Бурхана Багши о том, что девушка выйдет замуж за одного из семи попрошаек, сбывается. Девушка жила в безлюдном месте, где с помощью хана Гаруди оказался юноша — один из семи попрошаек. Он женился на девушке (Хальмг туульс, 1974: 199–201).

Попрошайничество в калмыцкой сказке косвенно сопоставляется с собирательством: именно им занимаются семь попрошаек, когда один из них попадаете Гаруди. Пребывание за морем в безлюдном месте можно сопоставить с пребыванием героев сказки в изначальном мире, а наличие парши у юноши на голове — с мифологическим образом тархи-паршивца, который появляется после инициации в мире.

Таким образом, в калмыцких фольклорных текстах обнаруживается типологический сюжет о пребывании в архаическом состоянии, в изначальном мире, для которого характерны скудность пропитания, «травяная кибитка», отверженное состояние, непризнание обществом — и герои в этом мире добывают пропитание, лишь затем обретая хозяйство как у других людей. Преодоление границы между этим миром и обществом, в котором занимаются скотоводством, в сказках завершается утверждением об обретении счастья и богатства героями.

Заключение

Анализ фольклорных текстов тувинцев и калмыков показывает наличие общих типологически сходных черт в отражении традиций собирательства. Это прежде всего описания, связанные с пребыванием в особом, изначальном мире, который характеризуется как мир, не принимаемый основным сообществом, как чужеродный в силу своей архаичности и примитивности, а также понимаемый как мир бедности. Богатство в фольклорных текстах, содержащих материалы о примитивных занятиях охотой и собирательством, связывается с появлением одомашненных животных, что, несомненно, является влиянием ценностей культуры калмыков и тувинцев, образцы фольклора которого рассмотрены в статье.

Как и в тувинской культуре, у калмыков исследователями зафиксированы представления о преимущество образа жизни групп с различными хозяйственно-культурными типами и их вариантами. Так, широко известно свидетельство У. Д. Душана (Душан, 1973: 45), о котором Т. И. Шараева пишет: «У. Д. Душаном был зафиксирован в начале XX века образец фольклора, в котором мать выходящей замуж девушки переживает не только об ее будущей жизни, но и питании дочери в новой семье с непривычным укладом: “Милая моя, ты выросшая, питаюсь привычным тебе мясом белуги и осетра, ты будешь теперь питаться этим невкусным, водянистым мясом барана. Ты, привыкшая сидеть на корме лодки и направлять ее рулем куда захочешь, теперь будешь управлять головой двухмачтового (верблюда)”» (Шараева, 2019: 144). Такая привязанность к собственному образу жизни, присущая даже для разных групп одного народа со сходным типом хозяйства, объясняет устойчивость традиций и неприятие иных, воспринимаемых как чужеродные, традиций. В соответствии с типологическим противопоставлением «своего» и «чужого» объясняется и сложившееся на протяжении веков в фольклоре представление об архаичности, примитивности и бедности людей, занимающихся охотой и собирательством.

В целом можно отметить, что в калмыцких текстах несравнимо в меньшей степени, чем в тувинских, отражены традиции собирательства. Кроме того, нам не встретились в них упоминания кон-

кретных продуктов собирательства — в отличие от сараны и кандыка, которые являлись в прошлом основными дикоросами, использовавшимися «лесными» народами южной Сибири и которые зафиксированы в целом ряде тувинских текстов.

Исследование фольклорных текстов в избранном нами аспекте перспективно: во-первых, необходимо привлечь к анализу более широкий спектр текстов и источников, во-вторых, важны отдельные исследования, посвященные теме народных знаний и различных традиций в тувинском и калмыцком фольклоре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Дашибалов, Б. Б., Рассадин, В. И. (2004) Откуда вышли предки монголов? // Восточная коллекция. Зима. № 4 (19). С. 34–41.
- Дашибалов, Б. Б. (2005) На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 202 с.
- Душан, У. Д. (1973) Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. № 3 / ред. Н. Ш. Ташнинов. Элиста : Калмыцкий НИИЯЛИ. 229 с. С. 31–107.
- Калмыки (2010) / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 567 с.
- Калмыцкие богатырские сказки = Хальмг баатрлг туульс (2017) / подг. текстов, перелож., пер. Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой. М. : Калмыцкий науч. центр РАН. 560 с.
- Калмыцкие сказки (1962а) / под ред. И. К. Илишкина и У. У. Очирова. Элиста : Калмгосиздат. 331 с.
- Калмыцкие сказки (1962б) / сост. и предисл. Б. Джибинова. Элиста : Калмгосиздат. 183 с.
- Калмыцкие сказки (1978) / пер. с калм. Элиста : Калм. кн. изд-во. 148 с.
- Калмыцко-русский словарь (1977) / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Русский язык. 768 с.
- Корниевский, В. Н. (2017) Калмыки Донской области, Астраханской и Ставропольской губернии. Элиста : КалмНЦ РАН. 85 с.
- Кызласов, Л. Р. (1992) Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск : Изд-во Красноярского университета. 224 с.
- Небольсин, П. И. (1852) Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. : Тип. К. Крайя. 192 с.
- Неклюдов, С. Ю. (1988) Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира : в 2 т. / глав. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия. Т. 2. 671 с. С. 247–248.
- Ондар, А. У. (2018) Система питания тувинцев-тоджинцев // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы V-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Тувинский госуниверситет. 235 с. С. 12–15.
- Островских, П. Е. (1898) Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия ИРГО. Т. XXXIV. Вып. IV. С. 424–432.
- Паллас, П.-С. (1773) Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб. : Имп. Академии наук. 455 с.
- Потанин, Г. Н. (1881) Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. Материалы этнографические. СПб. : Тип. В. Киршбаума. 182, 87 с.
- Потапов, Л. П. (1953) Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 445 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 535 с.
- Санчилов, В. П. (2003) О материальной культуре ойратов XIII–XVII веков // Монголоведение. № 2 (1). С. 203–210.
- Семь звезд: калмыцкие легенды и предания (2007) / сост. Д. Э. Басаев. 2-е изд. Элиста : Калм. кн. изд-во. 415 с.
- Сказки и предания алтайских тувинцев (1994) / собраны Э. Таубе. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 382 с.
- Сказки народов Сибири (1984) / перев. А. Л. Гарф и др. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство. 43 с.
- Тувинские героические сказания. Хунан-Кара. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлэй (1997) / сост. С. В. Орус-оол. Новосибирск: Наука. 584 с.
- Тувинские народные сказки (1988) / пересказ и обраб. М. Хадаханэ. М. : Детская литература. 111 с.

- Тувинские народные сказки (1994а) / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука. 460 с.
- Тувинские народные сказки (1994b) / отв. ред. В. М. Гацак. Новосибирск : Наука. 460 с.
- Хальмг туульс [Калмыцкие сказки] (1974) / Барт белдснь Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста : КНИИЯЛИ. 4-гч боть. 274 с. (На калм. яз.).
- Шараева, Т. И. (2019) «И откуда Ваши сваты?» (реалии и ментальные образы пространства в свадебном обряде калмыков) // Новые исследования Тувы. № 3. 135–148. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.11>
- Шараева, Т. И., Айыжы, Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 140–153. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>
- Эрдниева, У. Э. (1970) Калмыки (конец XIX — начало XX в.): историко-этнографические очерки. Элиста : Калм-издат. 307 с.

Дата поступления: 12.10.2020 г.

REFERENCES

- Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).
- Dashibalov, B. B. and Rassadin, V. I. (2004) Otkuda vyshli predki mongolov? [Where did the ancestors of the Mongols come from?]. *Vostochnaia kolleksiia*, Zima, no. 4 (19), pp. 34–41. (In Russ.).
- Dashibalov, B. B. (2005) *Na mongolo-tiurkskom pogranch'e (Etnokul'turnye protsessy v Iugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka) [On the Mongol-Turkic border: Ethnocultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle ages]*. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN. 202 p. (In Russ.).
- Dushan, U. D. (1973) Istoriko-etnograficheskie zametki ob Erketenevskom uluse Kalmytskoi ASSR [Historical and ethnographic notes on ulus Erlenescar, Kalmyk ASSR]. In: *Etnograficheskie vesti*, no. 3. / ed. by N. Sh. Tashninov. Elista, Kalmytskii NIIaLI. 229 p. Pp. 31–107. (In Russ.).
- Kalmyki [The Kalmyks]* (2010). Ed. by E. P. Bakaeva and N. L. Zhukovskaya. Moscow, Nauka. 568 p. (In Russ.).
- Kalmytskie bogatyrskie skazki = Khal'mg baatrlg tuul's [The Kalmyk heroic tales] (2017) / prep., transl. by B. B. Mandzhieva, T. A. Mikhaleva and Ts. B. Seleeva. Moscow, Kalmytskii nauch. tsentr RAN. 560 p. (In Russ. and Kalm.).
- Kalmytskie skazki [Kalmyk fairy tales]* (1962a) / ed. by I. K. Ilshkin and U. U. Ochirov. Elista, Kalmgosizdat. 331 p. (In Russ.).
- Kalmytskie skazki [Kalmyk fairy tales]* (1962b) / comp. by B. Dzhibinov. Elista, Kalmgosizdat. 183 p. (In Russ.).
- Kalmytskie skazki [Kalmyk fairy tales]* (1978) / transl. from Kalm. Elista, Kalm. kn. izd-vo. 148 p. (In Russ.).
- Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary]* (1977) / ed. by B. D. Muniea. Moscow, Russkii yazyk Publ. 764 p. (In Russ.).
- Kornievskii, V. N. (2017) *Kalmyki Donskoi oblasti, Astrakhanskoi i Stavropol'skoi gubernii [Kalmyks of the Don region, Astrakhan and Stavropol governorates]*. Elista, KalmNTs RAN. 85 p. (In Russ.).
- Kyzlasov, L. R. (1992) *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noi Azii [Essays on the history of Siberia and Central Asia]*. Krasnoarsk, Izd-vo Krasnoarskogo universiteta. 224 p. (In Russ.).
- Nebol'sin, P. I. (1852) *Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa [Essays on the life of the Kalmyks in Khoshoutovsky ulus]*. St. Petersburg, Tip. K. Kraiia. 192 p. (In Russ.).
- Nekliudov, S. Yu. (1988) Oirat-kalmytskaia mifologiya [Oirat-Kalmyk mythology]. In: *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*: in 2 vol. / ed. by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediya. Vol. 2. 671 p. Pp. 247–248. (In Russ.).
- Ondar, A. U. (2018) Sistema pitaniia tuvintsev-todzhintsev [The diet of Tozhu Tuvans] In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altaiia [Urgent issues of research in ethnoecological and ethnocultural traditions of the Sayan-Altai peoples]*. Materials of the V-th international scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvinskii gosuniversitet. 235 p. Pp. 12–15. (In Russ.).
- Ostrovskikh, P. E. (1898) Kratkii otchet o poezdke v Todzhinskii khoshun Uriankhaiskoi zemli [Brief report on a trip to the Tozhu khoshun of Uriankhai territory]. *Izvestiia IRGO*, vol. XXXIV. Issue IV. Pp. 424–432. (In Russ.).
- Pallas, P. S. (1773) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii [A journey through various provinces of the Russian Empire]* : in 3 vols. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. Vol. 1. 455 p. (In Russ.).
- Potanin, G. N. (1881) *Ocherki Severo-Khapadnoi Mongolii [Essays On Northwestern Mongolia]*. Vol. 2. Materialy etnograficheskie [Ethnographic materials]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma. 182, 87 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1953) *Ocherki po istorii altaitsev [Essays on the history of the Altai people]*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 445 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Sanchirov, V. P. (2003) O material'noi kul'ture oiratov XIII–XVII vekov [On the material culture of the Oirats in the 13th – 17th centuries]. *Mongolovedenie*, no. 2 (1), pp. 203–210. (In Russ.).

Sem' zvezd: kalmytskie legendy i predaniia [Seven stars: Kalmyk legends and traditions] (2007) / comp. by D. E. Basaev. 2nd ed. Elista, Kalm. kn. izd-vo. 415 p. (In Russ.).

Skazki i predaniia altaiskikh tuvintsev [Fairy tales and legends of the Altaian Tuvans] (1994). Comp. by E. Taube. Moscow, Vostochnaya Literatura. 410 p. (In Russ.).

Skazki narodov Sibiri [Tales of the peoples of Siberia] (1984) / transl. by A. L. Garf et al. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 43 p. (In Russ.).

Tuvinskie geroicheskie skazaniya [Tuvan heroic tales] (1997) / comp. by S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka. 584 p. (In Russ.).

Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales] (1988) / retelling and processing by M. Khadakhane. Moscow, Detskaia literatura. 111 p. (In Russ.).

Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales] (1994a) / comp. by Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka. 460 p. (In Russ.).

Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales] (1994b). Ed. by V. M. Gatsak. Novosibirsk, Nauka. 460 p. (In Russ.).

Khal'mg tuul's [Kalmyk fairy tales] (1974) / Bart belsdn' B. B. Okonov, E. D. Muchkinova. Elista, KNIIIaLI. 4-gch bot'. 274 p. (In Kalm.).

Sharaeva, T. I. (2019) «I otkuda Vashi svaty?» (realii i mental'nye obrazy prostranstva v svadebnom obriade kalmykov) [‘So where are your in-laws from?’: Realities and mental images within the space of Kalmyk wedding rites]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 135–148. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.11>

Sharaeva, T. I. and Aiyzhy, E. V. (2019) Chai v traditsionnoi kul'ture kalmykov i tuvintsev [Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Erdniev, U. E. (1970) *Kalmyki (konets XIX — nachalo XX v.): istoriko-etnografieskie ocherki [Kalmyks (late 19th — early 20th centuries): historical and ethnographic essays]*. Elista, Kalmizdat. 307 p. (In Russ.).

Submission date: 12.10.2020.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редактор переводов: *В. С. Макаров*.

№ 4, 2020

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/48>

Для иллюстрации обложки использована фотография
Чимизы Ламажаа (Россия)

Подписано к публикации 30.11.2020 г.

Объем - 37,75 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия,
ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru